

В монографии освещены теоретические вопросы грамматики и текста. Установлены классификационные типологии концептов, квалификационные признаки билингвизма, обозначены актуальные проблемы современной грамматики языка и текста, выяснены структура и инвентарь украинских предлогов и частиц, рассмотрена функционально-лексикографическая грамматика служебности, определены и классифицированы структурные и семантические разновидности украинских синтаксических инноваций, впервые аргументировано типологию украинских сложных синтаксических конструкций, охарактеризованы современные синтаксические теории, освещены ключевые проблемы лингвистики текста, дискурсологии, прикладной лингвистики и т.д. Монография основана на статьях автора, опубликованных в разные годы по актуальным вопросам лингвистики. Издание адресовано широкому кругу лингвистов – научным работникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, учителям-словесникам, всем, кто интересуется вопросами родного языка.

Теория грамматических структур

Анатолий Загнитко

Теория грамматических и текстовых структур

Анатолий Загнитко – д-р филол. наук, проф., чл.-кор. НАН Украины, зав. каф. общего и прикладного языкознания и славянской филологии ДонНУ им. Василя Стуса, глав. н. с. Украинского языково-информационного фонда НАН Украины. Научные интересы – теоретическая и контрастная грамматика, прикладная, функциональная, коммуникативная и когнитивная лингвистика

978-613-9-89847-3

Загнитко

LAP LAMBERT
Academic Publishing

Анатолий Загнитко

Теория грамматических и текстовых структур

Анатолий Загнитко

**Теория грамматических и
текстовых структур**

LAP LAMBERT Academic Publishing RU

Imprint

Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:

LAP LAMBERT Academic Publishing

is a trademark of

International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group

17 Meldrum Street, Beau Bassin 71504, Mauritius

Printed at: see last page

ISBN: 978-613-9-89847-3

Copyright © Анатолий Загнитко

Copyright © 2018 International Book Market Service Ltd., member of
OmniScriptum Publishing Group

All rights reserved. Beau Bassin 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.....	9
I.2. Языковая ситуация ↔ социолингвистический портрет: структурно- и функционально-типологические проявления.....	9
I.1. Классификационные типологии концептов	33
I.3. Квалификационные и классификационные признаки билингвизма: аспекты, разновидности, методы.....	60
РАЗДЕЛ II. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ	97
II.1. Актуальные проблемы современной грамматики.....	97
II.2. Концептуальные основы теоретической грамматики Ивана Выхованца	106
II.3. Концептуальные постулаты функциональной коммуникативности проф. М.В. Всеволодовой.....	115
РАЗДЕЛ III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИИ	127
III.1. Морфологическая и семантическая структура категории залога и поля залоговости.....	127
III.2. Предлоги в структуре текста: первичные и вторичные проявления	157
III.3. Частицы в системе служебных частей речи: типологическое и лексикографическое проявления.....	198
III.4. Функционально-лексикографическая грамматика служебности.....	231
III.5. Установление функциональной характерологии и парадигматически-синтагматического проявления частиц в экспериментальном исследовательском лингвистическом корпусе служебности	267

III.6. Типология категориальной семантики несклоняемых существительных.....	305
---	-----

РАЗДЕЛ IV. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА.....333

IV.1. Коммуникативно-эстетические преобразования украинского предложения в художественном стиле (би- и полифуркация, парцелляция, сегментация, открытые и закрытые предложения).....	333
IV.2. Структурные и семантические разновидности украинских синтаксических инноваций.....	348
IV.3. Типология украинских сложных синтаксических конструкций.....	374
IV.4. Эквиваленты предложения: статус, объем и функциональная типология.....	399
IV.5. The Functionality in the Syntax: the Peculiarities of the Analysis.....	434
IV.6. Современные синтаксические теории: классификационное и квалификационное измерение.....	454

РАЗДЕЛ V. ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА, ДИСКУРСОЛОГИИ, ДИСКУРС-АНАЛИЗА.....485

V.1. Импликация как тип внутритекстовой организации.....	485
V.2. Актуализационность во внутритекстовой структуре: типологический и уровневый аспекты.....	493
V.3. Языково-образное и поэтически-символьное измерения художественного текста.....	510
V.4. Синтаксические константы художественной речи Тараса Шевченко: интерпретация в функционально-когнитивной научной лингвопарадигме.....	526
V.5. Типологические функции адресата и адресанта в структуре гипертекста.....	543

V.6. Синтаксический макромир Василия Стуса	556
ПОСЛЕСЛОВИЕ	569
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	573
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	617
Художественные и публицистические тексты.....	617
Лексикографические источники	633

ПРЕДИСЛОВИЕ

В любой период развития лингвистики особый статус принадлежит грамматике в силу ее ядровости. Современная грамматика является многомерной, многоаспектной, многоплоскостной. В широком смысле грамматика охватывает весь языковой корпус, в узком – отождествляется с морфологическим, синтаксическим и словообразовательным строем. В монографии предложен ряд исследований по актуальным вопросам современного таксиса – теории и практики, теории грамматики и общих проблем грамматики. В то же время внимание сконцентрировано на изучении морфологической и семантической структуры категории состояния и функционально-семантического поля залоговости, а также прослежено основной инвентарь и структуру украинской предлогов с проявлением текстовой парадигматики первичных и вторичных предлогов. В этом разрезе достаточно основательно раскрыт статус частиц в системе служебных частей речи и впервые охарактеризована функционально-лексикографическая грамматика служебности, определены функциональная характерология и парадигмально-синтагмальное измерение частиц в экспериментальном исследовательском корпусе служебности. К тому же прокомментированы основные типы полей в структуре баз данных современных частиц.

В общих вопросах синтаксиса особое внимание уделено анализу коммуникативно-эстетических преобразований украинского предложения в художественном стиле с дифференцированием структурных и семантических разновидностей украинских синтаксических инноваций. Вопросы теории и практики сложных предложений раскрыто в направлении прослеживания типологии украинских сложных синтаксических конструкций. Анализ эквивалентности

предложения прокомментировано через проявление их структурных и семантических разновидностей, выяснением их статуса, емкости и функционального объема. Не менее значимым выступает обширный комментарий функциональности в синтаксисе и раскрытие особенностей семантического согласования в словосочетании, предложении. Усиливает исследование прикладных вопросов синтаксиса квалификация и классификация современных синтаксических теорий, закономерности же тема-рематического членения предложения и текста охарактеризованы в разрезе установления закономерностей градуировки темы и ремы в предложении и тексте с последовательным дифференцированием закономерностей молекулярности ремы и атомарности темы.

Грамматика – словно водопад, в котором излучаются и играют всевозможными красками особенности языкового строя и одновременно прослеживаются знаковые величины теоретического осмысления такого порядка. Грамматика наработала разнообразные плоскости категориального аппарата с их внутренним дифференцированием на соответственные классы частей речи. Особенностью таких категорий выступает их активное участие во внутреннем структурировании частей речи и внешней их характеристике. Последнее делает возможным проявление различных плоскостей категориального / межкатегориального взаимодействия – внутренние особенности (категории рода, числа и падежа существительных; категории времени, лица и вида у глагола и т.п.), межкатегориальные (категории рода у существительных, прилагательных, местоимений; категории лица у существительных, глаголов и т.п.); их взаимодействие (род и число существительных; род и падеж существительных; число и падеж существительных, время и вид глагола и т.п.);

взаимовлияния (категория рода существительных и категория падежа существительных; категория времени и категория лица глаголов); взаимообусловленности (категория рода и категории числа прилагательных и др.) (см.: Загнітко А.П. Теоретична граматика сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис : монографія / Анатолій Панасович Загнітко. – Донецьк: ТОВ «ВКФ «БАО», 2011. – 992 с.). В чем подобный спектр проблем легко прослеживается в синтаксисе, где, с одной стороны, морфологические категории полностью реализуют потенциал своих составляющих – форм, создают целостные функционально-семантические парадигмы, с другой, синтаксические единицы в своих многоаспектных измерениях характеризуются соответствующими категориями. Каждая из категорий (категория синтаксической связи, категория члена предложения и под.) имеет свои особенности проявления и одновременно активно взаимодействует с другими для формирования целостных синтаксических единиц – словосочетаний, предложений и текста. В монографии предложено рассмотрение актуальных вопросов современной теории грамматики и текста. Вне сомнения, толкование текста, его структурных и семантических компонентов должно исходить из обеих целостности текста, его соотношения с другими однородными и неоднородными величинами, учитывать особенности его создания, т.е. текстуалитет – комплекс социально-исторических и культурно-эстетических условий, обусловивших и его создание, и имеющуюся интерпретацию автором тех или других событий. Модальность текста начинается с той точки, когда впервые автор задумался над его созданием – слово, идея, замысел и проч.

Современное грамматическое поле любого национального языка объединяет и аккумулялирует в себе все исторические

изменения, происходившие и в не далеком прошлом, и в отдаленные времена. Видение морфологической или синтаксической формы всегда осложнено наличием памяти такой формы, умением прочесть эту память.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

1.2. Языковая ситуация ↔ социолингвистический портрет: структурно- и функционально-типологические проявления

В современной лингвистике статус социолингвистики, которая в течение XX века и начала XXI века приобрела особое развитие, ее значимость в изучении языка и общества, направления установления их соотношения трудно переоценить. Последнее мотивируется, вне всякого сомнения, особой нагрузкой языка в формировании общества, его структуризации (ср. тезис о социальной дифференциации языка [245; 265]), возникновении условных социальных групп (по возрасту, уровню образования, территории, специальности и т.д.) и последовательном существовании этих относительно устойчивых социальных групп. Все такие и подобные изучения, их активное углубление обусловили необходимость создания и упрочения нового исследовательского аппарата (см. : [148, с. 139 – 155]), применение интегрированных методов, приемов и методик социальных, общественных и лингвистических исследований для рассмотрения и изучения типичных ситуаций речевого общения (особенно активно нарабатываемые в периоды видоизменения карты государственно-территориальных образований), что сделает возможным наработки особого типа грамматик – ситуативных.

Распространенными и активно применяемыми в социолингвистических исследованиях выступают понятия "*языковой ситуации*" и понятие "*социолингвистического портрета*". Их применение нельзя считать полностью нормированным, так как в ряде исследований можно встретить и их синонимичное толкование (см., например, известный научно-исследовательский проект Института языкознания РАН «Языки

России: социолингвистический портрет (рук. В. Михальченко), выполняемых в рамках научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям;; «Социолингвистический портрет региона: программа и методика (на примере пограничного северного региона (здесь имеется в виду, прежде всего, Баренцевый регион – А.З.)) (рук. А. Иванищева), обрабатываемых в Мурманском государственном педагогическом университете, где основными (ключевыми) словами являются: социолингвистический портрет, социолингвистические разнообразия, коммуникативная ситуация, языковая ситуация)); и языковая ситуация в современной Европе, языковая ситуация в Беларуси (Ю. Коряков), языковая ситуация в Норвегии (Д. Ловерманн), языковая ситуация в Индии, языковая ситуация во Франции (Жак Ланг)); иногда к понятию "языковая ситуация" добавляют атрибуты-квалификаторы типа *уникальная, оригинальная, многомерная (уникальная языковая ситуация в Украине* (В. Алексеев) и др.); и их последовательную дифференциацию, где социолингвистический портрет истолковывают как совокупность речевых ситуаций (Д. Ловерманн и др.) или же языковую ситуацию определяют как совокупность социолингвистических портретов (Ю. Коряков и др.). По особенностям современного потребления и понятийно-терминологической нагрузке понятие "языковой ситуации" и понятие "социолингвистического портрета" и приближенные, и одновременно имеют собственные функциональные плоскости проявления и научно-исследовательской нагрузки, т.е. они различны.

Социолингвистический портрет прямо и косвенно соотносится с языковой ситуацией. Для понимания социолингвистического портрета, его дефинитивно-понятийной

емкости следует учитывать его макро- и микропроявления (ср. : [244; 245]). Под первым можно понимать языковой и социальный ландшафт в их целостности, скорее амальгамности того или иного государства, ср.: *социолингвистический портрет Аргентины, социолингвистический портрет Франции* и др. Под последним имеется в виду социолингвистический портрет определенного индивидуума, той или другой корпоративной группы, где прослеживаемыми и очевидными являются четко очерченные доминанты, приоритеты и т.д. (*социолингвистический портрет сельского учителя* (с. Новоукраинка Марьинского района), *социолингвистический портрет футболиста* (команда «Шахтер»); *социолингвистический портрет шестого класса ООШ № 17 г. Донецка*; *социолингвистический портрет студенческой группы специальности «Прикладная математика» (3 курс) математического факультета Донецкого национального университета* и др.).

Макровыражение социолингвистического портрета определенной степени коррелирует с понятием языковой ситуации, но не тождественен ей. Понятие "языковой ситуации" в своей плоскости отражает совокупность социолингвистических портретов и собственной дефинитивных опорой имеет: 1) наличие той или иной наддиалектной идиомы; 2) степень, интенсивность и поле распространения самоидентификации носителей идиомы; 3) проявление единой этнической общности, к которой относятся носители определенных идиом; 4) целостность языкового континуума, где реализуемые акролект (наиболее приближенная к литературной традиции разновидность национального языка – устно-разговорная стихия т.п.), мезолект (те или иные разновидности смешивания, в украинской традиции называют суржике, на

белорусской – трясянкою и т.д.), базилект (наиболее удаленные от литературно-нормативной стихии – территориальные, социальные диалекты), т.е. вертикального континуума (верхнюю позицию занимает литературная / официальная, среднюю – языка межгруппового неофициального общения, а самую низкую – языка общения в семье, среди коллег, друзей); 5) соотношение первого (материнского) языка (first language), этнического языка (например, для мордвина мокшанского или эрзянского т.п.), основного (доминирующего (primary language), которым чаще всего говорящий общается) и дополнительного (secondary language); 6) функциональная полнота идиом; 7) взаимопонятность идиом и т.д.

Для языковой ситуации характерна прямая и относительная корреляция с территорией, поскольку ее соответствующие дифференциальные признаки и направления проявления могут с разной степенью интенсивности проявляться и по чисто государственным границам. Прямая корреляция языковой ситуации и государственной территории имеется в том случае, когда определенный вид речевой ситуации четко соотносится с государственно-территориальным пространством, а относительная реализована в том случае, когда языковая ситуация теми или иными ареалами, изоглоссами продолжает свое выражение в пространстве других государств, ср. проявление украинского литературно-нормативного и диалектного компонента на территории современных Словакии, Венгрии, Польши, России, Беларуси и др. (см., например [244; 245]).

Анализ языковой ситуации / языковых ситуаций должен основываться на соответствующих данных, их глубинной обработке с учетом наличия / отсутствия в анкетах отражение всех дифференциальных признаков языковой ситуации. Чем

полнее, основательнее анкета, тем легче установить дифференциальные, классификационные и квалификационные параметры языковой ситуации, выявить ее тип, т.е. охарактеризовать «горизонтальный» и «вертикальный» разновидности языковой ситуации. Основательное рассмотрение функциональной нагрузки языка, его максимально силового пространства на основе опроса делает возможным установление функционально тождественных / функционально нетождественных типов языковых ситуаций, более того, определение общегосударственного языкового фона – одноязычного, двуязычного и больше языкового. Подтверждением этого имеем реализованный опрос в странах Европейского Союза. Так, по данным исследования Eurobarometer «Europeans and their languages» (2005), проведенного для изучения нагрузки родного языка как определяющего признака самоидентификации говорящих на основе опроса 28 694 человек в 29 европейских странах, установлено, что большинство стран Европы являются моноязычными и мононациональными, где язык титульной нации является родным для большинства населения:

Венгрия – 100%	Швеция – 95% (хотя шведы составляют только 80% населения, 15% - иммигранты и их потомки)
Португалия - 100%	Финляндия - 94% (шведский – 5%)
Греция – 99%	Турция – 93%
Кипр – 98% (греч.)	Франция – 93%
Польша – 98%	Великобритания – 92%
Хорватия – 98%	Болгария – 90%
Чехия – 98%	Германия – 90%

Дания – 97%	Испания – 89% (каталонская родной для 9%, галисийский – 5%, баскский – 1%)
Мальта – 97%	Литва – 88% (литовцы составляют лишь 82% населения)
(мальтийский, английский – 2%)	
Австрия – 96%	Словакия – 88%
Нидерланды – 96%	Эстония – 82% (эстонцев 69%)
Италия – 95%	Люксембург – 77%
Румыния – 95%	Латвия – 73% (латышей – 60%)
Словения – 95%	

Во всей панораме современной Европы отличаются только Ирландия (английский родным считает 94% населения, ирландский – 11%) и Бельгия (голландский считают родным 56%, а французский – 38%). Такая языковая ситуация является потенциальной и сильной (в длительной перспективе), и слабой (в средне- и краткосрочной перспективе). Это мотивировано несколькими факторами, среди которых показательным становится распространение того или иного языка на общеевропейском пространстве. Так, самым распространенным родным языком в Европейском Союзе является немецкий (18%), менее распространенные – английский и итальянский – по 13%, а 12% – охватывает французский. Как в дальнейшем будет развиваться языковая ситуация в Европе довольно трудно сказать, но очевидно мощная сила присуща именно этим языкам.

Не менее существенно упрочнение принципов и закономерностей описания языковых ситуаций ↔ речевых ситуаций. Речевая ситуация выявляет уровень одно- / двух- / больше языкового насыщения языковой ситуации. Так, например, в Беларуси «в основной языковой ситуации

участвуют два языка: русский и белорусский со своими диалектами и смешанное вещание, или трясанка» [187, с. 48]. Активно участие двух языков и в Украине (на общем фоне) – украинского и русского. Следовательно, можно разграничивать основную речевую ситуацию и неосновную языковую ситуацию, которая очевидно коррелирует с основным типом общения / неосновным типом общения.

Речевая ситуация обнаруживает сильные и слабые позиции общей языковой ситуации и имеющиеся переходные плоскости. Единство принципов описания, например, речевых ситуаций можно обезопасить при условии, что речевую ситуацию рассматривают как определенным образом структурированный объект, состоящий из нескольких переменных: (1) говорящий (отправитель речи, адресант) и его социальная роль; (2) слушатель (адресат, получатель речи); (3) отношение между адресантом и адресатом (официальные ↔ нейтральные ↔ дружеские); (4) тональность; (5) цель; (6) средство (литературный язык, местный диалект, профессиональная «язык», социально-групповой жаргон); (7) способ (контактный / дистантный, устный / письменный) [191, с. 96 – 106]. Анализ речевой ситуации должен учитывать социолингвистический портрет каждого коммуниканта с соответствующими силовыми языковыми параметрами, участие / соучастие языковых кодов и создания общего культурно-информативного и коммуникативно нагруженного фонда.

Применение заявленного понятийно-терминологического аппарата делает возможным установление классификационных, квалификационных и дифференциальных параметров языковой ситуации, позволяет проследить особенности языковой ситуации в современной Украине. Социолингвистическая ситуация в современной Украине, вне всякого сомнения, неоднородна и

неоднозначна. Типологические проявления языковой / социолингвистической ситуации в современной Украине следует рассматривать с прослеживанием ее ретроспективы и перспективы, учитывая ряд а) лингвистических (генетической близости, происхождения и т.п.), б) функциональной (внутренне- и внешнегосударственной, внутренне- и внешнеобщественной нагрузки), в) социолингвистических (образовательно-культурных, гендерно-социальных, совокупно территориальной нагрузки и других измерений), г) нормативных (генерализации нормы, доступности, приемлемости, валидности и др., соотношение устной и письменной нормы, литературно-письменной традиции, значимости литературы на идиоме во внутренне- и внешнеязыковой нагрузке).

В квалификационных измерениях языковой ситуации существенным является установление классификационных и дифференциально-конститутивных признаков социолингвистического портрета. Основываясь на соответствующих признаках языковой ситуации, можно наработать классификационную модель определенных речевых ситуаций. Социолингвистический портрет всегда имеет характер определенного хронологического среза и определяется по трем наиболее детерминированным параметрам – временном, пространственном и событийно-личностном. Для первого существенна речевая характеристика корпоративной группы, отдельного говорящего, определенной территории и прочее в том или ином временном срезе, для пространственного параметра важно наличие очерченной территории с соответствующей нагрузкой определенного рассматриваемого языка (с учетом диалектного членения) / рассматриваемых языков, третье измерение социолингвистического портрета охватывает параметризацию личности касательно ее языкового

проявления в тех или иных для нее существенных / мало существенных / несущественных событиях. Это позволяет охарактеризовать социолингвистический портрет как целостность, в рамках которой легко выяснить социальные (образование, возраст, культура, пол и т.д.) и лингвальные (речь, проявление языковой нормы, ее генерализация, приемлемость языковой самоидентификации и т.д.) измерения как отдельной личности, так и макро- / микрогруппы, определенной социальной / территориальной группировки (см. нагрузки горных профессионализмов Донецкой области в различных социально-возрастных группах и т.д.; дифференцировки социальных групп на основании общности функциональной нагрузки общеязыковой и узко профессиональной лексики; разграничения говоров по территориальным и лингвальным особенностям – украинские восточностеповые слобожанские говоры, украинские причерноморские степные говоры и др.). Это все будет синхронный срез языковой ситуации, в основе определения которой составляет социолингвистический портрет.

Ретроспекция лингвистических факторов установления языковой ситуации, ее квалификационных и классификационных признаков мотивированное спектром активно обрабатываемых в прошлом и сегодня проблем, ориентированных на установление генетического родства определенных языков, например, украинского и русского языков, и нагрузки украинского языка в формировании целостной территории этноса, коррелятивно с государственно территориальным измерением. Для выяснения функциональной нагрузки украинского языка сегодня особенно важно учесть множественность факторов, в прошлом влияющие на статус украинского языка. Существенным становится и установление совокупности идеологем, влияющих на сознание говорящих и

обуславливают активизацию / пассивизацию языковой самоидентификации, учитывая не только общенациональную самоидентификацию, но и диалектно-территориальную / диалектно-социальную (принадлежность к подольским / юго-полесским и другим говорам и т.д.). Особая нагрузка на этом срезе имеют планомерно образованные устойчивые идеологемы 1) о маломощности украинского языка в информационном и научном измерениях; 2) о сюрреалистической насильственной украинизации; 3) о гармоничном развитии двух языков, являющихся родными, и многие другие. Большинство из этих идеологем являются постоянно навязываемые как аксиоматические. Вместе с тем следует отметить, что они лишены опоры на факты. Если взглянуть на культурно-национальное пространство в целом, и образовательное Украине в частности, то легко в нем выявить особенности нагрузки двух наиболее функционально нагруженных языков – украинского и русского. Так, например, культурно-художественные запросы русскоязычных вещателей удовлетворяют 30 российских, 36 двуязычных (украинско-российских) и один украинско-русско-еврейский театр, а среди библиотек – более 24 тыс. массовых и универсальных, совокупный фонд которых насчитывает более 387 млн экземпляров книг и журналов, в частности на русском языке – более 240 млн. экземпляров (62%).

По состоянию на 1 января 1997 в Украине издавалось свыше 1,3 тыс. русскоязычных газет и журналов, в том числе 10 изданий, учредителями которых являются российские общины. Значительная часть из них постоянно получают государственную поддержку. Почти две трети общего объема эфирного времени на теле- и радиоканалах заняты передачами и фильмами, вещающими на русском языке (все данные почерпнуты из [265, с. 6 – 9]). Если взглянуть на общую

тенденцию удовлетворения образовательных потребностей в Украине в соотношении с национальным составом населения соответствующей территории, то легко обнаружить нагрузки украинского и русского языков в образовательном пространстве. Образовательные потребности русскоязычных вещателей в Украине сегодня обеспечивают 2940 русскоязычных школ (см.: Табл. 1). По данным же 1996 школы с русским языком обучения составляли 42,7% всех школ Украины, не считая двуязычных, в вузах на русском языке обучалось 55,6% молодежи.

Таблица 1.

Украинский и русский язык в украинском образовательном пространстве (1994 – 1996 гг.)

Язык обучения Годы	Украинский			Русский		
	1994	1995	1996	1994	1995	1996
Автономная Республика Крым	0	0	0	536	546	561
Винницкая обл.	1048	1041	1032	3	3	3
Волынская обл.	831	835	824	1	1	1
Днепропетровская обл.	567	573	575	102	108	119
Донецкая обл.	117	118	128	832	827	767
Житомирская обл.	894	892	885	5	3	3
Закарпатская обл.	579	581	581	4	3	3
Запорожская обл.	311	310	312	203	205	215
Ивано-Франковская обл.	717	723	727	1	1	1
Киевская обл.	748	750	752	1	1	1
Кировоградская обл.	561	560	556	20	20	19

Луганская обл.	181	183	179	490	501	511
Львовская обл.	1354	1363	1375	8	6	6
Николаевская обл.	514	506	503	55	55	37
Одесская обл.	462	464	464	238	234	237
Полтавская обл.	932	918	905	10	11	9
Ровенская обл.	756	759	762	0	0	0
Сумская обл.	510	505	500	99	97	75
Тернопольская обл.	886	890	900	0	0	0
Харьковская обл..	573	570	576	191	200	204
Херсонская обл.	418	417	418	45	45	48
Хмельницкая обл.	1025	1024	1021	1	1	1
Черкасская обл.	656	658	658	1	1	1
Черновицкая обл.	312	319	372	4	4	4
Черниговская обл.	764	768	767	6	5	5
г. Киев	107	139	164	23	23	25
г. Севастополь	0	0	0	63	64	64
Всего	15823	15867	15891	2942	2965	2940

Интересным представляется сравнение общегосударственного уровня нагрузки украинского языка в культурном пространстве и его силовое поле на отдельно взятой территории. Для этого можно проанализировать динамику по удовлетворению украиноязычных потребностей в Донецкой области, например, в книгоиздании в течение 2006 – 2009 лет (см.: Табл. 2), то очевидно увеличение объемов печатной русскоязычной продукции.

Таблица 2.

Динамика украиноязычных изданий в Донецкой области

Издано	Годы			
	2006	2007	2008	2009
Всего наим., экземпляров	1500	925	1297	1182
Тираж, тыс. экзempl.	300	3858	5238	6911

В 2009 году книгоиздательскими предприятиями области подготовлено и издано 1182 наименования книг общим тиражом 6,9 млн. Экземпляров, из них на украинском языке – 457 наименований (38,7% от общего количества изданий книг) общим тиражом 1,8 млн. экземпляров, равных 26,1% от всего тиража изданных книг. Соответственно, на русском языке издано 701 наименования книг (59,3%) общим тиражом 5,1 млн. экземпляров, что охватывает 73, 8% от всего тиража изданных книг. На других языках – греческом, английском – 24 наименования (2,0%) общим тиражом 0004000. экземпляров (0,1%).

Такие наблюдения являются показательными и легко разоблачают несостоятельность утверждений многочисленных публикаций типа «многих наших соотечественников – русских, украинцев, представителей других национальностей ... многие из тех, кто является носителем русской духовности и культуры, чувствуют себя в своем государстве не совсем уверенно – и только потому, что у них родной язык – русский, потому что страна ... называется Украина» (Филатов В. Забытый отец украинского языка / В. Филатов // Коммерсантъ. – 2011. – Март). Если нужно что-то гиперболизировать, а то и перекрутить, то в данном случае это совершенно своеобразно: давайте расшатаем маятник, а то что-то спокойно. В мировой практике всегда

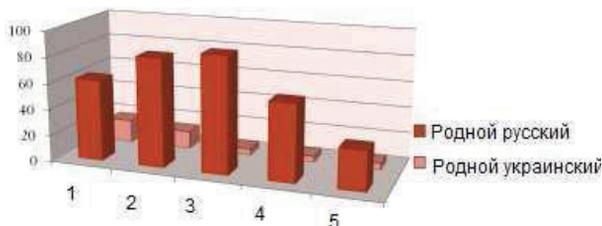
определяющим является адекватное удовлетворение национально-языковых потребностей в соответствии с запросами населения, с учетом количественных показателей носителей определенного языка. Основу основ любого государства, его языковой политики составляет установление языковых приоритетов: государство утверждается в цивилизационном пространстве через проявление особенностей языковой ситуации и функциональной нагрузки языкового компонента как фактора построения государства. Без таких приоритетов невозможно построение целостного государства без образования и активизации активных / пассивных центробежных плоскостей. Количественные показатели книгоиздания русской книги (см.: Табл. 2), количества русскоязычных театров, количества учебных заведений для удовлетворения потребностей русскоязычных вещателей (см.: Табл. 1) отражают другую тенденцию – неадекватное удовлетворение потребностей русскоязычного населения.

Иногда возникает вопрос о мотивированности, значимости и вообще потребности использования исторического дискурса в характеристике языковой ситуации. Такие сомнения некорректны, поскольку для выяснения современного силового поля украинского языка необходимо раскрыть совокупность тех факторов, обусловивших такое современное состояние украинского языка, его функциональной нагрузки и т.д.. Такой ретроспективный анализ языковой ситуации, когда слой за слоем фиксируются соответствующие нагрузки украинского языка и границы ее распространения (ср. Нагрузка украинской / староукраинского языков в Украинской Народной Республике и др.), раскрывает этапы формирования тех или иных идеологем, их распространение, накопление ими оценочной шкалы, проникновение таких идеологем в сознание говорящих и

усиление / ослабление самоидентификации говорящих. Для языковой ситуации в современной Украине последнее крайне необходимо, так как обуславливает особенности самоидентификации национальных меньшинств не с национальным языком, не с украинским языком, а с российским, определяя его как родной (см.: Диаграмму 1).

Диаграмма 1.

Проявление языковых характеристик национальных меньшинств (перепись 2001)

1 - Белорусы. 2 - Евреи. 3 - Греки. 4 - Татары. 5 - Болгары

Такое положение определяется не только (и не столько) современными приоритетами, как сложившейся идеологией прошлого – «единый советский народ», в совокупности и параметрах ценностей.

На общем фоне количественно-репрезентативных показателей переписи 2001 такие параметры являются

показательными, ср : из 37 млн. 342 тысяч участников переписи – это 77,8% (общее количество населения Украины на 5 декабря 2001 составляла 48 млн. 241 тысячу человек) только 85,2% украинцев считают родным украинский, но из этого количества опрошенных 14,8% назвали родным русский (см.: Диаграмму 1). Это достаточно весомый процент, если учитывать активную экспансию в последние годы ценностей: а) прошлого сообщества «единый советский народ» (через все СМИ, особенно телевизионные и компьютерно-сетевые); б) общего информационно-технологического и научно-проблемного пространства; в) совместного вероисповедания, где должен быть только единственный сакральный славянский язык (*lingua sacra*), все другие не пригодны для разговора с Богом; г) общих исторических периодов, этапов (так называемый мотив «общего пережитого» типа гражданская война (1918–1920 гг.), коллективизация, индустриализация, Великая Отечественная война и другие, к ним относится и новая интерпретация Голодомора, прошли все народы бывшего Советского Союза, а не только украинцы); г) совместных культурных достижений и шедевров (поэтому так активно навязываемая идея о том, что украинский язык ничего стоящего не создан) и др.

Иногда исследователи идут еще дальше и ищут истоки современных культурно активных проявлений в далеком прошлом (концепция двух пространств в Украине – скифского и полянского, впоследствии этот тезис был усилен принадлежностью земель к различным цивилизационным измерениям и культурно-образовательным пространствам (см.: Карта 1). Так, в одном из подобных исследований можно найти утверждение, что прослеживается четко выраженная линия, устойчиво разделяющая Украину на зоны доминирования различных мировоззренчески-культурных преимуществ. Орест

Субтельный приводит данные отдельных этнолингвистических исследований, в результате чего впервые было установлено это межевание, его же основы исторически сформировались сформировалось очень и очень давно. В апреле 2000 года Институт социологии НАН Украины провел анализ распространения украинского и русского языков в украинском сообществе. В опросе, проведенном авторитетной фирмой «Социс», приняло участие 1200 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, выборка охватывала большинство регионов государства.

Выборка была репрезентативна и «горизонтально», и «вертикально» (т.е. по возрастной и половой структуре, по регионам и т.д.) для всего населения Украины (см.: Табл. 3 – А.3.). В результате проведения этого исследования было замечено, что, по данным переписи населения 1989 года, в Украине россиян насчитывается 21%, а тех, кто родным назвал для себя русский, – 33%. Социологические опросы показали, что в центре внимания языковой проблемы в Украине возникают, в основном, два языка – украинский и русский, потому что они являются родными для 98,6% населения [Проекты 2001, с. 76]. Далее констатировалось, что русскоязычных оказалось больше в городах. Весь предложенный анализ сведен к не совсем корректной констатации наличия линии разграничения (межевания) Украины по всем культурно-образовательными и языковым ценностям (см.: Карту 1) и подчеркивание активной тенденции расширения русскоязычного фона без определения причин такой ситуации. Заявленную тенденцию особенно усиливают в последнее время, на что направлена работа почти всех СМИ и др.

Таблица 3.

Родной язык респондентов

Язык	Показатель в процентах
Украинский	60,2
Русский	38,4
Другой язык	1,3

Общегосударственное языково-силовое поле показывает больше совокупную нагрузку украинского (ср. проявление украиноязычной нагрузки в образовательном пространстве (см.: Табл. 1)). Интересными и важными представляются показатели «вертикального» среза, где четко очерчено соотношение силового поля языка относительно образовательного уровня и статуса респондента (см.: Табл. 4).

Таблица 4.

Выбор языка анкет респондентами разных образовательных групп (в процентах)

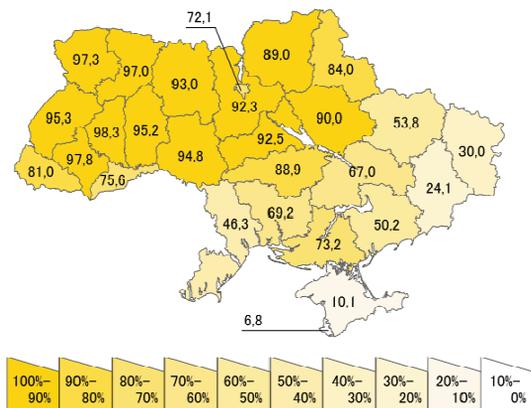
Язык анкет / Образовани е	Опрос – апрель 2000 г.					Опрос – январь 2000 г.				
	Начальное / Неполное спелнее	Общее среднее	Среднее специальное	Неоконченное высшее / Высшее	Начальное / Неполное спелнее	Общее среднее	Среднее специальное	Неоконченное высшее	Высшее	
Украинский язык	7,4	5,2	6,4	6,5	5,9	0,1	7,2	0,4	1,1	
Русский язык	2,6	4,8	3,6	3,5	4,1	9,9	2,8	9,6	8,9	

Если действительно говорить об уникальности языковой ситуации в Украине, то в первую очередь следует иметь в виду неравносильное проявление силового фона украинского и русского языков во всех сферах современного общества – в опросе говорящих, их самоидентификации доминирует украинский, в книгоиздании, информационном пространстве и других – русский. Для выявления тех или иных сфер «присутствия» языка и должного удовлетворения языковых потребностей следует взглянуть хотя бы на отдельные сферы общественной жизни, например, в Донецкой области. Так, по данным Управления образования и науки Донецкой области в 2008/2009 учебном году на территории области работало 1106 учебных заведений среднего образования с общим количеством учеников 344191. С украинским языком обучения – 741 учебное заведение (67%), в которых обучалось 138802 ученика (40,3% от общего количества учеников Донецкой области). В 2009/2010 учебном году на территории области работало 1099 учебных заведений среднего образования с общим количеством учеников – 340667 человек. С украинским языком обучения среди 750 учебных заведений (68,2%), в которых обучается 147570 человек (43,3% от общего количества детей школьного возраста, что на 3 процентных пункта больше, чем в 2008/2009 учебном году). Бесспорно, в украинском языковом пространстве четко определяемы модификации общего проявления языковой ситуации, где присутствует активное взаимодействие литературно-нормативной стихии с диалектной стихией (юго-западное, северное наречие (с более активным проявлением в заподнополесском (волынско-полесском), среднеполесском (правобережнополесском) менее заметен в восточнополесском (левобережнополесском) (см.: Карта 1)). Здесь особенно сложная языковая ситуация, потому что, кроме активной нагрузки

украинского языка в его полнотерриториальной, полногендерной и полносоциальной нагрузке, имеются вкрапления функционирования польского, русского и др.).

Карта 1.

Украинский язык как родной в Украине в соответствии с переписью 2001 с процентами по областям (Согласно данным Киевского международного института социологии)

В юго-западном наречии, на собственно-украинской территории его проявления (оно также распространено и на землях Молдавии, Румынии, Венгрии, Словакии, Польши) в рамках всех трех диалектов: 1) волинско-подольского (объединяет волинский говор и подольский говор – распространены на терр. исторических Волыни и Подолья); 2) галицко-буковинского (охватывает надднестрянский, покутско-буковинский (надпрутский), гуцульский (восточнокарпатский),

надсянский говоры (распространены на терр. исторических Галиции и Буковины), 3) карпатского (содержит бойковский (севернокарпатский или еверноподкарпатский), закарпатский (среднезакарпатский, подкарпатский, южнокарпатский), лемковский (западнокарпатский) говоры) выявлены неоднотипные особенности соотношения литературно-нормативной и диалектной стихий, но основной спецификой является активное влияние диалектного массива на языково-литературную практику, а в последнее время даже прорабатываемые технологии обучения диалектной речи, на что ориентированы соответствующие издания типа *грамматика гуцульского говора*. Для юго-западного и северного наречий, в пределах их распространения на собственно украинских землях (территория Украинской Державы) характерной становится полноценная и максимальная силовая нагрузка для украинского языка в официальной сфере – административно-управленческие и производственно-профессиональные отношения, и в неофициальной сфере – в рамках семьи, быта и т. В неофициальной сфере литературно-нормативная практика может уступать диалектной стихии в силу ее «вмонтированности» в преемственность традиции и т.д..

Юго-восточное наречие, внутренне дифференцированное на средненадднепрянское (первичной формации), слободское и степное (оба позднего образования), является относительно однородным и в его пределах больше интенсивности испытывает соотношение украинского и русского языков, особенно в рамках двух последних (см.: карта 1). В данном случае слабым является влияние равновеликой корреляции диалектной стихии и литературно-нормативной практики (в отличие от юго-западного и северного наречия), поскольку легко прослеживается доминирование нормативной речи. Для юго-

восточного наречия характерно доминирование украинского литературного языка в официальной сфере с равновеликим / неравновесным царствованием русского языка, в неофициальной сфере украинский язык в основном имеет значительное силовое влияние, что может мотивироваться значительной диалектной окружающей средой (см., например, Славянский, Амвросиевский, Марьинский, Новоселковский районы Донецкой области, Кодымский, Балтский, Котовский и другие районы Одесской области или окрестности городов типа Амвросиевка, Котовск и др.).

Утверждать же наличие различных мировоззренческо-культурных преимуществ / доминаций с четким расграничением на карте Украины не совсем корректно. Заявленное деление украинского языкового пространства на соответствующие наречия и сама языковая ситуация неоднородна по всей Украине, так как в ней четко прослеживаются силовые линии украинского языка в его активном совместном проявлении с диалектным массивом, а также силовые линии русского языка, но без опоры на территориальные диалекты, а только с вкраплениями социальных диалектов, изредка региолектов. Мировоззренческо-культурные стереотипы во всем пространстве Украины являются общими, в то время как их силовое поле является вариативным.

Современная языковая ситуация в Украине представляется сложной и в «горизонтальном» срезе – в зависимости от территории сила активного проявления языка существенно варьируется – с полным правом выступают асимметричные / симметричные отношения языков – украинского и русского и в «вертикальном» – в зависимости от социально-образовательного и культурного уровня, опять же отражает сложность создания устоявшейся языковой картины. Применение метода

социолингвистического портретирования делает возможным установление плоскостей активного взаимодействия и взаимообусловленности в пределах территорий и соответствующих групп. В то же время рассмотрение языковой ситуации очерчивает плоскости активного / полуактивного / пассивного соотношения литературного языка и территориальных диалектов (см.: Карту 1), что особенно легко прослеживается на украиноязычном силовом поле. Решение любых языковых проблем возможно только при условии фронтального изучения языковой ситуации в Украине с последовательной характеристикой сфер активного / пассивного проявления нагрузки языка и установление особенностей сосуществования языков, их взаимопроявления и др. По утверждению Ю. Корякова, большая часть тех, кто говорит на белорусском языке, является носителем диалектной речи, большинство из них в той или иной степени владеет диалектом белорусского языка [187, с. 51], умение же говорить на литературным белорусском языке в большинстве ее носителей (до 50 лет) вырабатываемое не в детстве в естественном общении в семье и на улице, а путем специального обучения: в основном – в школе, реже – на отделениях белорусистики в вузах, в 1990 – 1995 гг. на специальных языковых курсах для студентов, преподавателей, служащих [220, с. 312]. Для украинской языковой ситуации анализируемая особенность показательна для западноукраинских, центральноукраинских, североукраинских, в меньшей степени для отдельных районов восточноукраинских, южноукраинских регионов. Никак нельзя считать тезис Н. Б. Мечковской корректным, так как и российской литературной речи учат, не говоря уже о французской – во Франции, английской – в Англии и др.

Установление типа речевой ситуации с ее квалификационно-дифференциальными и классификационным параметрам базируется на применении метода социолингвистического портретирования [187, с. 84 – 118], который позволяет обнаружить существенные временные, пространственные и событийно-личностные параметры отдельной языковой личности, социальной / корпоративной, территориальной группы, общегосударственного пространства. Социолингвистическое портретирование с соответствующими методиками применения дает целостный социолингвистический портрет, суммарное количество таких социолингвистических портретов дает установление языковой ситуации, ее типа. Метод социолингвистического портрета и/или портретирования является эффективным, поскольку совокупность имеющихся в нем приемов, методик и технологий гендерного, образовательного, возрастного, статусного, ролевого, ситуативно нагруженного / ситуативно нейтрального и др. делает установления степени насыщения той или другой территории, той или иной корпоративной группировки соответствующими языковыми / речевыми стереотипами, предпочтениями аргументированной, позволяет корректно определить особенности и закономерности языкового доминирования и тому подобное. Перспективной является обработка общегосударственной языковой ситуации с проявлением хронологических срезов социолингвистических портретов, установлением активного / пассивного соотношения различных языков в определенном хронологическом, событийно-ситуативном пространстве и определением «нагрузки» тех или иных идеологов в соответствующий период для функциональной нагрузки языка.

1.1. Классификационные типологии концептов

Концепт – глобальная единица мыслительной деятельности, он является квантом структурированного знания. Люди мыслят концептами, их парадигматика выливается в синтагматические проявления в речевой деятельности. Упорядоченная совокупность концептов в сознании образует концептосферу сознания. Концептам в основном присущ универсализм, их выражение нельзя ограничить только языком, но последний становится одним из мощнейших средств проявления как концепта, так и концептосферы в целом. Благодаря языку можно проследить закономерности структуриации концепта, позволяет эксплицировать просторы его содержания, специфику содержательной емкости концепта. Языковые средства раскрывают степень вербализованности концепта, а через множественность выраженных посредством языка средств очертить закономерности национально-языкового проявления концепта, проследить его частотность и регулярность. В языке концепт индуцированный через значения, что является одним из его проявлений (наиболее регулярные и часто встречающиеся). По своей сути концепт более емкий, чем значение, имеет нерегулярные связи со значением. Закономерности вербализации и не вербализации концепта в речевых актах, определяемые потребностями коммуникации, ни в коей мере не мотивированы наличием / отсутствием концепта в человеческом сознании (ср. наличие невербальных (невербальных) концептов типа предчувствие, опасность, минимизация и т.д. (Ю.С. Степанов)). Нарботки в когнитивной лингвистике, в частности в освещении тех или иных концептов, описание концептосферы в целом актуализируют вопрос уровней концептов, типологии концептов и структурированности концептосферы.

Целью рассмотрения является установление критериев выделения концептов и выяснения типологии концептов с прослеживанием их соотношения с когнитивными, культурологическими или прагматическими проявлениями. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) проследить эволюцию взглядов на концепт; 2) раскрыть особенности структуризации концепта; 3) определить особенности типологии концептов с учетом когнитивного, культурологического, прагматического аспектов.

Новизна анализа заключается в раскрытии соотношения концептов с речевыми жанрами и проявлением взаимодействия концептов с этнокультурными наработками и традициями. Теоретическая же значимость мотивирована не только критическим осмыслением различных взглядов на типологию концепта, но и установлением классификационных признаков типологии концептов с выведением их соотношения с соответствующими уровнями.

Современная лингвистическая наука активно направляется от имманентно языковых поисков к функциональной лингвистике, прагмалингвистике и когнитивной лингвистике. Эта эволюция не является односторонней, так как активизация тех или иных подходов предопределяла развитие и динамику определенных концепций, создания и формирования синтезированных научных концепций на грани гуманитарных наук с доминированием лингвистических постулатов (ср. социолингвистика, психолингвистика, нейропсихолингвистика, этнолингвистика и под.). Любые новые и новейшие методы, подходы и методики не исключают методики структурного анализа языковой системы в целом (сравни, например, метод концептуального анализа, метод анализа составляющих концепта т.п.) и отдельных ее компонентов в частности. Для

раскрытия особенностей структуризации концепта и создания концептосферы как суммарной множественности важным является определение отдельных величин когнитивной лингвистики, так как нередко возникают утверждения, в которых констатируется: «По типам концепты делятся на: представление; схему; понятия; фрейм; сценарий (скрипт); гештальт» [225, с. 4]. Не вдаваясь в детали, актуализированным является вопрос о том, по каким типам – объективации, структурированности, регулярности и т.д. Приведенные разновидности концепта действительно существуют и они имеют четкое определение, потому что скрипт – это фиксированная единица речевого поведения, легко объективно устанавливаемая. В когнитивной лингвистике иногда скриптом считают разновидность фрейма (или разновидность схемы (в смысле когнитивной психологии)), что выполняет определенную специальную задачу в обработке естественного языка; определенная схема, проявляющая стереотипную смену событий в обычной ситуации с реконструкцией / конструированием причинно-следственных и других разновидностей отношений. Большинство скриптов усваивается в детстве или в результате непосредственного опыта, или как наблюдение за другими людьми, их поступками и ощущение особенностей этих поступков, ср., например: мало кто прыгал в горный водопад (скрипт *водопад*), но из книг, телевидения, кино почти все легко представляют, что это и какая последовательность действий должна быть (точками, ключевыми моментами сценария *водопад* будут: *горы, вода, высота, прыжок* и т.д. и одновременно они будут рисовать отдельные компоненты течения ситуации, если будут мыслиться как такие, которые присущи именно *водопаду*), то есть они имеют соответствующие скрипты. Скрипт связан с

предписанием, поскольку каждый человек как личность поступает соответственно определенной роли в той или иной ситуации (*экзамен* с его как минимум двумя компонентами), и эта роль не приобретенная в этой ситуации, а проигрывается в ситуации как заблаговременно запланированная, подготовленная, прочитанная в рамках определенной «пьесы». Жизненный опыт – это в основном знания, как поступить в той или иной ситуации, как поступают другие в стереотипных ситуациях. В этом случае знания – это и есть скрипт. Этнокультурная и социокультурная специфика языкового сознания и коммуникативного поведения предполагают признание универсальных характеристик человека.

Анализируя дискурс, легко можно определить концепты, типы личностей, проявляющиеся в дискурсе. В абстрактном измерении с определением аксиоматики человеческого сознания, по В.И. Карасику, рассмотрение имеет следующие позиции: 1) человек взаимодействует с миром на основе генетически и культурно усвоенного опыта; 2) последний составляет гибкую систему взаимосвязанных смыслов – лично значимых и ситуативно обусловленных социальных сущностей; 3) осмысление действительности является диалектически взаимосвязанным взаимонаправленным движением – внутрь и наружу (интериоризация и экстериоризация); 4) человеческое сознание – это часть общей сложной организованной системы (типа ноосферы); 5) человек по своей природе активен и проактивен, в силу чего рассматривает и переживает и реальные, и возможные ситуации; 6) человеческое сознание многомерно, многомерные и составляющие – ментальные образования, потому что мир полипричинен и поливариантен; 7) человеческая обособленность объясняет наше взаимно-возвратное движение от системы субъективных представлений и знаний о мире к

внешнему миру и в обратном направлении, что объясняет обязательность постоянных изменений опытных единиц, хранимых в индивидуальной и коллективной человеческой памяти; 8) по своей сути человеческое сознание всеобщно, различия между людьми вторичны [168, с. 7 – 8].

Для выяснения специфики концепта особенно важным становится раскрытие специфики значения и смысла языковых единиц. Значение и смысл – содержательные характеристики языковой единицы, где значение является постоянно-устойчивым минимумом, в котором проявляются важнейшие для языкового коллектива признаки предмета или явления; смысл – содержательный вариативный максимум, в котором обнаружены существенные для индивидуума / индивидуумов признаки. В.И. Карасик предлагает соотношение между смыслом и значением схематизировать в квадрате с выделенными четырьмя частями: 1) смысл слова совпадает со значением (общеупотребительные слова основного словарного фонда), 2) смысл меньше значения (малораспространенные научные и научно-технические термины), 3) смысл слова более емкий, чем его значение (индивидуально расширительный поэтический смысл и т.д.), 4) смысл слова не имеет ничего общего со значением (произвольное осмысление неизвестной словесной оболочки, в основном вследствие недостаточной осведомленности или языковая игра).

В соотношении «значение – концепт» В.И. Карасик объясняет концепт через значения слов. В направлении от концепта к смыслу имеет место распредмечивание знака как фиксатора опыта, имеется самоидентификация человека как мыслительного субъекта, движение от концепта к смыслу не обязательно сопровождается вербально. В подтверждение этого тезиса В.И. Карасик приводит пример слушания фаминорной

прелюдии Баха, когда может припомниться финальное измерение художественного фильма А. Тарковского «Солярис»: показ океаном-мыслителем встречи героя с отцом, дорогой подарок, который можно получить, навсегда расставшись с родным человеком. Такая встреча – это концепт, который не имеет однословной вербализации. Все это свидетельствует о неоднородности связей между языком и мышлением, так как речь возникает одним из возможных способов фиксации и передачи человеческого опыта (теории коммуникации, лингвокультурологии и под.). Поэтому речь – это только часть целого (мышления). В свое время И.А. Бодуэн де Куртене отмечал, что в языке «или речи человеческой проявляются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидуумов, так и целых групп человеческих. Поэтому вполне правомерно считать язык особым знанием, то есть вполне правомерно признать третье значение, значение языковое, наряду с двумя другими – со знанием интуитивным, наблюдательным, непосредственным и знанием научным, теоретическим» [36, с. 79], что делает возможным выделение именно языкового значения. Иногда констатируют, что внутренние концепты организованы по полювому принципу, охватывая чувственный образ, информационное содержание и интерпретативное поле. Его структура мотивирована когнитивными классификаторами. Информационное содержание концепта охватывает несколько слоев или секторов, которые могут выражаться отдельными лексемами или определенным значением отдельных лексем. Так, например, по утверждению Н.А. Поясных, в концепте *женщина* средне-английского периода предметно-образная составляющая охватывает образ любимой и образ женщины в семье (образ жены, домохозяйки и матери), что вместе с ядерно-концептуальными признаками "лицо" и

"женский пол" составляют основу концепта. Понятийная составляющая концепта *женщина* формируется ядерными и дополнительными признаками. Ценностная составляющая этого концепта содержит противоречивые суждения о женщине с отрицательной и положительной оценкой. Эта составляющая относится к интерпретативному / интерпретационному полю концепта и расположена на периферии и не свидетельствует о его незначительности в поле концепта, а только указывает меру удаления от ядра по степени конкретности и очевидности образной воображения [258].

Человеческий организм устанавливает корреляции между средой и своим существованием, но реагирует не на прямые сигналы окружающей среды, а на смоделированный, созданный в себе образ мира. Этот образ структурированный, такая структура достигается благодаря активной концептуализации, формированию сверхобщих представлений ментального типа. Если существа образуют сообщество, то между ними возникает структурная взаимосопряженность, которую легко описать как взаимосопряженность между компонентами. Как считают В. Матурана и Ф. Варела, «уникальность человека является исключительной в социальной структурной сопряженности, осуществляемой через оговаривание» [213, с. 217]. В структурировании диалога важно принципиальное коммуникативное равенство коммуникантов (социально-статусные предписания и т.д. также учитываются, но они являются вторичными касательно принципиального коммуникативного равенства), поэтому его нельзя ограничить только передачей информации, поскольку важным становится установление общего смыслового поля с относительно устойчивыми ментальными образованиями в нем. Такими устойчивыми ментальными образованиями являются концепты,

которые внутренне организованы по полювому принципу. Поэтому в таком поле имеются чувственный образ, информационное содержание и интерпретативное поле. Структура концепта определяема когнитивными классификаторами. Информационное содержание концепта охватывает несколько слоев или секторов, которые могут выражаться отдельными лексемами или определенным значением отдельных лексем.

М.Л. Макаров [210, с. 33 – 40], разграничивая информационно-кодovou, интерференционную и интеракционную коммуникации, констатирует, что первая – кибернетическая – модель схематически упрочняет адресантно-адресатные позиции в информационном пространстве, опираясь на идентичные языковые знания, потому что без таких знаний совсем невозможным становится даже восприятие информации, не говоря уже о ее обработке. Поскольку уровни человеческих знаний структурированы, выделяют в последнее время в соответствии с этими структурными уровнями и типы концептов, ср., например: концепт *бытие признака объекта*, концепт *бытие объекта*, концепт *инакобытие объекта*, концепт *самостоятельное перемещение агенса*, концепт *агенса влияет на объект*, концепт *мыслительно-языковая деятельность человека*, концепт *пациент переносит состояние*, концепт *небытие объекта* как проявление синтаксических концептов простого предложения [73].

В целом человеческое бытие связано и с адаптацией, и с средой, и с его осмыслением, осознанием, и с построением собственных моделей – реального / ирреального измерения, сам же человек метафункционален. Полноценное осмысление его сути невозможно без учета статуса языка как одного из определяющих составляющих человеческого ментально-

культурного пространства. Понимание языка как явления культуры обостряет вопрос статуса языка (в коммуникативном измерении – речь должна рассматриваться в причинно-следственных интенциях, где биологический субстрат квалифицируется как иерархически вершинный статус, как один из параметров человеческой сущности). В биологической ретроспективе и перспективе актуальным становится сведение на нет значение земного бытия и отнесение его к определенной системы высшего порядка. Вне этого человек предстает как самодостаточная сущность, вершина творения. Когнитивная теория возникла как способ осмысления наличия / отсутствия яруса идеальных феноменов – феноменов сознания. По утверждению Стивена Пинкера, «язык – это сложный, специализированный навык, который произвольно развивается в ребенке и не требует осознанных усилий или систематических установок» [258, с. 11], в подтверждение чего автор приводит примеры наличия Универсальной Грамматики (ср. попытки многих лингвистов Средневековья создать универсальную грамматику, различные теории генеративистов; в этом плане особняком стоит Грамматика Пор-Рояля [8] как яркий пример всеобщей грамматики), сходство грамматических структур в различных креольских языках, у детей, что формируются в разных лингвокультурах, в результате чего автор констатирует: «если язык – это инстинкт, то для него присуще наличие в мозге определенного участка и, возможно, даже специальных генов, позволяющих запуск этого инстинкта» [258, с. 36], поэтому языковой инстинкт – это «не проявление общей способности к знаковому обозначению: трехлетний ребенок – гений в грамматике, но не разбирается в искусстве, религиозной иконографии, знаках дорожного движения» [258, с. 11]. Тезис о языке как инстинкте известна еще от Чарльза Дарвина. В таком

случае – если существует уникальный единый человеческий род, должен существовать и универсальный язык, который составляет основу любого конкретного языка, своеобразный ментальный код (ментакод). Во многих работах Н. Хомского отмечено, что грамматический ген – это врожденная возможность человеческого организма продуцировать (генерировать) синтаксические структуры, трансформировать информацию, не совсем коррелирует с аксиомой «В уме доступно только познаваемое через ощущения». По С. Пинкеру, грамматика составляет «протокол передачи данных как сочетание слуха, речевого аппарата и ума ... Он не может приспособиться к одному из них, должен иметь собственную абстрактную логику» [258, с. 113]. Это позволяет автору грамматический ген дефинировать функционально – кибернетически, хотя его местонахождение в хромосоме остается невыясненным, не раскрытым является и его влияние на структуру мозга [258, с. 309]. Как продукт человеческой эволюции язык имеет сжатый и расширенный коды общения, среди которых, по Б. Бернстайну, сжатый / сокращенный код (restricted code) используется в быту, а расширенный код (elaborated code) употребляется в разговорах на отвлеченные темы и усваивается только при специальном изучении (например, в школе). В языке четко проявляется продукт биологической наследственности и предопределяемый культурой компонент (В.И. Карасик), и тот, и другой легко распознать в структуре концепта. Так, критериями культурной значимости концепта является прецедентность, частотность, культурные наработки и спрос в современных условиях общения. В этом аспекте сакраментальным является учет особенностей взаимосвязи языка и мышления, неоднократно рассматриваемый лингвистами (В. фон Гумбольдт, А. Потебня,

Э. Сепир, Б. Уорф и др.). Значительную популярность приобрела гипотеза Э. Сепира и Б. Уорфа, рассматривая которую, С. Пинкер отмечает, что 1) ее основу составляет отождествление мышления и речи; 2) Б. Уорф не изучал народность апачей и его утверждение об их психологии основывается только на грамматике их языка, а особенности их речи в целом не прослеживались; 3) Б. Уорф приводит примеры предложений на языке апачей в дословном переводе, удостоверяющий их несостоятельность, так как на это направлен такого рода перевод; 4) распространенное утверждение о сотнях слов для обозначения снега в эскимосском языке является антропологической мистификацией; 5) даже при наличии в определенной культуре большого количества корней для обозначения определенных предметов не выступает достаточным аргументом для выводов о психологии народа [258, с. 47 – 56]. Тем самым отмечено, что анализ любых языковых реалий следует делать осторожно, не преувеличивая и не умаляя не только влияния языка на мыслительный потенциал человека, соответствующего культурно-языковой среды, в рамках которого она формируется.

Ни для кого не секрет, что существуют поведенческие паттерны, принятые в культуре, и существенные для понимания других людей в межкультурной коммуникации (подтверждение легко найти путем сравнения устоявшихся форм приветствия (в речевых актах – это акция и реакция) даже близкородственных языков и культур, не говоря уже об отдаленных, разноструктурных (приветствие в украинском, чешском, арабском (сирийской) языках [152]). Особенности грамматических категорий могут становиться краеугольным камнем для проявления определенных поведенческих стереотипов, которые должным образом воплощены в

лексических значениях, во фразеологии, в прецедентно-текстовый реалиях в поведенческих рефлексгах (в свое время И. Бодуэн де Куртенэ говорил о чрезмерной сексуализированности грамматического рода у славян). Разнообразие наименований в определенном языке следует учитывать, но нельзя только на этом основывать свою теорию. Так, по утверждению С. Пинкера, в языке идиш присутствует значительное количество наименований простака, но их наличие трудно квалифицировать в культурно-ментальном аспекте. Все эти наименования свидетельствуют о вербализированной плоскости соответствующего концепта, но внутренняя структура такого концепта может быть раскрыта только путем погружения в эволюционную природу различных неравноценных наслоений и т.д. В современной лингвоконцептологии упрочились различные понимания самого концепта, совокупности концептов (концептосферы) и попытки классифицировать концепты по тем или иным критериям, классиологическим признакам.

Существенным в понимании концепта, его дифференциальных и квалификационных признаков является разграничение концепта и понятия, концепта и значения, концепта и смысла. В современных изучения концепта упрочилось несколько подходов к его дефинированию: 1) понятие – это мысль / представление о предметах и явлениях, обобщающая их общие и характерологические признаки, концепты – это прежде всего идеи, охватывающие и абстрактные, и конкретно-ассоциативные, и эмоционально-оценочные, и эмоционально-обобщающие признаки, поэтому «концепты не только мыслятся, они переживаются» [329, с. 41]; 2) концепт – это точка пересечения между культурным миром и миром индивидуальных смыслов, это «сгусток культуры в сознании человека и то, каким путем человек входит в

культуру» [Там же, с. 41–42], как он ее воспринимает и переживает, входит в нее, история понятия, его содержание; 3) концепт – это замещение слова в индивидуальном видении и в соответствующем контексте [201, с. 281], личное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения, собственно насыщение и интерпретация; 4) концепт – это реально существующее в сознании динамическое перцептивно-ментально-аффективное образование, чем существенно отличается от понятия и значения как элементов научного описания [154, с. 39]; 5) концепт – это наработанное на почве жизненного понятие абстрактное научное понятие [321, с. 246]; 6) понятие – это то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для создания «общего языка» при обсуждении проблем; концепты существуют как данности, их люди реконструируют с определенным уровнем уверенности / неуверенности [112, с. 45]; 7) концепт – сущность понятия, проявляющаяся в своих содержательных формах – образе, понятии, символе; понятие выступает приближением к концепту, это проявление концепта в одной из его содержательных форм; концепт - и ментальный генотип, и атом генной памяти, и архетип, и первообраз и т.д. [181, с. 19 – 20]; 8) понятия (*intellectus*) связано с рациональным знанием (пониманием), концепт (*conceptus*) – произвольное возвышение духа, разума, способного творчески воспроизводить смыслы (Абеляр, цит. по: [74, с. 16]); 9) концепты – это смысловые кванты человеческого существования, что в зависимости от условий и потребностей превращаются в соответствующие специализированные формобразования, «гены культуры» как составляющая культурного генотипа; 10) концепты – это обобщенное проявление структурирования мира и проявление последнего в ментальном пространстве индивида, социума и

т.д.; атом памяти с постепенным наслаиванием в нем соответствующих образных обобщений, функциональных спецификаций, культурных традиций и аксиологических установок. Концепты возникают как самоорганизующиеся интегративно-кумулятивные функционально-системные многомерные (трех-, четырех- и более измеримые) идеализированные формообразования, имеющие опорой понятийную (собственно-понятийную, предпонятийную, псевдопонятийную) почву, принятые в значении определенного знака: научного термина или общеупотребительного слова, фразеологизма, усложненной лексико-семантической структуры, невербального (квазипредметного) образа или опредмеченного (квазиопредметного) действия и т.д. (см., например: [206, с. 16 – 18]). Анализ существующих подходов (обобщено в первом – девятом), их несходство позволили В.И. Карасику констатировать, что в сознании важнейшими становятся диады "культурно генное – культурно приобретенное", "ориентированное на смысл – ориентированное на значение", "эмоциональное – рациональное", "индивидуально-личное – коллективное, групповое", "объективное, онтологическое – гносеологическое, смоделированное, моделируемое", "жизненное, общепринятое – научное", "реконструированное – конструируемое", "сущность – явление", "интегрированное – дифференцированное", "изменчивое – относительно устойчивое" и т.д. Этот перечень с очевидной силой показывает, насколько неоднозначно понимание и толкование концепта и насколько существенной является оппозиция в каждой диаде. В этом смысле понятия – это один из модусов концепта, один из существенных модусов.

К установлению концепта, его проявления существует несколько подходов, среди которых важны – 1) определение

концепта дискурсивно (через понятие, этапные, пошаговые рассуждения, где каждый последующий шаг подтвердит осложнения концепта не только структурно, но и поуровнево); 2) выяснение концепта недискурсивно (через образ, символ, эмоцию и т.д.). Общепостулатная характеристика концепта должна охватывать не только чисто зримые, эксплицированные компоненты, но и имплицитивно, глубинно существующие (к последним относятся, вне всякого сомнения, предсознательные, бессознательные величины).

По своей ипостаси, концепты – это ментальные образования, основным проявлением которых являются хранимые в человеческой памяти в тех или иных стереотипах осознаваемо-типизированные фрагменты опыта, что делает возможным передачу информации о них другим. Культурная наработка и значимость концепта довольно легко прослеживаются через 1) семантическое поле концепта (ср., например, концепты *любовь, счастье, судьба, душа* (см. работу [303, с. 123 – 234, 237 и далее]) в украинском национально-языковом пространстве); 2) формирование вокруг определенного слова фразеологической семьи; 3) количественно частотное вхождение слова в пословицы, поговорки, высказывания, тексты популярных песен, названия книг, журналов и т.д. [50, с. 126 – 147].

В концептах находят свое выражение образно-перцептивные, понятийные и эмоционально-ценностные параметры обобщенного мировосприятия и мироосвоения. Особенно важным является показатель прецедентности (эталонности) концепта – его познавательная значимость, эмоциональная выявляемость, надличностность, регулярно возобновляемое обращение к концепту в речевой деятельности человека (ср. концепты *правда, жизнь, бытие*,

несправедливость, страдальчество и т.д.). Концепты – чрезвычайно подвижные образования, поэтому их трудно и сложно подтвердить в словарях, подтверждением становится их многомерность. Современная лингвоконцептология оперирует несколькими существенными подходами к классификации концептов, хотя каждый из них не есть всеобъемлющим и исчерпывающим, что мотивировано определенной неуловимостью концептов, отчасти невербализированностью и т.д. **По одному из подходов**, основой становится очевидная / скрытая ориентированность концептов на язык (выражение и проявление концептов языковыми средствами), что позволяет разграничивать предметные, признаковые, событийные концепты (ср. теоретические подходы к частеречной классификации, которые могут включать от четырех основных частей речи до двадцати пяти и более (взгляды О. Есперсен, Ш. Балли, В. Виноградова, И. Выхованца, А. Кубряковой и др.)). **Основу другого классификационного понимания концептов** составляет когнитивная психология с ее оперированием соответствующими моделями психологической деятельности, когда осмысленные фрагменты реальности соотносятся со сценариями, схемами, фреймами, гештальтами, слотами. В этом случае имеется фрагментация действительности и проявление последнего в соответствующих мнимых структурированиях. Удобными предстают в таком понимании толкования тех или иных моделей порождения, например, модель порождения И. Шлезингера (IM Schleisinger) основывается на том, что ядро порождения составляет простейшая семантическая пара. Так, основой высказывания *Mary has a little lamb* является представление о соотношении «владельца» и «имущества» (посессивные отношения), а с ягненком коррелирует идея маленького размера, что в целом охватывает взаимосвязанные

характеристики (посессивные отношение и связь предмета и его размеров) – «протовербальные элементы» (И. Шлезингер). Такие элементы основываются на невербальных когнитивных структурах, переходящие в протовербальные вследствие отбора говорящим из банка знаний соответствующих вербальных наполнителей (по [189, с. 110 – 112]), что составляет один из уровней концепта. Еще **один подход** основывается на ценностно аксиологической составляющей концепта и опирается на эстетических и этических категориях в силу того, что оценочная составляющая концепта, определяемая культурными ценностями, имеет директивный проявление. Его проявления выступают обязательными и регулярными, принадлежат тем, что устойчиво моделируют поведение и составляют основу этноязыковых стереотипов, ср., например: модели поздравления в симметричной, асимметричной ситуации начала коммуникативного контакта (возрастные, социальные, статусные, гендерные и т.д. измерения). Это позволяет выделять **телеонимные** концепты [74], ср., например, ценности типа *красота, любовь, добро, счастье* с доминированием оценочного компонента и нетелеонимные (*совет, просьба, поздравления* и др.). Концепты, где оценочный составляющая (шире аксиологическая) осложнена различными оттенками. Последние дифференцированы на регулятивные (*пунктуальность, щедрость, низость* и т.д. – оценочная составляющая значима) / нерегулятивные (*война, путешествие, иконы* и др. – оценочная составляющая является фоновой и осложнена определенными наслоениями, признаками) ментальные образования. Еще **один подход** к классификации концептов имеет основой дискурс, с которого вычленяются / устанавливаются соответствующие концепты. Это достаточно неоднозначный и неодноплановый подход, определяемый проблемностью квалификации самого

дискурса и определение разновидностей дискурса. В его рамках различают художественные и повседневные концепты, институциональные концепты (ср. в этом разрезе соответствующую дифференциацию речевых жанров, которые также могут быть институциональными и неинституциональными) – дипломатические, спортивные, педагогические и др. Динамика концепта, его эволюция предопределяет еще **один подход** к его рассмотрению – "динамико-статический" с разграничением устойчивых и переменных (расходуемых – типа *скромность* и рождаемых – типа *экологическая безопасность*), исконных (*мудрость* и т.п.) и заимствованных (диффамация, пиар и др.) концептов. Так, например, концепт диффамация (англ. *defamation* – ложь, неправда) – это распространение данных, унижающих кого-либо, в своей основе являются ложными. Нанесение вреда репутации какого-либо лица путем клеветнических, лживых, ложных высказываний, характеризующие определенного человека как такого, которым можно пренебрегать, насмехаться, ненавидеть, высмеивать, подвергать полному ostracismу. В рамках права Великобритании и США дифференцированные письменная и устная клевета, т.е. приписывание кому-либо определенного факта (*Соседка обокрала меня*), оскорбление – оценочная нефактуальная квалификация (*Она – воровка*) и т.д. (см.: [249; 167, с. 216 – 218]). Постепенно этот концепт «укореняется» в украинском национально-ментальном пространстве, приобретая соответствующие структурированности, ценности и проявляя свою регулярность, значимость и т.д. Его актуализированность привносит новые силовые потоки в правовую сферу, в частности в принципы морально-этического права.

Имеется также **классификационный подход**, согласно которому выделение концепта с той или иной оценочной частью основывается на соответствующем кругу лиц, объединенных такой оценкой – это общечеловеческие, общецивилизационные, этнокультурные, региональные, макрогрупповые, микрогрупповые и индивидуальные концепты. Такая классификация достаточно прозрачна и делает возможным поэтапное иерархическое (сверху вниз) прослеживание смысловой конкретизации концептуального содержания и противопоставление национально-специфических и национально-нейтральных, социально-особых и социально-нейтральных концептов, регионально-окрашенных и регионально-нейтральных концептов.

Особенностью еще одного **классификационного подхода** к концептам является сугубо тематизированным принципом и дифференциация концептов на эмоционально-чувственные (эмоционально-физические, эмоционально-психические и др.) и *коммуникативные, гастрономические* и другие. Такая классификация является открытой, так как перечень тем сложно до конца обозначить, но внутреннетематическая классификация вполне возможна и относительно закончена в каждой разновидности, чем-то напоминает закономерности гиперогиппонимических отношений.

Не менее значимой выступает **попытка в содержательном плане концепты классифицировать** на ментально оценочные проявления предметов, действий, событий и качеств [167, с. 220 – 222], ср., например, действия – это стереотипы речевого и неречевого поведения, где особенного проявления приобретает эвфемизация, с помощью которой скрывается вульгаризация, ассоциация с вульгаризацией (дословный перевод английского *I did it!* – *Я сделал это!*, что в

украинском языке имеет образно имплицированный оттенок эвфемизации (пример из [167, с. 220]). Подход от языковых структур позволяет выделить синтаксические концепты [73], которые берут за основу рассмотрение синтаксического построения как знакового с собственным означаемым – синтаксическим концептом, потому что в языке имеются символы (лексемы) и операции над / с ними – грамемы, составляющие структурную схему синтаксической конструкции. Операции обнаруживают отношения между символами, обнаруживают денотативные ситуации – предложения (по [73, с. 5]), в которой нет ни главных, ни второстепенных членов (см.: [372]), нет формальной структуры, так как это сугубо смысловой концептуальный набор компонентов, которые говорящий пытается вербализовать (деятель, действие, инструмент, объект действия, время, пространство с их внутренним членением и т.п.) (по Г.А. Волохиной, З.Д. Поповой). Это мотивировано тем, что «типичные ситуации» отображают коммуникативный и когнитивный опыт народа в обобщенном виде, являясь «мыслительными шаблонами» в плане содержания синтаксических моделей с соответствующими компонентами рассматриваемой ситуации. Предложение существует в разнообразной совокупности собственного выражения, в совокупности конкретных высказываний с актуализацией того или иного компонента, с соответствующим фокусом в коммуникации.

Все проанализированные классификационные подходы не отрицают друг друга, а лишь дополняют, подчеркивая соответствующие существенные признаки концептов: 1) понятийные составляющие; 2) образные составляющие; 3) ценностные составляющие (шире – аксиологические); 4) дискурсивную обусловленность и мотивированность; 5)

статичность; 6) динамичность; 7) вариативность; 8) инвариантность; 9) тематическое закрепление; 10) регулятивность; 11) значимость; 12) национально-культурную нагрузку; 13) интерпретативность и т.д. Совокупный учет этих признаков в значительной степени приоткрывает сверхактуальный вопрос расграничения концептов от не-концептов (ср.: *справедливость, добро, красота, истина, счастье, мудрость, ненависть* и др. – концепты; *катет, платок* и др. – не-концепты) и установление исчерпывающе квалификационных параметров "концепта концептов" как метанаучного понятия. В данном случае каждый исследователь устанавливает собственные основы, собственно почву для классификационной иерархии / системы с опорой на те или иные уже известные подходы. Поэтому иногда можно встретить понятие типа "лексический концепт" [30, с. 46], хотя не совсем понятна его дефиниция. "Краткий словарь когнитивных терминов" [192, с. 90], которая подразумевает под ним «срок, который служит объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике», то совсем не понятно, как используемое понятие соотносится с приведенной дефиницией, так как лексемы обнаруживают образы вещей, понятий, явлений и т.п., являясь основными выразителями концептов. Правда, понятие *концепт*, несмотря на все проанализированные классификации и дефиниции, не принадлежит сегодня к строго детерминированным, так как, по утверждению Жюль Делеза и Феликса Гваттари, "каждый" концепт должен рассматриваться как точка совпадения,

сгущения и накопления своих составляющих. Концептуальная точка постоянно перетекает составляющими, движется вниз и вверх. ... Внутреннеконцептуальные отношения имеют характер не включения и расширения, а исключительно упорядочивания, и составляющие концепта не бывают ни постоянными, ни переменными, а всего-навсего *вариациями*, упорядоченными по соседству. Они процессуальные, модульные. Концепт той или иной птицы – это не ее род или вид, а композиция ее состояний, окраски и пения; это что-то неразличимое, не столько синестезия, сколько синейдезия. Концепт – это гетерогенез, т.е. упорядочивание частей по сферам соседства. Он ординальный, он представляет собой интенционал, имеющийся во всех его составляющих" [110, с. 31]. Употребление же сочетания терминов "лексический концепт" не есть корректным, так как лексический уровень возникает одним из выразителей концепта, как и понятие *синтаксический концепт*, поэтому предложение определяет смысловой инвариантный концептуальный набор компонентов, которые проявляются на синтаксическом уровне последовательно, ср. концепт *небытие объекта* (ситуации «*небытие объекта в мире*», «*небытие объекта для воздействия агенса*» и др.).

В подтверждение сакраментальной оппозиции "хорошо – плохо", имеющейся во многих языках (а возможно, и универсальной), иногда отмечают, что в соответствии со словарными данными большинство этой оппозиции составляют элементы злого (76%), это в частности касается и славянских, и германских, и романских языков (О.Л. Бессонова и др.). Если исходить из прокомментированного, то легко проследить, что современные исследования концептов в определенном смысле углубляют предыдущие изучения лексико-семантических, тематических групп (середина XX века), поскольку

предусматривают основательное рассмотрение концепта как особого обобщающего проявления соответствующей семантической группы, см., например, концепты типа *движение, добро, речевая деятельность* (по В.И. Карасику), хотя в данном случае существенным становится учет особенностей фреймового моделирования значений, проявление общечеловеческого и этноспецифического, отчасти регионально / корпоративно особенного в языковом сознании (подтверждением этого может быть анализ концепта *судьбы* в российском и китайском культурно-языковых пространствах [7, с. 147 – 161]).

Не менее важным является установление дифференциальных параметров концепта, который следует истолковывать как многомерное ментальное образование с имеющимися в нем образно-перцептивным, понятийным и ценностным составляющими. Такая дефиниция довольно емкая и акцентирует на особенностях структуризации концепта. Сегодня устоявшимися имеем расхождения в понимании концепта в когнитивной лингвистике и лингвокультурной лингвистике, так как для первой концепт – это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и ментальной языка (*lingua mentalis*), всей картины мира (скорее когнитивной), проявляющаяся в человеческой психике (по А.Д. Кубряковой [192, с. 90]). Подобная дефиниция включает прослеживание направлений обработки информации от сенсорных сигналов ментальных очертаний (образов, прототипов, предложений, фреймов, скриптов, сценариев и т.д.), поэтому концепты независимы от языка, значительная часть из них объективированная в языке, но имеются такие, что и не отображены в языке, хотя существенные, доминантные концепты исчерпывающе объективированы в нем. В

лингвокультурологических исследованиях концепты – это такие образования, которые наиболее адекватно характеризуют определенную культуру, исчерпывающе обозначают ее специфику. Существенным в этом разрезе становится, например, прослеживание особенностей концептов типа «так называемое "научное"», «так называемое "художественное"», с одной стороны, и крупнейших концептов без имени (ср. : концепт как *предчувствие*; концепты как *неодобряемое, осуждаемое, запретное* т.п.), антиконцептов (ср.: *антигерой, антистих, антиэстетика, антипоэзия* и др. (см.: [Бирюков 2006]), невербализированные концепты типа *предельной минимизации концепта* – "прозрачность знака" у Ю. Степанова [330, с. 155 – 197], с другой. В широком смысле, все концепты человека являются культурными, а в узком – поведенческими, оценочными, эстетическими и другие нормы определяют именно культурные концепты. По В.И. Карасику, когнитивные концепты выступают индивидуальными смысловыми ментальными образованиями, структурирующие и реструктурирующие окружающую среду, а культурные концепты являются коллективными содержательными ментальными образованиями, фиксирующими своеобразие соответствующей культуры [168, с. 33]. Культура фиксирована в различных формах, среди которых языку принадлежит видное место, культура проявляется в языковом сознании, коммуникативно-речевом поведении, наиболее полно наблюдаемая в дискурсе, поэтому важным является противопоставление лингвокогнитивных и лингвокультурных концептов [74], где первые определяют движение от человека к культуре, а остальные – от культуры к человеку. Такие направления движения в значительной степени коррелируют с подходами "от функции к форме" и "от формы к функции" в

функциональной лингвистике, где исходными имеем понятийные категории (И.И. Мещанинов, А.В. Бондарко, Н.А. Слюсарева, и .Р. Воспитанник и др. [151; 188]).

Параметричность / непараметричность ментальных проявлений противопоставляет все концепты содержательно, где первые являются универсальными, общечеловеческими классификационными величинами типа *пространство, время, количество, качество* и т.п., а непараметрические охватывают предметно-содержательные. Так, например, в свое время И. Ньютон обосновал концепцию "истинного времени" – субстанциональную концепцию времени, по которому: «Абсолютное, истинное, математическое время само и по своей сути, вне отношения к чему-либо внешнему, протекает размеренно и по-другому называется длительностью» [236, с. 30], а соответственно реляционной концепции, развивающаяся И. Кантом, законченной же появилась у А. Эйнштейна, время является системой и для того, чтобы «придать понятию времени физический смысл, необходимы определенные процессы, которые сделали бы возможным установление связи между различными точками пространства» [380, с. 24], что в своей целостности и формирует универсалии времени (общечеловеческий концепт *время*), ср. *Время рекой течет* и др. Ценностный компонент таких концептов является адгерентным (не ингерентный (не внутренне присущий), понятийный компонент выступает многомерным знанием о ненаблюдаемой вещи. Возводить такие концепты к емкости понятий нельзя (актуализированным является разграничение понятия, образа и ценности, тогда первые – это параметрические концепты, а образы и ценности – непараметрические), скорее следует отметить превращения (трансляционности) концепта (по С.Х. Ляпину). В таком постулировании концепт выступает точкой в

сети познания, сочетающий личностные и культурно-общественные смыслы, смысловые сферы опыта, различные знания и переживании. Подобное толкование объединяет параметрические и непараметрические концепты. Лингвокультурная особенность рассматриваемых концептов заключается в закономерностях конкретизации тех или иных структурных величин в рамках определенной культуры, этноса, особенностях проявления в отдельном языке (ср., например., рассмотрение концепта *шут* в русском, английском и французском культурно-языковых традициях [225]; этот концепт коррелирует и одновременно дистанцируется с концептом *дурак* с его мифологической, идейной, бытовой моделями [42, с. 15 – 17]; их дистанцирование обусловлено несколькими факторами, среди которых существенным является позднее появление, формирование и структурирование концепта *шут* с его особенностями оценочного, интерпретативного шкалирования).

Одним из важнейших признаков категориального статуса концептов выступает их антиномичность, бинарная оппозиция как конститутивный признак концепта. У параметрических концептов бинарности присуща или уточняемость или конкретизация, или расширение и т.д. в диалектическом / логическом аспектах: *жизнь – смерть, свобода – рабство* и др.

Непараметрические концепты, охватывающие определенные морально-эстетические принципы и установки соответствующей культуры и этноса (ср., например, доминирование агентивности, приоритет права в англоязычном мире и т.п.), дифференцированы на регулятивные (доминирует в структуре аксиологично-ценностный компонент: *счастье, щедрость, отвага* и др.) и нерегулятивные (преобладает синкретично-ментальное проявление, концепты типа *здоровье,*

путешествие и др.). В составе концептов-регулятивов выделяют: телеонимные концепты – «вербализированные смыслы, имеющие опорой духовную культуру и предстают для человека смыслом жизни» [Воркачѳв 2003: 4], проявляя особенности ментальности народа или отдельной группы в составе, см, например, особенности проявления концепта *душа* в украинском национально-языковом пространстве [303]. В концептах-нерегулятивах также прослеживается национально-этническая специфика, но она предстает в них связано: концепты типа *надежда*, *зависть*, *горе* и др. По степени распространения концепты-регулятивы и концепты-нерегулятивы дифференцированы на **универсальные** (общечеловеческие) (*истина*, *добро*, *время*, *красота* и др.), **этноспецифические** (*судьба*, *душа*, *печаль* [50] и др.), **конфессионально-обусловленные** (*дух*, *традиция* и др.), **социосвойственные** (*изысканность*, *интеллигентность* и т.д.), **индивидуальные** (распространены в художественных, философских, эссеистических текстах: *Наглость - всегда со мной*; *Наглость - обширная надежда* (Дж. Кардано).

Современное понимание концепта, его структуры, соотношения с языковыми единицами опирается на длительную традицию рассмотрения и анализа языковых единиц сквозь призму логических категорий и не может стать в одно мгновение законченным и совершенным. Неоспоримым является факт общности и различия толкования концепта в чисто когнитивном и культурологическом аспектах, учета ряда признаков концепта по особенностям его проявления, содержания, структуры, степени вербализации, возможностям вербализации / невербализации, соотношением с устоявшимися моделями и стереотипами, закономерностями регулярности, социумной стратификации и значимости и т.д., отображают

значимость и важность перспектив проработки проблемы классификационных типологий концептов.

1.3. Квалификационные и классификационные признаки билингвизма: аспекты, разновидности, методы

Исследование билингвизма относится к актуальным проблемам современной лингвистики в силу активного распространения нестандартных его проявлений и расширения его функциональной нагрузки в различных сферах общества, а также формирования плоскостей активного / пассивного билингвизма с различным спектром распространения в рамках национальности, определенных социальных групп. Обобщение понятийно-терминологических наработок в сфере билингвизма позволит осуществить наработки соответствующих моделей их прикладного применения.

Билингвизм (лат. *bi* – двух + *lingua* – язык) (**двуязычие**) – в современной лингвистике имеет несколько толкований и квалификаций. Устоявшимися выступают широкое понимание билингвизма и узкое толкование билингвизма. Первое основывается на понимании билингвизма как социолингвистической категории, определяющим компонентом которой является сосуществования двух / трех языков в обществе с их адекватной нагрузкой. Такое толкование охватывает рассмотрение билингвизма как: 1) взаимодействие двух или трех языков в том же самом языковом коллективе, языковом социуме. В этом пространстве разграничивают билингвизм как социальное явление и билингвизм как факт речевой деятельности говорящего. Социальный билингвизм – это языковое явление. Билингвизм как факт речевой деятельности говорящего – измерение речевой коммуникативной деятельности индивидуума; 2) свободное

владение двумя языками (диалектами) и способность лица или группы лиц пользоваться двумя языками для обеспечения коммуникативных потребностей; 3) реализацию способности пользоваться поочередно двумя языками и сама практика поочередного общения на двух языках. Такое понимание билингвизма охватывает практику индивидуального или коллективного использования двух языков в пределах одной государственной или социальной общности в соответствующих коммуникативных сферах. Широкое толкование билингвизма непосредственно связано с понятиями язык, речь, общение, с одной стороны, с понятиями диглоссия, монолингвизм, полилингвизм, с другой. Связь билингвизма с языком и речью определяется тем, что общество пользуется языком как системой, реализующейся в речевых практиках. Билингвизм основывается на сосуществовании двух языков в обществе и соответствующих речевых практиках носителей языков. Человек или полностью усваивает одну и другую языковые системы, или же одну усваивает полностью, а вторая возникает в свернутом виде. Следует помнить, что иногда второй язык может полностью вытеснить первый, что приводит к постепенному сужению билингвальных умений и активизацию монолингвальных.

Связь билингвизма с **диглоссией** (греч. *διγλωσσία* – букв. *дваязычие*) мотивируется тем, что диглоссия – это одновременное сосуществование в обществе двух языков или двух разных форм одного языка, используемых в различных функциональных сферах. Билингвизм отличается от диглоссии, потому что последняя как социолингвистический феномен предполагает сознательную оценку говорящими своих идиом по соответствующей шкале "высокое – низкое", "торжественное – обыденное". Составляющими диглоссии могут выступать

разные языки (например, французский и русский в дворянской среде России в конце XVIII в.), различные формы одного языка (литературный язык и диалект, ср.: классический арабский язык и местные арабские диалекты), различные речевые стили (по "теории трех штилей": книжный – разговорный). Термин диглоссия введен в практику американским лингвистом Чарльзом Фергюсоном (1950-е годы). В концепции ученого компонент диглоссии с высоким престижем называется языком (H) (от английского High – высокий), компонент с низким престижем – языком (L) (от английского Low – низкий). Язык (H) выступает более формализованным и используется как официальный, его изучают в школе; язык (L) – менее формализован и используется в бытовом общении, ср.: англо-норманнский (H) и староанглийский (L) в период норманнского завоевания Англии; французский (H) и эльзасский (L) языки в Эльзасе (Франция).

Билингвизм связан с **монолингвизмом** – с одной стороны, противопоставлен ему, с другой, его функциональные проявления основываются на монолингвизме. Билингвизм непосредственно связан с полилингвизмом, потому что последний предполагает функциональное проявление в обществе более двух языков и свободное использование членами соответствующего сообщества тремя и более языками. Без билингвизма не может существовать полилингвизм, но без полилингвизма вполне свободно прослеживается билингвизм.

Активная проработка вопросов билингвизма началась в XIX в. (И. Бодуэн де Куртенэ, Г. Грюнбаум, А. Потенбня, Г. Шухардт и другие). Интенсивно его начали изучать в XX в. (В. Богородицкий, Е. Поливанов, Л. Щерба и др.). Особый вклад в исследование общепринятого понимания билингвизма и отдельных его проявлений принадлежит В. Симовичу, И.

Огиенко и др. В свое время А. Потебня утверждал, что необходимо наиболее глубоко изучать родной язык, на котором формируются необходимые речевые способности, психологические апперцепции и т.д. Развитием его идей стало разграничение абсолютного билингвизма (одинаково совершенное владение двумя языками) и денационального билингвизма (массовое овладение с детского возраста вторым языком, что приводит к ослаблению национально-языковых традиций). Факторами, способствующими сознательному сохранению позиций родного языка в условиях двуязычного обучения, выступают: 1) развитие родного языка должно опережать изучение второго / других языков за счет увеличения удельного веса родного языка во время обучения; 2) речь учащихся должна быть родной для (большинства) учителей, и они должны хорошо им владеть. По А. Потебне, второй язык психологически изменяет человека. Билингвизм охватывает такую деятельность человека, при которой два речевых кода влияют на личность.

Особенно глубокие исследования билингвизма начинаются в 70-е годы XX в., что связано с концептуальными трудами В. Вайнрайха. И. Огиенко, исследуя проблему билингвизма, большое внимание сосредоточивал на знании именно родного языка. Касательно поведения в билингвальных условиях, ученый делал акцент на том, чтобы: 1) уважать чужой язык, но требовать, чтобы уважали и твой; 2) среди своих в чужой стране разговаривать на родном языке; 3) у чужака разговаривать на его языке, но когда к тебе приходит чужак, который понимает твой язык, разговаривать с ним на своем родном.

Во второй половине XX – начале XXI в. основные аспекты билингвизма обрабатывались рядом лингвистов (В. Аврорин, Х.

Багиров, Ю. Дешериев, Л. Масенко, Л. Никольский, Я. Раевич-Винницкий, Л. Ставицкая, А. Тараненко, А. Ткаченко, В. Труб, А. Швейцер, Н. Шумарова, В. Ярцева и др.).

Билингвизм обрабатывают в нескольких аспектах: лингвистическом, психологическом, психолингвистическом, когнитивном, социологическом, социолингвистическом, педагогическом, философском, культурологическом и других.

Лингвистический аспект изучения билингвизма предусматривает: 1) анализ соотношения структур (и их элементов) двух взаимосвязанных языков; 2) исследование специфики функционирования языков в двуязычной среде; 3) выявление дифференциальных признаков каждого из языков, которыми пользуются на исследуемой территории, установление общих и отличительных черт в фонетике, морфологии, синтаксисе и т.п.; 4) исследования явлений транспозиции и интерференции в каждом из параллельно используемых языков. Анализ соотношения структур двух взаимосвязанных и контактных языков ставит перед собой задачу глубинного и поверхностного рассмотрения соотношения / не-соотношения структурных особенностей таких языков и проявление структурных особенностей каждого из языков для использования в процессе обучения второму языку. Структурное взаимодействие языков приводит к изменению в функционировании определенных языковых единиц. Исследования специфики функционирования языков в двуязычной среде конечной целью ставит задачу установления функциональной нагрузки каждого из языков и определение особенностей функционального дублирования или взаимозаменяемости языков. На нужды билингвизма в большой степени ориентировано проявление дифференциальных признаков каждого из языков, которыми пользуются на

исследуемой территории, выяснение общих и отличительных черт в фонетике, орфоэпии, морфологии, синтаксисе для надлежащего применения в соответствующих методиках обучения и избегания соответствующих ошибок. Практические требования билингвизма реализуются в исследовании явлений транспозиции и интерференции в каждом из совместно используемых языков и определении реальных и гипотетических границ транспозиции (переноса функций тех или иных морфологических, синтаксических форм), интерференции (семантической, лексической) для наработки моделей их избегания в гостевом и матричном языках .

Лингвистический аспект билингвизм концентрирует свое внимание на установлении значимости внутренних (структурных) и внешних (социальных) факторов билингвистического взаимодействия лексики и определении общего социального субстрата обоих языков. Применение соответствующих методов и методик позволяет раскрыть расхождения в распространении единиц специфического словоупотребления среди различных социальных групп информантов (жаргонизмы, экзотизмы и т.п.).

Психологический аспект прогнозирует решение следующих основных вопросов: 1) исследование механизмов речевой деятельности билингвов; 2) анализ проявлений единства языка и мышления в условиях билингвизма; 3) изучение механизма обнаружения явлений транспозиции и интерференции на разных этапах усвоения второго языка; 4) рассмотрение наличия / отсутствия иноязычного мышления (человек мыслит на родном языке). Исследования билингвизма как двуязычного вещания в психологическом аспекте часто основывается на модели М.Ф. Гарета, обработанной как развитие концепции В. Левелта, содержащей три основных

компонента: 1) концептуализатор (conceptualizer) – лингвистические дословесные сообщения; 2) формулятор (formulator) – трансформирует это содержание в лингвистическое сообщение; 3) артикулятор (artykulator) – создатель собственно внешнего вещания. В этом разрезе особенно важным выступает установление психологических основ переключения кодов в билингвальных ситуациях, спонтанной и сознательной интерференции. Билингвальной речью в психологическом аспекте выступает чередование активности двух языков с соответствующим психологическим комфортом или дискомфортом. Подавляющим большинством лексикона билингва являются леммы (lemma). Лемма – это та часть лексической информации языковой единицы, охватывающая семантический, синтаксический, иногда и морфологический аспекты. Леммы выступают источником базовых данных для построения поверхностных синтаксических структур. Леммы связывают понятие с грамматической функцией. Одним из главных составляющих психологического рассмотрения билингвизма является толкование модели порождения речи. Последняя является основой модели рамки матричного языка, основными компонентами которой выступают: 1) разница между матричным и гостевым языком; 2) различие между полнозначными и служебными морфемами. Матричный язык определяет морфосинтаксическую рамку в высказываниях с кодовыми переключениями на почве двух принципов: порядка морфем и служебных морфем, устанавливающих порядок морфем и обеспечивающих предложение синтаксически релевантными морфемами с обоих языков, в то же время ограничивают роль гостевого языка в составе предложения. Ситуативно коммуникативные модели могут сильно или слабо активизировать присутствие гостевого

языка, обуславливающего большую или меньшую частотность тех или иных переключений гостевого языка. В конструировании рамки из компонентов обоих языков все основные лингвистические операции определяются матричным языком, то есть матричная речь устанавливает порядок морфем и обнаруживает синтаксически релевантные системные морфемы. Существенными становятся в модели матричного языка: а) рамка (структура, предшествующая поверхностной реализации предложения); б) лемма (абстракция, не выступающая в поверхностной структуре, но приводящая к появлению в них лексем). Модель матричного языка делает возможными решения таких задач в теории билингвизма: 1) предусмотреть форму высказываний с переключением кодов для установления, какие высказывания с переключением кодов оформлены правильно, а какие – неправильно; 2) предложить объяснение различий в появлении морфем матричного языка и гостевого во внутренне фразовых переключениях кодов с помощью модели продуцирования речи. Сама модель рамки матричного языка основывается на психолингвистических исследованиях, в особенности – на анализе речевых ошибок, а также отдельных видов афазии.

Иногда считают, что полностью эквивалентное владение двумя языками невозможно. Поэтому обоснование абсолютного билингвизма, основывающийся на идентичном владении языками во всех ситуациях общения, является несколько условным. Мотивированно это тем, что приобретенный опыт посредством одного языка обязательно отличается от опыта, усвоенного путем применения другого языка. Использование языков часто зависит от ситуации общения. Подтверждением этого может быть предпочтение одного языка в условиях образования, науки, а в эмоциональных жизненных ситуациях –

другого. Это в определенной степени противоречит устоявшимся представлениям о психологической природе билингвизма. С позиций психологических механизмов мыслительно-речевой деятельности следует говорить о различных средствах вербализации эмоций, в особенности выражения на разных языках. В границах психологического аспекта билингвизм иногда исследуют в рамках **деятельностного подхода**, предполагающего рассмотрение билингвизма в разрезе функционирования речевой деятельности активного субъекта. Это позволяет дифференцировать различные функциональные нагрузки билингвальных умений в соответствующих коммуникативных ситуациях. Деятельностный подход к рассмотрению билингвизма в современной лингвистике в значительной степени доминирует, потому что он охватывает закономерности освоения действительности субъектом познания и определения функциональной нагрузки языков в соответствующих ситуациях общения. Деятельностный подход делает возможным установление шагов и этапов речевой деятельности человека, в частности в процессе овладения иностранным языком. Исследование **продуктивного (порождающего)** билингвизма основывается на том, что основу билингвизма составляют общие языковые механизмы – родного и другого языка. Переключение языковых кодов происходит потому, что такие коды изоморфны: основу их структуры составляют общие принципы. Особое значение имеет установление двух аспектов: 1) определение тех речевых механизмов и процессов, которые обуславливают процесс речевой деятельности человека безотносительно к используемому в этом контексте языку; 2) выяснение специфики овладения языками, являющихся универсальными для родного языка и другого языка. В толковании билингвизма часто берут

за основу теорию тройственности языковых явлений: 1) речевая деятельность, проявляющаяся в процессах говорения и понимания; 2) языковые системы (результаты понимания в конкретную эпоху развития общества, зафиксированные в грамматиках, словарях); 3) языковой материал (совокупность всего производимого языковым сообществом). Речевая деятельность – это сложный механизм, который можно истолковывать как речевую организацию индивида. В теории билингвизма речевая организация определяет речевую деятельность и ее проявления в языковом материале и языковых системах. Именно поэтому речевую организацию в билингвизме можно квалифицировать как универсальный механизм овладения языком, так как он не зависит от уровневых особенностей матричного языка – лексических, морфологических, синтаксических и других. Овладение любым языке – это овладение речевой деятельностью. Поэтому теория билингвизма, формирования билингвальных умений должны основываться на общих закономерностях речевой деятельности человека.

Психолингвистические **аспект** рассмотрения билингвизма возникает из-за активного использования концепций рамки модели матричного языка, модели гостевого языка, речевых ошибок и т.д. Речевые ошибки имеются на языковых ярусах. Среди фонетических ошибок релевантными для модели рамки матричного языка является "спутывание / смешивание звуков", а среди лексических – бленды, субституции, взаимозамены, для морфологии – существенным является "морфологическое дублирование", то есть одна основа (с гостевым языком, а не матричным языком) имеет аффиксы и с гостевым языком, и с матричным языком (ср. постоянное перемещение показателей множественного числа

существительного в украинском-российском и российско-украинском билингвизме и т.д.).

Исследование билингвизма в **когнитивном аспекте** предусматривает его анализ в контексте репрезентации знаний человека. Билингвизм отображает специфику его индивидуальной когнитивной и языковой картины мира, делает возможным исследование уровней картин мира и установление специфики концептуализации и категоризации мира обоими языками. Особенно актуальным является установление специфики рече-мыслительных механизмов, закономерностей перечня кодов модели рамки матричного языка и гостевого языка с проявлением пересечения параметров концептов, признаков категорий одной языковой системы в другую, зачастую – матричного языка в гостевой.

Когнитивный аспект изучения билингвизма основывается на исследовании особенностей формирования и функционирования когнитивных структур в сознании билингвов, потому что сознание выступает ценностью индивидуума. Здесь важным является разделение «врождённости» механизма языковой способности и «приобретённой» мыслительной способности, с которым связано понятие языковой способности. Способность – потенциальная готовность носителей языка к пониманию и воссозданию речи. С последним коррелирует понятие компетенции, предусматривающее знание определённых неосознаваемых / осознаваемых языковых правил и умение пользоваться ими в конкретной коммуникативной ситуации. Для когнитивного аспекта билингвизма важным является разделение понятий *языковая компетенция* и *использование языка*. Языковая способность – это когнитивная система (компонент сознания-разума человека). Формирование билингвальных

умений основывается на языковой способности. Языковая компетенция – усвоение, осознание языковых норм, сложившихся исторически в фонетике, лексике, грамматике, орфоэпии, семантике, стилистике и умение индивидуума надлежащим образом использовать приобретённые знания и сформированные умения. Языковая компетенция охватывает ряд особенных способностей, умений и навыков, стратегий и тактик языкового поведения, установок для успешной реализации речевой деятельности при конкретных условиях общения. Имеется определённая основа интеллектуальных действий, обеспечивающих переход от авербальной знаковой деятельности к вербальной. Этапность движения *от мысли к слову* в процессе порождения высказывания делает возможным установление глубинных структур матричного языка, которые могут применяться в обработке гостевого языка. Особенно важным является переход от глубинной структуры к поверхностной. Поверхностная структура – это конечное оформление высказывания в грамматических и фонетических планах матричным или гостевым языками. Актуальной является проблема взаимовлияния механизмов порождения речи на родном языке и механизмов порождения речи на языке, который изучается. Мышлению на гостевом языке присуща специфика по сравнению с «мышлением на матричном языке». На основе языковой компетенции проявляется речевая компетенция, которая представляется как умение адекватно пользоваться языком в конкретных ситуациях (высказывать собственные мысли, желания, намерения, просьбы), использовать для этого языковые и внеязыковые средства речи (мимика, жесты, движения, интонация). Языковая компетенция является основой использования языка во всех возможных ситуациях с адекватным выражением мысли и чувств.

Овладение концептом, его структурой и содержательным наполнением у индивидуума происходит только на основе имеющегося у него ассоциативно-аперцептивного мышления. Билингв – это индивидуум с особенной языковой конфигурацией, формирующейся под влиянием двух сопроверяемых языков. В структуры сознания билингва активно вмешивается инокультурная концептуализация действительности. Важным является установление процесса формирования инвариантного образа мира билингва на втором языке, активизация отдельных его компонентов.

В социологическом аспекте билингвизм изучают через:

- 1) выявление коммуникативных функций каждого из языков, которым пользуются языковая общественность;
- 2) анализ социального престижа языка как результата распространения геокоммуникативной и геополитической сферы функционирования исследуемого языка;
- 3) изучение инструментальной ценности языка для каждого из говорящих, кто им пользуется;
- 4) исследование языковой политики страны;
- 5) рассмотрение значимости языка в определённом обществе как составляющей национальной культуры. Имеются определённые различия в распространении языковых единиц среди разных социальных (корпоративных) групп. Поэтому важным является установление коммуникативных функций каждого из языков, распространённых на одной и той же территории, и определение признаков доминирования одного из них в соответствующих функциях. Последнее прямо коррелирует с проблемой престижности языка и в общенациональном пространстве, и в рамках определённого поколения (генерации), отдельной территории (так, например, среди младшего поколения Нижней Лужицы (Федеральная земля Бранденбург (Федеративная Республика Германия)) достаточно низким является статус

нижнелужицкого языка, что свидетельствует о её частичногенерационном статусе). Социальный престиж языков можно установить через анализ образовательного уровня различных социальных групп и распространённости / нераспространённости в этих группах, а также путём раскрытия функциональной нагрузки языков в комплексе социально-языковых нужд тех или иных корпоративных образований. Социологический аспект билингвизма концентрирует внимание на исследовании языковой политики государства, определении его приоритетов и ценностных ориентаций, направленности на формирование паритетности языков или установление определённого доминирования одного из языков. Рассмотрение билингвизма ориентировано также на выяснение нагрузки языка в сообществе как составляющей национальной культуры. Социологический аспект билингвизма должен учитывать активные проявления различных факторов – каждого отдельно и их совокупность: демографических, этнических, конфессиональных, исторических, а также особенности расселения людей, их количество. Не меньшее значение имеют традиции соответствующего региона.

Социолингвистический аспект рассмотрения билингвизма объединяет в себе признаки социологического и лингвистического исследования билингвизма. Этот аспект делает возможным дифференцирование уровней распространения билингвизма, установление плоскостей активного и пассивного билингвизма с последовательным выяснением социолингвистического статуса языков, охват билингвальными умениями национально-государственного пространства и выявлением распространения билингвизма среди верств населения и разделение общегенерационного и частичногенерационного билингвизма, общенационального и

частичнонационального билингвизма. Применение соответствующих методов и методик делает возможным выявление общей языковой ситуации и её наполнения в отдельных административно-территориальных образованиях, составление целостного социолингвистического портрета того или иного населённого пункта, региона и страны в целом, прогнозирование языковой политики.

Существенным является изучение вопроса социальной дифференциации языка на всех ярусах его структуры, характер многоаспектных взаимодействия и взаимосвязи между языковыми и социальными структурами. Анализ билингвизма в социолингвистическом аспекте основывается на том, что структура социальной дифференциации языка многомерна и охватывает стратификационную дифференциацию, обусловленную неравнорядностью (многомерностью) структуры, и ситуативную дифференциацию, обусловленную разнообразием социальных ситуаций. Функциональная нагрузка билингвизма мотивирована социальностью и ситуативностью, поэтому социолингвистическое обследование билингвизма предусматривает суммарное обследование его социальной и ситуативной нагрузки и составление целостной карты билингвизма.

Знаковым является установление контактных сфер активного / пассивного билингвизма и соотнесение функциональной нагрузки языков с определёнными государством и административно-территориальными органами языково-ценностными приоритетами, предоставление одному из языков определённых предпочтений.

Педагогический аспект билингвизма основывается на 1) обработке наиболее рациональных методов изучения процессов овладения двуязычием; 2) выяснении методов

обучения двуязычию. Педагогический аспект билингвизма должен учитывать особенности построения оптимальных моделей обучения индивидуумов гостевому языку с учётом приобретённых знаний и сформированных умений матричного языка. На основе этих моделей обрабатываются направления моделирования монологической и диалогической речи, разработка системы упражнений, формирование у детей, школьников и других возрастных групп умений и навыков общения на втором (иностранном) языке. Важным является установление методов, приёмов и методик, которые могут быть использованы как наиболее оптимальные для изучения второго языка с опорой на матричный язык, возможно использование экспериментальных методик. В обучении второму языку важным выступает формирование коммуникативной установки говорящего, установление степени эмоциональной насыщенности его речи, выяснение статусного соотношения реплик. Обучение диалогической речи предусматривает, в первую очередь, наработку у них навыков поочерёдного высказывания реплик-стимулов и реплик-реакций, образующих диалогическое единство. Для методической цели составляются списки типов и видов реплик, усвоение которых формирует навыки наиболее простого обмена информацией. Педагогический аспект билингвизма предусматривает установление оптимальных приёмов упрощения и облегчения процесса общения для надлежащего использования лаконичности, эллипсованости высказываний, интонирования высказываний, усвоение модальных и экспрессивных средств языка. Использование надлежащих методов, приёмов и методик обучения второму (гостевому) языку должно базироваться на соответствующем знании механизмов порождения речи на

родном и втором языке, что делает возможным формирование навыков линейного порождения высказывания.

Разработка билингвизма в **философском аспекте** охватывает определение гносеологических факторов формирования билингвального пространства и определение влияния последнего на личность, с прослеживанием осознанных и неосознанных компонентов. Особенную активность философский аспект изучения билингвизма приобрёл в связи с распространением бихевиористских и необихевиористских концепций, когда в центре исследования стало изучение не самого человека, а его поведения, и понимание личности как всего того, о чём она думает. Человек – это существо, которое реагирует, обучается, оно запрограммировано на определённые действия, поступки, реакции, поведение и т.п. Через манипуляции внешних стимулов можно сформировать у человека различные черты поведения. Поэтому важным является анализ связи «ситуация ↔ реакция» с соответствующими признаками: 1) исходный пункт – проблемная ситуация; 2) организм противопоставлен её как целое; 3) человек активно действует в поисках выбора; 4) обучается путём упражнений. Философское осмысление всех этих признаков и установление функционального решения проблемной ситуации в необходимости изучения второго (гостевого) языка, противопоставление себя как целостной личности языковому дуализму и характеристика возможных путей выбора. Выявление компонентов влияния на личность, которая полностью зависит от собственной среды, и наработка моделей предугадывания последствий своего поведения выступают основными заданиями философского аспекта билингвизма, особенно через призму известных разновидностей поведения (перцептивного, защитного, индуктивного, устоявшегося,

утилитарного, ролевого, сценарного, моделированного, уравнивающего, освобождающего, атрибутивного, экспрессивного, автономного, утвердительного, исследовательского, эмпатичного (в общей сумме шестнадцати)) и их участия в билингвальных условиях, влияния одного языкового сознания на другое и образование подсознательной сферы вербально-невербального взаимодействия. В философском аспекте билингвизм также рассматривается с опорой на понимание языка как определяющего нациообразующего (язык как основной компонент образования нации) фактора.

Культурологический аспект исследования билингвизма направлен на установление статусной роли билингвизма в общенациональном пространстве и определение параметров общего и отличного маркирования культурологического содержания в матричном языке и гостевом языке, определение «культурного» содержания лексем и их соотношения / несоотношения в билингвальном пространстве. Определяющим тезисом культурологического аспекта билингвизма является тезис Мартина Хайдеггера: «язык – жилище бытия»: чтобы событие стало явлением культуры, оно должно быть выражено в тексте. Выражение события в культуре опосредовано языком, где каждый язык имеет собственный инвентарь реализации познанного и осмысленного. Культурное пространство индивида вербализованно и через ословесливание он познаёт общечеловеческие и общенациональные ценности. Культурологический аспект анализа билингвизма непосредственно коррелирует с **лингвокультурологическим**. Лингвокультурологию понимают как дисциплину, изучающую воплощённые в живой природный национальный язык материальную и духовную культуры, и это воплощение

постоянно проявляется в формировании и функционировании национально-языковой картины мира. Основным объектом лингвокультурологии является взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры, а предметом – национальные формы экзистенции общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации. Теория билингвизма максимально учитывает нагрузку слова как лингвокультуремы (слово в его национально-культурных контекстах и нагрузках) и полное совпадение или абсолютное различие последней в матричном и гостевом языке. В лингвокультурологии большую силовую нагрузку имеет теория Эдварда Сепира и Бенджамина Ли Уорфа (Уорта), гипотеза лингвистической относительности, согласно которой структура языка определяет мышление и способ познания действительности.

Культурологический / лингвокультурологический аспект изучения билингвизма концентрирует внимание на различных способах предоставления знаний об окружающем мире матричным и гостевым языками, установление языково-ярусной специфики обоих языков, выявление лингвокультурологических особенностей речевой деятельности, речевого поведения, соотношения значения слова с его энциклопедическим наполнением и соответствующими коннотациями. Применение методов и методик лингвокультурологического изучения билингвизма делает возможным выявление реальных тенденций формирования бикультурного человека. Среди основных факторов, выступающих взаимосвязанными и взаимообусловленными, появления и развития билингвизма следует выделить: 1) развитие общества и развитие экономических, политических, научно-культурных, бытовых связей между языковыми сообществами, которые пользуются разными языками; 2) территориальная близость,

способствующая миграционным процессам; 3) общественные функции каждого из сопропяляющихся языков, сферы их использования.

Билингвизм – это практика альтернативного использования двух языков, возникшая вследствие цивилизованного или волюнтаристски направленного (детерминированного) взаимовлияния или направленного влияния языков (шире культур). Условия билингвизма всегда выступают детерминантами рече-мыслительной активности говорящих.

В современной лингвистике понятие билингвизма употребляется в двух значениях – в **узком** и **широком**.

В **узком значении** билингвизма – в большей или меньшей степени свободное владение двумя языками: родным и неродным; в **широком значении** – относительное владение вторым языком, способность пользоваться им в определённых сферах общения. Минимальным уровнем (порогом) владения вторым языком выступает уровень, достаточный для выполнения индивидом речевых действий. В процессе таких действий реализуются наиболее необходимые функции второго языка.

По **степени проявления билингвальных умений** следует различать **настоящий** и **ненастоящий (псевдо)** билингвизм. **Настоящий** билингвизм предусматривает почти одинаково свободное активное владение двумя и более языками. Такой билингвизм проявляется только тогда, когда степень владения вторым языком приближен к степени владения первым. **Ненастоящий** билингвизм – это навязывание сообществу идеи о свободном владении членами этого сообщества двумя языками, в реальности же присутствует полное доминирование одного со значительным процентом лиц, не владеющих вторым языком.

По условиям усвоения и признаком спонтанности формирования билингвальных умений билингвизм делится на **естественный** и **искусственный**. Такое разделение билингвизма является психологическим или психолингвистическим. Первый из языков билингва может быть доминантным (основным) и на основе него усваивается другой спонтанно через различные средства коммуникации – язык средств массовой информации, различные ежедневные языковые практики. Таковым является **естественный (бытовой)** билингвизм. Он появляется без заранее определённой установки и становления соответствующего билингвального умения. Осознание совокупности особенностей языковой системы второго языка может не происходить. **Билингвизм естественный** – усвоение второго (чужого) языка происходит в процессе активного непосредственного общения с носителями этого языка. **Искусственный билингвизм** предусматривает чётко определённую коммуникативную установку на активное и осознанное формирование билингвального умения. В этом случае индивид изучает второй язык, прикладывая волевые усилия с применением специальных методов, приёмов и методик. При **билингвизме искусственном** усвоения второго (чужого) языка происходит в процессе его изучения дидактическим путём. Билингвизм искусственный, чаще всего, – результат школьного (вузовского) изучения иностранных языков.

По **особенностям возрастного периода** билингвизм делится на **ранний** и **поздний**. Первый вид билингвизма мотивирован пребыванием и жизнедеятельностью в двуязычной культурной среде, когда билингвальные умения усваиваются в наиболее раннем возрасте. Формирование **позднего** билингвизма происходит в более позднем возрасте, когда

усвоение второго языка происходит только после усвоения родного языка.

По количеству речевых действий и степени владения языками дифференцируют билингвизм на **рецептивный, репродуктивный и продуктивный. Рецептивный (воспринимающий)** билингвизм основывается на удовлетворении приблизительным владением иностранным (другим) языком, когда человек почти не говорит и не пишет на этом языке, а удовлетворяет только элементарные потребности коммуникации. **Репродуктивный (воспроизводящий)** билингвизм отображает возможность билингва не только воспринимать (пересказывать) тексты иностранного языка, но и воспроизводить воспринятое – прочитанное и услышанное. При **продуктивном (порождающем)** билингвизме билингв понимает и продуцирует иноязычные тексты, порождает их, более-менее свободно разговаривает, пишет тексты. Изучение продуктивного билингвизма опирается на то, что основу какого-либо двуязычия представляют речевые механизмы матричного языка, но во время билингвизма они делают возможным овладение двумя языковыми системами. Для билингвизма существенным является 1) определение особенностей овладения языками, являющихся общими и для матричного языка, и для гостевого языка; 2) характеристика тех речевых механизмов и процессов, которые мотивируют процесс речевой деятельности человека безотносительно к используемой в соответствующем контексте.

По **территориальному признаку** билингвизм делится на **контактный и неконтактный. Билингвизм контактный** – такое проявление билингвизма, при котором между носителями разных языков и культур в билингвальном коллективе существует естественный контакт, то есть билингв поддерживает регулярные связи с носителями родного и чужого

языка и культуры. Это особенно становится реальным в случае активных контактов в условиях иноязычного окружения (ср.: ситуацию в нижнелужицком, верхнелужицком языках, носители которых пребывают в постоянном контакте с немецкоязычным населением, а сами территории размещаются в немецкоязычном окружении). **Билингвизм неконтактный** – в этом случае между носителями разных языков отсутствуют регулярные контакты. Билингвизм появляется в следствие овладения другим языком в школе, благодаря активным контактам с носителями языка, проживающих на территории других стран.

По **односторонности / двусторонности** различают **односторонний** билингвизм и **двусторонний** билингвизм. Билингвизм **односторонний** связан с овладением носителями одного из контактных языков другим при условии, что носители другого языка являются одноязычными. В этом случае один из участников коммуникации владеет языком другого и использует её в общении с ним; другой участник общения владеет только родным языком и использует только его. Билингвизм **двусторонний** – такое проявление билингвизма, при котором участники коммуникации знают и активно используют языки друг друга. Чаще всего наблюдается на этнических границах со смешанным населением (ср. украинско-польское и польско-украинское пограничье; украинско-венгерское и венгро-украинское пограничье).

По **признаку активности / пассивности** разделяют **активный** билингвизм и **пассивный** билингвизм. **Активный** билингвизм – это билингвизм, при котором говорящий свободно владеет вторым языком во всех формах его проявления (ср. украинско-русский билингвизм западных и центральных регионов Украины). **Билингвизм активный** – прослеживается в том, что субъект усваивает второй (неродной) язык в процессах

непосредственного общения с носителями этого языка и более-менее регулярно обращается к обоим языкам: родному и неродному. **Пассивный билингвизм** – такой билингвизм, когда говорящий владеет вторым языком частично: понимает, но не говорит, иногда даже плохо воспринимает иноязычную устную речь. Пассивный билингвизм проявляется также тогда, когда субъект, владея вторым (неродным) языком, чаще обращается к одному из них (чаще всего родному).

По **степени экстенсивности** билингвизм делится на такие виды: **общанародный / массовый, территориальный, корпоративный / групповой, индивидуальный. Билингвизм общанародный / массовый** – распространённый вид среди значительной части этноса. Такой билингвизм имел, например, место в бывшем СССР, где наравне с родным языком значительная часть населения союзных и автономных республик владела также неродным – русским, поскольку значительная часть официально-деловой, научной, профессионально-производственной и другой жизни предусматривала использование не родного национального языка, а только русского (например, военная служба предусматривала использование только русского языка; написание диссертаций на соискание научных степеней кандидата или доктора наук возможно было только на русском языке; то же касается оформления официальных документов на присуждение научных степеней, учёных званий и т. д.). **Билингвизм территориальный** – разновидность билингвизма, распространённая только на определённой территории использования того или иного языка, а на других территориях этого языка не проявляющийся (например, украинско-румынский – только отдельные районы Буковины). **Билингвизм корпоративный / групповой** – разновидность билингвизма,

охватывающая активное проявление билингвальности только в пределах определенной группировки, той или иной корпоративной группы (например, дворянская среда России). Корпоративный / групповой билингвизм охватывает всегда компактную группу населения. По своему проявлению он может быть: возрастным (билингвизм молодёжи), социально-групповым (билингвизм интеллигенции) и т. д. **Билингвизм индивидуальный** – такая разновидность билингвизма, при которой двумя языками пользуется определённый индивидуум. Этот билингвизм является достоянием отдельных носителей языка, он встречается у всех народов мира, ср., например: украинско-английский, украинско-французский, украинско-немецкий билингвизм. **Общепородный / массовый билингвизм** – это распространённый билингвизм, потому что при определённых исторических, социально-экономических, политических условиях двумя языками владеет большая часть населения определённых стран (например, бывшие республики Советского Союза, когда русский язык был постоянной составляющей билингвизма в различных его проявлениях). **Территориальный, корпоративный / групповой билингвизм** – это **ограниченный** билингвизм, когда билингвальность свойственна только определённым прослойкам населения. Последнее делает возможным дифференцирование в его рамках *культурного, профессионального, возрастного* и других видов.

По признаку **реализованности** билингвизм делится на **реальный** и **потенциальный**. **Реальный билингвизм** наблюдается в случае использования второго языка в различных коммуникативных ситуациях с соответствующей функциональной нагрузкой, **потенциальный билингвизм** характеризует знание человеком в той или иной степени второго

языка, но пользование одним языком при определённых, иногда чётко обозначенных, условиях.

По характеру совыявления нагрузки языков билингвизм дифференцируется на **чистый** и **смешанный**. **Чистый билингвизм** проявляется в тогда, когда в сознании говорящего два языка сосуществуют изолированно один от другого, вне всяких сравнений и параллелей. Такая разновидность билингвизма возникает тогда, когда второй язык изучают изолированно от первого. При смешанном билингвизме оба языка легко используются в коммуникации, но перевод с одного языка на другой усложняется, ср. употребление русскими аристократами XIX в русского и французского языков, хотя перевод с одного языка на другой вызывал затруднения. **Смешанный билингвизм** допускает параллельную связь эквивалентных средств двух языков с соответствующими для них понятиями, а через них и самих языков. Такая равноэквивалентность средств двух языков формирует потенциал активного билингвизма, в то же время он активизирует межъязыковую интерференцию.

По признаку **территориального распространения** билингвизм бывает **городской** и **сельский**, а по степени распространения в пределах страны – **региональный** билингвизм и **государственный** билингвизм. **Городской** билингвизм охватывает проявление билингвизма в пределах города, наиболее активно проявляется в мегаполисах (ср. украинско-русский билингвизм городов Харькова, Луганска и т. п.; украинско-польский – городов Львова, Ивано-Франковска и т. д.), менее активно – в городках, посёлках. **Сельский билингвизм** наблюдается в сельской местности. К этим двум основным видам территориального билингвизма следует добавить **региональный** билингвизм и **государственный**

билингвизм. Первый выступает видом билингвизма, при котором два или более языка сосуществуют на ограниченной по административно-государственному или географическому принципу территории, населённой двумя или большим количеством народов. Каждый из них имеет собственный язык и пользуется в ежедневном общении только одним или преимущественно одним языком, ср. ситуативно-территориальный билингвизм в Канаде, Бельгии, Швейцарии, Индии, Китае, Индонезии, в которых два и более языка имеют статус официальных (кроме Китая, где официальным является китайский язык). В то же время имеются регионы, где говорящие пользуются двумя языками, при условии наличия одного официального. Региональный билингвизм распространён в Украине – русско-украинский, украинско-русский в Восточной Украине, украинско-польский, польско-украинский, украинско-венгерский и другие – в Западной Украине.

Государственный билингвизм – разновидность билингвизма, при которой население определённой страны владеет двумя языками, признанными в этой стране официальными. Государственный билингвизм присущ таким странам, как Бельгия (официальные языки – французский, фламандский), Индия (официальные языки – хинди (гинди), английский), Индонезия (официальные языки – бахала, индонезийский), Камерун (официальные языки – французский, английский), Канада (официальные языки – английский, французский), Финляндия (официальные языки – финский, шведский) и др. Не менее показательной выступает Швейцария, где официальными признаны немецкий, французский (на котором говорят 18% населения Швейцарии), итальянский (не более 10% населения), ретороманский языки (0,6% населения), – ей свойственен как государственный, так и региональный

билингвизм. В Швейцарии большинство населения говорит на трёх основных языках: немецком, французском, итальянском, а на ретороманском, в пределах которого выделяют пять диалектов, говорят только в кантоне Граубюнден. Если три основных языка Швейцарии распространены по всей Европе, то ретороманский язык является микроязыком, которым пользуются только жители одного региона. Статус ретороманского языка повысили в 1996 г. С марта 1996 г. ретороманский язык признан официальным в отношениях между федерацией и её романоязычными гражданами.

По **временному фактору** билингвизм делится на **продолжительный** и **временный**. Продолжительным является такой билингвизм, при котором два языка параллельно выполняют коммуникативные функции в пределах одного и того же сообщества в течение длительного времени – нескольких веков. При временном билингвизме срок владения двумя языками сокращается до одного поколения, потом один из параллельных перестает использоваться в какой-либо сфере, и говорящий из-за недостатка общения теряет навыки владения этим языком.

По **признаку функциональной нагрузки языков** в билингвальной ситуации различают **симметричный** билингвизм и **асимметричный** билингвизм. **Билингвизм симметричный** (греч. *symmetria* – соответствие) проявляется в параметрах равноправных отношений между участниками коммуникации, когда члены определённого сообщества могут пользоваться и родным, и неродным языком, не разделяя их функциональной нагрузки. В этом случае участники коммуникации и носители языков в общем коррелируют в социально-ролевом аспекте. **Билингвизм асимметричный** проявляется в случае неравноправных отношений между участниками коммуникации,

когда один из участников по разным (в первую очередь, социальным) причинам вынужден постоянно пользоваться неродным языком.

По степени владения вторым языком билингвизм может быть: 1) **нормированный**; 2) **односторонне нормированный**; 3) **ненормированный**. **Нормированный** билингвизм охватывает соблюдение норм всех языковых ярусов обоих языков. **Односторонне нормированный** билингвизм наблюдается тогда, когда говорящий придерживается норм только одного из двух языков, чаще всего родного. **Ненормированный** билингвизм распространён в случаях пользования вторым языком с нарушением его норм частично или полностью. В этом же русле по **социально-коммуникативной нагрузке** билингвизм дифференцируется на **ординативный (нормированный)** и **субординативный (односторонне нормированный / ненормированный)**. **Ординативный** (лат. *ordinatio* – приведение в порядок) (равноправный) билингвизм охватывает проявления равного владения коммуникантами двумя языками. **Билингвизм субординативный** (лат. *sub* – под + лат. *ordinatio* – приведение в порядок) предусматривает, что участники коммуникации владеют одним языком (чаще всего, родным) лучше, чем другим (чаще всего, чужим). Подобное проявление билингвальных умений и навыков прослеживается в разделении **сбалансированного** билингвизма и **несбалансированного** билингвизма. **Билингвизм сбалансированный** – такая разновидность билингвизма, при которой участники коммуникации владеют приблизительно одинаково обоими языками. Это не исключает определённого преимущества одного из языков в различных языковых ситуациях, например, родного языка в быту, неродного языка – в сферах

приоритетного государственного обустройства: науки, производства, общественной жизни и т. п. **Билингвизм несбалансированный** охватывает случаи, при которых участники коммуникации владеют в неодинаковой степени обоими языками. Такая несбалансированность может проявляться в различных формах коммуникации – быту, науке, производстве и т. д.

По признаку линейности / параллельности билингвизм делится на **линейный** и **параллельный**. Билингвизм **линейный** является последствием одновременного изучения двух языков, при котором знание одного из языков является незавершённым. Билингвизм **параллельный** – такое проявление билингвизма, при котором овладение одним языком происходит с опорой на хорошее владение другим языком.

Признак официальности различает **официальный (культурный)** билингвизм и **неофициальный** билингвизм. **Билингвизм официальный (культурный)** проявляется в том случае, когда билингв пользуется одним из языков, которыми он владеет, только в официальной речевой ситуации (например, переводчик во время работы с делегацией и т. д.). **Билингвизм неофициальный** – такая разновидность билингвизма, при которой билингвы пользуются обоими языками и в официальной, и в неофициальной сферах.

По признаку осознанного / неосознанного приобретения билингвальных умений билингвизм делится на билингвизм **осознанный** и билингвизм **автономный (неосознанный)**. Билингвизм **осознанный** – такое проявление билингвизма, когда второй язык усваивается осознанно, с последовательным сопоставлением с соответствующими моделями, конструкциями родного языка. **Билингвизм автономный (неосознанный)** – билингвизм, при котором языки, которыми владеет билингв,

усваиваются без последовательного их соотнесения между собой.

Признак национального распространения делает возможным дифференцирование билингвизма на билингвизм **общенациональный** и билингвизм **частичнонациональный**. Билингвизм **общенациональный** – такое проявление билингвизма, при котором члены одного национального сообщества владеют двумя языками – родным и неродным, регулярно используя их в зависимости от ситуации общения. Билингвизм **частичнонациональный** охватывает такое проявление билингвизма, когда билингвальные умения распространены только в пределах отдельных слоёв национальности.

Методами исследования билингвизма являются:

- 1) **контрастивный анализ;**
- 2) **анализ ошибок;**
- 3) **интроспективные методы.**

Контрастивный анализ делает возможным установление уровня формирования билингвальных навыков с определением места и статуса навыков пользования родным (матричным) языком в овладении вторым (гостевым) языком. Поскольку навыки пользования родным языком являются чётко установленными, они влияют на приобретение новых навыков: навыки переносятся из одного языка в другой. Такие навыки могут являться позитивными и негативными (интерференция навыков). Контрастивный анализ в изучении билингвизма делает возможным прослеживание: 1) в какой степени наличие различий между языками усложняет овладение вторым языком; 2) какой сравнительный анализ языковых систем наиболее целесообразен в изучении второго языка с подчёркиванием общих и отличных аспектов; 3) активно-творческого проявления речевой деятельности субъекта в овладении вторым языком с

прогнозированием ошибок, которые можно избежать или не допустить. Применение таких подходов мотивирует прогнозирование трудностей и предвидение возможных ошибок. В общих основах контрастивный анализ должен основываться на процессах рече-мыслительной деятельности индивида, определении соотношения последних со спецификой переключения кодов и рассмотрении особенностей процессов овладения языками через закономерности взаимодействия различных языков, представляющих индивидуальное знание субъекта деятельности.

Метод анализа ошибок в билингвизме основывается на соответственной технологии анализа ошибок в родном языке, использующегося для: 1) выявления особенностей порождения и понимания речи, моделирования таких процессов; 2) установления закономерностей овладения родным языком; 3) решения практических задач восстановления речи при афазии. Метод анализа ошибок предусматривает их дифференцирование как фактов погрешностей в потоке речи вследствие возбуждения, усталости и как типичных отклонений от правил второго языка. Первые ошибки самокорректируются, последние – требуют углублённой рече-мыслительной работы, они отображают определённые этапы и уровни овладения вторым языком («ошибки развития», генетические ошибки). По характерологическим особенностям таких ошибок можно проследить генезис билингвальности, этапы усвоения второго языка или ход овладения родным языком. Анализ таких ошибок делает возможным выявление стратегий, используемых индивидами для облегчения задач в овладении вторым (гостевым) языком. Подобными стратегиями считают: а) сверхгенерализацию (те, кто обучаются, выходят за рамки некоторых правил, потому что они не воспринимают

определённые явления как таковые, которые различаются); б) игнорирование ограничений на применение определённого правила, то есть распространение правила на контексты, в которых оно в гостевом языке не используется (распространение на основы аналогии; неполное использование правила в связи с использованием более простых правил; формирование ошибочных гипотез относительно изучаемых языковых явлений как результат неправильного понимания определённых характеристик, свойственных языковым явлениям гостевого языка). В теории билингвизма особенно актуальным выступает применение метода анализа ошибок с позиции речевой деятельности индивида, этапов этой деятельности и применения билингвальных умений им.

Интроспективные методы обращены непосредственно к тому, кто обучается, его интуиции в овладении гостевым языком. В этом случае интроспекция – это наблюдение человека за внутренним течением собственной психической жизни. Важным является обращение к суждениям тех, кто обучается гостевому языку, и установление закономерностей обработки ими языковой информации в продуцировании текстов. Из лингвистики были заимствованы метаязыковые суждения, из социологии – почерпнуто шкалирование, использование опросников, интервьюирование, групповые дискуссии. С помощью интроспективных методов установлено, какие процедуры в изучении второго языка являются эффективными при соответствующей постановке цели. Интроспекция возможна для исследования стратегий использования знаний процедурного типа, когда 1) те, кто обучаются, сталкиваются с определённой степенью трудностями (что-то понимается легко и обрабатывается автоматически, а сложные фрагменты требуют осознанного применения определённых стратегий обучения и

допускают интроспекцию); 2) отдельные виды работ (диктанты, пересказы, сочинения) требуют концентрации внимания на том, что подлежит переобработке, и те, кто обучаются, осознают это, потому что в других ситуациях они выполняют такие действия автоматически; 3) того, кто обучается, можно приостановить в ходе выполнения определённого задания так, чтобы сделать доступным для интроспекции то, что чаще всего автоматизировано. Интроспективный подход возник как результат осознанной необходимости перехода от анализа продуктов деятельности субъекта (анализ ошибок и т. д.), к процессуальным возможностям овладения языком.

В последнее время распространено мнение, что наиболее оптимальным подходом к исследованию особенностей овладения гостевым языком является комплексный подход к изучению продуктивного билингвизма, учитывающий наработки контрастивного анализа, метода анализа ошибок, интроспективного подхода и сопоставляется со всем спектром рече-мыслительных механизмов и этапами порождения речевой деятельности человека.

Применение социологических методов даёт возможность установить макроситуации и микроситуации активно-пассивного билингвизма в общегосударственном пространстве, определить перспективы развития билингвизма. Так, известная билингвальная ситуация на финляндских землях в то время, когда они входили в состав Российской империи, имела неожиданное развитие вследствие оптимальной наработки перспектив развития шведско-финского и финско-шведского билингвизма. Известно, что в Финляндии к тому времени сформировалось два течения языковой политики – *фенноманы* (поклонники финского языка) и *свеноманы* (поклонники шведского языка). Административная поддержка была у первых,

что мотивировалось стремлением тогдашней Российской власти как можно больше отдалить Финляндию от Швеции. Вследствие этого в течение XIX в. финский язык утратил свою сельскую ограниченность, на нём заговорил финский город, крестьяне и сельское духовенство, интеллигенция, работники, чиновники. Твёрдые позиции шведского языка сохранялись потому, что изначально государственным языком Финляндии был шведский (и до сих пор в Финляндии часть местной литературы создаётся на шведском языке). Шведское меньшинство никогда не было настроено против государственности Финляндии, поэтому в Финляндии не возникло жёсткого противостояния двух языков. Шведский язык имеет статус государственного в Финляндии: его изучают в финских школах, а финский в шведских, что мотивировано также тем, что шведский язык связывает Финляндию с другими странами Скандинавии – он понятен во всех этих странах. Показательным является тот факт, что при таких благоприятных условиях численность носителей шведского языка в общем количестве населения Финляндии постоянно сокращается: в XVIII в. они составляли 20 % населения Финляндии, в середине XIX в. – 15%. Поэтому уровень распространения шведского среди финнов является ниже, чем уровень распространения финского среди шведов. Причин тому несколько, среди которых значимой является и тенденция к ассимиляции. Определение общей картины распространения финского и шведского языков в Финляндии, аналогично – испанского и каталонского в Испании и др. невозможно без применения **метода социолингвистического портретирования**.

Теория билингвизма в частности и биолингвология в общем активно пополняются новыми методами, приёмами и методиками исследования билингвальных ситуаций,

билингвальных умений в статике и динамике. Анализ закономерностей изучения гостевого языка требует применения методик рассмотрения переключения кодов и т. п.

Проблема билингвизма, его теоретического осмысления и практического проявления требует освещения в различных аспектах и установление пространственных наполнений билингвизма с его активными и пассивными проявлениями, что и обуславливает перспективу исследования.

Билингвизм в современном обществе имеет большую функциональную нагрузку, потому что большинство носителей национальных языков используют современные технологии, позволяющие легко входить в мировую информационную систему. Последняя в большинстве своем предполагает одного из современных мировых языков типа английского, что уже предполагает не только элементарное владение навыками такого языка, но и возможность использование его в коммуникации. Именно коммуникация ставит задачи активного освоения и родного языка, и языка и/или языков, обеспечивающих достаточное понимание.

Монолингвизм, билингвиз и полилингвизм взаимосвязаны между собой и предполагают один другого. Монолингвизм не всегда правильно истолковывают как отрицание других языков. Монолингвизм иногда обусловлен теми условиями жизни, в которых личность не ощущает потребности в знании другого языка, хотя современная цивилизация с ее весьма уплотненным информационным насыщением активизует, прежде всего, тенденции билингвизма, предполагающего владение другим языком для реализации собственных культурно-эстетических потребностей и осуществления коммуникации с носителями другого языка. Билингвизм предполагает использование

собственного языка наряду с другим, уважительное отношение к носителям родного и других языков.

РАЗДЕЛ II. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

II.1. Актуальные проблемы современной грамматики

В современной грамматической теории при всём разнообразии подходов к определению количества частей речи, прослеживанию особенностей структуры предложения, прослеживанию закономерностей организации текста и т. д. зримо возникают проблемы, которые можно квалифицировать как вопросы традиционного / нетрадиционного характера. В этом противопоставлении ни в коем случае не следует видеть определённой амбициозности, поскольку в первом случае речь действительно идёт о традиционных проблемах, связанных с 1) определением частеречной иерархии (Н. С. Поспелов, И. Р. Выхованец и др.); 2) установлением количества частей речи (В. В. Виноградов и др.); 3) выявлением ядра / полупериферии / периферии среди них (ср. точки зрения Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, В. М. Мигирина, И. Р. Выхованца и др.); 4) анализом сущности морфологических категорий (А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, С. Смаль-Стоцкий, Е. Тимченко); 5) разделением среди них словоизменяющих и классификационных (А. В. Бондарко и др.); б) определением направлений эволюции категориальной семантики (А. А. Потебни и др.); 7) прослеживанием путей трансформации классификационно-абсолютивной сущности в относительно-качественную, связанную с видоизменением специфики самой категории (см. подходы В. Н. Ярцевой, Н. А. Луценко и др.); 8) определением статуса первичных и вторичных функций морфологических форм (Е. Курилович, Ю. С. Степанов, Ж. Паре, Ж. Веренк, Е. В. Клобуков, Л. Л. Буланин); 9) установлением функционально-семантических парадигм этих форм (Е. В. Клобуков и др.);

10) констатацией внутри- и внешнеязыковых функций морфологических категорий (О. Лешка); 11) выявлением соотношения аналитичности / синтетичности в грамматическом строе языка (В. М. Жирмунский, И. Р. Выхованец); 12) дифференциацией лексико-морфологических (лексико-грамматических разрядов слов и частей речи (И. И. Ковалик, А. В. Бондарко, А. А. Колесник); 13) выяснением соотношения морфологических и синтаксических категорий (А. В. Бондарко, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Ярцева, М. В. Всеволодова); 14) определением классификационных основ типов и разновидностей сложного предложения (Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Н. С. Поспелов, А. С. Мельничук, В. А. Белошапкина, Н. Ю. Шведова, А. С. Савченко, И. Р. Выхованец); 15) прослеживанием специфики определения синтаксических категорий в грамматическом строе языка (В. Симович, С. Смерчинский, Ю. Шерех (Шевелёв), И. Р. Выхованец) и др. В то же время актуализируются нетрадиционные проблемы грамматики, связанные непосредственно с формированием нового типа грамматик, среди которых можно констатировать уже распространённые ((функциональная (А. В. Бондарко, В. С. Храковский, Н. А. Слюсарева, И. Р. Выхованец), коммуникативная (Г. А. Золотова), функционально-коммуникативная (М. В. Всеволодова), падежная (Е. В. Клобуков), ролевая или актантажная (Л. Теньер, Ч. Филлмор, Й. Ф. Андерш), конструктивная (Н. А. Луценко), идеографическая (И. Г. Милославский), ономазиологическая / семасиологическая (Е. В. Клобуков) и только что заявленные, над которыми начинается работа (валентная (Ю. С. Долгов, Т. Е. Масицкая), естественная (Ван-Валин) и др.). актуализация целого ряда традиционных проблем обусловлена

видоизменением научной парадигмы, поскольку номинативно-экзистенциальная научная парадигма основывается на трёх определяющих компонентах: 1) теории номинации, 2) теории референции и 3) теории речевых актов. Теория номинации актуализировала вопрос об отображающей потенции билатеральных языковых единиц и, что особенно показательно для синтаксиса, как словесные формы, синтаксические связи и отношения между словоформами отображают реалии объективного мира, связи между ними. Таким образом, значительными являются вопросы о том, 1) насколько язык является социальным руководством к духовному (мыслительному) освоению самого материального и духовного мира; 2) какие языковые категории и в какой степени ориентированы на систематизацию объективного мира, что они охватывают; 3) какие категоризированные дифференциально-различающие признаки выступают наиболее ёмкими и закреплёнными в языке; 4) насколько универсально-типологичными являются выделяемые признаки, поскольку количество таких признаков в каждом языке разное, но отличия в способах моделирования мира не становятся препятствием на пути адекватного членения и систематизации действительности, её восприятия людьми, говорящих на разных языках; 5) в какой степени в языке предусмотрена ролевая спецификация самих номинативных единиц, которые в процессе создания речи выполняют строго определённые соответствующие функции (по Г.-Г. Гадамеру, языковая номинация предусматривает не только «собрание мира в слово», но и чётко определённую ролевую иерархию свих языковых средств). Таким образом, всё большее значение приобретает этнолингвистический подход к рассмотрению грамматических явлений.

Теория референции, наиболее полно отобразённая в работах Г. Фреге, освещает проблему путей приобретения референтной характеристики предложением-высказыванием и через него словами и сочетаниями слов, которые вне предложения остаются только строительным материалом (247; 84). Это мотивируется двойной природой языка: с одной стороны, язык не может существовать не обобщая, с другой стороны, язык также не может существовать не конкретизируя, поскольку люди не могли бы понять друг друга. Именно эта языковая двойственность обязывает говорящего, по определению Э. Бенвениста, к процедуре двойного обозначения: используя то или иное номинативное средство, говорящий сначала констатирует денотат – класс определённых реалий, совпадающих с сигнификатом, который закреплён за определённым средством, а позже с помощью соответствующих процедур выделяет референт, который репрезентирует отдельно взятый, доведённый до грани узнавания, элемент денотативного класса. Поэтому, по А. М. Ломову [203, с. 16], номинацию следует квалифицировать как родовое понятие, включающее два тесно связанных и взаимно предусматривающих видовых понятия – (денотационную) номинацию обобщающую (М. В. Всеволодова выделяет как отдельный денотативный уровень предложения [79, с. 53 – 66]) и номинацию индивидуализирующую (референциональную). Первая из них обеспечивает категориальную объективацию жизни в языковых формах, а вторая в обратном порядке переводит категориальные объективации на язык конкретных фактов.

Теория речевых актов принадлежат к наиболее поздним компонентам номинативно-экзистенциальной парадигмы. Ядро теории речевых актов связывают с именем английского логика Дж. Остина [246], идеи которого были своеобразно

интерпретированы Дж. Серлем [295; 296], П. Ф. Стросоном [339]. Поскольку в теории речевых актов основным компонентом выступает акт речи, то важным является учёт той интенции, которую вкладывает сам говорящий (адресант) в сообщаемое, и результат, достигающийся этим высказыванием. Отсюда значимым является учёт локутивной силы высказывания, позволяющий отдельным исследователям говорить о тройной оппозиции самой макроструктуры речевого акта. Каждый из компонентов (локуция, иллокуция, перлокуция) может быть квалифицирован как отдельный речевой акт, поскольку под локутивной силой имеется в виду тот смысл, который закладывается самим говорящим (адресантом) в высказывание, соотношение содержания последнего с объективной действительностью, перлокуция – это влияние речи на мысли и чувства собеседника (адресата), полученные последствия речевого акта предсказуемого и непредсказуемого характера. Таким образом, уже в этом конспективном изложении постулатов теории речевых актов прослеживается в полной мере оппозиция и соотношение объективного и субъективного в структуре речевого акта.

Одной из актуальных проблем современных грамматических исследований является введения прагматических подходов к определению направленности тех или иных грамматических форм. Именно в силу этого сверхактуальным выступает вопрос прагмалингвистической заангажированности морфологических форм, их первичных / вторичных форм (ср. соотношение номинативно-денотативной, генерализирующей и семантико-маркированной функции форм мужского рода существительных на обозначение лиц по профессии, специальности, социальному статусу: *На урочистому зібранні виступив академік Б. Завадський, який*

звернув увагу присутніх на актуальні проблеми екологічного простору (Літературна Україна. – 2000. – 14 березня) / Статус академіка в сучасному суспільстві децю не відповідає його призначенню, оскільки останнім часом у засобах масової інформації знівельоване це високе звання (Літературна Україна. – 2000. – 13 липня) / Академік Л. Корнієвська недвозначно наголосила на суттєвій значущості компонентів атомного структурування на перебіг ланцюгової реакції (Інформаційний вісник АН ВШ України. – 1999. – № 24. – С. 18)), установление специфики их функциональной нагрузки. Именно поэтому важними являються вопросы изучения коммуникативной грамматики українського слова [175, с. 33], что особенно важно при определении направлений анализа грамматических форм в ономаσιологическом и семасиологическом ключе. Ведь та же вторичная функция морфологической формы является более напряжённой для адресанта и менее напряжённой для адресата, поскольку именно адресант концентрирует своё внимание на эмоционально-экспрессивной нагрузке соответствующего грамматического образования, адресат, в свою очередь, должен декодировать вложенное содержание с целью обнаружения в той или иной грамматической форме определённого компонента, из чего и появляется прагматическая дилемма: значимым является не только то, какое содержание вкладывает адресант в ту или иную форму, а и то, как адресат сумеет воспринять это содержание, ср. высказывание, в котором основным компонентом является форма императива *Я до тебе прийду на роботу!*, которое может означать: 1) простое донесение определённой информации; 2) строгое предупреждение; 3) резкую угрозу; 4) определённое предостережение и т. д.

Современные когнитивные подходы к анализу семантики воплотили в жизнь целый ряд когнитивно-грамматических

теорій и концепцій, начало которых следует искать, вне всякого сомнения, ещё в «докогнитивных» подходах. Такими когнитивно-грамматическими концепциями следует считать: 1) падежную грамматику; 2) лексипадежную грамматику; 3) когнитивную грамматику (Дж. Лакофф, Х. Томпсон, Р. Лангаккер); 4) теорию гештальтов в грамматическом аспекте (Дж. Лакофф); 5) конструкционную грамматику (Ч. Филлмор).

Падежные грамматики в своих основных аспектах основываются и развивают идеи ролевой семантики предложения, оперирующие понятием ролей. Такие роли выполняют референты имён в прототипных ситуациях, падежная же рамка составляет структурную основу элементарного предложения. Падежные грамматики часто квалифицируются не как собственно грамматики, а как системы семантических валентностей. Основное их предназначение состоит в описании внутренней семантики предложения (см. работы Ч. Филлмора, У. Чейфа, Р. Джекендоффа, Р. Лангаккера).

Лексипадежная грамматика (обоснована в работах С. Старосты) развивает и углубляет основные идеи падежной грамматики. Она в определённой степени может быть рассмотрена как своеобразный компромисс между генеративной грамматикой Н. Хомского и собственно падежной грамматикой. Во всех своих параметрах она исходит из концептуальных основ падежной рамки и манипуляций с пациенсом и т. п.

Распространение идей когнитивной грамматики связано с работами Дж. Лакоффа и Х. Томпсона, суть которых в отождествлении стратегий понимания и порождения предложений, рассматривающихся как когнитивные процессы, языковая же структура представляется в виде ментальной репрезентации как определённая семантическая сетка. Сегодняшнее развитие идей когнитивной грамматики значительно

дополнено теорией гештальтов и в этом разрезе актуальным является рассмотрение вопросов, связанных с установлением 1) статуса и особенностей языка как части общей когниции; 2) направлений связи параметров формы с параметрами значения, наполнение их идентичным содержанием и др. Теория гештальтов (Дж. Лакофф) предусматривает сосредоточение внимания на тех или иных образах, фигурах, имеющихся в сознании человека. Сам термин «гештальт» происходит от нем. *Gestalt*, что в переводе означает «фигура», «образ», «структура». Согласно концепции лингвистических гештальтов ментальные процессы типа восприятие, эмоции, осознание считаются таковыми, которые организованы по одним и тем же структурным принципам, которые и называются гештальтами. Р. Лангаккер считает при этом, что синтаксис реализует задание символизации, образуя континуум вместе с лексиконом и морфологией. В этом случае синтаксические единицы становятся биполярными, характеризуясь семантическим и фонологическим полюсами, и соответственно грамматика является символизацией семантической структуры. Поэтому Р. Лангаккер утверждает, что семантическая структура предложения организована эгоцентрическим образом и опирается на перформативную основу, центром которой является гворящий. В репрезентации следует чётко различать эпистемический слой и объективный уровень, который выступает наиболее низким по иерархии и модифицированными видовыми показателями. Так, общая схема семантической репрезентации предложения “*He may see her*” («Он, возможно, видит её» или «Он, возможно, может видеть её») выглядит так: эпистемический слой – *May*; экзистенциальный – *Do*; слой объективного содержания – *See, He, Her*. Одной из ядерных в этом случае является категория предиката. В конце 80-х – начале

90-х годов XX века когнитивная грамматика обретает статус самостоятельности. В то же время она существенно влияет на развитие всей концепции грамматики, поскольку при разделении субъективной и объективной модальности чаще всего опираются на отдельные постулаты когнитивности.

Не менее важными являются и проблемы концептуального размежевания ономаσιологического и семасиологического аспектов грамматики и создания грамматики адресанта и грамматики адресата, которые при всей общности будут характеризоваться значительными отличиями. Именно на это ориентированы и последние попытки создания коммуникативных грамматик (см. работы Г. А. Золотовой, М. В. Всеволодовой и др.), где последовательно прослеживается определение ракурсов предложения, направлений их речевых модификаций и приспособлений, обозначение регистров звучания. И в этом случае, вне всякого сомнения, следует говорить об интерпретативной сущности предложенческой структуры и нагрузки последней говорящим в соответствии с коммуникативно-ситуативными задачами и их надлежащим прочтением адресатом.

Современное разнообразие проблем грамматики свидетельствует о чрезвычайной заинтересованности идиоэтнической маркированностью грамматических форм, их закреплении в национально-языковой картине мира, мотивированностью эволюции грамматических форм направлениями видоизменения восприятия объективных реалий и отношений между ними. Выделение отдельных грамматик типа идеографической, аккумулятивной, словарной свидетельствует об универсальности самого понятия «грамматика» и возможности его применения ко всей науке о языке.

II.2. Концептуальные основы теоретической грамматики Ивана Выхованца

И.Р. Выхованец принадлежит к ведущим языковедам XX века. Им написан целый ряд монографий, серия весомых научных и научно-популярных статей, несколько научно-популярных книг, учебников для университетов и институтов, в которых последовательно прослеживаются 1) особенности грамматического строя украинского языка: Синтаксис знахідного відмінка в сучасній українській літературній мові. – К.: Наук. думка, 1971. – 120 с.; Прийменникова система української мови. – К.: Наук. думка, 1980. – 288 с.; Система відмінків української мови. – К.: Наук. думка, 1987. – 231 с.; Частини мови в семантико-граматичному аспекті. – К.: Наук. думка, 1988. – 256 с.; 2) закономерности функционального проявления синтаксических единиц: Нариси з функціонального синтаксису української мови. – К.: Наук. думка, 1992. – 222 с.; 3) нормативность тех или иных грамматических форм: Родовий чи знахідний відмінок? // Культура слова. – 1989. – Вип. 37. – С. 93–95 и др. В то же время учёный не обходит проблемы популяризации научных достижений, адресуя слово учителям, студентам и ученикам: У світі граматики. – К.: Радянська школа, 1987. – 192 с.; Таїна слова. – К.: Радянська школа, 1990. – 284 с. и др. В многочисленных статьях, помещённых на страницах специализированной периодики («Мовознавство» (Киев), «Дивослово» (Киев)), ежегодников («Лінгвістичні студії» (Донецк)), научных вестников и научных записок Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, Винницкого, Кировоградского и других педагогических университетов языковедом рассматриваются актуальные проблемы а) семантики грамматических единиц, б) инвентаря грамматических (морфологических и синтаксических) форм, их

места в национально-языковой картине мира; в) иерархии грамматических категорий; г) центра / полупериферии / периферии частей речи; д) различных степеней (синтаксической, морфологической и семантической) межчастеречных трансформаций; е) соотношения формально-грамматического, семантико-синтаксического и коммуникативного уровней предложения; ж) закономерностей синтаксической деривации и коррелятивности синтаксических единиц; з) классификации сложноподчинённых предложений; и) семантических отношений между предикативными частями сложного предложения и т. д. В то же время И. Р. Выхованец активно работает над вопросами нормативного курса грамматики украинского языка, вследствие чего появляется первый в Украине учебник по синтаксису: Граматика української мови. Синтаксис. – К.: Либідь, 1993. – 368 с. (см. также [124; 134]), в котором освещаются актуальные проблемы синтаксического строя украинского языка.

Уже в первой монографии [63] чётко определена заинтересованность её автора семантической специализацией падежных форм, проявлено его стремление дифференцировать первичные и вторичные функции морфологической формы винительного падежа (ср. анализ винительного прямого объекта, винительного предикативного и обстоятельственного) и проследить закономерности её сочетаемости с глагольными лексемами (на это направлено рассмотрение особенностей винительного с предлогами *в / на / за / через / крізь / під / понід / по / о (обо) / про / з / між / поміж / повз / перед / поперед / над / понад / попри*), что позволяет исследователю выявить и размежевать лексико-семантические группы глаголов, семантика которых обуславливает разный семантический статус сильноуправляемой приглагольной позиции объекта,

специализированным проявлением которой в украинском языке является винительный падеж. Именно винительный и именительный падежи позже исследователем квалифицируются как центральные в падежной системе украинского языка, к полупериферийным зачисляются дательный, а периферию образуют творительный, кличный и родительный [64].

Не остаются без внимания и вопросы синтетичности / аналитичности прямого объекта. Потому и таким актуальным в дальнейшей работе выступают вопросы статуса форм типа *у будинку, біля озера, з колегою, в лісі*, первый компонент которых всё последовательнее причисляется И. Р. Выхованцом к аналитическим синтаксическим морфемам. Основанием для такого рассмотрения стала сама семантика словоформы, которая рассматривалась как целостная и в пределах которой первый компонент действительно может рассматриваться как исключительно морфемный (ср. точку зрения И. Р. Выхованца, изложенную в монографии [60], которая стала основой его докторской диссертации [80]). В этих и последующих работах лингвиста наиболее зримым является семантико-синтаксический подход к анализу грамматических явлений, начало которого в украинском языковедении связывают с его именем. В семантико-синтаксическом разрезе нашло отображение 1) соотношение предлогов и падежей, предлогов, наречий и приставок; 2) семантических типов предлогов; 3) статики и внутренней динамики украинской предложной системы; 4) статуса предлогов в сфере синтаксических конструкций; 5) семантико-грамматической структуры морфологических и синтаксических единиц и др. По утверждению автора, «наличие совокупности семантических, синтаксических и морфологических характеристик даёт возможность выделить четыре части речи – существительное, глагол, прилагательное и

наречие» [80, с. 6]. Констатируя приверженность к четырёхэлементной системе частей речи, которая отстаивалась А. М. Пешковским, Е. Куриловичем, Ч. Фризом, Л. Теньером и др., И. Р. Выхованец обосновывает наличие среди этих четырёх частей речи ядра / полуферии / периферии. К основным (центральным) частям речи принадлежат существительное и глагол, а периферию образуют прилагательное и наречие, поскольку они используются в периферийной позиции предложения и ими выражаются нецентральные семантико-синтаксические функции [124, с. 153]. В то же время в поле зрения исследователя пребывает выяснение специфики инфинитива, который определяется им такая своеобразная форма, которая не имеет чётких морфологических признаков, по которым инфинитив можно было бы отнести к определённой части речи [124, с. 79 – 80]. Это выступает исходным моментом для дальнейших размышлений, согласно с которыми «По признаку неизменяемости он (инфинитив – А. 3.) в определённой степени уподобляется наречию. Однако синтаксическая «проверка» сразу же показывает необоснованность такого подхода...», поскольку «Правильное грамматическое обоснование статуса инфинитива в системе частей речи необходимо строить на послудовательном учёте формально-грамматического и семантико-синтаксического его функционирования» [124, с. 80]. Такой подход позволил лингвисту квалифицировать инфинитивную природу как двоякую, в которой в одинаковой степени репрезентированы субстантивные и глагольные признаки. Всё это становится основанием для выделения в дальнейших исследованиях инфинитивных словосочетаний как отдельного вида словосочетания, которые граничат с именными словосочетаниями. В таких синтаксических единицах опорный

инфинитив «представляет полуморфологизованный элемент и функционально уподобляется существительному, выполняя, в частности, роль подлежащего. *Читати книжки корисно*. Полуморфологизация позиции подлежащего может завершиться полной морфологизацией: *Читати книжки корисно* → *Читання книжок корисне*» [57, с. 80]. Таким образом, учёным развивается и углубляется семантико-синтаксическое направление, подтверждением чего также является квалификация валентности глагола как семантико-синтаксической категории, поскольку отбор признаковыми словами (как единственными носителями валентности) определённых контекстных партнёров осуществляется «на основе совместимости или несовместимости семантических признаков обоих соединяемых семантически опорного и семантически зависимого элементов (с лингвистической точки зрения), которые, в свою очередь, мотивированы явлениями действительности (экстралингвистически)» [124, с. 108].

Рассмотрение валентности глагола в семантико-синтаксическом аспекте основывается на том, что валентность как «системная семантически предсказуемая сочетаемость слов пребывает в точке пересечения синтаксиса и лексической сочетаемости. Лексическим значением слова заданы наиболее существенные условия сочетаемости его с другими словами в синтаксических единицах-конструкциях – предложении и словосочетании» [124, с. 109].

Учитывая взгляды Л. Теньера на статус валентности в языковой системе и выделение им одно-, двух-, трёх- и четырёхвалентных лексем, специфику падежной грамматики (Ч. Филлмор), И. Р. Выхованец осуществляет дифференциацию глаголов согласно их способностям присоединять аргументы для заполнения собственных семантических гнезд на шесть

разрядов: одно- (*дощить, морозить, спати, бадьоритися, худнути, товстіти, в'янути* и т. д.), двух- (*бути, перебувати, сидіти, стояти, лежати, сідати, будувати* и др.), трёх- (*рубати, різати, стругати, в'язати, називати, знайомити* и т. д.), четырёх- (*відбити, відрізати, відчистити* и т. п.), пяти- (*нести, приносити* и т. п.), шестивалентные (*везти, привезти* и т. д.) [124, с. 112 – 114]. Правда, его последователи и ученики (А. А. Загнитко, Т. Е. Масицкая и др.) обосновали наличие семивалентных глагольных лексем (*перевозити, перетранспортувати* и т. д.) и особенной разновидности глаголов с имплицитной валентностью, ср.: *солити, перчити, крохмалити* и др. (см.: [142; 211]).

Рассматривая валентность глагола, исследователь исходит из того, что она «прогнозирует» семантико-синтаксическую структуру предложения» и «определяет семантические роли существительного...» [124, с. 110]. Всё это становится отправным моментом для установления классов семантически элементарных простых предложения, которых соответственно также насчитывается шесть, поскольку их дифференциация осуществляется на основе валентности предложенческого предиката: 1) *Хлопчик спить; Дідусеві весело*; 2) *Діти опинилися біля ставка; Нам сподобалася фортеця*; 3) *Хлопчик вистругує ножем фігурку; Галинка накриває стіл скатертиною*; 4) *Ми приїхали з Луцька до Києва автобусом*; 5) *Дівчина несе із саду квіти бабусі в кімнату*; 6) *Ми привезли посуд із Почаєва до села бабусі машиною* [57, с. 127]. Каждый тип предложенческой структуры соотносится с определённым классом глагольных лексем.

Сосредоточение внимания на семантико-синтаксическом аспекте лингвистических явлений позволило И. Р. Выхованцу сформулировать концепцию функциональной грамматики

украинского языка, которую он прежде обосновал [59], а позже существенно развил в [58]. Здесь исследователь исходил из того, что при всей привлекательности рассмотрения функциональной грамматики как единого целого, в основе чего пребывает соотношение грамматических величин с теми или иными понятийными компонентами (отсюда возможны два подхода: 1) от формы к значению (установление первичных и вторичных функций грамматических форм, таким образом устанавливается её функционально-семантическое поле); 2) от значения к форме (выявляются закономерности языковой реализации оределённой понятийной семантики, ср. семантику субъекта репрезентируют формы именительного (*Хлопець співає. Учень працює*), винительного (*Мене давно хвилює давня історія*), дательного (*Матері холодно. Дитині соромно*), творительного (*Письменником підготовлено до друку рукопис нового роману. Учнями виконано контрольну роботу*), кличного (*Хлопче, принеси води!*) и других падажей)), такой подход требует последовательной коррекции. При определении аспектов функциональной грамматики следует различать функциональную морфологию и функциональный синтаксис. Вследствие этого оправданным является: 1) обоснование теоретических основ функционального синтаксиса (рассмотрение типологии функциональных подходов к изучению синтаксиса, анализ типов функциональных синтаксических единиц, исследование формально- и семантико-синтаксической структуры предложения); 2) прослеживание системы минимальных формально-синтаксических единиц; 3) выявление иерархии предикатных / непредикатных синтаксем элементарного предложения; 4) установление семантических процессов усложнения синтаксем [58]. В концепции функционального синтаксиса И. Р. Выхованца актуализируется

необходимость размежевания первичных и вторичных словосочетаний, поскольку последние всегда соотносятся с предложенческими преобразованиями в другие синтаксические единицы и представляют одно из направлений синтаксической деривации. Вследствие этого находит развитие целый ряд положений, касающихся структурирования производных предложенческих образований, поскольку «При формировании осложнённого предложения из двух или более семантически элементарных предложений в начальной его позиции может функционировать именное словосочетание, которое включает в свой состав преобразованный в опорное существительное предикат элементарного предложения и полный набор обусловленных валентностью этого предиката зависимых падежных (или предложно-падежных) компонентов, напр.: *Письменник написав роман* → *Написання роману письменником – велика подія*» [58]. Автор подчёркивает, что такие именные словосочетания нередко могут включать значительно более глубокие» преобразования исходного предложения, связанные с редукцией отдельных компонентов, изменением расположения зависимых от опорного существительного слов и т. д. Ср.: *Учень має книжку* + *Книжка лежить на столі* → *Книжка учня лежить на столі* → *Учнева книжка лежить на столі*» [58, с. 54]. Всё это приводит исследователя к выводу, что именно в именных словосочетаниях образовалась специализированная морфологическая форма зависимого компонента – прилагательного, которое согласовывается с опорным существительным в роде, числе и падеже [58].

Дифференцируя три степени межчастеречных взаимопереходов, И. Р. Выхованец утверждает, что переход «частей речи реализуется синтаксически, морфологически и семантически... началом... следует считать перемещение

элемента в нетипичную для него синтаксическую позицию. Изменяемая синтаксическая позиция может приобретать морфологическое закрепление (морфологическую степень перехода) или семантическое завершение (семантическая степень перехода)» [67, с. 20]. Таким образом углубляются концептуальные основы теории межчастеречных трансформаций, которая находит адекватное обоснование благодаря проявлению необходимости размежевания синтаксических позиций, установления особенностей их первичного конституирования и закономерностей варьирования.

Динамика точки зрения лингвиста на предметфункционального синтаксиса проявляется среди прочего и в том, что в ряде работ И. Р. Выхованец изменяет свои взгляды на словосочетание. Сначала исследователь считал, что в языке существуют только подчинительные словосочетания, но рассмотрение значительного фактического материала привело исследователя к необходимости дефинирования сочинительных словосочетаний как таких единиц, которые построены на основе сочинительной связи и представляют собой соединение однофункциональных компонентов (ср. точку зрения А. С. Мельничука на статус сочинительных словосочетаний [218]), напр.: *і сум, і радощі, і лихо; Благословенна кожна полонина, І кожен порух свіжого стебла, І чисте небо, і вологі тучі, І дивне диво – світлячки летючі!* (М. Рильський) [66, с. 206].

Определяя концептуальные основы теоретической грамматики И. Р. Выхованца, следует исходить из того, что основным для исследователя всегда является:

- 1) последовательный учёт синтаксической, морфологической и семантической специфики определённой словоформы;
- 2) размежевание формально-грамматического и семантико-

синтаксического уровня языковых единиц; 3) установление семантической, формальной элементарности / неэлементарности синтаксической единицы; 4) определение иерархии морфологических и синтаксических единиц, морфологических и синтаксических категорий; 5) выяснение объёма функционально-семантической парадигмы грамматической формы; 6) прослеживание направлений межуровневых преобразований и закономерностей вариации, модификации синтаксических структур; 7) актуализация ядра / полупериферии / периферии в системе частей речи; 8) установление нормативности / ненормативности конструкции и прослеживание её конкурентности в современной речевой практике и др. Грамматические взгляды И. Р. Выхованца сформировались на теоретических и теоретико-практических основах исследований отечественных и зарубежных лингвистов. Особенно заметным является влияние теоретической мысли А. А. Потебни, Л. Теньера, Ч. Филлмора, Е. Куриловича и др. Грамматической концепции И. Р. Выхованца свойственна целостность и завершённость. Её основу составляет семантико-синтаксический подход к анализу языковых величин.

II.3. Концептуальные постулаты функциональной коммуникативности проф. М.В. Всеволодовой

Проф. М. В. Всеволодова известна в лингвистическом мире своими весьма оригинальными толкованиями многих языковых явлений, их обобщением и теоретическим осмыслением. Но, наверное, а возможно, и очевидно, самое главное в её неповторимом видении за конкретикой синхронных явлений глубины прошлого; проникая и углубляясь в синхронный срез, помнить о тех наслоениях, за которыми порой

весьма сложно увидеть первичное, соотнесение последнего с вторичным.

Здесь уместно вспомнить, что мое знакомство состоялось с проф. М. В. Всеволодовой не так уж давно – в 1988 году в Донецком, тогда еще государственном, университете, когда она читала спецкурс по проблемам теоретического синтаксиса. Запомнился ее анализ и собственное видение состава детерминатов в русском предложении. С тех пор с различной степенью интенсивности это знакомство не прерывалось. Для меня весьма ценным и важным был объемный отзыв на мою докторскую диссертацию, напоминавший скорее отзыв официального оппонента, чем сухой отклик на автореферат. Жаль, что тогда и немного позже он не был опубликован, потому что идеи, изложенные в нем, и сегодня являются актуальными.

Меня всегда восхищала та заинтересованность проф. М. В. Всеволодовой, с какой она слушает выступления на конференциях, конгрессах, съездах. Это заинтересованность не парадная, не показушная, а заинтересованность, идущая из глубины души и основывающаяся на глубинном знании материала. Исследование обозначено как ***Концептуальные постулаты функциональной коммуниктивности проф. М. В. Всеволодовой***, что исчерпывающе отображает ее научные интересы и ее ипостась в самой жизни и в лингвистическом мире. Предложенное изыскание является только попыткой частичного осмысления научных взглядов проф. М. В. Всеволодовой, изложенных в ее многочисленных статьях, монографиях, различных пособиях, учебнике. Как и другие подобного типа размышления, предложенный взгляд страдает, в какой-то мере, ограниченностью и субъективностью.

И тем не менее... Очевидно, первый концептуальный постулат, который следует квалифицировать как один из основополагающих, – это *рассмотрение языка как целостностной системы и системы многофункциональной*, где единицы языка имеют свое назначение и в речи. Поэтому вполне возможно это квалифицировать как концепт *системности* и концепт *структурности*. Это, в определенной степени, упрощает и схематизирует взгляды ученого, потому что для нее рассмотрение любого языкового явления вне *экзистенции, номинации, речевой деятельности, целеустановки, ситуативности* не представляется возможным. Поэтому указанные концепты принадлежат к определяющим величинам ее творческих взглядов.

Появившийся не так давно учебник «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса» (М.: Изд-во Московского университета, 2000. – 502 с.) охватывает все основные вопросы современного теоретического, функционально-динамического, трансформационного, в определенной мере, когнитивного синтаксиса, начиная от освещения общеметодологических проблем функционально-коммуникативного синтаксиса (с. 2 – 19) и завершая проблемами языковых механизмов (с. 337 – 489), где последние охватывают сугубо формальные, смысловые и коммуникативные, прагматические. Позволю себе более углубленно посмотреть на эту работу, потому что считаю ее неким итогом многих размышлений автора. Учебник содержит четыре части: 1) общетеоретические основы функционально-коммуникативной грамматики (с. 8 – 75), 2) содержательные объекты и единицы языка (с. 75 – 155), 3) формальные единицы и объекты функционально-коммуникативного синтаксиса (с. 155 – 358), 4) языковые механизмы (с. 358 – 491), в которых

нашли обобщение все предыдущие изыскания М. В. Всеволодовой (Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). – М.: КРОН-ПРЕСС, 1977. – 176 с.; Всеволодова М. В., Го Шуфень. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). – М.: АЦФИ, 1999. – 169 с. и др.). Даже беглый взгляд на проблематику научных работ ученого позволяет утверждать, что определяющими для нее является также концепты *коммуникативности* и *функциональности*, ср. утверждение о том, что «текст является и целью, и средством обучения языку» (Всеволодова 2000, с. 15). Это позволило ей сформулировать и главную идею двух Международных проектов по проблемам славянских предлогов и славянских предикатов, быть инициатором работы над ними. Указанные проекты являются пилотными. Если внимательно проанализировать, то идеи, составляющие костяк этих проектов, имплицитно, а в ряде случаев и эксплицитно содержатся в ее функционально-коммуникативном синтаксисе, ср., например, аргументированную классификацию семантических типов предикатов, концептуальное утверждение о типах синтаксем и др.

Еще одной важной особенностью научных приоритетов проф. М. В. Всеволодовой является последовательный *учет дуалистичности языкового знака* с дифференциацией плана выражения и плана содержания и максимальная сосредоточенность на их нерасчленимости, амальгамности, т. е. рассмотрение плана содержания и плана формы языкового знака

в целостности, в единстве (ср. подобные взгляды В. С. Юрченко). В работе «Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложения», написанной в соавторстве с О. Ю. Дементьевой, а потом и в последующих исследованиях, достаточно последовательно и основательно разграничено денотативный, коммуникативный, семантический и синтаксический уровни предложения (ср. (Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: Изд-во Московского университета, 2000. – С. 199 – 202)). Под предложенческой денотацией понимается содержание предложения, отображающего некоторое событие объективной действительности, ситуации. Это позволяет **денотативную роль** квалифицировать как основную единицу денотации с разграничением предикатно-атрибутивных, актантных и сирконстантных ролей. Предикатно-атрибутивная денотативная роль в свою очередь дифференцирована на: действие, состояние, отношение, признак, бытие (с разграничением в рамках каждого типа сфер проявления предикативного признака (физическая, физиологическая, эмоционально-психическая, интеллектуально-творческая, социальная, духовная [78, с. 139]), хотя автор корректно, вслед за Г. И. Володиной, констатирует, что «Принадлежность обозначаемого предложением события той или иной сферы бытия определяется ... тем, что мыслится в роли участников события, т.е. лексическим значением именных компонентов», поэтому предложение *Завод сердится и подает в прокуратуру на собственный клуб*, сформированное предикатом, «предназначенным» для функционирования в эмоционально-психической сфере, имеет значение социальное на основании того, что агенсом в нем является администрация предприятия.

Актантные роли включают (вслед за Т. В. Шмелевой):

- 1) протагониста – первого или единственного денотативного актанта участника ситуации;
- 2) пациенса – второго денотативного актанта участника ситуации, на которого направлено действие протагониста;
- 3) адресата – третьего после протагониста и пациенса денотативного актанта участника ситуации;
- 4) инструмента – предмета, используемого для осуществления ситуации;
- 5) ситуанта – участника ситуации, либо осложняющего основную ситуацию, либо актантно-сирконстатного компонента.

Протагонист внутренне дифференцируется на: а) эксисциенс – при бытийном предикате (В лесу водятся *волки*); б) агенс – при акциональном предикате одушевленный протагонист (*Рабочие* строят дом) или функтив – при акциональном предикате неодушевленный протагонист (*Камень* разбил окно); в) экспериенцер – при предикатах состояния (*Гимназисты* обожали Шурочку); г) релянты – при предикатах отношения (*Петя* – брат Васи); д) дескриптив – при характеризующих предикатах (Это *пальто* новое). Обобщив протагониста в пределах двух ролей – агенса и экспериенцера, М. В. Всеволодова определяет способы его выражения. Это же относится и к пациенсу (неодушевленный – объектив (существующий до ситуации и подвергающийся действию протагониста: *Небрежно отправляют свою **продукцию** литецкие станкостроители*)); креатив (в терминах Е. В. Муравенко), или результатив (в терминах В. В. Богданова и Т. В. Шмелевой) (предмет или ситуация, появляющиеся в результате осуществления ситуации: *В студии снималась **картина** о подпольной борьбе с немцами* (К. Симонов)); эврикатив (термин ввела Т. Е. Чаплыгина) – компонент объектного типа при предикате действия в интеллектуально-творческой сфере, обозначающий результат открытия:

Открытие, способно перевернуть всю систему современных представлений о строении Луны, сделано недавно в Англии; одушевленный – это пациентив: *Афины объявили французского фашиста* персоной *нон грата*; одушевленный / неодушевленный пациенс представлен ролями: перцептив (объект физиологического / эмоционально-психологического действия / состояния, отношения: *Издавна почитался на Руси архангел Михаил* (В. Н. Сергеев); делиберат (лицо, предмет, событие – объект речемыслительной / интеллектуальной деятельности): *В России все еще пищут о войне*. Характеристика локума как одного из сирконстантов базируется на предыдущих изысканиях автора: семный состав локума определяется на основании системы признаков: а) совмещенность предмета и локума (ср.: *в Москве – недалеко от Москвы*); б) степень заполненности пространства предметом (ср.: *в Москве – по всей Москве*); в) отношение движения к локуму (ср.: *в Москве – в Москву*), вследствие чего дифференцируются три инвариантных локума: 1) локатив со значением местонахождения: *В больнице мне сделали укол*; 2) локатив со значением исходной точки: *Из штаба прислали приказ*; 3) локатив со значением конечной точки: *На шахты набирают рабочих*; 4) локатив со значением трассы: *Ребята по улице бежали без оглядки*.

Для проф. М. В. Всеволодовой языки различаются не только грамматикой и лексикой, но и набором и системами тех смыслов и значений, которые могут быть выражены посредством последних в языках. Вследствие этого можно с полным правом говорить о концепте *идиозтичности* в научных изысканиях ученого.

В разрезе этих идей, в частности многофакторности языка, исследователь четко сформулировала основные объекты изучения в функционально-коммуникативном синтаксисе: план

содержания – семантическое пространство языка; план выражения – формальные единицы и объекты; языковые механизмы, обеспечивающие возникновение и функционирование речевых построений. Существенной при этом является квалификация предложения как единицы языка и как единицы речи, поскольку формальная устроенность предложения-высказывания – наряду с актуальным членением, акцентными выделениями, порядком слов – является только средством выражения коммуникативных установок адресанта. Наименьшей единицей плана содержания считается сема с дифференциацией на: а) лексические (входят в значение слова: *проработать* – работать некоторое время, где сема 'временная протяженность' или 'дуративность' лексическая); б) грамматические (присущие форме слова как части речи, ср.: семы 'прошедшее время' и 'множ.' в словоформе '*проработали*' суть грамматические); в) лексико-грамматические – присущие форме слова определенного лексического класса, ср. сема 'местонахождение в пределах пространства, названного именем'. В дальнейшем это становится основанием для разграничения типов валентности и сочетаемости, грамматического присоединения, т. е. при анализе законов семантического согласования и квалификации механизмов валентности с разграничением в пределах последней лексической и лексико-грамматической, а в рамках Международного проекта по славянским предлогам это является основанием для разграничения семантических типов предлогов. В ряде случаев квалификация лексико-грамматической валентности как потенциальная способность словоформы открывать позиции для контекстпартнеров определенной семантики напоминает абсолютно широкий взгляд на сочетаемостные особенности словоформы. Достаточно

аргументированным в русле общей концепции является квалификация уровней логической, семантической и синтаксической валентности.

Еще одним важным концептуальным постулатом проф. М. В. Всеволодовой является *доказуемость*. В каждом случае автор не только провозглашает ту или иную дефиницию, а творчески размышляя, подводит к ее аргументированному изложению, при этом максимально соблюдается принцип от частного к общему. В каждом случае речь идет также о жизненно важных точках или сферах анализируемого языкового явления. Так, рассматривая текст, ученый говорит о том, что сферой его «жизни» является дискурс.

Научный постулат доказуемости реализуется и в многочисленных теоретических обобщениях, и в последовательном учете различных уровней предложения – денотативного, коммуникативного, семантического и синтаксического, и в этом направлении весьма важным является исследование их соотношения, отражение особенного, специфического, свойственного для каждого из уровней.

Концепт функциональности, о котором уже говорилось, является важным и определяющим в творческом и критическом осмыслении языковых явлений ученым. Даже рассматривая состав членов предложения, проф. М. В. Всеволодова выделяет наряду с общепринятыми и связку, аргументируя это учетом трех формальных признаков: 1) позиция словоформы в предложении, 2) часть речи, способная занять позицию, 3) морфологическая форма слова в этой позиции [Всеволодова 2000, с. 327 – 328]. В этом направлении следовало более углубленно рассмотреть конструкции типа *Кататься весело*, где инфинитив, по мнению проф. М. В. Всеволодовой, подлежащим не является. Это касается и явлений, где позицию подлежащего

заполняет любая часть речи типа предлога, союза, частицы, междометия: *Это тебе не ачхи!* (А. Чехов). Весьма важной является проблема квалификации связки, которую М. В. Всеволодова определяет в системе членов предложения, что требует некоторых размышлений. В свое время Т. П. Ломтев квалифицировал местоимения типа *я, ты, он / она / оно // мы / вы / они* в позиции подлежащего при формах глагольного сказуемого как приставки, ср. в чем-то подобный взгляд Ш. Балли на числительные *один, два, три, четыре* и под. при существительных в позиции подлежащего или дополнения как особенные актуализаторы. Здесь, наверное, уместно вспомнить, что Т. П. Ломтев являлся учителем, в высоком смысле этого слова, проф. М. В. Всеволодовой и много его идей она плодотворно развивает и углубляет. Это касается и синтаксических позиций внутри предложения, особенностей их регулярной / нерегулярной заполняемости. Связка, естественно, представляет структурное звено в линейной разворачиваемости предложения, но она является составной частью члена предложения – сказуемого (двусоставное предложение) / единственного главного члена предложения (односоставное предложение), а в каком измерении она выступает членом предложения – не совсем ясно.

Особого внимания заслуживает анализ М. В. Всеволодовой языковых механизмов с разграничением коррекционных (смысловых (= семантическому согласованию, валентности (лексической, лексико-грамматической, синтаксической), грамматических (присоединения, импликации); формальных (синтаксической связи (управления), скрытых механизмов (= формальным механизмам скрытой грамматики); коммуникативных механизмов (актуализационных, интерпретационных)). Особенное значение

в этом направлении принадлежит исследованию особенностей переноса ремы и определение факторов, обуславливающих сохранение статуса ремы, независимо от ее линейной позиции. Поэтому к концептуальным величинам принадлежат **актуализация** и **авторизация**. Актуализация может выражаться интонацией во взаимодействии со словопорядком, что обуславливает изменение характера всего предложения. Актуализация так или иначе связана с субъективным словопорядком, реализацией определенных интенциональных установок говорящего. Непосредственно с актуализацией связана авторизация, оценность, персуазивность (субъективная модальность). Авторизация дифференцируется на субъективированную (оценивает говорящий (я / мы-авторизация): *По-моему, книга интересна*) и объективированную (оценивает не говорящий, а другое лицо (ты / вы-авторизация): *Говорят, книга интересна*).

В этом разрезе весьма важным и ценным является выделение двух классов модусов: 1) модуса текста и 2) модуса предложения, где к модусу текста отнесено все, что принадлежит к обслуживанию значения высказывания (авторизация, внутрисинтаксическая модальность, оценка, ср. значимостную сущность предикатов типа *думать, знать, возможно, казаться, верно, ложь, хотеть, трудно, сказать, скверно* и под. (по Н. Д. Арутюновой [10]). По утверждению М. В. Всеволодовой, эти модусы суть лингвистические универсалии, с чем можно согласиться, поскольку к категориям модуса, вслед за Т. В. Шмелевой, отнесены: 1) метакатегории (информация о самом акте говорения, мотивах речевых действий: *Я приказываю вам*); 2) актуализационные категории (компоненты категории предикативности); 3) квалификативные категории (квалифицируют сообщаемое с авторских позиций:

персуазивность, оценочность, авторизация, отрицание, согласие / несогласие, подтверждение, уступка); 4) социальные категории (отражают отношения между адресантом и адресатом, ср. *Приветик!* и *Здравствуйте!*).

Не менее важным и значимым для М. В. Всеволодовой является изучение языкового явления в различных аспектах, измерениях, максимально учитывая его «жизненные» ценности. Именно это стало краеугольным камнем разрабатываемых по ее инициативе Международных проектов, каждый аспект которых наполнен ее душой, ее инициативой, ее стремлением максимально учесть различные точки зрения, разные толкования. Именно это позволило не только максимально расширить число участников проектов, но и максимально сблизить различные подходы. В то же время М. В. Всеволодова предложила свое видение всей типологической (структурной, семантической и функционально-коммуникативной) картины славянского предлога. Её разноуровневая классификация предлогов и их аналогов позволила получить первые весьма важные результаты (ср. лексикографические работы М. И. Конюшкевич, А. А. Загнитко, А. В. Ситарь, И. Г. Данилюка, И. А. Щукиной и т. д.).

Исследование функциональной коммуникативности М. В. Всеволодовой и ее определяющих постулатов является весьма важным не только в классическом определении тех или иных понятий, обнаружения в ее трудах компонентов интертекстуальности (тоже концепт ее научных изысканий), дефиниции понятий, но и для установления тех важных критериев, на основании которых делаются определенные выводы, критические осмысления, расширительное толкование тех или иных явлений. Её труды принадлежат и дню сегодняшнему, и дню завтрашнему лингвистической науки.

РАЗДЕЛ III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИИ

III.1. Морфологическая и семантическая структура категории залога и поля залоговости

Глагол – это одна из центральных частей речи, которая обозначает действие (процесс), имеет грамматические категории вида, залога, времени, наклонения, лица (категории числа и рода, подчиняющиеся категории лица) и выполняет в предложении специализированную синтаксическую функцию сказуемого. Среди глагольных грамматических категорий, тесно связанных с семантикой глагола, следует разграничивать собственно глагольные грамматические категории, которые формируются в нем и при условиях транспозиции обнаруживаются следующим образом: глагол – другие части речи, с одной стороны, и несобственно глагольные грамматические категории, которые морфологически отражаются в глаголе и обнаруживаются в процессе возможных транспозиций: другие части речи – глагол, с другой стороны. Первые категории являются определяющими для глагола, другие – общие для других частей речи и глагола. К первым относятся категории времени, вида, наклонения и залога, к другим – категории лица, числа и рода.

Глагол играет роль организующего центра предложения, вершины, к которой сводится, в конце концов, вся сеть последовательно разветвлённых синтаксических связей (согласно вербоцентрической теории). Именно в этом смысле глагол предопределяет синтаксис фразы. Но существует и обратная зависимость: субъектно-объектные отношения являются очень важными для собственной лексической семантики глагола. Основной объём субъектно-объектных отношений охватывает такие понятия, как переходность,

возвратность, залог, которые связаны между собой настолько тесно, что грамматическая наука чаще всего не разделяет их. Решение теоретических проблем переходности, возвратности, залога является важным не только для всестороннего определения характеристики глагола, но и для описания общей структуры языка. «Предыдущие монографические исследования отдельных сторон грамматического строя, – подчёркивал С. Б. Берштейн, – являются необходимым условием для создания сведённых капитальных грамматик» [37, с. 4]. Эта проблема сохраняет свою актуальность и сегодня.

Исследованию категории залога посвящены труды целого ряда лингвистов, таких как Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, Н. П. Некрасов, А. М. Пешковский, А. Б. Шапиро, А. В. Исаченко, А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, И. Р. Выхованец, Б. Ю. Норман, Л. Теньер и др.

Славянская грамматическая традиция, которая насчитывает уже не один век, и сегодня не имеет единого определения залога. В немногочисленных залоговых концепциях XIX – XXI веков в понятие залога вкладывался самый разнообразный смысл, а классификации насчитывали от двух до пятнадцати и более противопоставляемых друг другу залогов. Но самое главное – спорным оставался и остаётся объём этой категории. Одни учёные понимают под залогом отношение глагольного действия к грамматическому субъекту, другие называют так объектные отношения глагола, третьи распространяют это название на всю совокупность субъектно-объектных отношений относительно строения славянского предложения.

Различия во взглядах на категорию залога объясняются, в первую очередь, её сложностью в славянских языках. «В

категории залога пересеклись пути развития различных грамматических и лексических явлений в сфере глагола», – констатирует В. В. Виноградов [53, с. 501].

Целью исследования является определение структуры глагольной категории залога, а заданием – рассмотрение и наблюдение соотношения / несоотношения категориальных форм залога с переходностью / непереходностью, рефлексивностью, проявление взаимодействия категории залога с категориальным значением вида, времени, способа. Не определив структуру глагольной категории залога, невозможно понять категориальные значения залога и связи этой категории с другими глагольными категориями.

Определяя залог как глагольную категорию, одни учёные утверждают, что это грамматическая категория (синтаксическая, морфологическая, морфолого-синтаксическая), другие констатируют, что круг вопросов относительно семантико-грамматического статуса глагольных форм залога выходит за пределы морфологии и сосредотачивается в лексической сфере.

Так, по А. А. Потебне, ни один глагол не может сразу обладать несколькими залоговыми значениями. «Высказывание: глагол такой-то переходит в такой-то залог – мы должны понимать так, что перед нами два разных, но однозвучных глагола, которые принадлежат к двум разным залогам, и что эти глаголы одного «происхождения» (цит. [53, с. 501]). Значение залога, по мнению А. А. Потебни, возникает и реализуется в предложении, в составе которого слово только и живёт настоящей, индивидуальной жизнью. Залог (по определению А. А. Потебни) – это отношение субъекта к объекту, точнее: отношение сказуемого к подлежащему и дополнению. В это понятие входит отсутствие / наличие субъекта и отсутствие / наличие объекта.

Итак, залог – синтаксическая категория, которая тесно связана со структурой предложения. Она основывается на понятиях переходности и непереходности глагола. По необходимости наличия или отсутствия объекта глаголы делятся на объектные (переходные) и субъектные (непереходные). Те объектные глаголы, которые требуют прямого дополнения в винительном падеже, А. А. Потебня называет действительными, другие глаголы, которые требуют дополнения в других непрямых падежах, вместе с субъектными, принадлежат к разряду средних.

И. Р. Выхованец аргументирует другую точку зрения на определение категории залога. Он отрицает наличие глагольной грамматической категории залога. Отрицание основывается на учёте системы соотношений двух семантических классов глаголов с семантикой действия и семантикой состояния. По его мнению, так называемые активные и пассивные формы глагола нельзя считать с лексической точки зрения равными. Хотя обе формы касаются обозначения, казалось бы, одной и той же ситуации, но существенно отличаются. Лингвист отстаивает тезис о том, что вопросы о правилах трансформации предложений с глаголами активного залога в предложения с глаголами страдательного залога и наоборот тесно связаны с вопросом функционирования падежей. Поэтому все вопросы, касающиеся глагольных форм залога, сосредотачиваются в лексической сфере и синтаксисе. Трансформация актив → пассив касается семантической основы предложений и состоит в семантическом преобразовании глагольных предикатов. Замена активной конструкции пассивной обусловлена преобразованием предиката действия в предикат состояния. Значит, такие преобразования происходят не в пределах того же слова, а касаются разных слов. Таки залоговые

формы глаголов являются разновидностью лексической деривации слов. Поэтому, считает И. Р. Выхованец, преобразования актив → пассив не имеют отношения к грамматическим категориям.

М. А. Жовтобрюх отмечает морфологический статус грамматической категории залога глагола. «В украинском языке, как и в русском, – констатирует автор, – категория залога является такой грамматической категорией в системе глагола, которая проявляется в формах слова и в способах глагольного управления» [123, с. 331]. Грамматическая категория залога глагола выражает отношение действия к субъекту и его объекту. Морфологическим способом выражения разных отношений действия к его субъекту или объекту в современном украинском языке выступает элемент *-ся*. М. А. Жовтобрюх приводит такой пример: «В предложении *«Ми будемо тракторний завод»* глагол *будемо* без элемента *-ся* указывает, что действие от действующего предмета (*ми*), название которого исполняет синтаксическую роль подлежащего, прямо переходит на объект (*завод*), название которого используется в функции прямого дополнения. В предложении *«Тракторний завод будеться нами»* этот глагол с элементом *-ся*, не изменив своего лексического значения, выражает уже другое отношение действия к субъекту и объекту: он указывает, что объект, выполняя в предложении функцию подлежащего, попадает под влияние действия субъекта, который в предложении является непрямым дополнением [123, с. 331]. Значит, М. А. Жовтобрюх делает вывод, элемент *-ся* выступает средством выражения грамматической категории залога глагола. Далее лингвист утверждает, что использование глагола с элементом *-ся* и без него изменило также и характер глагольного управления. Глагол

будуємо – переходный, а соотносительный с ним *будується*, образованный без элемента *-ся*, – непереходный.

Итак, разные отношения действия к его субъекту и объекту тесно связаны с переходностью / непереходностью глагола. Грамматическая категория залога свойственна всем переходным глаголам и также непереходным, которые образованы от переходных с помощью элемента *-ся*, потому что только они выражают отношение действия к субъекту и объекту. М. А. Жовтобрюх выделяет и такие глаголы, для которых грамматическая категория залога не характерна. Это такие непереходные глаголы, которые не соотносятся с переходными: *йти, спати, сміятися*. Эти глаголы не выражают каких-либо отношений к объекту. Также непереходные глаголы, которые не образованы от переходных элементом *-ся*, категории залога совсем не имеют. М. А. Жовтобрюх выделяет в современном украинском языке в пределах переходных глаголов и соотносимых с ними непереходных с элементом *-ся* три залога: активный (или действительный), возвратно-средний и пассивный.

А. В. Бондарко считает, что залог глагола – это морфолого-синтаксическая категория. По его мнению, категория залога может рассматриваться как грамматическое ядро функционально-семантической категории залоговости. Введение понятия залоговости может способствовать разработке такой теории залога, в которой попытка выделить грамматические элемента залога будет сочетаться с анализом их связи со словообразовательными, лексико-семантическими и лексико-синтаксическими явлениями, которые принадлежат к одной семантической сфере. Трудности решения проблемы залога состоят в том, что в этом случае чётко не определилось грамматическое ядро функционально-семантической категории.

Не составила однородная система грамматических форм с прозрачными формальными показателями. Грамматические элементы этой категории (активные и пассивные причастия, пассивные и активные конструкции) тесно переплелись с определёнными сферами словообразовательной и лексико-синтаксической периферии залоговости – возвратные глаголы, переходность / непереходность.

А. В. Бондарко рассматривает категорию залога как систему грамматических форм глагола, которая устанавливает отношение глагольного действия к подлежащему. Это отношение может проявляться двояко, соответственно, различают два залога – активный и пассивный. Во-первых, глагольная форма характеризует подлежащее как субъект действия: *Листи розносяться листоношею*. Формы активного залога выступают в активных оборотах, формы пассивного залога – в пассивных оборотах. А. В. Бондарко указывает, что по синтаксическому признаку – способности сочетаться с прямым дополнением – глаголы делятся на переходные: *розносити (листи), перемогти (супротивника)* и непереходные: *кричить, лежить*.

По морфологическому признаку – наличию или отсутствию элемента *-ся* – глаголы делятся на возвратные (*хитається*) и невозвратные (*лежить*). Возвратные глаголы являются непереходными, невозвратные глаголы могут быть как переходными, так и непереходными.

Относительно категории залога необходимо разделять глаголы двух типов. Глаголы первого типа имеют соотносительные формы двух залогов, активного и пассивного (*розносить – розноситься, переміг – був переможений*). Глаголам второго типа свойственны только формы

действительного залога (*лежит*, *хитается*). Глаголов, которые обладают лишь формой пассивного залога, нет.

И. Г. Милославский подходит к категории залоговости, как к склоняемой морфологической категории с синтаксическим элементом значения. Как морфологическая категория залог отображает возможность глагола сочетаться с подлежащим как с объектом действия. Эта категория может приобретать два значения: активное и пассивное. Глаголы в форме пассивного залога могут сочетаться с подлежащим как с объектом действия. Глаголам в форме действительного залога такая черта не свойственна.

Синтаксические элементы значения в противопоставлении глагольных форм с *-ся* формам без *-ся* актуализируются в высказывании. Как таковым синтаксическим элементом значения выступает способность некоторых форм с *-ся* сочетаться с подлежащим (формой именительного беспредложного) в значении объекта действия. Формы без *-ся*, наоборот, никогда не могут сочетаться с подлежащим в значении объекта действия: *Робітники будуть будинок* → *Будинок будеться робітниками*. Легко проследить, что глагол с *-ся* во втором предложении (*будеться*) сочетается с подлежащим в значении объекта действия. Глагол без *-ся* в первом предложении (*будут*) не имеет такой способности. Подлежащее при нём (*робітники*) не имеет и не может иметь значение объекта действия.

Очевидно, в полной мере можно рассматривать залог глагола как категорию с морфологической основой. Она является системой грамматических форм глагола, которые указывают на направленность или ненаправленность глагольного действия на предмет, обозначенный подлежащим.

Категория залога содержит две граммемы – активный и пассивный залог.

Активный залог (актив) является системой форм, которые указывают на ненаправленность глагольного действия на предмет, обозначенный подлежащим: *Вітер, неначе хлопець у танку, в усі боки повертав білу метелицю* (М.Стельмах); *Хто ж: метелиця, або вітер найняли музикантів на свої заручини?* (М.Стельмах).

Пассивный залог выступает системой форм, которые указывают на направленность глагольного действия на предмет, обозначенный подлежащим: *Питання, що розглядаються менеджерами на своїх зборах, не відбивають конкретного стану речей* (Україна молода. – 2004. – 19 вересня); *Роботи виконуються упорядниками підрядної організації* (Сільські вісті. – 2005. – 15 липня).

Подлежащее в активных конструкциях (*вітер, метелиця, заметіль*) обозначает субъект (продуцента) действия, в пассивных конструкциях (смещён акцент сообщения) – объект действия. Направленность или ненаправленность действия на предмет, обозначенный подлежащим, даёт объективную или субъективную характеристику этого предмета.

Наиболее принципиальным моментом в структурировании теории залога является установление залоговой парадигмы. Так, при рассмотрении глагола *доставляти* легко определить набор соотносительных форм актива и пассива: *доставляє – доставляється, доставляв – доставлявся, буде доставляти – буде доставлятися, доставляв би – доставлявся б; доставити – доставитися, доставити – бути доставленим, може бути доставлений, доставляючи – (підрядним реченням), що доставляється* – (дісприслівник). Этот перечень форм несёт информацию о том, что залог в этом случае рассматривается как

грамматическая (морфологическая) категория, содержащая две грамемы – активный и пассивный залог. Согласно анализу, залог свойственен всем основным формам глагола – личным формам, инфинитиву, причастию и деепричастию. Любая форма глагола характеризуется согласно залогу как форма актива или пассива. С соответственной системой форм залог является склоняемой категорией. Формы актива не имеют морфемного показателя залога, а формам пассива свойственны такие показатели: элемент *-ся* – для форм несовершенного вида, суффиксы *-ан*, *-н* – для причастий совершенного вида. Пассивные формы совершенного вида, кроме причастий, являются аналитическими: они состоят из пассивного причастия, образованного от основного глагола, который выражает значение залога и вида и передаёт лексическое значение, и соответственной формы вспомогательного глагола *бути*, который выражает значение инфинитивности, залога, лица и времени (эта форма может быть нулевой, ср.: *доставлений і був доставлений*).

Показатели пассивного залога не следует абсолютизировать, поскольку они могут быть грамматически многозначными или даже иметь грамматические омонимы: *Дивізія розгорталася для атаки* (актив) / *Принесені пакети розгорталися і розсипалися* (пассив) / *Двері і рами в кімнаті до свята були пофарбовані* (пассив).

Л. Л. Буланин обращает внимание на тот факт, что категории залога свойственна полевая структура, то есть разделение явлений, принадлежащих к центру и к периферии. Во-первых, к центру принадлежит соотносённость активного и пассивного залога, характерная для переходных глаголов. Периферию составляют соотносимые по залогу непереходные и некоторые переходные глаголы, для которых характерны только

формы активного залога (*стояти, викупатися, мчатися, дякувати, змішувати*). Наиболее крайнюю периферию составляют безличные глаголы (*вечорі*), которые не сочетаются с подлежащим. Во-вторых, к явлениям центра принадлежит последовательное противопоставление в личных формах глагола, когда возможно наблюдать регулярное соотнесение форм и предикативных синтаксических конструкций: *Директор підписав наказ* → *Наказ був підписаний директором*; *Новини передають по телевізору* → *Новини передаються по телевізору*. Все остальные основные формы представляют периферию залогового противопоставления. У них чёткость морфологической соответственности контрастирует с вполне возможным отсутствием соотнесённости на синтаксическом уровне: то есть активным инфинитивным, причастным и деепричастным конструкциям могут не соответствовать пассивные инфинитивные, причастные и деепричастные конструкции и наоборот, ср.: *Необхідно купити цю книгу.* → *Можна сказати лише: Необхідно, щоб ця книга була куплена.* Деепричастия представляют граничную степень периферийности залогового противопоставления.

Анализ глагольной категории залога переплетается с оппозициями переходности / непереходности, рефлексивности / нерефлексивности. Переходность / непереходность, рефлексивность и залог очень тесно связаны. Отношение глагольного действия к грамматическому объекту и грамматическому субъекту образуют систему субъектно-объектных отношений. Особого внимания требуют объектные отношения глагола, в частности переходность, поскольку объектные отношения в значительной степени определяют отношение глагольного действия к грамматическому субъекту. Под переходностью следует понимать способность глагола

управлять прямым объектом. Прямой объект, прежде всего, связан с формой винительного падежа без предлога:

Таблиця 1.

Переходный глагол	Прямой объект
активізувати	студентів
амністувати	ув'язненого
ампутовати	руку
абстрагувати	істотні риси
афішувати	від'їзд
атестувати	людину
атакувати	охорону
асфальтувати	майдан
асигнувати	будівництво

Однако именно это связь, а не равенство, поскольку не каждый винительный беспредложный квалифицируется как прямой объект: *їхати кілометр, читати цілий день* (винительный обстоятельственный); с другой стороны, прямой объект может выражаться различными формальными средствами. Так, к прямому объекту принадлежат на основе функциональной общности также некоторые случаи употребления родительного падежа без предлога, например, в случаях, когда глагол, который управляет, имеет отрицание: *Мати і сьогодні не білила кімнати* [308, с. 184]; в случаях, когда действие распространяется не на весь прямой объект, а на его часть: *купити хліба, витити молока*.

Функционально-синтаксическое значение – это только один уровень переходности, а, с другой стороны, переходность ещё связана с семантикой глагола. Все глаголы по сочетаемости с прямым объектом делятся на переходные и непереходные. В лексической семантике непереходных глаголов значение переходности принципиально отсутствует: *лежати, спати, йти*,

ходити, бігти и др. Эти глаголы вообще не сочетаются с прямым объектом: *піднімати, брати* и др. Значение переходности, заложенное в корневой морфеме этих глаголов, всегда реализуется синтаксически: глагол не употребляется без формы прямого объекта. Существуют также глаголы, в лексической семантике которых содержится значение направленности действия на объект, но оно лишь потенциально и требует для своего формального выражения соответствующих синтаксических условий: наличия какой-либо формы прямого объекта (*пити воду, шити костюм*). При отсутствии этих условий значение переходности остаётся невыраженным (*пити великими ковтками, шити швидко і красиво*).

Итак, переходность, объединяющую лексические и синтаксические признаки глаголов, необходимо охарактеризовать как лексико-синтаксическую категорию, которая проявляется в двух противопоставленных вариантах: транзитив (действие направлено на объект) и интранзитив (отрицание этого признака). Транзитив всегда выражается синтаксически (прямой объект), а интранзитив на практике может быть представлен или морфологически (возвратным элементом *-ся*) или – нулём прямого объекта в таких случаях, которые соотносятся с наличием прямого объекта.

Соотношение залога и переходности можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, это отличие залога от переходности, во-вторых, это связь залога и переходности. Никто никогда не утверждал, что залог и переходность – это одно и то же. Однако на практике такое смешение встречается. отождествление класса переходных глаголов с глагольными формами активного залога, которое встречается впервые у М. В. Ломоносова, повторялось потом многими авторами. А. А. Потебня, например, считал, что залог – это отношение глагола к объекту. На основе

этого он выделял два залога – активный, к которому принадлежали переходные глаголы, и средний, к которому принадлежали непереходные глаголы. Следовательно, А. А. Потебня отождествляет дифференциацию активного и пассивного залогов с разделением переходности и непереходности глаголов. Очевидно, под залогом необходимо понимать что-то отличное от переходности, а не тесно связанное с ней. По сути, это два важных грамматических отношения глагола – к грамматическому субъекту (залог) и прямому объекту (переходность). Связь залога и переходности состоит в том, что только переходные глаголы могут быть двухзалоговыми, и именно они (переходные глаголы) образуют пассивные формы. Однако необходимо помнить о внутренней дифференциации самих переходных глаголов, среди которых выделяются: 1) глаголы, которые образуют формы пассива: *читати – читається, відправляти – відправляється, висушувати – висушується, добувати – добувається* и др. Эти глаголы можно назвать соотносительными с залогом; 2) глаголы, не образующие формы пассива. Это несоотнесённые по залогоу глаголы. Их можно объединить с непереходными, не образующими форм пассива – ни возвратных форм, ни деепричастных форм. Так, не свойственны пассивные формы на *-ся*: а) глаголам разговорно-просторечной окраски: *сборбати, цмокнути, гальмувати* и др.; б) отдельным глаголам речи, мышления, чувств: *думати, шкочувати, шепотіти, почувати, знати* и т. д.; в) каузативным глаголам: *морозити, смішити, хвилювати, радувати* и т. п.; г) глаголам движения: *мчати, переходити, перебігати, перестрибувати* и др.; д) глаголам совершенного вида, преимущественно однократного способа действия, которые имеют в своём составе суффикс *-ну-*, например: *жбурнув, лизнув* и т. п.

Анализ различных точек зрения учёных на проблему соотношения залога и переходности свидетельствует, что её трактовка имеет несколько направлений в современной лингвистике: во-первых, противопоставление активного и среднего залога основывается на различии переходных и непереходных глаголов; во-вторых, семантико-синтаксические свойства переходных глаголов проявляются в параллелизме активных и пассивных оборотов. Система залога в этом случае строится на противопоставлении активного и пассивного залогов. Наконец, в соотношении залога и переходности на первый план выносятся почти не ограниченная способность переходных глаголов иметь соотносимые образования на *-ся*. При этом содержанием залогового противопоставления становится переходность / непереходность, а его формальным выражением выступает соотнесённость переходных и соответственных возвратных конструкций.

Прежде чем рассматривать возвратные конструкции и их связь с залогом, необходимо прояснить само понятие рефлексивности (возвратности). Возвратность, то есть соединение глаголов с возвратным элементом, Н. П. Некрасов назвал «наиболее яркой особенностью русского глагола». Эту оценку, наверное, можно было бы расширить на весь славянский глагол. При этом само название «возвратность» условно, поскольку в современных славянских языках возвратный элемент в большинстве случаев вообще не соотносится с буквальным значением «обращение действия», термин же «возвратность» основывается на этимологической мотивированности и языковедческой традиции.

В давнекиевский период переходные глаголы управляли возвратным местоимением в форме винительного падежа, которое выполняло в предложении функцию самостоятельного

члена. Однако постепенно происходит делексикализация и деобъективизация возвратного местоимения. Оно полностью утрачивает свою лексическую и объектно-синтаксическую функцию и сливается с глаголом: *битися, боротися, бадьоритися* [308, с. 86 – 100]. В украинском языке после гласного звука возвратный элемент стал сокращаться в *-сь*, после согласных сохраняется без изменений. Процесс слияния глагола и возвратного элемента *-ся* привёл к тому, что под той же морфологической оболочкой стали скрываться не одно-два, а целый ряд разноплановых лексических и грамматических значений.

С помощью возвратного элемента *-ся* могут образовываться различные типы возвратных конструкций, среди которых имеются и формы невозвратных глаголов, которые образуются достаточно регулярно. Элемент *-ся* в них формообразующий, он имеет лишь грамматическое значение залога. Возвратные формы имеют то же лексическое значение, что и формы активного залога, грамматический формант *-ся* не вносит изменений в лексическое значение глагола: *будівельники будують будинок – будинок будується, учень читає книгу – книга читається*. Семантика в этих парах не изменяется, а модифицируется структура фразы. Возвратная форма – не просто обращённый актив, а своеобразное явление, когда на первый план выступает объект действия и само действие, а исполнитель этого действия вытесняется.

С помощью присоединения *-ся* к переходным глаголам может образовываться и отдельный разряд непереходных глаголов. Образующиеся производные имеют новые лексические значения и квалифицируются как возвратные глаголы: *показувати – показується, слухати – слухатися*. Таким

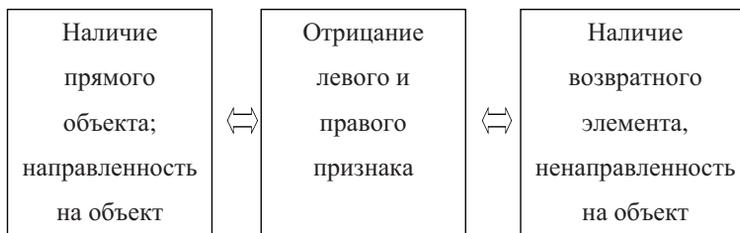
образом, элемент *-ся* в этом случае словообразовательный и в современном украинском языке имеет много значений.

Возвратные глаголы образуют подкласс, который выделяется по формально-морфологическому признаку. Возвратные глаголы лишь этимологически связаны со своими невозвратными параллелями, замена возвратного элемента возвратным местоимением и, наоборот, в практическом контексте не имеет места. Семантический синтез возвратного глагола сопровождается семантической эволюцией возвратного элемента – от исконного значения «обращённость действия» к сигнализации непереходности. Следовательно, в возвратных глаголах действие не исходит от грамматического субъекта как от агенса, чтобы вновь обратиться на него же, не выходит «наружу», она замкнута в сфере субъекта. Возвратность необходимо охарактеризовать как лексико-грамматическую категорию, поскольку в роли первичной функции может выступать не только грамматическая (словоизменение) функция, но и лексическая (словообразовательная). Всем возвратным конструкциям свойственна функция интранзитивизации. Лексикализация грамматических типов возвратных конструкций в то же время укрепляет общую, глубинную грамматическую функцию возвратности – функцию интранзитивизации.

Объектные отношения глагола следует анализировать с учётом двух видов оппозиций: а) переходность (наличие прямого объекта, направленность действия на объект) – непереходность (отсутствие прямого объекта, отрицание признака направленности); б) возвратность (наличие возвратного элемента, ненаправленность действия на объект) – невозвратность (отсутствие возвратного элемента, отрицание направленности). Обе эти оппозиции бинарные и ассиметричные. Между их сильными членами наблюдается регулярная

взаимоотрицающая связь: если оппозиция «а» представлена сильным членом, то «б» обязательно является слабым членом. Если, наоборот, оппозиция «б» выражена сильным членом, то «а» – слабым. Кроме этих двух вариантов может быть ещё и третий, когда ни та, ни другая оппозиция не представлена сильным членом, вследствие чего появляется слабый член одновременно двух оппозиций. Следовательно, связь между переходностью и возвратностью ориентирована не только путём взаимного отрицания сильных членов, но и путём совпадения слабых. Это позволяет свести две двучленные оппозиции в одну трёхчленную корреляцию, которая является единой системой объективных отношений глагола:

Схема 1.

1) наличие левостороннего общего признака (переходности): *мити голову*; 2) наличие правостороннего общего признака (возвратности): *митися*; 3) одновременное отсутствие обоих признаков (слабый член): *мити*.

Переходный глагол может обозначать своё отношение к прямому объекту или с помощью левостороннего компонента корреляции (переходности), или с помощью правостороннего (возвратности). Для каждого глагола корреляция представлена на практике каким-либо одним вариантом.

Соответственно, переходность и возвратность тесно связаны. Следует также обратить внимание на соотношении

возвратности и залога. В лингвистической литературе имеется мнение, что возвратные глаголы непосредственно касаются залога и что соотношение возвратных и невозвратных форм глагола выступает основным средством выражения категории залога. Эта концепция распространилась с 1899 года (после статьи Ф. Ф. Fortunatova).

Ф. Ф. Fortunatov исходит из двух важных методологических принципов, которые существенно дополняют друг друга: принципа соотносительности форм и принципа общего значения грамматической формы. Лингвист определяет две формы залога по признаку наличия или отсутствия *-ся* – возвратный и невозвратный залог. Дифференциация залоговых значений основывается на переходности. Общее значение формы на *-ся*, образованной от переходных глаголов, состоит в том, что она меняет значение переходного признака на значение признака непереходного. Соответственно, форма на *-ся* от переходных глаголов выражает по её значению непереходную форму глагола и может быть определена именно как форма переходного залога. Лингвист считал, что глаголы, которые не соотносятся по залогу, не входят в систему залогов.

Статья Ф. Ф. Fortunatova значительно повлияла на дальнейшее развитие учения о залогe. По нашему мнению, для теории залога большое значение имело соотнесение возвратных глаголов и возвратных форм переходных глаголов. Возвратные глаголы принадлежат к активу, а возвратные формы – это формы пассивного залога. Между ними существуют различия. Следует констатировать, что многие из переходных глаголов не имеют соотносимых образований на *-ся*. Это различные по семантике глаголы совершенного вида: *перебільшити*, *приберегти*, *підговорити*, *згубити*, *перемогти* и т. д. Внешняя морфологическая соотносимость переходного глагола и

возвратного не всегда связана со смысловой соотнесённостью: *нести* и *несть* (быстро двигаться), *покласти* и *поклаться* (надеяться).

Итак, отношение глагольного действия к грамматическому объекту образует единую систему субъектно-объектных отношений (грамматический субъект – глагольное действие – грамматический объект). Уравновешенные концы этого трёхчлена тесно связаны и взаимообусловлены. Чрезвычайно важную роль в субъектно-объектных отношениях играет возвратный элемент. Соответственно, имеем сложную и динамичную картину: переходность + залог + возвратность.

Среди залоговых концепций глагола интересной кажется точка зрения Л. Теньера, который рассматривает валентность глагола и прослеживает её статус в предложении. Глагол можно представить в виде словообразовательного атома с крючками, который способен притягивать к себе определённое количество существительных или их эквивалентов (актантов) в зависимости от количества крючков, которыми он наделён, чтобы удерживать эти актанты при себе. Количество таких крючков, имеющихся у глагола, и количество актантов, которыми он может управлять, и оказываются сущностью валентности. Способ репрезентации говорящим глагольной валентности относительно возможных актантов является тем, что в грамматике называется залогом. Соответственно, залоговые свойства глагола зависят от количества актантов, которые он может иметь.

Существуют глаголы, которые не могут иметь актантов, – безвалентные (по Л. Теньеру, но практически они нольвалентные), в традиционной грамматике их называют безличными. Отсутствие актантов у этих глаголов легко объясняется, если учесть, что они обозначают события, которые

происходят без участия актантов. Безвалентные глаголы называют действие, которое понимается как процесс, который происходит сам по себе, без лица-продуцента. Нельзя себе представить существование актанта, который был бы первопричиной этого процесса.

На основе значения безвалентные глаголы делятся на несколько групп. Наиболее важные из них содержат глаголы, которые обозначают: 1) явления природы; 2) стихийные явления; 3) физические состояния человека и его чувства; 4) психические состояния человека; 5) случайность явлений и т. д.

Глаголы с одним актантом – одновалентные, известны под названием переходные. Это такие глаголы, как *йти*, *спати*, *сміятися*, *стояти* и т. п. Действительно, можно сказать: «Хлопчик *йде*» (в смысле «умеет ходить»), но нельзя сказать или представить, что этого процесса касается ещё какой-либо актант, кроме мальчика. Нельзя *йти*, *спати* кого-либо или что-либо.

Двуактантные глаголы в традиционной грамматике называют переходными глаголами, поскольку в таком предложении, как «*Фахівці переглядають плани*», действие от специалистов переходит на планы.

В переходном залоге можно выделить четыре подзалога (диатезы): активная диатеза, пассивная, возвратная, взаимная.

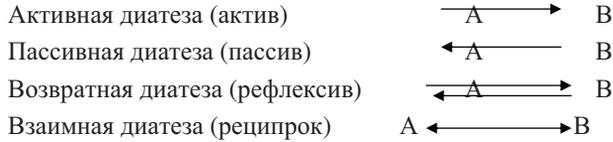
Действительно, если действие предусматривает наличие двух актантов, можно рассматривать его по-разному, в зависимости от направления, в котором она реализуется, или в зависимости от направления, в котором она переходит от одного актанта к другому. Так, если, например, взять переходный глагол «*добувати*» и два актанта: А (шахтарі), которые добывают уголь, и В (вугілля), на которое направлено

действие, и образовать предложение: «*Шахтарі добувають вугілля*». В этом случае следует сказать, что глагол «*добувати*» употребляется в активной диатезе. Поскольку действие «*добування вугілля*» реализуется первым актантом «*шахтарі*», который является активным участником процесса. Эту же мысль можно выразить предложением «*Вугілля добувається шахтарями*». В этом случае глагол «*добувати*» находится в пассивной диатезе, поскольку первый актант «*вугілля*» только испытывает действие, его участие в действии является абсолютно пассивной.

Актив и пассив являются основными диатезами переходного залога, но это не единственные диатезы, поскольку их можно комбинировать. Например, может случиться, что одно и то же лицо (вещь) исполняет действие и получает его результат, то есть является прямым объектом собственного действия. Это лицо одновременно является активным и пассивным, то есть и первым, и вторым актантом: *Вранці він умивається, одягається*. Элемент *-ся* в глаголах такого типа по своему значению соответствует местоимению *себе* в форме винительного падежа без предлога. Можно сказать: «*Вранці він умиває себе, одягає себе*». В этом случае глаголу свойственна возвратная диатеза, поскольку действие от лица и к нему же возвращается. В конце концов, встречаются случаи, когда два действия являются параллельными, но противоположно направленными. Каждый из двух актантов играет активную роль в одном действии и одновременно пассивную роль – в другом: *Полтавські школярі листуються з учнями Словаччини*. Глагол в таких случаях находится во взаимной диатезе, поскольку действие является взаимным.

Четыре диатезы переходного залога можно обобщить с помощью такой схемы:

Схема 2.

Л. Теньер обращает внимание на то, что одного наличия второго актанта достаточно для того, чтобы узнать активную диатезу. Глагол может даже отсутствовать, однако активная диатеза окажется чётко выраженной. Она обуславливается автоматически, по наличию второго актанта. Например, обыкновенное разговорное выражение: «*Що ви?*». Присутствуют два актанта, а глагол отсутствует. В зависимости от условий это выражение может означать «*Що робите?*» или «*Що ви говорите?*». Точнее характер действия первого актанта прояснить нельзя, поскольку глагол отсутствует, однако понятно, что этот глагол может быть только активным, поскольку имеет два актанта, один из которых, без сомнения, является вторым актантом.

Пассивная диатеза обратна активной, поскольку переход действия в пассивной диатезе представляется таковым, который происходит в обратном направлении: первый актант, от которого исходит действие в актантной диатезе, в пассивной является, наоборот, его конечной точкой. Инверсия направления перехода действия требует наличия специального показателя, который чётко противопоставлял бы пассивную диатезу активной. Этот показатель может выражаться двумя обычными для морфологии способами: аналитически и синтетически. Аналитическим показателем пассива или вспомогательным глаголом пассива является глагол *бути* в личных формах, а

смысловой глагол употребляется в форме пассивного деепричастия: *Новий метод був описаний учнем.*

Синтетический способ выражения пассива, отмечает Л. Теньер, состоит в системе морфологических форм, каждая из которых образует одно слово, содержащее в себе смысл пассива. В украинском языке – это присоединение к глаголу активного залога элемента *-ся*: *Роман пишеться письменником; План виконується робітниками.* Л. Теньер говорит о том, что непереходные глаголы не могут употребляться в пассивной диатезе. Это легко можно понять, поскольку эти глаголы одновалентные, то могут иметь только один актант, и действие понимается как таковое, ход которого реализовывается в одном направлении.

Возвратная диатеза получает одновременно выражение с помощью личного субстантива (себе), возвратного глагола, который включает личный субстант (*-ся*) и с помощью возвратного прилагательного, производного от субстантива (свій, своя, своє, свої).

Показатель возвратности (личный субстантив) всегда отсылает к первому актанту. Соответственно, сам личный субстантив никогда не выступает первым актантом, он всегда – второй или третий актант: *кіт умивається* (себе – второй актант). Личный показатель возвратности никогда не бывает в номинативе.

Значение возвратности не зависит от значения лица. Соответственно, может быть так, что возвратность понимается абсолютно в другом плане по сравнению с невозвратностью и, в отличие от обычного личного субстантива, который может выступать в трёх лицах, возвратный личный субстантив может не иметь ни одного отличия в лице: *Я його прийняв у себе.*

Возвратный субстантив остаётся неизменным, какими бы ни были лицо и число первого актанта.

Таблица 2.

Я	
Ти	Його прийняв у себе
Він	
Вони	Його прийняли у себе

Притяжательное прилагательное также может иметь одинаковую форму независимо от лица, к которому оно отсылает:

Таблица 3.

Я люблю Ти любиш Він любить Вони люблять Ви любите Ми любимо	свій будинок
---	--------------

Возвратное притяжательное прилагательное выступает возвратным в том понимании, что оно отсылает к первому актанту, то есть показывает, что владельцем второго актанта, которому подчиняется прилагательное, является первый актант: *Учитель любить свого учня*. «Свого» показывает, что «учня», которому оно подчиняется, обозначает «учня учителя», который выступает первым актантом в этом предложении. А если необходимо отослать к слову, отличного от первого актанта, то для этого необходимо употребить не возвратное притяжательное прилагательное, а родительный падеж невозвратного личного субстантива в третьем лице. Поэтому необходимо сказать:

«Учитель любить його учня», – если речь идёт об ученике другого учителя, а не того, который выступает в этом предложении первым актантом.

Между возвратной и взаимной диатезами наблюдается схожесть в том, что и той, и другой свойственна комбинация активного процесса и пассивного. Однако в случае рефлексива активный процесс предшествует пассивному. Л. Теньер приводит такой пример: «*Альфред вдарив себе*. Абсолютно понятно, что нельзя получить удар перед тем, как он будет нанесён себе» [345, с. 266]. В случае взаимной диатезы активный и пассивный процессы одновременны. Это различие можно передать следующими формулами:

Таблица 4.

Возвратность = актив + пассив (последний)

Взаимность = актив + пассив (одновременно)
--

Таким образом, взаимная диатеза всегда может быть представлена только в форме множественного числа, поскольку речь идёт о двух параллельных процессах, тогда как рефлексив может репрезентироваться и в форме единственного числа, и в форме множественного числа в зависимости от того, речь идёт об одном или о нескольких актантах, которые направляют действие на себя.

Необходимо всегда чётко различать рефлексив в форме множественного числа и реципрок. Специальным показателем реципрока является словосочетание «один одного»: реципрок – *Вони поважають один одного*; рефлексив в форме множественного числа – *Вони поважають себе*.

Л. Теньер рассматривает трёхвалентные глаголы, то есть такие глаголы, у которых имеются три актанта. Лингвист обращает внимание на то, что в традиционной грамматике эти

глаголы не отличаются от глаголов с двумя актантами и не смешиваются с ними под общим названием переходных. Глаголы с тремя актантами проявляют ряд особенностей, которые обусловлены именно их трёхвалентным характером. Трёхвалентные глаголы выступают, как правило, глаголами речи и дачи. В предложении «*Вчитель дає книгу учню*» – первый актант – *учитель*, второй – *книгу*, третий – *учню*; «*Учень говорить «Добрый день!» учителю*» – *учень* – первый актант, «*Добрый день*» – второй, *учителю* – третий.

К основным глаголам трёхвалентного потенциала принадлежат:

а) слова со значением речи: *говорити, висловлювати, виражати, розповідати, доповідати, пояснювати, доказувати, уточнювати, вказувати, заявляти, проголошувати, підтверджувати, заперечувати, запевняти, гарантувати, оголошувати, наказувати, призначати, рекомендувати, погоджуватися, довіряти, дозволяти, відповідати* и т. д.;

б) глаголы с семантикой 'давать': *давати, поставляти, доставляти, присвоювати, розподіляти, видаляти, надавати, поручати, присуджувати, витрачати, обіцяти, поступатися, жертвувати, залишити, позичати, доручати, платити, повертати* и т. д.

Трёхвалентные глаголы могут употребляться в пассиве. Первый актант может соответствовать в пассиве второму или третьему актанту в активе. При переходе из актива в пассив меняется второй актант, который становится первым, и первый актант, который выступает дополнением в пассиве; в то же время третий остаётся без изменений: *Учитель дає учню книгу* → *Книга дається учителем учню*. Третий актант «*учню*» сохраняет своё значение.

Современное понимание грамматических категорий исходит из признания их постоянной взаимосвязи. В каждой глагольной словоформе присутствуют значения всех присущих ей грамматических категорий, то есть категориальные грамматические значения реально существуют в комплексах. Залоговые значения пребывают в тесной взаимосвязи с видовыми и одновременно со значениями способа, времени, лица. Ведущее место, безусловно, занимает взаимодействие залога и вида. Возвратные и причастные формы пассивного залога дифференцируются именно по виду. Формы пассива несовершенного вида образуются с помощью залогового элемента *-ся* от соответственных форм актива:

Таблица 5.

Несовершенный вид

Активные формы	Пассивные формы
випливати	випливається
виплікувати	виплікується
вимовляти	вимовляється
виплачувати	виплачується
вести	ведеться

[308, с. 71 – 89].

Формы пассива совершенного вида выступают аналитическими (сочетание пассивного причастия и личной формы вспомогательного глагола *бути*):

Таблица 6.

Совершенный вид

Глагол	Пассивная форма
вивести	був виведений
вивчити	був вивчений
виграти	був виграний

вигадати	був вигаданий
прив'язати	був прив'язаний

Учёт видовых форм глагола позволяет в ряде случаев различить активный и пассивный залог. Так, одним из доказательств того, что глагольная форма «*виготовлялась*» является возвратной пассивной формой глагола *виготовляється*, появляется её видовая ответственность пассивной причастной форме совершенного вида при отсутствии параллелизма с формой вида возвратного глагола: *деталь виготовлялась робітником* (несовершенный вид) – *деталь була виготовлена робітником* (совершенный вид), но нельзя сказать: «деталь виготовилась робітником».

В личных глагольных формах пассива несовершенного вида различаются формы настоящего, прошедшего и будущего времени, а также условного наклонения. Для них несвойственно использование форм 1-го и 2-го лица. Например, настоящее время: «*Будівельниками завершуються роботи з монтажу ліфтів, оскільки вони доставлені зі значним запізненням*» (Сільські вісті. – 1990. – 19 січня); прошедшее время: «*Будівельниками завершились роботи з монтажу ліфтів, хоча вони були доставлені зі значним запізненням*»; будущее время: «*Будівельниками будуть завершуватися роботи з монтажу ліфтів, хоча вони доставлені із значним запізненням*»; условное наклонение: «*Будівельниками завершились би роботи з монтажу ліфтів, якби вони були доставлені своєчасно*».

В личных пассивных формах совершенного вида различается прошедшее время, будущее, перфект и условное наклонение, ср., например, прошедшее время: «*Роботи були виконані працівниками підрядної організації*» (Україна молода. – 2000. – 19 вересня); будущее время: «*Роботи будуть виконані упорядниками підрядної організації*»; перфект: «*Роботи*

виконані упорядниками підрядної організації»; условное наклонение: *«Роботи були б виконані упорядниками підрядної організації»*. Формы пассива совершенного вида одинаково употребляемы для всех трёх лиц. Характерным для взаимодействия залога и наклонения является то, что формы пассива, как совершенного, так и несовершенного вида, употребляются в действительном и условном наклонении, повелительное наклонение не может быть репрезентировано формами пассивного залога.

Соотношение залога с другими глагольными категориями можно рассматривать и в плане специфических признаков залога. С точки зрения грамматического значения специфика залога состоит в том, что залог характеризует не само действие, а отношение действия глагольного сказуемого к подлежащему. Залог принадлежит к таким грамматическим категориям, которые не опираются непосредственно на связи и отношения внеязыковой действительности. Отношения, которые передаются глагольными категориями вида, времени, наклонения, характеризуют само действие и связаны с внеязыковой действительностью.

В плане формального выражения залог характеризуется неважностью морфологических средств репрезентации залоговых различий. Другие глагольные категории наделены достаточной морфологической выразительностью и различаются или по характеру основы, или по флексиям.

Залог вместе с категориями вида, времени и наклонения является собственно глагольной категорией и принадлежит к общеглагольным, словоизменительным категориям, находит своё выражение в противопоставлении форм активного и пассивного залогов. Соотносимые формы залога различаются лишь грамматическим (залоговым) значением, лексическое

значение у них не меняется. Активный залог формальных показателей не имеет. Пассивный залог представлен двумя конструкциями: возвратные пассивные формы (показатель – возвратный элемент *-ся*) и аналитические формы, которые состоят из причастия и личной формы вспомогательного глагола *бути*. Глагольная категория тесно связана с переходностью / непереходностью и возвратностью. Только переходные глаголы (хотя и не все) могут быть двухзалоговыми. А дифференциация возвратных форм и возвратных глаголов проявляется в соотношении возвратности и залога. Соответственно, отношение глагольного действия к грамматическому субъекту и грамматическому объекту образует единую систему субъектно-объектных отношений.

Залог активно взаимодействует с категориальными значениями вида, времени и наклонения. Особенно ярко это проявляется при использовании пассивных форм. Возвратные и причастные формы пассива дифференцируются именно по виду. А повелительное наклонение не ожет репрезентироваться пассивным залогом. Соответственно, понять сущность грамматических категорий можно только при условии анализа их взаимосвязей.

III.2. Предлоги в структуре текста: первичные и вторичные проявления

Современное состояние украинского языка характеризуется взаимонаправленными тенденциями синтетичности и аналитичности, что мотивируется несколькими весомыми факторами: 1) народно-разговорной стихией литературной нормы; 2) книжной традицией; 3) законом языковой экономии и т. д. Одним из ярких выразителей

аналитичности является динамическое развитие предложной системы, которая в последнее время характеризуется активным пополнением семантически специализированными двухкомпонентными, трёхкомпонентными и другими образованиями. При этом граничным проявлением такого аналитизма следует, вне всякого сомнения, считать наличие составных *від... до, з... до* (*з Києва до Донецька, з села до самого міста*). В современной лингвистике мало внимания уделяется текстообразующему потенциалу предлогов, хотя последние охватывают различные проявления внутритекстовой кореферентности, реализацию различных плоскостей центров-текстовых категорий локативности, темпоральности и др. Потенциал предложного падежа как одного из «наиболее предложных» украинских падежей в значительной степени обусловлен регулярностью проявления предлогов типа *на*, ведь именно постглагольно-локативный статус последних определяет функциональную значимость этого падежа в существительно-падежной системе, ср. валентную обусловленность их проявления при локативных глаголах: *зупинитися, розташуватися, знаходиться*. Уже в этом прослеживается аналитическое направление развития украинского грамматического строя. Чрезвычайно показательным является текстообразующий потенциал украинских непроизводных простых предлогов *в(у), для, до, з (із, зі), до, на, над (наді, надо), про, від, по, біля, через*, значение которых не обусловлено семантикой образующей основы. Текстообразующая функция предлогов в пределах текста выступает во внутренне словосочетательном / межсловосочетательном, внутренне предложеческих проявлениях, в то же время зримыми являются парадигматические отношения предлогов, их участие в создании образов. В пределах контекста предлог выступает как

относительно самостоятельный элемент с собственным инвентарём дистрибуций, фонетических вариантов и пр. По мнению В. В. Виноградова, предлоги являются наименее изученными в отечественном языкознании и находятся в состоянии «научно-исследовательской неопределённости». Украинские непроизводные (непроизводные – термин В. В. Виноградова), или «прямые» (М. В. Ломоносов), «собственные» (А. Х. Востоков и А. А. Шахматов), «настоящие» (Ф. Миклошич) предлоги, функционирование которых не обусловлено значением образующей основы, принадлежат к наименее изученным (ср. работы И. Р. Выхованца, И. К. Кучеренко, А. С. Колодяжного и исследования русских производных в работах О. Т. Черкасовой, Г. Г. Скибы, А. Н. Каламовой, Е. Г. Кулинич). Не нашли они своего надлежащего освещения и в лексикографической практике, где часто омонимия и полисемия предлогов последовательно не всегда разделяются. А именно непроизводные предлоги принадлежат к наиболее употребляемым, и частота употребления слова зависит от объёма понятия, которое содержится в его основном значении: чем больший объём понятия, тем чаще используется слово, ср. идею отдельных лингвистов о том, что предлоги образуют определённую аморфную массу, которая будто бы не подлежит систематическому описанию лексических единиц (Г. Е. Крейдлин, А. К. Поливанова). Такой поход можно, очевидно, объяснить тем, что в нашем языкознании остаётся целый ряд не решённых вопросов, связанных с различными аспектами проявления единиц и категорий, которые формируют содержательный аспект языка, мало освещён вопрос соотношения формальных и содержательных категорий. Решение вопроса текстообразующего статуса предлогов даст

возможность познания механизмов взаимодействия составляющих и компонентов языковой системы и установления путей возникновения и функционирования предложно-падежных конструкций, наблюдения формирования собственного семантического потенциала последних.

Отсутствие содержательного исследования семантики украинских предлогов (ср. работы И. Р. Выхованца, А. С. Колодяжного, И. К. Кучеренко и др.) мотивируется восприятием их как «слов-скреплений» с последовательно проявляющейся технической функцией. Взгляд на предлоги как лексемы делает возможным прослеживание их стилеобразующего (*у ліс по гриби – у ліс за грибами*) и текстообразующего потенциала (*ніти до найближчого села – ніти до найближчого до села; зброя від терористів – зброя у терористів – зброя для терористів*). Предлоги могут реализовывать функцию языковой игры, что может быть легко прослежено в текстовых фрагментах, где предлоги актуализируют оппозицию: (Петро:) *Так ти з села чи в? Обридло уже, мабуть, отак?* (В. Яворівський). Отталкиваясь от текстообразующего потенциала предлогов, можно констатировать, что они содержат в себе определённое сообщение. Очевидно, рассмотрение предлога следует осуществлять с учётом отдельного семантического языкового яруса, который охватывает спектры морфологической, синтаксической и других семантик. Вне всякого сомнения, подтверждением этого является квалификация членов предложения с учётом функциональных и семантических критериев, ср. квалификацию несогласованных определений и др. В последних лексикографических работах по семантике предлоги рассматриваются наравне с союзами часто как слова-связки [284, т. I]. Очевидно, в семантическом плане такая

квалификация предлогов является не совсем корректной. В это случае стоит вспомнить, что предлоги как часть речи выделяются, по сути, во всех грамматиках и специальных исследованиях (см. работы Л. Зизания, М. Смотрицкого, М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, М. И. Греча, И. Могильницкого, А. А. Потевни, А. А. Шахматова, И. Р. Выхованца, О. С. Ахмановой, А. П. Боголепова, М. В. Всеволодовой, В. Г. Гака, С. Е. Никитиной, Ю. И. Леденева, Н. Н. Леонтьевой, Л. М. Поповой, Р. П. Рогожниковой, А. И. Смирницкого, Е. Т. Черкасовой и др.), до сих пор продолжают появляться студии по типологии смыслов украинских предлогов и их эквивалентов (см. работы И. Р. Выхованца, Н. Куц, И. А. Щукиной и др.). И в то же время со всей уверенностью можно говорить, что до сих пор остаётся открытым вопрос о семантическом статусе предлогов. К этому можно добавить, что в лингвистике высказывались различные взгляды на семантическую природу предлогов: одни исследователи ограничивали значение предлогов только грамматической ролью в языке, квалифицируя их как слова-скрепления, при этом рассматривали их как аналитические синтаксические морфемы (ср. точку зрения Е. Куриловича относительно взаимодействия падежной флексии и предлога); другие считали, что предлоги имеют лексическое значение, но оно не самостоятельное, а такое, которое зависит от значений других слов и форм; ещё другие признают лексическую самостоятельность предлогов (М. В. Всеволодова, Е. В. Клобуков, И. К. Кучеренко, Р. Ласковский, М. И. Конюшкевич, А. В. Ситар, И. Г. Данилюк и др.). В зависимости от позиции исследователя относительно определяющего вопроса теории предлогов – соотношение их лексических и грамматических значений – легко

прослеживаются четыре направления: *грамматизации предлогов функционально-аналитической морфемизации (как граничное проявление грамматизации), неполноценности лексического значения предлогов, самостоятельности лексического значения.*

Сторонники *первого направления* анализируют предлоги наряду с морфемами, порядком слов, интонацией и другими грамматическими средствами (ср. рассмотрение предлогов как «слов внешней связи», поскольку предлоги, «не имея лексического значения, отвечают за синтаксис» (по Г. Е. Крейдлин)). Наиболее последовательно это осветил Э. Косериу, который утверждал, что «предлоги – частичные слова, потому что их значение инструментальное, то есть значение морфем». Расширением этого подхода, очевидно, является точка зрения И. Выхованца, который считает предлоги синтаксическими аналитическими морфемами, а Т. А. Тулина приходит к выводу, что предлоги дублируют значение приставок, являясь «техническим средством свяжи слов, которому не свойственно собственное значение». Разновидностью этого следует считать и точку зрения Т. К. Зубковой о том, что предлоги повторяют значение падежных флексий и что «значение падежной формы является важнее для понимания смысла предложения, чем значение предлога». Граничным проявлением отстаивания тезиса об отсутствии семантики у предлогов является тезис Р. В. Болдырева, который, прослеживая историческое функционирование предлогов, обращает внимание, что исторические изменения состава «предложно-падежных конструкций и семантико-синтаксических функций предложно-падежных комплексов, которые сформировались, иногда сопровождаются в русском языке десемантизацией предложных сочетаний». Последнее даёт основания утверждать, что автор

ведёт речь о десемантизации предлогов и даже целых словосочетаний.

Последователи *другого направления* считают, что предлоги имеют собственное значение, которое проявляется только при однозначных словах. Вне контекста предлоги представляют собой чистую бессодержательную форму. Семантическая функция предлогов, таким образом, проявляется в маркировке, то есть в уточнении падежных значений.

Анализ этих точек зрения обуславливает актуализацию вопросов, связанных с а) наличием того же предлога в сочетании с разными падежами; б) наличие одной и той же флексии в сочетании с разными предлогами; в) употребление предлогов в роли актантов: *Завжди було приємно пізно сидіти за часм чи без і слухати музику* (М.Матиос); г) возможность употребления предлогов не возле имени: *Живіть навколо і біля сьогодні, знайте про і за тепер* (Т.Прохасько). В то же время совсем непрозрачным становится процесс эволюции системы предлогов. Если они дублируют значение падежей или приставок, то это противоречит основной тенденции языка, которая проявляется в стремлении к экономии речевых средств, ведь общеизвестным является тезис о том, что в языке не бывает абсолютно равных образований.

Последователи ещё *другого направления* считают, что предлоги могут менять смысл высказывания. Это позволяет лингвистам утверждать, что они имеют собственное значение и им свойственна «коммуникативная однозначность» (Ю. И. Леденев): *Так, саме біля і відбувалося все* (А. Яна). Сложность разрешения вопроса относительно семантической сущности предлогов обусловлена, во-первых, тем, что слово, соединяя в себе лексическое и грамматическое значение, по своей семантической структуре представляет собой сложное

образование. Общеизвестная дифференциация значений на лексические и грамматические является важным механизмом анализа, но на сегодня нет достаточных критериев для их разделения. Особенно это последовательно наблюдается на примере предлогов, принадлежащих к «нечётким» категориям. Признание собственной семантики у предлогов актуализирует вопрос о 1) типе его лексического и грамматического значения; 2) взаимодействии предлога с другими компонентами словосочетания в частности и предложения в целом. Отделение же одного от другого является чрезвычайно сложным, поскольку они выступают «конструктивным единством» (по В. В. Виноградову).

Если считать сложившимся тезис о том, что служебным словам присуща большая абстрактность значения, более широкий функциональный диапазон, более содержательная сочетаемость, чем полнозначным словам, то анализ предлогов становится достаточно сложной проблемой. В своё время В. А. Белошапкина констатировала, что самым важным признаком современной семасиологии является «глобальный поход к значению вне ограниченного стремления отделить в нём грамматическое от лексического и заниматься тем и другим отдельно, рассматривая их как принципиально разные типы значений, которые сосуществуют в содержании значимой единицы языка».

Можно утверждать, что лексическое и грамматическое значение предлогов совпадают, что никоим образом не означает их равенства. **Грамматическим** значением предлога выступает реализация им синтаксической связи между словами, а **лексическим** – следует считать обозначение определённого отношения между предметами, действием и предметом и под., что позволяет отнести предлоги к словам-релятивам (термин

В. Ф. Киприянова). Потому утверждения типа «лексическим значением предлога как отдельно взятого слова является значение того или другого отношения» [282, с. 417] является в определённой мере убедительным.

Способность предлогов проявлять своё лексическое значение при имени связана не с отсутствием этого значения, а с соответствующей его спецификой. Толкование предлогов должно основываться на лексическом окружении, поскольку они обозначают отношения между предметами. Отношение же предусматривает наличие не менее двух величин, в силу этого и предлоги не могут существовать без этих величин, то есть не могут употребляться самостоятельно. Значение предлогов предусматривает их функционирование в пределах словосочетания. Да и по своей природе первичные предлоги многозначны, им свойственна достаточно развёрнутая омонимия. В этом случае контекст становится диагностическим показателем определённого значения, которое является виртуально-системным.

Отдельно стоит говорить о смыслопорождающей функции предлогов в коммуникативном плане, тезис о которой, очевидно, должен содержать определённые предостережения. Понятие смысла в коммуникативном аспекте нашло отображение в работах Л. С. Выготского, И. А. Бодуэна де Куртене, А. Р. Лурии, А. М. Леонтьева, Л. А. Леонтьева, которые рассматривают смысл как «аналог значения в конкретной деятельности, связанный с индивидуальным опытом, с социальной, профессиональной и групповой принадлежностью коммуникантов, а также с конкретной ситуацией общения» (Л. В. Лисоченко). Значит, в этом случае скорее говорится о наращивании смыслов и образовании собственно коммуникативных смыслов, которые могут быть

актуализированные, полуактуализированные и неактуализированные. При изучении коммуникативного смысла чрезвычайно важно проследить коррелятивность / некоррелятивность значения и смысла. Возникновение проблемы соотношения этих понятий обусловлено, вне всякого сомнения, тем, что язык, являясь в формальном плане достаточно ограниченным механизмом, в смысловом плане выражает неограниченное количество мыслей, идей, усовершенствования человеческого познания. Последнее достигается благодаря полифункциональности языковых единиц, которые могут участвовать в различных коммуникативных актах. Поэтому значение как предмет исследования семантики не может выступать единицей универсальной категории коммуникации, поскольку значение принадлежит к виртуально-системным, а в пределах контекста становятся значимыми его различные проявления. Соответствующим коррелятом значения в коммуникации является смысл, который составляет аспектуально-актуализированное единство её содержательных компонентов: лингвистического, психологического, когнитивного. В отличие от значения, которое является последовательно инвариантным, объективным, смысл является дискретным, одномоментным, субъективным (по А. Ю. Голобородько).

Значение и смысл не противопоставляются, поскольку они занимают взаимодополнительную позицию. Последнее мотивируется тем, что необходимым условием познания является субъективация объективной действительности. Субъективная интерпретация объективной реальности в коммуникации репрезентирована благодаря полифункциональным связям языковых единиц, которые пребывают в связях. Поэтому в коммуникации возникает

система смыслов, в которой одну из величин занимают первичные предлоги. Правда, такие смыслы являются одним из проявлений категориальной семантики, которая становится определяющей при анализе функций предлогов в системе языка и речи.

Категорию отношения относили и к грамматическим, и к понятийным, и к логичным, и к философским категориям (Р. А. Будагов), что мотивируется статусом самого языка, который, отображая явления объективной действительности, реализовывает в себе мыслительно-познавательные интенции индивидуумов, социума и нации.

В содержательном плане категория отношения в языке является понятийной. Отталкиваясь от точки зрения И. И. Мещанинова, А. В. Бондарко о понятийных категориях и основании на них по общности функций функционально-семантического поля, можно говорить о наличии функционально-семантического поля отношения, охватывающего разноярусные языковые средства, в том числе и предлоги, которые специализируются на выражении отношений между предметами. Тезис Г. П. Немца о том, что «отношения в языке всегда являются одним из звеньев цепи, которая создаёт понятие «значение», которое воспринимается нами как отображение предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса) в сознании» (Г. П. Немец), позволяет утверждать, что категория отношения как понятийная на языковом уровне связана с лексическим и грамматическим значением слова.

Во время описания смысловых отношений как инвариантных относительно самой категории необходимо обратиться к терминам «понятие», «значение», «семантика», «смысл». Если учитывать, что собственно понятие в

лингвистике определяется в контексте со значением (понятие – явление того же уровня, что и значение, которое рассматривается в немного другой системе связей: понятие – в системе логических отношений, значение – в системе языка), а смысл является реализацией значения в определённом контексте, то достаточно полным становится анализ этих величин как взаимосвязанных и взаимообусловленных. Чаще всего «понятие», «значение», «смысл» квалифицируют как таковые, которые принадлежат к семантическому уровню и отображают смысловой аспект языкового явления, что в этом случае приводит к не совсем корректной синонимизации этих терминов, поскольку каждый из них имеет собственные дифференцирующие признаки, хотя в отдельных случаях можно говорить о приближении их пространства.

Известно, что на речевом уровне инвариант языкового знака реализуется в неограниченной множественности смыслов – речевых значений определённого знака (по Л. С. Виготскому). Первичные производные предлоги полностью подтверждают этот тезис, ср.: *на узліссі, на березі* – пространство; *на годину* – время; *на біду* – следствие; *на щастя* – цель и др. Анализ фактического материала убеждает, что современные украинские первичные производные предлоги в речевых проявлениях реализовывают значения (смыслы), которые не зафиксированы в даже самых новых словарях. В общем, исследование предлога является основным заданием общего открытого международного проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (автор идеи и организатор, координатор – проф. М. В. Всеволодова (Московский университет), в котором принимают активное участие учёные Белоруссии (Минск, Гродно), Болгарии (Велико Тирново), Польши (Ополе),

России (Москва), Сербии (Нови Сад), Украины (Донецк), частично Ирана, Китая, Японии и др. В рамках этого проекта состоялся ряд круглых столов (II Международный конгресс русистов-исследователей (Москва: МГУ, 2004); Международные грамматические чтения – II (Донецк: ДонНУ, 2002), III (Донецк: ДонНУ, 2005), два семинара (Гродно 2002; Москва 2003), на которых обосновано концепцию предложной эквивалентности с прослеживанием особенностей и закономерностей предложивания полнозначных лексем. Согласно Реестру М. В. Всеволодовой, состав конstituентов предложного поля русского языка охватывает 5000 единиц (данные на март 2004 г.), а в белорусском языке, согласно Реестру М. И. Конюшкевич, 5058 единиц [186, с. 118], а в украинском языке их установлено 2811 единиц, нормативных среди них – 1705 [311], а ненормативная база охватывает ориентировочно 1106 единиц.

Функциональный потенциал первичных непроеизводных предлогов свидетельствует, что первичные непроеизводные предлоги расширяют свой функциональный диапазон, подтверждением чего является динамичная замена беспредложных конструкций на предложные, последовательная дифференциация предложных значений, что прямо или опосредованно подтверждает развитие аналитизма в грамматическом строе украинского языка.

Описание первичных непроеизводных предлогов путём установки типичного / нетипичного ситуативно мотивированного смысла возможно только при условии учёта регулярного / нерегулярного использования этих предлогов как релянтов, которые представляют устоявшееся понимание самых разных связей между предметами, признаками, состояниями, действиями. Первичной функцией непроеизводных предлогов

является реализация пространственных отношений, которые становятся основой для реализации темпоральной семантики. Производными и такими, которые накладываются на первичные, являются объектные. Граничным проявлением потери пространственной семантики как первичной выступает реализация различного плана абстрактных отношений типа причины, цели, условия, способа действия и др.

Парадигматика первичных непроектированных предлогов в современном её проявлении характеризуется наличием оппозиции равенства (вариантности, синонимии), противопоставления (антонимии), омонимии и других системных отношений (контаминации, имплицитности). Отталкиваясь от того, что базовым концептом категории отношения является смысл, следует исходить из того, что для определения степени осмысленности следует применять прагматическое понятие контекста употребления, языкового выражения. Анализ смысловых отношений с учётом смыслового наполнения концепта и специфики его языкового выражения, реализуемых предлогами, позволяет наблюдать проявление смысла в различных ситуациях, свидетельствует, насколько различны эти отношения, насколько непредсказуемы возможности самих предлогов. Всё это подтверждает, что действующие сейчас классификации смыслов, которые реализовываются с помощью предлогов (или предложно-существительных конструкций), требуют своего дополнения и уточнения, существенного расширения (ср. Работы И. К. Кучеренко, А. С. Колодяжного, И. Р. Выхованца и др.) с учётом новых семантических функций предлогов. Очевидно, исходным тезисом установления типологии образуемых смыслов должно стать свойство грамматической формы и лексем различных языков обозначать смысловые отношения,

ср.: аддитив – падежно-категориальная форма в баскском языке, которая указывает направление движения. В украинском языке это значение передаётся аналитической формой, то есть предложно-падежной формой (*йти до лісу, лінути на батьківщину*). Во время анализа семантики отношений максимально следует учитывать особенности лексического значения предлогов и семантические признаки слов, образующих лево- и правостороннюю дистрибуции конструкции. В силу этого становится реальной классификация смысловых отношений, выражающихся украинскими первичными предлогами.

1. Пространственные отношения, ядерным компонентом которых является обозначение местонахождения предмета, действия или обозначение направления движения. Они наиболее исследованы в современном языкознании. В зависимости от реализуемой семантики пространственные отношения дифференцируются на локативные и аддитивные. Локативные – отношения места. Они не указывают на направленность движения, поэтому их основным семантическим признаком является статика движения. Аддитивные – ориентировочно-направленные отношения. Их основным семантическим признаком является динамика движения.

- **Локативные** отношения дифференцируются в зависимости от лексического значения предлога на: **суперессивные**, которые обозначают нахождение предмета или действия над поверхностью другого предмета, вблизи него, то есть вне предмета: *йти в лісі, йти за селом*. Такие отношения следует отличать от текстообразующих, где предлог вместе с правосторонним дистрибутом образует детерминант: *співати біля річки, будинок на околиці*; **инессивные**,

которые передают нахождение предмета или действия внутри другого предмета: *вогні в будинку, жити в Україні, загорнутися в рушник, знайти у книжці.*

- **Аддитивные** отношения в свою очередь делятся на:
 - иллативные**, обозначают направление движения вовнутрь предмета, пространства, явления: *бігти до школи, політ у космос, прийти на кухню;*
 - дестинативные**, реализующие семантику направления движения к чему-нибудь, на что-нибудь: *під'їхати до станції, сісти на диван;*
 - инхоативные**, обозначающие начальный пункт движения: *відійти від вікна, вийти з хати, бігти з лісу;*
 - финитивные** (финальные), реализующие значение крайнего пункта движения: *дійти до хати, під'їхати до міста.*

2. Темпоральные (временные) отношения обозначают различное прохождение движения во времени: *заснути до ранку, розбудити на світанку, знати з дитинства.*

3. Аллативные (объектные) отношения обозначают объект действия: *звернути увагу на обставини; подивитися на подругу.*

4. Аблативные отношения реализуют семантику отделения, выделения чего-нибудь: *розмова виходила за межі ustalених і прийнятих норм, поведінка учнів вийшла за межі дозволеного.*

5. Абессивные (по В. В. Виноградову, каритивные) отношения обозначают отсутствие чего-либо или кого-либо: *жити без натхнення; працювати без ентузіазму.*

6. Мотивационные отношения реализуют семантику обусловленности действий (их типология в значительной степени дублирует типы детерминантов обусловленности), среди которых следует различать: **каузальные**, обозначающие

обусловленность действия причиной, определённым мотивом: *сміятися від задоволення, заснути з дороги*; **цели** на обозначение обусловленности действия стремлением к определённому результату: *приїхати на навчання, робити для задоволення*; **конъюнктивные**, обозначающие условие, при котором осуществляется действие: *помру без тебе, засну при тобі*; **следствия**, обозначающие определённый итог проявления состояния или протекания действия: *покохати на муку, зустріти на біді*.

7. Модальные (модусные) отношения обозначают состояние предмета или лица: *жити з надією; працювати з мрією*.

8. Делиберативные отношения определяют семантику объекта чувств или мысли: *мріяти про щастя, говорити про кохання, туга за рідною домівкою*.

9. Квантитативные (количественные) отношения: *череда в тридцять корів, дуб обсягом у п'ять метрів*.

10. Транслативные (по В. В. Виноградову, трансгрессивные) обозначают переход предмета из одного состояния в другое: *перетворитися в туман; трансформувати в срібло*.

11. Посесивные отношения выражают принадлежность предмета другому: *при ній завжди є охорона*.

12. Медиативные (по В. В. Виноградову, инструментальные, орудийные) отношения обозначают средство, орудие действия: *грати на гітарі, дути в кларнета*.

13. Эквативные отношения обозначают соответствие действия чему-либо: *назвати на ім'я*.

14. Компаративные отношения, или отношения сравнения, которые обозначают большую или меньшую степень проявления признака: *величиною з kwasоліну*.

15. Генетивные отношения определяют происхождение действия, которое определяет источник, состав, происхождение чего-либо: *дiзнатися вiд колеги, родом iз села.*

16. Лимитативные отношения обозначают ограничение действия или характеризуют предмет с одной стороны: *брат за матiр'ю, добрий за ставленням до батькiв.*

17. Дистрибутивные (разделительные, распределительные) определяют семантику относительно каждого предмета: *пити по двi склянки щодень, дати по однiй копiйцi.*

18. Отношения псевдохарактеристики обозначают действие, которое осуществляется другим предметом или лицом, нежели того ожидали: *вважали за старшого, прийняли за сина.*

19. Комитативные отношения обозначают совмещённость действия: *прийшли мати з сином, зайшли учитель з учнем.*

Вполне очевидной представляется возможность группировки пространственных и временных отношений в первичные, поскольку они являются эволюционно основными значениями предлогов: сначала пространственные, со временем на их основе развились темпоральные. И только потом выделились объектные отношения, в которых ещё чувствуется взаимосвязь с прямыми значениями, и абстрактные – которые практически не мотивируются внешней формой предлогов.

Анализ семантических свойств предлогов позволил репрезентировать категориальную целостность этого класса как отдельного объекта исследования на основе типологии смысловых отношений. Семантическая характеристика предлогов может стать наиболее полной при условии учёта единства общих и частичных значений. Под общим значением имеется в виду способность предлогов выражать определённое

смысловое отношение, а под частичным значением – собственное лексическое значение предлогов, которое позволяет последним конкретизировать высказывание или полностью изменять его смысл, например: *покласти книжку на стіл – покласти книжку під стіл – покласти книжку у стіл – покласти книжку за стіл*. Принцип единства общих и частичных значений отображён также в исследованиях по семантике предлогов с точки зрения когнитивной лингвистики, когда семантическая структура служебного слова интерпретируется как схема-образ, которая является инвариантным значением слова. Модификации же значений соотносятся с соответствующими контекстами его употребления (по В. Ю. Апресян, Г. Е. Крейдлину). Такой подход делает возможным определение парадигматических связей предлогов в такой закономерности: а) в пределах одного смыслового отношения у определённого предлога проявляется его прямое и переносное значение (*бути на городі – бути на уроці*); б) описание значений разных предлогов в пределах одного смыслового отношения позволяет установить их синонимические связи. При таких условиях синонимичные предлоги выражают общее смысловое значение, они являются близкими по собственному лексическому значению, то есть функционируют в близких контекстуальных условиях: *дитина залишилася в матері – дитина залишилася при матері – дитина залишилася з матір'ю*; в) при абстрагировании первичного значения предлога на уровне различных смысловых отношений наблюдается явление омонимии.

На сегодня мало изученными являются возможности украинских первичных непроизводных предлогов относительно создания художественного и публицистического дискурсов. Исследователями выяснено, что функциональные стили различаются не закреплённостью языковых средств за каждым

стилем, а особенностями и частотностью их употребления в том или другом функциональном стиле. Именно в этом, по мнению М. Н. Кожинной, проявляется речевая системность стилей, поскольку «языковая единица в контексте каждого речевого типа функционирует по-своему, в ней активизируется определённый её семантико-функциональный аспект, обусловленный экстралингвистической основой определённого стиля речи» [177, с. 47].

Язык средств массовой информации чаще всего относят к публицистическому стилю как разновидности речи в зависимости от сферы общения, формы речи, целевого предназначения, функционально-смыслового типа речи, употребляемых языковых средств и жанров. Этот тезис является производной того, что основные черты публицистического стиля тесно связаны с основными функциями языка средств массовой информации: 1) информативной; 2) влиятельной (агитационно-пропагандистской); 3) популяризаторской; 4) социально-регулятивной. Языку средств массовой информации в силу влияния экстралингвистических факторов (оперативность информации, лаконичность, ориентация на соответствующие знания читательской аудитории) свойственны собственные особенности. Поэтому, несмотря на то, что языку средств массовой информации, в общем-то, свойственны основные стилевые признаки публицистического стиля, функционирование в ней специфических языковых средств и характерные для неё в значительной степени целостность и единство выделяют её из системы публицистического стиля и свидетельствует об определённой маркированности основных и неосновных жанров массовой информации.

Одной из самых ярких особенностей современных средств массовой информации стало, во-первых, рациональное познание

действительности, а во-вторых – освоение действительности в эмоционально-чувственном измерении. Наблюдение за функционированием аналитических (предложно-падежных) форм свидетельствует, что обе тенденции находят своё проявление в языке средств массовой информации и выбор тех или иных языковых средств в реализации этих тенденций значительно зависит от типа издания, его идеологии, жанра журналистского текста.

Современные средства массовой информации, сферой познания которых является общественная действительность: политика, культура, экономика и другие сферы человеческой деятельности, можно дифференцировать на две группы: «модерн» и «ретро» (А. Л. Факторович). Разница в этих группах проявляется в содержании материала, его освещении, в самом дизайне материала. Наиважнейшие отличия содержатся в языковых средствах, ресурсе актуализированных и / или полуактуализированных единиц, граничным проявлением чего является псевдоактуализация.

Наблюдение за функционированием аналитических (предложно-падежных) форм, например, в газетах «Літературна Україна», «Українське слово», «Голос України», «Україна молода», «Молодь України», «Пост-Поступ», «Високий замок» свидетельствуют, что 1) в центральных «Голос України», «Україна молода», «Молодь України» свёрнутые конструкции со значением второго предикативного действия значительно продуктивнее, чем в «Літературній Україні», «Українському слові», где вместо них функционируют развёрнутые полные образования; 2) в обозначении модальности также в «Україні молодій», «Молоді України» и «Пост-Поступі», «Високому замку» чаще употребляются аналитические (предложно-падежные) формы, а в «Літературній Україні», «Українському

слові» – синтетические. Это может свидетельствовать о том, что две группы средств массовой информации отображают разные парадигмы культуры (О. А. Покровская) и разные методы познания.

Функционирование аналитических форм также зависит от жанра журналистского произведения и от типа средства массовой информации. Издание, ориентированные на всеукраинского читателя с превалированием аналитических статей, меньше играют со словом, стремятся избежать двузначности, и потому используют синтетические формы. Элементы «игры» свойственны в наибольшей степени «Пост-Поступу», использующему для игры аналитические формы. Наиболее продуктивно предложно-падежные формы используются в информационных жанрах, в подготовке которых журналисту приходится проявлять оперативность и создавать текст в условиях недостатка времени. Свёрнутые (имплицитные) модели позволяют ему доносить информацию до читателя в полном объёме. Это делает возможным анализ языка средств массовой информации с точки зрения прагматики, которая позволяет установить закономерности использования в коммуникации языковых средств для целенаправленного влияния на адресата. Так, анализ свёрнутых конструкций прояснил лингвистические и экстралингвистические причины возникновения имплицитного смысла и позволил проследить механизм его возникновения с опорой на регулярные модели имплицитных конструкций. Это рассмотрение опирается на концепцию «картины мира», а также концепцию неопозитивных отличий в структуре грамматических единств. Современные теории преобразования (преобразования, трансформации) позволяют предвидеть наличие конститутивнообразующих функций и у предлога. Первым шагом в разработке

лингвистической теории преобразования было учение о синтаксической (функциональной) транспозиции, сформировавшееся ещё в первой половине нашего века (О. Есперсен, Л. Теньер, Е. Курилович, Ш. Балли). Сущность этого учения состоит в том, что был обоснован постулат о том, слово класса А может быть транспонированным в слово класса В вместе с соответствующими изменениями синтаксических свойств, но с сохранением исходного лексического значения. Правда, чётких правил транспонирования сформулировано не было.

Следующим шагом в этом направлении была теория трансформаций (З. Харрис), в пределах которой были сформулированы правила. Последние предусматривали: 1) сохранение всех лексических единиц трансформированного высказывания; 2) сохранение соответствующих синтаксических связей.

Теория З. Харриса как экспериментальное средство поиска инвариантов и вариантов в синтаксисе нашла достаточно широкое применение [139]. В то же время появились работы, придавшие теории трансформации вид динамичной порождающей модели, но такие, которые сохранили её поверхностно-синтаксическую ориентацию (Н. Хомский). К ним зачисляются и работы о синтаксической синонимии (Г. А. Золотова) [145]. В то же время отсутствие языка для записи синтаксических структур в работах представителей учения привело к тому, что понятие синтаксического синонима не получило чёткого определения, в результате чего под эту категорию подведены были неравнозначные явления, вплоть до синонимичных предлогов, ср.: *брати щось (у) когось, розбиватися в (на) шматки* [132, с. 44 – 56].

В начале 60-х годов XX века выяснилось, что найденные З. Харрисом и Н. Хомским поверхностно-синтаксические трансформации охватывают достаточно малую долю семантически инвариантных преобразований [145]. В связи с этим были сделаны попытки модифицировать теории лингвистов с применением этих приёмов к изучению лексики, не изменяя их сущности (Ю. Д. Апресян).

Следствие этого были выявлены и систематизированы трансформации, которые только условно могли трактоваться как поверхностно-синтаксические, но по своей сути вели себя как глубинные лексико-семантические преобразования, то есть преобразования, которые обуславливают изменения не только в грамматических формах слов, но и в самих словах и глубинно-синтаксических связях между ними. Наиболее общая и одновременно наиболее содержательная картина семантически инвариантных преобразований была предложена А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком, поскольку в их модели семантического синтеза, кроме знания морфологии и синтаксиса, существенно использовалось знание семантических отношений между лексическими единицами [139, с. 67 – 85].

Современная типология переходов от одного способа обозначения к другому репрезентирована в работах В. Г. Гака. На основе ситуативных свойств им установлены глубинные семантические структуры, которые «изолированно отображают действительность» [85, с. 706 – 717]. Отображение элемента ситуации в плане содержания образует семантему (относительно выражения эта единица коррелирует с лексемой), а отображение аспекта формирует семантическую категорию (она коррелирует с семой, которая репрезентирована морфемой) (ср. также: [139, с. 101 – 132]).

В. Г. Гак констатирует, что «изучение синтагматики на семантическом уровне сводится к определению итеративных сем (синтагмем) и определению их функций в организации высказывания» [85, с. 617]. Значит, чтобы быть полной, модель языкового синтеза на уровне речи должна охватывать, во-первых, структурную модель, то есть охватывать перечень всех способов выражения определённого значения, во-вторых, семантическую модель, которая устанавливает соотношение между синонимичными средствами, в-третьих, ситуативную модель, определяющую закономерности выбора конкретного языкового средства из числа допущенных системой и нормами языка в условиях соответствующего контекста и ситуации (по В. Г. Гаку).

Исследование языковых преобразований показывают, что одна и та же реалья может приобретать номинации разной внешней и внутренней формы. Анализированный материал свидетельствует, что в преобразованиях высказывания могут использоваться предлоги: *Коли до Ялти поїхав увесь уряд разом з Президентом, курортне місто перетворилося на столицю* (Молодь України. – 2000. – 6 жовтня) → *З приїздом до Ялти усього уряду разом з Президентом курортне місто перетворилося на столицю; Марія, опустивши очі, слухала дядька* (М. Стельмах) → *З опущеними очима Марія слухала дядька; Як передають компетентні джерела в Багдаді знову відбулося два потужних вибухи* (Голос України. – 2004. – 24 червня) → *За інформацією компетентних джерел в Багдаді знову відбулося два потужних вибухи*. Активное участие предлогов в преобразовании делает возможным рассмотрение их функционирования с точки зрения прагматики при обозначении модальности и предикатов различной степени отдалённости от центра предложения. В реализации субъективной модальности в

современной речи принимают активное участие: **наречия**: ...довіра народу до влади за останні п'ять-шість років у населення *суттєво* знизилася (Високий замок. – 2004. – 14 червня); **деєпричастия**: Марія кинулася, *не роздумуючи*, до дверей... (М. Стельмах); **предложно-падежные формы**: Помиляються сьогодні і ті, хто дума, що, проголосувавши суто механічно, *без роздумів*, призначений верхами кандидат розв'яже усі проблеми за них (Молодь України. – 2004. – 26 червня).

Аналитические предложно-падежные формы вступают в синонимические отношения с наречиями, деєпричастиями и соответственными наречными и деєпричастными конструкциями, ср. потенциальную возможность перефразирования: *До походу юні пластуни готувалися старанно: завчасно придбали палатки, розподілили обов'язки* (Українське слово. – 2002. – 14 серпня), ср. *До походу юні пластуни готувалися зі старанням: завчасно придбали палатки, розподілили обов'язки*.

Анализ фактического материала (газетного текста и языка художественной литературы) свидетельствует, что употребление различных форм для обозначения модальности строго дифференцировано и подчинено семантическим, коммуникативным и стилистическим заданиям текста, потому что выбор той или иной структуры связан с различными способами репрезентации ситуации. Именно поэтому альтернативные модальные формы можно рассматривать как систему изобразительных и коммуникативных приёмов, различных вариантов осмысления идентичных или подобных денотативных ситуаций. Последняя рассматривается как ситуация, определяющаяся конкретным предложением, а не определённая ситуация, являющаяся референтом

соответствующего предложения. Тем более, если говорить о письменном (художественном или публицистическом) тексте, то последняя просто недоступна и не может рассматриваться как что-то отдельное от текста. Представление ситуации различными средствами мотивирован восприятием автора или персонажа. Так, например, предложно-падежные формы, по анализированным материалам, активнее используются в том случае, когда: 1) для большей экспрессивности и коммуникативной достаточности необходимо использование прилагаемого в структуре предложно-падежной формы: *Марія зробила крок вперед без моральних надривів* (М. Стельмах) → *Марія зробила крок вперед, не надриваючись морально*. То же касается и употребления предложно-падежных форм с антонимичным предлогом: *Учні з великим ентузіазмом* *взялися за висадження молодих лип* (Молодь України. – 2001. – 14 квітня) → *Учні без великого ентузіазму* *взялися за висадження молодих лип*; *Просторий кабінет його було прибрано з найбільшою розкішшю* (О. Слісаренко), ср. *прибраний розкішно*. Кроме прилагательных, в предложно-падежных формах возможны и другие маркеры модального значения: *Василько стиснув її у своїх обіймах зі всією силою юнацької пристрасі* (В. Підмогильний), ср.: *стиснув міцно в обіймах*. Вообще предложно-падежные формы по сравнению с деепричастиями характеризуются большей направленностью на обозначение синкретической обстоятельственной семантики: способ действия + условие: *79% респондентів без сумнівів* *відповіли, що вони не визначились, за яку партію голосуватимуть* (Високий замок. – 2001. – 14 серпня); способ действия + причина: *Христина із захопленням* *дивилася на директора* (Г. Косинка). Это объясняется категориальной семантикой самих форм: деепричастие, обозначая

дополнительное действия, придаёт речи динамичность, что не всегда требуется с точки зрения смысловой ориентированности текста. Поэтому предложно-падежная форма становится более подходящей: *Вигравши в першому турі й отримавши безумовний карт-бланш на рішучі дії без оглядки на праву та ліву опозиції, Президент може розраховувати на певний спокій...* (Молодь України. – 2001. – 14 листопада). При условии отсутствия лексического параллелизма замена предложно-падежной формы на наречие или деепричастие невозможна или в силу их отсутствия (*Сама Льольо з ентузіазмом сприйняла цю театралізовану гру в реального суперника* (М. Хвильовий)), или при условии их наличия, но сочетательные возможности последних ограничены («*Льольо з жалем дивилася на свою ще недавно нову сукню*» (М. Хвильовий); *Ти падав на землю й безумствував, бо ти згоряв у пожезі першого неповторного кохання* (М. Хвильовий)).

Предложно-падежные формы при общности значений с наречной формой могут иметь собственные оттенки: *Директор у глибокій задумі не відводив очей від портрета* (О. Слісаренко). Форма «*у задумі*» вместе с атрибутивным компонентом «*глибокій*» предусматривает, что герой, задумавшись, смотрит на портрет и, возможно, не осознаёт его или не воспринимает его как таковой. Наречие снимает такую двоякость и предусматривает восприятие директором портрета.

Предложно-существительные формы способны выражать контаминацию значений: «*Ти мене не вчи!*» – *крикнув Несторенко в гніві*» (М. Хвильовий). Предложно-существительная форма указывает не только на то, как происходит действие, но и на его причину: крикнул потому, что был разгневан. В то же время предложно-существительные формы могут выступать как стилистические средства,

помогающие полнее раскрыть характер героев. Так, конструкции *подивитись із зацікавленням* – *подивитися зацікавлено*, *відвернутися з ненавистю* – *відвернутися ненавидячи* выступают синонимичными. М. Хвильевой, описывая рассказ одного из персонажей произведения «На озера», употребляет предложно-падежную форму *з захопленням*: *«Тільки маленький робітник із старенькою шополкою ще регоче на весь вагон і з захопленням розповідає, як він сварився із жінкою перед від'їздом»*, которой подчёркивается мгновенность такого проявления рассказа, в то время как наречие «захоплено» передавал бы постоянство этого. Подобных примеров использования прямого значения предлогов можно легко найти много, которые свидетельствуют о сопровождении квалификационной атрибуции: (Павлина Анфісівна:) *Ви такої високої думки про себе? – сказала з притиском* (М. Хвильовий). Предложно-падежная форма *з притиском* актуализирует акцент и недовольство Павлины Анфисовны.

Предложно-падежная форма, в отличие от наречия, обозначая модель отношения, часто указывает ещё и на психологическое состояние человека: *Павлина Анфісівна ... говорила з якимсь надривом* (М. Хвильовий). Как свидетельствует анализ материала, предложно-падежные формы, более употребляемые в языке художественной литературы и в очерко-эссеистских газетных материалах, в которых автор не скрывает собственной оценки события. Наречия же и деепричастия более распространёнными являются 1) при отсутствии однокоренного абстрактного существительного, которое легко сочетается с предлогом, либо же такая конструкция гипотетически возможна, но не употребляема: *виконувати естетично* – **виконувати з*

естетикою, працювати якісно – працювати з якістю; 2) при необхідності вираження дополнительных оттенков модального значения: *У своїх відповідях кореспондентам різноманітних видань Дж. Буш постійно наголошує, що США протистоять мусульманському екстремізму* (Голос України. – 2004. – 12 травня) → ср.: *підкреслює постійно; Але Усама Бен Ладен зовсім не сліпий фанатик: він ретельно прораховує власні дії, ... старанно пильнує за своїми словами...* (Молодь України. – 2004. – 14 травня) → ср.: *з особливою ретельністю прораховує власні дії, з особливою старанністю пильнує за своїми словами.* Употребление наречий и деепричастий часто ограничено рамками лексической сочетаемости: *У цьому разі не говориться про тривале турне західними країнами і не про перебування на сонячному Кіпрі, а тільки про можливість виїхати кудись на вихідні і «якісно й ефективно відпочити»* (Україна молода. – 2003. – 14 липня) – конструкция *якісно й ефективно відпочити* не может быть квалифицирована как свойственная спонтанной речи.

Если сопоставлять наречия, деепричастия и предложно-падежные формы, то следует заметить, что наречия и деепричастия являются стилистически нейтральными по сравнению с последними: *Він не поспішаючи, повільно спльовує на підлогу й уважно дивиться на виховательку* (М. Хвильовий). Очевидно, употребление в этом случае аналитических форм «без поспіху», «з уповільненням замедленням» является сомнительным, поскольку они могут быть квалифицированы как – *уважительно, с соответствующей рассудительностью.*

Итак, если возникает необходимость конкретизации, детализации чего-либо, наречие оказывается не совсем подходящим. Его нельзя распространять другими словами, значимыми для определённого контекста. Да и наречие чаще

всего распространяется узким кругом слов: *дуже, вельми, надзвичайно* и т. д. Предложно-падежным формам в ситуации обозначения модальности по сравнению с другими формами свойственны более широкие сочетательные возможности, что мотивируется их более конкретным значением. Именно предлог делает возможным употребление при существительном абстрактной семантики эпитета, вследствие чего конкретизируется существительное: *Після цієї промови, виголошеної з належним трагізмом, Остап відійшов і сів на місце* (В. Підмогильний); *Мати сіла навпроти доньки і слухала її розповідь з глибокою внутрішньою напругою, навіть з сердечною увагою* (М. Хвильовий); *Хлопці продовжували свій шлях з великою обережністю* (О. Слісаренко). Преимущества предложно-падежных форм состоит в том, что предлоги склонны к контаминации, то есть к соединению нескольких значений: *Марія подивилася на нього і в здивуванні розкрила очі: як же він змінився* (М. Хвильовий). Кроме модусного значения, предложно-падежная форма указывает на психологическое состояние человека, в то же время, характеризуясь причинной семантикой. Последнее делает возможным их пребывание в одном синонимическом ряду с ярко выраженными каузальными сочетаниями: *...Анфіса Павлівна від розгубленості чи з іншої причини відвела погляд від директора, хоча той не зводив з неї очей* (М. Хвильовий).

Обозначение модальности предлоги аккумулируют с нелингвистическим содержанием. Способность единиц всех уровней языковой системы выражать скрытую, несвойственную по их языковому статусу информацию, признана исследователями объективной закономерностью, связанной с «асимметрическим дуализмом» языкового знака (С. О. Карцевский), с динамичной способностью языковых

единиц «наращивать смыслы», образовывать новые (Л. В. Щерба) в процессе функционирования. Не малую роль играет также закон экономии языковых средств (А. Мартино, Е. Д. Поливанов).

Газетно-публицистическому тексту как разновидности речевого акта свойственна система невербализованных смыслов, которая обеспечивается в том числе и особенностями функционирования первичных предлогов в имплицитных моделях. Исчерпывающее толкование этих особенностей становится мотивированным при условии разделения лингвистического и литературоведческого толкования подтекста. Под лингвистическим подтекстом имеется в виду имплицитный смысл, который выводится из формально, семантически и функционально видоизменяемых в тексте языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений), из разного типа соположения значений (разлагаемых и неразлагаемых), из нетрадиционных способов оформления элементов текста. Последние – это собственно лингвистические элементы (соединение разностилевых слоёв лексики, необыкновенное графическое воображение, имитация фонетических «неправильностей» устной речи, использование синтаксической структуры в несвойственной текстовой позиции, разного типа логические несоответствия). Особенности имплицитного функционирования предлогов объясняют лингвистически истолкованным подтекстом, который в этом случае рассматривается как завершённое самодостаточное произведение, в котором субъект-адресат раскрывает неэксплицитные смыслы, опираясь на имеющиеся в тексте языковые знаки и собственные языковые знания (Л. А. Исаева), ср.: *Навіть на відпочинку, далеко від роботи і від телефонних дзвінків, усі секретарки постійно відчувають, що телефонні*

апарати розриваються від настирливих дзвінків... (Україна молода. – 2003. – 14 серпня). Имплицированное значение глагола *знаходиться* берёт на себя постпозиционная предложно-падежная форма (ср.: *подали від роботи, коли секретарки знаходяться далеко від телефонних дзвінків*). Используемые предложно-падежные формы воспринимаются читателями как система ассоциативных знаний о работе, её ритмике.

Понимание же литературоведчески анализированного подтекста («экзотерический смысл», по А. М. Камчатнову) основывается на восприятии скрытого смысла, который может быть выявлен только вследствие подробного исследования личности автора, особенностей его биографии, эстетических устоев. Контекст эпохи принято толковать как текстуалитет, в пределы которого входят разнообразные исторические предпосылки, которые обусловили возникновение определённого произведения. К скрытым смыслам этого типа чаще всего относят различные литературные аллюзии, намёки, очевидное и скрытое цитирование значительных и знаковых имён и т. д. Литературоведческий аспект предусматривает наличие у субъекта-адресата общекультурных представлений, специальных знаний по литературе, истории и др.

Так, в ситуации, представленной предложением «... *Так ти не знаєш, чому я тут? Ти не відаєш, що сам створив своє нещастя, не відав, що за той лист нестимеши кару?*» (О. Говда. Бо прийдуть до тебе), конструкция «*за той лист нестимеши кару*» является имплицитной формой выражения причины. С предметом (письмом) связаны события, которые стали причиной переживания: ты понесёшь наказание, *потому что письмо, которое ты написал, является таким, за которое несут ответственность*. Имплицитная конструкция аккумулирует в себе, в этом случае, целую ситуацию. Ситуация, скрытая в

предложно-падежной форме «за той лист», осознаётся адресантом и понятна адресату. Но только им двоим. Для читателя необходимо знать предыдущее развитие событий, которые привели к возникновению такого результата.

Явление импликации в последнее время нашло отображение в исследованиях Г. Н. Акимовой, Н. С. Валгиной, Г. А. Золотовой, Н. Ю. Иванчиковой, Л. М. Невидомской, Н. Н. Прокоповича и др. Во второй половине XX века В. Н. Мигирин и его последователи (В. Г. Байков, Л. А. Кирова, Е. Б. Колыханова, Л. В. Кочерга-Борте, Н. И. Штыкало, С. В. Степанюк и др.), рассматривая зависимость между функциональными и лексическими системами языка, выделили имплицитные модели как один способ выражения смысловых отношений, но роль предлога в имплицитных моделях при этом не прослеживалась. Имплицитная модель квалифицировалась на основе сопоставления имплицитного выражения со словом, которое не утратило внутреннюю форму. Названный словом объект воспринимается как совокупность признаков, которые представляют собой органичное единство. Предмет, которому свойственна множественность аспектов, называется по одному признаку. Последний чаще всего является самым типичным репрезентантом определённого объекта и указание на его признак позволяет представить предмет в целом. Итак, слово с его внутренней формой представляет по своей сути имплицитную структуру в том смысле, что имеющееся выражение не отображает всего богатства содержания предмета.

Имплицитные модели – экономичный способ репрезентации внелингвистического содержания, который позволяет не называть все компоненты содержания, а только один из них, наиболее типичный. Общепринятым является положение о том, что «чем больше информации содержит в себе

ситуация, тем меньшая необходимость использования языковых средств» (А. Мартине). В силу крепкой ассоциативной связи название только одного элемента бывает достаточным, чтобы представить всю ситуацию. Имплицитность, по мнению А. Мартине, зависит от частотности употребления понятия: «...если определённый объект упоминается часто, то более экономичным становится придание ему короткого обозначения. ...если же ... определённый объект используется редко, то более экономичным ... выступает сохранение этого названия».

Скрыто выраженный, дополнительный смысл, как правило, связывают с подтекстом. Коннотация имплицитного смысла высказывания доступна для понимания благодаря наличию у адресата языковых знаний: о способах референции (соотношения) включенных в речь имён или их эквивалентов с объектами действительности, о средствах выражения в определённом языке грамматических категорий, благодаря наличию у адресата фоновых знаний. То, что имплицитность связана с элиминацией имени процессуальной семанты, с проявлениями вторичной предикации, не подвергается сомнению.

Имплицитные модели рассматриваются отдельными синтаксистемами как пропозитивные субстантивные словоформы (В. Г. Гак и др.), которые представляют собой номинации событий, ситуаций, которые содержат в себе вторичный предикативный центр. Появление аналитических конструкций, в частности имплицитных, обусловлено грамматизацией полнозначных слов, которые домысливаются в речи, и семантизацией предлогов. Подтверждением последнего может быть тот факт, что имплицитная модель способна становиться целостным отображением ситуации, при которой

принципиально существенной является семантика и функция предложения.

Имплицитные модели имеют преимущества перед эксплицитными: 1) они позволяют избежать смыслового излишества: *Поміляються ті, хто не приходить на вибори* (Молодь України. – 2002. – 14 січня) → *хто не приходить на вибори, щоб проголосувати*. Значение «голосувати» тесно связано со значением слова «вибори»; *Перебуваючи в лікарні, Василь постійно цікавився справами завершення будівництва* (А. Дімаров) → *В лікарні Василь постійно цікавився справами завершення будівництва* (первая форма является избыточной и не характерна для публицистики, особенно для диалогической речи). В ответах-репликах используется именно имплицитная (свёрнутая) конструкция: *У нас вам сподобається* (О. Слісаренко), ср.: *Коли ви перебуватимете у нас, вам сподобається*; 2) способны соединять несколько значений: *Звернувшись із запрошенням до гостей, Марія в зазурі все так само дивилася за ворота* (В. Підмогильний) → *Марія була в зазурі і тому дивилася за ворота* (контаминация модального и причинного значений); *Раптом пролунали перші постріли і всі кинулись по зброю* (М. Хвильовий) → *Всі кинулися туди, де знаходилась зброя* (пространственное значение) – *всі кинулись, щоб схопити зброю* (значение цели); *Почуття, наче квіти, без постійних хвилювань гаснуть* → *Почуття гаснуть, якщо немає хвилювань* (значение условия) → *Почуття гаснуть, коли немає хвилювань* (значение времени) → *Почуття гаснуть, тому що для них немає хвилювань* (значение причины); 3) использование имплицитной модели придаёт речи большую компрессию, глубина речи в этом случае гораздо содержательнее: *Несподіваним для Л. Д. Кучми стало повідомлення про те, що законопроект про політичну реформу,*

підготовлений Президентською Адміністрацією, не буде розглядатися в першому читанні взагалі, а його передано відразу в узгоджувальну комісію (Високий замок. – 2003. – 13 грудня). Имеется в виду, что читатели прекрасно понимают последствия такого решения и последующее развитие событий, которое не совпадает с тем, которое предусматривали авторы проекта. Аналогичным примером может быть вопрос корреспондента к врачу-реаниматологу Киевского кардиологического центра: *З кондиціонерами в палатах хворі не простудяться?* (Молодь України. – 2003. – 14 липня). Фоновые знания, имеющиеся у корреспондента, адресата речи и читателя, представляют собой основу для понимания смысла вопроса: *Кондиціонери – це прилади, які в робочому режимі продукують свіже холодне повітря, інколи з розрідженими іонами, а це може призвести до негативних наслідків, тому що в кардіологічному центрі здебільшого лежать хворі, що мало рухаються.* Таким образом, предположно-падежная форма *з кондиціонерами в палатах* понимается как *«перебуваючи під впливом кондиціонерів, які продукують розріджене холодне повітря, хворі можуть набути ускладнення перебігу захворювання, причому з побічним ефектом»*. В имплицитных моделях проявляется ход общекультурных процессов в языке (А. Якимович, Е. Покровская), поскольку в ней действуют те же парадигмы, что и в искусстве, культуре. Первая парадигма – антропоцентрический цивилизационизм – унаследована языком от предыдущих поколений. В языке она основывается на соответствии между реальностью, действительностью и мышлением, которое её членит. Подобно искусству в языке имеется строго структурированная система, которая стремится к наиболее адекватному формированию и выражению мысли, которая формируется в мозговых центрах человека. Результаты

этого осмысления, закономерности разделения действительности отображены в языке. В своё время А. Якимович наивысшей ценностью человека считал мораль, давность, а Е. А. Покровская убеждает, что в языке этим понятиям свойственны эквиваленты: примат разума, логики в формировании и выражении мысли, самая точная реализация коммуникативной функции, иерархическая организация коммуникативной единицы, где второстепенное подчинено главному, где нюансовые отношения между компонентами: вместо норм морали здесь выступает языковая нормативность.

Альтернативной относительно первой является вторая парадигма – антицивилизационистская, биокосмическая. Отклонение, иногда отказ от природных связей, отношений, пропорций, взаиморасположения в искусстве авангарда, искусстве второй, альтернативной парадигмы, по Е. А. Покровской, является аналогичным тому, что происходит в синтаксисе в процессе ослабления и распада связей, отклонения от естественного совпадения грамматических и интонационных границ предложения, широкого использования грамматически не связанных структур. Характерными для второй парадигмы синтаксическими инновациями Е. А. Покровская считает парцелляцию, сегментацию (частный и наиболее распространённый случай – конструкция с номинативным представлением), неполнота предложений (эллипсис), развитие вставных конструкций, коммуникативное обособление второстепенных членов, активизация слабых связей, и вытеснение ими сильных, экспансия именительного падежа, изменения в структуре и роли конструктивных элементов диалога, образование синкретических форм чужой речи.

В языке второй парадигмы каждый компонент информации самостоятельно предцирован и представляет

собой предложение, где интонационные границы фразы не совпадают с грамматическими границами предложения, где член предложения может оформляться грамматически и интонационно, как и всё предложение целиком, где тонко нюансовые связи и отношения заменены соположением (Е. А. Покровская). На фоне этой картины проявляются безусловные аналоги и у функционирования предлогов. Так, для первой парадигмы характерным было появление новых производных предлогов, для второй свойственным является расширение семантических возможностей производных предлогов, что особенно ярко прослеживается в имплицитных (свёрнутых) моделях.

Исследование функционирования предлогов в публицистическом и художественном текстах обнаруживает неоднократные случаи их окказионального использования, что подтверждают соответствующие наблюдения лингвистов [311]. Определяющим здесь также является тезис о том, что одним из наиглавнейших условий информативности, вне всякого сомнения, является оригинальное изложение материала. Речевой причиной нетрадиционного использования предлогов в речи чаще всего становится влияние семантической аналогии на стремление автора к созданию эффекта неожиданности. Вне аналогии не происходило бы понимание высказывания. Сущность окказионального предлоγοупотребления состоит в том, что ассоциативно близкие по значению слова начинают сочетаться с тем же смысловым компонентом: Ориєнтовно о 10 годині вечора *по стежці швидко пройшов* хлопець (Молодь України. – 2002. – 14 вересня), ср. *возможные формы: пройшов стежкою, проїсся по стежці, прошигнув по стежці, прошигнув стежкою*. Использование слова *швидко* заставляет

думать, что на окказиональное использование повлиял третий вариант.

Окказиональные предложно-падежные формы исполняют различные функции в тексте: 1) служат средством речевой характеристики персонажей: *Про себе чесно сповідаюсь*, що хочу до міста (М. Хвильовий). Употребление предложно-падежной формы *про себе* вместо нормативно литературного *сказати про себе* выделяет характеристику героини из «постреволюционного» поколения, не обременённого знанием литературных норм; 2) создают необычный смысловой эффект и иронию: *Ви самі підете чи без мене?* (Високий замок. – 2002. – 16 вересня). В данном случае слово «підете» реализовывает очевидное нелитературное значение. Эффект обманутого ожидания достигается путём перераспределения синтаксических связей между элементами сложного глагольного словосочетания. Читатель как носитель языка ожидает формы со значением времени, а ему предлагают форму с псевдообъективной семантикой, поскольку *самі підете* не предусматривает наличия объекта; 3) создают образность речи: *Осінь має свої закони: птахи летять у вирій, а глядачі, навпаки, повертаються на свої місця зі сподіванням чогось нового* (Молодь України. – 2001. – 11 жовтня); 4) определяют стилевую манеру писателя: *VII. На подальшій розділі мій читач зупиниться й подумас те, що він прочитав. Ах, як радісно блукати невідомими чебрецевими шляхами. VIII. Для живої мислі читачевої* (М. Хвильовий). В этом случае парцеллированная предложно-падежная форма составляет отдельную главу и несёт в себе субъективно-модальный оттенок, что характерно для стилистики М. Хвильового; 5) осознанное использование «неродного» для соответствующей конструкции предлога может демонстрировать социальную направленность

текста: *Розчарувавшись у державній підтримці, до останньої миті працюють* (науковці – А. З.), *не звільняються з роботи, працюють за ім'я, за імідж наукової установи...* (Молодь України. – 1996. – 15 травня). Нормативним является працювати на ім'я, працювати на імідж или боротися за ім'я, боротися за імідж. Автор статьи, описывая современное состояние учёных: мизерная заработная плата, устаревшее оборудование, отсутствие внимания со стороны государственных учреждений, таким образом, приравнивает работу учёных к борьбе, выживанию, вне которых жизнь теряет свой смысл. Всё это свидетельствует, что, кроме языковой нормы, существует коммуникативная норма, которая обусловлена заданиями контекста и целесообразности высказывания.

В целом анализ семантических функций предлогов показывает, как коммуникативная роль предлогов, очевидная в общенародном языке, становится зримее в художественном и публицистическом дискурсах, где сверхважными становятся актуализация значения и инициализация того или иного компонента. Исследование текстообразующего потенциала предлогов должно основываться и на учёте особенностей современного предлогообразования, что особенно является распространённым вследствие десемантизации полнозначных частей речи и реализации ими вторичных внутрипредложенческих интенций. Анализ внутрипредложенческих и внутритекстовых функций предлога связан с необходимостью установления их синтагматических и парадигматических особенностей, наблюдением их внутрипредложенческого и внутритекстового линейного статуса.

III.3. Частицы в системе служебных частей речи: типологическое и лексикографическое проявления

1. Основные положения. Славянские грамматики в частеречной классификации основываются на внутрисистемной оппозиции двух частеречных подклассов – полнозначного ↔ неполнозначного (украинская, русская, белорусская) или изменяемого ↔ неизменяемого (сербская, словенская, словацкая, хорватская), или полнозначного ↔ служебного (украинская, польская, македонская, чешская), или самостоятельного ↔ несамостоятельного (польская, украинская, болгарская). Такое постулирование является, по сути, классическим, а определяемые оппозиции с их вариантами наименования воплощают актуализацию того или иного критерия частеречной дифференциации, ср.: противопоставление самостоятельности ↔ несамостоятельности имеет за основу внутрипредложенческий статус слова, аналогично и самостоятельности ↔ служебности, а полнозначности ↔ неполнозначности – лексическую мощьность и т. п. Критерии частеречного разделения, к которым чаще всего относят классификационно-синтаксический (является самостоятельным членом предложения: существительные, прилагательные и др., или таковым не является: предлог, частица, союз и т. п.) и квалификационный (выражение соответствующих смысловых отношений: атрибутивных, объектных, субъектных, адвербиальных и т. д.), смысловой (проявление определённой семантики: предметной – существительные и т. д.), словообразовательный (наличие собственных моделей образования производных та их оформление) выдержали проверку временем. Хрестоматийно известной стал повторяющийся тезис: части речи – это

устоявшиеся (формализованные) члены предложения. Выяснение функциональных параметров частиц, содержания их парадигмы и статуса в системе частей речи в общем и среди служебных слов в частности мотивируют актуальность предложенного исследования.

2. Динамика точек зрения на квалификацию служебных элементов. Изменение научно-лингвистических парадигм существенно не влияют на устоявшуюся частеречную систему, хотя в её пределах с усилением тех или иных критериев существуют попытки сужения / расширения количества выделяемых частей речи (ср. точки зрения В. Виноградова, И. Выхованца, О. Есперсена и др.). Такое понимание коррелирует с соответствующей научно-лингвистической парадигмой (элементно-таксономической и сравнительно-исторической – объединены в постсоссюрровский концептуально-эпистемический тип; системно-структурной – соссюрровский подход; функционально-когнитивной, синергетической – постсоссюрровский) и соотносится с теми или иными поисками, где существенным является не только определение количества понятийных категорий, их иерархии (ср. работы Аристотеля, модистов, О. Есперсена и др.), а также выяснение их языкового выражения. Последнее стало основой зачисления ряда частеречных классов к разряду служебных аналитических морфем (см. исследования Е. Куриловича, И. Выхованца и др.). Система же понятийных категорий сделала возможным определение совокупностей языковых элементов различных иерархических уровней, которым свойственно выражение той или иной понятийной категории, и характеристику на этой основе соответствующего функционально-семантического поля (аспектуальности, темпоральности, субъектности, объектности и под.) или

определённой функционально-семантической категории (субъективной / эпистемической, деонтической модальности, совокупности и т. п.), в то же время сделала возможным выявление функциональных измерений определённых форм с разделением их первичных и вторичных (Е. Курилович и др.) функций, инвариантных / вариантных (Ю. Степанов) форм.

3. Служебные элементы в номинативно-экзистенциальной парадигме. Функционально-когнитивная (номинативно-экзистенциальная) научно-лингвистическая парадигма с её соответствующими составляющими (теорией номинации, теорией референции, теорией речевых актов) постулирует номинативные потенции языковых единиц различных иерархических уровней (в частности предложения и текста), наличие двойного означивания (по Э. Бенвенисту) – денотативно-референтного, где референция индивидуализирует номинацию. В пределах этой парадигмы сформировались теории дискурса, речевых жанров и т. д., что мотивировало возможность рассмотрения частеречной классификации через её определяющие компоненты (ср. выделение четырёх основных частей речи О. Есперсоном, И. Выхованцем и др.) на основе традиционных классификационно-частеречных критериев с учётом значимости частеречных классов в системе номинации и экзистенции (существительное + глагол – частеречное ядро, прилагательное + наречие – периферия, другие части речи находят отображение как синтагматически подчинённые и заполняют соответствующие внутрипредложенческие синтаксические позиции вместе с ними). Такая частеречная классификация коррелирует с определяемыми иерархически вершинными понятийными категориями, а вспомогательные части речи «размываются» как вспомогательные и сугубо формальные элементы, что не обнаруживает их сущности.

4. Основы функционального и типологического проявления частиц. Функциональная и типологическая грамматика служебных частей речи основывается на: 1) проявлении квалификационных и дифференцирующих признаков служебных частей речи с последовательным очерчиванием их статуса в общей частеречной иерархии; 2) прослеживании формальных и функциональных характеристик служебных элементов в структуре языка и речи; 3) адекватном понимании основных понятий функциональности и типологичности. Вне всякого сомнения, служебные части речи выделяются на общем фоне системы частеречных классов своей разнорядностью, ориентацией на грамматизацию тех или иных отношений и устоявшееся продуцирование моделей (ср. союзы типа укр. *бо, тому що*; чешск. *pro, protože, poněvadž*; серб. *за, зато што*; пол. *bo, bowiem, gdyż* – причина; *якщо / jestliže, kdy ž / ако / jeśli, jeżeli* – условие и т. п.). современные лингвистические подходы к рассмотрению функциональности и типологичности не являются однородными и адекватно определяемыми. М. Гроховский достаточно убедительно проследил недостаточную аргументированность тезиса о том, что, например, подчинённый союз является составляющим подчинённой части, сочинённый касается всего сложного предложения в целом. Если подчинённый союз и является компонентом одной из частей сложного предложения, то, очевидно, – главной части, потому что его значение обусловлено семантико-синтаксической валентностью сказуемого главной части, ср.: *думаю, що / щоб / як* и под. (см.: [397, с. 240]). Учёный не обращает внимания на разницу между сложносочинёнными и сложноподчинёнными предложениями, поскольку важной является в этом случае квалификация сочетающих элементов. А. Киклевич в этом случае говорит о

наличии конгрегационных систем, которые в своих объёмах объединяют категориальную семантику различных множественностей [171, с. 222 – 224]. Вполне правомерным является подобное утверждение относительно значительного количества союзов, кроме тех, которые в своём первичном проявлении являются специализированными (ср. украинские союзы типа *хай / нехай*, хотя в своих вторичных функциях они также ориентированы на главную часть). Творческая группа под руководством М. Гроховского проработала концепцию, основные принципы создания словаря частиц, опираясь на широкое понимание в толковании частиц (см.: [Grochowski M., Kisiel A., Żabowska M. Kryteria podziału partukul w Słowniku gniazdowym partykul polskich] – в печати, оглашена как доклад на X Международной научной конференции «Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. Opis. Konfrontacja. Przekład» (Wrocław, 2010), где приведён ряд статей из уже подготовленного словаря).

5. Типологические измерения служебных элементов.

Типологическую грамматику служебных частей речи (подобно типологической классификации) следует толковать на основе той или иной подобности: позиционно-линейной, структурной, содержательной, характерологической и другой соответствующих элементов. По позиционно-линейному проявлению все служебные элементы дифференцируются на позиционно закреплённые / позиционно свободные. К первым принадлежат: 1) послесловники одно- / двухэлементного выражения – всегда пребывают в постпозиции при прямом порядке слов (*наступити на, відійти від, підійти до / переїхати з ... до, відвозити від ... до, опустити з ... на* и под.), в других языках их значение может передаваться словообразующими элементами, ср., например, в немецком *bringen* ‘принести’ → *herauf + bringen = heraufbringen* ‘von dort unten

hierher oben bringen' 'принести снизу наверх, где пребывает говорящий'); 2) предлоги – линейно размещённые в контактной / дистантной существительной препозиции (*на подвір'ї, над прірвою, для задоволення потреб / серб. у дворишту, изнад реке, да задовоље потребе*); 3) союзы – пребывают в интерпозиции (по меткому выражению М. Гроховского, они являются двуместными синтагматическими элементами с устоявшимся упорядочиванием: *столнений, але задоволений; прийшов, щоб побачити*; в отличие от частиц как одноместных синтагматических элементов с изменяемым расположением [399, с. 89 – 90]). К позиционно свободным принадлежат частицы, которые могут касаться отдельного члена предложения (*Полонені повернулися аж надвечір, а могли й не повернутися* (А. Яна) – касается сказуемого) и предложения в целом, придавая ему соответствующий оттенок (*І коли нарешті настануть краці часи?* (В. Земляк)). Частицы противопоставлены союзам, предлогам как таковые, что могут становиться особенными высказываниями (ср. среди общего количества частиц (базу составляет «Словник української мови» (в 11-ти т.), где зафиксировано 115 словарных статей, в которых реестровое слово определено как частица) было выявлено, что функцию частиц-высказываний могут выполнять 35 из них или 32,9 %).

Позиционно-линейное проявление вспомогательных компонентов позволяет установить ёмкость и наполняемость их синтагматической парадигмы и в то же время охарактеризовать особенности их сочетаемости. Всё это делает возможным определение парадигмального инвентаря каждой из частей речи.

6. Типология функций и парадигм служебных элементов. Частеречная квалификация предлогов (собственно предлоги и послесловники), частиц (собственно частицы и

частицы-высказывания) и союзов (собственно союзы и союзные выражения) основывается на соответствующих дифференцирующих признаках. Определяющими чертами предлога как морфосинтаксической категории являются: 1) синтаксеообразующая функция (образует синтаксему, являясь её формантом (*на узліссі, з причини зацікавлення*)); 2) позиционно-синтаксическая маркировочно-синтаксемная функция; 3) функция внедрения (введение синтаксемы в высказывание) (по М. И. Конюшкевич). Квалификационными признаками союза являются: 1) двуместность; 2) выражение синтаксических форм связи; 3) выявление смысловых отношений между компонентами; 4) надпредикатный статус (*прийшов, бо чекали*). Частице свойственны такие признаки: 1) дискурсивно-системообразующая функция; 2) ситуативно-дискурсивное проявление. В силу этого предлогу, союзу, частице свойственны собственные парадигматические пространства. Так, в сфере предлога, союза, частицы образуются парадигмы: а) морфологическая (*від рук / від руки* кого; *з наказу / за наказом* кого – предлог; *за той час поки / за той час що / за той час коли* – союз; *ну / ну як / ну і / ну коли* – частица); б) морфосинтагматическая – особенности сочетаемости (в сфере предлога – первичных предлогов с падежными формами, вторичных – с первичными и падежными словоформами (*на руках* кого / *на руках* з ким / *на руках* у кого / *під руками* кого / *у руках* кого / *у руки* кого / кому / *у руки* до кого / *під рукою* кого / *у руку* кому / *для рук* кого и т. д.), среди союзов – выявлять регулярность / нерегулярность сочетания в системе координационных / субординационных отношений (*столнений, але задоволений; думати, що / як / мов / немов / коли / хоч* и под.), а для частиц – регулярная возможность соединяться со словоформой (*хай / нехай скажу, не скажу, ні слова*) или с

высказыванием в целом (*лиш / лише, лишень* (Люблю пісні мого краю, та не спляюсь на тім **лишень** (М. Рильський));
 в) семантическая ↔ функционально-семантическая (установление всех функционально-семантических ёмкостей предлога, союза, частицы (см.: [409, с. 197 – 238]);
 г) деривационная – охватывает в сфере предлога / союза / частицы все возможные производные (например, все возможные предложные производные, образующиеся не только существительными словоформами, но и однокоренными наречиями и т. д. (по М. И. Конюшкевич): *навскіс від чого / навскіс повз що / навскіс через що / навскіс чого / навскіс від чого* и др.). К этим парадигмам прилежит текстовая, содержащая все системно-узусные, окказионально-авторские и другие наполнения словоформ.

7. Функциональная грамматика служебных частей речи. Эта грамматика основывается на квалификационных измерениях парадигм служебных частей речи, разделении различной нагрузки предлогов, союзов, частиц в структурировании синтаксемы, словосочетания, предложения и текста. Последнее делает возможным дифференцирование различных лексико-функциональных групп предложных единиц типа консеквентно-бенефициативной (*на спогад кому, на пошанування / на честь кого / кому*); директивно-локативной (*ближче до / подалі від чого / кого, праворуч від / ліворуч від / позаду від / убік від чого / кого*); среди частиц принципиально разделение **собственно частиц** с выделением модальных (модально-волевых (*ну / ну як / ну й*), персуазивных (*ось-ось, таки*), авторизационных (*мовляв*), отрицательных (*не, ні*)) и амодальных (указательных (*он, ген*), выделительно-ограничительных (*лише, винятково*), определяюще-уточняющих (*майже, заледве не*), усилительно-констатирующих (*все, адже*))

и **частиц-высказываний**, которые синтаксически символизируют высказывание. Бесспорной является объективная сложность квалификации частиц и частиц-высказываний, их последовательного разделения, потому что те же элементы могут быть использованы и как частицы, и как частицы-предложения: (Максим:) *Та й так воно нам важко тут одним.* – (Микола:) *Так* (Микола Зарудний). Основой их дифференциации является функциональная реализация. Для союзов и их функциональной типологии определяющей является оппозиция паратаксиса и гипотаксиса. В рамках этой оппозиции их роль в организации синтаксической связи является вершинной. В то же время союз направлен на выявление внутрипредложенческой коррелятивности и закрепления закономерностей актуального членения предложения на модельном уровне (*не тільки, але й / не лише але й*). Подобная нагрузка свойственна частицам, являющимся маркерами темы / ремы (количество таких частиц небольшое – в украинском языке ориентировочно 38), их позиция отображает коммуникативное задание, ср.: *Учитель // тільки контролює виконання роботи учнями* (что делает преподаватель), *Учитель контролює // тільки виконання роботи учнями* (что контролирует учитель), *Контролює виконання роботи учнями // тільки учитель* (кто контролирует). В системе частиц наиболее последовательно очерчен и статус синтаксических аналитических морфем, являющихся регулярными в образовании определённой формы (укр. *би / б, хай / нехай, було* и под.).

К особенной системе категориального проявления служебности принадлежат связи, выражающие логические отношения между подлежащим и сказуемым. Инвариантным проявлением связи является слово *бути*, потому что в современных функциональных проявлениях для него чаще всего

не свойственно значение действия, такая связка отчасти воспринимается вне категорий вида и залога (*бути* в значении глагола существования – только омоним связки). В этом аспекте к нему примыкают *це* и *наче* (*неначе*), использованные в значении логических связок: *Щастя – це постійне самовдосконалення і себе самого, й інших* (Анатолій Яна); *Батько – наче дитина* (Григір Тютюнник), а среди регулярных вспомогательных компонентов приближаются *становити*, *являти собою* и т. п.

8. Структурные типы служебных элементов.

Структурно служебные элементы дифференцируются на простые / сложные / составные, где особенно активно пополняемым является последний тип. В последнее время частеречные классы служебных элементов расширяются за счёт формирования их аналогов, эквивалентов, а также тех слов, которые в отдельных случаях выполняют соответствующую функцию (см. работы и словари М. Конюшкевич, А. Загнитко, М. Всеволодовой и др.). Основой расширения количественного и качественного состава служебных слов является переосмысливание того или иного полнозначного слова, его метафоризация: *на ниві / на полі / на тлі* взаемин, ср. также: *пензля (пера, праці, постановки, режисури) → картина пензля Айвазовського; в аспекті / розрізі / вимірі* и т. п. Особенно показательным является расширение фона делимых предлогов, союзов, частиц, которое отображает особенности междууровневых языковых переходов и усиление тенденций однофункциональности таких элементов.

10. Функционально-семантические и функционально-позиционные типы служебных элементов. По первому параметру во всех служебных компонентах устанавливаются те или иные типы, согласно чему они группируются в

соответствующие группы (типа противопоставительные, разделительные союзы; предлоги причины, условия), и в то же время каждому служебному компоненту свойственна собственная функционально-семантическая парадигма (ср.: союз и его функции; частица *лиш* / *лише* – и её функциональные проявления), по последнему параметру легко проследить собственно предлоги / собственно союзы / собственно частицы и их эквиваленты / аналоги, а также те языковые единицы, которые выступают в функции этих элементов. Целостная функциональная и типологическая грамматика служебных частей речи охватывает всё разнообразие собственно служебных элементов и их аналогов, а также их функционально-семантические парадигмы.

11. Квалификационные и классификационные параметры частицы. Современное понимание частицы следует давать с концептуальным различием широкого и узкого подхода относительно её природы. В первом аспекте термин «частица» отождествляется со всеми служебными словами (ср. противопоставление В. Виноградовым семи полнозначных частей речи категории частиц речи), к которым относятся предлог, союз, частицы-связки и собственно частицы [54, с. 544 – 594], а в узком – частицы охватывают особенные слова с соответствующим их статусом. Их частеречный статус в большинстве научных концепций трактуется как определённый «класс неизменяемых лексических единиц, характер которых не является полностью однородным, и которые можно было бы определить как промежуточный тип между наречиями, образующими самостоятельную часть речи и грамматическими морфемами типа суффиксов (это в полной мере касается статуса традиционно рассматриваемых так называемых словообразующих частиц), окончаний или союзов. К частицам

относят как лексически элементарные (морфемы) единицы, ср.: *niech* (нехай), *czy* (чи), *by* (би), *nie* (ні), так и образования, состоящие из нескольких морфем: *właśnie* (власне), *wprawdzie* (щоправда), *oby* (щоб / хай / нехай / бодай би)» [414, с. 423], ср.: *Obyś cudze dzieci uczył!* (Чтоб ты чужих детей учил!).

Семантические функции частиц неоднородны, поскольку они охватывают выражение: 1) разносторонней модальной сути, ср. пол. *by* (бы) образует условное наклонение, *niech* (пусть) – императивное, *oby*, *żeby*, *oby*, *tylko*, *bodaj* – опативное, *czy*, *-li* – вопросительное, ср. с другими оценочно-субъективными модальностями типа *chiba*, *pono*, *niby*, *może*; 2) эмфазы, натиска: *no*, *-że*, *-ż*: *Chodź no!*; *Chodźcie!*; *Chodźcież wreszcie!*; 3) ограничение: *jeszcze*, *dopiero*, *już* и др. [414, с. 423]. Частицей считают как элементы подтверждения: *da* (tak), так и отрицания: *nie* (nie).

В широком значении частицы квалифицируются как классы таких слов, что преимущественно не имеют полностью самостоятельного реального или материального значения, они вносят только дополнительные оттенки в значение других слов, групп слов, предложений или выступают средством выражения различных грамматических отношений (по В. Виноградову) [54, с. 544]). Поэтому В. Виноградов считает, что лексическое значение частиц в широком смысле совпадает с их грамматическими, логическими или эмоционально-экспрессивными функциями [Там же: 544]. Такие элементы полностью подчинены синтаксическому употреблению, ср.: *наче*, спол., част. (СУМ, V, с. 234): *Пташка тихо кралась поміж житами, наче боялась когось злякати* (Україна молода. – 2004. – 11 вересня); *Дівчині стало наче моторошно від почутого* (Анатолій Дімаров); *начеб, начебто*, спол., част. (СУМ, V, с. 234); *як*, спол., част. (СУМ, XI, с. 633 – 635). Широкий подход

к частицам коррелирует с подходом к их статусу И. Мещанинова, который называет их «словами-синтаксемами», а В. Виноградов – «связующими словами» [54, с. 544]. Последовательно выделяя предлоги и союзы среди частиц, В. Виноградов констатирует: «...остаётся ещё несколько небольших групп слов, объединённых общими свойствами гибридно-полуграмматического, полулексического типа и промежуточным состоянием между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами – с другой. Вот за этими группами «частичных» слов и сохраняется преимущественно название «частиц» в собственном значении» [Там же: 545]. По А. Шахматову, частицы – это слова, усиливающие или придающие яркость в том или ином плане грамматической формы или предикат [361, с. 506], ср.: [256].

Нет сомнений в том, что преобладающее большинство частиц в своём значении содержат модальные оттенки и тяготеют к категории модальных слов [54, с. 545]. Модальность квалифицируется как определяющая особенность всех частиц и в [182, с. 501 – 513]. Другое дело, что такая модальность может быть общепредложенческого / общевысказывательного характера или касаться отдельной внутрипредложенческой / внутривысказывательной позиции: *Село **неначе** погоріло, **Неначе** люди подуріли, Німі на панцину ідуть* (Тарас Шевченко); ***Неначе** ї до нас звертаються* (Україна молода. – 2008. – 12 жовтня). По семантике В. Виноградов разделяет восемь основных разрядов частиц как части речи (для удобства примеры приведены украинских частиц): 1) усилительно-ограничительные, или выделительные (*навіть, і (й), ж (же), хоч (хоча), ще, та вже* и под.); 2) присоединительные (*теж, також, до того ж, та й те, все* и т. д.); 3) означающие (*якраз, що за, саме* и др.); 4) указательные

(*це, то, ось* и под.); 5) неопределённые (*-сь, -небудь, де-* и др.); 6) количественные (*майже, заледве не, ледве не* и т. д.); 7) отрицательные (*не, ні* и стойкие сочетания с ними *та ні, це ні*); 8) модально-приглагольные (*б (би), ну*) [54, с. 546 – 553].

Близко прилегают к этим разрядам частиц вопросительные и восклицательные слова, которые большей мерой связаны с категорией модальных слов (*що за, хіба, невже* и др.) [Там же: 603 – 609]. К особенной категории частиц В. В. Виноградов относит связки, выражающие логические отношения между подлежащим и сказуемым. Инвариантным проявлением связки, по мнению лингвиста, является слово *бути*, потому что это не глагол и для него не свойственно значение действия, такая связка воспринимается вне категорий вида и залога (*бути* в значении глагола существования – только омоним связки). К частицам-связкам примыкают *це* и *наче* (*неначе*), использованные в значении логических связок: *Щастя – це постійне самовдосконалення і себе самого, й інших* (Анатолій Яна); *Батько – наче дитина* (Григір Тютюнник). Показательными являются итоговые тезисы В. Виноградова относительно частеречного статуса частиц, где констатировано: «В грамматическом строе частиц проявляется множество переходных типов от слов к морфемам. Наряду с частицами-словами, близкими к наречиям, здесь существуют агглютинативные частицы, которые уже теряют свою показательную самостоятельность «частичного слова» и которые почти превратились в агглютинативные приставки или суффиксы... Превращение частиц в агглютинативные морфемы связано с ограничением свободы их перемещения в предложении. Прикрепление частицы к определённому месту и к определённой категории слов является предпосылкой её перехода в «приклейку», в агглютинативную морфему» [54,

с. 554]. Отдельно В. В. Виноградов говорит о модально-приглагольных частицах типа *би* (*б*), *хай* (*нехай*), *давай* (*давайте*), ср.: *ти б пішов; не мені б слухати; пора б* (*Пора б нам, браття, в дорогу рушати* (С. Васильченко)); *давай* (*Та й справді давай йому скажу усе* (М. Івченко)) и модальном значении отрицательных частиц, которые в диапазоне своих сочетательных интенций способны выражать широкий спектр значений, ср.: не домовився і не домовившись з тобто; не надивившись на все це и под.; в то же время их употребление в значительной степени влияет на использование видовых и временных глагольных форм (по Н. Гречу, А. Добиашу, Ф. Буслаеву, В. Чернышову и др.). Иногда принципиальным является противопоставление среди частиц модальных и амодальных, где первые охватывают значение реальности ↔ ирреальности, достоверности ↔ недостоверности, вопросности ↔ утверждения и т. д. и значимыми являются: 1) модально-волевые: *би, ну, давай, вже, нехай, же* (*Води б!*; *Ну як не зрадїти своєму сусїду!* (С. Васильченко); *Давай поїдемо за місто!* (Б. Грінченко); *Повертайся вже!* (М. Стельмах); *Нехай йдуть; Поглянь же!*); персуазивные – значение достоверности ↔ недостоверности: *ось-ось, наче* (*Хлопці ось-ось мають підїйти* (Л. Мартович); *Марія наче не знає того всього* (Марко Черемшина)); 2) авторизационные: *мов, мовляв* и под.; 3) авторизационные: *мов, мовляв* и под.; 4) вопросительные: *чи, невже, хїба* (*Чи прийшов хтось до нас?* (М. Стельмах); *Невже насправді все це було?* (О. Гончар); *Хїба Лисиця про те зна?* (Л. Глібов)); 5) отрицательные: *не, ні* (*Не йди до мене, не повертайсь!* (І. Карпа)); 6) субъективно-оценочные – эмоционально-оценочные: *теж, отож, так отож* и т. д. (*Теж мені колега знайшовся!* (Ю. Винничук)) / эмоционально-квалификационные: *так-таки, де там* (*Де там нам усе це знати!* (І. Карпа)) и др. Амодальные частицы

внутренне дифференцированы на: 1) указательные: *ось, от* (*Ось село; Ось нива наша неорана* (Панас Мирний)); 2) выделительно-ограничительные: *хоч, тільки, лише, всього, винятково* и т. д. (*Хоч крапельку води налий мені з дороги* (О. Кононенко); *Тільки хвилину маю часу для зустрічі* (Ю. Винничук)); 3) определяюще-уточняющие: *ледве, заледве, заледве не / ледве не, майже, прямо, насправді* и под. (*Ледве вітер віс, колоски хитає* (Л. Мартович); *Заледве не впає перед батьком на коліна* (О. Кобилянська); *Майже всі абітурієнти нічого не сподівались доброго від цієї співбесіди* (Г. Тютюнник); *Насправді для мене все відбувалося несподівано* (Гр. Тютюнник)); 4) усилительно-выделительные: *ж, адже, все, все ж* (*Як же нам вчинити?; Адже не було навіть спроби щось інше зробити* (Г. Тютюнник)).

Устоявшаяся препозиция и / или постпозиция во внутрисловной структуре отображает статус того или иного элемента. Это позволяет говорить об особенном статусе элементов типа *де-, будь-, небудь-, -сь, казна-, хтозна-, -ся (-сь)* как аффиксальных единиц, которые генетически родственные частицам. Сохранение традиционного понимания их как частиц актуализирует ряд вопросов. В их классификационном и квалификационном рисунке отсутствует равнорядность. В своём измерении они принадлежать к аффиксальным ресурсам языка и в его пределах должны рассматриваться.

В украинской лингвистике частицу чаще всего толкуют как служебное слово, которое придаёт различные дополнительные оттенки самостоятельным словам или целым предложениям, а также используются для образования слов и их форм, чем мотивирована полифункциональность частиц. Словообразующий, формообразующий и собственно предложенческий (внутривысказывательный) статусы частиц

обуславливают разделение среди них по роли в слове и предложении: 1) формообразующих; 2) словообразующих и 3) фразовых (отрицательных и модальных). К классическому признаку служебности иногда добавляют признак неизменяемости [182, с. 501], в то же время, выделяя модальную роль частиц в составе слова или предложения [Там же: 501]. Иногда словообразовательный аспект частиц не берётся во внимание и элементы типа *казна-*, *хтозна-*, *будь-* / *-небудь*, *де-*, *-сь* (*казна-хто*, *хтозна-коли*, *будь-коли*, *хто-небудь*, *дехто*, *хтось*) квалифицируются как словообразовательные аффиксы, которые вместе с возвратным глагольным постфиксом *-ся* (*битися*, *збиратися*, *рватися*) имеют статус аффиксальных единиц. Словообразовательный аспект свойственен и частицам – аффиксальным единицам типа *-завгодно*, *аби-*, *не-*, *ні-*, *-би*, *-б*, *-же*, *-ж* (*хто-завгодно*, *абихто*, *немов*, *негарний*, *ніхто*, *мовби*, *щоб* и под.). Рассматривая особенности широкого и узкого понимания термина «частицы» («частица»), Е. Городенская замечает, что в предыдущей лингвистической традиции частицы имели преимущественно статус слова, в современной лингвистике их иногда квалифицируют как аналитические синтаксические морфемы (ср.: [60, с. 16]), поскольку они, подобно синтетическим морфемам, не имеют лексического значения. В то же время они функционируют не в пределах морфологического слова, а «обслуживают сферу синтаксического слова и сферу синтаксической конструкции – предложения, выделяя и подчёркивая тему или рему при актуальном членении предложения или создавая тип предложения по коммуникативной цели, выполняя тем самым различные коммуникативные задания, что свидетельствует о сугубо синтаксическом предназначении частиц, ср. предложения, в которых частицы выделяют рему или тему:

Викладач // *лише контролює роботу студентів* (коммуникативное задание – что делает преподаватель),
Викладач контролює // *лише роботу студентів* (коммуникативное задание – что контролирует преподаватель);
Контролює роботу студентів // *лише викладач* (коммуникативное задание – кто контролирует работу студентов)...» [93, с. 309 – 310]. Такой подход сделал возможным рассмотрение частиц: 1) по происхождению (отнаречные, отсоюзные, отместоимённые, отглагольные), 2) по функции – частицы как организаторы коммуникативных типов предложений по цели высказывания и 3) частицы как средств выделения ремы и темы предложения [93, с. 309 – 310]. Поэтому, по мнению Е. Городенской, «коммуникативная функция является классификационной функцией частиц, что объединяет их в единый класс аналитических синтаксических морфем [Там же: 312]. Этот подход обосновывает Е. Городенская и в [69, с. 357 – 365], где в дефиниции частиц утверждается, что они образуют отдельный и своеобразный тип служебных слов-морфем, специализирующихся на выражении двух коммуникативных функций – выделения темы и ремы в актуальном членении предложения и в формировании коммуникативных типов предложения по цели высказывания [69, с. 358]. Констатируя, что по цели высказывания предложения делятся на повествовательные, вопросительные, побудительные и желательные (в [93, с. 309 – 310], автором среди коммуникативных типов предложений выделены повествовательные, вопросительные, восклицательные и побудительные [Там же: 312], что произведено по разным принципам – цели высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные) и экспрессии (восклицательные), подчеркнуто, что в образовании этих

коммуникативных типов предложения принимают участие соответствующие частицы и интонация [69, с. 360].

Не отрицая такой аргументации, следует подчеркнуть, что в отдельных случаях требуют уточнения определённые идеи относительно функциональной нагрузки тех или иных частиц. Так, рассматривая частицу *ну*, автор замечает, что она употребляется, прежде всего, в начале вопросительных предложений как побуждение к ответу. Такое побуждение сопровождается интонацией «заинтересованности чем-либо, ожидания, нетерпения, требования, напр.: – **Ну**, як тут у вас? *Перегибів нема?* – *Ні, у нас усе добре* (Г. Тютюнник); **Ну**, що тобі, що? – *кричить Чумаченко. – Куди?* (Г. Тютюнник). Выступая в конце вопросительных предложений, частица *ну* придаёт им оттенок удивления, недоверия, сближаясь с вопросительными частицами *хіба*, *невже*, напр.: – *Попович Льольо ставить гуральню. – Та ну?* (М. Коцюбинський)» [Там же, с. 360]. В приведённых предложениях-высказываниях типа – **Ну**, як тут у вас? *Перегибів нема?* – *Ні, у нас усе добре* (Г. Тютюнник); **Ну**, що тобі, що? – *кричить Чумаченко. – Куди?* (Г. Тютюнник) частица *ну* является эквивалентом предложения, а не усложняет его структуру, а в последнем предложении-высказывании – *Попович Льольо ставить гуральню. – Та ну?* (М. Коцюбинський) частица *ну* вместе с усилительным элементом *та* образуют эквивалент-предложение, поскольку с помощью эквивалентов предложений-частиц выражают реакцию собеседника на вопрос, сам вопрос, который является следствием предыдущего рассуждения самого адресанта или адресата и под.: (Гоцик:) *У нас двері зсередини замкнені. Я думав, ти з якоюсь...* – (Макар:) *Та ні. Мені й гуртожитських експериментів поки що вистачає* (Люко Дашвар); (Люба:) *Ви й*

справді надумали не повертати гроші? – (Василь:) **Ну?** (Тарас Прохасько).

Традиции определённых лингвистических школ обуславливают разные концептуальные толкования ёмкости частиц как частеречного класса, их статуса, категориального аспекта и др. В грамматиках английского языка к частицам в сугубо терминологическом аспекте относят то или другое слово, выполняющее особенную грамматическую функцию, но не принадлежащее к конкретной части речи, например, как *to* (в английском языке перед неопределённой формой глагола). Сюда же относятся неизменяемые единицы, выполняющие грамматическую функцию, но не принадлежащие к основным и определяющим частям речи, например, *up* в *He looked up the word – Він шукав слова (в словнику)*. Отдельным подразрядом выделяют в английской традиции дискурсивные частицы (Discourse **particles**), выполняющие различные функции, потому что происходят от различных частей речи – междометий, предлогов и т. д.

Вообще в этой традиции в квалификации служебных слов чаще всего подчёркивают то, что для них не свойственна самостоятельная номинативная функция, в силу чего они не могут образовывать предложения и, за определёнными исключениями, отдельных членов предложения (ср. также: [85, с. 106]), являясь промежуточным звеном между грамматическими морфемами и словами. К словам их приближает: 1) структурное обособление (*Люди ж не сміють зійти по тих сходах / Геть на верхів'я, туманом повиті* (Леся Українка)); 2) наличие лексического значения (ср.: *сісти на авто і сісти в авто*); 3) нерегулярное приближение к самостоятельным словам. В одних языках количество классов служебных слов преимущественно ограничено союзами,

предлогами и частицами, в других – они охватывают детерминативы, служебные местоимения, союзы, собственно частицы, предлоги, глаголы-связки. Всей совокупности служебных слов свойственны такие функции: а) создание синтаксической формы слова, актуализация слова в предложении, расширение его позиционного статуса в предложении. Эта функция в наибольшей степени приближает служебные слова к грамматическим морфемам, что особенно свойственно предлогам, глаголов-связок и, отчасти, частиц: *У лісі панував вранішній спокій* (Михайло Коцюбинський); *Микола був майстром від Бога* (Люко Дашвар); *Від того ж часу Семен все частіше лишався з Пріською* (Леся Українка); б) они заменяют или компенсируют самостоятельное слово как член предложения. В этом случае служебное слово выступает как член предложения: (Василина:) *То подати тобі чай з цукром?* – (Остап:) *Без* (Анатолій Яна); в) они связывают члены предложения или предикативные части в сложном (предлоги и союзы); г) они являются средством выражения значений предложения в целом – вопрос, отрицание, выделение и под. Эту функцию наиболее последовательно реализуют частицы, они же специализируются и на выделении отдельных компонентов предложения в актуальном членении предложения [85, с. 106 – 107]. Не совсем корректным является утверждение о том, что «частица семантически соединяет (связывает) в предложении разнозначные члены предложения, напр.: *Я ж тобі казала; Ще треті півні не співали, ніхто ніде не гомонів* (Тарас Шевченко). В первом предложении частица *ж* семантически соединяет подлежащее *я* с дополнением *тобі*, а во втором частица *не* семантически соединяет подлежащее *півні* со сказуемым *співали*, глагол-сказуемое *гомонів* с обстоятельством места *ніде*» [95, с. 289], потому что ни в первом, ни во втором предложении

частицы никакие члены предложения не соединяют, а только модифицируют имеющийся в предложении смысл. Тем более что в первом предложении дополнение *tobi* семантически соединено со сказуемым и валентно обусловлено им [144].

Во французской лингвистической традиции, которая выделяет десять-двенадцать частей речи (существительное, глагол, прилагательное, наречие, числительное – основные, местоимение – дополнительная, детерминативы, предлоги, союзы – дополнительные служебные, междометие, слова-фразы – дополнительные неделимые), частицы как части речи могут выделять или не выделять (см., например: [Damourette, Pichon 1968 – 1971]). В последнем случае частицы преимущественно зачисляются к наречиям [Le Bidois 1968]. Такая квалификация требует определённой коррекции, поскольку с наречиями подобные слова объединяет неизменяемость, но ВТО же время они отличаются от наречий функционально, что и позволяет квалифицировать их как особый частеречный класс – частицы. В своей совокупности они неоднородны. С одной стороны, достаточно чётко выделяется группа служебных элементов, которые не могут самостоятельно употребляться (*б/би, не, ж/же*; франц. *ne, rien que* и под.), с другой, вполне самостоятельные, способные образовывать отдельное предложение. Это делает возможным различие служебных слов – частиц (эмоционально-модальных, усилительно-выделительных, ограничительных, отрицательных и т. п.) и слов-фраз (частиц-предложений, по Е. Городенской [94, с. 388 – 390]): *так, аякже, авжеж, еге, еге ж* и под.; франц. *qui, non, voilà* и др.

Термин слова-фразы впервые использовал Л. Теньер (*mots-phrases* или *phrasillons*), потому что такие образования, по его мнению, являются и разновидностью слов, и

разновидностью фраз. По Л. Теньеру, следует различать три типа слов-фраз: полные (междометия, которые самостоятельно образуют высказывание), неполные – *voici, voilà*, которые не способны самостоятельно образовывать высказывания и регулярно требуют дополнения (*Voici votre chapeau*), и анафорические (или *phrasillons logiques*) – *qui, non, si*, заменяющие предложение [345], ср.: – *Треба знак вигадати, – міркував Макар. – Так. – кивнув головою Гоцик* (Люко Дашвар); – *Заклацнеш двері. – Гаразд* (Ірен Роздобудько). Дж. Дамурет, Э. Пишон, рассматривая особенности последних образований, подчёркивают их анафоричность (*qui, non, si*) как определяюще-значительную и считают их анафоричными служебными предикативами (*factifs strumentaux anaphoriques*) [Damourette, Pichon 1968 – 1971]. По А. Мартине [Martine 1969; 1979; 1985], частицы принадлежат к наречиям, хотя среди последних автор выделяет: а) презентативы (*voici, voila*, с определёнными ограничениями также и *il y a, c'est, il est, soit* и т. п.) – средство актуализации именного предиката; б) пропозитивные монемы (*qi, non, si* и др.) [Martine 1985], междометия же лингвист считает «асинтаксическими единицами» [Там же].

Вне всякого сомнения, наиболее целесообразно разделять **частицы** как часть речи, которая входит в актуализированную предложенческую структуру – высказывание, и **частицы-фразы**, которые синтаксически символизируют такое высказывание.

Бесспорной является объективная сложность квалификации частиц и частиц-фраз, их последовательного разделения, потому что те же элементы могут быть использованы и как частицы, и как частицы-предложения: (Максим:) *Та й так воно нам важко тут одним.* – (Микола:) *Так* (Микола Зарудний).

Особенный статус частиц мотивирован тем, что они не связывают члены предложения или предикативные части (предлоги, союзы), а выражают различные логические и грамматические значения в предложении в целом. В отдельных языках частиц, существенно отличающихся от наречий, местоимений, достаточно мало, ср. франц. *-ci, -la, ne, si, quant, voire, -da* – специализированные частицы и наречия (*bien, plus, moins, aussi, un peu, la, tellement, autant, même, plutôt*), союзы (*que, comme, mais, quand*), местоимения (*quoi, moi*), глагольные формы (*voir*), прилагательные (*Sûr, je viendrai; il l'a pas fait; Bref, il ne l'a pas fait; Bon, je suis d'accord*), см. также составные частицы типа *est-ce que, ne... pas (point, guère), ne... que, en tant que, c'est que..., ce que..., c'est... qui (que)*, слова-фразы: *et alors?, n'est-ce pas?*

Рассмотрение частиц как частей речи предусматривает возможность их классификации по разным аспектам: по происхождению, по образующей базе, по структуре, по семантике и др. В то же время нужно учитывать, что все непервообразные частицы сохраняют семантику образующего слова, в силу чего имеются разноаспектральные переплетения наречных / местоимённых / глагольных, союзных / компаративных / предложных / интеръективных значений и значений частицы, ср.: *Гнутьця мало не до землі стрункі білі берези* (Иван Франко) – *мало не* = частица + наречие; *Зараз мені забирай своє манаття* (Михайло Коцюбинський) – *мені* = частица + местоимение; *Стільки праці покладено, стільки надій тут вимріяно – ну й маси увесь результат після повені* (Україна молода. – 2008. – 18 серпня) – *ну й* = частица + союз. «Иногда в том же слове близость и переплетение значений частицы и союза, частицы и наречия, частицы и глагола, частицы и местоимения, частицы и междометия настолько крепкие, что

противопоставление друг другу таких значений как таковых, которые принадлежат словам разных классов, является неоправданным, и слово должно быть квалифицировано как «частица-союз», «частица-наречие», «частица-местоимение» [365, с. 724, 730 – 731], см. также [182, с. 503]. Частица в полную силу отображает особенности межчастеречных переходов и выявляет специфику «накладывания» на первичную семантику вторичной и образование элемента с амальгамной семантикой.

В структурном плане среди частиц следует различать простые и составные. Простыми являются такие, которые состоят из одного слова (*а, аж, ба, було, власне, ген, годі, еге, ж / же, лиш, лишень, майже, наче, не, ні, так, теж, тільки, хай, хіба, чи, це, як* и под.), а составные – это частицы, которые состоят из двух и более слов: двух частиц, частицы и союза, частицы и предлога и др. (*а то, а це, а чи, а хіба, ледве не, не без того, це б, це б пак, це б лише, як так* и т. д.) (см. также: [Там же: 723 – 724]). Все составные частицы дифференцированы на членимые и нечленимые. Компоненты нечленимых составных частиц в предложении не могут разрываться, то есть члениться: *Поки збиралися, мудрували, речі пакували, раз і дощ пішов* (Україна молода. – 2007. – 11 червня); (Люба:) *Підемо?* – (Гоцик:) *Що ж, ходім* (Люко Дашвар). Расчленённые составные частицы легко отделяют в собственной структуре один элемент от другого в пределах предложения: *Ось вам і результат!* (Україна молода. – 2009. – 22 травня); *Ось і грибочки вам до столу* (Там же). Среди составных частиц особенного внимания заслуживают частицы-фраземы типа *що за, та й що*.

Коммуникативный статус частиц и их коммуникативно-ситуативная нагрузка чрезвычайно важны. В этом аспекте общий статус частиц можно квалифицировать как особенные речевые слова, отображающие взаимодействие говорящих –

адресата и адресанта в речевых актах, где особенно важным является выделение темы, ремы и под. [93, с. 308 – 318; 69, с. 360 – 375]. По наиболее общим характерным признакам весь частеречный класс частиц в функционально-семантическом аспекте можно поделить на: 1) указательные: *це, то, ось, от, оце, он, онде, ото* (их особенностью является связанное использование, соотнесение с указательными местоимениями): *Місто – це сад споминів моїх жагучих* (Анатолій Яна); 2) категориально-коммуникативные, связанные с соответствующими категориями предложения. Внутренне они дифференцированы на: а) вопросительные: *чи, чи ж, чи не, та чи, хіба, хіба ж, та хіба, невже, невже ж, та невже, що* за и под. (*Чи справді нас сьогодні так багато?* (Свген Плужник)); б) побудительные: *хай, нехай, будь, бодай, годі, ну, давай, нумо, на, лишень* и др. (*Бодай кати їх постинали, / Отих царів, катів людських!* (Тарас Шевченко)); в) отрицательные: *не, ні, ані, аж ні* и т. д. (*Не вернеться чорнобривий / Та й не привітає, не розплете довгу косу, / Хустку не зав'яже...* (Тарас Шевченко)); г) утвердительные: *так, отак, авжеж, атож* и под. (Люба:) *Ти мені завдання приніс подивитися?* – (Гоцик:) *Авжеж* (Люко Дашвар)); 3) дискурсивные, выражающие сопоставление в широком аспекте предметов и признаков, о которых говорится, с другими предметами и признаками, а также целых мыслей и соображений. Среди них являются значимыми: а) усилительные с различными логико-экспрессивными оттенками: *і (ї), та, аж, все, таки, так, уже, це, же / ж, собі, тобі, воно, його, якраз* и под. (*Аж підстрибнув від здивування Дмитро* (Валер'ян Підмогильний)) и восклицательно-усилительные: *що за, що то за, як, який* и др. (*Ох, яка мене туга взяла!* (Леся Українка)); б) пояснительные: *лиш, лише, лишень, мовляв* и под. (*Одна лише моя натура не дивувалася з усього цього*

(Ірена Карпа)); в) ограничительные: *тільки, і тільки, та й тільки* и под. (**Тільки** нам з тобою розплутувати цю податкову писанину з різними інструкціями та підінструкціями... (Україна молода. – 2008. – 10 березня); г) сопоставительные: *мов, немов, наче, неначе* и т. д. (**Мов** не моє жито тут стоптано все (Степан Руданський)); д) обособительные: *хоч, хоча, таки, все* и др. (**Хоча б** цієї столиці не минули, – непокоївся сержант Козаков. – *А то все якісь Пашкані та Яслодані* (Олесь Гончар)); е) выделительные: *все, ж, лише, лишень, навіть, таки, тільки, уже (вже), хоча, хоча б* и под. (*Добре-добре все продумано, бо треба **ж** лікувати відразу* (Україна молода. – 2007. – 10 лютого); *А серце – хоч б'ється в мужицьких грудях, **таки** бажає щастя, **таки** рветься до кращого життя, живе надією!..* (Михайло Коцюбинський)); ж) сравнительные: *наче, неначе, мов, немов, як* и под. (*Гори навколо **мовби** висіли в повітрі, такі вони були прозорі й легкі в ці останні дні ясного гірського літа* (Олесь Гончар)); з) достоверности: *немов, немовбито, ледве чи, заледве чи, начеб, нібито* и др. (*У чорному диму раптом стало **немовбито** видніше* (Григорій Тютюнник)) и под. Вне всякого сомнения, последовательное разделение функций типов частиц и установление их принадлежности к той или другой разновидности не является абсолютным в силу полифункциональности многих частиц, что обусловлено их коммуникативно-ситуативной нагрузкой см., например: [21, с. 41 – 44]). Показательным в этом плане может быть рассмотрение не только сочетательного потенциала частиц типа *і (й), та, ну, мов, немов*, но и выявление их внутripредложенческой позиции, внутripредложенческой функциональной нагрузки, а в более широком диапазоне выяснение возможностей частиц относительно усложнения отдельной внутripредложенческой / внутривысказывательной

позиции и усложнение предложенческой / высказывательной структуры в целом. К индексно закреплённым внутрипозиционным частицам принадлежат частицы типа *це, мов, немов, то, ось, от, як*, являющиеся регулярными в различных предложенческих структурах: *І мить – це щастя твого життя* (Юрій Липа); *Мечі нам – як долоні* (Юрій Липа); ср. сопроводительно-указательный характер таких частиц: *Ось їх не видно. Пил. І в пилі – блиск шабель. / Ось сталась смерть* (Юрій Липа). К предложенческо / высказывательно маркирующим принадлежат частицы типа *адже, атож, таж, тож, та, справді, рівно* (*Молдувани збирались. Хто має право рубати їх виноградники? Та вони на шматки розірвуть першого, що підніме сокиру над куцем* (Михайло Коцюбинський) и др. К этой группе принадлежат вопросительные и другие разновидности частиц, касающихся содержания всего высказывания и максимально «привязывающие» его к ситуативно-речевым заданиям, отображающие условия речевого акта. В этом аспекте значимым является разделение на одном из уровней приглагольных и неприглагольных частиц. К регулярным приглагольным принадлежат *би (б), хай, нехай, давай, давайте, не* (как выразитель отрицательной модификации: *Я сьогодні отримав листа → Я сьогодні не отримав листа*) и др., а неприглагольными (неприглагольность никоим образом не свидетельствует о невозможности употребления такой частицы при глаголе, она сигнализирует об отсутствии её закрепления за глаголом) являются частицы типа *будь, ні, отож, теж, це, то, ось* и т. п.; ср. франц. *pas, point, guère, non, non plus, ni* и под. [85, с. 455 – 456], см. также: ([387, с. 896 – 898]). Особенно же существенным является рассмотрение функционального и типологического аспекта частиц в контрастивном измерении, что делает возможным

выявление разнорядных плоскостей и установление разнообразных лагун, которые компенсируются другими языковыми средствами. Не менее показательной выступает активность частиц в современных дискурсивных практиках (ср., например, современные динамичные процессы в лексиконе).

Не менее важным является прослеживание функционального статуса и проявления утвердительных / отрицательных слов-фраз, первичной функцией которых является общее выражение ответа. Они реализовывают позитивную или негативную реакцию на высказывание собеседника (согласие / несогласие, утверждение / отрицание и т. д. с разнообразными оттенками).

12. Лексикография частиц: функциональный, структурный и типологический аспекты. В современном славянском языкознании уже наработаны разнообразные модели лексикографической обработки частиц как в общем пространстве толкового словаря (толковые словари белорусского, болгарского, македонского, польского, русского, сербского, словацкого, словенского, украинского и других языков), так и отдельном словаре частиц (подготовленный к печати словарь частиц польского языка). Словарь частиц можно компоновать и в алфавитном принципе, и в гнездовом (основой является семантика частиц и их синонимические проявления (см., например, в ([Grochowski M., Kisiel A., Żabowska M. Kryteria podziału partykuł w Słowniku gniazdowym partykuł polskich] (в печати)). Склонность к алфавитному принципу мотивирована относительной устойчивостью такого типа лексикографической обработки. Лексикографическая обработка частиц по алфавитному принципу предусматривает структуру словаря по национальному характеру алфавита, а внутренне словарная статья должна содержать: 1) характерологические

признаки частицы; 2) функциональные проявления частицы; 3) семантико-парадигматические признаки частицы; 4) количественные характеристики частицы; 5) динамико-эволюционные параметры. Среди характерологических признаков частиц значимыми являются: а) структурный тип (простая (*а, ген, давай* и под.), составная (*абикуди, абицо, мовби* и др.), сложная (*хоч би, навряд чи, не тільки* и т. п.) – с разделением среди сложных нечленимых (в предложении не могут разрываться и являются целостными (*було б, все ж таки, до чого ж, ще б* и т. д.: *Було б тоді відразу піти нам* (Л. Мартович)) и членимых (в предложении такие частицы легко разрываются (*тільки б, ледь не, лиш би / лиш б, як не, так і* (*Тільки до міста доїхати б* (Г. Тютюнник); *Лиш дощу не було б*) и разделением собственно частицы (*от, як, мов, ні, ніби, саме, собі*) и частицы-высказывания (*собі майже, лиш сам, тільки майже*); б) происхождение частицы – отместоимённая, отнаречная, отыменная, отглагольная и т. д.; возможные этимологические параметры частицы.

В функциональном аспекте частиц важным является дифференцирование модального / амодального проявления частиц, связанных с: 1) апеллятивностью (частицы апеллятивные, реализующие адресованность речи; 2) оценностью (частицы оценочные); 3) эмоциональностью (частицы эмоциональные); 4) структуризацией текста (текстообразующие частицы). Для апеллятивных частиц свойственной является внутренняя дифференциация на 1) вопросительные (*чи, чи ж, хіба, хіба ж, та хіба, хіба лише* и под.); 2) просьбы / приказа / угрозы (*якби, нехай би тощо / нехай лиш, нехай лише* и под.); 3) желания / пожелания (*аби, аби ж, аби лише, аби вже* и т. п.); 4) убеждения / убеждённости (*направду, всяк, най, воно* и под.); 5) отрицания / несогласия (*але,*

але ж, але тільки, але лише, насамперед, якби, якби ж, якби лише тощо); 6) угрозы (аж лише, аж тільки и др.). Оценочным частицам присуще внутреннее разделение на: 1) собственно модальные (без того, близько, зовсім и др.); 2) сравнительно-оценочные (наче, неначе, мов, немов и т. д.); 3) выпрямительно-отгласночно-оценочные (тоді, тоді ж, тоді тільки, тоді лиш, тоді лише и т. п.); 4) гипотетически-оценочные (цілком, природно и др.); 5) вычисления оценки (ледве, заледве, чимало, замало и под.); 6) ударно-оценочные / актуализационно-оценочные (прямая – ані, тільки, лише всього, лише всього-навсього и т. д. / усложнено-опосредованная – ще й, таки-так, так і и под.). Эмоциональные же частицы внутренне дифференцированы на: 1) частицы на обозначение удивления (типа адже (свойственна и другая семантика – апеллятивная и под.); 2) частицы на обозначение акцентированного удивления (ж, же, аж не и т. д.); 3) частицы на обозначение сочувствия, жалости (та й, та лише и т. д.); 4) частицы на обозначение удовлетворения / разочарования (аби, але, врешті и др.); 5) частицы на обозначение безразличия / равнодушия (а, та, та лише и под.); 6) частицы на обозначение опасности (що, що за и др.). Каждая из частиц соединяет несколько функций, которые дифференцируются соответствующим контекстом, дискурсивной практикой и т. д. Textoобразующие частицы основным своим назначением имеют членение текста, иерархизацию его частей и являются в свое совокупности неоднородными. Легко различаемы частицы экспликативного членения текста с присущей им функцией: 1) обозначения начала текста или его части (а, і, ну, воно, а й и т. п.); 2) линейного членения реального текста с внутренним дифференцированием (последовательности / перечисления (ані, ані-ані и др.), ссылки (тоді, тоді ж, тоді лише, навпаки и т. д.);

и имплицитного членения текста с семантикой выбора выражения (*та й то, та вже, та врешті* и т. д.) и отрицания высказанного, особенно значимая для выражения эмфатической функции, доминирующей над структурной (структуральной) (*але ж, але то, і то, таки не* и под.). Отдельного внимания заслуживают аналоги частицы, которые только функционально выполняют их функцию (ср. с аналогами / эквивалентами предлогов).

Анализ и лексикографическое толкование частицы должны учитывать возможную межчастеречную омонимию (частица ↔ союз (*але, та, і (й), та і (й), щоб* и др.); частица ↔ наречие (*де, коли* и под.), частица ↔ местоимение (ось, собі, сам и т. д.) и т. п.).

Семантико-парадигматические признаки частицы освещаются с учётом потенциальной силы синонимии, антонимии, омонимии среди них, в этом случае значимым является учёт функциональной нагрузки. В силу этого ряд частиц выступает повторяемым в разных синонимических, антонимических, омонимических образованиях.

Квантитативные характеристики частицы опираются на их количественные параметры и частоту использования, что, кроме прочего, осуществляется в пределах определённого исследовательского корпуса текстов, но при учёте наличия в нём адекватно репрезентативных текстов различных функциональных стилей – художественного, научного, официально-делового и других, потому что ряд частиц является закреплённым только за определённым стилем (ср.: *ну, ну й, ну лише, ну тільки, що за, лишень* и т. д. – преимущественно художественно-беллетристический и разговорно-бытовой), отдельные имеют межстилевую нагрузку, особенно *не, ні* и др.

Динамико-эволюционные параметры частицы / частиц следует рассматривать сквозь призму определённого временного разреза для выявления расширения функционального фона, увеличения количественного состава (за основу можно брать Словарь української мови (составил с добавлением собственного материала Борис Гринченко), Словник української мови (В 11-ти т.), Великий тлумачний словник української мови, а также Етимологічний словник української мови (вышло пять томов), Матеріали до Словника писемної та книжної української мови XV – XVIII ст. Евгения Тимченко (подготовлены к изданию В. В. Нимчуком и Г. И. Лысой) и др.), что сделает возможным аргументацию функциональной динамики и т. п.

Современное категориальное пространство частицы характеризуется неодноаспектностью в структурном, функциональном, морфосинтагматическом, текстоструктурном и других аспектах. Функциональное разнообразие частиц мотивировано их свойствами как относительно конкретного слова, словосочетания, так и предложения, сложного синтаксического целого в общем. Всё это требует учёта и функционально-стилистического маркирования частиц, и их внутритекстовой и внутрипредложенческой нагрузки, а также прослеживания их количественного объёма, частоты употребления. В то же время важным является в перспективе рассмотрение частиц по семантико-гнездовому принципу с учётом их соотношения с соответствующими дискурсивными практиками и текстовыми величинами, а также установление модального рисунка каждой частицы в частности и той или иной квалификационной группы в общем, выявление нагрузки семантико-парадигматических связей и отношений в системе частиц.

III.4. Функционально-лексикографическая грамматика служебности

1. Основные понятия. Современное понимание грамматики в широком аспекте её проблем и подходов – от устоявшейся, которая в последнее время всё чаще толкуется как классическая (хрестоматийная), до референционной (референционно-прагматической), идеографической, «природной» – основывается на основных постулатах номинативно-экзистенциальной парадигмы с её трёхсточничковостью: а) теорией коммуникативных актов; б) теорией номинации; в) теорией референции. Каждая из этих составляющих обусловила, с одной стороны, расширение собственно грамматических исследований (прагматические типы предложений, референционные аспекты предложения и т. д.), с другой, на них сформировались отдельные лингвистические исследования, охватывающие освещение не только языковых явлений с прослеживанием закономерностей их сочетаемости, выявлением семантико-парадигматических связей, установлением иерархических особенностей и т. п., но и определение направлений детерминации их функционирования экстралингвальными факторами, «нагрузки» национально-культурной памятью, специфики использования в различных дискурсивных практиках и под. Всё это мотивирует необходимость анализа соответствующего языкового явления, определённой языковой единицы через призму дискурсивных практик (в процессном проявлении и текстуальном выражении), ассоциативными и образными нагрузками и т. п., что и мотивирует актуальность рассмотрения служебности в её функциональном измерении с установлением закономерностей лексикографического толкования всего объёма традиционно

рассматриваемых классической грамматикой служебных элементов.

2. Дифференцирующие признаки и квалификационные аспекты служебности. Современные лингвистические словари толкуют служебность / служебный (синсемантический) как таковую / таковой, что специализирована на сугубо синтаксической функции. Последняя состоит в связывании, выделении, соотношении и т. д., выступая основной для служебных элементов [12, с. 433]. Служебные слова (иногда их называют грамматическими словами, грамматически частичными словами, зависимыми словами, неполнозначными частями речи / неполнозначными словами, несамостоятельными словами, синкатегорематическими словами, синсемантическими словами, соединяющими / сочетающимися словами, формальными словами, частичными словами, частичками предложения, частицами речи) рассматривают как слова, неспособные выступать самостоятельно в функции членов предложения, их основным предназначением выступает выражение разнотипных семантико-синтаксических отношений между полнозначными словами [12, с. 433]. Численность подходов, разная терминология свидетельствуют об актуальности и важности этих слов в языковой системе. Каждое из терминологических обозначений отображает особенности осмысливания одного из признаков таких слов как определяющей, ср.: противопоставление

самостоятельности ↔ несамостоятельности основывается на внутрипредложенческом статусе, аналогично и оппозиция *самостоятельности ↔ служебности* основывается на содержании синтаксической внутрипредложенческой позиции и вхождении такого элемента как неосновного составляющего синтаксической позиции, то есть элемента члена предложения, а

полнозначности ↔ неполнозначности – лексической мощности определённого слова, где служебные элементы рассматриваются как неполнозначные (не обозначают предметов и не выражают характеристик и т. д.) и под. Критерии частеречного разделения, к которым преимущественно относят классификационно-синтаксический (самостоятельность (заполнение внутрипредложенческой синтаксической позиции / несамостоятельность (не может исчерпывающе заполнять синтаксическую позицию, позицию члена предложения) и квалификационный (выражение соответствующих смысловых отношений: атрибутивных, объектных, субъектных, обстоятельственных и т. д.), смысловой (проявление определённой семантики: предметной – существительные и т. п.), словообразовательный (наличие собственных моделей образования производных) выдержали длительную проверку временем. Отдельные же из них берут начало ещё в античных подходах к частеречной квалификации. Хрестоматийно известным является тезис: **части речи – это устоявшиеся (формализованные) члены предложения**. С опорой на современные частеречные квалификационные признаки и классификационные основы, при всём разнообразии подходов и толкований, определяющими дифференцирующими признаками служебности необходимо считать: 1) вхождение в предложениесинтаксическую позицию как отдельного элемента совместно с другим (формально-грамматический / собственно синтаксический уровень); 2) собственно структурирующая нагрузка в реализации тех или иных форм синтаксических связей – подчинительной присловной, подчинительной детерминантной, сочинительной) (формально-грамматический / собственно синтаксический уровень); 3) выражение внутрипредложенческих семантико-

синтаксических отношений в соединении с полнзначными словами (семантико-синтаксический уровень; 4) выделение темы и / или рему в актуальном членении предложения (функция синкатегорематичности / синкатегорематичности – коммуникативный уровень); 5) выявление фокуса / топика // известного / неизвестного в функциональной перспективе предложения (коммуникативный уровень). Учитывая совокупность этих признаков и их регулярное / нерегулярное проявление, общекатегориальную служебность внутренне можно дифференцировать на функционально-дейктическую (предлог / послесловник), функционально-синкатегорематическую / функционально-дискурсивную (частица), функционально-предикатнопредикатную (союз). Адекватное освещение и исчерпывающая характеристика всех признаков (дифференцирующих, квалификационных, классификационных и других) и измерений / уровней (формально-грамматического семантико-синтаксического, коммуникативного и под.), установление направлений пополнения множественности служебности, определение объёма парадигмального пространства служебности и т. п. составляет основу грамматики служебности (типологической, структурной, функциональной и других).

3. Основы лексикографической грамматики служебности. Понятие лексикографической грамматики в своей основе опирается на общеграмматические постулаты служебности, квалификационные признаки служебности и её типологичности, дифференцирование категориально-классных служебных слов, адекватное толкование статуса словоформы в грамматическом строе и её соотношение с соответствующей средой, в пределах которой наблюдается соотношение первичной и вторичной нагрузки словоформы. Важным является

определение содержания функционального аспекта того или иного служебного слова и приобретение им всё новых и новых смысловых оттенков, что особенно является значительным и важным для выяснения формирования синкретической семантики. В этом разрезе диагностирование ядра, уровней периферии и её приближения / отдаления от ядра выступает одним из наиважнейших заданий создания целостной лексикографической грамматики служебности. В традиционной формально-описательной грамматике лексикография служебности преимущественно имела признаки абсолютного подчинения грамматике полнозначных категориальных классов слов и через их призму она рассматривалась. В функционально-описательной и функционально-коммуникативной грамматике служебность приобретает другой статус, а её характеристика и создание целостной лексикографической грамматики является одной из наиболее актуальных заданий. В рамках функционально-коммуникативной грамматики охвачены формальный, семантический, коммуникативный и денотативный уровни языковой системы, а также их речевые реализации, к которым принадлежат: 1) структура функционально-семантического поля; 2) совокупность структурирующих элементов языка, формирующих функционально-семантическое поле; 3) использование структурирующих элементов в речи с проявлением их специфики в различных дискурсивных практиках. Среди структурирующих элементов служебные слова являются особенными, потому что своим использованием и нагрузкой они погружены в национально-языковые традиции, национально-языковую память и отображают в своём функционировании различные новые тенденции, в том числе и конкурентно нагруженные использования. Не менее нагруженным является анализ направлений и установление

тенденций приобретения определённой словоформой статуса эквивалента служебного элемента (ср.: [137; 164, с. 7 – 18]), в то же время определённая словоформа расширяет парадигматическое пространство, объём которого, должен найти адекватное отображение в лексикографической грамматике служебности, установлении её семантических и парадигматических отношений, что обуславливает наполнение её вторичными и охватывает два основных толкования – широкое и узкое.

4. Лексикографическая грамматика служебности: категориальный аспект. Последнее основывается на установлении основных компонентов лексикографического толкования служебных элементов и раскрытии особенностей их функционирования, освещении их структурных типов, характеристике семантико-парадигматических связей и т. п. Такая лексикографическая грамматика является будто зеркальным отображением обобщённой внутриязыковой и внешнеязыковой нагрузки служебных элементов, их парадигмального пространства и др., ср., например, [155], где в инверсированном словорасположении подано сто тысяч слов с построением соответствующих системно определяемых парадигм с выявлением всех реальных словоформ; в этом случае для служебных элементов основной является частеречная пометка, а при наличии омонимичных частеречных проявлений через соответствующий разделительный знак (;) подано обе части речи, например, *аж част.; союз* [155, с.], (*когда н; союз* [Там же: 149], для союзов, частиц и ряда других слов подано также отнесение их с соответствующему функционально-смысловому разряду при условии интонационного выделения / нивелирования и того или иного синтагматического выражения, где последовательно реализована определённая семантика (*да*

(без удар.) союз; **да** (без удар.) част. (усилительная): да где же они?; да ведь я там не был; это что-нибудь да значит и т.п.); **да** част (утвердительная, вопросительная и др.): да, я там был; ты там был, да?; да, я забыл сказать...; да здравствует; да настанет мир и т. п. [Там же: 149]; **когда** н; союз [Там же: 149]). Подобная обработка направлена на подтверждение особенного функционального статуса элемента, традиционно определяемого как служебный. Каждый из служебных элементов приобретает особенные аспекты в силу их функциональной специфики и внутрипредложенческой нагрузки, реализации интенций полнозначных слов и т. п. Так, например, частица приобретает особенные аспекты лексикографического толкования даже в грамматическом словаре, потому что преимущественно ориентирована на соответствующее ситуативно-прагматическое окружение и реализацию установок говорящего, хотя в большинстве случаев только подчеркнута категориально-классовую омонимию: хотя союз; част. [Там же: 877] и др. Ядерный компонент лексикографической грамматики служебности преимущественно выявляется в толковых словарях: до, *прйм.*, *з род. в.* Сочетания с *до* выражают пространственные отношения; временные отношения; количественные отношения; объектные отношения и т. д. (СУМ, II, 315 – 316), см. также [137, с. 67]. Так, по наблюдениям исследователей [215, с. 12], в толковых словарях обязательными являются шесть (орфографический, категориальный, грамматический, смысловой (указание на характер синтаксемы), семантический, иллюстративный) и десять факультативных (фонетический, параметр самостоятельности / факультативности, параметр однозначности многозначности, ареальный, фразеологический, стилистический, синонимический, антонимический, омонимический, параметр

лексической сочетаемости) [Там же: 12]. В то же время подчеркнута необходимость последовательного разделения у вторичных предложных единиц омонимичности, подавая их в отдельных словарных статьях [Там же: 13 – 14]. Такой подход образует ядро лексикографической грамматики. Подтверждение такого толкования легко найти в [91], где исследована грамматическая природа, функциональные параметры, особенности использования и другое союзов. Этот словарь своим толкованием ориентирован на рассмотрение основных проявлений типичной / нетипичной служебности на примере союзов. В то же время подчеркивается синкретизм отдельных союзов, наличие в их функциональном проявлении ядра и периферии и т. п. [Там же: 7]. Так, у союзов типа *а, але, та, проте, однак, одначе* Е. Городенская выделяет, кроме ядерной плоскости – сочинительной семантики, также периферийную сферу – реализацию ими противопоставительно-уступительных отношений: *А тільки замовчши / Або куди летиш – / Зане серденько, неначе на чужині* (Л. Глібов) – подчинительная детерминантная связь между главной и подчинённой связью [Там же: 11]. При наличии нескольких семантико-синтаксических функций вершинной является его регулярно типичная функция: *зате* – 1. Сполучник сурядності, протиставний, виразник протиставних семантико-синтаксичних відношень з відтінком компенсації, відшкодування: *Довго діти доглядали саджанці, **зате** вони тепер милують своєю красою* (А. Яна); 2. Сполучник сурядності-підрядності, протиставно-допустовий, виразник протиставно-допустових семантико-синтаксичних відношень: *У липні надворі пусто, **зате** на полі густо* (Укр. прислів'я); 3. Сполучник сурядності, приєднувальний, виразник приєднувальних семантико-синтаксичних відношень: *Це лиш слова, / **Зате** вони безсмертні*

(Л. Костенко) [Там же: 67 – 68]; две принципиально разные синтаксические функции и отличные семантико-синтаксические функции поданы отдельными статьями: *zame₂*– 1. Сполучник підрядності, наслідковий, виразник наслідкових семантико-синтаксичних відношень, синонім до наслідкового сполучника **так що**: *Латин од няньки наживався, / **Zame** ж за няньку і вступався* (І. Котляревський) [Там же: 69]. В таком грамматическом словаре служебных слов отдельной строкой прослежено происхождение толкуемого элемента (первичный / вторичный), его строение (сложный / составной), выяснен способ употребления (единичный / повторяемый / парный) с прослеживанием закономерностей распределения парного союза, охарактеризовано также синонимию: **ледве...як** – сполучник підрядності, часовий, виразник часових семантико-синтаксичних відношень, указує на швидке настання дії або стану в головній частині після завершення дії або стану в підрядній частині, синонім до часового сполучника *тільки... як*, поєднує підрядну часову частину з головною частиною складнопідрядного речення підрядним детермінантним зв'язком: *Ледве Тарасові минуло 9 років, **як** умерла мати* (Панас Мирний) ... Вторинний, складений. Парний, розподіляється між підрядною часовою частиною (**ледве**) і головною (**як**) [Там же: 103]. Для сравнения, словарь, структурированный по широкому толкованию лексикографической грамматики служебности в общем, а предлога в частности, содержит двадцать пять позиций, среди которых восемнадцать являются регулярными [77, с. 3 – 43]. Таким образом, устанавливается функционально-семантическое поле предлога.

5. Лексикографическая грамматика служебности: парадигматический и синтагматический уровни. Широкое понимание лексикографической грамматики служебности

исчерпывающе охватывает закономерности толкования служебных элементов и весь спектр их парадигматики: синтагматической, морфологической, семантической, функциональной, деривационной, контекстуальной (контекстной / текстовой). Такая грамматика учитывает типологические особенности служебных категориальных классов слов с учётом позиционно-линейной, структурной, содержательной, характерологической и других особенностей соответствующих элементов. Среди структурирующих элементов служебным словам принадлежит особый статус, описание которых является важным не столько в формально-описательном аспекте, сколько в содержательном с выявлением их синонимии и вариативности, антонимии и омонимии и др., особенно в актуальном и прикладном аспектах. Служебные слова принадлежат к тем категориальным классам слов, которые требуют определения особенностей функционирования и установления исчерпывающего перечня правил такого функционирования, что затрагивает практически весь строй языка. Акцент на тех или иных моментах употребления служебных слов позволяет квалифицировать степень проявления аналитичности определённого языка, ср. квалификацию предлогов как аналитических синтаксических морфем (И. Выхованец) и под. В то же время категориальные классы служебных слов и их анализ требуют обращения к таким вопросам, как моделирование семантического образа высказывания, закономерностей его функциональной перспективы, а также диагностирование природы аргументных и сирконстантных статусов, распределение аспектуальной информации среди элементов текста и т.п. типа *У разі проведення в Україні дострокових парламентських виборів, партія Єдиний Центр готова піти на них у союзі з партією*

Наша Україна (Ю. Писаренко) (у *союзі з* – усиление аспектуальной социативности). В этом аспекте аргументированной выступает дифференциация служебности, что позиционно-линейному проявлению делится на позиционно закреплённую / позиционно свободную. К первой относятся: 1) послесловники одно- / двухэлементного проявления – всегда пребывают в постпозиции при прямом порядке слов (*наступити на, відійти від, підійти до / переїхати з ... до, повозити від ... до, опустити з ... на* и под.), в других языках их значение может передаваться сугубо словообразовательными элементами, ср., например, в немецком языке *bringen* ‘принести’ → *herauf + bringen = heraufbringen* ‘vondortuntenhierherobenbringen’ ‘принести снизу наверх, где пребывает говорящий’); 2) предлоги – линейно размещены в контактной / дистантной именной препозиции (*на подвір'ї, над рірвою, для задоволення потреб / серб. у дворишту, изнад реке, да задовоље потребе*); 3) союзы – пребывают в интерпозиции (по М. Гроховскому, они являются двуместными синтагматическими элементами с устоявшимся упорядочиванием): *стомлений, але задоволений; прийшов, щоб побачити*; в отличие от частиц как одноместных синтагматических элементов со сменным расположением [399, с. 89 – 90]. К позиционно свободным принадлежат частицы, которые могут касаться отдельного члена предложения (*Полонені повернулися аж надвечір, а могли й не повернутися* (А. Яна) – касается сказуемого) и предложения в целом, придавая ему соответствующий оттенок (*І коли нарешті настануть кращі часи?* (В. Земляк)). Частицы противопоставляются союзам, предлогам как таковые, которые могут становиться особенными высказываниями, что должно найти исчерпывающее освещение в лексикографической грамматике служебности (ср. среди общего количества

украинских частиц (базу составляет «Словник української мови» (в 11-ти т.), где зафиксировано 115 словарных статей, в которых реестровое слово определено как частица), было выявлено, что функцию частиц-высказываний выполняют 35 из них, или 32,9 %).

Позиционно-линейное проявление вспомогательности позволяет установить содержание и наполнение их синтагматической парадигмы и охарактеризовать особенности их сочетаемости. Всё это делает возможным определение парадигмального инвентаря каждой из частей речи.

6. Лексикографическая грамматика служебности: функциональный аспект. Частеречная квалификация предлогов (собственно предлогов и послесловников), частиц (собственно частиц и частиц-высказываний) и союзов (собственно союзов и союзных выражений основывается на соответствующих дифференцирующих признаках. Определяющими чертами предлога как морфосинтаксической категории являются: 1) синтаксеобразующая функция (образует синтаксему, являясь её формантом (*на узліссі, з причини зацікавлення*)); 2) позиционно-синтаксическая маркировочно-синтаксемная функция; 3) функция внедрения (введение синтаксемы в высказывание) (по М. Конюшкевич). Квалификационными признаками союза являются: 1) двуместность; 2) выражение форм синтаксической связи; 3) выявление смысловых отношений между компонентами; 4) надпредикатный статус (*прийшов, бо чекали*). Частице свойственны такие признаки: 1) дискурсивно-системообразующая функция; 2) ситуативно-дискурсивное проявление. В силу этого предлогу, союзу, частице присущи собственные парадигматические пространства. Так, в сфере предлога, союза, частицы образуются: а) морфологическая (*від*

рук / від руки кого; з наказу / за наказом кого – предлог; за той час поки / за той час що / за той час коли – союз; ну / ну як / ну і / ну коли – частица); б) морфосинтагматическая – особенности сочетаемости (в сфере предлога – первичных предлогов с падежными формами, вторичных – с первичными и падежными словоформами (на руках кого / на руках з ким / на руках у кого / під руками кого / у руках кого / у руки кого / кому / у руки до кого / під рукою кого / у руку кому / для рук кого ти т. д.), среди союзов – проявлять регулярность / нерегулярность сочетания в системе координативных / субординативных отношений (столнений, **але** задоволений; думати, **що / як / мов / немов / коли / хоч** и под.), а для частиц – регулярная способность сочетаться со словоформой (**хай / нехай** скажу, **не** скажу, **ні** слова) или с высказыванием в целом (лиш / лише, лишень (Люблю пісні мого краю, та не спиняюсь на тім лишень (М. Рильський)); в) семантическая ↔ функціонально-семантическая (установление всех функціонально-семантических ёмокостей предлога, союза, частицы (см.: [409, с. 197 – 238]); г) деривационная – охватывает в сфере предлога / союза / частицы все возможные производные (напр., все предложные производные, образуемые не только именными словоформами, но и однокоренными наречиями и т. д. (по М. Конюшкевич): *навскіс від чого / навскіс повз що / навскіс через що / навскіс чого / навскіс від чого* и др.). К этим парадигмам прилегалает текстовая / контекстуальная (контекстная), которая содержит все изофункціональные словоформы, противопоставленные друг другу грамматически и в то же время объединённые денотативно (по Ф. Панкову). Такая парадигма охватывает исходное слово – ядро – и его контекстуальные (контекстные) корреляты. Ядро формирует изосемическое слово в составе изосемической изоморфной

конструкции, приядерную сферу образуют контекстуальные корреляты – изосемические слова в составе изосемических изоморфных конструкций. Ближайшую периферию составляют изосемические слова в составе неизосемических конструкций, абсолютную периферию – неизосемические слова. Лексикографическая грамматика служебности сориентирована на освещение статуса таких элементов в содержательном пространстве языка, которое охватывает объективные (диктальные (Ш. Балли), диктумные (С. Кацнельсон)) и субъективные (модальные (Ш. Балли), модусные смыслы (сюда принадлежат структуры этого пространства: функционально-семантические категории, функционально-семантические поля, системы значений, типичные ситуации), в то же время, в то же время она учитывает совокупность средств выражения тех или иных смыслов (это позволяет устанавливать закономерности эквивалентности, устанавливать уровни последней). Не менее важным выступает рассмотрение типологии средств служебности в различных аспектах и характеристика в пределах словарной статьи их функционирования в речи, учитывая те или иные дискурсивные практики. Одним из постулатов лексикографической грамматики является также прослеживание языковых механизмов, определяющих адекватные потребности коммуникантов функционирования в речи языковых средств, ср.: *йти до річки і йти на річку; розташуватися в хаті / розташуватися за хатою / розташуватися під хатою* и др.

Функционально-коммуникативный подход в лексикографической грамматике служебности гарантирует исчерпывающее освещение участия служебных элементов в актуальном членении и дифференцирование с их помощью разновидностей фокусов темы (параметризация атонической

темы) и ремы (собственно ремы, дистальной ремы, модальной ремы, атонической ремы) и т. д.

7. Структура словарной статьи служебного элемента.

Использование всех наработанных дифференцирующих признаков категориально-классовых слов служебности, их статуса в современной грамматической системе, внутренних активных взаимосвязей и взаимодействия и применение функционально-описательных и функционально-коммуникативных разновидностей их анализа позволяет смоделировать лексикографическое толкование каждого из категориальных типов служебных элементов с последовательным выявлением особенностей их типологически-квалификационных, функционально-классификационных проявлений, рассмотрением ёмкостно исчерпывающих объёмов функционально-семантических парадигм. Ориентировочно статья может структурироваться, на примере частицы, так:

Аж – частка; **I. Характерологія:** проста; за походженням – злиття сполучника *a* і частки *же* з випадінням кінцевого ненаголошеного;

II. Функційні вияви: аmodalьна; дискурсивна; емоційна; текстоструктурувальна лінійна; за семантикою – підсил., може виступати: а) як вияв підсилення дії: *Дівчина аж горить від сорому* (О. Гончар); ознаки: *Листя в променях аж світле* (М. Коцюбинський); б) як вияв кількісної значущості: *Відтоді минуло аж три роки* (М. Івченко); в) як вияв несподіваності / раптовості дії: *Хлопець обернувся – аж перед ним дівчина* (С. Васильченко); г) як вияв граничного простору: *Як чекав на неї в шкільному дворі, щоб разом іти додому, а потім проводжав, несучи плац-намет, аж за вербочки, де місток дерев'яний через яр, – далі вона ніколи не дозволяла проводити себе...* (А. Дімаров); виділ.: *Якось опівночі я не витримав,*

підкрався до віконця, **аж** він стоїть посеред келії з чорною книгою... (А. Дімаров); 4) як вияв подиву: **Аж** підстрибнув від здивування Дмитро (В. Підмогильний);

III. Комунікативний вияв: а) актуалізаційна: *Покладе на стола сірникову коробку і чеше, чеше нариса, аж друкарка не встигає за ним, та все до ладу, гарно – заслухасися* (А. Дімаров); б) рематична: *Дівчина аж похилилася вся* (О. Слісаренко);

IV. Синтагматика: 1) *аж + не* (частка + частка) – емоційна з виявом відтінку подиву: *Дівчина аж не стямилася* (А. Яна); 2) *аж + поки / доки* (частка + прислівник) – у підрядних частинах на позначення досягнення граничної межі дії / стану / процесу: *Ладимир біг слідом (так він біг за підводою, до якої припнули батька, а поліцейшмагав його пугою), аж поки Степан не сховався в огороженому двометровим парканом дворі* (А. Дімаров); 3) *аж + геть* (частка + частка) – далеко: *Бійці швидко віддалялися, аж геть їх видно* (О. Гончар); зовсім, цілком: *Хлопці аж геть потомилися* (В. Сухомлинський); 4) *аж + надто* (частка + частка) – надзвичайно, суттєво, важливо: *Нам аж надто кортіло все побачити й почути* (М. Стельмах); 5) *аж + ніяк + не* (частка + прислівник + частка) – ніякою мірою, в жодному разі: *Все написано аж ніяк не в нашому стилі (Україна молода. – 2001. – 17 вересня)*; 6) *аж + до / за / під / на / у(в)...* (частка + прийменник) – вияв граничної просторової / часової / кількісної межі: *На ній інколи скидалася риба і розкручувала кола аж до самої кладки, що одним кінцем трималася на з'їждженому колесі, а другим – на березі* (М. Стельмах); *Засць стрибнув аж під самісіньку хату* (О. Іваненко); *Хотілося піднятися вище і вище, аж під оті он хмари, де кружляло кілька спортсменів, але мені поки що не можна, в мого махольота крила не червоного, а*

білого кольору, а це означає, що мені заборонено одриватися од землі вище, ніж на сто метрів (А. Дімаров); 7) *аж он / аж ось* (частка + частка) – підсилювально-вказівна з наголошенням близькості / віддаленості: *Аж он там видніється наше село* (О. Слісаренко) або раптовості, несподіваності дії: *Аж ось вікно відчинилось і звідти вистрибнув великий кіт* (І. Карпа); те саме значення – *аж гульк / аж глядь / аж от* (частка + частка): *Аж гульк – з води повиринали русалки і до берега* (А. Яна); *Аж глядь!* – *палати зайнялися* (Т. Шевченко); *Аж от Катря кинулась у двері* (Марко Вовчок); в ускладненій моделі: *аж ось де / аж от де* (частка + частка + прислівник) – конкретизація / актуалізація місця: *Аж ось де зустрічали весни ми з тобою* (А. Яна); або конкретизація / актуалізація часу *аж ось коли / аж от коли* (частка + частка + прислівник): *Аж ось коли прийшло до нас це щастя* (О. Слісаренко); 8) *аж + ген* (частка + прислівник) – підсилювально-вказівна з виявом семантики віддалення: *Зустрілися ми з тобою аж ген у тій долині* (М. Івченко); 9) *аж-аж-аж* – посилення дії, бажання: *А спати нам аж-аж-аж* (М. Івченко).

V. Семантико-парадигматичні ознаки: **Омонім** – *аж*, сполучник підрядності (наслідковий: *Віють вітри, віють буйні, / Аж дерева гнуться* (І. Котляревський); часовий: *Носив вовк козу, аж і вовка понесли* (М. Номис), сурядності (протиставний): *Я думала, що спить батько, / Аж він умирає* (Т. Шевченко); **Синонім** – 0; **Антонім** – 0; **Варіант** – *ажень*, діал., підсил.

VI. Квантитативні характеристики: художньо-белетристичний – 221; публіцистичний – 45; офіційно-діловий стиль – 10 (частота вказана на 10000 знакових одиниць тексту).

VII. Динаміко-еволюційні параметри: **Словарь Б. Грінченка:** *аж* – сполучник (1 – підрядний наслідковий; 8 – підрядний часовий; 9 – сурядний протиставний); як частка – (2 –

10), з-поміж яких: (2) – значна кількість: *Аж три пари на radoцax кумів назбирали* (Т. Шевченко); (3) місце / час з прийменниками *до / за / на* та ін.: *Аж до моря запорозці степ широкий крили* (Т. Шевченко); (4) *аж + поки* – до тих пір поки; (5) *аж-агось, аж ось, аж ось де, аж осьдечки, аж от, аж от де* – ось, ось де, як ось; (6) – *аж ось коли / аж от коли* – ось коли; (7) – *аж он / аж ондечки* – ось там; *аж гульк!* – як раптом; (10) – *аж-аж-аж!* – показує посилену дію, бажання; **Омонім** – *аж* (сполуч.); **Варіант** – *ажень* (сполучник) (Словарь Б. Грінченка 1959: 4 – 5);

Тимченко: *аж* – прислівник (3), де (1) – міра часу, місця, ступеня величини, сили: *Отъ весны... аж до зими*; (2) – ось, раптом: *такъ дуже злякався, Ажъ бачця Анголик зрогами до мене прибрався*; (3) – тільки, лише: *Ажъ 13 сентября зъ ляхами потреба была; аж* – сполучник (6), де (1) – поки не; (2) – як, як вже; (3) – як раптом; (4) – несподіваність: *Хотѣламъ понести его (перехристь) у комнату, ажъ двери комнатные мотузкомъ завязаны*; (5) – якщо: *И мы то отложили ему до нашего частного, ажъ дастъ Богъ, приѣханья къ великому князству Литовскому*; (6) – так що навіть, що навіть: *Ждали часъ немалый врядникъ паней Петровои, ажъ по него посылали, абы на копу пришоль* (Тимченко 2002: 27 –

СУМ: *аж* – частка, підсил. (1-4), де (1) – підсилення ознаки / дії; *аж-аж-аж* – вираження великого бажання, найвищої міри чого-небудь; *аж геть* – дуже далеко; *аж надто* – дуже, вкрай, надзвичайно; *аж ніяк не* – ніскільки не, трохи не; (2) – перед словами кількості на посилення її повноти, цілісності, значності; (3) – перед словами місця / часу з прийменниками *до / за / на* та ін. на позначення досягнення межі; *аж он* – там далеко; *аж ось (от) де* – так ось, де; *аж ось (от) коли* – так ось коли; (4) – означення несподіваності дії; *аж*

гульк (глядь); аж ось (от); Омонім – аж (сполуч.); Варіант – ажень (частка) (Словник української мови 1970: 22 – 23; 28);

ВТСУМ – частка, підсил. (1-4); (1) – позначення підсилення ознаки або дії (1). **Омонім** – *аж* (сполуч.) (1-4), де (1) – підрядний наслідковий; (2) – сурядний протиставний; (3) – підрядний часовий; *аж-аж-аж* – вираження великого бажання; *аж геть* – дуже далеко; *аж надто* – вкрай, дуже, надзвичайно; *аж ніяк не* – ніскільки не, нітрохи не; (2) – перед словами на позначення кількості для наголошення її значності; (3) – перед словами на позначення місця / часу дії, здебільшого з прийменниками *до, за, на* та ін. з наголошенням далекої / крайньої межі; з тим самим значенням – у підрядних часу зі словами *поки, доки; аж он* – он там; *аж ось (от) де* – так ось де; *аж ось (от) коли* – так ось коли; (4) – на вираження несподіваності дії; *аж гульк (глядь)* – коли раптом; *аж ось (от)* – коли раптом; *аж раптом* – зовсім несподівано; **Варіант** – *ажень* (частка) (Великий тлумачний словник сучасної української мови 2007: 15).

8. Обобщение и перспективы. Создание целостной лексикографической грамматики служебности возможно при концептуальной наработке всех классификационных критериев – структурных, семантических, функционально-описательных, функционально-коммуникативных, семантико-парадигматических и т. д., прослеживании ёмкости парадигматического пространства (морфологического, морфосинтагматического, семантического (функционально-семантического), контекстного (текстового), и аспектов – динамико-эволюционного и характерологического, который может быть дополнен квантитативными признаками служебных слов и установлением особенностей аргументного / сирконстантного закрепления служебного компонента в

семантико-синтаксической иерархии предложения. Лексикографическая грамматика служебности за основу имеет последовательное придерживание в освещении обязательных признаков служебного слова и учёта в его квалификации факультативных признаков. Перспективным является не только создание соответствующих лексикографических работ каждого категориального класса служебных элементов, но и прослеживание общекатегориальных свойств служебности в отдельном национальном языке и сравнение этих свойств системно разных языках, что сделает возможным наработки адекватных трансляционных методик и прослеживание общих и отличных функциональных, парадигматических и синтагматических характеристик служебности в исследуемых языках.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИАЛЬНОСТЬ ИМЕННОГО ЧИСЛА: ТИПОЛОГИЯ И ПАРАМЕТРЫ

Последние годы (конец XX в. – начало XXI в.) свидетельствуют об осмыслении вопросов грамматического числа существительных сквозь призму функциональных, прагматических, коммуникативных, функционально-когнитивных, синергетических и других подходов с применением надлежащих методов и методик. Такие концептуальные толкования тех или иных грамматических (морфологических, синтаксических, словообразовательных) форм с проявлением их функционально-семантических парадигм и внутренним дифференцированием морфологической, морфосинтагматической, семантической, деривационной, текстовой являются важными, потому что

делают возможным рассмотрение грамматических явлений в их системном ↔ узусному ↔ индивидуально-окказиональном проявлениях. Существенным становится учёт эволюционных тенденций в системе морфологических форм, значений и категорий. Значительным является применение функционально-когнитивных методов к анализу морфологического числа. Всё это свидетельствует об актуальности исследования морфологической категории числа существительных в её широком диапазоне проявления с прослеживанием ядерной и периферийной сферы реализации семантики числа.

Числовая категориальность принадлежит к активно прорабатываемым в общетеоретическом и общеприкладном аспектах. Первый охватывает устоявшееся понимание категории именного числа как таковой, «которая обозначает количество предметов и состоит из двух соотносимых граммем того же слова – единственного и множественного числа» [69, с. 92] (основное проявление), и акцентированием наличия в ней элементов несловоизменяемого (классификационного) типа [69, с. 92]. Последний соотносится с различными функционально-грамматическими теориями, в пределах которых число квалифицируется как функционально-семантическое поле с качественно-количественным ядром. В этом случае число рассматривается в широком аспекте, где основой является квантификация – реализация какой-либо числовой определённости / неопределённости. Число и квантификация составляют широкую сферу, охватывая типологически разные средства выражения, среди которых наиболее абстрагированными выступают значения морфологической категории (МК) числа. Инвариантом системы украинского числа является морфологическое противопоставление двух подкатегорий *Sg* – *Pl* (*Sg* указывает на один предмет, а *Pl* – на

два или больше), где понятийно обозначаемые единственное и множественное число подсказывают собственное «значение». Это создаёт показательную «иллюзию» чрезвычайно простой, с немногими семантическими оттенками, категории, особенно на фоне языков, в которых функционально нагруженными являются двойственность, тройственность, паукальность. Последнее не учитывает специфику количественной лексики, потенциал которой в выражении функций числа является чрезвычайно ёмким.

У большинства существительных число является номинативным (выражение единственности / множественности предметов объективного мира), а принадлежность каждого существительного к единственному или множественному числу свидетельствует об обязательном и регулярном его статусе. По числовой интенциональности существительные структурированы на три группы: 1) существительные с полной числовой парадигмой (*клен – клени*); 2) существительные-сингулятивы (*вода, олива, сніг*); 3) существительные-плюративы (*дріжджі, канікули*). В своей целостности именная МК числа охватывает и собственно морфологическое (*річка – річки – с помощью окончания*), и синтаксическое (*цей какаду – ці какаду – выражена через подчинённый компонент цей – ці*), и словообразовательное (*слоненя – слоненята – реализована аффиксально –ят- + а*) проявления. Такой спектр выражения числа «регулярности», да ещё и значительное количество существительных с неполной числовой парадигмой отображает её сложный характер, что легко прослеживается в её толковании как словоизменительной или словообразовательной (ср. взгляды Н. Дурново, Ф. Гартнера, Д. Руденко, С. Смаль-Стоцкого, А. Смирницкого, Е. Тимченко и др.). Категории числа присуща наиболее очевидная и прямая связь с реальными отличиями в

объективном мире, чем она принципиально отличается от других словоизменительных категорий. Такая вроде бы очевидно прослеживаемая объективность этой категории выступает идеальным подтверждением, что такие категории, хотя бы отчасти, условны [140]. Условность проявляется в том, что в рамках МК числа реализуется оппозиция единичности / неединичности, где последняя охватывает разнообразные проявления семантики *більше, ніж один*. Связывание числа с идеей считаемости (исчисления) является корректным только для ограниченного количества предметов типа: 1) названия деревьев (*береза, клен, липа, ясен*); 2) наименование построек и их частей (*будинок, кімната, хата, хлів*) и др., но наименование опредмеченных действий (*біганина, мислення, штовханина*), состояний (*плач, стояння, чекання*), качеств (*бадьорість, млявість, сміливість*), названия веществ (*молоко, сіль, цукор*) и под. не охвачены ею. Отдельные категории условны ещё в большей степени и лишь отдалённо связаны с явлениями действительности. МК числа в украинском языке (единственного / множественного числа) – это систематизация опыта через посредничество моделей украинского языка, это явление присуще украинскому языку, а не объективному миру. Г. Глисон (по [395]) рассматривает пример-анекдот в интерпретации числа: когда спросили (видимо, грамматист) говорящего, какое число у слова *pants* ‘штаны’ – единственное или множественное, он ответил: «*Мої штани – множественное число снизу и единственное сверху*». Трудности, возникающие и перед другими говорящими, связаны не столько с формой одежды, сколько с грамматикой. Предмет *pants* ‘штаны’ такая же целостность, как, например, *рубашка* или *пальто*, но это реально не имеет значения: с точки зрения украинского языка *pants* ‘штаны’ – множественное число, ср.: *trousers* ‘штаны’,

breches ‘бріджі’, *shorts* ‘труси’, *stacks* ‘штани’ и т. п. Грамматически – это множественное число, что совсем не оправдано семантически, или же *вила, ворота, граблі, двері* и под.

МК числа является семантически богатой и разнообразной, семантически мощной и семантически мобильной, что проявляется не только в её внутренних составляющих, но и в том количестве привлечённых из других системно-лексических классов. Особенно разветвлённым является выражение общего количества, что мотивировано постоянным стремлением гиперболизировать и максимализировать то или другое количество, ср.: *У класі підняли руки двадцять учнів з-поміж двадцяти двох* и *У класі ліс рук / У класі море рук*. Рассматривая семантическую структуру числа, следует учитывать возможность установления её внутреннего (инвентарь частичных значений) и внешнего (сфера определения) устройства, что делает возможным прослеживание частичных значений форм единственного числа и форм множественного числа, классификацию лексики по возможности выражения числа. В разрезе значительных реализаций числовых форм особый статус принадлежит функциональной параметризации формы множественного числа, которая постепенно «поглощала» левосторонние компоненты оппозиции, становясь всё более абстрагированной. Такой её статус обусловлен общеязыковыми тенденциями идеации (развитие значения слова через вторичные переосмысление уже воспринятого символа – с точки зрения содержания понятия) → идентификации. Идеация как ментальная структура образовалась в славянском сознании после ментализации – момент восприятия славянским словом символов как таковых, и непосредственно перед идентификацией – соположением

результатов ментализации (обработка ёмкости понятия вследствие метафорического движения словесного знака). Ментализацией завершился давнекиевский (давнерусский) период нашего языка, где прослеживается тенденция исчезания форм двойственного числа, идентификация же полноценно заявила о себе в конце XVII века. Весь период существования казацкой эпохи и далее (староукраинский язык – собственно украинский язык) от начала XIV и до конца XVII века – это период становления, развития и постепенного усовершенствования собственно украинской ментальности с её характерологическими признаками, потому что именно в это время происходит «осознание признаков» мира благодаря украинскому языку – собственно идеация, идеальное восприятие признаков, воплощаемое в специально созданной языком и на этот момент окончательно сформированной частью речи – полным (полной формой) прилагательным. Формула идеации была найдена тогда же: «в вещественном теле найти невещественное», то есть общее, абсолютное и вечное выявить в частичном, конкретном и временном (по [180]). Эта позиция средневекового книжника, который продолжает народную традицию извлечения типичного признака из символа: *день світлий, дівчина красна, місяць ясний, молодець славний, думу думати* и под., XV – XVI век – время «реалистской идеации» (на основе средневекового реализма), то есть выделения типичных признаков слова для толкования символа путём подчёркивания особенно существенного признака, что в то же время актуализирует первичный смысл слова, ср. *день – світлий*, значит *світлий день*, *місяць – ясний*, значит *ясний місяць*, *молодець – славний*, значит *славний молодець* и т. п. с указанием на свет в первом случае и под. Так образовывались «предпонытия», где определение указывало на признак

(содержание) понятия, а существительное – на его объём. Это ещё не понятие в прямом смысле, потому что указано слишком конкретное его содержание, связанное именно с этим объёмом; ср., например, общий признак «здоровье» выражен разным содержанием, *красний* и *добрий*. Все постоянные эпитеты народной поэзии формировались в это время: *чисте поле*, *синє море*, *біле світло* и т. д. Все эпитеты того времени имели исключительно видовое значение, были сопряжены с соответствующими именами, типичным признаком которых являлись, ср.: *бистрий кінь*, *бистра річка* / *бистра річенька*, *ясний сокіл*, *скора яцірка* и др. – все выражают признак «скорость», проявляющейся не как род, а как вид скорости. Это происходило в силу того, что не было наработано в языке средства, с помощью которого легко найти слово на основе типичного признака, адекватного для всех случаев обозначения скорости. Подобное проявление признаковости свойственно было и числовым атрибутам в предикативной позиции (псл. **osmь* утворене від порядкового числівника *osmь* «восьмий» подібно до *šestь* «шість» від *šestь* «шостий», *devęť* «дев'ять» від *devęť* від «дев'ятий» [120, т. 1, с. 16]). Аналогичные числительные компоненты извлекали определённый признак соответствующего имени и придавали модели «имя + атрибут порядка» (*день* – *восьмий*, значит *восьмий день* и др.) регулярности. Постпозитивные компоненты постепенно приобретали препозитивную атрибуцию для обозначения порядковости как проявления расположения на жизненно временной оси.

В период ментализации особенно активизируется класс специализированных аналитических показателей числа с постепенным формированием более ёмкой множественности собственно количественных идентификаторов (активизировано

идеацию, ср. эволюцию лексемы *двадцять* (псл. *d(ъ)va desęti* ← числівник *d(ъ)va* + форма двоїни *desęť*) [120, т. 1, с. 405]). Идеация показателей количества постепенно трансформировалась в регулярную идентификацию. Параллельно происходили такие же процессы в компонентах морфологической категории числа существительных: собственно количественные показатели вследствие идеации брали на себя аналитическое обозначение двойственного числа и др., формы же множественного числа приобретали более абстрагированную нагрузку, иррадируя такие же процессы в форме единственного числа.

В современном языке по проявлению внутреннего устройства категория числа является двухкомпонентной (единственное и множественное число), где каждая из форм имеет собственный потенциал семантической нагрузки – текстуально обусловленной ↔ ситуативно определяемой, то есть морфосинтагматической / синтагматической парадигм. Для обеих форм свойственны такие частичные функции: 1) «родовая множественность и единственность»: *Англійці урівноважені ∞ Кінь – домашня тварина*; 2) «дистрибутивная множественность и единственность»: *Дівчата схилили голови ∞ Дівчата схилили голову*; 3) «гиперболическая множественность»: *Не рубай дерев – липа ще жива* (М. Вінграновський) (определяют как «отрицательную множественность» / «отрицающую множественность» (А. Пеньковский)); 4) «генерализирующая множественность»: *Студентам для поселення в гуртожитку слід пройти медогляд*; 5) «единственность обобщающе-сборная»: *Наш багатотисячний глядач*; 6) «единственность экземплифицирующая»: *Селянин купує, селянин продас, селянин державі віддас* (Україна молода. – 2011. – 11 січня);

7) «единственность экспрессивно мотивированная»: *Що я тут роблю? – до цих пір квітку поливаю* (в значении ‘квітки’). К этим функциям примыкают контекстные, их реализация является лексически связанной и ограниченной: 8) «множественность видовая» (наименование веществ и свойств): *солі, мудрості, ніжності*; 9) «множественность эмфатизированная» (названия веществ и пространственных измерений): *сніги, піски, води*; 10) «множественность сборная» (наименование лиц по национальности, специальности, социальным состоянием, характерологическими качествами; названия овощей, фруктов, плодов, произведений литературно-художественной деятельности и т. д.): *іспанці, вояки, відчайдухи, пройдисвіти, персики, вірші*; 11) «множественность пар и наборов» («парная множественность»): *очі, вуха, чоботи, береги, пальці* (ср.: [266]); 12) «множественность ассоциативная» (в фамилиях): *Іванови ‘Іванов та його сім’я’* (терминология и примеры обобщены из исследований И. Ревзина [275], В. Плунгяна [259], Е. Рахилиной [274], О. Ляшевской [208]; обзор литературы по значениям числа у [254]). В современном языке наблюдается тенденция более активного использования форм множественного числа по сравнению с формами единственного числа. К таким проявлениям следует отнести функции на обозначение: а) пространства, места: *обрії, пасовиська, простори*; б) опредмечивания действия: *міркування, пояснення, спогади, хвилювання* (и вообще девербативы с омонимией форм числа в отдельных падежах (*хвилювання – хвилювання*)) существенно расширяют сферу аналитизма в МК числа (*тривожне хвилювання – тривожні хвилювання*)); в) состояния лица, природы, общества, цивилизации (*доці, тумани, роси, зв’язки, розбіжності*).

Весомой является сочетающая функция числовых форм существительных с числительными (*три літи, вісімнадцять комп'ютерів*) (синтагматическая парадигма), с кванторными словами типа *будь-яка особа*, использование в функции приложения (*міста-герої*), предикативные употребления (*мої сестри – учителі*) и т. д. (И. Мельчук, Е. Падучева). В анализе именного числа важным является определение особенностей грамматического поведения определённой формы (А. Вежбицкая). В отличие от категорий вида, модальности, наклонения, определённости / неопределённости, которые выявляют отношение говорящего к описываемой ситуации, МК числа прямо квалифицирует реалии внешнего мира: *одна парт* – *кілька парт*, в чём проявляется её «наибольшая семантическая» (см. также: [257; 274]). Число является иконическим, в силу чего в структурных исследованиях дифференцировали разницу между лексическим и грамматическим, словоизменяющим и словообразующим, семантическим и синтаксическим проявлением категориально-числовой семантики, разделение первичных и вторичных функций числовых форм и определение инвариантного проявления значения числа по двум признакам: множественность – немножественность и определённая – неопределённая (И. Ревзин) или конкретность – абстрактность и общность – необщность (А. Исаченко). В каждой словоформе изменяемых существительных окончание является знаком морфологического числа (*парт* → *парті*; *ясен* → *ясени*, *море* → *моря*). Формально выраженного в словоформе показателя числа нет в несклоняемых существительных, для которых свойственно синтаксическое выражение форм числа через согласование: *нове таксі* → *нові таксі*. Классификация частичных функций форм числа является основой исследований

по теории грамматики, среди которых наиважнейший – анализ:

- 1) функциональной иерархии (М. Шелякин);
- 2) структуралистской матрицы оппозиций типа «единичность – множественность», «расчленённость – целостность», «определённость – неопределённость», «маркированность – немаркированность» (И. Выхованец, А. Исаченко), что позволяет очертить грамемный инвариант единственного / множественного числа, частичные же значения рассмотреть на периферии как одно из проявлений количественных отношений в языке;
- 3) контрастивной типологии (М. Перельман, М. Гавелко);
- 4) типологии числа и смежных категорий (А. Холодович);
- 5) идиоматических сочетательных интенций числа и падежа – «родительный количества» (А. Пешковский), «творительный количества и творительный совокупности» (А. Исаченко), «творительный количественно-вариативный» (Т. Тихомирова) и др.

Существительные без полного набора числовых форм являются существительными с дефектной числовой парадигмой (А. Зализняк) с проявлением формальной (морфологической) и функциональной (семантической) дефектности. Первая охватывает отсутствие грамматических форм с окончаниями единственного / множественного числа, ср.: *білизна, звірина, птаство, худобина, вороння, качання, колосся, лозиння і санки, глабці, граблі, нари, носилки, ночви, сіни, чотки* (существительных-плюративов, например, со связанной формой числа по СУМ 122 [6], а функциональная дефектность распространяется на такое проявление, при котором семантика определённого имени 'X' не допускает сочетания смыслов 'один X' / 'несколько X'. Сравнимые существительные типа *білизна* имеют семантическую дефектность (неисчисляемые существительные), а у существительных типа *сани* оба значения

(*одні сані / кілька саней*) передаются синонимичными формами (ср.: (пор.: [257]) с окончаниями множественного числа (функционально полная парадигма (исчисляемые существительные)). Подобные проявления имеются и в так называемых несклоняемых существительных, где вся падежно-числовая парадигма заполнена омонимичными формами. Именная категория числа охватывает исчисляемые и неисчисляемые существительные, в том числе и *singularia tantum* и *pluralia tantum* [260]. МК именного числа семантически корреспондирует с постоянно пополняющимся классом количественных квантификаторов, объём и состав которого в значительной степени отображают основные пути синсемантизации автосемантических слов. Вследствие таких тенденций определённое предметное существительное приобретает свойство регулярно соединяться со словами различных тематических групп, в том числе и абстрактных существительных [150].

Особенный статус в выражении квантификации принадлежит предметным именам, которые, приобретая вторичное проявление активной валентности вследствие постепенной грамматизации и «смещения» во внутрилексменной структуре, реализуют числовую семантику в широком смысле, являясь количественными квантификаторами [274; 260]. В целом количество – это не обязательно и не всегда семантика числа, потому что количество в общественно-социальных практиках может охватывать и значение ёмкости (*діжка,цистерна – повна / напівповна / неповна*), пространство (гектар – 10 000 м², десятина – 1,0925 га), время (*година* – 60 хв; *рік* – 365 / 366 днів, *доба* – 24 години). С количественной дифференциацией связана разветвлённая система квантификаторов. Инвариантом их семантики является значение

неопределённо-большого количества с субъективным оттенком типа 'дуже багато', ср.: *море книг, гора зошитів, океан квітів* и под. (*Океан квітів, кохана, тобі до ніг лягає* (А. Яна)). Слова типа *море, гора* изначально называют природные объекты, ср.: *море* – 1) часть океану – великий водний простір з гірко-солонною водою, що більш-менш оточений суходолом; 2) дуже велике штучне водоймище; 3) перен. Поросла, вкрита чимось велика, безмежна площа; 4) перен. Велика кількість чогось (СУМ, IV, с. 802): *Плем'я довго й ретельно готувалося до полювання на мамонта. Хоч довкола було море дичини і плем'я майже щодня об'їдалося м'ясом, мисливці не могли заспокоїтись, не вбивши мамонта* (А. Дімаров); *гора* – 1) значне підвищення над навколишньою місцевістю або серед інших підвищень; 2) велика кількість чого-небудь складеного в купу; багато чогось (СУМ, II, с. 125-126): *Я наставляю руку, і в долоню мою сипляться мідяки. Ціла гора мідяків* (А. Дімаров). Для существительного *море* первое и второе значения являются непредикатными, а для существительного *гора* – таковым является первое значение. В этих значениях они субстантивные (ср. квалификацию категории субстантивности с её внутренней дифференциацией на категорию субъекта, объекта, адресата, инструмента и т. д. [69]), в предложенческой структуре заполняют соответствующие синтаксические позиции аргументов: *Як понесе з України / У синес море / Кров ворожу... / отоді я / І лани і гори – / Все покину* (Т. Шевченко); *Каховське море і сьогодні викликає багато наукових суперечок* (Голос України. – 2010. – 28 травня); *Зоре моя вечірняя, / Зійди над горою, / Поговорим тихесенько / В неволі з тобою* (Т. Шевченко). В других значениях существительные *море* (третье и четвёртое) и *гора* (второе) испытывают значительное семантическое «смещение», генитивная конструкция, в пределах

которой они являются вершинными (ср.: *гора книг, море людей*), «провоцирует» смещение в их значениях. В этом случае существительное переходит в класс предикатных (предикативных), или релятивных, имеющих собственный аргумент, заполняемый множественностью, ср. также: *Істот було тут іще більше: вони то метушилися попід деревами, обкопуючи та поливаючи, то висли на гіллі, зриваючи велетенські плоди: все те вкладалося в кошики, і безконечний потік носіїв тягнувся вповдовж дороги* (А. Дімаров). Существительное не обозначает предмет, а оценивает и квалифицирует количество объектов в соответствующей множественности. Ряд таких существительных (*букет, копа, оберемок, прірва, сніп, фунт, хмара* и под.) уже в своём основном значении двойственно маркированы, обозначая конкретный предмет объективного мира, являющего собой множественность предметов соответствующего типа (ср. *букет фіалок, букет конвалій, сніп жита, сніп пшениці, копа кукурудзи*), чем определяется их способность использоваться в генитивных конструкциях в прямом значении. Показателем их перехода в класс квантификаторов является расширение сочетающих интенций: *букет конвалій (Завтра, вертаючи назад, до Мрина, він нарве для своєї дівчини букетище конвалій. Оберемок конвалій, аби довше пам'ятала* (В. Дрозд) → *букет дисципліни (І щойно я прочинила двері до зали, побачив мене і каже строго та докірливо: «Ось, будь ласка, товаришка Жила, для прикладу. Теж – букет дисципліни* (В. Дрозд)); *оберемок лози (З отакими присмними думками нарізав я оберемок лози, приніс під хату і засів за роботу* (А. Дімаров) → *оберемок порушень (На мене вправ оберемок порушень, що приписувалися мені за кожний неналежний крок* (А. Яна)), что сопровождается приобретением ими сугубо количественной семантики с

оценочным оттенком. Последнее свидетельствует о б активном процессе их грамматизации: постепенный выход со статуса привычной лексической единицы и гипотетически преобразованием таких элементов в сугубо формальный грамматический показатель. По утверждению Е. В. Рахилиной, Ли Су-Хёна, в русском языке таких имён насчитывается почти тридцать [274; 260], а в украинском – ориентировочно двадцать пять, хотя их состав принадлежит к активно пополняемым, ср.: *арсенал, батарея, букет, вагон, віз, гора, дощ, ліс, море, океан, оберемок, прірва, хмара* и под. По наблюдениям А. Ляшкевич [209] таких слов около ста, хотя в этом случае в их состав включены и лексемы типа *армія, група, натовп, рій, табун (рій думок, група перетворень* и т. д.), а, по подсчётам М. Тихонова [349], их свыше 140, что является последствием максимального расширения корпуса таких лексем за счёт слов типа *маса, множинність*, в том числе и наречия *багато, мало, небагато, чимало*. В таких подходах основой является общая семантика количества без последовательного учёта особенностей внутрилексменных сдвигов, их неоднородности. В этом плане важным является то, что большинство только родовых наименований способны получать семантику квантификатора числа, а большинство видовых – принадлежат к таковым, которые лишены этого, типа **зай титань, *дубина проблем* (но *ліс рук* и *ліс незручностей*). Среди таких квантификаторов можно легко выделить квантификаторы малого / незначительного количества и квантификаторы значительного / большого количества: *крапля крові (Привиди, либонь, також наситилися краплями моєї крові, добутими тоді Сінтою, і більше мені не являлися (І. Карпа)), жменька мукички (Нема барабуль, лишається жменька мукички, довго ні з чого збити татові масельця – все можна перетерпіти (М. Матиос)) //*

крапля шоу ((Майнес:) Хотіли, щоби духи мучили тебе незримо для сусідів. «Не дамо цим клятим туземцям ані краплі безплатного шоу!!! (І. Карпа)); жменька проблем (Жменька моїх проблем нічого не ускладнить у твоїх почуваннях і сприйняттях (Україна молода. – 2001. – 13 березня)) – малое / незначительное количество; хмара дощу (Хмара дощу раптово накрила все село (А. Дімаров)) // хмара парфуму (Але тут – ця задушлива хмара солодкого парфуму, це нагельоване волоссячко, ця улеслива посмішка 35-річної давнини і – квінтесенція – шкіряний піджак. Шоби вже точно па-багата-му (І. Карпа)).

В процессе грамматизации (термин введён А. Мейе) определённой лексемы проявляется появление новой грамматической функции, происходит два процесса: сдвиг значения и декатегоризация (в исследуемых явлениях сначала происходит декатегоризация (преобразование грамматического существительного в квантификатор) с частичной потерей общего лексического значения (получение синсемантического статуса) и в то же время присутствует рекатегоризация с появлением нового значения из универсального грамматического набора (см.: [259]). Последним определяется ограничение употребления определённой конструкции, а также внутриконтрукционная сочетаемость. Бесспорным является то, что степень грамматизации той или иной модели $S_n S_g (N_n N_g)$, где S_n / N_n – существительное в именительном падеже, а S_g / N_g – существительное в родительном падеже, с соответствующим её лексическим наполнением следует диагностировать в каждом случае отдельно, для чего необходимым является количественное рассмотрение использования и сочетающе-интенционных свойств пре- и постпозитивных компонентов конструкций.

В целом существительные количественные лексемы образуют особенную сферу функционирования, где первое проявление нарушения чётко обозначенной сочетаемости обуславливает первый этап семантического смещения. Чаще всего лексические количественные маркеры типа *букет, оберток* имеют пространственно-квантитативный план [140], а существительные типа *море, океан, потік, прірва, ріка* выявляют элемент простора с очерченными границами, сближаясь между собой внутрилексемым значением 'неохопна плинність', являющимся показателем их направления в количественные квантификаторы.

Итак, МК числа внутренне является достаточно насыщенной взаимопереходами и конъюнктивно-дизъюнктивными взаимообусловленностями функций форм единственного и множественного числа, наложением функций друг на друга с различным спектром использования, в то же время чётко прослеживаемой является экспансия функционального насыщения форм множественного числа, вследствие чего ряд функций (вторичных) единственного числа становится выявляемым у форм множественного числа на абсолютной периферии его функционально-семантической парадигмы. Семантическая мощность МК числа условна, потому что охватывает только ядерную её площадь, а в сфере лексических квантификаторов преимущественно выражается количество нерегулярное (в ином случае были бы **четверина, *n'ятерина* как проявление особенных регулярных форм числа), а лишь качественно квалифицируется ситуация с существенным оттенком субъективности. Перспективным является рассмотрение дифференцирования морфологически выраженного числа не только системными маркерами количества (*три, чотири* и т. д.), но и лексическими

квантификаторами, которые постепенно приобретают узуальный характер и выступают конкурентно способными относительно форм множественного / единственного числа.

III.5. Установление функциональной характерологии и парадигматически-синтагматического проявления частиц в экспериментальном исследовательском лингвистическом корпусе служебности

1. Вступительные замечания. Корпусы текстов, методология их структурирования и методика работы с ними в рамках корпусной лингвистики как одного из направлений прикладной лингвистики от начала появления самого термина в 1960-х годах и до сегодня остаётся актуальной (С. В. Клименко, В. В. Рыков и др. [172; 173; 174]). Видоизменение работы над корпусами текстов произошло в 80-е годы XX века, когда в методологию корпусного структурирования проникла вычислительная техника, а «революционность» привнесли компьютерные технологии. Работа над «корпусацией» приобрела признаки доступности, а задания распространились на «корпусирование» языкового фонда тех или иных национальных языков и создание соответствующих национальных корпусов языков. Уже на основе созданных национально-языковых корпусов начали создавать различного направления образовательные сайты и надлежащее обеспечение для них. История корпусной лингвистики плотно переплетена с закономерностями создания корпусов текстов, потому что, собственно, теория корпусной лингвистики опирается на основные принципы создания таких корпусов в разнообразных их проявлениях (см.: [125, с. 56 – 67; 128, с. 102 – 112; 286, с. 43 – 51]).

История создания корпусов текстов как определённого их набора относится к 60-м годам XX века, когда в Брауновском университете (США) В. Френсис и Г. Кучера на машинном носителе сформировали такой корпус объёмом пятьсот образцов текстов в каждом по две тысячи слов англоязычной прозы американского варианта (см.: [286, с. 43 – 51]), что суммарно составляет 1014312 слов. Тексты репрезентировали пятнадцать самых массовых жанров англоязычной печатной прозы и имели основным направлением соответствующий лингвистический анализ. В корпусе имелось не только детальное описание, но и значительное количество материалов с их первичной статистической обработкой – частотный и алфавитно-частотный словарь и т. д. появление Брауновского корпуса в 1963 году привело к живым дискуссиям, касающимся принципов подбора текстов и перечня потенциально решаемых на этом корпусе заданий. Составители этого корпуса (В. Френсис и Г. Кучера) руководились такими критериями подбора: 1) происхождение и состав текста (автор должен был быть прирождённым носителем американского варианта английского языка, а диалог не должен превышать половины текста); 2) синхронизация (включены тексты, впервые изданные в 1961 году); 3) продумано соотношение численной репрезентативности различных жанров и подбор отдельных текстов с помощью вероятной процедуры; 4) доступность для компьютерной обработки (специальные пометки для передачи графических особенностей текста и под.).

В дискуссиях были выяснены и сформулированы требования к подбору текстов – объём отдельного текста должен статистически отображать его стилистические особенности, а количественный состав и соотношение жанров должны адекватно репрезентировать стилистические особенности жанров и их нагрузку. Граница в 2000 слов на длительность

текста и репрезентация пятнадцати жанров печатной прозы США соответствовали требованиям лингвистической теории и практики. Брауновский корпус быстро стал популярным, принципы его сложения являлись основой, определённым стандартом для составления аналогичных корпусов. Интересным было то, что использование Брауновского корпуса стало применимым и для обычного подсчёта использования отдельных букв, и для установления сочетаемости слова типа *good* и др. Все разработки проводились с активным использованием компьютера для сравнения, верификации, потому что анализируется один и тот же материал, доступный каждому исследователю. Последнее мотивировало расширение названия корпуса словом *стандартный*.

Уже первая попытка – Брауновский корпус текстов – засвидетельствовала сверхсложность его структуры с многочисленными слоями информации. В последующих корпусах как раз уровень и степень структурированности и насыщенности такой информацией представлял самое актуальное задание и отличал каждый корпус по насыщению и технологии метаразметок. Отношение «корпус текстов – отдельный его текст» в такой корпусно-текстовой системе является определяющим [173]. Анализ особенностей таких отношений, их типология и ряд других проблем, связанных с применением корпусов текстов в лингвистических исследованиях, установление типологии корпусов текстов и многое другое стало объектом, предметом и заданием изучения корпусной лингвистики как новой науки компьютерно-прикладного цикла. Уже во время использования Брауновского корпуса стало мотивированным понимание того, что корректность лингвистического анализа, соответствующие сравнения можно считать мотивированными настолько,

насколько объёмным является корпус текстов. Результаты таких сравнений, квалификаций и характеристик могут быть качественно совсем другими, нежели это произведено в пределах определённой выборки, даже в рамках сплошного обследования. Последнее мотивировано тем, что корпус текстов делает возможным обработку определённых алгоритмов установления закономерностей функционирования, тексто-линейной плотности конструктов, их регулярности, частоты, повторяемости и т. д. Всё это мотивирует новую методологию научного поиска, что, собственно, и выступает одним из критериев выделения корпусной лингвистики среди других родственных / неродственных направлений компьютерно-прикладной лингвистики.

После Брауновского корпуса компьютер и задания формализации соответствующих лингвистических алгоритмов надёжно входят в научную среду, что отчасти и обусловило возникновение новых корпусов, идеологически подобных Брауновскому – LOB (Lancaster-Oslo/Bergen), так названный по месту его появления. LOB методологически и идеологически напоминал Брауновский корпус: та же средняя длительность текста, те же способы его подавания, те же принципы подбора материала по жанрам (а в пределах жанров и количественно – 15), то же придерживание хронологии возникновения текстов (1961) и др. Неординарная заслуга составителей LOB ещё и в том, что теперь доступным стало сравнение языковых единиц в двух вариантах английского языка – американском и британском с применением тех же алгоритмов и программ. Лингвистический (да и лингвокультурологический, литературоведческий и другие) анализ можно было реализовать не на отдельном корпусе текстов, а на двух, чем достигается большая объективность, да и сам анализ охватывает не

отдельные конструкции вне текста, а массив текстов с их целостной смысловой нагрузкой. Да и словарная практика приобретала другой аспект (ср., например, пакет словарей типа COBUILD), потому что применение компьютерной обработки речевого материала с учётом различных сфер коммуникации стало основой создания принципиально новой разновидности словарей (Й. Аартс [384] и др.).

Последние наработки в технологии создания корпусов текстов связаны с особенностями исчерпывающего информационного поля не только того или иного текста, но и отдельно взятого слова с адекватной его характеристикой [174]. Если на ранних стадиях создания корпусов текстов актуальным было задание основательной характеристики каждого текста как отдельной составляющей корпуса, то в современных условиях с наработкой многослойных метаразметок становится важным установление системы тегов, ориентированной на пошаговую характеристику и самих текстов-составляющих, и их внутренних линейных элементов и под. Поэтому в отдельных корпусах регулярными стали лингвистические примечания к каждому слову. Последнее привело к созданию соответствующих версий (tagged versions) Брауновского корпуса, LOB и ряда других корпусов.

Активизация работы над усовершенствованием технологии «корпусации» обусловила объединение и координацию усилий лингвистов разных стран, активно работавших над созданием корпусов разного уровня собственных языков. В 1992 году была создана организация Европейская корпусная инициатива (ECI). В её активе более 50 корпусов текстов на европейских языках, а каждый такой корпус охватывает от двенадцати тысяч слов до пяти миллионов словоупотреблений. Европейская корпусная инициатива

инициировала создание и более представительских корпусов текстов на максимально возможном количестве европейских языков, и составление так называемых «параллельных» текстов и др.

В современной корпусной лингвистике наряду с наработанными технологиями создания фундаментальных корпусов национальных языков, корпусов текстов языков отдельных авторов (Михайла Коцюбинського (Надежда Бройко) и др.), актуальным является вопрос формирования экспериментальных исследовательских лингвистических корпусов текстов, основным назначением которых является решение конкретных заданий. Всё это мотивирует *актуальность* обработки технологий составления экспериментальных исследовательских корпусов текстов с чётким определением путей их использования в исследовательско-лингвистических работах, особенно же корпусов для решения конкретной лингвистической задачи, в частности установление квалификационно-характерологических и парадигматически-синтагматических проявлений служебности – частиц.

2. Корпусы текстов структуре корпусной лингвистики: эволюция взглядов и типология дефинирования. Корпусная лингвистика исследует разработку общих принципов построения и использования лингвистических корпусов данных с использованием компьютерных технологий. Последнее предусматривает применение трёх поэтапных приёмов: 1) автоматическое установление данных о языке корпусов; 2) обработка информации; 3) проверка и интерпретация обработанных данных, среди которых два первые полностью алгоритмизированы. По В. В. Рыкову [286, с. 43 – 51; 287], значимыми являются такие этапы работы: а) подавание

структуры речевой деятельности; б) выявление материальных ограничений на составление корпуса; в) подбор текстов; г) составление корпуса текста; д) компиляция корпуса.

Дефинирование корпуса текстов следует основывать на таких его основных признаках: 1) корпус текстов – определённое собрание тех или иных целостных текстов; 2) основу корпуса текстов составляет логический замысел, логическая идея, объединяющая целостные тексты; 3) корпус текстов – осуществление логической идеи: правила организации целостных текстов в корпус, алгоритмы и программы анализа корпуса целостных текстов и смежные с этим идеология и методология; 4) принадлежит к четвёртой фактуре речи (*устная речь* → *письменная речь* → *печатная речь* → **тексты на машинном носителе**). Обобщение заявленных признаков мотивирует утверждение о корпусе текстов как определённом филологическом объекте с надлежащим уровнем организации словесной множественности, элементами которой являются определённым образом организованные тексты либо же особенно отобранные отрывки из текстов (ср.: [286, с. 46 – 51]). Корпус текстов выступает видом корпуса данных, в котором единицами являются тексты или в достаточной мере значимые фрагменты, охватывающие те или иные фрагменты макроструктуры текстов определённой проблемной сферы (по А. Н. Баранову [17]).

Наиболее популярными, наиболее важными и распространёнными являются такие корпуса текстов (квалификация по параметрам: название, год, количество словоупотреблений, язык: 1) *BUC* – 1964 – 1 000 000 – *английский (USA)* – *печатный*; 2) *ANI* – 1971 – 5 000 000 – *английский (USA)* – *печатный*; 3) *LOB* – 1978 – 1 000 000 – *английский (G.B)* – *печатный*; 4) *Birmingham corpus* – 1987 –

20 000 000 – английский (G.B) – печатный; 5) *Kolhapur corpus* – 1988 – 1 000 000 – английский (индийский); 6) *TOSCA* – 1988 – 1.5 000 000 – английский (G.B) – печатный; 7) *SEU Corpus* – 1989 – 1 000 000 – английский (G.B) – печатный; 8) *CHILDES* – 1990 – 20 000 000 – английский (детский) – устный; 9) *Nijmegen* – 1991 – 132 000 000 – английский (G.B) – печатный, устный; 10) *LLELC* – 1991 – 50 000 000 – английский, печатный, устный; 11) *Map Task Corpus* – 1991 – 147 000 000 – английский (Scotland), устный; 12) *LCLE* – 1992 – 10 000 000 – английский – печатный (для иностранцев); 13) *SEC* – 1992 – 53 000 000 – английский (G.B) – устный; 14) *Wellington Corpus* – 1993 – 1 000 000 – английский (Новозеланд.) – печатный; 15) *POW* – 1993 – 65 000 000 – английский (детский) – устный; 16) *BNC* – 1995 – 100 000 000 – английский (G.B) – устный, письменный, печатный; 17) *Corpus of Spoken* – 1991 – 2 000 000 – английский – (USA) – устный; 18) *ICLE* – 1997 – 200 000 000 – английский – письменный (для иностранцев); 19) *Bank of English* – 1997 – 320 000 000 – английский (G.B) – печатный.

3. Современные классификации корпусов текстов.

Дефинирование корпусов текстов и их классификации основываются на разных критериях. Обычно дифференцируют корпусы текстов:

1) по степени организации и структурированности:
а) электронный архив – текст на электронном носителе без стандартизации и унификации его формы на машинном носителе; б) электронная библиотека – тексты являются равнорядными и стандартизованными; в) собственно корпус текстов – тексты предназначены для отображения определённой части лингвальной реальности в стандартизованной и унифицированной форме; г) субкорпус – определённая автономная часть корпуса;

2) по хронологическому признаку: а) синхронный – тексты почерпнуты из современного разреза; б) мониторинный – корпус отслеживает текущее состояние языка; в) диахронный – корпус текстов охватывает тексты прошлого состояния языка;

3) по индексации: а) простой; б) аннотированный;

4) по языку: а) одноязычный – в корпусе текстов заявлены тексты только на одном языке; б) двуязычный – в корпусе текстов охвачены тексты на двух языках; в) многоязычный – корпус текстов содержит тексты на трёх и более языках;

5) по способу применения и использования корпуса: а) исследовательский; б) иллюстрированный (предназначенный для подбора примеров, иллюстраций); в) параллельный; г) учебный (для «обучения» моделям, положенным в основу, например, систем автоматизированного перевода, синтеза или распознавания речи);

б) по способу существования корпуса текстов: а) динамичный; б) статичный (отображение в корпусе временного состояния языка; типичными образцами выступают авторские корпуса текстов, ср.: корпус текстов Михаила Коцюбинского и под.). Иногда добавляют (В. В. Рыков и др.) также дифференцирование по технологии создания и способу применения (а) экспериментальный; б) исследовательский), что в чём-то перекликается с разделением корпусов по способу применения и использования корпусов.

Приведенная классификация не является исчерпывающей и всеобъемлющей, может быть расширена и дополнена при условии учёта других признаков.

Исследовательский корпус является опорой для применения различных программ: 1) составление конкордансов, поскольку конкорданс представляет собой алфавитно

упорядоченный список словоформ и является исчерпывающим перечнем контекстов той или другой единицы;

2) индексирование / аннотирование.

К сложным принадлежат вопросы конструирования, структурирования и применения корпусов, что обусловлено разностью языков, традиций, технологических процессов. В то же время существует незначительное количество требований создания корпуса текстов. К таким можно отнести:

- 1) прогнозирование адресата корпуса текстов (индивид, группа, лингвистическое сообщество); логическая идея – основа создания корпуса текстов;
- 3) объём текстов и их количество, необходимое для введения в корпус текстов;
- 4) квалификационные признаки текстов как составляющих корпуса – фрагменты, элементы текстов / полные тексты;
- 5) процедуры подбора текстов в корпус. В этом случае существенным является то, что такой подбор мотивирован соответствующей целью: обследование речевого материала, сканирование текстов, окончательное формирование, составление корпуса;
- 6) вполне стандартизированное представление корпуса на уровне отраслевых стандартов, то есть представление всего корпуса как продукта: аннотирование всего текста целиком, унифицированное репрезентирование словесного материала текста;
- 7) аннотирование, индексирование словесного материала текста; лингвистическое исследование, основывающееся на корпусе текстов и под.

4. Основы применения корпуса текстов в исследовании языка. Применение корпуса текстов для рассмотрения определённых вопросов анализа определяется: 1) выбором нужного корпуса текстов: доступность, достаточность словесного материала и установление критериев соответствия выбранного текста поставленной цели и определённых задач

(как были подобраны тексту и насколько достоверны поданные индексы (при условии индексации текста)); 2) мерой необходимости определённой разработки (адаптация цели и задач исследования относительно имеющегося корпуса текстов); 3) практическими установками: анализировать то, что ясно и очевидно подано в машинной форме; искать то, что легко найти, квантифицировать то, что легко считаемо.

К проблемной сфере «корпусации» принадлежит: корпус текстов является сферой реализации языковой системы, содержащей феномены для лингвистического описания, и перечень этих феноменов описания нужно постоянно ставить как основное задание. Для конкретного корпуса проблемой может становиться что-либо, связанное с лингвистическим анализом, где значимыми выступают: 1) языковой план, проявляющийся в существовании потенциальной возможности появления других применений, дополняющих массив имеющихся реализаций; 2) речевой план, репрезентированный речевыми высказываниями; 3) в определённой степени игнорирование в корпусной лингвистике языкового аспекта, потому что сначала фиксируется сфера привлечённых языковых данных – реализации языковой системы. Для регулярно изменяемых корпусов данных, языковой аспект проблемной сферы проявляется в проработке принципов модификации корпусов. К тому же, для лингвистического исследования (кроме особых случаев) в центре находится языковой план, поскольку именно его необходимо установить через анализ.

Названная проблемная сфера охватывает также репрезентативность корпуса текстов, связанную со способностью отображать все свойства проблемной сферы. Так, если рассматривают особенности определённой разновидности синонимии (по частеречному отношению: прилагательная,

существительная, глагольная, наречная и т. д.) в произведениях соответствующего автора (Михаила Коцюбинского, Панаса Мирного, Ивана Нечуя-Левицкого и др.), то проблемным является: 1) установление направлений внутрикорпусного поиска синонимов; 2) определение внутритекстовой частоты и плотности синонимов в пределах отдельной части; 3) насколько пропорциональным является вся совокупность синонимов и т. д.

Репрезентативность являет собой наиважнейшее свойство корпуса текстов, что мотивирована несколькими факторами: 1) в какой степени отображает корпус текстов все свойства проблемной сферы; 2) насколько выдержаны пропорции, наблюдаемые в проблемной сфере. К наиболее простым способам преобразования проблемной сферы в корпус принадлежит её пропорциональное сужение. Репрезентативность определяется такими параметрами: 1) фонетическими; 2) морфологическими; 3) синтаксическими; 4) стилистическими.

В корпусе текстов одной из наиважнейших составляющих поискового аппарата выступает так называемая метаразметка (метаописание) имеющихся в нём текстов. В метаразметку входят: 1) приписывание текста атрибутов с фиксацией: а) обстоятельств его создания; б) констатации автора; в) фиксации его тематики; г) выявления жанровых особенностей; д) актуализации типа нарратора и т. п.; 2) прослеживание закономерностей его линейности и др. Заданием такой метаразметки является достаточное ориентирование исследователя в Корпусе для выполнения соответствующих задач, например, подбирать текст дипломатического подстиля или же тексты проповедей, аннотаций, повестей как жанров тех или иных стилей / подстилей и т. д. Последнее необходимо при условии наличия

чрезвычайно объёмного Корпуса, поэтому актуальным является внутреннее дифференцирование Корпуса: а) стилевое (*художественный, публицистический* и т. д.); б) подстильевое (*административный, собственно научный, дипломатический, справочно-энциклопедический, законодательный, информационно-реферативный, научно-справочный* и под.); в) жанровое (ср.: жанры информационно-реферативного подстиля – жанры, содержащие информацию с реферативным описанием: 1) *реферат*; 2) *обзор*; 3) *аннотация*; 4) *резюме*; жанры научно-делового подстиля – жанры, содержащие научное изложение с чётким прослеживанием деловых параметров: 1) *патент*; 2) *авторское свидетельство*; 3) *описание изобретения*; 4) *стандарты*; 5) *технические условия*; 6) *спецификация*; 7) *рекламация*; жанры научно-методического / инструктивного подстиля – жанры, содержащие изложение научно-методических положений: 1) *методическое пособие*; 2) *программа*; 3) *рекомендация*; 4) *инструкция*; жанры научно-учебного подстиля – жанры, содержащие научное изложение с учебной его интерпретацией: 1) *учебник*; 2) *учебное пособие*; 3) *курс лекций*; жанры научно-оценочного подстиля – жанры, содержащие изложение научных положений с соответствующей оценкой: 1) *рецензия*; 2) *отзыв*; 3) *экспертный вывод*; 4) *полемическое выступление* и т. п.).

В пределах корпуса текстов с соответствующим уровнем метаразметки может быть решено задание установления гендерных / социальных / возрастных параметров текста и прослеживание корреляций / некорреляций между теми или иными метатекстовыми особенностями и языковыми особенностями текста. Пользователь корпуса текстов в надлежаще структурированном массиве может создать подмассив текстов, маркируя его соответствующим образом

(*Мой корпус; Собственный экспериментальный корпус* и т. д.). В этом случае дальнейший поиск ограничен уже выбранной множественностью текстов. Конечно, приемлемым выступает устоявшееся параметрирование текстов в пределах такого массива.

5. Особенности структуры метаразметки в экспериментально-исследовательских лингвистических корпусах текстов. В экспериментально-исследовательских лингвистических корпусах преимущественно используют различные системы метаразметки – простую и сложную. Простая адресована не специалистам корпусной лингвистики, работающим с универсальной международной классификацией, а обычному пользователю. Такой интерфейс построен так, что параметры текста целостно репрезентированы в соответствующем **«паспорте текста»**, охватывающем: а) автора текста: имя, пол, дата рождения (ориентировочный возраст); б) название текста; в) время создания текста (или точная дата создания, или ориентировочная с форматом: *не ранее чем / не позже чем*); г) объём текста (с выделением количества слов либо же количества знаков – без пропусков и с пропусками; объём текста можно также указывать через формат *«<не> больше такого вот объёма» / «<не> меньше такого вот объёма»*; приемлемым является объяснение: для художественного произведения определено, что устоявшаяся длина рассказа – до 5 тысяч слов, устоявшаяся длина повести – от 5000 до 15000 слов; устоявшаяся длина романа – более 15000 слов). Для художественного текста актуальным является установление таких параметров: а) жанр (при наличии развитых постмодернистских текстов следует употреблять пометку *«нежанровая проза»*) с дифференцированием разновидностей типа историческая, историко-приключенческая, криминальная

проза, сатира, юмор, фантастика и т. д.; б) тип текста (в обозначении следует широко использовать самоидентификацию текста): анекдот, боевик, детектив, эпопея, эссе, сказка, легенда, рассказ, роман, триллер и под.; в) хронотоп текста (ориентировочное указание на место и время описываемых в тексте событий, возможно пометка «*хронотоп не определён*»); дифференцированными должны являться: доисторический период, античность, Средневековье, Новое время, Украина с разделением периодов XIV – XVI, XVII – XVIII, XIX, конца XIX – начала XX вв., Расстрелянное Возрождение, 30-е годы, война 1939 – 1945 гг., послевоенный период (до 1952 г.), 50-е годы, 60-е годы, 70-80-е годы, перестройка, Украина: постсоветская эпоха – 90-е годы, 10-е годы XXI в. Для художественного текста производится указание на хронотоп (вместо тематики).

В нехудожественных текстах указано: а) сферу функционирования (ориентирование на языковые особенности): бытовая, официально-деловая, производственно-техническая, публицистическая, учебно-научная, церковно-конфессиональная и др.; б) тип текста (по принципу самоидентификации, список типов подан в окне поиска в алфавитном порядке; включена пометка «*тип не определён*»): автобиография, акт, отзыв, справочник, договор, закон, заметка, заявление, отчёт, инструкция, информационное сообщение, кодекс, комментарий, письмо, открытка, учебное пособие, очерк, обзор, объявление, учебник, постановление, проповедь, путеводитель, резюме, реклама, рекомендация, рецензия, рецепт, статья, сочинение, соглашение, характеристика, хроника, дневник и т. д.; в) тематика текстов (один и тот же текст может одновременно иметь разное тематическое направление: бизнес, отдых и досуг, война о вооружённые конфликты, домашнее хозяйство,

экономика, здоровье и медицина, коммерция, криминал, искусство, наука (разделы и сферы), политика и общество, право, частная жизнь, природа, сельское хозяйство, спорт, финансы и др.

6. Технологии использования корпусных менеджеров и конкордансеров в экспериментальном исследовательском лингвистическом корпусе текстов для управления им. Для получения из экспериментального исследовательского лингвистического корпуса текстов (далее ЭИЛКТ) той или иной информации применяют разнообразные специализированные программные средства – конкордансеры и корпусные менеджеры. Первые выступают списками контекстов, где анализируемая единица проявляется в её лексическом контексте и характеризуется инвентарём статистических данных. К наипростейшим реализациям конкордансеров принадлежит алфавитный список слов в тексте с соответствующими фиксированными в ЭИЛК контекстами, ср.: программы-конкордансеры: Concordance, MicroConcord, MonoCorc, ТАСТ (Text Analysis Computing Tools), АСТWeb, SARA и под. (см.: [Бройко 2014, с. 151 – 156]).

6.1. Для **Concordance** (<http://www.rjcw.freereserve.co.uk/>) с его поддержкой большинством европейских языков свойственна высокая скорость поиска с подаванием достигнутых результатов на печать. Реальным в его пределах выступает преобразование полученного конкорданса в html-файл. В **MicroConcord** (<http://www1.oup.co.uk/oup/elt/software>), поддерживаемом европейскими языками, важным является достаточно быстрое моделирование KWIC (Key Word in Context – «ключевое слово в контексте»). Его особенностью является наличие DOS-интерфейс.

Для удобства вводится конкретная словоформа (в строке запроса), текстовые файлы для проведения запроса, внутрипредложенческое линейно-позиционное проявление слова. Результатом является отображение обработанных файлов (их имена), количество вхождений той или иной словоформы. Для просмотра конкорданса используется режим прокрутки (scrolling) и несколько режимов сортирования полученного материала, просмотр исчерпывающего / полного текста для каждого вхождения анализируемой словоформы в отдельном окне, сохранение в файле и печать результатов. В то же время в MicroConcord нельзя запросить полный конкорданс, да и количество строк всегда ограничено.

6.2. MonoConc (<http://www.camsoftpartners.co.uk/>) ориентирован на создание KWIC и полных конкордансов. Существенной является функция сортирования полученных списков по право- и левостороннему контексту. **MonoConc** делает возможной обработку аннотированных корпусов (форматы html и xml) и подавание сложных запросов по шаблонам (часть слова, позиция слова в предложении, поиск внутри тегов и т. д.), просмотр контекстов конкретной словоформы в отдельной клеточке окна программы. Программа обеспечивает получение частотных квалификаций.

Результат работы в ЭИЛКТ зависит от применяемой разновидности конкордансера. Для простого конкордансера характерной является работа по построению конкорданса отдельных слов, словосочетаний, частей слов, знаков пунктуации и другое в соответствующем контекстном окружении. Применение более сложных программ типа корпусных менеджеров («corpus manager») направлено на структурирование полных конкордансов с охватыванием и отдельных слов, и лемм с морфологическими характеристиками

слова, и внутрипредложенческой линейно-позиционной модели слова, и внутритекстовые его проявления в размеченном тексте (HTML, XML), и библиографические и типологические параметры документа, откуда почерпнут тот или иной контекст (автор, название, источник, год издания, тип текста, стиль (подстиль), жанр и т. п.), и количественные данные и под. Особенностью таких программ является наличие программных средств для поиска соответствующих данных в ЭИЛКТ с надлежащей статистической обработкой. Результатом поиска выступает определённый конкорданс – список контекстов с лексическим окружением искомой единицы [393].

Корпусные менеджеры для удобства используют соответствующие теги, ср.: Manatee (Bonito), IMS Corpus Workbench (CQP), XAIRA, LEXA, Virtual Corpus Manager (VMC), EXMARaLDA Corpus-Manager (Co-Ma) и другие. В целом корпусный менеджер должен: а) строить полные конкордансные списки; б) находить отдельные слова, словосочетания; в) реализовывать сложные запросы – поиск по установленным шаблонам; г) селекционировать списки по выбранным пользователем нескольким критериям; д) отображать найденные словоформы в расширенном контексте; е) координировать статистическую информацию из отдельных элементов корпуса; ж) в соответствии с метаразметкой корпуса проследить леммы, морфологические характеристики словоформ и метаданные (по тем или иным принципам); з) сохранять и распечатывать результаты; и) работать и с отдельными файлами, и с неограниченными по размеру корпусами; к) оперативно обрабатывать запросы и выдавать результаты; л) обеспечивать поддержку различных форматов текстовых данных txt, doc, rtf, html, xml и др.); м) быть прозрачным и доступным, лёгким (интуитивно понятным) в

употреблении различными пользователями – для опытных и для начинающих и под. [393].

6.3. Корпусный менеджер Manatee (Bonito) с соответствующим программным обеспечением состоит из сервера (manateesrv) и графического интерфейса (GUI – graphical user interface) Bonito. Последний задействован со стороны клиента. Анализируемый корпусный менеджер создан на факультете информатики Университета им. Масарика (Чехия, г. Брно) Павлом Рихли (Pavel Rychly) и группой NLPlab (Natural Language Processing Laboratory) [393].

Весь корпусный менеджер Manatee удобен в использовании, особенно в проведении поисков отдельных атрибутов (словоформа, лемма, тег); употреблении регулярных выражений, логичных операторов типа *або*, *i*; содержит средства диагностирования определённых структур (пределы предложения и т. п.); оперативно обрабатывает сложные запросы с надлежащим потенциалом использования шаблонов. Manatee сохраняет историю всех запросов пользователей с достаточным уровнем просмотра морфологических характеристик словоформы и отображения лемм. Полученные результаты можно сохранить в файле, вывести на печать. Имеется потенциал: 1) сортирования по ключевым словам, контексту; 2) интерактивно неограниченного расширения контекста; 3) фильтрация конкордансов; 4) удаления повторений; 5) квалифицирования частоты распределения, абсолютной частоты слов и других атрибутов в корпусе или контексте. Существует в Manatee расширенный выбор кодирований, создания пользовательских подкорпусов, произвольный набор тегов, возможность подключения других языков [393]. Одним из проявлений низкой эффективности

Manatee является отсутствие программы автоматической разметки, наличие только ручной.

6.4. К специальным поисковым программам лингвистических исследований принадлежит **корпусный менеджер IMS Corpus Workbench (CQP)** [417], в котором имеются различные способы задания запросов: подобный Google простой поиск, где основной является методика умолчания; поиск точной последовательности с использованием упрощённого языка запросов (кавычки); поиск с использованием всех возможностей CQP.

В запросе слово может быть подано как: 1) словоформа; 2) лемма (после введённого слова необходим знак %); 3) набор словоформ или лемм (со знаком дизъюнкции |); 4) подцепочка (знаки .*); 5) неизвестное слово (знак-точка .); 6) последовательность неизвестных слов, которые могут быть заданы (две точки .. соответствуют возможному интервалу между словами) [393, с. 22 – 29]. На сегодня версии программы CQP для системы Windows существует

6.5. В корпусном менеджере **XAIRA** (XML Aware Indexing and Retrieval Architecture) основным является поиск и выведение лингвистической информации в больших или малых документах в формате XML. Он развивает программу SARA, разработанную в рамках проекта British National Corpus (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>). Xaira реализует поиск основы по конкретному слову или основе слова, отображает частоту слов, диагностирует ограничения в частоте слов и индексирует правила лемматизации. Позитивом корпусного менеджера Xaira является способность сравнивать частоту определённого слова или леммы с частотами других слов или лемм, возникающих в том же контексте; упорядочивание результатов по статистическим данным, отображающим силу коллокационных

связей. Анализируемый корпусный менеджер предлагает варианты запросов, ищет по начальным и конечным XML тегам, использует комбинации различных запросов. Xaiga содержит три программы: 1) *indexer*, индексирующую отдельные XML файлы; 2) *Server*, которая направлена на взаимодействие программы клиента с файлами данных; 3) *client*, совершающую взаимодействие сервера и пользователя. Такое построение позволяет, например, развитие различных программ-клиентов для реализации различных заданий. К тому же *indexer* упрощает процесс создания используемой программой базы данных [418].

6.6. На поиск контекстов слова или словосочетания в определённом корпусе ориентирован корпусный менеджер **DDC**, который использует в поиске и индексации такие лингвистические процессоры системы Диалинг (www.aot.ru): 1) графематический процессор; 2) морфологический процессор; 3) поверхностно-синтаксический процессор (*Shallow syntax*). Первый делит входящий текст (*html* или *plain* формат) на слова, предложения и абзацы. Второй для каждого слова создаёт набор морфологических интерпретаций, где последняя – это пара $\langle P, G \rangle$, в которой *P* – часть речи, а *G* – набор граммем. Сегодня в системе Диалинг имеются три морфологических словаря – русский, английский и немецкий, соответственно – входящий корпус может быть англоязычным, русскоязычным или на немецком языке. Последний строит для предложения проективный набор клауз (простых предложений) и проективный набор синтаксических групп внутри клауз [418].

Современные конкордансеры и корпусные менеджеры направлены на рассмотрение того или иного параметра корпуса текстов. Для полноценного исследования корпуса текстов более рациональным является использование корпус-менеджеров.

7. Закономерности использования экспериментальных исследовательских лингвистических корпусов текстов.

Использование корпуса текстов предусматривает чёткое определение основ ссылок, ср., например: *Багато використаних у статті прикладів знайдені за допомогою Експериментального дослідницького корпусу текстів / Більшість використаних у статті прикладів знайдені за допомогою Експериментального дослідницького корпусу текстів / Усі використані у статті приклади знайдені за допомогою Експериментального дослідницького корпусу текстів.* Для ссылки вполне приемлемым является использование сокращения типа *Експриментальний дослідницький лингвистический корпус – ЭИК* или *Експриментальний дослідницький лингвистический корпус – ЭИЛКТ*. Если же имеется виртуальное размещение корпуса типа *nova.dp.ua*, то в списке использованных источников обязательным является включение и самого наименования корпуса текстов (*Експриментальний дослідницький лингвистический корпус – ЭИК* или *Експриментальний дослідницький лингвистический корпус текстов – ЭИЛКТ*) и соответствующего режима доступа.

Существенным является не установление путей создания *Експриментального дослідницького лингвистического корпуса – ЭИК* или *Експриментального дослідницького лингвистического корпуса текстов – ЭИЛКТ*, а особенности его использования в научно-исследовательской работе.

7.1. Понятие матрицы: методика применения в Эксприментальном дослідницьком лингвистическом корпусе текстов. В современном толковании матрица имеет несколько значений, зависящих от её употребления – математическое, производственно-техническое, топографическое, издательское. Для исследования языковых

единиц в их вариантном, функциональном и других проявлениях существенным является математическое понимание матрицы, что и было апробировано на анализе частиц как особенного грамматического класса слов, маркированных стойкими дискурсивными практиками. Математическое понимание матрицы опирается на её определение как системы каких-либо математических величин. Такие величины расположены в виде прямоугольной таблицы каких-либо элементов *aik* (чисел, математических выражений). Подобная прямоугольная таблица содержит m строк и n столбцов. Если $m = n$, то матрица квадратная. Над матрицей можно производить действия по правилам матричной алгебры. Применение матрицы в исследовании служебных элементов в целом и частиц в частности и упорядочение их лексикографической грамматики является мотивированным и функционально нагруженным. Для установления самой квалификационной и классификационной матрицы частиц и описания процедуры её применения следует установить количество вертикальных и горизонтальных гнёзд. Матрица предоставляет возможность структурировать словарную статью. Вертикальное пространство матричной таблицы будет заполнено постоянными квалификационными признаками: 1) характерология; 2) функциональные параметры; 3) коммуникативные (дискурсивные) проявления; 4) синтагматика; 5) семантико-парадигматические связи; 6) квантификация; 7) динамико-эволюционные параметры; 8) этимология; её горизонтальный план выявляется непостоянными признаками каждой вертикальной постоянной величины. Восемь компонентов вертикального пространства матрицы предусматривают многоплановость и многовекторность *ЭИЛКТ*, который должен содержать тексты различных стилей – художественно-беллетристического,

публицистического, научного, официально-делового с разными историческими срезами: конец XIX – начало XX вв.; середина (40 – 60-е годы) XX в.; конец XX – начало XXI вв.) а разными жанрами в рамках каждого из стилей. Даже названные элементы сложно структурировать соответствующей метаразметкой; по крайней мере, она будет выглядеть слишком объёмной. В то же время образованный ЭИЛКТ обеспечит рассмотрение только характерологии (1), коммуникативных (дискурсивных) проявлений частиц (3), функциональных параметров частиц (2) и их синтагматики (4). Прослеживание семантико-парадигматических связей будет основываться на целостной системе выявленных частиц и (что наиболее важно) установлении объёма их семантики: максимальность шкалы значений частиц будет гарантировать оптимальность семантико-парадигматических связей. Так, составление словаря частиц (см.: [Загнітко А. Словник часток : матеріали і статті : науково-навчальне видання / Анатолій Загнітко, Анна Каратаєва. – Донецьк : ДонНУ, 2013. – 367 с.; Загнітко А. Словник часток : матеріали і статті : науково-навчальне видання / Анатолій Загнітко, Анна Каратаєва. – Видання друге, виправлене і доповнене. – Донецьк : ДонНУ, 2013. – 400 с.] опиралось на ЭИЛКТ объёмом 1500000 слов и словоформ художественно-беллетристического стиля, что сделало возможным максимальное выявление в рамках этого стиля и соответствующих его подстилей и жанров характерологии частиц. Позже названный ЭИЛКТ был дополнен материалами официально-делового, публицистического и отчасти научного стилей, ср.:

АБО – частка, ненорм. / розм.;

I. Характерологія: проста; за походженням – відсполучникова, результат злиття сполучника *a* з часткою *bo*, в минулому формою середнього роду вказівного займенника.

II. Функційні вияви: власне-частка (модальна: питальна); категорійно-комунікативна (питальна); апелятивна (питальна). За семантикою – питальна, уживається для вираження запитання з відтінком здивування, сумніву, недовіри: *Ти питаєш, чи кохаю? Ба який! Або я знаю...* (Микола Вороний).

III. Комунікативний вияв: актуалізаційно-тематична: *Або ж я знаю, що робити та й що діяти? – відказав він зломаним голосом* (Іван Франко).

IV. Синтагматика: 0.

V. Семантико-парадигматичні ознаки:

Омонім – або, сполучник розділовий: *Пошлю Енея до Плутона, або і сам в ад копирсну* (Іван Котляревський).

Синонім – *хіба*, частка питальна: *Хіба я знаю, де він так довго* (Улас Самчук).

Антонім – 0.

Варіант – 0.

VI. Квантитативні характеристики:

художньо-белетристичний – 1;

публіцистичний – 0;

офіційно-діловий – 0.

VII. Динаміко-еволюційні параметри:

Словарь Б. Грінченка: *або* – сполучник (2,4), де (1) – розділовий сполучник: *Нехай це зробить він, або хто инший* (Тарас Шевченко); (2) – як питальна частка: *Або я знаю? Або ж і не жаль?* (Михайло Драгоманов); (3) – розділовий парний сполучник *або-або*: *Або пан, або пропав!* (Приказка); (4) – як синтаксична морфема лексеми *або-що*: *Пораюсь там коло печі, або-що, а він: «Чого це так довго, Парасю?»* (Марко Вовчок);

або що? – питальна конструкція у значенні ‘А чому? Хіба що?’: *Не йди до корчми! – Або що? от і піду!* **Омонім** – *або* (сполучник). **Синонім** – *хиба* (прислівник) (Грінченко 1958а, 2). **Тимченко:** *або* – сполучник (3), де (1) – протиставний: *А хто иметь тоє закладывать або от церкви бжсья отдаливать и мьстить ему бгъ;* (2) – пояснювальний, у значенні ‘тобто’: *Вышоль тотъ декретъ або розказанье;* (3) – *абожъ*, як питальна частка у значенні ‘хіба’: *Або то малая речъ – подь ухвалы Триденского синоду поддатися.* **Омонім** – *або* (сполучник) (Тимченко 1930, 3).

СУМ: *або* – частка, *розм.*, питальна в значенні ‘хіба’: *А що там дозволяти? Або то мало того зела на городі?* (Леся Українка). **Омонім** – *або* (сполучник). **Синонім** – *хиба* (частка) (Словник української мови 1970, 4).

ВТСУМ: *або* – частка, *розм.*, питальна, в значенні ‘хіба’. **Омонім** – *або* (сполучник). **Синонім** – *хиба* (частка) (Великий тлумачний словник сучасної української мови 2005, 2).

VIII. Етимологія. *Або* (розділовий сполучник, питальна частка) – результат злиття сполучника *a* з часткою *bo*, в минулому формою середнього роду вказівного займенника (Етимологічний словник української мови 1982, 38) [128, с. 61 – 62].

7.2. Особенности ссылки на экспериментальный исследовательский лингвистический корпус текстов. Ссылки на ЭИЛКТ отсутствуют в силу того, что идеология, структурирование, принципы его метаразметки принадлежат самим составителям Словника и отчасти проблемной группе «Трансформаційно-аналогійна та лексикографійно-аналогійна граматики службовості», которая функционирует на кафедре украинского языка и прикладной лингвистики Донецкого национального университета в составе Анатолия Загнитко

(научный руководитель и автор идеи), проф. Михаила Винтонива, доц. Ильи Данилюка, к. ф. н., н. с. Ирины Кудрейко, аспирантов Анастасии Билозуб, Анастасии Зениной, Анны Каратаевой. Система тегов ЭИЛКТ требует на сегодня своего углубления и развития, особенно с учётом современного видения стилевого, подстилевого, жанрового маркирования отдельных частиц, их функциональной весомости. Составление базы данных частиц украинского опиралось на ЭИЛКТ с использованием применяемых в нём тегов и в то же время чётким разделением статусной роли частицы как части речи, определением реестра частиц, их контекстуально-дискурсивного видоизменения частиц в целом и каждой в частности.

Для адекватного использования матрицы исследования частиц и составления их лексикографической грамматики исследовательская база должна быть самодостаточной и, в определённом смысле, исчерпывающей. Именно такой базой и выступает ЭИЛКТ или же ЭИЛКТ служебности, потому что он составлен со специальной установкой анализа служебности, в частности частицы и создания её лексикографической грамматики. Компонент служебности как раз и указывает на конечный результат исследования. ЭИЛКТ служебности должен максимально соответствовать определённым требованиям, среди которых следует отметить: 1) ЭИЛКТ должен быть достаточно большого объёма; 2) должен быть структурированным и размеченным; 3) тексты, входящие в ЭИЛКТ, должны быть в электронном варианте и т. д. Ценность ЭИЛКТ (по мнению И. Данилюка) прослеживается в том, что 1) его можно использовать многократно в различных исследованиях; 2) он показывает языковые единицы в их реальном окружении, что позволяет составить список контекстов (в рамках ЭИЛКТ вполне исчерпывающий) с констатацией: а) времени

(хронологический принцип) их появления; б) авторства (модально-субъективный принцип); в) жанровости (жанрово-парадигматический принцип); г) вариативности (вариантно-авторский принцип); д) места создания и первого издания (пространственный принцип); е) стилевой принадлежности и подстилевой дифференциации (функционально-стилевой принцип); ж) количественного объёма (квантитативный принцип) и т. д. Реализация этих и других задач, одновременно направленных на создание лексикографической грамматики частиц и формирование ЭИЛКТ, сделали возможным адекватное структурирование первичного ЭИЛК и апробацию его в диагностировании матрицы для исследования частиц. Полноценная реализация проекта предусматривает реализацию цели и целого ряда задач, среди которых значимыми являются сугубо теоретическое (теоретико-квалификационное и теоретико-интерпретационное дефинирование частиц) и собственно прикладные (навигация в ЭИЛКТ, типы разметок в нём и т. д.), что подтверждает перспективность предлагаемого исследования.

7.3. База данных как отображение ёмкости экспериментального исследовательского корпуса текстов служебности. С опорой на дефиницию базы данных как информационной модели, которая делает возможным упорядоченное хранение данных о группах объектов с одинаковым набором свойств, была разработана модель базы служебности – частиц. Установленная база данных служебности с применением системы управления базами данных позволяет максимально удобно хранить информацию для её просмотра, дополнения, изменения, поиска необходимых данных, проведения нужной выборки, сортирования в каком-либо порядке. Базы данных дифференцируют по особенностям

использования в компьютерной сети, по характеру хранимой информации, по способу хранения данных, по структуре организации данных и т.п. Предложенная база данных служебности по этим квалификационным признакам принадлежит к однопользовательской, лексикографической, структурированной, структурно-табличной, реляционной и т.д. Управление базой данных служебности обеспечивается FoxPro, Access for Windows, Paradox, а в своих началах – информационно-поисковой системой, что делает возможным хранение значительной по объёму информации, быстрый доступ к информации и её поиск, дополнение, удаление и замена хранимой информации, квалификация информации в удобном для пользователя виде.

База данных служебности стала вторым этапом – после формирования и составления ЭИКТ служебности – создание Словника часток. Работа над последним была начата с составления целостного реестра частиц или глоссария частиц, которое произведено на основе «Словника української мови : В 11-ти томах», который на сегодня является одним из наиболее фундаментальных достижений украинской толковой лексикографии. Позже она была уточнена и детализирована на основе рассмотрения частиц и их глоссария в «Словарі української мови» под редакцией Б. Гринченко и «Великому глумачному словнику української мови», а также в «Етимологічному словнику української мови : В 7-ми т. (т. 1 – 6) / Гол. ред. : О. Мельничук» и «Історичному словнику українського язика» (Укл. : Е. Тимченко, Е. Волошин, К. Лазаревська, Г. Петренко / Зредагував Е. Тимченко). Всё это дало возможность для создания концепции объёмного толкования частиц в функциональном, структурном, этимологическом аспектах. В то же время разработана

концепция создания базы данных частиц с применением соответствующей методики структурирования общего поля документа (автором общей таблицы базы данных и структурирования соответствующих полей является доц. Илья Данилюк, описание предложено доц. Анной Ситар (см.: [125, с. 56 – 67]). Создание базы данных украинских частиц реализовано с помощью программных продуктов компании Microsoft – Microsoft Word и Microsoft Access.

На сегодня база данных составляет таблицу, сформированную из 7 вкладок, каждая из отображает сущностные параметры частиц и вмонтированных процедур автоматической обработки данных (поиск, сортировка, создание новой записи и под.). В общем, таблица содержит 31 поле, коррелирующее с соответствующей информацией о частицах, и более 200 строк (записей) (по количеству выявленных к этому моменту единиц – как собственно частиц, так и единиц, использованных в их функции. Для удобства работы с базой данных была сконструирована так называемая форма с текстовыми полями и элементами управления.

Для адекватного понимания и восприятия всего словаря следует рассмотреть вкладки и поля базы данных «Частки української мови» (версия 1.04).

1. В первой вкладке «Характерологія» имеются такие признаки частиц (рис. 1):

а) структурный тип частиц (простая (*а, ген, давай* и под.), сложная (*абикуди, абищо, мовби* и др.), составная (*хоч би, навряд чи, не тільки* и под.) – с разделением среди составных нечленимых (*було б, все ж таки, до чого ж, ще б* и т. д.): *Було б тоді відразу піти нам* (Лесь Мартович) и членимых (легко разрываются) (*тільки б, ледь не, лиш би / лиш б, як не, так і* (*Тільки до міста доїхати б* (Григір Тютюнник)) и

дифференциацией собственно частиц (*от, як, мов, ні, ніби, саме, собі*) и частиц-высказываний (*собі майже, лиш сам, тільки майже*);

б) происхождение частицы – отместоимённая, отнаречная и др.

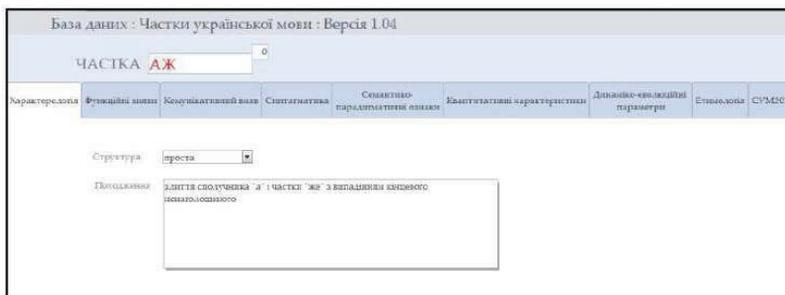

Рис. 1. Характерологія частини

2. Вторая вкладка «Функційні вияви» объединяет такие параметры, как статус частиц, функциональный тип, дистинктивный тип и семантика (рис. 2).

База даних : Частики української мови : Версія 1.04

ЧАСТИКА

Характеролог	Функційні власт.	Комунікативні нив.	Синтаксична парадигматична ознака	Семантико-парадигматична ознака	Квантитативні характеристики	Димензіо-членові параметри	Ітпіндологія	СФУМД
Статус	<input type="text" value="високо-честе ! амодальна : послідовально-констатувальна"/>	<input type="text" value="або"/>	<input type="text" value="ЕЛКІНО-ЧАСТИКА : амодальна : висхідно-обов'язувальна"/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value=""/>
Функційний тип	<input type="text" value="дискурсивна : підсилювальна або оклично-підсилювальна"/>	<input type="text" value="або"/>	<input type="text" value="дискурсивна : підсилювальна або оклично-підсилювальна"/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value=""/>
Дистинктивний тип	<input type="text" value="емоційна"/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value="текстоструктурувальна : висхідного членування (лінійного членування)"/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value=""/>	<input type="text" value=""/>
Семантика	<p>послідовальна:</p> <p>а) як вияв гасляквипин дії: Дічиня аж торгит на сторону (С. Гончар) означає: Дитиня в промивах аж світла (М. Кобилянський);</p> <p>б) як вияв збільшеної значущості: Вдвох змилю аж три роки (М. Ірванко);</p> <p>в) як вияв збільшеної / розширеної дії: Наказня обов'язує – аж перш ніж дачика (С. Рибальченко);</p> <p>г) як вияв граничного простору: Як чека на не в пхальному дворі, побі разом тлі додолу, а потім провалжав, несучи плеш-наму, аж за вербоси, де місток дивит знів через яр, – для нова ніколи не дозволяла проваджати себе... (А. Димаро);</p> <p>вдципані: Якося сповноч і не витривав, підхрас до вкочца, аж він стоїть посеред волі з червоно кншоко... (А. Димаро).</p>							

* ПАНЕЛ АБО ЧАСТИК НА ЗНАЧІ А-В

Рис. 2. Функціональні параметри частини

В поле «Статус» частина отримує одну з трьох кваліфікацій: *собственно частина* (с наступуючим розділенням підтипів), *аналог частини* або *дискурсивна частина*; *дискурсивна* або *частина-висказування*.

В функціональних параметрах частин важкими також є диференціювання *модального / амодального* проявлення частин, а також *послідовальний* урахування *дистинктивних* ознак частини, зв'язаних с: 1) *апеллятивністю* (частини *апеллятивні*); 2) *оцінністю* (частини *оціночні*); 3) *емоційністю* (частини *емоційні*); 4) *структурацією* тексту (текстоструктуруючі частини). Для кожної з цих груп властива внутрішня диференціяція, що знашло відображення в відповідних *польових рубриках*. Тут також

учтена и возможная межчастеречная омонимия: частица ↔ союз и под.

3. Третья вкладка отображает коммуникативные параметры частиц, среди которых на сегодня выделяют актуализационно-тематические и актуализационно-рематические. Одна и та же частица может в различных ситуациях реализовывать различный коммуникативный статус (рис. 3).

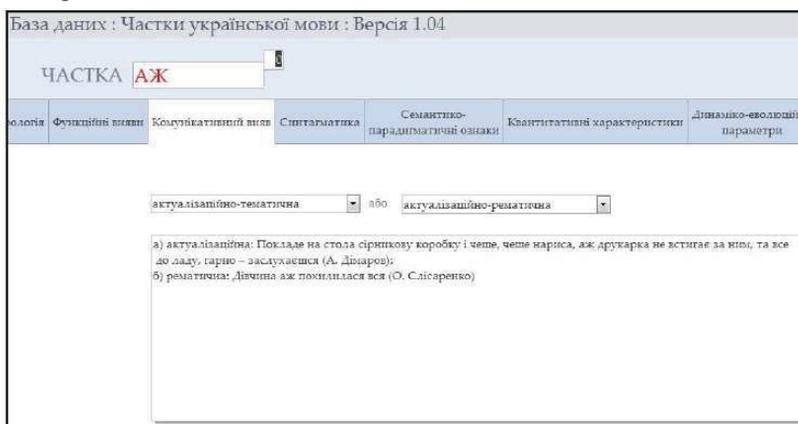

Рис. 3. Коммуникативное проявление частицы

4. Четвертая вкладка подаёт особенности синтагматики частиц (рис. 4).

База даних : Частки української мови : Версія 1.04

ЧАСТКА

Характерологія	Функційний вираз	Комунікативний вираз	Синтагматика	Семантико-парадигматичні ознаки	Квантитативні характеристики	Динаміко-еволюційні параметри	Етимологія	СУМД
Означення	аж: сполучення парадигми (наслідковий): Віють вітри, віють буйві. / Аж дерева гнуться (І. Котляревський); часовий: Неси козю козу аж і вовла повисла (М. Поків); суразності (протиставний): Я думала, що спить Батько, / Аж він умірає (Т. Шевченко).							
Синоніми								
Антоніми								
Варіанти	ажень, дяж, шасля, онея, дял.							

Рис. 5. Семантико-парадигматические признаки частицы

6. Шестая вкладка «Квантитативні характеристики» (рис. 6) отображает количественные параметры частиц, абсолютную частоту использования, зафиксированную в специально созданном исследовательском корпусе текстов общим объёмом 15 млн. словоупотреблений. В нём имеются тесты различных функциональных стилей – художественного, научного, официально-делового и др.

База даних : Частки української мови : Версія 1.04

ЧАСТКА

Морфологія	Функційний вираз	Комунікативний вираз	Синтагматика	Семантико-парадигматичні ознаки	Квантитативні характеристики
Квантитативні ознаки	художньо-белетристичний – 119; публіцистичний – 39; офіційно-діловий стиль – 7				

Рис. 6. Квантитативные характеристики частицы

7. В седьмой вкладке поданы динамико-эволюционные параметры частиц, которые рассматриваются сквозь призму

соответствующего временного среза (начало XX ст. – начало XXI в.) для выявления расширения их функционального фона, увеличения количественного состава частиц. Для этого проанализирован Словарь української мови (Борис Гринченко), Словник української мови (В 11-ти т.), Великий тлумачний словник української мови, а также Етимологічний словник української мови (в наличии 6 т.) и др. Данные словарных статей отображены во вкладке «Динаміко-еволюційні параметри» (рис. 7).

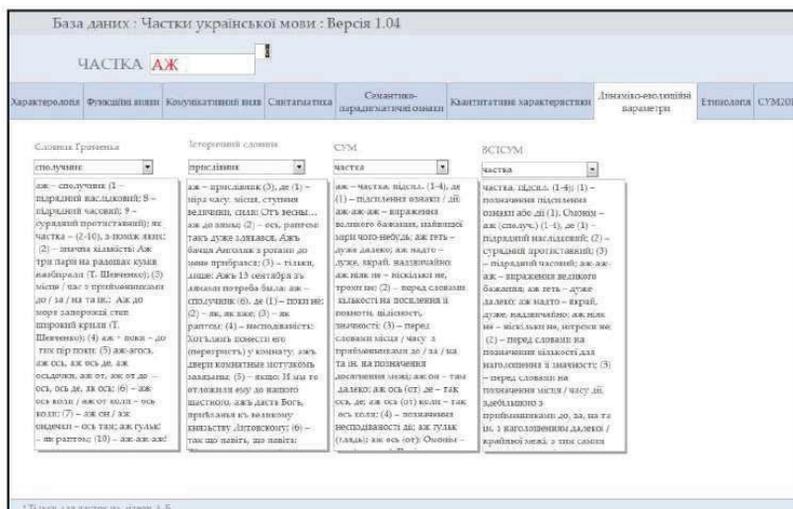

Рис. 7. Динаміко-еволюційні параметри частини

8. В восьмій вкладке охарактеризована етимологія частини по нині дійсуючим етимологічним словарям (в частности по «Етимологічному словнику української мови : В 7-ми т. (т. 1 – 6) / Гол. ред. : О. Мельничук» и др.) (рис. 8).

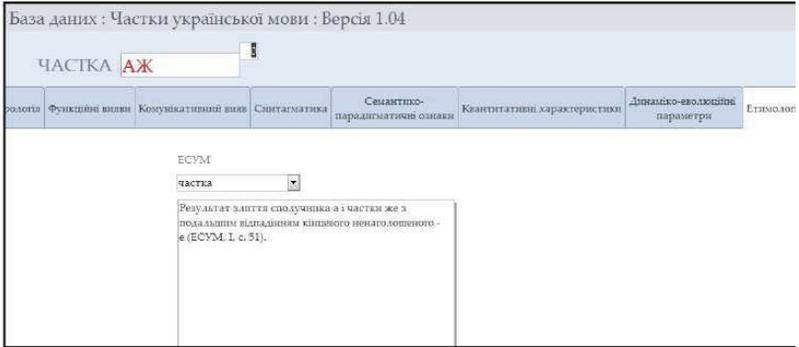
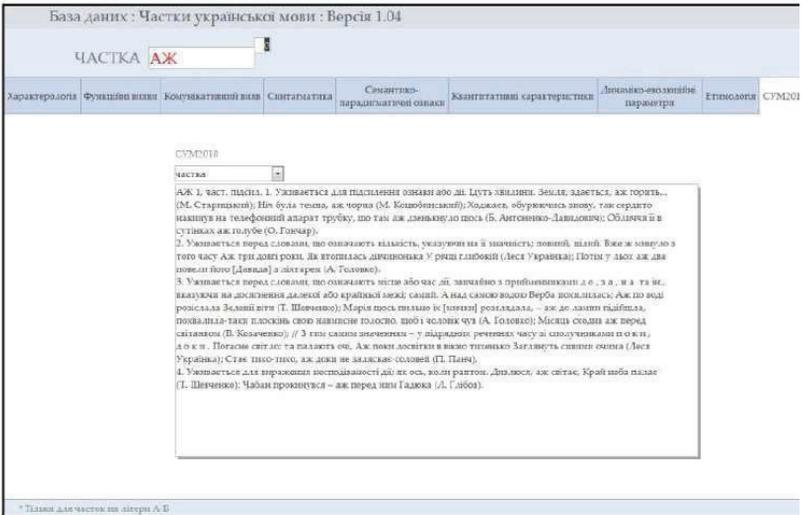

Рис. 8. Етимологія частуци

Отдельно в базе данных освещена квалификация частуци в «Словнику української мови: В 11-ти томах» (рис. 9).

*Рис. 9. Квалификация частицы в «Словнику української мови:
В 11-ти томах»*

Для надлежащего заполнения шестой вкладки «Квантитативно характеристики» и полноценного выявления частоты частиц и особенностей их стилевой квантификации, абсолютной частоты использования образовано общий корпус текстов из 15 млн. словоупотреблений, который постоянно пополняется. На сегодня основной задачей является создание надлежащего алгоритма распознавания служебных элементов – частиц, их линейного выделения, внутривидового и межвидового дифференцирования. Применение такого алгоритма сделает возможным не только надлежащий поиск служебных элементов – частиц, их квалификацию, но и прослеживание их частоты, регулярности, фиксирования синтагмальных моделей. В нынешнем ЭИЛКТ служебности имеются тексты различных функциональных стилей – художественного, научного, официально-делового и др., хотя их неравномерное проявление не позволяет полноценно установить квантитативные характеристики частиц.

8. Выводы. Современные наработки в составлении и форматировании корпусов, применении метаразметки с её внутренним дифференцированием на общекорпусную и частично корпусную существенно расширяют возможности использования корпусов в общем и ЭИЛКТ в частности в различных лингвоисследовательских задачах. Корпусный объём усиливает аргументированность выводов исследуемого материала. ЭИЛКТ служебности был создан в соответствии с поставленными и определёнными задачами. Его первичная база стала основой составления базы данных служебности как первоисточника лексикографирования служебных элементов – частиц. Перспективной является наработка лингвистических

алгоритмов с независимой их формализацией для диагностирования позиционного статуса служебного элемента – частицы – в предложении, тексте, распознаванием его перемещения и индексированием частоты (оптимальным является, конечно, устоявшееся ручное размещение соответствующих примечаний, что усложняет работу). Не менее значимым является создание параллельных экспериментальных исследовательских корпусов служебности с использованием переводческой практики (произведения одного и того же автора, например, Олеса Гончара на украинском, русском (авторизированный перевод), английском (неавторизированный), немецком (неавторизированный) для установления функционального диапазона, характерологии служебного элемента – частицы и прослеживания функционально-семантического, позиционно-линейного (линейно упорядоченного), формально-структурного, парадигматически-синтагматического соотношения / несоотношения таких элементов).

III.6. Типология категориальной семантики несклоняемых существительных

1. Статус несклоняемых существительных в общей структуре именных слов. Существительное как одна из наиболее объёмных частей речи доминирует в словарном фонде современного украинского литературного языка (более половины слов академического «Словника української мови» являются существительными). Подкласс несклоняемых существительных сегодня охватывает различные группы слов, до сих пор остаётся неопределённым их статус в общей системе морфологической склоняемости, не установлен перечень морфологических категорий, специфика выражения

морфологических значений. Такие существительные не выступают абсолютно несклоняемыми. У несклоняемых существительных ярко выражена в системе языка омонимия форм как реализаторов соответствующих граммем¹ (грамматических значений), которая, выступая в языковой организации потенциальной и реально возможной, всегда последовательно расщепляется на синтаксическом уровне, где происходит в каждом конкретном случае реализация трёх грамматических значений (рода, числа и падежа) существительного, например: ... *в жіночому дзюдо поки що існує ряд проблем, які потребують для початку досконального вивчення* (Молодь України. – 2008. – 12 серпня). Из-за отсутствия более удачного термина для обозначения формально-синтетического невыражения формальной несклоняемости этих слов их следует квалифицировать как несклоняемые существительные, аргументируя это тем, что они: 1) не включены ни в одно из имеющихся именных склонений; 2) принадлежат к нерасчленённому типу морфологических основ, то есть лишены способов формообразования, ср.: *неб-о // неб-ес-а, ім[j]-а // ім-ен-а і карате // карате, фойс // фойс*.

Несклоняемые существительные не дают возможности реально увидеть соотношение динамичного и статичного в языковых единицах. Словообразующая делимость слова постоянно статично отображает образования слова как лексической единицы, морфологическая делимость словоформы статично отображает процесс её формообразования. Морфемная

¹ Термин «граммема» является приемлемым, потому что он полностью вмещает в себе набор однотипных грамматических значений парадигмы слова. Под граммемой здесь и далее имеется в виду группа противопоставленных форм с однородным грамматическим (уже – морфологическим) значением.

делимость словоформы статично отображает оба процесса, аккумулирует их в своей сущности. В формообразующей структуре словоформы процесс формообразования находит своё динамичное отображение, ср.: *писа-ти* → *писа-в-Ø*, *писа-л-а*, *писа-л-о*, *писа-л-и*. Несклоняемые существительные, образуя периферию морфологических типов словоформ (1) находятся вне падежей; 2) лишены формативов, то есть средств образования соотнесённых форм числа падежа; 3) тяготеют к синтаксическим типам и реализуют активные аналитические тенденции языковой организации: Н. в. *знайоме попури*; Р. в. *знайомого попури*; Д. в. *знайомому попури*; Зн. в. *знайоме попури*; О. в. *знайомим попури*; М. в. *(на) знайомому попури*; Кл. в. *знайоме попури*.

2. Дифференцирующие и классификационные признаки несклоняемых существительных. Подкласс несклоняемых существительных в современном украинском языке является достаточно объёмным и по своему количественному и по качественному (перечень лексико-семантических групп слов) составу, ср.: СУМ подаёт 341 слово, по нашим подсчётам их насчитывается около четырёх тысяч. Названные цифры о количественном составе несклоняемых существительных свидетельствуют лишь о наличии в украинском языке апеллятивных слов этого типа. К несклоняемым принадлежат существительные иностранного происхождения, которые преимущественно отличаются своей формой. Подкласс несклоняемых существительных охватывает общие названия неодушевлённого, основы которых заканчиваются: 1) гласными [e], [a], [o], [y], [i], ср.: *торе*, *абреже*, *леоне*, *адарме*, *аміле*, *бозе*, *медресе*; *фейхоа*, *юбеа*, *пагуа*, *па-де-труа*, *пульга*, *туранга*, *аймара*, *антика*; *абрау*, *каригину*, *муку*, *секу*, *одру*, *мангбету*, *мату*, *тиграу*; *фортеп'яно*,

есперанто, ido, кабалето, кавало, кавецо, касето, макао; ларі, криманчулі, кісі, ебосі, седзі, сугалатамі, маґоні, таасакраві; 2) согласным: *міні-скерт* и существительные-общие названия существ, которые делятся на две большие группы: а) существительные-названия лиц, основа которых заканчивается гласным [a], [o], [y], [e], [i], например: *архара, бабуа, бакуба, бавемба, джола, дуала; ібібіо, бакомо, бамбіно, бадьоро, бороло, гого; ву, курчі-вандлу, немху, нонсу, чентсу; абаде, камікадзе, санде, базе, мушаче, маконде, протезе, рантьє, конференсьє; мансі, маорі, візаві, суамі, тахтаджі, камбі, барі;* или согласным, ср.: *волоф, уолоф, яолоф, ханум, мадам, міс, містріє, місіє, футен, джі-ей;* б) существительные-названия зверей, конечными основы в которых выступают гласные [a], [o], [y], [e], [i], например: *аноа, арара, макао, кліо, манго, орорно, геко, калініко, шимпанзе, авачі, ваїшіі, грізлі, саймірі, сосі, уакарі, фіфі* и др.

Значительно расширится количество несклоняемых существительных, если включать в их число все категории существительных, характеризующихся морфологической неизменяемостью, в частности: 1) женские собственные имена типа *Муккарам, Рузигуль, Джанет, Мерилин, Эв, Арбик, Арбинак, Аяк, Байлак, Данар, Каллар* (приблизительно 3000); 2) женские собственные иноязычные имена с конечным гласным основы [o], [u], [y], [e], [i]: *Майсуло, Тойсуло, Янсуло, Назли, Асли, Айбану, Аксиу, Бибісиу, Гадельбану, Шелеме, Кільбіге, Ендемі, Ільбіне, Сальді, Ілебі, Бібі* (ср.: [o] – 83, [u] – 81, [y] – 205, [e] – 424, [i] – 239); 3) женские фамилии собственно украинского и иноязычного происхождения с конечным согласным основы: *Яремчук, Восдчук, Коломісьч, Вечір, Олехнович, Ральф;* 4) женские фамилии собственно украинского и иноязычного происхождения с конечным гласным: *Царенко,*

Перевесло, Грінченко, Дюма, Алаку; 5) мужские собственные имена иноязычного происхождения с конечным гласным основы [i], [e], [u], [o], [y], например: *Бакі, Барі, Будаві, Валі, Гані, Мінвалі, Сафаргалі, Асабе, Уразгільде, Байгільде, Буушки, Таначи, Акушти, Ябцоко, Дзабо, Баласуу, Дьокту, Сау, Даду* (ср.: [i] – 716, [e] – 166, [u] – 79, [o] – 127); 6) мужские фамилии иноязычного происхождения с конечным гласным основы ([a], [i], [y], [e]): *Дюма, Легуа, Руставеллі, Нонашвілі, Гориту, Думбадзе, Гонгадзе*; 7) русские мужские фамилии на [-аго], [-их], [-ово]: *Мертваго, Черних, Дурново*; 8) русские географические названия с конечным формантом на гласный или с элементами [-ово], [-іно], ср.: *Сєдово, Применково, Пушкіно*; 9) существительные на обозначение собственных географических названий, в частности: а) городов (*Токіо, Делі, Тбілісі, Манагуа*), б) стран (*Нікарагуа, Перу*), в) рек (*Міссісіпі, Міссурі*), г) гор (*Кіліманжаро*); 10) названия иноязычных газет, журналов, еженедельников: *«НойеЦайт», «Таймс», «Руде право», «Ненсабадтог»*; 11) сложносокращённые названия инициального и инициально-звукового типа: *НАН, ДАК, ВАК* и др.

3. Категориальная семантика рода несклоняемых существительных. Семантически закреплённым и мотивированным выступает морфологический род только среди существительных-названий лиц. В этом подклассе существительных пересекаются и взаимодействуют разнообразие факторы, не дающие возможности однозначно решить проблему происхождения рода, его функциональной значимости². Большинство лингвистов считают род

² Диаметральная противоположность взглядов на функциональную значимость рода в языковой системе в большинстве случаев обусловлена отличным пониманием его генезиса и взаимодействия в структуре

морфологической категорией (А. Бондарко, И. Милославский, И. Выхованец, И. Мучник), акцентируя внимание на его неоднородной специфике среди существительных-названий существ и существительных-названий предметов. Категория рода выступает сугубо классификационной среди неодушевлённых существительных, что соответственно отображается на синтаксическом уровне, где формы рода этих существительных последовательно реализуют структурную функцию. Для существительных-названий неодушевлённого свойственным является тождество морфологического и синтаксического значения рода.

3.1. Родовая дифференциация несклоняемых существительных-названий существ. Особенностью категориальных значений рода у существительных-названий существ выступает их неоднородный характер. Родовая принадлежность существительных-названий животных формально мотивирована, в формах рода которых может отображаться или не отображаться внеязыковое содержание, ср.: *корова – бик, курка – півень, їжак – їжачиха, заць – зайчиха* и *леопард, сайгак, ягуар, пантера, рись*. Значит, формы рода существительных-названий животных не всегда наполнены семантическим содержанием, что определяет последовательно выраженную только структурную функцию, например: *молодий*

категории рода семантического и формально-грамматического содержания. Отрицание одного из названных компонентов приводит к преувеличению другого, как это наблюдается в работе И. П. Ипановой она относит род к формальным классам слов, который почти приравнивается к типам склонения существительных) [см.: Ипанова И. П. Структура слова и морфологическая категория // Вопросы языкознания. – 1976. – № 1. – С. 55 – 61]. Обзор и анализ литературы по этому вопросу [см.: Виноградов В. В. Русский язык / Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 59 – 80].

сайгак (он и она), *молодий сайгак* (он), *молодий сайгак* (она) – не отображает семантики пола.

Морфологическая немотивированность рода несклоняемых существительных-названий животных обусловила закрепление общего принципа, по которому все иноязычные существительные несклоняемого типа принадлежат к мужскому роду. Языковая практика свидетельствует о значительных отклонениях от названного правила, ср.: *гекко*, *зоса*, *калас*, *тюрко*, *тейе*, *тейю*, *тиному*, *фіфі*, *фугу*, *хромулі*, *івасі*, *цеце*, *току* – ж. р.; *тюрбо*, *агамі*, *коаті*, *рамбульс* – ср. р. (существительных-названий животных м. р. Насчитывается 42). Морфологическое значение женского рода большинства таких существительных мотивировано законом семантико-тематического подчинения, синонимичными связями и влиянием однородных номинаций с формально мотивированным родом, например: *гекко*, *тейе*, *тейю* – ящерица; *зоса* – личинка; *калас*, *ківі*, *тюрко*, *тіному*, *таку*, *току* – птица (однородные видовые названия: *ластівка*, *ворона*, *сорока*, *зозуля*, *синиця*); *фіфі* – улитка, *фугу*, *хромулі*, *івасі* – рыба (*івасі* – тихоокеанская сардина), *цеце* – муха (... *цеце була робоча бджола. ...Вона мала вигляд добре відгодованої колібрі* (Вечірній Київ. – 1974. – 28 жовтня)).

Морфологическое значение среднего рода, очевидно, объясняется влиянием несклоняемых существительных-названий неодушевлённого, где корреляция финалей [i], [o], [e] с признаком среднего рода является доминирующей (см. табл. 1), а также низкой частотой употребления.

Образование соотносимых форм рода на синтаксическом уровне (*великий кенгуру* // *велика кенгуру*, *малий шимпанзе* // *мала шимпанзе*) имеет место потому, что 1) не противоречит основным моделям согласования (определяющее

слово + существительное) и координации (*шимпанзе біг // шимпанзе бігла*); 2) отображает динамичную тенденцию реализации признака пола в граммеме рода существительного; 3) происходит только внутреннее преобразование в структуре слова, то есть граммемы рода распределяются между разными употреблениями одной словоформы (подобное наблюдается и при образовании форм числа у всех несклоняемых существительных: *їхало таксі // їхали таксі, бігла кенгуру // бігли кенгуру*). Омонимизация (традиционно отнесение существительного к «общему роду») форм рода существительных-названий животных свойственна только для несклоняемых существительных иноязычного происхождения.

Внутреннее преобразование в структуре словоформы в результате её активного употребления для номинации лиц обоих полов широко реализуется среди несклоняемых существительных-названий лиц, повторяя в основных чертах аналогичное явление среди существительных-названий профессий (*відомий академік виступив // відомий академік виступила*). В современном украинском языке насчитывается 219 несклоняемых существительных-названий лиц, в основной своей массе – это названия лиц по национальности и народности стран Латинской Америки и Африки, ср.: *абабде, азанде, ібібіо, макаголо, нонсу, таодзе, йоруба, барунді, бусино, бакуба, ваганда* и под. Равномерное функционирование существительных-названий лиц с морфологическим значением мужского и женского рода объясняется их парадигматическим незакреплением, то есть омонимией падежных форм вне контекста, ср.: *побачив знайомого конференсьє // захоплювався умінням вести вечір елегантної конференсьє*. Несклоняемые существительные-названия лиц не образуют аналитических форм рода, что широко реализуется среди профессиональных

номинаций (ср.: *тракторист* → *хлопець-тракторист* // *капітан* → *жіінка-капітан*, *президент* → *жіінка-президент*).

Среди несклоняемых существительных-названий лиц имеется неадекватность морфологических и синтаксических признаков рода. Доминационными являются синтаксические параметры, отображающие пересечение ситуативных, экспрессивных и коммуникативных заданий. Результатом этих смещений является омонимизация форм и закрепление мужского и женского рода как нормативных. В то же время наряду с омонимизацией морфологических форм рода наблюдается колебание форм рода. Так, у существительного «*растрепе*» наряду с м. и ж. р. Фиксируется ещё и ср., что определяется семантикой слова. Она обозначает неаккуратного человека, оценку его внешности, черт характера. Слово «*рамолі*» также подаётся с приметкой ср. р. (СУМ, VIII, 447 – приметка м. р., Орфографічний словник української мови. – К., 1977. – С. 638 подаёт только с приметкой ср. р.). Значение ср. р. также обусловлено лексическим содержанием слова и его квалификационной качественностью. Относительно существительного «*аташе*» – оно, без сомнений, м. р. (СУМ подаёт его с приметкой ср. р. [I, 70]).

Несклоняемые существительные иноязычного происхождения составляют фонд подкласса несклоняемых существительных-общих названий³. Их родовая дифференциация, как в фокусе, отображает влияние разнообразных факторов, доминирующим среди которых выступает система лексико-семантических связей. Родовая принадлежность несклоняемых существительных-названий лиц

³ Здесь не учитываются неизменяемые слова типа *півнопа*, *півідра*, *півхліба*, которые стоит отнести к числительной разновидности образований (в СУМ их насчитывается 72).

семантически мотивирована и последовательно определяется полом лица, которое называется, ср.: *мадам, пері, ханум, міс, міледі, суті* – ж. р.; *портє, алме, гасекі, в'єхо, брачанті, граціозно, денді, жирші, рефері, шевальс, ефенді* – м. р. и под.

3.2. Родовая дифференциация несклоняемых существительных-названий неодушевлённого: первичная категоризация. Апеллятивные (общие) существительные несклоняемой разновидности, пришедшие в украинский язык из других языков, разделятся по родам на основе общей дифференциации существительных на два лексико-грамматических разряда по категориальному признаку **одушевлённость / неодушевлённость**. Существительные-названия неодушевлённого принадлежат к среднему роду. Такое распределение в чём-то соответствует начальной родовой дифференциации существительных в индоевропейском языке, в котором названия неодушевленных предметов не могли иметь грамматического значения мужского или женского рода. Дифференциация несклоняемых существительных по родам в современном украинском языке опосредована их семантикой, принадлежностью к лексико-грамматическому разряду одушевлённого или неодушевлённого и общим принципом разделения названий лиц и названий нелиц среди существительных-названий существ. Родовая принадлежность существительных-названий лиц обусловлена их внеязыковой соотносённостью, то есть семантическим содержанием слова, а названия нелиц принадлежат по этому принципу только к мужскому роду.

Несклоняемых существительных-названий неодушевлённого в современном украинском языке больше всех – их насчитывается 2499. Среди них наиболее заметно проявляются новые тенденции перераспределения

несклоняемых существительных по родам. Изменение морфологического значения рода в большинстве случаев обусловлено целым рядом причин, среди которых стоит назвать, прежде всего, активное вхождение нового слова в лексический фонд украинского языка, формирование системы разнообразных связей (синонимических, лексико-семантических), подчинение всем морфологическим категориям и возникновение морфологических связей с системой несклоняемых существительных.

3.3. Родовая дифференциация несклоняемых существительных-названий неодушевлённого: вторичная категоризация. Одним из активных факторов динамики морфологического значения рода у существительных-названий неодушевлённого несклоняемого типа выступает система лексико-семантических связей. Заимствованное слово входит в состав определённой группы однородных названий и в силу своей формальной «необычности» (конечный формант [i], [y] и т. д.), морфологической немотивации родовой принадлежности ассоциируется с родовым словом («метасуществительным»), в результате чего морфологический род общего названия переносится на иноязычное слово. Конечный элемент несклоняемого существительного иноязычного происхождения является финалью. Последняя обозначает неизменяемость сова в формальном плане. Названный фактор (система семантико-парадигматических связей) обусловил изменение морфологического значения среднего рода на мужской род у ряда существительных-названий неодушевлённого, среди которых можно вычлениить такие лексико-семантические группы: 1) названия винограда (*усахелоруі, халілі, хіхві, мтевандіді, муджуретулі, оджалеті, дондглабі, кабістони, арараті* (всего 36)); 2) наименование ветров (*сироко, ібе,*

торнадо, памpero (7)); 3) названия танцев (*кіноурі, лекурі, картулі, давлурі, шиммі, мтіулурі, пұльга, солхіно* (14)); 4) наименование музыкальных инструментов (*тарогато, чонгурі, ствірі, гудаствірі, лавабо, абу, бергамаско* (8)). Морфологическое значение мужского рода в каждом из названных рядов слов мотивировано формой «метасуществительного», которое всегда обозначает родовое название, ср.: «виноград», «вітер», «танець», «інструмент», а несклоняемые иноязычные существительные выступают видовыми номинациями.

Система лексико-семантических связей, их активное действие обуславливает также перенесение грамматического значения женского рода «метасуществительного» на видовые номинации среди существительных-названий неодушевлённого. Комплекс лексико-семантических связей определяет уровень активного вхождения несклоняемого слова в словарный фонд, распространение и частоту функционирования заимствованного существительного, одновременно прогнозируя изменение категориальных значений, в частности морфологического рода, который является зависимым от силы ассоциативных соединений нового слова с родовым названием. Вторичное грамматическое значение рода у несклоняемого существительного нормативным становится тогда, когда слово полностью подчиняется семантическим законам: 1) однородности видовых номинаций; 2) включения в объём общего названия, например: шапка → *тубетейка, ебосі, маніебосі*. Женский род охватывает значительно меньшее количество несклоняемых существительных-названий неодушевлённого по сравнению с мужским, ср.: 217 существительных-названий неодушевлённого принадлежит к мужскому роду, 74 – к женскому. Литературно нормативным

морфологическое значение женского рода выступает среди 1) названий разновидностей вод (*віші, набеглаві*); 2) наименований разновидностей рек (*еспе, карасу, кочокту, карасукі, сарасу*); 3) названий предметов одежды (*кашибі, сак вірі* – шуба, *папанакі, токомоно* – тапочка, *ебосі, маніебосі* – шапка); 4) наименований языков (*гінді, ідиш, канембу, кісуахілі, ларо* (всего 15)); 5) названий разновидностей заболеваний (*данге, панатачі, бері, бері-бері, мільдю*) и др. В названных лексико-семантических группах слов «метасуществительными» выступают лексемы женского рода, ср.: «вода», «річка», «долина», «шуба», «тапочка», «мова», «хвороба». Закон семантического подчинения в современной литературной практике обусловил изменение морфологического значения рода у 214 несклоняемых существительных-названий неодушевлённого. В последнее время наблюдается активизация этого закона, его доминирование во взаимодействии с другими факторами.

Не менее распространённой и функционально значимой выступает единичная подчинённость заимствованного несклоняемого существительного, выступающего видовым наименованием, родовому, включение в лексико-семантическую группу как однородного видового названия, перенесение признака рода «метасуществительного» на иноязычное слово. Часто новое слово обозначает отдельную разновидность определённого предмета или явления, его специфические особенности, оттенки, для отображения которых имеются в некоторых языках специальные слова. Вследствие активной ассоциативной связи видового названия с родовым, функционирование рядом, в одном ряду с однородными видовыми названиями, морфологическое значение рода которых формально мотивировано, происходит изменение родовой

принадлежности иноязычного несклоняемого слова, закрепление вторичного морфологического значения, ср.: *монтежю* – аппарат, *мухам бази* – віршовий розмір, *мчаді* – хліб, *нейблду*, *індантеблау* – барвник, *пенальті* – удар, *пуре* – мед, *сулугуні*, *брі* – сир, *диплахне* – злак, *кабулі* – діалект, *казикчи* – жанр, *кодру* – великий ліс, *мечете* – ніж, *кневрі* – глечик, *лахті* – пояс, *і аброгані* – торочка, *бахрома*, *седзі*, *споді* – перегородка, *аніте* – гора, *гобі* – пустиня, *араху* – горілка, *арпеджоне* – віолончель, *годорі* – корзина, *акліне* – лінія, *алабі*– міра довжини, *амрі* – культура, *аматі* – скрипка, *венстре* – партія, *горші* – кавалерія, *кано* – школа, *кеві* – жуйка, *пайзе* – табличка и под.

Рассмотренные примеры не могут быть только исключением из общего правила, потому что они свидетельствуют об образовании абсолютно новых и отличных тенденций и принципов родовой дифференциации несклоняемых существительных-названий неодушевлённого, отображают процессы активного освоения иноязычной лексики, формирования новой сетки мотивированности категориальных значений рода. Одним из таких новых принципов выступает принцип семантического включения или система из таких семантико-парадигматических связей, которые вследствие нулевой мотивированности родовой принадлежности заимствованного слова со стороны его формы обуславливают перенесение формально мотивированного признака рода общеродового существительного на видовые названия. Литературно нормативным вторичное значение становится тогда, когда несклоняемое существительное-название неодушевлённого постоянно ассоциируется говорящими с общим названием, как это наблюдается у слов типа *лекурі*–танець, *марарі*– діалект, *денге*– хвороба, *торнадо* – вітер, при

эллипсисе (пропуске) общего названия несклоняемое слово наследует его морфологическое значение рода, например: *Вона [Марилька] нам винограду пасинкувала, / Опилення учора провела / За способом новим, боротись вчила / Из мільдю небезпечною в садах, / Ми вдячні їй, вона наш садівник* (Л. Забашта). Вторичное значение морфологического рода, получая статус литературно-нормативного, отображается в лексикографических работах, ср.: *урду* – ж. [СУМ, X, 474], *торі* – ж. [СУМ, X, 204], *хінді, гінді* – ж. [СУМ, XI, 74], *бері* – ж. [СУМ, 161] и др.

Важным в динамике родовой принадлежности несклоняемого существительного-названия неодушевлённого, его активного освоения выступает принцип синонимичного, равенства значения общераспространённого слова и заимствованного, вследствие чего морфологическое значение рода общепринятого существительного переносится и на иноязычное. Действие этого закона обусловило изменение родовой принадлежности целого ряда слов (77 существительных). Морфологическое значение женского рода, выступающее формально мотивированным у «метасуществительного», фиксируется среди: 1) названий разнообразных блюд: 1) *кольрабі* / капуста, *салямі* / ковбаса; 2) наименований тканей: *байхова* / ворса; 3) названий единиц измерения: *бері* / миля; 4) наименований разновидностей одежды: *міні-скерт* / юбка, *модесті* / манишка; 5) названий разновидностей улиц: *авеню* / вулиця, *итрасе* / вулиця; 6) наименований детских игрушек: *пугас* / лялька, *кексі* / матрешка; 7) названий моделей причёсок: *мідзура* / зачіска; 8) наименований помещений, отдельных разновидностей жилья: *асьсиде* / вілла, дача; 9) названий растений и их плодов: *фейхоа* /

пальма, *мбеа* / пальма, *чине булі* / хурма и др., ср.: *експо* / виставка, *урмулі* / пісня, *цхенбурті* / їзда.

Значение мужского рода нашло распространение среди несклоняемых существительных-названий неодушевлённого и охватывает разнообразные синонимичные корреляции, которые в частности распространены среди: 1) названий приборов, аппаратов: *наргіле* / курильный прибор, *бодо* / аппарат; 2) наименований растений и их плодов: *ркацителі* / виноград, *бада* / сік; 3) названий различных моделей автомобилей: *сафарі*, *боліджд* / автомобіль; 4) наименований разновидностей налогов: *сачекле* / податок; 5) названий единиц измерения веса, длины, ёмкости: *адарм* / міра ваги, приблизительно тотожна кілограму, *аді*, *адлі* / міра довжини, майже рівна метру, *кепело*, *каде* / міра ємкості, наближається до літра, *генрі*; 6) наименований печатных шрифтов: *альдине* / шрифт; 7) названий денежных единиц: *екю*, *ейре*, *каболето*, *кавалато*, *кавало*, *квартильо*, *квартино*, *ларі* (всі вони асоціюються з карбованцем); 8) нименование предметов одежды: *суйконе* / мундир, *каригину* / костюм; 9) названий пароходов: *авізо* / корабель и во многих других лексико-семантических группах, ср.: *байу* / сезон, *аквафорте* / офорт, *аккую* / колодязь, *альпака* / сплав, *амиле* / горщик, *антука* / зонт, *бардильо* / мрамур, *бухарі* / камін, *гремі* / коньяк, *кавасаки* / бот, *канці* / ріг, *жакоб* / стиль.

Категория рода среди склоняемых и несклоняемых существительных-названий с неодушевлённого выступает классификационной, потому что граммемы рода (мужского, женского, среднего) распределяются между разными формально и семантически не соотнесёнными лексемами: м. р. *явір*, *барабан*, *чонгурі*; ж. р.: *зима*, *біва*, *даорі*; ср. р.: *озеро*, *юре*, *журі*. Классификационный характер парадигмы рода обуславливает закрепление соответствующего типа склонения,

ср.: *зима* – ж. [а]; *явір* – м. [Ø] и т. д. Морфологическая незакреплённость граммем рода в несклоняемых существительных-названий неодушевлённого, отсутствие мотивированности родовой принадлежности внеязыковым содержанием обуславливает активное включение несклоняемых слов в систему лексико-семантических связей, их подчинение этим связям с целью опосредованной мотивации значения рода, ср.: *виноград*Ø – м. р. → *аліготе* – ср. р. → *виноград аліготе* → *смачний аліготе*.

Интенсивный процесс влияния системы лексико-семантических связей прослеживается также на подгруппе несклоняемых существительных-названий неодушевлённого, в которых имеется различное согласование в роде, например: *популярне біснале* // *популярний біснале*, *популярний біснале* // *популярна біснале* – м., ж., ср.; *медресе*, *мазоні*, *віскі*, *динамо*, *дінчі*, *каурі*, *ламенто*, *антре* – ж., ср.; *ямікалі*, *асамтаврулі*, *безе*, *жабо*, *мо*, *моко*, *муаре*, *анчарі*, *сиртакі*, *сулугуні*, *джерсі*, *кашине*, *манго*, *мангу*, *макао* (всего 32 существительных). В большинстве случаев вторичное значение морфологического рода обусловлено семантико-тематическим подчинением видового названия общеродовому и перенесением формально мотивированного рода «метасуществительного» на несклоняемое слово, ср.: *біснале* – виставка, *медресе* – школа, *віскі* – горілка, *динамо* – машина, *сулугуні* – сир, *мохо* – шар ґрунту; часто изменение морфологического рода вызывают синонимичные связи, например: *дінчі* / шлюпка, *ігну* / хатина, *каурі* / раковинка, *ламенто* / арія, *мчеді* / хліб, *болеро*, *сиртакі* / танець, *асамтаврулі* / шрифт, *безе* / поцілунок, *біснале*, *б'єннале* / форум или однородные видовые названия, их влияние (*мо*, *ом*, *ампер*; *муаре*, *джерсі*, *сатин*, *ситець*, *штапель*). Активное действие различных факторов, их пересечение

обуславлює функціонування окремих несклонюємих іменників-називників неодушевленого з неоднаковим морфологічним значенням роду, ср.: *Адже, крім XIV національного фестивалю гумору і сатири, тут проходило VII міжнародне бісенале гумору та сатири в мистецтві і III міжнародний фестиваль комедійних і сатиричних фільмів* (Літературна Україна. – 1985. – 22 серпня); *Габрово – одна із столиць сміху. У травні до цього невеличкого болгарського містечка з'їдуться письменники, художники, артисти, скульптори на VIII міжнародний б'сенале сатири і гумору, який проходить під девізом «Світ уцілів, бо сміялися вмів»* (Перець. – 1987. – № 9. – С. 15); *Кожна бісенале засвідчує неабиякий інтерес до полотен нового напрямку...* (Молодь України. – 1983. – 14 січня).

3.4. Літературно-нормативна практика і родова диференціація несклонюємих іменників-називників неодушевленого. Язиковая практика свідчить, що літературно нормативним стає те значення роду несклонюємого іменника, яке відображає його активне підпорядкування системі лексико-семантичних зв'язів. Значить, первинне морфологічне значення середнього роду несклонюємих іменників-називників неодушевленого іноязичного походження виступає показателем формального входження слова в лексический фонд, його включення в класифікаційну сітку категорії роду, а вторинне значення роду відображає активне освоєння нового слова, підпорядкування семантико-парадигматичним законам рідного мови, формування опосередкованої формальної мотивованості граматичного значення роду.

Значительную роль в закреплении вторичного морфологического значения рода как литературно нормативного играет подобность несклоняемого слова формам склоняемых существительных, морфологические связи. Так, большинство слов с финалью [a] получили морфологическое значение женского рода (*фейхоа, юбеа, ццмата, легуа, бальбоа, твема*). Иногда сохраняется признак рода языка-источника, как это наблюдается у слов *болеро* (итал. *bolero* – m), *жабо* (фр. *jabot* – m), *па-де-труса* (фр. *pas-de-trois* – m). В последнее время не прослеживается активизации последнего фактора, иноязычные слова подчиняются законам лексико-семантических связей и родовой дифференциации того языка, в который они заимствованы.

Морфологический фактор обуславливает активные смещения в группе существительных с финалью [o], чему способствует тождество падежной парадигмы согласуемых слов (кроме именительного и винительного падежей) (см. табл. 2).

Изредка в современном украинском языке морфологический род несклоняемого существительного-названия неодушевлённого мотивирован раритетной изменяемой формой. Подобное наблюдается только в слове *кантале*, в большинстве случаев не закрепилось формально мотивированное значение рода, ср.: *портмоне* – ср. р. (*портмонет, портмонетка* (Леся Українка)); *фортепіано* – ср. р. (*фортеп'ян* (І. Франко, О. Кобилянська, І. Нечуй-Левицький)); *кофе* – ср. р. (кофій (І. Нечуй-Левицький)).

3.5. Родовая дифференциация несклоняемых аббревиатур. Род несклоняемых сложносокращённых слов определяется стержневым словом. В последнее время в украинском языке активизировались формально-грамматическая мотивированность рода отдельных аббревиатур, что реализуется

в моделях типа *ВАН затвердив, повернувся із ЖЕКу*, наприклад: *Ми живемо в будинкові, де більш практичні та вчені, ледь переступивши поріг, одразу ж затівали капітальний ремонт, а мені практичні та до того ж і не вчені, як оце ми з дружиною, починали оббивати пороги ЖЕКів, скаржачись на неполадки та недоробки* (А. Дімаров). Несмотря на то, что названные существительные активно функционируют со значением мужского рода, они не утратили и первичную родовую принадлежность, которая мотивирована стержневым словом. Подобные тенденции свойственны только аббревиатурам инициально-звукового типа, стержневым словом которых выступают существительные женского или среднего рода.

3.6. Родовая принадлежность несклоняемых существительных-собственных географических названий.

Морфологическое значение рода собственных географических названий, наименований газет, журналов подчинено формально мотивированной принадлежности общих названий, ср.: *Делі, Тбілісі* (місто – середн. р.) – середн. р.; *Нікарагуа, Перу* (країна – жін. р.) – жін. р.; «*Глобу*», «*Руде право*» – (газета – жін. р.) – жін. р. и под. Иногда названия городов относят к мужскому роду, например: *Токіо* вперше офіційно визнав, що японці активно опрацьовують новітні технології забезпечення кібератак різних хакерів (Україна молода. – 2006. – 25 жовтня). Такого типа конструкции обусловлены влиянием русского языка, где существительные-названия городов имеют значение мужского рода, потому что общее название «*город*» – м. р. Подобное употребление является литературно ненормативным и лишено внутриязыковой мотивации.

4. Категория числа несклоняемых существительных.

Семантически мотивированная у преимущественного большинства склоняемых существительных категория числа

характеризуется несколькими способами образования соотнесённых форм единственного и множественного числа, в частности с помощью: а) формообразующих суффиксов: *громадяни – громадянин, харків'яни – харків'янин*; б) изменения парадигмы склонения (конверсия): *стіл – столи, дерево – дерева*. У несклоняемых существительных категория числа лишена формообразующего потенциала, вследствие чего сужается её формальная реализация в украинском языке. В этом подклассе существительных прослеживается классификационная специфика морфологической категории числа (ср.: классификационный характер граммем числа у существительных *singularia tantum* типа *золото, зло, селянство* и *pluralia tantum* (*висівки, веришки, канікули, хитроці*)), последовательно реализуется словоизменяемая сущность категории морфологического числа⁴, которая выражается в системе противопоставленных рядов форм единственного и множественного числа, формально реализованных на синтаксическом уровне в моделях типа *красиве портмоне // красиві портмоне, тепле кашне // теплі кашне* и под., что свидетельствует об омонимии форм числа на морфологическом уровне.

Образование подкласса существительных *pluralia tantum* свидетельствует о сужении классификационного характера категории рода, с одной стороны, и трансформацию абсолютного признака (классификационного) в категорию числа, с другой. Среди несклоняемых существительных-названий неодушевлённого изредка наблюдается переход слов во множественные существительные, ср.: *галіфе, графіті, сапераві* – ср. р., мн. Тяготение отдельных форм несклоняемых

⁴ См. Русская грамматика. – Т. 1. – М. : Наука, 1980. – С. 471.

существительных с финалью [i] к словам множественной разновидности объясняется силой ассоциативной связи с соответствующим окончанием склоняемых существительных, а у существительного «галіфе» грамматическое значение множественности мотивировано семантической связью со словом «штани». В современном украинском языке не наблюдается (кроме *rali* –мн.) абсолютного вхождения таких слов в состав существительных *pluralia tantum*, что свидетельствует об активном классификационном характере категории рода, закреплённости категориальных значений рода за несклоняемыми существительными.

Формирование и пополнение подкласса множественных существительных, которые лишены признака рода и находятся вне сетки морфологических родов, объясняется в историческом плане унификацией форм числа в давнерусском языке и сокращением их формального выражения, в то же время отображает немотивированность граммом рода внеязыковым содержанием, что обуславливает и определяет формальную сущность категориальных значений рода.

5. Категория падежа несклоняемых существительных.

Морфологическая категория падежа, выступающая последовательно семантически мотивированной и последовательно морфологически выраженной, является определяющей для существительного⁵. Из трёх грамматических категорий, которые находят своё выражение в парадигме существительного украинского языка, наиболее тесно связаны между собой категории рода и падежа. Особенностью морфологических категорий существительного выступает их

⁵ См.: Вихованець І. Р. Система відмінків української мови. – К. : Наукова думка, 1987. – С. 22 – 23.

реализация в одном форманте⁶, например: *весною / ою* – жін. р.; одн.; орудний в. Среди категорий рода, числа и падежа только падежные значения влияют на формально- и семантико-грамматическую организацию предложения, определяют этапы перехода других частей речи в существительные, ср.: *Отак сидів він, візаві з нею* (Я. Качура) и *Ось мій нинішній візаві, і він повернувся лицем, говорив так, щоб чув його й президент, що йшов зараз за ними* (І. Франко). Особенностью падежных категориальных значений среди несклоняемых существительных выступает их синтетически-формальная нереализованность. Омонимия форм числа обуславливает в каждом несклоняемом существительном наличие (вне контекста) всех падежных форм (ср.: среди склоняемых существительных омонимия форм возможна, но она охватывает не более трёх форм: *хоробрості* – род., дав., місц. в.).

Морфологическая нереализованность форм числа и падежа в подклассе несклоняемых существительных свидетельствует о неоднородном характере именных категорий и относительное перемещение морфологического значения рода в основу слова, о чём в своё время писал Л. Новак⁷. В то же время отсутствие формально выраженной падежной парадигмы позволяет несклоняемым существительным быстрее вступать в лексико-семантические связи, подчинить им и родовую принадлежность. Форма слова не всегда выступает определяющей в его отнесении к множественным существительным (ср.: финаль [i] несклоняемых

⁶ См. детальн.: Русанівський В. М. Поняття семантичного інваріанта // Вихованець І. Р., Городенська К. Г., Русанівський В. М. Семантико-синтаксична структура речення. – К.: Наукова думка, 1983. – С. 105 – 107.

⁷ См.: Новак Л. Основная единица грамматической системы и типология языка // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 210 – 225

существительных (см. табл. 2) и при определении морфологического значения рода (см. табл. 2)).

Выводы-обобщения. Термин «несклоняемые существительные» не совсем правильно выражает специфику этого подкласса слов. Словоформы, основа которых не выступает словоизменяемой, то есть словоформы, лишённые флексии, вступают в синтаксические связи примыкания (инфинитив, деепричастие, наречие: *бажання мандрувати, йдуть співаючи, писати старанно*). Несклоняемым существительным присущи различные формы подчинительной присловной синтаксической связи: согласование (*красиве метро*), управление (*зібрати ркацтелі*), примыкание (*сік з фейхоа*), интеграции (*два ківі → двох ківі*) на уровне словосочетания и координация (*Рефері відкрив рахунок*) на уровне предложения. Анализируемая особенность несклоняемостью является чётко выраженной на формально-синтетическом уровне, в то же время сам термин «несклоняемые существительные» имеет условный характер, потому что им присуща только формальная неизменяемость, а на синтаксическом уровне полностью реализуются семь падежных форм, две формы числа и т. д.

Таблиця 1.

Сравнительная частота употребления несклоняемых существительных с финалями [i], [o], [e]

Одушевленные / неодушевленные	Р О Д						
	м. р.	ж. р.	с. р.	м. и ж. р.	ж. и с. р.	м. и с. р.	ч.; ж. и с. р.

Одушевленные	305	57	4	227	2	2	1
Неодушевленные	196	101	1464	9	12	27	1
Общее количество	501	158	1468	286	14	29	2

Таблица 2.

Дублетность и вариантность морфологического рода в группе несклоняемых существительных

Финали	Общее количество слов	с. р.	м. р.	ж. р.	м. и ж. р.	ж. и с. р.	м. и с. р.
[o]	1252	937	243	18	49	3	2
[e]	368	298	36	19	9	3	4
[i]	271	127	96	27	16	3	2

Иногда несклоняемые существительные приобретают признаки склоняемых в речи отдельных авторов, что преимущественно мотивируется их стремлением ввести такие лексемы в активный словарь украинского языка и подчинить полностью законам склонения всех существительных лексем, ср.: *Де не візьмись, в її бюрі з'явився підполковник міліції*

(С. Горлач); *Не довго думаючи, іду до пластової домівки і заходжу до бюро, де мене зустрічає молода особа* (С. Горлач); *Всі наші речі їхали автом, але одубок я завжди мав коло себе: чи то на пляжі, чи в гарячий день серед поля* (С. Горлач). Такая тенденция может быть оправданной в формальном плане, поскольку с этой стороны заимствованные слова с конечным гласным ничем не отличаются от других существительных лексем, которые пришли в украинский язык в другие периоды его развития и приобрели все признаки склоняемости (ср. специфику слов иноязычного происхождения с конечным согласным основы, которые вне всякого сомнения характеризуются формальным признаком рода и последовательно склоняются). Подобные подходы к освоению иноязычных слов типа *кіно, попури, кімоно, фойє, бюро* свойственны были украинскому языку в конце XIX – в начале XX века. И только отдельные из слов получили полное освоение и формально полностью уподобились (и ассоциировались) другим существительным лексемам: они последовательно склоняются, грамматическое значение рода, числа и падежа определяется по конечному форманту (*пальто*), отдельные из них только в разговорной речи характеризуются склоняемостью (*кіно, шосе (З кедрових квартів, тісно при собі, Вона стоїть, простора і широка, Ця хата з танком, що в його різьбі Відбився блиск гетьманського барока* (Олесь Ольжич))), проникая в художественно-поэтическую. Склонение такого типа слов в определённой мере свидетельствует об унификации

употребления всех разновидностей существительных лексем, но подобное использование не стало нормой литературного языка и в этом аспекте отображает только стремление отдельных авторов (преимущественно мастеров слова диаспоры) избежать выделения среди всей совокупности существительных какого-то подтипа слов, который принципиально ни в формальном, ни в семантическом плане не отличается от других слов. В этом случае наряду с собственно языковым аспектом употребления таких слов следует учитывать психологический фактор, который может стать определяющим, поскольку большинство носителей языка ассоциируют такого типа слова как формально несклоняемые, которые приобретают морфологические значения числа и падежа только в контексте, вне последнего для них свойственна омонимия всей совокупности морфологических форм. Изменения в грамматическом устройстве языка происходят не моментально, поскольку они опосредованы длительным наращиванием тенденций видоизменения и унификации, потому и случаи склонения традиционно несклоняемых существительных лексем следует воспринимать или как сугубо авторские, или как таковые, которые направлены на модификацию общих норм употребления.

Несклоняемость имен существительных – это вторичное свойство, являющиеся следствием силового решения языковых проблем и формулированием определенных правил, которым приписываются обязательность. Когда любой носитель языка должен придерживаться этих норм, несмотря на внутреннее

сопротивление языковой системы. Несклоняемость имен существительных появилось в самом начале XX века и сегодня является активно применяемой.

РАЗДЕЛ IV. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА

IV.1. Коммуникативно-эстетические преобразования украинского предложения в художественном стиле (би- и полифуркация, парцелляция, сегментация, открытые и закрытые предложения)

Современному украинскому предложению свойственно многоаспектное рассмотрение, охватывающее и собственно синтаксический, и семантико-синтаксический, и собственно семантический, и коммуникативный уровни. Большей частью такова схема анализа является устойчивой, хотя она испытывает существенные вариации, предопределяющиеся концептуальным определением системы синтаксических единиц, стремлением синтеза тех или других дефиниций, выделением уровней «смешанного» типа, ср.: структурно-семантический, коммуникативно-прагматический, коммуникативно-семантический, эмоционально-экспрессивный и т.п., где каждый из названных уровней характеризуется собственным инструментарием лингвистического анализа. На каждом из уровней предложения рассматривается в отдельном аспекте с последовательным определением соответствующих элементов его состава (ср. определенность синтаксических связей и категорий членов предложения на формально-грамматическом уровне; значимость отражения общечеловеческих универсалий на собственно семантическом уровне с выяснением состава семантем и их иерархии и под.). Современное предложение характеризуется развитием и последовательным осложнением своей структуры в силу расширения емкости содержащихся объективно-пропозиционального и субъективного смыслов. Особенно это ярко прослеживается в художественном стиле, где

полностью отслеживаются сугубо авторские тенденции и общеязыковые закономерности.

В художественном стиле особый вес приобретают определенные элементы, с помощью которых передается авторское отношение к изображаемым событиям, явлениям, предметам (ср. случаи **самоавторизации**, когда объект и субъект авторизации совпадают: (1) **Я таким відчував себе щасливим, що не міг навіть нічого сказати, вимовити жодного слова** (В.Підмогильний); **прямой и косвенной** авторизации: (2) *Давно уже, власне усе своє свідоме життя, я пробую написати історію свого раннього дитинства, своєї душі, свого роду, свого Хутора* (В.Дрозд); (3) *І - притинив роботу, відчувши, що це знову, як і мої попередні намагання написати про той час, - література. Або ще, як полюбляють казати мої деякі велемовні колеги, - красне письменство* (В.Дрозд); (4) *Хлопчик вважав учителя якоюсь зайдюю, що прийшла сюди і так само звідси піде* (В.Дрозд) (не сам учитель считал, а его оценивал определенный субъект) и направления интенсификации авторизации: (5) **По правді кажучи, важко довелося Хлопчику тої зими** (В.Дрозд)).

Предложение как системно-целостная величина постоянно испытывает видоизменения (здесь иеются ввиду не только модификации, вариации, трансформации) 1) вследствие появления новых факторов в узусе той же самой речевой практики, их активного действия, 2) вследствие охвата предложением все большей емкости смыслов, 3) вследствие осложнения, содержащихся в предложенческой структуре когнитивных репрезентаций, элементов национально-языковой картины мира, 4) вследствие объединения в одной предложенческой структуре нескольких модусных и нескольких диктумных величин, 5) вследствие развертывания одного

предложения в микротекстовую и макротекстовую структуру с последовательным выделением соответствующей иерархии смыслов, выражением целой гаммы тех или других интенций и т.п. (ср. идиостили В. Медвидя, О. Забужко, О. Ульяненко, Е. Пашкивского, где предложение приравнивается к целостному художественному произведению с соответствующей системой внутритекстовых синтаксических связей и семантико-смысловых отношений, которые не могут в этом случае быть приравнены к сугубо внутрипредложенческим, поскольку диапазон проявления последних и первых колоссальный и нагрузка одних и других равняются друг другу. Авторская специфика стилевой манеры «потока сознания» накладывает отпечаток на весь спектр проявления предложенческой структуры, в которой не могут быть четко выделены ни собственно начало, ни середина, ни конец, но вместе с тем логическим становится вопрос о 1) соотношении предложения и текста, 2) трансформации предложения в текст и наоборот ((6) *Ми, українці, зістарена нація; історичні нестатки зробили нас похмурими, пригніченими; ми й не сміємось по-справжньому; так щось* (В.Медвідь); (7) *Настав страшний суд для вас, але не ви мене розіпнете, а я сам на хрест стану* (В.Медвідь)); 3) закономерности внутритекстовой модификации предложенческой структуры и границы этой модификации; 4) количественное и качественное измерение предложенческой структуры, ее длины; 5) уровни внутренней глубины предложения на **модусном** (в одном предложении могут последовательно репрезентироваться оценки разных субъектов, которые даже не взаимодействуют между собой) и **диктумном** (одно предложение охватывает огромное количество предложений, предельное число которых нет возможности установить) уровнях: (8) *Цієї ночі щось так здушило між*

ногами, аж подумав смерть; боятися вже давно не боюся; народна демонологія каже, щоб побороти страх, не оглядайся; чим більше оглядаєси, то більше страхи наближаєси до себе, аж поки не вступають у душу твою; страх цей з дитинства, походження його невідоме; коли батьки самого раз залишали у хаті наніч і їхали до баби в сусідній район у гості, то я поклав молотка біля себе й так заснув; чиста й непоточена цинізмом душа боїтиметься все життя; вже у великій квартирі, знов якось опинившись сам, зайшовши на темне, вмикаєси повсюди світло, заглядаєси у всі закутки, аж тоді; побутовий чи виробничий цинізм позбавляє демонологічного страху; смерть матері робить таким, що ти нікого й нічого не боїєси; ні політика, ні виробництво, ні взагалі людські стосунки не виробили в людині спроможності до дна перейматися повною вірою чи повним страхом; за часу розширування й розпаду особистості, коли людина стає позасвітовою істотою, нею запановує страх трохи іншого гатунку; з відходом демонологічного страху ера дитинства закінчується для людства; якщо досі страх тріскав дорогою, перелякував на смерть, гнав мокрим шматом, пересновував полотном, їхав конем, їхав возом, кричав і їхав верхи, скакав через пліт, ловився за коли, колихався на ворині, сипав огнем, летів і сипав огнем, світив свічку, світив лампу, кидав до хати каменем, шукав по воді, дер дерево, бив лопатами, молов жорнами, шумів як машина та світив очима, співав, квилів, кляв, плакав, прав, перевертав лавки, тручав воза у рів, гнався за саньми, хапав капелюхи, скидав капелюхи, скидав шапку, зупиняв жандарма, стогнав, стогнав на цвинтарі, телепав парубком на цвинтарі, термосив у сні, бив, набивав тулю на чолі, кидав чоловіком до землі, викидав чоловіка з цвинтаря, тручав жінку на нечистім місці, паралізовував чоловіка, робив німим, забував худобу,

крокував, перекидався в знайомого, то ріс, то малів, обступав садівника, відбирав яблука; робився голим страхом у коноплях, чорним страхом, білим страхом на деревах, невидимим страхом, ставав стовпом, ставши стовпом, стягав з коня, огненним стовпом, стовпом йшов за бабою,- то тепер страх вступив у душу людську, ставши, можливо, страхом історичним; людям у гурті, в селі візьмімо, ще цей страх не загрозливий, вони його певним часом навіть горілкою залють, але відірветься котресь у світ, почне то вертатися, то втікати, ніде затишку не знайшовши, то цьому біда, цей буде Я; по цих містах велелюдних, по чергах, у транспортах як вони, бідні, гуртуються, навіть сварки їм любі, балакають голосніше, ніж слід; це розмови вже не межі собою, а з вічністю, таке бідацьке галасування, що й ми люди, й нас хай буде почуто; люди, до горя звиклі, й смерть з ними попідручки ходить, кониченька водить; коли пошкодує людину, коли ні, всеоднак рідна душа, а от страх неоголовний якийсь; боятися, що хтось донесе, вкраде, знеславить, навіть бійся самого себе; та от ера новітнього страху гряде; вповзає чи влазить, приходить у сни, як от цей; душа зіщулюється й питається у вічності мовчки, чи це вже воно; боялися, що кінь чужий межу переступить і жорстокістю вгамовували страх, вбиваючи господаря коня; мати колисковою одганяла страх од немовляти; а це якась чортова кров несита й брудна каламутить очі й розум; люди й раніше щось помічали; баби розказують, що планети є, вночі всілякі бувають планети, є добрі й злі; як хто пізно рушить в дорогу, а трапить десь на нечисту планету, так з того може різні каліцтва дістати; планета та невидима, її не можна бачити, планету; або затарабанить у вікно, та й ідеши одчиняти; виходиши з хати, і нема нікого, лиш якийсь слід є, лише не можна пізнати, що то за слід, чи товарячий, чи людський, чи

телячий (В.Медвідь) – каждый из приведенных в этом предложении-тексте элементов является одной-двумя или больше пропозициями (*якщо досі страх тріскав дорогою, перелякував на смерть, гнав мокрим шматом, пересновував полотном, їхав конем, їхав возом, кричав і їхав верхи, скакав чере пліт, ловився за коли, колихався на ворині, сипав огнем, летів і сипав огнем, світив свічку, світив лампу, кидав до хати каменем, шукав по воді, дер дерево, бив лопатами, молов жорнами, шумів як машина та світив очима, співав, квилів, кляв, плакав, прав, перевертав лавки, тручав воза у рів, гнаввся за саньми, хапав капелюхи, скидав капелюхи, скидав шапку, зупиняв жарндарма, стогнав, стогнав на цвинтарі, телепав парубком на цвинтарі, термосив у сні, бив, набивав гулю на чолі, кидав чоловіком до землі, викидав чоловіка з цвинтаря, тручав жінку на нечистім місці, паралізовував чоловіка, робив німим, забивав худобу, крокував, перекидався в знайомого, то ріс, то малів, обступав садівника, відбирав яблука* – одних только глаголов-предикатов употреблено **53**, не говоря уже о других средствах выражения пропозиций – обособленные полупредикативные конструкции, прилагательные и т.п.) и их объемная панорамность тяжело подвергаются восприятию в пределах одной предложенческой структуры, поскольку в ней реализована целая сетка сценариев; в этом случае речь может идти о целом ряде условных единиц предложения, которые отделяются одна от другой точкой с запятой (;) и таким образом приобретают относительную автономность, вместе с тем автором констатируется взаимосвязь всех элементов и объединение всех темой страха, поскольку каждый из них запечатлевает развитие и репрезентацию того или другого аргумента).

Предложение в современном художественном синтаксисе, расширяя свою горизонтальную длину, максимально усложняется формально и семантически, с одной стороны, с другой стороны, на нем обозначаются тенденции членения единого целого с целью выделения определенной информации, соответствующего диктумного компонента с целью его ударения, актуализации и обретение им целиком самостоятельного текстообразующего начала: (9) *І душа стала незрівняно багатою. **Бо щось наповнило її в цю мить чимось величним і щедрим*** (В.Дрозд). Общепризнанное теперь явление **парцелляции** стало следствием членения единой структуры предложения на несколько отдельных высказываний с целью актуального ударения выделенных компонентов, при этом общий простор и объем информации структуры предложения не изменяются, поскольку парцеллируется большей частью корпус обязательных членов предложения, сюда относится также выделение элемента сложного сказуемого (дуплекси́ва – в терминологии семантико-синтаксического уровня), ср. (10) *Тепер, після коньяку, Гаркуша знав, що його на Землю п о к л и к а н о. **Вищими силами*** (В.Дрозд); (11) *Я вам глибоко вдячний. **За це свято*** (В.Дрозд); (12) *Гаркуша: / Я і є президент. **Фірма*** (В.Дрозд); (13) *Роман прийшов. **Спокійний*** (В.Дрозд).

Парцелляция структур предложения является семантико-стилистическим процессом, который непосредственно связан с особенностями и закономерностями человеческого мировосприятия, мирообобщения, стремлением человеческой психики выделить даже зависимый компонент как такой, который получает статус человеческого внимания, концентрации на нем человеческих размышлений. Парцеллят приобретает в структуре художественно-прозаического текста соответствующую самостоятельность как объект внимания,

выступая функционально и структурно ориентированным на базовый компонент предложенческого образования. Объединяемая в пределах сложного синтаксического целого структурно неравноценная парцелляция оказывает содействие, с одной стороны, изменению стилистического фокуса предложения, с другой стороны, насыщает каждый выделенный компонент максимальным содержанием: (14) *Трішки показати зуби. Не завадить. Щоб дівча не нахабніло. Він не слинявий стариган, з якого можна вити вірвовки, користуючись молодістю і тим, що під спідничкою. Тим часом машини взяли на приступ Батисеву гору, і він наказав Платашеві на хвилину зупинитися. На вершині гори. Звідси Батий-завойовник мидувався землею, яку Сатана поклав до ніг його. За переказами. Трохи не кожна гора в Придніпров'ї Батисва. Людська череда шанує завойовників. Сильних світу сього* (В.Дрозд). Функциональное назначение парцелляции предложенческой структуры *Трішки показати зуби не завадить* имеет своим назначением воспроизведение внутренних раздумий героя, подготовку им соответствующего поведения, которое обеспечит ему утверждение в глазах других. Введение в единое текстовое структурное целое и внутренних раздумий героя, и самой динамики внешних относительно последних событий усиливает внутренний диапазон смысловой нетождественности начал, объединенных в сложное синтаксическое целое. Так будто ход событий, их динамика выступают не фоном внутренних раздумий персонажа, а включены в них и представляют единое целое. Сама динамика размышлений связана с пространственным перемещением персонажа и постоянной аналогией с историческим ходом событий: ... *наказав Платашеві на хвилину зупинитися. На вершині гори.* Парцеллят *На вершині гори* отражает

кульминационное развитие внутренних раздумий Гаркуши, предоставляет их течение в качестве чрезвычайно широкой горизонтальной плоскости, поскольку само возвышение расширяет горизонт видения и оказывает содействие распространению мысли на только что открытое пространство в едином временном пространстве. Парцеллят *На вершині гори* пребывает во внутритекстовом смысловом взаимодействии с отностельным парцеллятом *За переказами*, представляющим собой отдельную пропозицию и розширяет смысловую объем предыдущего предложения. Вместе с тем своим функционально-коммуникативным назначением он направлен на последнее, поскольку раскрывает источник информации о том, что Сатана положил все киевские земли Батью-завоевателю к ногам. В наибольшей степени парцеллят *На вершині гори* связан с парцеллятом *Сильних світу сього*, хотя ни структурной, ни смысловой тождественности между ними нет. Это следует мотивировать в другом разрезе. Внутритекстовая связь между этими парцеллятами предопределяется кульминационным тезисом внутренних раздумий героя: *Людська череда шанус зайовників*. Выделение уточняющего компонента *Сильних світу сього* в качестве полностью самостоятельного представляет совершенство этой реминисценции – нужно быть сильным. Такую парцелляцию следует квалифицировать как **радиальную**, поскольку коммуникативный радиус первого парцеллята направлен на смысловую нагрузку последнего и таким образом продуцируется смысловой круг, который уточняют, модифицируют все другие его компоненты.

Особенно текстом значимой является парцелляция зависимой предикативной части, наличие которой валентно обусловлено опорным словом и отсутствие которой (структурно и семантически детерминированная) лишает главную часть

сложного предложения самостоятельного функционально-коммуникативного статуса: (15) *Саме тоді хлопчиків пригадалося. Що ще в роки війни він зустрічав цю людину і тоді її боявся якимсь невідомим для нього чуттям страху* (М.Стельмах). *Я тоді й сам був думати починав, що так усі чинять. Тому що у світі так уже повелося* (В.Підмогильний).

К **парцелляции**, вне всякого сомнения, принадлежит выделение однородных членов предложения, являющиеся в данном случае представителями отдельных предложений и в таком случае единое полипропозитивное предложение членимо на целый ряд отдельных проявлений объективных смыслов, хотя данная репрезентация не представляется самодовлеющей, поскольку своим дейктическим смыслом парцелляты ориентированные на предыдущую структуру предложения: (16) *Покликано, аби зробився Сатаною. Дияволом, Злим духом, змієм і з в а б и в, с п о к у с и в Є в у* (В.Дрозд). Показательным при этом есть то, что структура основного предложения после парцелляции сохраняется целостной, будто и не происходило определенного коммуникативного выделения (ср. (16)).

Отдельно следует рассматривать **волнообразную парцелляцию**, особенностью которой является членение единого смыслового целого, при этом **парцеллят** выступает максимально направленным на предыдущую структуру, поскольку в последней содержится не только опорное слово, но и сама атрибутивная сущность **парцеллята** деформируется и размывается вне основной структуры. Такой **парцеллят** воссоздает специфику человеческого осмысления явления и предоставление определенному предмету атрибутивной характеристики как определяющей, атрибутивность выступает в данном случае основной, ради ее ударения компонент выделяется: (17) *Він майже певен був, що подзвонять. Інтуїція.*

Вовка, якого полювальники загаяють у куток лісу, де причаїлися мисливіці. Вовка, загнаного вочевидь (В.Дрозд). (18) *О тым, ze protestujoce pielegniarki majo racje, wiedzieli wszyscu. Poza rzodem* (Przeglod tygodniowy. – 1999. – 14 lipca). **Парцелляция** субъектной синтаксемы объединяется с процессом сегментации и предопределяет насыщение предлеженческого образования особой коммуникативной окраской: (19) *Сентиментального повернення у власну молодість не вийшло. Ніжку підставив. Хтось* (В.Дрозд). Дейктический элемент *хтось*, как никакой другой, стимулирует когнитивный процесс поиска, который реализуется в дальнейшей развернутой текстовой структуре (охватывает свыше 250 слов).

Под **сегментацией** имеется в виду вычленение отдельного компонента предложения и вынесение его или в абсолютное начало, или в абсолютный конец структуры предложения с целью максимальной концентрации на нем внимания: (20) *Що сь таки є у світі, хай наш куций земний розум і не здатен збагнути – **щ о*** (В.Дрозд); (21) *Він дивився на вас з-за свого столика як на ікону. Майже з любов'ю і – **страхом**...* (В.Дрозд).

К **сегментации** принадлежит художественно-стилевая нагрузка выражения **эмпатии**, под которой понимают вынесение коммуникативно-значимого элемента в начальную позицию предложения для акцентуации определенного взгляда на ситуациях, о которых сообщается или говорится в предложении. В последнее время синтаксис современной художественной прозы заангажировал новейшее явление, связанное с членением единой структуры предложения на отдельные коммуникативно-значимые компоненты, статус которых может быть познан только на текстовом уровне. Такие вычлененные компоненты содержат все необходимые

структурные составные части для полноценного формального очерчивания, их зависимость может быть последовательно выявленной только в семантическом плане, поскольку они разворачивают один из элементарных смыслов базовой (исходной) структуры предложения. Такое явление абсолютно логично назвать **бифуркацией**.

Бифуркацией следует считать процесс расчленения единого целого на два актуализационно-смысловые компоненты, вследствие чего выделенная информация представляется псевдосамодостаточной, направленной вместе с тем на текстообразующий потенциал предыдущего предложения, вне которого она теряет свою функциональную нагрузку. Термин **бифуркация** происходит от лат. *bifurcus* – раздвоенный и в сугубо лингвистическом смысле ее следует квалифицировать как разветвление чего-то на два компонента, которые в дальнейшем создают свое собственное актуализационно насыщенное ядро, при этом прослеживается структурная направленность второго компонента к первому: (22) *Як старий, шолудивий пес. Що тинявся голодний, а потім знайшлися господарі, які відгодували його і щодня купують у ванні з пахучим імпортним милом* (В.Дрозд). *А якщо згадувати, так пошти що й нічого – одне й те ж кожен день: лісоповал і лісоповал: в холод, у хуртовину вали і вали сосни ті нескінчені. Яким кінця-краю нема й не жди, як і тим планам, які спускали нам ізгори* (Б.Жолдка). **Точкой бифуркации, критической точкой**, которая достигается вследствие членения единой структуры предложения через отдаление от ее равновесия, является доминирование коммуникативно-ситуативных задач над системно-структурными. С помощью **синергетичного анализа функционирования предложения** можно определить направление развития актуального членения

предложения, чередование и существенное расширение качественной дифференциации разных структур предложения – от вычленения только предвиденных, но семантически необязательных, компонентов к выделению компонентов структуры предложения другой конфигурации, ср.: бифуркацию зависимого компонента при условии наличия antecedента в главной части: (23) *Звичайно, я розумію всю ілюзійність всього. **Що мене оточує, видасться таким звабливим і прийнятним. Що наповнює мене у ці хвилини*** (В.Дрозд).

Бифуркация отличается от **парцелляции** тем, что при **бифуркации** выделенный компонент предвиденный, но необязательный, **парцелляция** же основывается на обязательности **парцеллята**, поскольку вне его репрезентации основное предложение теряет собственную смысловую достаточность. В сложноподчиненном предложении отсутствие парцеллята нивелирует определенный оттенок хода действия или проявления состояния главной части, делает невозможным осознание причинных или следственных, целевых отношений между ними: (24) *Тоді якраз привезли в село. **Нову виставу цирку*** (З газ.). (25) *Повертаюся у царство тіней. **Бо уже нікого, про кого згадуватиму, нема на світі*** (В.Дрозд).

Бифуркация существенно отличается и от статуса присоединительных конструкций, которые всегда возникают как что-то дополнительное, что существенно дополняет содержание основного предложения, наполняя один из его компонентов новой оттеночной окраской: (26) *Можливо, з часом послужливий Дозорець докопасться, що він, Роман Гаркуша, має частку голубої дворянської крові. **По материній лінії*** (В.Дрозд); (27) *Заграва від пожежі. **Майбутньої?*** (В.Дрозд). (28) *Є лише здогадки, прозріння. **Які втасмичуєш навіть од самого себе, бо так прагнеш вірити в реальність чогось***

більшого, аніж земне комашіння людей, що уже і мірити боїшся (В.Дрозд).

Особая эстетично-языковая нагрузка характерна полифуркации, под которой имеется в виду членение единого фона предложения на несколько коммуникативных единиц, которые функционируют в качестве представителей речевых объемов, которые, направляясь на предыдущую коммуникативную единицу, вместе с тем очерчивают актуализированный смысл и являются необязательными по своему проявлению: (29) *У дворі було повно-повнісінько люду. Який був вбраний, як на рекламних сторінках газет... Який був налаштований, як кожен налаштовується у цю мить* (В.Дрозд).

В современной художественно-речевой стилистике особый вес приобретают открытые предложения, которые следует истолковывать как такие, понимание которых невозможно без обращения к контексту и дополнительным знаниям о ситуации общения (за И.Б.Штерн). Подобные предложения мотивируются смысловым фоном предыдущих образований и таким образом представляют вместе с ними единое смысловое целое: (30) *Залишалося зробити останній крок – піти на вдячний уклін до весільної Валерії Родіонівни* (В.Дрозд) – **крок** → *до чого?* **Валерії Родіонівни** → *хто вона?* **Піти на вдячний уклін** → *чому? Яка причина спонукає зробити це?*

Возникает чрезвычайно объемная функционально-эстетическая нагрузка **эмпатического высказывания**, особенность которого следует понимать как вынесение коммуникативно-значимого элемента в начальную позицию предложения, для акцентуализации определенного взгляда на ситуацию, о которой сообщается в предложении. При этом эмпатия может усложняться стилистически экспрессивным

повторением: (31) /Гаркуша:/ *Столик замовлено на двох. Забезпечуватимеш **нашу безпеку** звідси...*

Нашу безпеку. Це йому сподобалося. Його і Єви. А Платаш хай відтепер знає своє місце (В.Дрозд). Компонент **це** обеспечивает цепочную связь. В силу своего смыслового объема для последней свойственна чрезвычайно широкая функционально-смысловая плоскость, особенностью которой становится сверхглубокая по потенциалу внутреннего содержания центростремительно-текстовая насыщенность. Вместе с тем в отрывке (31) очевиден повтор базового компонента *нашу безпеку*, выступающего когнитивно и ассоциативно направленным в следующий текст. Парцелляция посессивного компонента *Його і Єви* и опосредованная репрезентация предложения делает возможным насыщение структуры предложения *Це йому сподобалося* внутренне-предложенческой энергией парцеллированного предложения и создание целостного смыслового фона. Предложению *Це йому сподобалося* свойственная когнитивно-смысловая ядерность, поскольку она является итогом касательно предыдущего текста и вместе с тем его содержание уточняется, расширяется.

Наличие парцеллятов в текстовых единицах, вне всякого сомнения, подкрепляет стремление авторов предоставить тому или другому компоненту предложения отдельную информативно-коммуникативную нагрузку, выделить его значимость в общетекстовой структуре. **Бифуркация** принадлежит к тем явлениям в современном синтаксисе, которые, без сомнений, удостоверяют видоизменения структурного строения предложения и функционирование одного структурно самодовлеющего элемента в качестве самостоятельного, но при этом предполагается наличие второго – параллельного, рядом с которым наполняется новым оттенком

один из компонентов двух параллельно выделяемых предложений и возникает четко очерченная его семантическая мотивированность. **Сегментация** затрагивает внутреннюю перестройку предложения и вынесение одного из коммуникативно значимых элементов в самое начало или в самый конец структуры предложения.

IV.2. Структурные и семантические разновидности украинских синтаксических инноваций

Современные тенденции развития грамматического строя украинского языка удостоверяют активизацию антиномии говорящего и слушателя; антиномии узуса и возможностей языковой системы; антиномии кода и текста; антиномии, обусловленной асимметрией языкового знака; антиномии двух основных функций языка: сугубо информационной и экспрессивной (ср.: [44, с. 24 – 34]), из которых особую значимость приобрели соотношение интенций говорящего и потенциальных возможностей слушателя, коррелятивность / некоррелятивность синтезирующих и анализирующих тенденций, максимальное стремление говорящего актуализировать внутреннюю информацию, всячески содействуя ее экспрессивизации. Последняя связана с ярко выраженной тенденцией в современном украинском синтаксисе к расширению круга расчлененных и сегментированных синтаксических построений (ср.: [272, с. 184]), в чем оказывается одна из главных причин существенных изменений в грамматическом строе – усиление влияния разговорного синтаксиса на письменную речь, доминирующий результат которого прослеживается на постепенном (а иногда и резко) отходе от "классических" (устоявшихся), синтагматически выверенных синтаксических конструкций с эксплицитно

выявленными типами и формами синтаксической связи и адекватными смысловыми отношениями, которые отражают структурную и смысловую целостность.

Современные синтаксические инновации обусловлены преимущественно «тяжестью» или точнее «тяжелоподъемностью» книжных конструкций, не совсем удобных для обычного разговора [4, с. 7 – 9] и ориентацией нормативной речи на милозвучие и удобство произношения. По утверждению Н.С.Валгиной, «движение синтаксиса от «записанного разговора» (выражение К.С.Аксакова) к интеллектуализации литературного языка зафиксированы в работах представителей Пражской лингвистической школы» [44, с. 185], в частности в исследованиях Б. Гавранека [58]. Вместе с тем следует особенно сделать ударение на том, что акцентированная «тяжелоподъемность» синтаксической конструкции была связана с абсолютным усилением синтетических тенденций синтаксического порядка украинского языка. Нет достаточных оснований для возражения против утверждения о том, что своей вершины синтетизм достигает в русском языке во второй половине XVIII – начала XIX ст., а в украинском языке эти тенденции были осложнены недостаточно полным функционированием разнообразных функциональных стилей, в частности официально-делового и др. [101, с. 385]. Но в художественно-беллетристическом стиле, который наиболее динамично отражает видоизменения, уже в первой половине XIX столетия оказывается стремление к аналитизму, которое нашло отражение в классических строках Тараса Шевченко: *Як умру, то поховайте / Мене на могилі, / Серед степу широкого, / На Вкраїні милій. // Щоб лани широкополі, / І Дніпро, і кручі / Було видно, було чути, / Як реве ревучий* (Т.Шевченко), где строки *Щоб лани широкополі, / І Дніпро, і кручі / Було видно,*

було чути, / Як реве ревучий актуализируют рему путем расчленения целостной синтаксической структуры сложноподчиненного предложения с подчиненной детерминантной частью на два высказывания. При этом приведенная часть *Щоб лани широкополі, / І Дніпро, і кручі / Було видно, було чути, / Як реве ревучий* путем парцелляции оформленная в отдельную строфу, которая усиливает ее звучание и предоставляет завершенность интонационного оформления, вынося основную мысль на передний план.

Синтетическая синтаксическая конструкция, которая сформировалась, стала нормативной в украинском языке на протяжении XVIII–XIX веков, что было обусловлено в значительной мере экстралингвистическими факторами – особенностями его развития (отсутствие полноценного внутри- и межгосударственного функционирования, недостаточным уровнем общественного запроса его официально-деловых, административно-правовых жанров, научных поисков, относительной замкнутостью конфессиональных реализаций – только в пределах греко-католической церкви к началу XX века и постепенное применение также внутри Автокефальной Украинской Церкви в 20-х годах XX века и интралингвистическими – доминирующими тенденциями внутрисистемной синтетичности (ср.: особенности образования форм высшей и наивысшей степеней сравнения прилагательных и наречий; диапазон форм будущего времени глагола и проч.). Все это обусловило специфический путь развития аналитических синтаксических форм [101]. К этому необходимо также прибавить и то, что основу грамматического строя украинского языка представляет разговорная речь, которой свойственно внутреннее членение целостных смысловых единств. В отличие от русского языка с ее относительной замкнутостью

грамматической системы, где любые влияния устно-разговорной стихии воспринимаются в качестве таковых, которые существенно влияют на видоизменение специфики его синтаксиса, украинский язык в значительной степени открытый (при этом следует помнить о навязанной украинскому языку в 80-е годы XX века общей тенденции развития с русским). Максимально открытым является он для влияния специфики устной речи с ее разнообразными образованиями:

Сусіда його хропів безпробудним сном, уживши найшаленішого снадійного – кілька пляшок „оболонського” змішаних з „алко”; провалений за межі буття, він не чув, як друга розчинив вікно і також виліз, ставши на межу.

Бо Нуся.

Бо Вадя:

„Нусю, той, оце. Словом...” (Б. Жолдак. Як один те, а другий інше). Последнее в наибольшей степени отслеживается в художественной речи, где максимально используются средства и ресурсы разных стилей языка. Наиболее кодифицированными выступают официально-деловой стиль с целой системой внутрисклассовых жанров, научный – в его письменной форме и профессиональный.

Учитывая имеющуюся систему синтаксических единиц, специфику синтаксических связей и особенности смысловых единиц, весь комплекс украинских синтаксических инноваций следует дифференцировать на несколько типов: а) по их принадлежности к тем или другим синтаксическим единицам: 1) изменения внутри словосочетания (*завтра кафедра, наступна «Либідська»*); 2) внутривысказательские (*Машина наготові; Мати в санітарах; Небо в зорях*); 3) внутривысказательские и 4) синтаксически детерминальные (*На самому краю прізви; З одним нулем у резерві* (Літературна Україна. 2000. – 16 січня)); б) по

специфике синтаксической связи: 1) первичная с последовательной экспликацией средств связи и 2) вторичная с импликацией форм связи, образованием разных контаминированных производных; в) по особенностям смысловых отношений: 1) первичные с последовательным соотношением формы связи и типа смыслового отношения и 2) вторичные с разнообразной степенью синкретизма. Вместе с тем следует подчеркнуть, что нельзя отождествлять факты собственно устного происхождения и явления сугубо письменного характера. Последнее, вне всякого сомнения, связано прежде всего со вставкой и увеличением как внутреннего информационного пространства, образованием нескольких уровней информационного насыщения предложения и размыванием четких границ между предложением и текстом, так и с увеличением центробежных тенденций, послаблением структурирующих синтаксических связей предложения, которые охватывают предикативную, присловную синтаксическую (согласование, управление, корреляция, прилагание) разновидности, и модифицирующие синтаксические связи предложения (детерминация, модальная связь, сочинительная и другие типы связи). Использование понятия письменная речь относительно, так как анализируемые вставные конструкции широко употребляются в монологическом лекторском и других жанрах речи. Влияние устной речи прослеживается на экспансии аналитических тенденций и распространении горизонтальной длины предложения, образовании автономных подчиненных структур типа *Ми продовжували робити **що хотіли** і думати **що хотіли*** (О.Слісаренко). *Гості обідали **чим було*** (А.Яна).

К инновациям, реализующимся внутри словосочетания, следует отнести, бесспорно, все видоизменения, связанные с изменениями в самом строении словосочетаний и увеличением

функціонального количества многокомпонентных словосочетаний, особенно в терминологической сфере, ср.: *бетоноукладач з внутрішніми лопастями на пневматичному ходу, компенсаторна пружина запобіжної муфти, довголанковий ланцюг підвісного конвеєра* и традиционно определяемые *бібліотека на громадських засадах, хлопець із села*. В терминологических словосочетаниях, подобно к общеязыковым, пропускаются одно, два или больше звеньев конструкции при сохранении крайних, в которых и содержится главное содержание. При этом оба компонента актуализируются и организация составляющих внутри словосочетания видоизменяется, поскольку возникает другая форма синтаксической связи, ср.: *бетоноукладач з внутрішніми лопастями на пневматичному ходу* ← *бетоноукладач, який виготовляється з внутрішніми лопастями, обладнується на пневматичному ходу*. Глагольная зависимость теряется (*виготовляється з чим? обладнується на чому?*) вследствие редукции этих компонентов, а имеющееся падежное прилагательное репрезентирует уже атрибутивные отношения. Показательным в этом случае есть то, что значительное количество словосочетаний, в том числе и терминологических, не проходят всех этапов преобразований и образуются непосредственно по устойчивым моделям: *стамески плоскі із шириною леза 32 і 40 мм, склоріз роликів із твердого сплаву, будівельний ніж для опоряджувальних робіт, щітка-ручник з фланцевим фіксатором, лом-цяходер з фіксатором тяги, вимірювальна рулетка у закритому корпусі*. В таких словосочетаниях прослеживаются изменения и на уровне смысловых отношений, поскольку последние характеризуются синкретизмом, в котором аккумулируются особенности смысловых отношений в первичных моделях и в соответствующих производных: *склоріз*

роликовий (який? із чого?) *із твердого сплаву* = *склоріз є роликовий* + *склоріз виготовлено зі сплаву* + *сплав є твердий*, пор. також: *Донецьк у спеку*, *зустріч біля Палацу культури*, *розчин із ванна*, *замальовки олією*, *заява на конкурс* и т.п. Такие инновационные словосочетания являются следствием синтаксической компрессии, которая охватывает видоизменения в формах синтаксической связи (управление → на прилагание, управление → на корреляцию и т.п.) и в системе смысловых отношений. Синтаксическая компрессия заключается в сжатии структуры, пропуске ее отдельных звеньев при сохранении ядерных элементов, являющихся носителями главного смысла. Экспансия падежного прилагания, которое репрезентирует атрибутивные / обстоятельственные отношения, подтверждает ярко выраженную тенденцию к аналитизму в современном украинском синтаксисе. Такой функционализм уже трансформировался из функционального в грамматический и в ряде случаев является коррелятивным с функциональными образованиями типа *завтра гурток*, *подати в суд*, где границы между словосочетанием и предложением-высказыванием представляются диффузными.

Подобная компрессия предопределяет видоизменение структуры простого предложения и возникновение максимально актуализированных производных, в которых темо-рематическая неизменяемость закреплена на формально-грамматическом уровне: *Садівникам* (тема) – *добрі саджанці і продуктивні промислові сорти* (рема); *У мокроступах* – *за імперською величчю* (Українське слово. – 2002. – Ч.24); *Зараз* – *Молдова* (Українське слово. – 2002. – Ч.23). В этом оказывается чрезвычайно продуктивной антиномия определяемого и определяющего, особенности асимметрии языкового знака, поскольку означаемых всегда больше (единиц смысла), чем

определяющих (единиц словесно реализованных). Компенсировать это можно или развертыванием высказывания, приближая определяющее и определяемое друг к другу, или сворачивать его, сжимая его к определенной границе, но при этом сохраняя общий смысл. Именно вторая тенденция коррелирует с компрессией, при которой те или другие компоненты становятся имплицитными: * У мокроступах – за імперською величию ← *У мокроступах ми біжимо, йдемо за імперською величию. Компрессия на уровне простого предложения охватывает: 1) явления сугубо речевого характера: *Не забудь взяти в школу зошит, бо тоді не матимеш в чому виконувати контрольну роботу*, где оказывается редуцированным срединный компонент **у тебе буде контрольна робота** + *тоді не матимеш в чому виконувати контрольну роботу*; 2) явления рече-узусного проявления, которые прямо соотнесены с системой и квалифицирующиеся на языковом уровне как неполные предложения: *Пенсіонерам – пристойну пенсію; Гірникам – зарплату вчасно*; 3) вторичную предикацию, которая особенно распространяется в последнее время: *Я завжди знав Ольгу скромною і мовчазною* (І.Вільде); *І померла в гризоті вона молодою, залишився назавжди без матері я* (Д.Павличко); *Темнооким чудесним гостем я чекала тебе з доріг* (Л.Костенко) (ср.: *Темнооким чудесним гостем я чекала тебе з доріг* = *Я чекала тебе з доріг + *Була я гостем + *Гість чудесний + * Гість мовчазний). В таких предложениях вторичная предикативная форма характеризуется относительной самостоятельностью: *І померла в гризоті вона молодою, залишився назавжди без матері я* = *І померла в гризоті вона молода / молодою; 4) скрытую диалогизацию: *Я? / Я служив у Чека... / Дні і ночі, голодний, без сил, Я на смітнику Жовтня*

копавсь (Д.Фальківський) – где приведенный компонент является ответом на неназванный вопрос.

В простом предложении инновационные явления предопределяются также и синтаксической редукцией, которая заключается в усечении необходимого грамматического звена в синтаксической структуре, что обуславливает сокращение количества словесных элементов: *А діждемось-таки* (Українське слово. – 2002. – Ч. 24); *Бачили очі...* (Українське слово. - 2002. – Ч.24) и т.п. Именно данного типа образования стали основанием для возникновения своеобразных официальных общественно-политических терминов с усеченным управлением: *рух неприєднання, близькосхідне урегулювання, чеченське мирне урегулювання, країни співдружності, політика швидкого реагування*, ср.: *В Оттаві було обговорено напрями політики швидкого реагування на терористичні заходи Іраку в азійському анклаві* (Українське слово. – 2002. – Ч. 24).

Наибольшей мерой синтаксическая компрессия и редукция репрезентованы в художественно-беллетристическом, публицистическом стилях, наименьшей мерой – распространены в официально-деловом, что мотивируется высоким уровнем стандартизации его требований.

Синтаксическая компрессия и синтаксическая редукция в основных своих проявлениях репрезентуют те или другие измерения закона языковой экономии, который связан с лаконичностью, сжатостью. Они распространены в любом тексте и подтверждают постоянную динамику в украинском синтаксисе.

Особенно следует подчеркнуть наличие в современном украинском синтаксисе класса функционально подобных и / или функционально тождественных единиц, которые связаны с

активным действием контаминации. В этом случае последнюю квалифицируют как иммитацию самого процесса говорения: «мы будто наблюдаем формирование мысли..., скольжение с одной конструкции на другую, когда поиски соответствующих «классических форм» предложения оказываются ослепленными из-за непосредственности общения и отсутствия возможности обдумывания и продумывания высказывания...» [44, с. 206]. Замещение предикативной единицей отдельного члена предложения приводит к актуализации внутреннего аналитизма предложения, поскольку деформируются закономерности синтаксической связи при сохранении валентнообусловленных смысловых отношений: *Сьогодні все більше живемо за принципом „що хочемо, те й робимо”* (Голос України. – 2001. – 13 січня). Предикативная единица «*що хочемо, те й робимо*», заполняя присубстантивную постпозицию и теряя собственные категориальные признаки предложения, втягивается в спектр атрибутивных отношений.

Неодиночными являются «ослабленные» подчиненные части, которые только структурно напоминают подчиненные части, а функционально приравнены к статусу определенного члена простого предложения: *Учні в класі зчинили такий галас, все летіло вгору, ніхто навіть не звернув уваги на появу нового вчителя і всі продовжували робити що хотіли* (А.Яна). К этому приближается и фразеологизация сложноподчиненных предложений (*Що маємо, те маємо; Як було, так було; Все нічого, але щось*), которые часто приобретают функциональное сходство в пределах простого предложения.

Предикативные единицы могут и другим путем входить в систему отношений членов простого предложения, ср.: *Справжнє щастя – це коли на пасіці бджоли літають і мед носять. І коли ліс духмяніє* (А.Яна), где прослеживается

контаминация простого двусоставного предложения и подчиненной части, которая находится в позиции сказуемого и включается в активную систему отношений главных членов двусоставного предложения с помощью актуализационной частицы *це* и вместе с тем сохраняет признаки подчиненности (соединительный элемент *коли*). Это приводит к относительной нивелиации квалификационных признаков двусоставности и образованию особого типа переходных контаминированных структур (*Перша ознака повного краху підприємства – це коли люди йдуть з нього, навіть не отримавши зарплати* (Українське слово. – 2001. – Ч.32); *Криза сьогоднішньої влади в Україні – це коли народ починає її боятися, але не усвідомлено, а на рівні підсвідомості* (Голос України. – 2001. – 16 листопада)).

Противоположным этому процессу следует считать членение единого целого на отдельные компоненты с целью их актуализации и придание последним информативной завершенности, ситуативной значимости. В этом процессе особо следует выделить парцелляцию как семантико-функционально-синтаксическое явление, характеризующееся такими дифференциальными признаками: 1) актуализация определенной информации; 2) придание отдельной предикативной подчиненной части самостоятельности в силу ее семантической маркированности синкретическим значением «цель + результативность» / «цель + следствие» и т. п.: *Навесні на його місці молодий буде лист, зелений, він з вітром розмовлятиме, хапатиме жилками своїми сонячний промінь, під дощем купатиметься й росою умиватиметься...*

Щоб потім умерти... (Остап Вишня 2001, с.151).

Парцелляция, в отличие от часто отождествляемых с ней явлений присоединения [2; 4; 5; 6; 8; 15; 16; 18], соотносенная с базисно-коммуникативным (интраструктурным) уровнем

предложения, а присоединение принадлежит к модификационно-сопроводительному (инфраструктурному) уровню, ср.: *Придивімось, що робиться в сучасній советській історіографії! Яку до дрібниць продуману програму zdeформованої й зденатурованої Історії там розроблено! Бо то – найважливіший відділ лабораторії малоросіанства* (Є.Маланюк). і *Слова росли із ґрунту, мов жита. Добірним зерном колосилась мова. Вона як хліб. Вона мені свята. І кров'ю предків тяжко пурпурова* (Ліна Костенко). *Вже медово погустішало місячне марево, у видолинку завчено озвався деркач, і тиша, тиша над світом, що навіть чути, як житній колосок розмовляє з пшеничним, як поводить скрипучим вусом ячмінь* (М.Стельмах).

Парцелляция как активный тип расчленения целостного предложения на два, три, четыре и больше самостоятельных высказываний является следствием активного проникновения разговорных тенденций в письменную с последовательным сохранением соответствующих интонационно-ритмических особенностей устной речи и максимальным актуализационным потенциалом. При этом парцелляция существенно отличается в классе простых и в классе сложных предложений: среди первых парцеллят в структурном и смысловом плане направленный на основную часть (*Чого чекати? Від нашого уряду та його сьогоднішніх днів* (Голос України. – 2001. – 23 лютого), а из сложноподчиненных предложений парцеллированная подчиненная часть выделяет собственную информацию и придает причинной, целевой, условной, уступительной и другой семантике ситуативного совершенства. Вследствие этого усиливаются центробежные тенденции на уровне смысловых отношений, что возможно, вполне естественно, означает их трансформацию во внутритекстовые. При этом синтаксическая

связь находится в активной форме: *Мода на позичене слово іноді набуває смішних форм. Бо, наприклад, що означає єврокухня чи євроодяг?* [292, с. 123]. Самый большой потенциал парцелляции свойственен сложноподчиненным предложениям с подчиненными детерминантными, что мотивируется слабым проявлением их синтаксической связи – непредусмотренная необязательная форма свободного прилегания.

С расчленением единого смыслового и структурного целого связанна также активизация изолированного именительного [40; 45; 44, с. 193 – 198; 230, с. 405 – 408], что в современном украинском синтаксисе характеризуется постпозитивным или препозитивным относительно предложения проявлением. Выступая структурно тождественными, такие конструкции существенно различаются функционально, поскольку первые большей частью принадлежат к именительному представления или именительному темы (*Святі вогні... Вони ж твої, твої! В них людство еру пізнає нову* (М.Руденко); *Чверть століття. Багато ще чи мало?* (В.Вільний)), постпредложенческий именительный – это сегментация с целью рематизации соответствующего содержания: *Завжди в пам'яті моїй, у споминах, у згадках і снах все те, що пов'язано з рідною домівкою, рідним селом, але було і є найдорожче... Посмішка матері* (А.Яна). Постпозитивные номинативы характеризуются значительным функциональным диапазоном, охватывая определительно-конкретизирующее, причинительное, объяснительное, оценочное, объектное, уступительное, темпорально-уступительное, темпорально-дейктическое значения, а также значения следствия и целый ряд других значений (ср.: [44; 101; 230; 272]).

К инновационным явлениям на уровне простого предложения принадлежит также активизация вставных

конструкций, которые принадлежат к письменному проявлению речи и которым характерны: 1) графический, 2) пунктуационный и другие разновидности дифференциации. Важным является размежевание типов вставки по структуре и семантике. По структуре вставные конструкции делятся на вставки-словосочетания, вставки-предложения – простое / сложное (сложносочиненное и сложноподчиненное, а также – бессоюзное) предложение и текстовые (объем и дина линейного ряда не может быть диагностирована потому, что постоянно пребывает в динамике). Исчерпывающий структурно-линейный объем вставки тяжело определить в силу постоянного расширения длины вставных единиц и образования нескольких структурных и функционально-семантических уровней вставки: от одного-двух до шести (гипотетически – и больше). Их дифференциация осуществляется часто использованием традиционных разделительных знаков (круглые скобки, тире и запятая) и активизацией употребления разнообразных курсивов, типов шрифтов и разновидностей скобок (типа {}, [], |, < и др.). Ярким примером последнего является роман О. Забужко "Польові дослідження українського сексу" [101, с. 308 – 411]. По семантике вставные конструкции также предстают неравнозначными и среди них легко выделяются: 1) логический, 2) информационный, 3) оценочный, 4) ситуативный типы.

Основными внутривопределенческими **структурными** особенностями вставных конструкций являются: 1) их невозможность занимать препозицию относительно всего предложения; 2) соотносительная синтаксическая связь с основным предложением, оказывающееся в структурной соотносительности обеих частей, которые дополняются смысловой спецификой. Последняя заключается в реализации вставными единицами пояснительно-дополнительной функции,

ср.: *Дивись же на мене, сонце, й засмали мою душу, як засмало тіло, щоб вона була недоступна для комариного жала (Я себе ловлю, що до сонця звертаюся, як до живої істоти. Невже се значить, що мені вже бракує товариства людей?)* (М.Коцюбинський); бел. *Яна п'яничотна паднімае на рыцаря вочы (першы раз у жыцці)* (З.Бядуля); 3) абсолютная формально-грамматическая автономность. Инвариантными значениями вставных конструкций, вне всякого сомнения, следует считать информационно и оценочно дополнительные, что на уровне конкретного высказывания существенно варьируются. Вставные конструкции в наибольшей мере усиливают внутрипредложенческие центробежные тенденции.

Принципиальным является размежевание вводности и вставности, различающиеся и структурно, и семантически, и функционально, и коммуникативно. Проблема вводности и вставности приобретает свою логическую мотивированность при толковании дифференциации модальных значений их связью с конкуренцией коммуникативной и когнитивной функций языка. Коммуникативная функция требует доминирующей роли субъекта речи в определении субъектной функции, с чем связанная временная очерченность (реальность) / временная неопределенность (ирреальность) действия субъекта. Когнитивная функция базируется на актуализации субъектно-предикатных связей, которые являются «объективными». В истории языка это оказывало содействие эмансипации модальности как категории, которая определяет отношение субъекта речи, и трансформации ее в обязательный элемент предикации (ср. понятие объективной модальности в Н.Ю. Шведовой).

Касаясь истории, эволюции вставности в украинском языке, следует констатировать ее активное внедрение в язык XX века, в

котором она особенно активизировались во второй половине, которая, очевидно, связана с увеличением информативного насыщения предложения. Это разрешает квалифицировать вставность как маркирующий признак украинского языка XX столетия, который связан с активизацией отображения коммуникативно-прагматической оценки субъектом речи информативного плана своего высказывания за осью: «главная / дополнительная информация». Именно в этом сказывается ее связь с категорией модальности.

В этом аспекте следует отметить то, что еще во второй половине 60-х годов XX столетия много лингвистов не выделяли вставных конструкций и рассматривали их только среди вводных (ср.: [277, с. 184; 230, с. 3]), а уже в самом начале 70-х в ряде грамматических исследований толкование вставных компонентов приобретают некую определенность [26, с. 202; 15, с. 185 – 186; 383, с. 126; 318, с. 310 – 311], хотя в академическом издании «Сучасна українська літературна мова. Синтаксис» [К.: Наукова думка, 1972] полностью отсутствует анализ этих конструкций. Иногда связь вставных конструкций с предложением квалифицируют как "адгалинаванное" [11, с. 56] или соотносительность [40, с. 205]. Подтверждением этого является то, что «вставные единицы входят в состав того или иного предложения, выступают его компонентами, занимают определенную позицию в его структуре, принимают участие в формировании содержания предложения или его экспрессии» [11, с. 55].

Вставные конструкции в семантическом плане взаимодействуют с содержанием всего высказывания, принимая участие в его коммуникативных задачах и коррелируя с содержанием базового предложения или отдельных его членов. Такое взаимодействие оказывается прежде всего при условии

синсемантичности базовой структуры. Это в большинстве своем местоименные наречия: *Зараз ви можете будь-коли приїхати у військову частину, де служить ваш син (а служить він тепер дома, в Україні, часто в своїй області, а то й районі), провідати його, поговорити* (Літературна Україна. – 1996. – 15.02), где вставная конструкция содержит довольно детальную информацию о месте нахождения субъекта действия, названного в базовой части малоинформативным обстоятельством – союзным словом *де*.

Логическим функционально-смысловым взаимодействием вставных единиц с базовой частью возникает такое их соотношение, при котором вставная конструкция указывает на определенный мотив обозначенного в основной части действия (субъекта, объекта и т.п.) или актуализирует соответствующие признаки последнего. В пределах логического типа дифференцируются варианты: 1) вставные конструкции, которые находятся с базовым предложением в причинно-следственных смысловых связях: *Марія уважно подивилася на сина і відчула щось непевне в його поведінці (Вона як мати часто передбачала зміни в його настрої, але сьогодні щось трапилось інше, бо перед нею стояла наче зовсім чужа людина)* (А.Яна); 2) вставные конструкции, находящиеся в противительных-сравнительных смысловых отношениях: *Учені досить швидко прийшли до висновку про необхідність синтезу віднайдених речовин (Такий синтез водночас слід було проводити в абсолютно нових лабораторних умовах, які тільки-тільки починали опрацьовуватись і на сьогодні не давали якогось відчутного результату)* (Україна молода. – 2001. – 14 квітня).

Иногда противительные смысловые отношения усложняются уступительной семантикой, которая

последовательно выражается специализированными средствами: *Поводяться невимушено, розкуто: жартують (хоч того ранку було їм не до жартів), сміються й перемовляються* (Сизоненко О. “І це був сум, і це була краса...” // Літературна Україна. – 2001. – 26 квітня. – С.4); 3) вставные конструкции со значением признака, затрагивающим определяющее слово в базовой части предложения: *І знову перед очима постала постать матері такої рідної і близької (такою він пам’ятав ще з дитинства, і її з’ява збурювала у ньому щось нове, що часто дозволяло уникати на роботі несподіваних кроків)* (А.Яна). *Вони відзначали, що за зовнішніми структурами (які включають не лише питання ідеології, а й взагалі сферу соціальних викладок, програм тощо і, зокрема, умовності, а саме – літературні умовності романтизму) існують значно важливіші глибинні структури* (Г.Грабович).

К информативному типу належать вставные конструкции, становящиеся носителями дополнительных сопроводительных, конкретизирующих или других признаков, которые эксплицируют те или другие признаки. Из информативных вставных конструкций, являющиеся самыми распространенными в современном украинском языке, дифференцируются такие варианты: 1) дополнительно-уточняющие вставные конструкции с оттенком объяснения, распространения мысли: *Якщо визначити модель відносин в оповідних творах (відкрити й очевидну в ліричних та „політичних” поезіях), то стає зрозумілим, що така маргіальність притаманна для кожного кроку людського життя* (Г.Грабович); 2) дополнительно-подтверждающие вставные конструкции: *У вірші „Якби тобі довелось...” поет з самого початку покапзує селянського юнака, що вбиває пана за те, що той намагається звалтувати сільську дівчину*

(ситуація, аналогічна тій, що знаходимо у „Варнаку”, „Буває, в неволі іноді згадаю...” і, в поширеному вигляді, у „Гайдамаках”), як „святого” месника, а його заслання в Сибір – як форму мучеництва (Г.Грабович); 3) объяснительные присоединительные вставные конструкции: *Брехт тут достачає особливо вдячний матеріал – не лише власне-художніми, а, ще більше, теоретичними текстами, в яких охоче, розлого й багатослівно рефлектує над своїм методом (NB: цей останній термін упроваджено в обіг марксистською естетикою – на місці „напрямку” чи, скажімо, „стилю”: соціальні теорії також по-фрейдівському „прохоплюються” про свої істинні наміри отакими термінологічними обмовками, і за названою – „метод” замість „стилю” – легко прочитується принципово антиромантичне, раціоналістичне розуміння мистецтва як галузі індивідуального виробництва зі своє специфічною технологією, „ноу-хау”, котрим треба тільки поправно оволодіти, щоб законно й підставно здобути кваліфікацію – я замалим не сказала „диплом” – „інженера людських душ”)* (О.Забужко); 4) темпорально-дейктические вставные конструкции: *Події розгорталися навидоввищу швидко: розвінчували ще вчора поціновувані авторитети (нині їх уже ніхто навіть не згадував), заперечували будь-яку вартість протижотого, більше того – навіть відкритого* (О.Забужко); 5) сопроводительные характеризующие вставные конструкции с актуализацией действия или состояния: *Марія стояла стривожена (ця тривожність йшла звідкись зсередини і була вона якась дітклива, незрозуміла, якомось душа боліла)* (А.Яна); б) содержательно-объяснительные вставные конструкции с констатацией мотивации выбора автором материала базовой части: *Поэма «Катерина» Т.Шевченка (її розгляд мотивований*

*не тільки особливостями стилістики, але й образною системою) належить до тих творів, через призму яких можна розглядати долю не тільки жінки, але й усієї України (М.Шевченко); 7) уступительно-аргументирующие вставные конструкции: *Заспокоївшись, було, на тому, що тоталітаризм убиває літературу ad definition, силою тої простої обставини, що перекриває на всіх рівнях, канали для незалежного індивідуального помислу, і що, відтак, залишена нам у спадок чисельно величезна література (чи „паралітература”) 30-50-х років є немовби, послуговуючись перифразом із Орвелла, бібліотекою „не книжок”, тобто книжок, які, хоч фізично й існують, але в читацькій свідомості, на правах духовної реальності не існували ніколи, ми воліємо, власного душевного спокою ради, заплющувати очі на той дразливий (і на позір непояснений!) факт, що деяким літературним явищам – не тільки поодиноким творам, і не тільки поодиноким авторам, а радше повному **різновидові** авторів – таки вдалося „проскочити” крізь хай щільне сито естетико-ідеологічної „докси” соцреалізму без видимої шкоди для мистецької вартості їхніх творів (дарма що свого часу Ч.Мілош, у тих розділах „Поневоленого розуму”, де проаналізовано чотири письменницькі долі й відповідно чотири типи мистецького сам поневолення, з відчайдушністю гравця-ризикатна поривався довести якраз протилежне)* (О.Забужко); 8) вставные конструкции, затрагивающие отдельные члены предложения и характеризующие лиц по их принадлежности к общественным течениям, организациям, которые указывают на должность, профессию: *Сьогодні ні для кого не дивина, що професія фітодизайнера (спеціаліст у галузі облаштування ландшафту) набуває все більшої популярності* (Голос України. – 2001. – 12 вересня); 8) вставные конструкции, содержащие*

об'яснение терминов в основном предложении: *Комунікативна структура речення (організація речення з урахуванням підпорядкування його частин ситуативно-комунікативним завданням) певною мірою співвіднесена з формально-граматичною і семантико-синтаксичною його будовою* (І.Р.Вихованець); 9) вставные конструкции, конкретизирующие определенные понятия в предложении путем экзemplификаций: *Українська ментальність (поняття з'явилося в активі на початку 80-х років) включає не тільки тип мислення, але й увесь комплекс національно-світоглядних орієнтацій* (А.Яна); 10) вставные конструкции, содержащие числовые или процентные данные и становящиеся иллюстрациями, подтверждением сказанного в основной части: *Поширення прецедентних імен в семантично неелементарних простих реченнях значною мірою співвіднесене із стильовою диференціацією і стильовим закріпленням речень: в науковому стилі набули активізації речення з прецедентними іменами в суб'єктній позиції (37,5 % від загального числа), а в публіцистичному вони можуть займати поряд із суб'єктною й об'єктну позицію (33 % і 12,4 % відповідно)* (Т.О.Мачай); 11) информационно-справочные вставные конструкции: *В той час, як душа поета тягнє до сфери сакрального, писання філософів та учених, яких поет зневажливо прирівнює до „куцого німця узлуватого” („І мертвим, і живим...”), належать до сфери чужого й профанного* (Г.Грабович).

Оценочный тип вставных конструкций становится классом единиц с четко выраженной оценкой того, о чем говорится в основной части предложения. Здесь следует разграничивать: 1) вставные конструкции, содержащие эмоциональную оценку автора о сказанном в ядерном предложении: *Брехт може слугувати тут за модельний взірєць – порівняно з Маяковським*

чи навіть Галчинським (*не кажучи вже про Кочергу*) він просто щасливчик, ніби самим провидінням призначений на свою роль у драмі великого гріхопадіння світової літератури 20-го століття (О.Забужко); 2) вставные конструкции, выступающие средством выражения языковой оценки: *Дивна війна, яка відбувається в Україні, є наслідком того, що – **визнаємо ми це чи ні** – у нас не була здійснена українська “оксамитова революція”, що певним чином це існує “УРСР” та “СРСР”* (День. – 2001. – 19 січня. – С.21); 3) вставные конструкции, которые становятся комментарием-размышлением автора о сказанном в основной части: *Випадок кохається з Долею – і все взаємно, гармонійно (**алгеброю не перевіриши**), хоча й фрагментарно, бо екзистенція загалом фрагментарна. Отож* (І.Павлюк. Олюдження горизонту // Літературна Україна. – 2001. – 22 лютого. – С.3).

Среди ситуативных типов дифференцируются: 1) вставные конструкции, содержащие обращение к читателю: *Поезія – це обіцянка визволення (ні в якому разі нехай не думає читач, що всезагального): вона дарує людині надію, що життя „в принципі”, засадничо може бути опановане – хай не цілком, хай би лише в своїх най значущіших хвилинних проблисках (**звісно, це також ілюзія, адже, хоч як ревно силкуємося вполювати ті самоцітні хвилини в словесний невід, здебільшого вони нам таки вислизують...**)* (О.Забужко); 2) вставные конструкции, являющиеся средством объяснения или предупреждение относительно оформления условных обозначений в ядерном предложении: *АЧ (**актуальне членування**) речення перебуває в полі зору лінгвістів із самого початку ХХ століття* (А.Яна).

По конструктивно-синтаксическим особенностям вставные компоненты делятся на две группы: квази-вставные и собственно вставные (ср. взгляд З.П. Олейник). Первые

перемешаються в сферу додаткової інформації структурно-семантичних компонентів простого / ускладненого / складного речення: *Слова, що прості і суворі (А інші – негідні слова). Як їхні децизії скорі, Як величність того Різдва* (Оолег Ольжич); рус. *У о.Кира был подъезд (к которому, впрочем, никто не подъезжал)* (І. Бунін). Собственно вставность – включение средствами межфразовой связи синтаксических конструкций разного объема: *Леді й джентельмени, я вже бачу той змуджений вираз, що малюється на ваших обличчях, ви вже поставили подумки діагноз, severe psychological problems* з обох сторін - націонал-мазохістка (хоча з таким діагнозом ви, напевно, не знайомі...) й аутентичний маньяк (тут простіше, бо, крім суто комунікативних негараздів, неконтактності отої, чи як воно там зветься, можна б випінути й дрібніші, клінічно промовистіші симптоми – приміром, його повну неспроможність бодай на мить вдержати в голові телефонний номер перш ніж записати, і особливо характерне, дивно курлапе письмо – несподівані пропуски літер, а то враз посеред речення слово з великої, або заблукале з сусідніх абеток “э” чи “ї”, мовби на те, щоб рядок краще стулявся графічно, - нехороші речі, тривожні, а коли ще згадати оті його підозрілі мігрені, од яких, хваливсь, непритомнів, бувало, то й геть кепська картина складається), – що ж тут заперечив, це гарне, похапне слівце – problems, воно означає і математичну задачу, і рак грудей, і втрату любови, в кожному випадку десь завше існує хтось, спроможний зарадити, професор, лікар, психоаналітик, - якщо, звичайно, маєте чим заплатити, а якщо не маєте, то вже якось поухайтайтеся, нашкреб'ть по засіках борошенця, нічого не відіси, життя – штука коштовна: оно Розі, Маркова дружина,*

сьомий рік поспіль вчащає до психоаналітика, два сеанси на тиждень, чого сердега Марк, кроткий гладкий школяр побільшеного формату, не бувши навіть повним професором, оплатити, звісно, негоден, так що від часу до часу, кількамисячними нападами, Розі – сорокарічна дівчинка, мати дорослої дочки, і така ж маленька, худенька, як горобчик (крутозадий горобчик із відьмацьки зрослими на переніссі бровами), незмінно чи то перестуджена, чи перегріта на сонці, чи принаймні перевтомлена (рука на чолі, як у колгоспної жниці, зігнана мокра грудочка “Клінексу” коло носа) змушена підшукувати собі якусь працю, і знаходить, і щось там робить місяць, і два, або навіть три, – і все на те, аби мати змогу й далі двічі на тиждень лягати на ту саму кананку й оповідати комусь, хто її слухає, яка вона нещаслива, – на шостий рік вони з Марком перестали трахатися, і це очевидне зрушення: тепер обоє скрегочуть зубами од абстиненції, сварки спалахують з голодним тріском, як добре підсушений хмиз, на кожний словесний доторк, і, схоже, доведеться збільшити число сеансів: *problems* є *problems*, і суспільство велить їх розв’язувати, згідно з чотирма арифметичними діями: дано *A*, дано *B*, їх можна додавати, множити, ділити, переставляти місцями, і все то в надії добути якусь третю величину, всепоглинаюче заняття! – десь у кінці задачника міститься відповідь, набрана петитом, маймо терпець, коли-небудь нам її покажуть (О.Забужко).

Такого типа предложения-высказывания принадлежат к сверхсложным образованиям и своей синтаксической организацией сигнализируют о собственной сверхсложности, особенностью которой является полиинформативность и поликомпонентность субъективной парадигмы, интеллектуальное насыщение, поскольку вставная конструкция

и структурно и семантически становится более объемной, чем ядерное предложение. Подобную вставность следует квалифицировать как бифуркативную, так как каждое из предложений (квазипредложений) существует самостоятельно, характеризуясь целиком завершенным информативным и собственным субъективным планом. Последнее сигнализирует о том, что в структуре предложения (использование в этом случае термина «предложение» является условным, так как в данном случае говорится о чрезвычайно объемных параметрах структуры предложения, в которой пересекаются закономерности союзного (сочиненного и подчиненного) и бессоюзного объединения частей) и показательными становится несколько информационных уровней. Сумма значений этих уровней не равна значению всего сверхдлинного предложения, поскольку в его структуре прослеживается своеобразное взаимодействие всех смыслов, вследствие чего создается содержательная амальгамность (ср. амальгамность смысловых отношений в предложениях типа *У лісі багато грибів – я не знайшла жодного* (наличие противительных и уступительных отношений образует особый тип противительно-уступительных отношений, доминирование из них какого-нибудь невозможно определить)). В таких сверхдлинных предложениях весьма сложно установить доминирование того или другого смыслового фона, хотя, вне всякого сомнения, объективный смысл, в определенном смысле, связанный с потоком сознательно направленных авторских раздумий, которые передаются сквозь призму лирического героя.

Вставные конструкции, ориентированные на воспроизведение полигамности раздумий автора и параллельно (возможно, даже одновременно) направленные на воссоздание ассоциаций, явившиеся мгновенно. Анализируемое

предложение, вне всякого сомнения, принадлежит к объемно полипредикатным и сверхдлинным и сигнализирует о чрезвычайно распространенной структуре, аккумулирующей разные типы семантических отношений между частями и репрезентирующей разнообразные синтаксические связи.

Вставные конструкции в семантическом плане взаимодействуют с содержанием всего высказывание, принимая участие в его общей коммуникативной задаче и соотносясь с содержанием ядрового предложения или отдельных его членов. Такое взаимодействие происходит прежде всего при условии синсемантической базовой структуры. Это в большинстве случаев местоименные наречия: *Зараз ви можете будь-коли приїхати у військову частину, де служить ваш син (а служит він тепер дома, в Україні, часто в своїй області, а то й районі), провідати його, поговорити* (Літературна Україна. – 1996. – 15.02), где вставная конструкция содержит довольно детальную информацию о месте пребывания субъекта действия, обозначенного в ядерной части малоинформативным обстоятельством *де*.

Современные украинские синтаксические инновации охватывают разнообразные тенденции аналитизма – грамматические, функциональные и отражают активное влияние устно-разговорного синтаксиса на книжный и основные закономерности лаконичности и сжатости речи. Вместе с тем ряд инновационных явлений представляет наглядные процессы экспрессивизации речи и направления видоизменения синтаксиса ряда функциональных стилей, который предопределяется: 1) активными процессами переоценки специфики речи предыдущего партийно-советского времени; 2) расширением спектра влияния средств массовой информации; 3) созданием новых сфер активного общения (избирательные

кампании, реклама и т.п.); 4) демократизацией речи; 5) активизацией тенденций реализации закона языковой экономии; 6) антропоморфным проявлением языка и актуализацией субъективно-оценочного начала в языке; 7) повышением роли и статуса аффективного в языке вообще и синтаксисе в частности.

IV.3. Типология украинских сложных синтаксических конструкций

Современные подходы к квалификации синтаксических явлений характеризуются неравноценностью и отчасти учетом разных аспектов таких образований, в частности формально-грамматического, семантико-синтаксического и коммуникативного. В лингвистике многокомпонентные предложения квалифицируются то как развернутые сложные предложения (Ю. Шерех [367]), то как усложненные сложные предложения (Л. Двонч [390], Г.Ф. Гаврилова [82]), то как сложные предложения усложненного типа (М.В. Симулик [299]), то как сложные предложения усложненного строения (М.У. Каранська [166]), то как многокомпонентные сложные предложения (Г.Ф. Калашникова [163], К.Ф. Шульжук [375; 370; 376]), то как многокомпонентные сложные предложения (Б.Н. Кулик [193]), то как сложные синтаксические конструкции (В.И. Кононенко [183]), то как сложные полипредикативные предложения (Г.П. Уханов [354], А.М. Стрельская [338]), то как многосложные предложения (Е.В. Падучева [248]).

Вместе с тем в ряде исследований утверждается, что такие термины являются «синонимическими, поскольку они (каждый по-своему) отображают какую-то отдельную особенность этих структур» [104, с. 5]. При этом констатируется, что предоставление предпочтения термину «усложненные сложные

предложения» мотивується тем, що останній найбільш точно «отражает суть понятия» и он болем последовательно закрепился в грамматической традиции [Там же, с. 5]. Подобное утверждение при всей его привлекательности оказывається не совсем корректным и требует своего углубления, поскольку все разнообразие так называемых сложных осложненных предложений в этом случае тяжело заключить в предложенную модель. Корректно и квалифицированно мотивированным представляється последовательное разграничение **сложных осложненных предложений** и **сложных синтаксических конструкций**. К сложным осложненным предложениям следует отнести сложные формально неэлементарные и семантически неэлементарные предложения нескольких разновидностей: 1) сложносочиненные предложения с тремя и больше предикативными частями, которые выступают структурно автономными: *А наді мною вечір жменями засіває зорі, а біля мене арфами бринять підморожені верби, а під ногами голубі тині бавляться з снігом* (М.Стельмах) – [], а [], а []; *Так, беремо ми в юності сурругу, проте її не знаємо тоді, І лиш в тривогах, втратах і біді На схилку днів пізнаємо в ній друга* (І.Кочерга) – [], проте [], і []; *І зашумує наша нива, І знову виросте наш дім, І пам'ятника бронза сива Засяє золотом новим* (М.Андрій) – І [], і [], і []; *Та тільки серце не кричало, Та тільки кроку не стачало, Та тільки сили не було* (А.Малишко) – Та [], та [], та []; 2) сложноподчиненные предложения с двумя и больше суподчиненными однородными предикативными частями: *Я світ сприймаю оком, бо лінію і цвіт люблю, бо рала промінні глибоко урізались в мою ріллю* (М.Драй-Хмара) – [], (бо...), (бо...); *Хотіла б я піснею стати У сюю хвилину ясну, Щоб вільно по світу літати, Щоб вітер розносив луку* (Леся Українка) – [], (цоб...), (цоб...); 3)

сложноподчиненные предложения с двумя и больше соподчиненными неоднородными предикативными частями: *Словники, що побачать світ згодом, внесуть до своїх списків ті слова, що народжуються на наших очах, пройдуть випробування життям і займуть своє місце в мові* (Н.Клименко) – [()], (*що...*), (...) і (...); 4) сложноподчиненные предложения с двумя и больше соподчиненными однородными и неоднородными предикативными частями, то есть с соподчиненностью смешанного типа: *Естетика імені передбачає не лише розмаїття, красу їх звукової оболонки, багатство похідних варіантів, якими можна висловити ніжність до своїх дітей, а й те, як поєднуються обране ім'я з батьківським, як пасує до прізвища* (Л.Скрипник) – [], (*якими...*), (*як...*), (*як...*); *Щоб там не було, які б не були зараз чи в майбутньому труднощі, яким би несподіваним і підступним не був ворожий удар, ніколи ворогу не перемогти нас, ніколи!* (О.Довженко) – (*Щоб...*), (*які...*), (*яким...*), []; 5) сложноподчиненные предложения с несколькими подчиненными предикативными частями, соединенными с главной частью последовательно: *Думою тугу розвію, щоб був я завжди такий, яким мене мати вродила й благословила в світі* (В.Стус) – [], (*щоб...*), (*яким...*); *На світі ще не народився кат, щоб душу вбив, хоч може вбити тіло...* (В.Лучук) – [], (*щоб...*), (*хоч...*); 6) сложноподчиненные предложения с однородным одночленным соподчинением и последовательным подчинением: *Нехай не знає втоми та рука, Що добре зерно в добру землю сіє, Що зневажає чорні суховії І щедра, як напровесні ріка* (М.Рильський) – [], (*що...*), (*що...*), (*як...*); *Хочеш знати, чим справді було те, що так колись пишино цвіло, що на серце наводило чари...* (Леся Українка) – [], (*чим...*), (*що...*), (*що...*).

В современной лингвистической науке существует квалификация сложноподчиненных предложений с разными типами подчиненности (однородной, неоднородной, последовательной – в разных их объединениях) как **контаминированных сложноподчиненных многокомпонентных предложений** [375; 178]. Упротребление термина «который возник вследствие контаминации» относительно сложноподчиненных многокомпонентных предложений, в которых объединяются разные виды соподчинения и последовательной подчиненности, считаем не совсем удачным, так как он точно не отражает их сущность, ведь в этих предложениях имеем не внутреннее взаимодействие разных видов соподчинения с последовательной подчиненностью, которая порождает новую сложную синтаксическую конструкцию, а лишь механическое объединение этих видов подчиненности. Логически было бы эту разновидность сложноподчиненных многокомпонентных предложений квалифицировать как сложноподчиненные многокомпонентные предложения смешанного типа по сравнению со сложноподчиненными многокомпонентными предложениями с однородным соподчинением, сложноподчиненными многокомпонентными предложениями с неоднородным соподчинением и сложноподчиненными многокомпонентными предложениями с последовательной подчиненностью» [178, с. 4]. Несмотря на приведенные убедительные аргументы, автор пользуется в дальнейшем устоявшимся термином «контаминированные сложноподчиненные многокомпонентные предложения» для обозначения: 1) сложноподчиненных предложений с однородным и неоднородным соподчинением – двойным соподчинением (*Як тільки я побачив вас у Журбанах, як тільки*

почув ваш голос, вашу пісню, я почув душею, що вже вас ніколи не забуду (І.Нечуй-Левицький) – (як...), (як...), [], (що...)); 2) складноподчинених пропозицій з послідовною підпорядковістю і однорідним соподпорядкуванням (*Він добре знав, як кілька років тому загинув Пушкін, як подбали про те, щоб збутися Лермонтова* (Л.Смілянський) – [], (як...), (як...), (щоб...)); 3) складноподчинених пропозицій з послідовною підпорядковістю і неоднорідним соподпорядкуванням: *Ще є портрет, що малював Брюллов не для того, щоб однести в музей, а щоб Тараса-кріпака звільнить з оков, щоб слово розкувати землі своєї* (Д.Павличко) – [], (що...), (щоб...), (щоб...), (щоб...); 4) складноподчинених пропозицій з подвійним соподпорядкуванням і послідовною підпорядковістю: *Немов підтверджуючи те, що сказав юнак, він сказав, що розпочалася війна із германом і треба копати щілини, щоб рятуватися від бомб* (П.Гуріненко) – [(що...)], (що...) і (що...), к которым следует также прибавить 5) складноподчинених пропозицій з неоднорідним соподпорядкуванням і послідовною підпорядковістю: *То підходив до матері, яка вже встигла помити ложки після обіду і приготувати все необхідне на полудень в полі, то чіплявся до Христі, яка, на його думку, „поралась як сонна”, то виходив на подвір'я, щоб подивитись, як батько з Карпом лагодять воза* (А.Іщук) – [(яка...), (яка...), (яка...)]; 6) складноподчинених пропозицій з послідовною підпорядковістю і подвійним соподпорядкуванням: *Ніхто не міг передбачити, що може, найбільша удача випала вайлуватому Байдарному, бо коли настала розруха, то виявилось, що панське зерно давно з'їдено, хомути спірили, телицю одібрали, а маленький діамант, вправлений у кістяну ручку, лишився таким же гострим, а головне необхідним, як і раніше* (М.Чабанівський) – [], (що...), (бо (коли...)...), (що...), (...),

(...), а (...), (як...); 7) сложносочиненных предложений с однородным соподчинением и последовательным подчинением: *Раптом ти відчуваси, що ніхто не може тебе стримати у твоєму вигадництві, ні час, ні простір для тебе не існують, а вже про звичайні земні перешкоди, про той світ умовностей, забобонів, химер, яким оточують себе люди, тут навіть мови не може бути* (П.Загребельний) – [], (що...), (...), (...(яким...)).

Дифференциация сложноподчиненных многокомпонентных предложений иногда основывается на размежевании трех центральных моделей (сложноподчиненные предложения с неоднородным соподчинением, сложноподчиненные предложения с однородным соподчинением, сложноподчиненные предложения с последовательной подчиненностью), составляющих ядро этих образований, а к периферийным моделям сложноподчиненных многокомпонентных структур принадлежат такие, в которых «по-разному комбинируются однородное соподчинение, неоднородное соподчинение и последовательная подчиненность» [371, с. 67, 82 и дальше]. При этом обязательно учитывается линейная специфика внутрипредложенческого проявления однородного, неоднородного соподчинения и последовательной подчиненности, т.е. препозиция, интерпозиция и постпозиция подчиненных предикативных частей, поскольку к контаминированным (лат. *contaminatio* – столкновение, смешивание) структурам «принадлежат такие, в которых по-разному комбинируются однородное соподчинение, неоднородное соподчинение и последовательное соподчинение» [372, с. 323], что разрешает причислить к таким предложениям: а) предложение с неоднородным соподчинением и последовательным соподчинением; б) с последовательной подчиненностью и неоднородным соподчинением; в) с

однородным соподчинением и последовательной подчиненностью; г) с последовательной подчиненностью и однородным соподчинением; г) с двойным соподчинением и последовательным соподчинением; д) с последовательной подчиненностью и двойным соподчинением [Там же, с.323-324 и дальше]. Очевидно, в этом плане существенным является размежевание сложных осложненных предложений и сложных синтаксических конструкций. Последние в значительной мере приближенные к периоду и в функционально-стилистическом плане иногда их статус совпадает с нагрузкой сложных осложненных предложений. В формально-грамматическом плане эти две разновидности синтаксических образований последовательно дифференцированы.

Размежевание сложных осложненных предложений (или сложных многокомпонентных предложений – в данном случае такие термины абсолютно справедливо можно считать синонимичными, поскольку при квалификации подобного типа образований как *сложных осложненных предложений* во внимание берется осложнение линейности предложения, а при аргументации их как *сложных многокомпонентных предложений* за основу принимается количество внутрипредложенческих предикативных частей: три и больше дают основания к квалификации сложного предложения как многокомпонентного) и сложных синтаксических конструкций основывается на: 1) учете особенностей форм синтаксической связи, имеющих между предикативными частями; 2) анализе семантико-синтаксических отношений между предикативными частями; 3) рассмотрении коммуникативной автономности / неавтономности предикативных частей; 4) исследовании наличия / отсутствия компонентов сложных образований, которые структурируются двумя и больше предикативными

частями; 5) установлении базовых и производных моделей таких единиц.

К **сложным осложненным предложениям** принадлежат такие, которые структурируются одним типом синтаксической связи в разных синтаксических формах ее проявления, ср.: *Якщо не можна вітер змалювати, прозорий вітер на ясному тлі, – змалюй дуби, могутні і крилаті, котрі од вітру гнуться до землі* (Л.Костенко). В этом случае в сложноподчиненном предложении ((*якщо...*), – [], (*котрі...*)) реализуется синтаксическая подчинительная детерминантная связь на уровне предложения (синтаксическая форма является собственно детерминантной) между (*якщо...*), – [] и синтаксическая подчинительная присловная связь на уровне предложения (синтаксическая форма собственно присловная) между [], (*котрі...*); *Так їй потім розказувала мати, як запам'ятала собі з першої хвили, з першого крику викинутої над собою аж під сволок чиймись моцними руками дитини, на яку дивилася знизу вгору, нездужаючи скліпувати сліз, – на трохи зависокому як для дівчини, опукло-буцатенькому лобику виразно темнів збоку невеличкий багрянний сертик, наче місяць-недобір* (О.Забужко). В этом случае реализуется ([], (*як...*), (*на яку...*), – (...), (*наче...*)) між [], (*як...*) синтаксическая подчинительная детерминантная связь на уровне предложения (синтаксическая форма является собственно детерминантной), а между (*як...*), (*на яку...*) реализуется синтаксическая подчинительная присловная связь на уровне предложения (синтаксическая форма является собственно присловной), а между (...), (*наче..*) имеется синтаксическая подчинительная детерминантная связь на уровне предложения (синтаксическая форма является собственно детерминантной).

Сложными синтаксическими конструкциями являются такие образования, в которых объединяются: 1) сочинительная и подчинительная синтаксические связи; 2) сочинительная и недифференцированная синтаксические связи; 3) подчинительная и недифференцированная синтаксические связи; 4) сочинительная, подчинительная и недифференцированная синтаксические связи: *Тоді дяк і побачив Змія, Змія, котрий виповзав, можливо, з нього, із того диму, що його напустив, чи із ним, через рота, носа, вуха та очі, а може, той Змій тут, біля дяка, ще не був, а тільки ставав собою, злотований і отінений срібним промінням, котре не раз робить із рідкого густе й навпаки, з густого повзуче, а може, той Змій починався і не з нього, дяка, а з тих сіл на Поділлі та Волині, бо саме тоді вповз йому в пазуху та й грівся до часу, стаючи часом тугою, відчасм, а інколи розпалюючись у холодну ватру, яка від себе запалювала душу, як іскра солону* (В.Шевчук). В этом случае ([], (котрий...), (що...), а [], а [], (котре...), а [], а [], (бо...), (яка...)) реализуется синтаксическая подчинительная присловная связь на уровне предложения (синтаксическая форма является собственно присловной) между [], (котрий); (котрий...), (що...); [], (котре...); [], (бо...), (яка...), а між [], (бо...) – синтаксическа подчинительная детерминантная связь на уровне предложения (синтаксическая форма является собственно детерминантной), главные же части объединены сочинительной связью [], (котрий...), (що...), а [], а [], (котре...), а [], а [], между которыми реализуются сопоставительные (неконтрастные) отношения. Вместе с тем в структуре анализируемой сложной синтаксической конструкции выделяются: первый компонент (*Тоді дяк і побачив Змія, Змія, котрий виповзав, можливо, з нього, із того диму, що його напустив, чи із ним, через рота,*

носа, вуха та очі, а може, той Змій тут, біля дяка, ще не був, а тільки ставав собою, злютований і отінений срібним промінням, котре не раз робить із рідкого густе й навпаки, з густого повзуче – [], (котрий...), (що...), а [], а [], (котре...), и второй компонент (а може, той Змій починався і не з нього, дяка, а з тих сіл на Поділлі та Волині, бо саме тоді вповз йому в пазуху та й грівся до часу, стаючи часом тугою, відчасм, а інколи розпалюючись у холодну ватру, яка від себе запалювала душу, як іскра соломі – а [], а [], (бо...), (яка...)). В данном случае такое выделение компонентов удостоверяет их внутреннюю структурированность и относительную семантическую завершенность. В связи с этим следует привести утверждение М.И. Фурдуй, которая подчеркивает, что «Сложная синтаксическая конструкция – это предложение с разнотипной грамматической связью между предикативными частями» [342, с. 357], все остальные сложные предложения с несколькими предикативными частями, объединенными однотипной синтаксической связью, квалифицируются как многочленные соответственно: многочленные предложения с сочинительной связью, многочленные предложения с бессоюзной связью, многочленные сложноподчиненные предложения [Там же, с. 357]). Правда, здесь следует подчеркнуть также и то, что требует существенного уточнения вопроса о предложении с разными формами подчинительной синтаксической связи типа «подчинительная присловная + подчинительная детерминантная». Очевидно, подобные проявления следует отнести к переходным формам, которые находятся на границе между сложными многокомпонентными предложениями и сложными синтаксическими конструкциями, поскольку проявление подчиненной присловной может быть **сильным** и **слабым**. Размежевание **сильного** и **слабого**

проявлений подчинительной присловной связи основывается на закономерностях регулярной / нерегулярной репрезентации подчинительной предикативной части. Поэтому сильной является такая подчинительная присловная синтаксическая связь, при которой наличие подчинительной предикативной части обусловлена активной валентностью опорного слова (*побачити, почути, мислити, говорити* і т.ін.) или антицедентным статусом последнего (*той, та, те, ті, там, туди, звідти* и др.). Такие образования практически не подлежат парцелляции, что удостоверяет стойкость их моделей и отражает смысловую зависимость подчиненной части от главной: *Вона (Унікум) добре розуміє, як важко розторсати цього ведмедя (М. Хвильовий). І хто його зна, яку думу дума чумацький отаман в степу серед ночі? (М. Коцюбинський). Де нема святої волі, не буде там добра ніколи... (Т. Шевченко). Хочеться розправити крила і полетіти-полетіти аж ген туди, де мріють сиві обрії понад лісами та лугами (В. Речмедін). Не в людях зло, а в путях тих, котрі незримими вузлами скрутили сильних і слабих з їх мукою і їх ділами (І. Франко). Хто цурається рідної мови, той у саме серце ранив свій народ! (І. Огієнко).* Одиночные случаи парцелляции типа *Саме тоді хлопчиків пригадалося. Що ще в роки війни він зустрічав цю людину і тоді її боявся якимсь невідомим для нього чуттям страху (М. Стельмах)* принадлежат к специфическим проявлениям обретения глаголом абсолютной семантики, а подчиненная часть становится, как отдельная картина, воспринятая ландшафтно и статически.

Слабым проявлением подчиненной присловной связи является такая, при которой наличие подчиненной предикативной части не влияет ни на семантическое совершенство главной вообще, ни ее отдельных компонентов в

частности: *Для військового ж керівництва монголів битва над Калкою стала корисною операцією, сказати б, глибокої (стратегічної) розвідки, що дала, певно, цінний матеріал для опрацювання головного плану походу* (Є. Маланюк). *Я не можу назвати імені жодного українського поета, який би не відчував на своєму чолі дотику гарячої долоні Тараса Григоровича* (М. Рильський). Сложноподчиненные предложения со слабой подчиненной присловной синтаксической связью иногда испытывают парцелляцию при специфических стилистических условиях и образовании двух равнозначно направленных центростремительных внутритекстовых направлений: *А якщо згадувати, так пошти що й нічого – одне й те ж кожен день: лісопвал і лісопвал: в холод, у хуртовину вали і вали сосни ті нескінченні. Яким кінця-краю нема й не жди, як і тим планам, які спускали нам ізгори* (Б. Жолдак).

Вопрос о статусе, структуре и семантике сложных синтаксических конструкций в украинской лингвистике имеет длительную историю, поскольку в языке самыми частотными являются союзные сложносочиненные, союзные сложноподчиненные и бессоюзные сложные предложения не в абсолютном измерении, а в большей частью через объединение в одной сложной структуре разных синтаксических связей и разнообразных их проявлений – союзных и бессоюзных. В грамматиках XIX столетия они рассматривались, как правило, в соответствующих разделах союзных и / или бессоюзных с акцентом на их особом стилистическом статусе. Показательна в этом плане мысль В.Симовича, который подчеркивает, что «Длинное сложное предложение, но такое, что в нем содержание полное и мысль законченная, называея **периодом**. Вот такой период: *Мов тур, готуючись до нападу, стане й голову вниз похилить і роги до землі згинає і стишить ся, щоб опісля разом*

вирватись із того приниженого положення й кинути ся з цілою силою на противника, || **так і** непривична до пуг вода тухольського потоку притишила ся, а, тимчасом, набирала сили і смілості до нового рішучого нападу” (Франко)” [302, с. 440], обращая внимание в дальнейшем на соответствующие смысловые разновидности периодов (сравнительные, условные, уступительные, времени, причины, противительные, относительные). Вместе с тем констатировано, что по своей структуре периоды дифференцируются на «двучленные» (*Новий гетьман [Виговський] був цілою головою вищий від Юрася, був чоловік дуже досвідчений, розумний, бувалий, некепський політик, при тому без сумніву – патріот український, завзятий автономіст, одностудець старшини, що разом із нею бажав забезпечити свободу й незайманість України, || але він не мав популярності такої, як Хмельницький: був він український шляхтич із київського Полісся, служив по канцеляріях, до військового діла не мав особливої охоти й до війська попав припадком* (М. Грушевський); «трехчленные», в которых каждая часть может порой состоять из нескольких «равнозначных членов-предложений», если последних насчитывается три, то перед нами «трехчленный» период (*Хто в посестру взяв тяжку недолю, що давить серце, як відьма коцава, хто вражій нужді попав ся в неволю, кому з журбами сон і забава, || тому ніт (= нема) місця, ані супокою, сам нудить світом, нудить і собою* (Маркіян Шашкевич)); «четирехчленные» (*Коли весна рожєва прилетить і землю всю збере і завітчас, коли зелений гай ласкаво зашумить і стомлено заспіває, коли весні зрадіє світ увесь і заблищить в щасливій долі, і [коли] ти одна в квітках, і травах, в полі десь, серед весни, краси і волі не зможеш більше серця зупинить, що в грудях буде битись, мов шалене, і скрикнеш, || знай: не доходить*

уже той скрик тоді до мене (Олескандр Олесь)); «многочленные», среди которых лингвист рассматривает только «пятичленные» (*В сам час, коли неправда люта найвище голову здійма, в сам час, коли народні пута найдужче тиснуть, і [коли] закута народна мисль мовчить німа, [коли] довкола найтемніша тьма, [коли] надії й провітку нема, || в той час якраз ви не теряйте надії й твердо тес знайте, що в груз розсиплет ся тюрма, неправді й злу не потурайте, в зневірі рук не покладайте, і увільните ся з ярма* (Франко)) [Там же, с. 443 – 444]. С. Смеречинский рассматривает сложные синтаксические конструкции из предложений с асиндетоном и асиндетоном [312, с. 191 – 218], вследствие чего возникает проблема соотношения сложных синтаксических конструкций и периода, но она может быть прокомментирована в сугубо стилистическом измерении.

Сам спектр украинских синтаксических конструкций настолько разнообразный, что иногда определенная схема сложных синтаксических целых не удовлетворяет практических нужд, поскольку в их структуре объединяются как соизмеримые и равноправные разные синтаксические связи, так и не соизмеримые и не равноправные синтаксические связи. Специфика объединения таких синтаксических связей делает возможным разграничение таких основных типов сложных синтаксических конструкций:

1) сложные синтаксические конструкции с сочинительной и подчинительной связью на уровне предложения в разных грамматических формах проявления: *Дяк із приміського села Троянів Григорій Комарницький, саме той, котрий створив пісню про бідаху комара, що оженився на мусі, а опісля необачно звалився з дуба, бо його здула звітіля шуря-буря, сидів на порозі школи, поклавши на виставлене коліно правого ліктя, а*

в долоню втуливши власне підборіддя; при цьому ріденька борідка його (а ріденька тому, що був іще молодий) так покуйовдилася, що волосини чи позліплювалися, чи поспліталися, а з-під шапки-оглавки вибивалися давно немиті, схожі на солому, косми; ліва рука його тримала люльку, з якої вививалося тоненьке пасмочко; і та рука вряди-годи та й підносила кушпелку до сухих, трохи полуцених вуст, які скакали раз-пораз, але диму з рота дяк Григорій Комарницький випускав мало, мав-бо здатність, як ніхто в цьому краї, - міг випускати дим вухами та очима, хоча трошки вивіювалося з нього й носом, через що, коли палив люлечку, то голова його потрапляла у димову кулю, яка ніжно огортала ту макітерку, формою банякувату (В. Шевчук. Одмінець) – [той, (котрий...), (що), а(...), (бо)]; при цьому [...так], (що), а [...]; [...], (з якої...); і [...], (які), але [...], [...], (як...), (хоча), (через що (коли)то...), (яка...).

В аналізованій конструкції реалізується три формально-грамматических і семантико-синтаксических блока, из которых второй блок, начинающийся аналитическим словосочетанием *при цьому (при цьому ріденька борідка його (а ріденька тому, що був іще молодий) так покуйовдилася, що волосини чи позліплювалися, чи поспліталися, а з-під шапки-оглавки вибивалися давно немиті, схожі на солому, косми)*, может быть охарактеризован как относительно автономный, поскольку присоединительная синтаксическая связь, репрезентованная аналитическим словосочетанием *при цьому*, характеризует этот блок как сочинительный относительно предыдущего, но наличие относительно законченного интонирования (на это направлено использование точки с запятой) удостоверяет относительную изолированность первой и второй частей. Такой тип синтаксической конструкции принадлежит к сложным синтаксическим конструкциям с союзной и бессоюзной

сочиненностью, они являются частотными в литературно-нормативной практике XIX-XX столетий, ср. также: *Море било і гризло його, як прибережну скелю; він став шорсткий, як губка, просолився, наче канат, але душа голубіє у нього, як море в годину і очі ховають проміння сонця* (М. Коцюбинський) – [], (як...); [], (як...), [], (наче...), [], (як...); ср. також: *Тоді дяк і побачив Змія, Змія, котрий виповзав, можливо, з нього, із того диму, що його напустив, чи із ним, через рота, носа, вуха та очі, а може, той Змій тут, біля дяка, ще не був, а тільки ставав собою, злотований і отінений срібним промінням, котре не раз робить із рідкого густе й навпаки, з густого повзуче, а може, той Змій починався і не з нього, дяка, а з тих сіл на Поділлі та Волині, бо саме тоді вповз йому в пазуху та й грівся до часу, стаючи часом тугою, відчасм, а інколи розпалюючись у холодну ватру, яка від себе запалювала душу, як іскра солону* (В. Шевчук) – [], (котрий...), (що...), а [], а [], (котре...), а [], а [], (бо...), (яка...).

Анализируемая сложная синтаксическая конструкция, структурированная сочинительной и подчинительной связями, является особой, поскольку в этом случае сочиненность предусматривает структурную автономность объединяемых частей, а подчиненность в каждом случае прогнозирует образование целостных смысловых плоскостей хода действия или проявления состояния. Последнее наиболее ярко прослеживается в структурах с предвиденной формой проявления подчинительной части, ср.: *...а може, той Змій починався і не з нього, дяка, а з тих сіл на Поділлі та Волині, бо саме тоді вповз йому в пазуху та й грівся до часу, стаючи часом тугою, відчасм, а інколи розпалюючись у холодну ватру, яка від себе запалювала душу, як іскра солону*. В этой модели сочинительный союз характеризуется категориальной

семантикой симметричной темпоральности и формы глаголов-сказуемых в объединяемых предикативных частях репрезентируют одновременность с гипотетическим проявлением одной из очерченных ситуаций, на что и ориентированна первичная семантика сопоставительности союза **a**;

2) сложные синтаксические конструкции с недифференцированной и подчинительной синтаксическими связями на уровне предложения в разных грамматических формах проявления (при этом надо учитывать то, что варьироваться могут не только формально-грамматические типы, но и специфика семантико-синтаксических отношений между предикативными частями): *Дяк Григорій Комарницький, саме той, який написав славутню пісню про комара, котрого здув із дуба порив шурі-бурі, і який перед тим нещасливо оженився на мусі, пішов, як-то кажуть, у казках, туди – не знати куди, бо й справді не відав, куди в цьому світі подітися, адже не раз і не двічі обікся об того ж полуменя, бо ще коли дякував у попередніх, пташиних, як називав, селах, то і звідти змушений був так само тікати* (В. Шевчук) – [*той* (який...), (котрого...), *і* (який...)] – [], (бо...), (куди...), (адже...), (бо... (коли...)). В этой модели реализуются синтаксические формы подчинительной присловной (между главной частью *Дяк Григорій Комарницький, саме той ... пішов, як-то кажуть, у казках, туди*) и тремя подчинительными, из которых первая является подчинительной присловно-корреляционной (*той – який: який написав славутню пісню про комара*), а две других являются соподчиненными присубстантивно-атрибутивными частями, придавая разнообразную характеристику опорного слова «комар» и присоединяясь к нему формой подчинительной присловной синтаксической связью (*котрого здув із дуба порив*

шурі-бурі, і який перед тим нещасливо оженився на мусі). Все три подчиненные предикативные части находятся в интерпозиции относительно главной, что предопределяет активизацию центробежных внутрипредложенческих тенденций. На это направлено и наличие вставной конструкции *як-то кажуть, у казках*, присоединенной к предложению интродуктивной синтаксической связью. Эта часть относительно изолирует валентно обусловленный компонент *туди* от глагола *пішов*. Вторая главная часть *не знати куди* присоединяется к первой недифференцированной синтаксической связью и все другие подчинительные предикативные части образуют, начиная от первой степени зависимости с ней, цепь последовательной подчиненности четырех степеней соответственно. В данном случае сложная синтаксическая конструкция содержит две ядерных синтаксических связи – недифференцированную и подчинительную в двух синтаксических формах проявления: присловной и детерминантной;

3) сложные синтаксические конструкции с последовательным проявлением недифференцированной, сочинительной и подчинительной синтаксических связей на уровне предложения, которые репрезентируются в разных грамматических формах, ср.: *І дяк кволо подумав: єдиний, хто міг би зупинити зараз, - собака, який би зайнявся на чужого та й прогнав би його з обійстя з гавкотом, і він би залюбки від того охоронця цноти господині обійстя утік, але собака, коли в тому дворі й був, надто міцно спав, снячи солодкі собачі сни, а може, був привчений не виганяти із двору тих, кого приваблює сюди його люба господиня* (В. Шевчук) – []: [(хто...)], (який...), і [], але [(коли...)], а [], (кого...). *І він (дяк – А.З.) повільно побрів порожньою сільською вулицею, густо синьо-біло засніченою місячним сяйвом; у голові ще гуляли зелені вітри від витпотої*

сивухи, а переобтяжений живіт нагадував оброслого зіллям чи водяним лишайником каменя в тихій річці, який більше тяжив і вадив, аніж усолоджував; і омивала його лице вода тієї річечки, схожої на молочну з кисіль ними берегами; і губи його були гірко заквашені, адже не міг не згадати: таке вже з ним було, ще на Поділлі, у селі Воронині (В. Шевчук) – []; [], а [], (який...), і []; і [], (адже...): []. Але ця мудрасна жіночка не врахувала однієї речі, якої не могла знати, незважаючи на свою кебетливість: саме в той мент, коли вигулькнула зі свого двору із жупанцем під пахвою, дяк Григорій Комарницький невідь-чому випустив дим не лише ротом та носом, а й очима та вухами, а коли це траплялося, то мозок його не лише обкурювався, а більше прочищався, очі ж здобували здатність бачити те, чого звичайні люди не видять, і ті пильні очі вмить засікли Гапку із жупанцем під пахвою, коли та спинилася загадана: йти повз школу чи не йти? (В. Шевчук) – [], (якої...): [(коли...),], а (коли...), [], а [], [], (чого...), і [], (коли...): []? Але й до управи не пішла, бо дорогою зупинилася ще раз, - стрілила їй до голови думка, що сільський отаман ще напевне у власному обійсті, а обійстя те було від школи та дяка на танку з протилежного боку – це давало Гапці немалу перевагу, що зрозумів і Комарницький: так нівіки її не дожене (В. Шевчук) – [], (бо...), – [], (що...), а [] – [], (що...): [].

Спектр моделей українських складних синтаксических конструкцій нельзя ограничить только кругом трех основных разновидностей, которые в пределах речи приобретают разнообразные собственные модификации и осложнения. К числу последних следует отнести:

а) наличие разных форм подчиненности – однородной и неоднородной в объединении со связью на уровне предложения с сочиненностью: *І саме в цей час, коли пролунали ці*

сакраментальні слова, на шкільному танку в недалекому селі дяк Григорій Комарницький пустив вибраний із люльки дим через ніздрі, вуха та очі, але не через рота, бо стулив його, і не для того, аби щось комусь затуманити, а щоб любо помріяти, адже був поетом, а поети, які не вміють мріяти, скудять свою віриотворну жилу, чого дяк покищо й не збирався чинити, та ж бо його вірші, певною мірою, годували його й сиріт-школярів, котрі в школі жили (В. Шевчук) – [(коли...)], (бо...) і (...), (аби...), а (щоб...), (адже...), а [(які...)], (чого...), (бо...), (котрі...);

б) реализацию последовательной подчиненности в паре со связью на уровне предложения с сочиненностью: *І кожна мить, що минула в цій школі, де сьогодні мало що й змінилося від тих пір, наповнювала серце тривожними думками, що наче були завжди в душі, яку не так легко обманути* (Голос України. – 2001. – 14 вересня) – [], (що...), (де...), а [], (що...), (яку...);

в) объединение недифференцированной синтаксической связи с последовательной несколькоступенчатой подчиненностью, соподчинением и сочиненностью: *А неподалік,десь за дві хати, за зачиненими дверима і заслоненими вікнами відбувалося друге дійство, яке вже ніхто не міг підглянути, бо до хати не залишалося ані шпарини, хіба мав би хтось із підглядачів занадто шорохкі вуха, тоді тільки й міг почути якесь увихання, цмакіт, тихі стогони, і смішець, і гарячі пошепти, і рип ложка, і всяке таке – саме той набір звуків, які здолає розрізнити кожен, навіть нічого не бачачи, бо кожен дорослий подібне створює – у таких справах люди на вигадки небагаті, однак, не зважаючи на те, на подібні речі зваблюються, навіть панотець, але не лиховістна Гапка, бо з нею колись у такому ділі трапилося нещастя: її надто гарячий чоловік Гнат одубів, граючи таку музику, і вона, Гапка, тоді*

пережила такий жах, що вже другого чоловіка ніколи не шукала, а потім і в дійшлий вік переступила, однак навіки залишилася палким ворогом усякої скарєдності та невшєтєцтва і боролєся на терєні власного села з таким неподобством як тїльки могла; зрєштою, і її ворожнєча з Явдохою постала, бо добре вїдала: та закликаєс чи приваблюєс до себе коханцїв, але скїльки вона, Гапка, її не вистєжувала, щасливого скутку досягти не змогла і щє нї разу не заскочила Явдоху на гарячому – ось чому була така непємїрно збуджена, коли знайшла дякового жупанця, вїдтак і торохкотїла про те, мов навїзєна, бо таки вельми хотїла прищємити тїй лахудрї, фїндюрцї, повїйницї, скурвїй дочцї її шолудивого хвоста, а що хвїст у Явдохи був, Гапка була бїльш нїж переконана, хоча жодєн із Явдошиних коханцїв (пїдозрюваних, звїсно, а не явних) та й чоловік її Иван Пошивайло тїєї фїзїологїчної признаки в нїй через любаснє захоплення і заслїплення не помїчали, а може, не хотїли того розголошувати, бо дуже вже гаряча була та жїночка, тож чи до намацування хвоста було її зальотникам (В. Шевчук) – [], (якє...), (бо...), (хїба...), [], (якї...), (бо...) – [], однак [], (бо...): [] і [], (щє...), а [], однак []; [], (бо...): [], але [], (...) і (...) – [], (коли...), [], (бо...), (щє...), [], (хоча...), а (...), (бо...), []; І всї так заслухалися її плавкої та розумної мови, що знову порозкривали роти, навїть паньматка не витримала за дверима і ширше їх вїдчинила; увїч задоволений тим одкриттям був і панотець, який аж бороду собї пригладив, а дяк Григорїй Комарницький позирнув на Явдоху широкими і щасливими очима; тїльки пономар сидїв пригнїчений, змалїлий і, здалєся дякові, з прогризєною головою, адже Явдоха увїч призналася, що не раз ту голову гризла, й дивився з-пїд лоба чорним, а трохи й морочним поглядом (В. Шевчук) – [], (щє...), (навїть...); [], (який...), а []; [(адже...), (щє...),]. Очеvidно, в предєлах

данной разновидности сложных синтаксических конструкций следует также последовательно дифференцировать разновидности по линейности проявления синтаксических связей, количеством подчинительных предикативных частей и их разновидностям – последовательной подчиненностью, соподчинением и т.п. В каждом из таких образований имеется собственная специфика объединения частей, ср.: *І коли переступив поріг Насті Гноїхи, то побачив, що її покій густо залитий світлом великої кількості свічок, а стіл заставлений найдками, а за столом сидять сороко подібні жінки, які на його появу радісно заскрекотали, а назустріч йому, як пава, виступила Настя Гноїха і розцілувалася з ним по-християнському, а тоді всі сіли за стола, на чолі якого побіч виструнчилися дяк із Настею, і Настя проголосила заручини, відтак усі почали галасливо їсти й пити, дяк не відставав від інших, а коли підпив, йому здалося, що і в його голосі почали з'являтися сорочі нотки і що ще трохи, він і сам осорочиться; через це, бувши наповнений найдками й питвом, тихенько шепнув Насті, що хоче до вітру, на що вона, підпила бувши, легковажно згодилася, але своїм гноячим розумом не збагнула, що зрозуміла дякове слово „до вітру” зовсім не так, як він, отож дяк спокійно похилитався до танка, там постояв, очевидно, виглядаючи того вітру, а може, й закликаючи, а коли той і справді з'явився, дав із того села стрекала такого прудкого, що чати, які засіли довкола, не вкмітили його відходу чи, властиво, відльоту на вітрових крилах, а може, простісінько позасинали, також бувши на таку урочисту нагоду підхмелені (В. Шевчук) – (коли...), [], (що...), а (...), а (...), (які...), а (...) і (...), а [], (якого...), і [], [], [], а [(коли...)], (що...) і (що...); [], (що...), (на що...), але [], (що...), (як...), отож [], [], а [(коли...)], (що... (які...)) – в пределах данной*

сложной синтаксической конструкции от первой главной части (*то побачив*) зависят шесть подчиненных частей, из которых одна препозитивная, а пять – постпозитивные (четыре предикативных части выступают соподчиненными, третья часть содержит собственно подчинительную часть (*які на його появу радісно заскрекотали*). Далее сложная синтаксическая конструкция структурируется сочинительной связью, которая обеспечивает объединение пяти предикативных частей, при этом одна содержит постпозитивную (*а тоді всі сіли за стола, на чолі якого побіч виструнчилися дяк із Настею*), а одна – интерпозитивную и две постпозитивные части (*а коли підпив, йому здалося, що і в його голосі почали з'являтися сорочі нотки і що це трохи, він і сам осорочиться*). Далее сложная синтаксическая конструкция разворачивается недифференцированной синтаксической связью с четким семантическим очерчиванием причинности, на что указывает постцедент *через це*, и следствия – элемент *отож*. Второй компонент сложной синтаксической конструкции отделен точкой с запятой и содержит в себе дифференцированные причину и следствие. Причина репрезентируется двумя главными частями (*через це, будиши наповнений наїдками й питвом, тихенько шепнув Насті, що хоче до вітру, на що вона, підпила будиши, легковажно згодилася, але своїм гноячим розумом не збагнула, що зрозуміла дякове слово „до вітру” зовсім не так, як він*), при первой главной части выступает подчиненная присловная (*що хоче до вітру*) и подчиненная детерминантная (*на що вона, підпила будиши, легковажно згодилася*), вторая главная часть (*але своїм гноячим розумом не збагнула*) также содержит подчиненную присловную (*зрозуміла дякове слово „до вітру” зовсім не так*), антецедент *так* коррелирует с союзным словом *як*, присоединяющем неполную

подчинительную часть (як він). Именно поэтому оказывается целиком правомерным установление исчерпывающего списка моделей сложных синтаксических синтаксических конструкций. Ср. также: *Не сказав нічого ані завтра, ані післязавтра, ані через тиждень, ані через місяць, хоча часом на тому-таки ложі таки опинявся, і завжди ніби не зі своєї волі, а коли виходив звідти, то ніби перетворювався на комара, відтак із комара на зайця, і закликав себе, і просив, і зарікався більше того порога не переступати, адже що більше до того чортівського шинку ходив, то більше затруювався, відтак ніби переставав бути собою, бо жінка вимагала, аби все чинив так, як її покійничок, отож і він, дяк, ніби відчував себе небіжчиком, стаючи поступово собі таки неподібним, а може, неподобним, але коли заходила мова, щоб перетворився на покійничка цілком, тобто щоб оженився із Хвенною, языка щоразу дякові заклинювало між зубів, і він, Григорій Комарницький, хоч би й хотів, але ніяк не міг тим язиком зволадати (В. Шевчук) – [], (хоча...), а то [(коли...)], [], (адже (що...)), (...), (бо...), (аби...), (як...), але [(ніби...)], [(коли...), (щоб...), (щоб...)], і [(хоч би...), але [] або Дяк не витерпів і вийшов на шкільного танка та й спинився вражений: уздрів, що ніч наповнена тінями, які позавмирили біля хат, і ті тіні ворушилися, деякі ходили чи повільно танцювали, і прочувалася в тому всьому особлива напруженість, бо здавалося: не тільки люди почали рухатися дворами, а й дерева, а може, й усе село стало круглим, як цей місяць, щитом, де поблискували шибки, наче зорі, чи це зорі поблискували в тих шибках; саме там кублилися молочні хвилі, але не був це туман, а дивно розсіяне світло; біліли стіни і жіночі сорочки, так само сорочки чоловічі, заламуючись на згинах, і все це: і дорога вулиці, й будівлі, і дерева, куці, тини, загорожі ніби повільно кружляли, а може, все це йшло від*

дивовижної, рівної, але широкої мелодії й отих цілком поганських піснених вихлопів, зльотів, вивищень та опадань, які з'єднувались у дивовижній сполучі (В. Шевчук) – []: [], (що...), (які...) і [], [], і [], (бо...): [], а й [], а [(як...)], (де...), (наче...), чи (...); [], але [], а []; [], [], і [], а [], (які...);

г) наличие недифференцированной синтаксической связи с разнообразными формами подчинительной присловной, детерминантной синтаксической связей, в которых сочинительная связь становится модифицирующей: *А третє, хоча й кипів йому в грудях отой пекельний казанець, але вуста чомусь не розтулялися, язик не бажав рухатися – добре відав, що коли б таку балачку почав, жінка, так вигідно уможена на рядні й досі безсловесна, почне на нього верещати, а з її досі сухих очей потече річка сліз, він же, коли таке траплялося, витримати того не міг, трахав дверима й ішов із хати; їдучи х возом, того не вчиниш, отож вона криком та слізьми так його затуркає, що не знатиме, як розумніше повестися перед панами судовими, отож остерігся, аби не вийшло гірше* (В. Шевчук) – [], (хоча...), але [], [], – [], (що..., (коли...)), а (...), [(коли...)], []; [], отож [], (що...), (як...), отож [], (аби...). *Не описуватимемо, як гостила Явдоха у своїх родичів у Яреськах; нам навіки залишиться незвіданим, чому ті хотіли, щоб вона безвідкладно приїхала до них; для нас цікаве інше: дорогою назад вона таки повернула до села, назви якого також не знаємо, де зупинився дяк, притому прибула туди так пізно, що ніхто того не укмітив, та й сама, бвши схвильована передчуттям близької зустрічі з дяком, цілком забула про існування злостивих тіней, а їх за нею ув'язалося аж три: Хлопець – її візниця, чоловік на чорному коні, чорному, можливо, тому, бо так зручніше для людини, котра прагне стати тінню, а ще кипіло йому чорно в грудях та очах, і Гапка в своїх чоботах-скороходах* (В. Шевчук)

– [], (як...); [], (чому...), (щоб...); []: [], (якого...), (де...), [], (що...), [], а [(бо...), (котра...), а (...)].

Анализ сложных синтаксических конструкций и анализ их формально-грамматических особенностей удостоверяет разнообразие этих образований и направленность в значительной мере указанной проблемы в современную манеру рассказа, которому присущие разнообразные спектры поворота мысли, неожиданные ассоциации и насыщения предложения, кроме сугубо информационных измерений, субъективными измерениями. Размежевание основных типов украинских сложных синтаксических конструкций делает возможным анализ разнообразных их модификаций и вариаций.

IV.4. Эквиваленты предложения: статус, объем и функциональная типология

1. Актуальность проблемы. Определяющие и определяемые параметры эквивалентов предложения. В лингвистической науке вообще, и в славянской и украинской лингвистике в частности, сложилась определенная традиция, по которой предложения, выраженные словом или синтаксически неделимым соединением слов, называют или нерасчлененными [24, с. 236], нечленимыми [319, с. 438; 316, с. 190; 15, с. 139; 305, с. 145; 41, с. 118], словами-предложениями [372; 47, с. 203; 383, с. 150; 315, с. 83], синтаксически неделимыми [27, с. 119], эквивалентами предложения (заменителями предложения) [341, с. 289 – 309], интеръективными (в широком смысле) [90, с. 186 – 191]. Вместе с тем И.И. Слынько, Н.В. Гуыванюк, М.Ф. Кобылянська [307] констатируют, что большинство выражений с именительным падежем в большинстве считали номинативными предложениями, с косвенными падежами – неполными или эллиптическими предложениями, с

обращениями, частицами, восклицаниями – изолированными частями, или эквивалентами предложений и под. [341, с. 259 – 262, 289 – 309]. В школьных учебниках такие выражения называются словами-предложениями. Иногда подчеркивают, что сегодня «к эквивалентам предложения обычно относят слова-предложения, незаконченные структуры, предложения-обращение (вокативные предложения). Рассмотрение их вне границ двусоставных и односоставных структур предопределяется тем, что они не имеют некоторых существенных признаков предложения, в частности не дифференцируются на члены предложения (слово-предложение) или же представляют незаконченную часть предложения (незаконченные предложения) или характеризуются подтекстом, реализация которого может быть разной (вокативные предложения)» [369, с. 173]. Очевидно, подтекст присущий всей массе таких образований – словам-предложениям, незаконченным (оборванным) предложениям, вокативным предложениям и под., поскольку подтекст всегда мотивирует их функциональную нагрузку.

Использование определенных терминов на обозначение массы таких выражений является дискуссионным. Не совсем удачный термин *слово-предложение*, поскольку его основу составляет сугубо количественный показатель – «предложение из одного слова» [372; 47, с. 203; 383, с. 150; 315, с. 83]. Известно, что однословными могут быть и другие разновидности предложений – безличные, номинативные, неполные, ср. *Смеркає. Знову далеч млою затягло* (А. Яна); *Весна. Струмки. Проліски. Чарівність грає у душі* (А. Яна); «*Ти щось, юначе, тут наче і шукаси?*» – «*Коня*» (М. Матіос); біл. *Поцямнела. Вецер сціх. Залаціца ціхі асенні дзень* (К. Чорни); *Жніво. Ранне. Спелає жыта схіліла каласы* (М. Гароцкі); «*Ты*

помніш мяне?» – «Помню» (М. Лужанін); рос. Светает!.. Ах, как скоро ночь минула! (А. Грибоедов); Тишина... Тишина... Не во сне – наяву. И сказал пехотинец: «Отмаялись. Баста!» И приметил подснежник во рву (А. Сурков); «Что, господин адъютант, какие новости!» – спросил офицер... – «Хорошие!» (Л. Толстой). Вдобавок, этим термином обозначают не только предложение из одного слова, но и синтаксически неразложимые соединения слов: «Щось лихе?» – «Ще ні» (Натан Рибак); «То можна уже й починати сіяти?» – «А то ж як! Починайте» (Остап Вишня); біл. «Так, у вас ёсць чаму навучыцца?» – «А як жа ж... Вядома» (І. Мележ); рос. «Вот, я же тебя, я же тебя – на, на, на!» – говорила бабушка, встав с места и поймал Викентьева за ухо (І. Гончаров). Ударение в этом случае, что квалификация так называемых слов-предложений как нечлененных эквивалентов предложений вызывает меньше всего дискуссий из всей массы эквивалентов предложения [369, с. 173], требует уточнения, поскольку само их выделение большей частью обосновано принципом эквивалентности, ср. утверждение: «Словами-предложениями называются предложения, выраженные одним самостоятельным словом или соединением несамостоятельных слов, которые служат для передачи содержания целого предложения, выступая его эквивалентом (выделение наше – А.З.)» [214, с. 343].

Иногда отрицают целесообразность использования термина *эквиваленты предложения* [24, с. 236] на том основании, что он не дает ответ на вопрос, можно ли считать предложениями выражения типа *Неуже?*; біл. *Няўжо?*; *Ах так?!*, рос. *Неужели?*; *Ах так!*; см. также [272, с. 111]. Поскольку по синтаксическим критериям (в них нельзя выделить ни главных, ни второстепенных членов предложения), поэтому, по мнению В. И. Рагавцова и др., их следует квалифицировать как

синтаксически неделимые (нечлененные, нерасчлененные). Такой подход требует определенной коррекции, так как эквивалентность ни в коем случае не означает полную формальную и семантическую, и функциональную тождественность, в этом случае говорится о возможности определенного выражения заполнять синтаксическую позицию предложения и функционально приравняться к нему – в коммуникативном, денотативном, сигнификативном, когнитивном, семантическом аспектах. Поэтому целесообразно их квалифицировать как эквиваленты предложений.

2. Основные подходы к рассмотрению эквивалентов предложения. Эквиваленты предложений можно рассматривать в узком и широком измерениях. Первый основывается на наблюдении специфики и особенностей проявления только конструкций с частицами, модальными словами, восклицаниями. Широкий подход опирается на рассмотрение всей массы эквивалентов предложения: 1) конструкций, выраженных частицами, модальными словами, восклицаниями; 2) оборванных (незаконченных, незавершенных) предложений; 3) предложений-обращений [372, с. 138 – 150; 13, с. 34], 4) формул языкового / речевого этикета.

Для исчерпывающей картины необходимо проследить этапность анализа таких выражений-эквивалентов сначала в узком понимании, а потом – в широком. В узком понимании рассмотрение эквивалентов предложения имеет свою традицию. Так, А.А. Шахматов говорил о тех или других выражениях в междометных бесподлежащих предложениях [361, с. 86]. Как особый подтип односоставных предложений, их чуть ли не впервые выделил М.С. Пospelов, считая их словами-предложениями [99, т. 2, ч. 2, с. 79]. Поскольку они не имеют членов предложения, Е.М. Галкина-Федорук считает

неуместным причислять их к двусоставным или односоставным предложениям, так как однословными могут выступать любые другие разновидности односоставных. Определяющим признаком этих выражений «является не только их синтаксическая нерасчлененность, а и абсолютная их неделимость на обычные структурные составы – подлежащее и сказуемое» [87, с. 438]. Это обусловило квалификацию Е.Н. Галкиной-Федорук таких выражений как неделимых предложений [87, с. 438-441]. Для Ю. Шевелёва эквивалентами предложения выступают «...те слова или словосочетания, в которых не выявлены и не могут быть выявлены никакие главные члены предложения, которое не препятствует этим словам или словосочетаниям концентрировать в себе значение целых предложений, напр.: *Так ні, не лежиться Артемові!*» (А. Гол.); «*Може Ліда й боялася, а я – аніже*» (Грін.)» [367, с. 98]. Ю. Шевелёв подчеркивает, что именно такими выражениями можно считать также восклицания, если их употреблено самостоятельно перед предложением или после предложения, в этом случае они чувственно высказывают содержание мысли, которая оформилась в предложение или могла бы в него оформиться, напр.: «*Вай, таточку, голубочку! – Цить, синку мій, цить!*» (Ю. Федькович), прибавляя, что в роли такого междометия может выступать и первоначально самостоятельное слово: «А крик, а гомін від того народу, *батечки*» (Г. Квітка-Основ'яненко) [Там же, с. 98]. Чувственно высказывают содержание мысли – это и есть тот подтекст, который становится доступным благодаря мотивационной раме определенной ситуации. Такой подход довольно аргументированный и убедительный.

Выясняя особенности эквивалентов предложения в узком смысле, П.С. Дудик, вслед за Л.А. Булаховским, Ю. Шевелевым,

считает их эквивалентами предложения и терминологически обозначает как слово-предложение [341, с. 269; 118, с. 212]. Он констатирует, что «слово-предложение являются своеобразными в разных аспектах: *синтаксическом* – не имеют строения предложения, любых его членов, не распространяются с помощью объяснительных слов; *морфологическом* – выражаются преимущественно служебными словами, и лишь некоторые типы полноценных предложений репрезентуют их; *функционально-содержательном* –из-за синтаксического нечленения не содержат в себе значение дифференцированно выраженного субъекта и объекта действия, разных признаков, количеств и т.п.» [341, с. 290].

Анализируемые образования Н.Ю. Шведова считает относительно независимыми высказываниями или неграмматическими предложениями (под последним истолковано ненормативное выражение предикативной и / или грамматической основы предложения) [282], в этом случае под грамматические предложения подходят все упроченные модели выражения предикативного минимума в односоставных и двусоставных предложениях. Образования, выраженные частицами, модальными словами, восклицаниями, Н. Ю. Шведова [282] также называет словами-предложениями, а И.И. Слынько, Н.В. Гуйванюк, М.Ф. Кобилянська подчеркивают, что «точнее определять такие конструкции все-таки не предложениями, а высказываниями или коммуникантами» [307, с. 202], что ни в коем случае не исчерпывает и не решает проблемы. Авторы констатируют только упроченное проявление и функциональную нагрузку подобных выражений. В узком понимании эквиваленты предложения иногда называют *нечлененными предложениями* (*словами-предложениями*) на том основании, что они «не имеют

в своем составе отдельных членов предложения (ни главных, ни второстепенных), поэтому и не могут быть отнесены ни к двусоставным, ни к односоставным предложениям» [350, с. 77] (см. также: [46], ср.: Нет, голоса я громкого не имею! (Леся Українка); *Ова! Не вихвачайся, синку, з нерозумним словом* (М. Коцюбинський); *Еге! Це не ваші груші* (І. Нечуй-Левицький). Предоставление приоритетности им как *словам-предложениям* не может быть завершено мотивированным в силу того, что и целый ряд номинативных односоставных предложений большей частью выражен одним словом, где последнее приравнивается к предложению: *Ліс. Питьма. І навколо ні звуку. І зоря над його головою* (О. Підсуха); *Осінь. Вокзал. І легенька валізка. Поїзд в тумані на рейках заграв* (С. Пушик); *Сад і міні, тишина. Очі сині край вікна* (В. Сосюра). Правда, это слова разных частей речи, поскольку в словах-предложениях по обыкновению выступают частицы, восклицания и под., а в номинативных – существительные или другие субстантивированные слова, но эта разность не акцентирована в термине. Определение их как нечлененных предложений опирается также и на то, что они «ничего не называют, не описывают ситуацию, но как и каждое предложение, выражают мысль о чем-то» [29, с. 174], скорее не мысль, а определенную эмоцию, волеизъявление, что эквивалентно соответствующей мысли на психологическому равные и т.п.

Определение эквивалентов предложения в узком понимании опирается на их функциональное назначение, когда утверждают, что употребляются «*синтаксически неделимые предложения* (курсив наш – А.З.) преимущественно в диалоге, где контекст и особенности интонации предоставляют им завершенность [24, с. 162], констатируя, что такие предложения подают положительный (утвердительный) или отрицательный

(отрицательный) ответ на чье-то высказывание, модально-экспрессивную, эмоциональную оценку (эмоционально-оценочные (восклицательные), побуждение к действию (побудительные), вопрос (вопросительные) [24, с. 162], ср.: *Їн же яшчэ летась прадаў хату!*» – «Ну!» – «Вот тебе і на!» *Не ведаў?»*» (К. Чорни); «*Я, здаецця, не ў час прыйшоў*», – *разгублена прамовіў Лабановіч. «Нічога, нічога, – сказала жанчына. – Здымайце паліто*» (Я. Колас); «*Максім яшчэ не вярнуўся?*» – «*Не*» – «*Не?*» (Я. Колас); «*Думаю, што Сяргею Мажэйку, як аграному, больш па густу будзе самы адсталы па ўрожайнасці калгас.*» – «*Вось табе і на!*» – *ледзь не вырвалася ў Сяргея*» (У. Шахавец); «*Во-о-он! – раптом крычыць Галена. – Вон! Вон!*» (К. Чорни).

К эквивалентам предложения в узком понимании иногда относят также и вокативные предложения, которые по форме напоминают обращение, но характеризуются семантико-грамматической изолированностью и в отличие от обращения вокативные предложения не сопровождаются высказыванием в адрес собеседника, а особой интонацией выражают чувство адресанта: укор, радость, удивление, страх, предостережение: «*Алёша!*» – *дзіка вырвалася з майго нутра, і я адчуў, што звар'яцею, калі не выратую яго* (В. Бровка) [24, с. 164]. Такая мысль является, в какой-то мере, мотивированной. Иногда при рассмотрении таких высказываний делают ударение на том, что слово-предложение – «отдельное слово или цельный фразеологизированное высказывание, которое функционирует как независимое высказывание и выражает разные сугубо коммуникативные аспекты ситуации» [85, с. 715], что позволяет квалифицировать их как *коммуникативы* (В.Г. Гак), ср. в [307] – *коммуникати*. Такой анализ весьма привлекателен, поскольку семантика термина *коммуникатив* прозрачна, но она скорее

отражает лишь коммуникативное направление, но отнюдь не делает возможным их рассмотрение на формально-грамматическом, семантико-синтаксическом уровнях. Этот термин отображает коммуникативную ориентированность образований как специализированную. Поэтому целесообразнее их квалифицировать как *эквиваленты предложений*, особенно показательным на формально-грамматическом и семантико-синтаксическом уровнях. Понятие эквивалентности, иногда в этом смысле употребляют термин *аналогичность* (М.И. Конюшкевич), последовательно используемым предстает в морфологических исследованиях, ср. эквиваленты предлогов (М.В. Всеволодова, М.И. Конюшкевич, Г.В. Ситар, И.Г. Данилюк, А.А. Лучик и др. [164; 204; 205]). В данном случае под эквивалентностью истолковано любой одно- или многословный компонент, который в соответствующей ситуации становится эквивалентом определенной морфологической формы или морфологического слова.

Анализ таких выражений как эквивалентов предложения иногда рассматривают сквозь призму неопределенности и отвлеченности их семантики, морфологической «безформенности», нечеткого проявления модально-временного значения, что позволяет квалифицировать их как «заменители» предложений на оси переходности от лексико-фразеологической к синтаксической системе [317, с. 343]. Для И.Р. Выхованца нечлененными предложениями (словами-предложениями) являются «предложения, выраженные частицами, модальными словам и междометиями» [57, с. 100], вместе с тем автор подчеркивает, что сказанное нечлененными предложениями можно передать обычными предложениями, ср.: *Ти підеш сьогодні до лісу по листя для гербарію? – Так (= Я піду сьогодні до лісу по листя для гербарію) або Ні (Я не піду сьогодні до лісу*

по листя для гербарію). В этом тезисе имплицитирован принцип эквивалентности. Существенным является утверждение о том, что в нечлененных предложениях имеются «реакции, отклики говорящего на сказываемое, чаще всего – на его вопрос. Без связи с соответствующим контекстом они теряют коммуникативный смысл» [57, с. 100]. Основу толкования таких выражений у И.Р. Выхованца составляет именно эквивалентность, так как любое такое выражение является эквивалентным целостному предложению: «Геть» – «*Ідіть звідси!*» и под. Этот признак толкует как определяющий и К.Ф. Шульжук [372, с. 138 – 150]. Нечлененными такие выражения считают В.В. Бабайцева и Л.Ю. Максимов [16, с. 115], которые, по их мнению, завершают систему структурно-семантических типов простого предложения.

В широком понимании все эквиваленты предложения в чем-то подобный собственно предложениям и вместе с тем отличаются от них. Общим с грамматическим предложением для них является: 1) наличие соответствующего интонационного оформления; 2) возможность выражения субъектно-модальных значений; 3) наличие / отсутствие распространителей; 4) возможность быть компонентом сложного предложения. Не менее значащими выступают отличия таких выражений от грамматических предложений: а) отсутствие грамматического образца или скрытой ориентации на него; б) невозможность образования парадигмальных форм; в) отсутствие постоянных реализаций; г) отсутствие номинативного значения у слов, которые образуют конструктивную основу таких выражений. О.Б. Сиротина полностью поддерживает взгляды Н.Ю. Шведовой [300, с. 83] относительно неграмматичности таких выражений. Оценка их как синтаксических сегментов

целиком корректна и основывается на сугубо стилистических основах [119, с. 215].

Выделение таких относительно независимых высказываний только на основании коммуникативного функционирования позволяет И.И. Слынько, Н.В. Гуйванюк, М.Ф. Кобылянской квалифицировать их как *коммуникаты* [307, с. 286] (ср. также взгляды Г.В. Валімової, О.Б. Сиротининой [49, с. 34; 300, с. 93]), в подтверждение чего констатируется: «...предикативные единицы в определенном понимании представляют собой высказывание, коммуникаты, но за ними упрочилось название предложения. Чтобы различать эти единицы, следует пользоваться термином *коммуникаты*» [307, с. 286]. Сам термин *коммуникаты* не совсем прозрачен в формально-грамматическом и семантико-синтаксическом аспектах, в пределах которых эти выражения стремятся рассматривать. Этот термин отображает только коммуникативный статус таких выражений, а на этом уровне и грамматические предложения становятся высказываниями не полностью (как утверждают И.И. Слынько, Н.В. Гуйванюк, М.Ф. Кобылянская), а целиком самодовлеющими.

3. Квалификационные и классификационные признаки эквивалентов предложения. Эквивалентам предложений не характерны грамматические ограничения и их большей частью в широком понимании систематизируют и классифицируют по семантике проявления.

Квалификационными признаками эквивалентов предложения в широком понимании являются: 1) контекстуальная и ситуативная мотивированность значения; 2) отсутствие внутреннего членения, т.е. выделение главных и второстепенных членов предложения; 3) амальгамность номинативного и оценочного начал; 4) соотношение не с

предложением, а с суждением; 5) интонационное оформление; 6) отсутствие парадигмы в узком и широком проявлениях (вариации, модификации, трансформации); 7) наличие высокой степени отвлеченности семантики; 8) относительная семантико-грамматическая автономность.

По цели высказывания эквиваленты предложения в широком понимании можно классифицировать по: а) коммуникативной установке (повествовательные, вопросительные и побудительные предложения); б) эмоционально-экспрессивной окраске (делятся на восклицательные и невосклицательные); в) соотношением с объективной действительностью и логическим критерием (утвердительные и отрицательные). Рассмотрение всех эквивалентов предложения как равнозначных без надлежащего комментария (утвердительные, отрицательные, вопросительные, побудительные, дальше добавляя эмоционально-оценочные (выражают эмоциональную оценку высказанного или чьих-то действий (одобрение, радость, удивление и под.), является неоправданным (ср.: [350, с. 78]), поскольку объединено разные классификационные начала и параметры. Включение в состав эквивалентов предложения образований типа «*Яка краса! – тихо вигукнула мати*» не совсем корректны, так как последние являются номинативными при условии их интонационной целостности и двусоставными при условии наличия в них паузы между двумя элементами. Не говоря уже о попытке включить к их состав также «слов-предложений, которые выражают приветствие, благодарность, извинение, другие формулы речевого этикета: Например: «*На добраніч, ниви і поля*» (М. Коцюбинський)» [350, с. 78], ведь такие формулы языкового / речевого этикета принадлежат к эквивалентам предложения, но отнюдь не к словам-предложениям.

Неодиночными становятся утверждения, что вне контекста эквиваленты предложений в узком понимании не могут употребляться, так как они не имеют номинативной функции, а выполняют только коммуникативную функцию – не называют определенную действительность, а выражают утверждение или возражение чего-нибудь, дают эмоционально-оценочную характеристику, побуждают к действию, задают вопрос (В.Г. Гак и др.), поэтому такие выражения делятся на утвердительные, отрицательные, эмоционально-оценочные, побудительные, вопросительные, что снова таки удостоверяет синтез нескольких классификационных параметров.

Относительно классификации по особенностям выражения, то эквиваленты предложений могут быть выражены частицами, модальными словами, междометиями, фразеологизмами, для их семантики присуща высокая степень отвлеченности. Морфологическое выражение эквивалентов предложения позволяет в общем реестре разграничить: а) слова-предложения, выраженные частицами; б) модальные слова-предложения; в) интеръективные слова-предложения [16, с. 113].

Не совсем завершенное и аргументированное утверждение, что по «средствам выражения такие конструкции (эквиваленты предложения в узком понимании – А.З.) можно назвать неполноценными коммуникатами, так как они выражаются преимущественно неполноценными словами – частицами» [307, с. 202], поскольку неполноценное выражение ни в коем случае не может стать диагностическим показателем неполноценности предложения, ср.: *Вибігас* (маляр – А.З.), *кругом глип*, – *Мужика й ні пару!* (С. Руданський), где простое сказуемое выражено междометием, но предложения остается двусоставным и полностью, исчерпывающе отображает определенное предложение.

4. Функциональная типология эквивалентов предложения. В широком смысле эквиваленты предложения охватывают и слова-предложения (структурно нечленимые синтаксические единицы, выражающиеся частицами, модальными словами и междометиями); и 2) неоконченные (или оборванные) предложения (структуры, не содержащие выраженных признаков внутренней структурной организации и коммуникативно-информативной завершенности); и 3) обращение-предложение (однословные предложения, выраженные звательным падежом существительного, которые самостоятельно передают нерасчлененные мысли, чувства, волеизъявления); и 4) формулы языкового / речевого этикета.

В [372, с. 138 – 150] к таким выражениям отнесены только первые три. Такого же мнения придерживается и В.П. Ачилова [13, с. 34].

По семантике часто среди эквивалентов предложения различают: 1) формы названия; 2) формы указания; 3) формы заместителей предложения [282, с. 419] и под. Правда, в такой классификации не совсем корректна последняя группа, которая, собственно, полностью синонимична с понятием эквивалента предложения и понятийно более емкая, охватывая также и две предыдущие.

Первая разновидность в этом случае содержит формы **именительного представления**, на которые обратил внимание и подал чуть ли не первую квалификацию А.М. Пешковский, констатируя, что таким формам характерна или 1) восклицательная интонация; или 2) интонация незаконченности; или 3) вопросительная интонация [99, т. 2, ч. 2, с. 72 – 123]. Более убедительной является квалификация подобных форм именительного как особого проявления односоставных номинативных предложений, которые находятся на границе

между односоставными предложениями и эквивалентами предложения [14, с. 137; 341, с. 262]. Расширяя объемы выражений со значением воображения и названия, к ним причисляют также и соответствующие инфинитивные выражения, для которых характерны: 1) отсутствие эмоциональной окраски и 2) постоянная связь с текстом с помощью местоимений [282, с. 420], ср.: *Підвищувати вимоги до сучасного бізнесу! Таке завдання стоїть сьогодні не тільки перед Кабінетом Міністрів України, але й перед профільними комітетами Верховної Ради України* (Україна молода. – 2007. – 21 липня). Выраженные формами именительного падежа и формами инфинитива (см., например: [307, с. 286 – 289]) конструкции со значением воображения и называния отнюдь не принадлежат к эквивалентам предложения, так как в их структуре имеется единый главный член предложения (форма именительного падежа или форма инфинитива), от которого могут зависеть другие члены предложения, их же функция воображения и называния четко прослеживается в пределах определенной ситуации, которая удостоверяет их ситуативную мотивированность и закрепленность. Здесь уже не затрагивают формы называния, выраженные косвенными падежными или предложно-падежными формами типа *І тої ж ночі... У Тригубенка в хаті метушня – збори в дорогу* (А. Головка); *Біля озереду. Саме місяць за хмару зайшов* (А. Головка), где формы *І тої ж ночі... і Біля озереду*, квалифицированные в [307, с. 289] как формы называния с указанием на место или время, являются сугубо внутритекстовым проявлением реорганизации предложения для выделения определенного сегмента, для чего он занимает инициальную позицию. Все его содержание и формальное выражение подчинены внутрипредложенческим интенциям.

Выражения со значением указания типа *Он Тибр перед носом у нас* (И. Котляревський) или *Он і млин та болота! Передні ж підводи, погляньте, в улицю радо в'їжджають* (П. Тичина); *От і берег. Пий, Аркадію, з каски воду золоту* (В. Сосюра) [307, с. 289] становятся односоставными номинативными предложениями с единым главным членом предложения, выполняя, вне всякого сомнения, в общении роль коммуникатов. В свое время еще А.М. Пешковский квалифицировал их как номинативные предложения [256, с. 345]. Подобные взгляды высказывали и Ю. Шевелёв, и Л.А. Булаховский и др. Так, Ю. Шевелёв констатировал, что «...говорящий может проявить свое участие, сопровождая именительное предложение указательными частицами *ось, он, от*, показывая воспринимаемое слушателю. Это так называемые указательные именительные предложения, напр.: «*От пляшка дулівки, от нів сотні тарані, ще свіжа була по весні; осьде ж і серпаночок*» (Кв.)» [367, с. 96], ср. также: [33, с. 103; 32]. Аргументация их непродложенческого статуса в том, что они не называют предметы или ситуации, а «только указывают на них и не имеют форм парадигмы» [282, с. 421] с ударением на особый статус указательных элементов в структуре таких выражений, определяя их как «указательные наречия» [Там же, с. 289], в некоторой степени сомнительна. Не спасает ситуации и определение таких указательных элементов как синтаксических указательных частиц [307, с. 290], так как не выяснена главнейшая специфика таких выражений – их целостность, ядром которой выступает форма именительного падежа. Необходимость концентрации внимания на определенном явлении, предмете предопределяет появление соответствующего указательного элемента.

4.1. Эквиваленты предложения: структурный аспект.

Для последовательного размежевания узкого и широкого понимания эквивалентов предложения следует условно их дифференцировать. В узком понимании эквиваленты предложения охватывают только выражения, выраженные частицами, модальными словами и отчасти междометиями. Это группа так называемых **собственно эквивалентов предложения**, а незаконченные (оборванные) предложения, предложение-обращение, формулы языкового / речевого этикета – это **несобственно эквиваленты**. Между этими двумя разновидностями эквивалентов не существует абсолютной равнозначности, поэтому их целесообразно рассматривать отдельно.

4.1.1. Собственно эквиваленты предложения: основные разновидности. Классификацию **собственно эквивалентов предложения** следует осуществлять по функции с учетом аспектов речевой ситуации (категории истинности, коммуникативной установки, модальности и под.).

Логичные собственно эквиваленты предложения коррелируют с категорией истинности и дифференцированы на утвердительные и отрицательные их разновидности. Их особенностью является анафорический характер: в первичной функции они коррелируют с предыдущим предложением и приобретают точное значение благодаря этой связи, которая позволяет иногда квалифицировать их как *фразовые местоимения*: «*Ти сьогодні працював багато над продовженням експерименту?*» – «*Ні*» (П. Загребельний); «*Чи вдалося вам побувати на новобудові?*» – «*Так*» (Україна молода. – 2008. – 11 червня). Вне анафорического использования *так, ні/ані* выполняют вторичные функции. *Так, ні* может выражать запрет, если оно используется как реакция на чье-то действие. Как

логические собственно эквиваленты могут выступать другие частицы, модальные слова со значением утверждения или возражения.

Для **утвердительных собственно эквивалентов** характерны формальные проявления типа *так, але, ого, правильно, добре, правда, звичайно, відомо; але ж, ну а як же, певне що* и под.; бел. *так, але, ого, правильна, добра, праўда, ладна, звичайно, вядома; але ж, ну а як жа, пэўне што*; рос. *да, нет, правильно, хорошо, известно: «Та це ж наш Варгун!» – «Ну, але... Зять твій, Микола, їде»* (П. Загребельний); *«Ти вже йдеш додому?» – «Очевидно»* (Гр. Тютюнник); *«Зерно стеріг?» – «Атож. На горобців кишав»* (Остап Вишня); бел. *«Та й добре нам сьогодні трапилося...» – «Авжеж»* (В. Земляк).

Отрицательные собственно эквиваленты предложений охватывают проявления в форме отрицательных частиц и их соединений: *ні, так ні, ні-ні, ні за що, ні в якому разі, не може бути*; слова-предикативы: *неправда, неправильно, нічого*; біл. *не, ды не, ды не ж, ні-ні, ні за што, ні ў якім разе, не можа быць; няпраўда, няправільна, нічога: «Чи знаєш, Максиме, що то за мара була в Зіньківцях?» – «Ні, не знаю, не чув», – відповів Максим і з тривою подивився Оксані в очі* (М. Дзюба); бел. *«А ты сказаў яму пра авёс?» – «Ды не! Ні в якім разе. Няхай пакуль не ведае», – адказаў Мілоўскі* (П. Галавач).

Функционально утвердительные собственно эквиваленты предложений внутренне дифференцированы на: а) **актуализационно-** или **собственно утвердительные**, что выступают прямым ответом на тот или другой вопрос и выраженные частицами типа *еге, еге ж, ага, ага ж, авжеж, аякже, так, угу, точно та ін.*: *«А що вдало ми виступили на змаганнях?» – «Еге ж»* (Сільські вісті. – 2008. – 11 липня); *«Еге! Це не ваші груші»* (І. Нечуй-Левицький); б)

неактуализационно-утвердительные, выраженные словами *добре, гаразд, правильно, достеменно, звичайно, безперечно* и под., где определенная ситуация утверждается как такая, которая имеет соответствующее измерение в временном-пространстве: «*Швиденько сідлай коней та поїдемо в район*», – *сказав голова*. – «*Гаразд*» (О. Копиленко); в) **итогово-утвердительные**, характерным выражением которых выступают конструкции типа, которые обозначают определенный итог как утверждение: *Хвалити Бога!*; *Так тому і бути!*; *А то ж таки так!*, пор.: «*Добре тут зорано, тому будемо висаджувати капусту в ґрунт мілко*», – *сказав бригадир*. – «*Так тому і бути*»; г) **подтвердительно-утвердительные**, выраженные большей частью словом *так* (характерным является подтверждение собственных мыслей, соображений, резюмирований; для ударения на их статус они выступают в инициальной позиции: «*Так, так, так. Сьогодні я й справді правильно зробив*» (О. Довженко). Группа утвердительных собственно эквивалентов предложения охватывает также конструкции типа *Не без того; Нічого*.

Отрицательные собственно эквиваленты предложений внутренне дифференцированы на: 1) **собственно отрицательные**, которые прямо отрицают поставленный вопрос и выражаются частицей *ні* (для содержательной активизации может удваиваться, утраиваться), которая иногда усложняется другими частицами (*та ні, бо ні, ба ні, майже ні, ой ні, ще ні, зовсім ні*), междометиями (*о!; е!; ах!; ох; ой!*): «*Не покинеш?*» – «*Ні, Ярино*» (Т. Шевченко); «*Дмитре, ти нічого не чув?*» – *озивається невидюща темінь*. – «*Ні*» (М. Стельмах); «*Можє, й тут розпочнемо?*» – «*Ні, ні, ні*» (Т. Осьмачка); «*Це так важливо?*» – «*Зовсім ні*» (О. Довженко). Эту же функцию выполняют модальные слова *неправда, неправильно, невірно*,

наваки, ніскільки, дзуськи и под.: *Поки вчителька читала твори, коментувала, сидів Петрик спокійно, аж тут почув про свій твір, що він списаний.* «Неправда» (П. Качкан); «*Пішли попросимо вибачення*», – *проштів Василь.* – «Дзуськи!» (М. Івченко); 2) **монологично-центрично-отрицательные** (возражение адресата самому себе), выраженные частицей *ні*: «*Поміркуйте, чи справді хтось може не любити ці чорнобривці, що цілий рік цвітуть і милують око. Ні! Їх не можна не любити*» (Г. Малкович).

4.1.2. Несобственно эквиваленты предложения. К ним принадлежат формулы языкового / речевого этикета, предложение-обращение, незаконченные (оборванные) предложения.

4.1.2.1. Формулы языкового / речевого этикета. Особого внимания требуют формулы языкового / речевого этикета, которых большей частью эквивалентами предложения «считают условно, поскольку они ничего не утверждают и не возражают, лишены эмоционально-модальной оценки чужого высказывания, а выражают лишь отношение говорящего к лицу, которого касается речь» [372, с. 144]: «*Добридень, пане-товаришу!*» (Ю. Мушкетик), в этом случае название лица и форма приветствия составляют одну конструкцию.

Квалификация формул языкового / речевого этикета как эквивалентов предложения проблемна, в свое время А.А. Шахматов, А.М. Пешковский считали их неполными предложениями [361, с. 128; 256, с. 362]. Иногда их определяют как однословные предложения [99, т. 2, ч. 2, с. 88], неделимые предложения [87, с. 441], интеръективные предложения [89, с. 160]. Некоторые лингвисты выражения типа *Моє шанування!* / *Моє шануваннячко!*; *Хліб-сіль!*; *Добрий день!*; *Щасливої дороги!*; біл. *Маё шанаваніе!*; *Хлеб-соль!*; *Добры дзень!*; *Добры шлях!*

рос. *Мой привет!*; *Хлеб-соль!*; *Добрый день!*; *Щасливого пути!* считают разновидностью номинативных предложений – полупредикативными [277, с. 43], побудительно-желательный [14, с. 132 – 133; 40, с. 113 – 114]; спорадично квалифицируют их как конструкции, которые только по форме прилегают к номинативным предложениям, но к ним не принадлежат [24, с. 232], или рассматривают как нерасчлененные (эмоционально-оценочные) предложения [317, с. 193 – 194] или неполные побудительные [96, с. 458], ср.: «*Доброго ранку, матінко!*» (І. Карпа); «*Гарного дня!*» (М. Бажан); біл. *Добры дзень, дзяўчаты!* (К. Крапіва); *Бывайце, дарагія! Добры шлях!* (П. Глебка); *Прывітанне!* (Б. Мікуліч); рос. *Потом он шагнул к костру, улыбнулся еще светлее и сказал: «Хлеб да соль, братцы!»* (А. Чехов). А.Н. Гвоздев выражения со значением языкового / речевого этикета на обозначение приветствия причисляет к особой разновидности инетеръективных предложений [90, с. 189], напр.: *А чорнобривці привітно кивають і шепочуть зусібіч: «Добридень!»* (О. Матусенко); рос. *Липа поклонилась низко и сказала: «Здравствуйте, Григорий Петрович!»* (А. Чехов); *Она подбежала к воротам. «Прощайте!» – крикнула она* (А. Чехов). Иногда их (конструкции типа *Привіт!*; *Доброго ранку!*; *Добридень!*) квалифицируют не как разновидность односоставных номинативных предложений [14, с. 132 – 133], а как эмоционально-оценочные нечлененные предложения [317, с. 194]. Такие выражения передают не существования предмета или его проявление, а чувства говорящего, поэтому их целесообразно определять как эквиваленты предложения, поскольку каждое такое выражение очерчивает ту или другую ситуацию.

Относительно выражений со значением пожелания, угрозы типу *На добраніч!*; *Щасливої дороги!* *Доброго здоров'я!* (бел.

Доброй ночи!; Шчаслівай дарогі!; Добрага здароўя!) их большей частью рассматривают как нечлененные с контактноустановительной функцией [305, с. 149] или как эмоционально-оценочные [317, с. 194], ср.: (Марія:) *«Щасливої дороги! Ми чекаємо на ваш приїзд»* (О. Слісаренко); бел. *Ну, бабка, іду на станцыю. Паеду не больш як на два-тры дні. А ты ўжо даглядай гасця. Усяго добрага, бабка Параска!* (Я. Колас); рус. *До свидания. Я вызову вас, если понадобится* (К. Федин); *...Поднялся и обнял за плечи товарищей: «Ну, счастливо»* (А. Толстой). В отдельных работах сделано ударение на такие образования, которые только «условно можно отнести к неполным предложениям» [98, с. 108; 96, с. 458], ср.: *«На добраніч! На добраніч»*; біл. *«Ну, добрай ночы! Кладзіцеся ды адпачывайце трохі!»* (П. Глебка); рос. *«С благополучным происшествием!»* (М. Гоголь). В [24, с. 249] сделано ударение на том, что фразеологизированные предложения типа *На добраніч! З Новим роком!*; біл. *Добрай ночы!; З Новым годам!*; рос. *Спокойной ночи!; С Новым годом!* и др. только грамматической структурой приближены к эллиптическим; по функции и из-за отсутствия синтаксических отношений между словами (основной признак неделимости, нечлененности) они приближены к синтаксически неделимым, нечлененным: *Так; Ні; Відомо*; біл. *Так; Не; Вядома*; рос. *Да; Нет; Известно* и под. По мнению П.С. Дудика, формулы языкового / речевого этикета «к словам-предложениям ... относят условно: они ничего не утверждают и не возражают, не содержат экспрессивно-модальной оценки чьего-нибудь высказывания... Основанием для причисления таких образований к словам-предложениям служит, с одной стороны, способность их выражать отношение к лицу, и, с другой – неразложимость синтаксического строения, отсутствие в ней членов предложения» [341, с. 302]. В [282,

с. 420] формулы языкового / речевого этикета не включены к словам-предложениям и рассмотрены как относительно независимые высказывания, а в [307, с. 204] истолковано как коммуникаты с уточнением: «Поскольку они выражаются своеобразными формами полноценных слов – повелительным наклонением глагола, существительными, прилагательными, наречиями или междометиями, – имеют специальное значение, уместно отмежевывать этот вид коммуникатов от предыдущих и назвать их коммуникатами речевого этикета» [Там же, с. 204], что отображает лишь их коммуникативное назначение, но ни в коем случае не актуализирует соотносительность / несоотносительность с другими подобными и/или неподобными образованиями: «Добридень, Маріє!» – «Вітаю, вітаю!» (Ю. Винничук); «Добрий ранок! Добрий ранок! Давненько вас не бачив». – «Драстуйте! А чого ж ви хотіли» (О. Черногуз); «Добри вечір! Чого ж ви навіть голови не повернете» (О. Черногуз).

Формулы языкового / речевого этикета принадлежат к эквивалентам предложения, поскольку они, вопреки своей определенной нейтральности, иницируют общение и вместе с тем репрезентуют один из параметров предложения – выражать определенную мысль или эмоциональную чувственность. Даже нейтральность – это также проявление оценки, но оценки как производной от осмысления, от суждения.

Функционально такие эквиваленты предложения дифференцированы на такие, которые выражают: 1) приветствие, приветствие: *Добридень!*; *Добрий день!*; *Доброго дня!*; *Добри вечір!*; *Добрий вечір!* и под.; 2) прощание, прощания: *Прощайте!*; *Будьте здорові!*; *До побачення!*; *На все добре!*; *Будьте здорові!*; *На добраніч!* и др.; 3) пожелание, благодарности, извинение: *Дякую!*; *Спасибі!*; *Вибачайте!*; *Будь*

ласка; *Прошу* и под. Если вместе с формулой языкового / речевого этикета используемая также форма обращения, то вместе они составляют целостную конструкцию – эквивалент предложения: «*Дякую, брате!*» (О. Гончар); «*Прощавай, дружечкозаче!*» (М. Грушевський); «*Доброго здоров'ячку, пане Василю*» (О. Слісаренко).

4.1.2.2. Эквиваленты предложения – обращение – несобственно эквиваленты. Одним из первых такие выражения выделил А.А. Шахматов, квалифицируя их как односоставные вокативные предложения [361, с. 261], «где главным и единственным членом является обращение: имя лица, к которому обращена речь, если это имя произнесено с особой интонацией, которая вызывает сложное представление, в центре которого находится данное лицо; в этой мысли может быть выражен укор, сожаление, упрек, негодование. Ср., например, *Коля!*, сказанное тоном нареkania и которое вызывает мысль: зачем ты это сделал, для чего ты это совершил; как тебе не стыдно» [Там же, с. 261], а А.М. Пешковский причислял их к односоставным [256, с. 369]. Мысль А.А. Шахматова развивает В.В. Бабайцева [14, с. 154], Б.Н. Кулик [193, с. 168] и др. Делая ударение на том, что такие выражения могут выражаться не только призывным, но и именительным падежем, П.С. Дудик квалифицирует их как обращение-предложение, акцентируя, что «Имеющийся в обращениях-предложениях единый главный член (в призывной форме или в форме именительного падежа) нельзя считать ни подлежащим или сказуемым двусоставного предложения, ни главным членом односоставного. Поэтому конструкции-обращения следует считать не предложениями – двусоставными или односоставными, а лишь их своеобразными эквивалентами, функциональными заместителями» [341, с. 309]. В [282, с. 421] они определены как высказывания – изолированные обращения-

призывы, О.Б. Сиротинина предает им статус коммуникатов [300, с. 93], подобную мысль развивают и в [307, с. 296]. К.Ф. Шульжук истолковывает такого типа выражения как обращение-предложение или вокативные предложения, под которыми он понимает «однословные предложения, выраженные призывным падежем существительного, которые самостоятельно передают нерасчлененные мысли, чувства, волеизъявления» [372, с. 146]: *Микола побачив його. Щось його вразило в ньому. «Романе!».* *Він так тривожно кликав, а той навіть не озирнувся* (О. Слісаренко).

Несобственно эквиваленты предложения – обращения содержат ту или иную мысль, некое чувство и произносятся с соответствующей усиленной интонацией. Этим они отличаются от обычных обращений, семантика которых достаточно ясна, без любых глубинных оттенков. Обращение касается предложения и входит в него как элемент интонационно-смыслового целого, оно не выступает и не может быть отдельным высказыванием, ср.: *«Брате Павле, коли вирушимо в дорогу? Чи знову тут будемо ночувати?»* (Б. Лепкий) – *брате Павле* – це звертання; *«Брате Павле, будемо вже врушати».* – *«Брате Миколо!..»* – *«Та що такого я сказав»* (Б. Лепкий) – *«Брате Миколо!..»* – эквивалент предложения – обращение. Объем содержания несобственно эквивалентов предложения – обращений является очевидным из интонационной картины, они являются самостоятельными и не требуют дополнительного, более широкого контекста.

Несобственно эквивалентам предложения – обращением характерна относительная семантико-грамматическая автономность, в отличие от обращения такие вокативные эквиваленты предложений не сопровождаются высказыванием в адрес собеседника, а особой интонацией выражают чувство говорящего: укор, радость, удивление, страх, предостережение,

ср.: «Олексію!» – дико вирвалося з мене, і я відчув, що здурію, якщо не врятую його (І. Карпа) – страх; «Ех, Петре, Петре!» (О. Слісаренко) – укор и под.

Функционально **вокативные несобственно эквиваленты предложения** дифференцированы на побудительно-призывные и оценно-эмоциональные. Для первых характерн призыв, требование, побуждение адресата говорящего для привлечения его внимания, соответствующей реакции: «*Вартовий!*» – *суворо промовив капітан* (А. Кокотюха); «*Друзі*», – *вимушено посміхаючись повернувся до них Василь, на обличчі якого відобразилося якесь внутрішнє переживання* (В. Дрозд). Среди таких эквивалентов предложения К.Ф. Шульжук [372, с. 147 – 149] разграничивает две группы: 1) эквиваленты предложения как призыв, просьба или требование ответить, откликнуться и под. В таких выражениях доминирует волеизъявление адресанта: «*Наталю!*», – *зукнув він, коли вона вже доходила до дверей. – «Чого вам?» – не повертаючись, запитала вона* (Панас Мирний); 2) выражения с доминированием эмоциональности, которая предопределяет определенное послабление побуждения, большей частью это выражения, которые выражают укор, упрек, осуждение, радость, тревогу и т.п.; этим мотивированна их глубинная экспрессия: *В Овксентія очі горіли якоюсь несамовитістю, він не сподівався від сина такого: «Миколо!..»* (С. Яровий). Очерченная ими семантика делает возможным их осложнение восклицаниями *ой, ах, ох, гей, о* и др., основным назначением которых выступает усиление эмоциональности: *Ой синку, синку!...*» *У її словах наче зібрався сум і тривога пережитого протягом усіх цих важких днів і років* (В. Підмогильний). Сюда же относят и высказывания, которые выражают познание определенного лица, предмета, выражая «эмоциональную реакцию того, кто говорит, к названному им

адресата» [Там же, с.148], ср.: *«Йди, йди, поглянь, хто б це міг бути такої ранньої години». – «Тату! Тату!» – бігла вона назустріч* (М. Стельмах).

Оценно-эмоциональные эквиваленты предложений – обращения выражают эмоциональную реакцию на те или иные действия собеседника, являются соответствующей эмоционально-оценочной реакцией: *«Мамо!» – Їй важко було підняти очі і подивитися на свою рідну матір, яка таке їй сказала* (А. Дімаров). В украинском языковедении в их рассмотрении существует несколько подходов. Одни лингвисты рассматривают их отдельно, выводя за границы односоставных предложений (Б.М. Кулик, П.С. Дудик, І.І. Слинько), другие квалифицируют их как односоставные и делают ударение на их члененности, мотивированной коммуникативно-ситуативными задачами (И.Р. Вихованець [57], И.К. Кучеренко [196], М.С. Скаб [304]). П.С. Дудик анализирует такие выражения «как такие синтаксические единицы языка и речи, которые находятся вне границ как двусоставных, так и односоставных. Ведь они сколько-нибудь чувствительно не обнаруживают ни содержательной, ни синтаксической расчлененности, не имеют логической и грамматической основы двусоставного или односоставного предложения» [341, с. 310], поэтому они, по его мнению, и становятся заменителями предложений. Нет достаточных аргументов для отрицания их принадлежности к эквивалентам предложения, которые составляют отдельную своеобразную группу.

4.1.2.3. Несобственно эквиваленты предложения - неоконченные (оборванные) предложения. На эти выражения нет единого взгляда. В основном их рассматривают среди неполных предложений, поскольку недосказанные компоненты можно восстановить через учет ближайшего контекста. Касались

их и в рассмотрении стилистической нагрузки неполных предложений в художественной речи. Одни исследователи считают неоконченные (оборванные) предложения разновидностью неполных и называют их «собственно неполными», «неразвернутыми» предложениями (И.А. Попова [263, с. 33]) или же «недосказанными» (П.С. Дудик [341, с. 303 – 306], О.М. Гвоздев [88, с. 202]), другие же вообще не признают их предложениями (Е.М. Галкина-Федорук [87, с. 134]). П.С. Дудик называет их неоконченными предложениями, для которых главным признаком «есть их незаконченность, незавершенность», которые следует понимать «распространенно – как незаконченность содержательную, структурную и интонационную» [341, с. 303], делая ударение на том, что понятие «предложение» рассматривается здесь условно: конструкции, которые их по определенным причинам не завершено, не сформировано во всех тех составных частях, которые присущи общей категории предложения, не могут считаться настоящими предложениями», поэтому они составляют «начальные части обычных предложений – простых «самостоятельных», сложносочиненных и сложноподчиненных" [Там же, с. 303]. Их «уламточность», по утверждению П.С. Дудика, становится помехой для их адекватного описания, поскольку из таких выражений «очень сложно сколько-нибудь четко разграничить явления типичные и менее типичные, реже прослеживаемые и эпизодичные» [Там же, с. 303]. Их малословность, фрагментарность и соответствующее строение не случайно, поскольку она мотивирована их функциональным назначением, источником которой выступает «определенное эмоциональное состояние говорящего, его волеизъявление в конкретной ситуации, переживание и оценка, соображение, намерения и т.п.» [Там же, с. 303].

И.А. Попова подчеркивает, что в таких выражениях «мысль ... еще недостаточно сформировалась, еще не превратилась полностью в явление языка – предложение» [263, с. 33], а А.Н. Гвоздев констатирует: «Умышленное недоговоривание предложений создает впечатление полной прозрачности недосказанного, а также нежелание договаривать что-нибудь неприятное» [88, с. 202]. В [99, т. 2, ч. 2, с. 89] относительно таких выражений указано, что к «неполным предложениям не принадлежат предложения прерванные, недосказанные». Самым категоричным является подход Е.М. Галкиной-Федорук, которая четко резюмирует: «Нельзя причислять к неполным предложениям особый разряд прерванных предложений, где наявны и неполнота, и недосказанность мысли. *«А что касается... то нет. Не жди, беги как-либо»* (Твард.). Такие недосказанные выражения нельзя считать и предложениями, поскольку мы даже не знаем, что хотел сказать говорящий» [87, с. 134].

Незаконченные (оборванные) предложения рядом с другими типами эквивалентов предложений выступают важным средством оформления мысли, средством воспроизведения чувств и отношений говорящего к изображаемому явлению, событию, лицу и под. Для адекватного освещения особенностей таких выражений их следует сопоставить с собственно неполными и эллиптическими предложениями, что позволит определить их статус в синтаксической системе, ср.: 1) *«А де мої? Вони ж знаходилися біля церкви»*. – *«Вони – біля школи»* (П. Загребельний); 2) *Я до Львова, він – зі Львова*; 3) *«Бувало, й обманюси, і неправду горою преш, поки не стомишся... А сучасні... (хитає головою). Не розумію...»* (О. Слісаренко). Во всех выделенных предложениях нет сказуемого, но в (1) отсутствующий член предложения восстанавливается из

предыдущего контекста. В зависимости от речевой ситуации так же может быть опущенным и подлежащее, и второстепенные члены предложения и под. В (2) отсутствие сказуемого – глагола движения – не зависит от контекста. Здесь имеется неполнота структуры. Подобные предложения «...не требуют ни контекста, ни ситуации для создания воображения о действиях и состояниях» [48, с. 349], поэтому как эллиптические предложения они большей частью конструированы из подлежащего и обстоятельства цели [87, с. 136]. Относительно (3) нельзя говорить ни о контекстуальной неполноте состава, ни о неполноте структурной. Неполное первое предложение и эллиптическое второе в отличие от оборванного третьего имеют чрезвычайно важный синтаксический признак – интонационное завершение. В третьем предложении имеющаяся только интонация начала, которая прерывается говорящим. Ударение *хитає головою* не может даже приблизительно воссоздать недостаточный предикативный член, ср. мысль А.Н. Гвоздева, который относил такие выражения к неполным предложениям: «Жесты, которые часто сопровождают устную речь, иногда могут заменять отдельные члены предложения, большей частью сказуемое. Существует ряд жестов, которые выражают утверждение, возражение, сочувствие... В этих случаях замена словами может быть только приблизительной» [88, с. 178]. Интонационное незавершение еще не означает незавершения мысли в коммуникативном плане, поскольку то, что хотел сказать говорящий, благодаря широкому контексту, речевой ситуации и жестам, становится настолько явным, что не нуждается в любом уточнении. Итак, это самостоятельная коммуникативная единица. Интонационное незавершение для выражений типа *А сучасні...*; *...а я...* и др. выступает существенной особенностью их синтаксической структуры,

которая отличает незаконченные (оборванные) предложения от неполных и от эллиптических.

Другим отличительным признаком незаконченных (оборванных) предложений есть разнообразие форм их проявления. Вследствие недосказания может обрываться вся главная или подчиненная части, вторая часть сложносочиненного предложения, любое слово или словосочетания простого предложения; эквивалент предложения – незаконченное (оборванное) предложение может состоять только из одного слова, даже из одного союза: «*Ми справді сьогодні від'їжджасмо, так що...*» (Я. Стельмах); «*I ти сміси мені це говорити. Мені, хто від самих перших твоїх кроків і до сьогодні поряд з тобою, хто переживає за тебе більше, ніж твої рідні батьки, а...*» (М. Зарудний). В отличие от неполных и эллиптических предложений, части в незаконченных (оборванных) предложениях не соотносительны с членами предложения. Их нельзя считать ни главными, ни второстепенными членами предложения. Это синтагматические единицы, а не члены предложения.

В неполных предложениях отсутствующий член предложения большей частью упоминается в предыдущей части высказывания или же в самом вопросе, поэтому его восстановление в ответе становится целиком избыточным. В незаконченных (оборванных) предложениях, наоборот, опущенная часть предложения если и возобновляется говорящим или собеседником, то только в дальнейшей речи.

Незаконченные (оборванные) предложения не соотносительны с неполными и эллиптическими и по самой сути неполноты. Причины неполноты в первых, и лингвистические, и экстралингвистические, разнообразные. Выражение гнева, осуждения, пренебрежения, нежелание продолжать речь или

формулировать мысль, отсутствие необходимости продолжать ее (собеседнику и так все ясно), разные прерывания в речи и т.д. – все это может стать основанием для обрывания предложения. Еще одной чертой незаконченных (оборванных) предложений является повышение интонации на слове, после которого обрывается предложение, а само слово приобретает особую смысловую нагрузку.

4.2. Типы эквивалентов предложения по коммуникативной установке. По категории коммуникативной установки все эквиваленты предложения делятся на повествовательные, вопросительные, побудительные.

Повествовательные эквиваленты предложений сообщают определенную информацию в свернутом виде, являясь соотносительными с предыдущим информационным насыщением. Они полностью коррелируют с утвердительными или отрицательными эквивалентами предложений (отличающихся по логическому критерию), что проговаривают с соответствующей интонацией, присущей для повествовательных предложений: «*Заспівай про нашого Йвана*». – «*Про Йвана? Ну, добре*» (О. Довженко); біл. «*Даруйце, калі спазніўся*». – «*Ды не! Я меркаваў, што ты прыбудзеш пазней – дарога ж вунь якая паганая!*» – «*Так, дужа паганая*» (М. Ткачов).

Вопросительные эквиваленты предложений произносятся с соответствующей интонацией и могут быть выражены словами типа *так, ні*; модальными словами: *добре, правильно, неправильно, справді*; частицами: *хіба, невже, навіряд* и под.: «*Полк, який втратив прапор, розформовується. Не існуватиме більше*». – «*Справді?*» (О. Гончар). Внутренне вопросительные дифференцированы на: 1) такие, в которых предыдущая конструкция требует прямого ответа на поставленный вопрос: «*Отут сядеш і чекатимеш маму з*

*роботи. Гаразд?» – «Гаразд» (О. Довженко); 2) такие, в которых выраженная семантика переспрашивания, уточнение: «А дітям прищеплення уже робили?» – «Ні». – «Ні?» (Сільські вісті. – 2007. 18 жовтня); 3) такие, в которых реализованна нерешительность, удивление, сомнение или другие эмоционально-оценочные / эмоционально-квалификационные оттенки: *Хіба?; Справді?; Та ну?; Ова?; Невже?* и др., ср.: «*Чуєте, залізне путо бряжчить?..*» – «*Хіба?*» (М. Стельмах); 4) такие, что выражают побуждение к определенным поступкам, действиям. Большею частью выраженные частицей *ну*, что часто сопровождаемая другими словами: *У глухому закутку його зустріли двоє. «Ну?».* – «*Не маю, чим з вами поділитися, а хочби й мав, то не дав би*» (А. Кокотюха).*

Побудительные эквиваленты предложений выражают побуждение: приказ, призыв, просьбу и под., отображая определенную реакцию говорящего в той или другой ситуации. Для них большей частью характерно выражение восклицаниями и близкими к ним словами типа *геть, годі, гвалт, доволі, досить, караул, мари, стоп, ура, цить, шабаш* и под.: «*Геть!*» – *вискакує з-за столу Крамовий* (М. Стельмах); «*Цить!*» – *прошепотіла Оксана* (С. Васильченко). К побудительным эквивалентам предложения принадлежат и соответствующие обращения к свойским животным, которые предусматривают соответствующую реакцию последних «*Вйо! Вйо!*» – *щораз гучніше долинали зі стегу* (М. Івченко).

4.3. Эмоционально-экспрессивные разновидности эквивалентов предложения. По эмоционально-экспрессивной окраске выделяют **эмотивные** и **неэмотивные эквиваленты** предложения. Выделение отдельной группы эмотивных (или эмоционально-оценочных) эквивалентов предложения становится мотивированным, поскольку такие образования

всегда содержат эмоциональную или модальную оценку ситуации, действия или высказывание собеседника. По специфике своего морфологического выражения они дифференцированы на **восклицательные**: «Тьху! – вилаявся, закидаючи рушницю за спину, Тихін. – Мерзота яка...» (Ж. Пісоцький); біл. «Ага! Папаўся такі, не мінуў маіх рук!» – крычав дзед (М. Лицьков); «Брава! Брава!» – запляскаў у далоні памочнік, а пан падлоўчы громка засмяяўся (Я. Колас); и **именительные**: «Біда! Знову їдуть нас перевіряти» (Сільські вісті. – 2006. – 19 січня) эквиваленты предложения.

Восклицательно-эмотивные (эмоционально-оценочные) эквиваленты предложения выражают отношение говорящего к тем или другим явлениям, событиям, предметам. По модально-экспрессивным оттенкам они чрезвычайно богаты. Такие эквиваленты большей частью выражены восклицаниями или словосочетаниями интеръективного характера *a, e, o, y, at, et, ей, ex, ox, тьху, ого, ба, овва, ага* и под., ср.: " «Овва! Не вихвачуйся, синку, з нерозумним словом» (М. Коцюбинський). Их значение ситуативно мотивированно и легко узнаваемо через узкий и широкий контекст. К.Ф. Шульжук подчеркивает, что довольно распространенными выступают эмоционально-оценочные итеръективные слова-предложения с застывшей формой именительного и призывного падежей, напр.: *Ой леле! Жартуючи, я розказав найщиріші свої почування* (Леся Українка) [Шульжук 2004, с. 143], пор. также: *Господи, Боже, лишечко, лишенько* и др.

Интеръективные эквиваленты предложения по эмоционально-оценочному значению довольно объемные, охватывающие оттенки разных чувственно-эмоциональных сфер: боль, страх, жаль, переживание, тревога, сомнение, насмешка, удивление, увлечение и под. «*Ой леле! Як воно*

болить» (М. Івченко); *«Тьху! Тьху! Тьху! І ще раз тричі тьху!»*. Ганна Гнатівна гнівно дивилася на свого кривдника (Остап Вишня). Група емоціонально-оціночних інтер'єктивних власне еквівалентів пропозиції охоплює також інтер'єктивовані фразеологізми: *Та сором ніби сказати, батьку! За дівчиною тужу»*. – *«От тобі на! Нехай вона за тобою тужить, а не ти за нею»* (М. Грушевський) (приклад з [Шульжук 2004, с. 143]) і з'єднання з компонентами *Боже, Господи*, ср.: *«О Боже мій! Дай сили і духу величного вистояти в цій нелегкій борні»* (М. Драй-Хмара).

К іменительным емоціонально-оціночним власне еквівалентам пропозиції належать такі вираження, які виражені формою іменительного падежа з значенням відношення говорящого до ситуації, окреслюють певну оцінку останньої: *Ганьба! Наші депутати не підтримали ініціативу Президента України* (Україна молода. – 2008. – 14 квітня).

Немотивними можуть виступати будь-які еквіваленти пропозиції – повествовальні, запитальні і т.п.: *Так; Ні, Ага* і под.

5. Еквіваленти пропозиції і структурно подібні їм вираження. К еквівалентам пропозиції ні в якому випадку не належать: 1) однословні пропозиції, які містять будь-який член пропозиції, виражений певною цінною частиною мови: *Вас на вулиці запитують: «Були?» І ви відповідаєте: «Був!»* (Остап Вишня), де *Були! і Був!* виступають контекстуально неповними пропозиціями; 2) пропозиції, в яких після часток мають самостійні слова, такі частки використані для надання вираженню певного чи іншого відтінку: *Ну й погода* (М. Стельмах); *Невже, тобі неволя не обридла?* (Леся Українка). Такі

образования легко могут быть распространены, дополнены соответствующими членами предложения, чтобы стать полными.

Проблема эквивалентности в синтаксисе ни в коем случае не исчерпывается прослеженными явлениями, поскольку она охватывает и закономерности проявления вариантности, синонимичности и др. Все эти явления требуют своего целостного и емкого изучения, которое сделает возможным надлежащую их квалификацию и определение функционально-семантической парадигмы тех или иных лексико-грамматических классов слов, в частности частиц, междометий и под.

IV.5. The Functionality in the Syntax: the Peculiarities of the Analysis

In the modern linguistics the studies which are targeted to the considering the peculiarities of the language levels interaction become more and more actual (N. Arutyunova, H. Baylon, A. Bondarko, S. Vazhnyk, I. Vykhovanets, K. Gorodenska, M. Johnson, G. Klayber, J. Lakoff, V. Evans, K. Mignot, A. Mikhnevich, O. Paducheva, L. Popovych, O. Seliverstova, N. Slyusareva, V. Khrakovskyy, V. Yartseva and others), that makes it possible to consider the language system as a holistic one within which the balance of its components with the availability of the appropriate regulating mechanisms guarantees its relative stability, self-organization and development. The interpretation of the language levels reflects the ways of their interenrichment and creation the functional-semantic paradigms of theses or these forms. The definition of the functional significance of the corresponding forms is especially important. Such functions cause the interparts-of-speech transformations, on the one hand, and the innerparts-of-

speech transformations (the intercase (the noun), intertense and interperson (the verb), etc.). All these facts condition the **relevance** of the proposed analysis.

The main **aim** of the research is the definition of the whole range of the functions in the syntactic system with the determination of the status of each of the defined functions. In this regard, it is motivated **to solve** such problems: 1) to characterize the inventory of the functions in the modern syntax with the consistent distinction of the aspects of syntactic units; 2) to find out the correlation of the syntactic functions interacting with the structural and semantic ones; 3) to deduce the communicative functionality in the syntax with the differentiation its significance in the formal-grammatical, semantic-syntactical, properly-actual, pragmatic and other aspects.

The novelty of the analysis which is done is conditioned by the consideration of the whole range of the functions in the syntax as a system, each component is correlated with the appropriate aspects of the syntactic units. **The theoretic value** of proposed analysis is motivated by studying the notion of functionality in the syntax and defining the differential features of each of the types of functions in the syntax. **The practical significance** of the realized consideration is determined by the possibility of using its results in studying the theoretic and functional-categorical grammar, in practice of teaching grammar in the high school and in working out new special courses in the actual problems of the modern linguistics.

1. The functionality in the syntax: the categories of the sentence semantics and the levels of the sentence. The analysis of the functionality in the syntax is directed at the realization of the category semantics of the sentence which includes 1) the semantic determinacy / indeterminacy; 2) the linear (lineary) order (compare: [9, c. 190 – 195]); 3) the positional content; 4) the formal combinability (the forms of the syntactic relation) and is correlated

with the formal-grammatical, semantic-syntactical, properly-semantic and communicative levels of the sentence and the relevant categories. The categorial semantics of the sentence can be considered only with regard to the whole its content in integrity.

The modern approaches to the Slavonic sentence analysis are concentrated in the parameters: 1) the categories of verity (affirmative / negative); 2) the categories of the communicative aim (narrative / interrogative / imperative / optative); 3) the categories of the informativeness (the theme-rheme actual division); 4) the categories of the emotiveness with the inner-categorial realization of the affectiveness (exclamation / non-exclamation) taking into account the relevant aspects – formal-grammatical (properly-syntactic), linear (the order of the elements on the axis of their combinability), semantic-syntactical (the status roles of the participants), semantic (properly-semantic (the structure of the situation)), communicative (logical-communicative (the actual division)), emotional-expressive (the subjective speaker's intentions), discourse-communicative (the situational parameters of the motivation), cognitive-model (the ability to express the deep structure of the thought, according to the stable model of the virtual subject and the virtual predicate combination), pragmatic (the situational «dive») make it possible to find out the inner- and the outer-sentence motivation of each of the sentence components, its functional significance. The qualifying parameters of the stages of the sentence analysis from the structural-syntactic up to the linear one – semantic – logical-communicative – emotional-expressive – discourse-communicative – cognitive-model – pragmatic outline the main transitions from the formal structure to the gradual manifestation of all possible contents and interpretations of the sentence, the levels of the deep semantics of each of the components.

Each level of the sentence has the set of categories integrally expressing its characteristic features. The categorial semantics of the sentence can be considered at the all levels of it. Today the well-researched one is the analysis of the categorial semantics of the sentence through the semantic-syntactic aspect of its investigating the functional and semantic invariants / variants of the elementary unit of this level – the syntaxeme. The analysis of the functionality of the sentence component must be based on: 1) the finding out the forms of its syntactic relation and the peculiarities of the structure (simple / complex or simple / complex / compiled); 2) the determination of its inner-sentence linear position (preposition, postposition, initial / final position); 3) the characteristics of the situationally actual significance of the element (the theme component, the rheme formant, etc.), and so on. The categorial integrity of the sentence is reached by the all components unity because of: a) its nomination the holistic situation; b) expressing the holistic thought; c) integral communicative aim; d) the linear continuity, etc. At the same time, the sentence is divided at each of the levels because it contains some components as the realization of the certain function.

The defining feature of the sentence as the message is the predicativity as the grammatical realization of the predication. In the predicative aspect the existence of the subject and the relation between the characteristic and subject are defined by the very act of thought (the act of predication). The predication relation is giving some features to the subject by the certain act of thought and speech. The latter is realized in the relation between the subject and the predicate. In the abstract-system dimension in order to be the actualized speech unity (phrase) the sentence must define described fact as for the time of messaging and the speaker's position (after V. Gakh) [86, c. 543]), which is provided by the categories of tense and modality as the basic predication categories (with the category of

person). The logical (combination of the two elements of thought: subject and predicate), denotative (semantic: the interrelation with the certain situation), formal-syntactic (the correlation of the subject and the predicate) approaches to the interpretation of the predication make it possible to find out the symmetry / asymmetry of these three aspects and define the structural, semantic and other kinds of such symmetry / asymmetry.

2. The functional manifestation of the sentence is easily deduced not only in the particular sentence ((1) *Діти читають книгу* – at the formal-grammatical level (the predicative relation in the form of coordination), linear-positional (the antecedence to the predicate, the left-sided position), semantic-syntactical (subject), communicative (theme), properly-semantic (agent) and other levels is inherent for the word form *діти*), but in all typologically relative ones. The interpretation of the component of the sentence functional status in different aspects makes it possible to figure out the symmetry / asymmetry of the form and semantics. The linear subject position can stand as the semantics of: a) the subject ((2) *Студенту йдуть на концерт* (symmetry)); b) the addressee ((3) *Діти слухають казку* (the primary asymmetry); c) the instrument ((4) *Вітер знищив урожай пшениці* (symmetry ↔ asymmetry)) and others. The left-sided verb-predicate intentions condition the inner variation within each of the semantic linear-subjective position functions, cf.: (5) *Спортсмен біжить* (the subject of the action); (6) *Дитина спить* (the subject of the state); (7) *Дерева ростуть* (the subject of the process); (8) *Син поважає батька* (the subject of the relation), etc. The crossing and the juxtaposition of some intentions (linear-positional) as to the others (semantic-syntactical, properly-semantic, etc.) motivates the necessity of their differentiation in the syntactic analysis which is especially easy to

observe on the ground of intersentence transformations and the realization of the syntactic synonymity.

The sentence modifications can be considered at the different sentence levels with the taking into account the corresponding categorical semantics. The analysis of such modifications just at the grammatical and semantic-syntactical levels makes it possible to reveal the patterns of the verbal two-member sentences' transformations into the nominal two-member ones that reflect the direction of the syntactic derivation which is realized in the corresponding structural schemes: (9) *Спортсмен бився відважно* → *Спортсмен був відважним*. The syntactic derivation is on the grammatical level of the sentence, including unlimited number of the concrete sentences. The peculiarity of the syntactic derivation is in that fact that in the derived one (without taking into account the derivational stages) the sentence semantic category is vague, its degree depends upon the derivation increment. The marginal manifestation is partial / full leveling of the sentence categorical semantics: Ukr. (10) *Хлопець дивився пильно* → *Хлопець був пильним*; Rus. (11) *Парень смотрел внимательно* → *Парень был внимательным*; Czech. (12) *Ten chlap vupadal rozorné* → *Ten chlap byl rozorný*, etc. The post-verbal part of the sentence [381, с. 195] having in the two-member verbal sentence the status of the qualifier of the action in the nominal two-member sentence has the status of the nominal part of the predicate. In the first sentence there is the categorical dynamic, in the second one – static. The change of the linear-positional function of the post-verbal part of the sentence because of the syntactic derivation providing its semantics saving predetermined the change of the whole categorical semantics of the sentence – from the dynamic to the static one (the post-verbal linear position of the optional component of the structural scheme with the function of the

adverbial modifier → the nominal part of the compound predicate as the obligatory component of the structural scheme).

The reverse process is realized in the syntactic derivation which includes the general typological model of the transformation “the two-member nominal sentence → the two-member verbal sentence”: in the first one there is the dissected expression of the modality and predication, and in the last one – the modality and predication are holistic, cf.: Ukr. (13) *Хлопець був (працював) лікарем* → *Хлопець лікарював*; Rus. (14) *Парень был (работал) врачом* → *Парень врачевал*; Czech (15) *Ten chlap byl lékař* → *Ten chlap byl lékaře*.

3. The linear-positional functionality. The functionality is derived in its general meaning from the function which includes the realizations of the certain form in its semantic significance: (16) *М'яч* (← the instrumental subject (instrumentive) + the subject of the active action + conditioned by valency component – the semantic function is complicated by the position (syncretism)) *зробив коло навколо стадіону*. Such derived sentence formations prove the positional modification of the sentence component and the configuration owing to which it sets the linear-subject position with the appropriate structural realization and, at the same time, secondary-primary semantic potential. In such kind of transformations the defining feature is the change of the linear-positional function, after which the formal-semantic asymmetry is actualized.

Generally, position (Lat. *position* – put, set) – is the word form possibility to set the certain position in the sentence, namely the appropriate formal and meaning features are inherent in the word form: (17) *Дитині приємно бачити своїх батьків* (*дитині* – the word form expresses the subject in the dative), or the specification of the syntactic function in the models of sentences and word-combinations. In the model-positional aspect it is differentiated such

inner-sentence positions as: 1) of the predicated component; 2) of the predicating component; 3) the model modifier, and so on; and in the word-combinations, according to the morphological realization of the core component: 1) near-verbal; 2) near-substantive; 3) near-adjective; 4) near-adverbial modifier. In accordance with these positions it is differentiated the functions: the function of predication, of modifier, etc. (the model-positional aspect); the near-verbal, the near-substantive, and so on (word-combinations). At the same time, in the inner-sentence area it should be differentiated the positional functions as for: a) the linearity: initial, final, etc. (the order of the components); b) the formal realization: specialized, non-specialized (the peculiarities of the realization); c) the semantic significance: subjective, objective, and so on; d) the direction (as for the predicate) – left-sided or right-sided, etc.; e) as for the number of elements: one-, two- and more elements, etc. The linear-positional function is the component status on the sentence syntagmatic axle.

One of the manifestations of the linear-positional function significance of the sentence component is the expansion of the position realization from one- to two-, three-, four-member, in which the linear position interacts with the structural integrity. The latter mostly correlates with the semantic coherence. The specific feature of the structural integrity is the formal-grammatical determination of the second content component by the top first one: *відчути радість* (= *радіти / зрадіти*) ((18) *Дівчина відчула радість від зустрічі з подругою*) – and the semantic domination of the second component over the first one with saving its semantics in the transformations. At the same time, the structural function of the sentence component can be enough for the formal predicative realization, the obstacle to the sterling status is semantic scantiness as the post-verbal component semantically fill the dissected syntactic position: (19) “*Надійшла важлива і вчасна пропозиція передову сьогоднішнього номера*

вивісити на дошку кращих матеріалів і сплатити автору підвищений гонорар”, – безсторонньо повторив Загатний (V. Drozd) (the dissected auxiliary component – the verb-support + predicative noun *пропозиція*); (20) Хлопчик **мріяв** про поїздку / (21) Хлопчик **мріяв** поїхати і (22) Потім я **відчувала** велику **втому** і через те начебто відпрошувалася від розмови, вголос цмокаючи трубку й посилаючи повітряне «па-па» невидимому співрозмовникові (M. Matios) → *Потім я **втомилася** і через те начебто відпрошувалася від розмови, вголос цмокаючи трубку й посилаючи повітряне “па-па” невидимому співрозмовникові (мріяв – autosemantic and відчувала – synsemantic); (23) ...І **ведуть** вони між собою тиху-таємну **розмову**: чутно тільки шелест жита, травиці... (Panas Мурнуу) → *І **розмовляють** вони між собою тихо-таємно: чутно тільки шелест жита, травиці... (розмовляють – autosemantic and *ведуть* – synsemantic). In the structural aspect (structural schemes, models, etc.) it should be reflected maximally the patterns of the semantic integrity of the corresponding linearly dissected components.

The linear-positional function is internally differentiated onto three types: a) syntagmatic; b) paradigmatic; c) syntagma-paradigmatic. The first one is realized in the orderliness of the sentence components one after another which is fully realized in the model “attribute + the name of the subject (the core component)”: Ukr. (24) *Густа* вода спливає з гребель... (В.-І. Antonych); Czech (25) *Teď čtu nový román* ‘Тепер я читаю новий роман’. The second type is typical of the realization of the right-sided strong-governmented / half-strong-governmented / weak-governmented near-verbal part of the sentence: its semantics performs the element of the core component of semantic structure: Ukr. (26) *Батьківщина* свого **сина** кличе / найпростішим, неповторним, вічним словом

(В.-І. Antonych) (*сина* – strong-governmented); Czech (27) *Milujete svou vlast* ‘Ми любимо свою вітчизну’. The latter type is fully represented in the subject and predicate of the sentence where the positional predicate manifestation is agreed with the subject form and the left-sided component is formally determined by the predicate semantics: (28) Ukr. *Танцюють татуйовані дівчата на майдані мрії...* (В.-І. Antonych); Czech (29) *Bratr už chodí do školy* ‘Брат уже ходить до школи’. These three analyzed types of the positional-linear function cross with the structural ones (the first one – the adverbial-subordinated (agreement); the second one – the adverbial-subordinated (government); the third one – predicative (coordination)). The peculiarity of the syntagma-paradigmatic type is the possibility of its realization in: a) purely positional syntagmacy of the left-sided component and its intermanifestation with the other component of the grammatical base of the sentence: (30) *Журавлине «кру-кру» линуло прощально* (В. Лепкуу); b) the positional juxtaposition of two components: (31) *Любити Вітчизну – служити усіма силами*; c) the positional predication: (32) *Раптом щось під ногами трісь* (М. Ivchenko).

The positional-linear function clearly comes out in the organization of the certain syntactical position (full / dissected) and sentence in general. The first one is observed in the significance of the obligator adverbial modifiers and free closing of the near-sentence elements: (33) *Студенти розташувалися в аудиторії* (valence conditioned component) / (34) *В аудиторії лунала музика* (the closed near-sentence element). The positional-linear function determines the categorical semantics of the word: (35) *Хай добрим буде ваш славний день* (the particle) / (36) *Хай вітер і негода бушують скрізь, будемо впевнено прямувати до своєї мети* (conjunction). The interaction of the semantic and positional-linear functions makes it possible to find out the models of repeat / non-

repeat of the prepositions ((37) *Щодо мене і щодо нього допущена помилка*), conjunctions (coordination, subordination), particles (the functional typology), etc. The function of the formalization (specialization) of the syntactic word is observed in its regular filling the appropriate syntactic position and transforming the status role into the core or subordinated role, intermanifestated or of equal functions, etc.

4. The typological manifestation of the semantic functionality. Within the semantic function the outside manifestation of its zero significance is the pleonasm, within which the right-sided component is just structurally and linearly determined: (38) *Я сто[ж-у] на узліссі* (the semantic repeat – $я \leftrightarrow /у/$, whereas the analytical component **я** is the affix).

The semantic function correlates with the patterns of the typological situations' structuring and as the result it is easy to separate the primary and secondary semantic functions and figure out the typologies of the semantic roles and semantic predicates.

The semantic function directly correlates with the certain element distribution which is easily observed on: 1) the differentiating its inner-sentence status role: (39) *Правда моя чистіша за джерельну воду* (V. Mysyk) (*правда* – the subject (the double-sided predicative connection) and (40) *Правда, світлішим стало небо* (M. Stelmah) (the modal connection); 2) its distributive: a) (41) *Якщо син приїхав вчора, то він уже побачив викошене сіно* (Gr. Tyutyunnyk) (*якщо* – hypothetical); (42) *Василько щасливий, якщо поливає свою городину* (V. Pidmohylnyy) (*якщо* (= коли) – repeat); b) (43) *Якщо йшов дощ, косарі перевертали покоси* (The Silsky visti. – 2010. – 12.06) (*якщо* – the generalization as the contextually conditioned modification of the *якщо* – hypothetity); c) (44) *Якщо в нього батько захворів, то він може оформити вільне відвідування* (*якщо* – the state of things);

d) (45) **Якщо** хлопці встигли на автобус, вони уже вдома (**якщо** – the probability) and (46) **Якщо** хлопці уже вдома, вони встигли на автобус (**якщо** – hypothesis + mental conclusion (the contextually conditioned modification), namely quasiconversive of the hypothetity). Besides, it can be added: e) illocutionary meaning якщо (after J. Ostin [246, с. 78 – 82]): (47) **Якщо** захочеш їсти, в холодильнику є м'ясо) and f) its modus fixing in the row of constructions: (48) **Якщо** вірити плиткам, то полк мав вирішити цієї ночі (Y. Gashek) (**якщо** – the special insertion); also g) comparing semantics: (49) **Якщо** кочівники займались тваринництвом, то осілі народи рано досягли високої культури землеробства (look also: [353, с. 37]), compare the figuring out the semantics of the particle *таки* in different discourse [22, с. 9]. The typological manifestations of the semantic functions should be done with taking into consideration the semantic structure of the sentence and the corresponding contexts. The sentence essence in all languages is in the deployment of the subject characteristic.

The kernel of the primary propositional semantics consists of the elementary non-derived sentences and within the semantically non-elementary simple sentence such status is given to the first peripheral component – the attribute (the immediate feature). It is anticipating concerning the subject: (50) **Червона** троянда цвіте. The predicative structure develops in another direction: the speaker's intention actualize the time-space aspect of the subject and its connection with the other subject – object. Generally, the analyzed sentence includes: the qualitative (the primary subject) + the locative + the temporative + the object. The formal non-manifestation of the certain component anyway does not mean its absence as the manifestation can be implicit, compare: (51) *Квіти цвітуть* (= the qualitative + the processual temporative (the Present Tense) + the locative (zero)). The realization of the temporative and

locative is conditioned by the existence of the speaker who regenerates the utterance in the time-space (E. Gussler [108, c. 378], M. Heidegger [83, c. 87]), because the subject is built-in into the irreversible time character.

The definition of the typological semantic functions realizations (the semantic roles of the arguments (agents), semantic types of predicates, etc.) is possible just under the condition of consistent figuring out the correlation of the sentence structure with the corresponding typological situation. The reality exists in three main kinds: the real world, the virtual (artificial real) world, the inner world (look also: [294, c. 285 – 291]). Usually it is enough the real world which is the most obvious: (52) *Учні садили дерева* / (53) *На вулиці сніжить* / (54) *Білка стрибала з дерева на дерево* / (55) *Діти ліпили іграшки з пластиліну*. **The real** world with all its awareness becomes the subject of conversation only if it is perceived and the event is actualized. If (54) *Білка стрибала з дерева на дерево* and it is not observed by the speaker the subject of the conversation cannot exist and that's why does not get the language expression. At the same time, those that is wordly expressed is not always perceived by the speaker properly but is connected with his interpretation of some information he has heard or read: (56) *Подумати тільки, який торнадо пронісся у штаті Колорадо (США)*.

The virtual world is constructed with the human created worlds (after A. Mustaioky [228, c. 32]), which are not real but similar to it and are its indirect copies in some aspects. In the virtual world such categories are distinguished: 1) the technic world; 2) the world of dreams ((57) *Мріялось про гарний відпочинок на березі моря* (A. Dimarov)); 3) the world of sleep dreams ((58) *Василько знову бачив сон, як його омріяний город знищують* (V. Pidmogilniy)); 4) the world of imagination ((59) *Уявилося, як удвох вони йдуть*

дугом, а запашині трави б'ють своїм запахом у груди (Y. Gutsalo)); 5) the world of wish ((60) *Бажалося чогось нового, а не цієї щоденної рутинної редакторської роботи* (V. Drozd)); 6) the world of directness ((61) *Зайдіть негайно до мене!*). The creators of the virtual worlds, their unlimited number are: 1) tales; 2) fiction; 3) cinematography; 4) painting; 5) literature, etc. Some figures of the virtual world are canonized: *Baba-yaga* – Баба-яга, *Did Moroz* – Дід Мороз, *Dracula* – Дракула, *Tarzan* – Тарзан, *Ivasyk-Telesyk* – Івасик-Телесик, *мавка* – мавка, *rusalka* – русалка, *гном* – гном, *домовук* – домовик, etc. The personages of famous novels, stories, films and series also belong to this group. The special space of the virtual world is represented by the ancient and modern gods and similar to them personificated realities (*Zevs* – Зевс, *Venera* – Венера, *Neptun* – Нептун, *Poseydon* – Посейдон, *Dazhdbog* – Даждзьбог, *Perun* – Перун, *Lada* – Лада, *Khaos* – Хаос, etc.). «As the agents they <...> can do such actions which people of the real world do not do» [228, с. 29]. There are also the special areas of the virtual world: paradise: (62) *Я мов метелик я білий білий / Як він химерний як він несмілий / Літаю біло у білім сьйві / Лечу для лету летить у рай він* (M. Semenko); hell: (63) *Смола там в пеклі клекотіла / І грілася все в казанах, / Живиця, сірка, нефть кипіла; / Палав огонь, великий страх! / В смолі сій грішники сиділи / І на огні пеклись, горіли, / Хто, як, за віщо заслужив. / Пером не можна написати, / Не можна і в казках сказати, / Яких було багацько див!* (I. Kotlyarevskyu). In the virtual world it is important to define the typology of situations (the speaker in some cases takes part actively ((58) – (60)), in others – the observer ((62) – (63)) and on this basis to differentiate the functions of the inner-sentence components.

The third world is **the internal experiences** which is especially essential for the speaker, the experiencer: (64) *Мені погано;*

(65) *Петро з Марією дружать*. The definition of the semantic functions typology is possible only taking into consideration the peculiarities of three worlds and the functional significance of their participants in corresponding situations, with the definition the typological interrelation of the surface and deep levels.

5. The structural functionality is observed in the certain forms specification (the formal-grammatical level): 1) the properly-auxiliary (*бути, становити, являти собою*), irregularly auxiliary (*лишити / лишатися, залишити / залишатися*) and potentially auxiliary (*зватися, називатися*); 2) the concretizers (*хлопці* → *два хлопці*); 3) the postpositional correlation (*нід'їхати до садиби; наступити на камінь*); 4) the structurators of the certain syntactic position (*поїхати з міста до села; потяг від столиці до санаторію*).

In the modern linguistic dictionaries and grammars of all Slavonic languages the notion of **linking verb**, its function appears regular in description and qualification of the sentence structure, in particular, in consideration the main parts of the sentence (cf.: [Вихованець 1992: 45 – 51]). The notion of linking verb can be in interpreted in the broad and narrow aspect. The broad approach is based on the general understanding of *linking (connect)* which is in interpretation means “unite, bind”. In this area the statement of O. Potebnya seems to be rather convincing [267, с. 127 – 128] which provides that the preposition because of its main features appears the analogy to the linking verbs, whereupon prepositions are “purely links of the object” (Ukr. *ходить навколо* (чого?) *будинку, перестрибнути через* (що?) *паркан*; Rus. *ходить около* (чего?) *дома, перепрыгнуть через* (что?) *забор*; Belarus. (66) *Хадзіць вакол* (чаго?) *дома, пераскочыць праз* (што?) *плот*; Sloven. *hoditi okoli* (kaj?) *hiša, skok čez* (kaj?) *ograja*; Serb. (67) *Шетају* (шта?) *кућа, скочите преко* (шта?) *ограда*; болг. (68) *Разхожда* (какво?)

къща, прескача (какво?) ограда; Czech *chodit* (co?) *dům*, *skok přes* (co?) *plot*), and after D. Ovsyanyko-Kulikovskiy [237, с. 45 – 56] – prepositions are the parts of the sentence the main purpose of which is to link the objects and adverbial modifiers with the other parts of the sentence. In this case, it is identified the structural and semantic functions. According to the broad approach, the inner-sentence connections include: 1) the prepositions (in the simple and complex sentences); 2) the conjunctions (in the complex sentence); 3) the verbs (in the simple sentence). According to the narrow interpretation, the notion “linking verb” covers the components which express the logical relation between the predicate and subject (V. Vinogradov [54]). The spreading of such interpretation of the link is absolutely motivated by its status in the sentence structure.

The linking verb is the result of the verb desemantization and taking on the properly-grammatical status (the localization in time, modality (mood), aspect, person). The terminological description of the linking verb in the predicate in the Slavonic grammars is mostly adequate – it is qualified as the auxiliary verb (the link from Lat. *copula*), cf.: in Serbian – *копула* (*спона*), копулативни глагол (R. Simych, Y. Yovanovich [298, с. 73 – 75], J. Stanoychich, L. Popovich [324]); in Russian – *связка, вспомогательный глагол* (V. Byeloshapkova [314, с. 457 – 505], G. Zolotova [158], M. Vsevolodova [78]); in Bulgarian – *глаголи, чиито форми изпълняват помощна функция в съставно то сказуемо, копулата* (the compound nominal predicate) (K. Popov [264, с. 67 – 75], I. Nedev [232, с. 28 – 34], P. Radeva [273, с. 32 – 33]); in Polish – *łącznik* (*copula, spojka*), *czasownik posilkowyj* (K. Pisarkova, R. Gzhegorchikova [402]); in Czech – *spona* (*kopula*), *sloveso kategoriálně* (F. Danesh [410, с. 21 – 40], S. Zhazha [the same: 673 – 676], E. Dvorak [the same: 630 – 636], P. Karlik [the same: 706 – 707]), etc., and the general model is given as: *copula* +

nominal near-link predicate ‘*копула + іменний призв’язковий предикатив*’ (K. Pisarkova [413, с. 37 – 41], I. Nedev [232], J. Stanoychich, L. Popovych [324], A. Nagurko [412, с. 56 – 67], etc.). On the purely functional and completed structural principles sometimes the linking verb is singled out as a separate part of speech (V. Vinogradov [54], V. Gorpynych [95]), which is based on the purely syntactic criteria.

In the structure of the nominal compound (analytic (I. Nedev [232], K. Pisarkova [413, с. 37 – 41], Z. Glavska [410, с. 17, 39, 151])) predicate the linking verb with its differential features of the element of the existential sentence component includes such realizations: 1) non-categorial (properly-existential): Ukr. *бути, являти собою, становити*, Czech *být / bývat*, Serb. *јесам / бити* with its phase and modal modifications like (69) Ukr. *Хлопець хоче бути учителем*; Bulg. (70) *Момче иска да бъде учител*; Czech. (71) *Chlapec chce být učitelem*; Pol. (72) *Chłopiec chce być nauczycielem*; Bel. (73) *Хлопец хоча быць настаўнікам*; Slov. (74) *Deček hoče biti učitelj* (up to 70 modifications in each of the Slavonic languages (compare, for instance, in Slovenian [389, с. 35 – 38], Polish [391, с. 101; 412, с. 56 – 67], Czech [410, с. 456 – 487]); 2) half-categorial (approximately 20 – 25 lexemes and with the phase and modal modifications – up to 170 types) like Ukr. *Ставати / стати* → *розпочинати* or *мусити ставати* (nascence or transformation), *здаватися / здатися* (of demonstration) → *розпочинати* or *мусити здаватися*, Pol. *stać / być* → *rozpoczynać, zaczynać / musieć*, Slovak *stat / je* → *spustiť* або *prinútiť stat*, Sloven. *postati / biti* → *začetek / prisili biti*, Czech. *být / bývat* → *začít / chtít být*; the number of them is gradually being enlarged with the verbs like *відчувати / відчути (себе), користуватися, виглядати* in the regular combination with the abstract nouns: *відчувати / відчути себе втомленим; виглядати*

столненим, користуватися славою; 3) categorial (autosemantic): *іти, повернутися* (movement) – Serb. *ићи, вратити се*; Sloven. *rojdi, vrnitev*; Bulg. *отида, връщам се, працювати, служити* (activity) – Serb. *радити, служити*; Sloven. *delo, služijo*; Bulg. *работя, служба; мовити, питати, сказати* (speak) – Serb. *говорити, питати, сказати / рећи*; Sloven. *pravijo, vprašati*; Bulg. *казвам, питам, прехвърлям*. The general model of such analytic (dissected) predicate in all Slavonic languages is per se identical, is realized in the basic form as *СорN* in the appropriate structural sentence schemes; sometimes the first component is characterized as V_f (R. Gzhegorchikova [402]), emphasizing in this way on its transitional-intermediate status between the auto- and synsemantic verbs. The latter is absolutely motivated taking into consideration the half-categorial and categorial linking verbs.

The first type of the linking verbs (non-categorial) forms the kernel, the second group (half-categorial) is the half-peripheral one as their status of linking verb is out of doubt, at the same time, they can be the autosemantic one in these or these syntagms as: *користуватися комп'ютером*, etc. The third group represents the periphery. Their linking verb status is motivated by the range of syntagmatic factors among which the special role has the near-link component, compare, for instance, among the verbs of movement it usually covers the profession nomination (*інженер, хімік, зв'язківець, менеджер, провайдер*, etc.), ranks, grades (*капітан, майор, доцент, професор*, etc.), social conditions / status (*бізнесмен, олігарх*, etc.). The specific group is the verbs like Ukr. *керувати, командувати, вести, ходити, сидіти* (Serb. *руководити, командувати, управљати, ходити, седети*; Pol. *kierować, dowodzić, prowadzić, chodzić, siedzieć*; Czech. *vest / řidit, velet, vest, ošetřovat* (after ill people), *sedět*), which determinate the presence of the regular near-verbal component. The latter being

on the bound between the secondary part of the sentence (object ↔ adverbial modifier) and predicate (after V. Yurchenko [Юрченко 2005]), syntagmatically fills the properly-verbal component and forms with it the half-phraseological unit: (75) *Учений керує аспірантами*; (76) *Син командує ротою*; (77) *Донька ходить на лижах*. In some languages such derivatives are represented with one word: Ukr. *ходить на лижах – лижувати*; Serb. *скијати се*; Sloven. *smičanje*; Pol. **nartach* (hypothetically), etc.

6. The communicative functionality is realized in the regularities of gaining the equal status by the certain components through their coordination. The latter does not correlate with the functional (the parts of the sentence with different functions) and lexical-semantic (the parts of the sentence are lexically and semantically heterogeneous) homogeneity [150, с. 675 – 687]. It is the result of the situational significance of this or this component and its getting the communicative coordination. Communicatively homogeneous components form the holistic range (hence the notion of the range). The function is the basis of coordination within simple sentence as the homogeneous elements are those which have the identical syntactic function although the latter should not be qualified in a simplified way or schematically: (78) *Микола і Василь любили своїх матерів* (V. Drozd) – **Микола любив своїх матерів + *Василь любив своїх матерів*. In this case the syntactic function correlating with the syntactic position (the subject) determines the functional equality of two components (*Микола і Василь*). The semantic synonymity like (79) *Микола з Василем любили свої матерів* is the signal of the integrity of the word combination *Микола з Василем*, their equal manifestation in action and, at the same time, proves the equal-rankity.

7. The functionality and syntactic interchanges. On the semantic and positional-linear functions the main types of the

syntactic interchanges are based which are mostly conditioned by the lexical noun features (*низка, більшість, меншість, частина*, etc.) or by the syntactic surround (belonging to the communicative, subordinate construction). To such interchanges belong, first of all: 1) the realizations of the direct object: (80) *Художник намалював картину* → *Художник не намалював картини* (the forms of accusative and genitive prove the interchange, the confirmation of which is the possibility of using genitive in the negative constructions: (81) *Художник не намалював картину*); 2) the equal competitiveness of the coordination forms in the constructions like: (82) *Більшість працівників поїхали на відпочинок* ↔ *Більшість працівників поїхала на відпочинок*, compare also: *Більшість працівників поїхало на відпочинок*; 3) the forms of the subject coordination in the commutative or coordinate construction: (83) *Марійка* (Sing., f.) *пішла*, but (84) *Марійка* (Sing., f.) *і Петрик* (Sing., m.) *пішли* (Pl.); (85) *Марійка* (Sing., f.) *з Петриком пішли* (Pl.); 4) the realizations of the duplexive in the co-predicative constructions: (86) *Оксанка* (Sing., f.) *приблизить схвильована / схвильованою* (Sing., f.); (87) *Василько* (Sing., m.) *приблизить схвильований / схвильованим* (Sing., m.); but (88) *Оксанка* (Sing., f.) *та Василько* (Sing., m.) *приблизять схвильовані / схвильованими* (Pl.); (89) *Оксанка* (Sing., f.) *з Васильком приблизять схвильовані / схвильованими* (Pl.); 5) the constructions with “the indirect objects” which require the coordination of arguments: (90) *Батько вважав сина* (Sing., m.) *розумним*; (91) *Батько вважав доньку* (Sing., f.) *розумною* → *Батько вважав сина* (Sing., f.) *й доньку розумними* (Pl.) (cf.: [288, с. 79]).

The generalizations and conclusions. In the syntax the notion of the functional identity that includes “the identity of the corresponding surround” as the obligatory feature is connected with

the functionality. The functionality makes it possible to:

- 1) differentiate the types of coordinate constructions (homogeneity: a) functional (*малюю куці і квіти*); b) lexical-semantic (*розмовляти про студентів і зі студентами*); c) communicative ((92) *Люблю поезії, але українські*));
- 2) realize the structural peculiarities of the coordination, subordination and the patterns of the coordinate and subordinate overlap;
- 3) define the types of the coordination (the coordination of the sentences, coordination of the parts of the sentence, coordination of the sentence and the part of the sentence) and subordination;
- 4) determine the conditions of interchanges in the syntax;
- 5) diagnose the symmetry of the predicates;
- 6) describe the contexts of the general compatibility of the parts of the sentence and namely the compatibility of the coordinate and subordinate parts of the sentence;
- 7) find out the communicative structure of the sentence with the investigation of its theme-rheme division significance;
- 8) detect the sentence communicative intentions and the functional perspective of it in the text.

It is **perspective** to research the correlation of the functionality in the syntax and morphology and also to define the features of the manifestation of diagnosed functions in the syntax in the languages of one system and the languages of different systems.

IV.6. Современные синтаксические теории: классификационное и квалификационное измерение

1. Вступительные замечания. Адекватное освещение актуальных вопросов современного синтаксиса предусматривает сосредоточение внимания, по крайней мере, на двух основных измерениях этой проблемы – теоретическом и прикладном, хотя каждый из них имеет свои особенности, они взаимосвязаны между собой и вместе с тем взаимодополняют друг друга. Для

теории современного синтаксиса характерна активная «вмонтированность» в общеграмматический корпус проблем.

Да и большинство современных грамматических теорий в их концептуально-проблемном просторе мотивированна синтаксическими наработками. Так, выделение тех или иных грамматических подходов основывается на направлениях изучения формы и содержания языковых единиц, установлении строения и функционирования грамматических единиц и категорий. Поэтому целесообразной становится характеристика основных направлений исследования синтаксиса в современных грамматических студиях, из которых значимыми являются: 1) **формальный синтаксис** (изучает синтаксические формы, их строение, группирование по правилам соединения (форма слова и форма словосочетания – основные линии формальной грамматики); 2) **контенсивный синтаксис** (исследует синтаксические значения, их структуру; синтаксические категории, средства их выражения; соотношение синтаксических значений и категорий с логическими и понятийными категориями, в связи с чем контенсивный синтаксис преобразуется то как логический синтаксис, то как психологический синтаксис, то как семантический синтаксис); 3) **статический описательный (синхронный) синтаксис** (изучает единицы и категории синтаксиса в статике); 4) **динамический (функциональный) синтаксис** (исследует потенциальные функции языковых единиц и категории в их функционировании в пределах одного современного состояния среды, рассматривая в этом случае языковые единицы во взаимодействии синтаксических и лексических единиц языка в пределах схематического и реального контекста, в рамках того самого фунуционально-семантического поля или во взаимодействии таких полей); 5) **исторический (диахронный)**

синтаксис (изучает язык в диахронном аспекте); б) **лексический синтаксис** (исследует особенности всех лексических элементов и устанавливает закономерности их синтаксического поведения). Проанализированные других синтаксические теории рассматривают язык в самом себе и поэтому возникают лингвоцентричные (абстрактно языковые). Вместе с тем они могут быть одноязычными, двуязычными (сопоставительными), типологическими и универсальными. Им противопоставлены исследования речевого, коммуникативного синтаксиса, которые рассматривают речевое общение. Лингвистические теории этого направления называют антропоцентричными.

Все типы современного синтаксиса: и лингвоцентричны, и коммуникативны – являются сугубо теоретическими, так как исследуют: 1) общие свойства синтаксического порядка языка; 2) общие свойства речевой деятельности. Теоретический синтаксис называют «общим синтаксисом», «научным синтаксисом». Ему противопоставлен практический синтаксис (учебный, школьный), который изучает основные (базовые, типичные) свойства синтаксического порядка конкретного языка и наработывает синтаксические и семантико-синтаксические правила как необходимую предпосылку и условие формирования, а также усовершенствование речевой деятельности, всех ее разновидностей.

2. Лексический синтаксис: категории и единицы.

Проблематика предложения в современном синтаксисе является развитием теоретических наработок предыдущих эпох: 1) осмысление общего статуса предложения в его соотношении с суждением с последовательным проявлением тех категорий суждения, которые реализуются в предложении, и определение разновидностей предложенческих структур в их корреляции с

суждением; 2) характеристика разновидностей предложения по особенностям их коррелятивности с основными логическими категориями (по Аристотелю, их десять); 3) проявление формальных типов структурирования лексем в синтаксические единицы и дифференцирование синтаксических связей на этой основе; 4) выяснение направлений и закономерностей «обрастания» ситуативными задачами и прагматическими установками, вследствие чего предложение реализуется в высказывании; 5) диагностирование семантической нагрузки и семантической значимости того или иного члена во внутрипредложенческой структуре и много других. Активно исследует проблемы лексического синтаксиса Ю. Адинцова [3; 2], некоторые из ее толкований использованы для характеристики основных единиц и категорий этого направления.

Системное описание синтаксических характеристик всех лексических элементов языка имеет название лексической грамматики «Lexique-Grammaire», в узком понимании – лексического синтаксиса. Автор этой теории французский лингвист Морис Грос. Теория М. Гроса [401; 400] основывается на принципах трансформации Э. Херриса и принимает за гипотезу утверждения: **значащая единица лексики – это простое предложение, а не слово**. М. Грос и его последователи дифференцируют предикаты на группы по общим синтаксическим характеристикам. Так, лексическая грамматика глаголов и других предикативных элементов (прилагательных, существительных и наречий) построенная для французского и многих других языков в виде таблиц, которые содержат информацию о семантико-синтаксических характеристиках лексических употреблений соответствующих классов.

Основными понятиями лексической грамматики являются понятия глагола-поддержки «*verbe support*» и понятие трансформации. Термин «трансформация» М. Грос, вслед за З. Херрисом, понимает как упроченная связь эквивалентности между двумя конструкциями языка. Трансформационная связь между двумя дискурсами прослеживается тогда, когда они имеют одинаковое содержание, но разную форму, каждый из них может быть перефразированным друг другом. Трансформация оказывается зримо изменением формы. Как трансформационные отношения между фразами рассматриваются также номинализации, которые вводят понятие глагола-поддержки: *Прикордонники обшукали машину = Прикордонники зробили обшук машини*. Эти отношения чаще всего имеют форму: $N0 V N1 = N0 V_{sup} (Prép) Dét V-n N2$ (где $N0$ – это подлежащее, $N1$ и $N2$ – это дополнение, V_{sup} – это глагол-поддержка, $V-n$ – это номинализированный глагол, $Dét$ – детерминант, символ «=» означает синтаксическую трансформацию, $Prép$ – предлог). Предикативное существительное (отглагольное существительное, субстантивированное существительное, автономное) имеет собственную схему аргументов и выступает предикатом предложения «*predicat nominal*», а глагол-поддержка передает лицо, число и время предиката, т.е. актуализирует предикат, его роль сводится к роли служебного слова, наделенного значением. Ж. Жери-Шнейдер утверждает, что ни один глагол не является глаголом-поддержки по происхождению, за пределами именных предикатов глагола-поддержки имеют знаменательное употребление. Глагол-поддержка не существует как сущность, лишь как лексическая категория, ни один глагол не фигурирует в словаре в рубрике «глагол-поддержка». Лексическая грамматика имеет формальное средство различия неодинаковых

употреблений такого глагола, говорится о трансформации, во время которой глагол-поддержка редуцируется, а лексический инвариант остается неизменным, теряется только предикация. Редукция происходит при помощи определительного предложения, как это видно из перевода французских примеров на украинский язык, механизм редукции в обоих языках подобный: *Luc a donné une réponse à cette question* 'Люк дав відповідь на це питання' ↔ *La réponse que Luc a donné à cette question* 'Відповідь, яку Люк дав на це питання' ↔ *La réponse de Luc à cette question* 'Відповідь Люка на це питання'. Если редукция предопределяет потерю содержания, то это или предикативный глагол или оператор (каузативный глагол). Актуальным в этом случае является не только диагностирование таких лексем, которые способны выступать глаголами-поддержками, но и составление предельно исчерпывающих списков последних, что охватывают и сугубо речевые практики, и узуальные практики. Такие практики по обыкновению отражены (регулярно или нерегулярно) в соответствующих словарях.

Методологические и теоретические основы лексики-грамматики, наработанные французскими лингвистами, целиком приемлемы для анализа глагольно-именного предиката в славянских языках с последовательным проявлением направлений и закономерностей потери автосемантической глаголом, ср.: *Хлопець добре працював веслами* → *Хлопець добре веслував*, але *У двадцять вісім років Микола уже командував полком* → *У двадцять вісім років Микола уже був полковим командиром*; *Професор Майя Всеволодова була керівником аспірантів* → *Професор Майя Всеволодова керувала аспірантами*.

В этом измерении важно применение концепции лексического синтаксиса для обоснования и углубления синтаксической типологии языков, ведь последняя опирается на универсальность логико-семантических отношений, которые реализованы в предложении и словосочетании – среди всего разнообразия грамматических форм и синтаксических связей. Синтаксическая типология предложений основывается на: а) форме сказуемого; б) форме синтаксической связи; в) логико-семантических отношениях в предложении, но может быть существенно дополнена установлением стереотипных признаков поведения глагольных предикатов и их аналогов.

3. Номинативность и предикативность предложения.

Предложение как языковая единица выполняет две существенные знаковые функции: 1) предметно-именительную, номинативную (номинативно-денотативную); 2) оценно-установительную, предикативную. Вообще терминологическое толкование предложения как предикативной единицы выделяет основную черту, которая отличает предложение от слова и словосочетания, а количество предикативных проявлений в предложении выступает дифференциальным признаком противопоставления **монопредикативные предложение / полипредикативные предложения**. Любая предикация основывается на той или иной номинации как на собственной вещевой семантической основе, в силу чего для квалификации предложения существенным является единство номинативного и предикативного.

Существенной является также номинативная функция предложения, так как оптимальное номинативное значение предложения (пропозитивная семантика) характеризует процессуальную ситуацию. Ее компонентами являются: 1) определенное действие (процесс); 2) левосторонний агент

(аргумент / актанти) действия – субъект; 3) правосторонний агент (аргумент / актанти) действия – объект; 4) условия и обстоятельства ее реализации. Выделение любых членов предложения становится производным от его номинативного членения. В этом смысле актуальным является определение перечня типичных ситуаций с опорой на установленную систематику. Считают, «узнать» ситуацию помогают те самые роли и одинаковые отношения между ними, ср.: 1) *Спочатку рідним краєм середземноморського кедра були південні та східні гірські райони Середземномор'я і західні райони Гімалаїв*; 2) *Але уже у дев'ятнадцятому столітті ці дерева бачили на південному березі Криму, зокрема в районі Севастополя до Кара-Дага*; 3) *В останні роки ця дивовижна рослина появилася на Поділлі*; 4) *Крим не випадково став новою батьківщиною кедр*; 5) *Кішка була не єдиним мешканцем у нашій хаті*; 6) *На лиманах Азовського моря живуть чайки-альбіноси*. Наиболее корректно эта ситуация отражена в последнем предложении – изосемичная изоморфная конструкция, которая принадлежит к классу бытийных предложений: все другие предложения легко трансформируются в бытийные: 1) *Спочатку кедр ріс у південних та східних гірських районах Середземномор'я і західних районах Гімалаїв*; 2) *Але уже у дев'ятнадцятому столітті він був на південному березі Криму, зокрема в районі Севастополя до Кара-Дага*; 3) *В останні роки кедр був на Поділлі*; 4) *У Криму не випадково прижився кедр*; 5) *Кішка була не єдиним мешканцем у нашій хаті*; 6) *На лиманах Азовського моря живуть чайки-альбіноси*. Во всех этих предложениях отражено определенное **типичное событие**, или **типичная ситуация с типичными для нее ролями**: 1) **протагонист-эксисциенс** – предмет (S) бытие; 2) **фрагмент мира** – локум; 3) **отношение между ними** – бытийность, местонахождение, а

исполнители ролей в каждом предложении собственные. Роль эгзисциенса выполняют: (1) *середземноморський кедр*; (2) *ці дерева*; (3) *ця дивовижна рослина*; (4) *кедр*; (5) *кішка*; (6) *чайки-альбіноси*; роль локума: (1) *райони Середземномор'я і райони Гімалаїв*; (2) *на південному березі Криму*; (3) *на Поділлі*; (4) *У Криму*; (5) *у нашій хаті*; (6) *На лиманах Азовського моря*; роль предиката в этих предложениях вариативна: (1) *ріс* (пор.: *бути, жити, мешкати* і под.); (2) *бачили*; (3) *появилася*; (4) *став батьківщиною*; (5) *мешканцем*; (6) *живуть* (по: [78, с. 122]). Такие компоненты типичной пропозитивной ситуации легко могут быть охарактеризованы через свое отношение друг к другу, могут дополнительно быть охарактеризованы через собственные признаки. Это содержание ситуативных компонентов выступает основой традиционного учения о членах предложения.

Разнообразные штудирования словосочетаний, особенностей их семантики удостоверяют, что среди них имеются такие конструкции, которые именуют пропозитивную ситуацию. К словосочетаниям полной номинативной силы принадлежат развернутые субстантивные фразы: *політ льотчика над морем* ← *Льотчик летить над морем*; *квіти на балконі* ← *Квіти, що ростуть на балконі*; *читання бабусею казки дітям* ← *Бабуся читає казку дітям*. Актуальным выступает установление модельного ряда таких словосочетаний полной номинативной силы и особенностей соотношения с базовыми предложениями [92]. Основной корпус таких развернутых субстантивных фраз представляют производные (вторичные) словосочетания, по структуре они принадлежат или к простым (*дорога ліворуч*), сложным (*малювання картини художником*), комбинированным (*догляд дитини + в лікарні*), поэтому важным является определение их целостного корпуса,

функционально-стилистического закрепления. Между предложениями и именными словосочетаниями определенного номинативного типа имеются прямые преобразовательные отношения: предложение как элемент парадигматики языка превращается в субстантивное словосочетание или «номинализируется», теряя процессно-предикативный характер. Синтаксическая номинализация, которая разрушает предложенческую предикативность, предопределяет сотворение словосочетаний, использование которых по обыкновению имеет анатомически изолированный вид.

С номинативным аспектом предложения связано понятие предикации. Продолжительное время предикацию истолковывали как выражение отношения высказывания к действительности (О. Смирницкий и др.). В квалификации предикации следует учитывать два плана содержания предложения – номинативный и предикативный. Поэтому предикацией предложения выступает отнесение номинативного содержания предложения к действительности.

Предложения образуются как последовательность самостоятельных членов, которые занимают в нем системно-определенные позиции. Такими «позиционными» членами простого предложения выступают: подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство, определение, к которым прилагают осложняющие его структуры – вводные члены, члены обращения. Не менее сложным является статус междометия в предложенческой структуре. Все члены предложения иерархически структурированы и соотношены так, что каждый из них или имеет линейно определяющую роль, или определенную модификационную роль. Конечным объектом являются отраженные предложением ситуации, ситуационные события. Подлежащее определяет сказуемое в том смысле,

который устанавливает лицо предикации («личный определитель» сказуемого), а сказуемое левосторонним потенциалом определяет подлежащее в том смысле, который выражает процессуальное ядро события предикации (являясь «процессуально-событийным означающим» подлежащего – акционным или статическим), на это же направленное приложение как предметное обозначающее глагола-сказуемого. Самым сложным является статус обстоятельства как непредметного обозначающего сказуемого / предложения вообще (выражает определенный обобщенный процесс, внутренне характерен событию или привнесен из другого события). Определение-атрибут выступает обозначающим предметного члена предложения. Относительно вводного элемента, то он всегда ориентирован на говорящего и является модификатором содержания предложения – очерчивает отдельный пропозитивный план, встроенный в ситуативное измерение. Восклицание эмоционально ориентированно на говорящего и касается всего предложения или его части. Вместе с тем зримой становится соотносительность эмоционально нагруженного междометия с содержанием предложение-высказывание, сечение их функциональной нагрузки. Междометие не абсолютно произвольно в его корреляции с пропозитивной семантикой, поэтому важным выступает установление регулярного / нерегулярного соотношения тех или иных междометий с соответствующими пропозитивными моделями.

Парадигматические свойства предложения удостоверяют наличие в нем функций разного рода, которые опираются на разное синтаксическое содержание. Функции первого типа – конструкционные, связанные с развертыванием предложения в самостоятельную синтагматическую последовательность,

которая реализует предметное наименование отображаемой в предложении ситуации. Функции другого типа – предикативные, связанные с установлением отношения отраженной в предложении предметной ситуации к действительности. Соответственно двух разновидностей функций предложения в синтаксической парадигматике языка следует различать две взаимно противопоставленные системы парадигматических рядов: 1) систему рядов конструктивных функций предложения; 2) систему рядов предикативных функций предложения.

Конструктивные ряды репрезентуют формирование предложений разной линейной сложности: простых формально элементарных, простых формально неэлементарных, слитых, сложных, контекстно-изолированных и контекстно-связанных в речевой цепи и многих других. По сути содержания конструктивных синтаксических категорий только определенная часть их общей совокупности выражается в каждом отдельном предложении. Если предложение простое, то в нем отсутствующая реализация особых функциональных значений сложного – сочиненности / подчиненности предикативных частей и под. В простом глагольно-личном двусоставном предложении не проявляется безличность, в таких предложениях не могут выражаться значение именного (биноминативного) предложения (ср. квалификацию субъекта именным предикатом: *Сестра – лікар* (идентификация); *Білка – лісна тварина* (классификация); *Вовк – хижак* (характеризация) и т.п.). Одной из важнейших задач парадигматического описания конструктивных категорий является проявление среди них множественности такой совокупности, которая является общей для всех предложений языка. Проявление ограниченного набора этих категорий предопределяет построение элементарной деривационной основы предложения – *ядерного* предложения.

В отличие от конструктивных категорий проявление предикативных категорий в структуре предложения обязательно и регулярно для любого уровня сложности предложения и наличия / отсутствия в нем обязательных / необязательных членов предложения. Это обусловлено коммуникативной природой предложения, которое выражает обязательную и регулярную предикативную оценку отображаемой ситуации действительности. «В силу обязательного характера полного категориального отражения предикативных функций в каждом полноценном предложении особый интерес вызывает их изучение в предложениях элементарного самостоятельного состава, т.е. в таких предложениях, которые составом своих самостоятельных членов не выходят за пределы ядерных предложений» [34, с. 125]. Актуальность их изучения мотивирована тем, что, выступая конструктивно элементарными, такого типа предложения могут выступать целостными единицами реального общения. А предикативные функции более сложных предложений – простых формально неэлементарных, сложных (сложносочиненных, сложноподчиненных, бессоюзных) оказываются вследствие объединения и комбинации предикативных функций определенной суммы элементарных предложений на высших уровнях синтаксиса, ср.: *Це наша пристрасть стала поміж нами, нас розлучаючи назавсігди* (Є. Плужник) – предикативность (*Це наша пристрасть стала поміж нами*) + полупредикативность (*нас розлучаючи назавсігди* = **Пристрасть розлучає нас назавсігди*); *Усі вишневі зацвіли садки – і цвіт пахучий падає на воду* (М. Рильський) – предикативность (*Усі вишневі зацвіли садки*) + предикативность (*Цвіт пахучий падає на воду*), где две предикативности характеризуют временно-сочинительную асимметричность; *Той,*

хто не знає меж своїм бажанням, ніколи не стане гарним громадянином (В. Сухомлинський) – предикативність (*Той ніколи не стане гарним громадянином*) + предикативність (*хто не знає меж своїм бажанням*), в якому дві предикативності виступають ієрархізованими і очерчують субстанційно симетричні відносини між частинами і під.

Парадигматизація множинностей призрачних (первичних) пропозицій по категоріям предикативних функцій здійснюється через перетворення цієї множинності в опозиційне простір з диференційними ознаками, які відображають узагальнені предикативні значення пропозицій. Функціональне значення предикативних відносин, які представляють основу встановлюваних категорій, виявляються в текстовому аналізі, здійснюваному з урахуванням сучасних положень про аспектизації пропозиції – формально-грамматическу, семантико-синтаксическу, власне семантическу і комунікативну. Кожна з предикативних категорій має відповідний набір експонентів, який адекватно варіює загальну семантику ознаки і який утворює власну підпарадигму в межах повної парадигми предикативних функцій. До таких категорій належать: 1) *комунікативна установка*, яка розпадається на категоріальні ознаки питання і побудження в окремому відношенні з повествователістю (т.е. на категорії *впитальна установка* і *побудительна установка*); 2) *бутійне якість* (*отрицание – утверждение*); 3) *реалізація* (*нереальність – реальність*); 4) *вероятність* (*предусмотрение – констатация*); 5) *оцінка тождественності* (*случайная, неожиданная, вероятностная тождественность – констатация тождественности*); 6) *модальне відношення*

субъекта к действию; 7) актуальное отношение субъекта к действию (попытка, характер, неудача относительно продуцирования определенного действия – констатация постоянства); 8) фаза (начало, продолжительность действия, продолжение действия, завершение действия – констатация хода действия); 9) субъектно-объектное отношение (статически-сословное, статически-процессуальное, статически-качественное, статически-количественное, статично-локативное, динамично-сословное, динамично-процессуальное и под.); 10) информативная перспектива (закрытая, открытая); 11) интенсивность (активная, пассивная, нулевая и т.п.); 12) истинность (открытая, закрытая и др.) (по М.Я. Блоху).

К этому перечню предикативных категорий непосредственное отношение имеет обобщенная грамматическая семантика, которая выражается простым предложением, в формальном аспекте оценивается большей частью по: 1) категориальной семантикой подлежащего (личные / безличные); 2) категориальной семантикой сказуемого (глагольные / именные; акциональные / статальные); 3) семантикой субъектно-объектных отношений (субъектные (действие ограничено подлежащим) / объектные (действие направлено на сказуемое). С категориальной семантикой предложения связанная его ситуативная семантика, описываемая в терминах актантов, сырконстантов (Л. Теньер, С. Кацнельсон), аргументов (И. Вихованец, К. Городенская). Такое штудирование принадлежит к сфере собственно семантического синтаксиса.

4. Семантика моделей предложения. Впервые понятие модели предложения использовал Э. Сепир, утверждавший, что «основу каждого завершенного предложения представляет формальный образец, предложение-тип, которому характерны

соответствующие формальные признаки». Такие упроченные образцы или будто фундаменты предложений становятся основой для любых построений, необходимых говорящему, но в своем абстрагированном виде они «предоставлены» традицией» [Сепир 1993: 53]. Рядом с термином **модель предложения** используют также **формула предложения** и **структурная схема предложения**. Сложность вопроса не только в размежевании наименований, но и в понимании модели предложения и количества постулированных моделей и в разных языках, и в том самом языке, ср. для французского языка определяют одиннадцать основных структурно-семантических моделей предложения, используя понятие **модели предложения** и **тип ситуации** [85, с. 678 – 705], для итальянской – двадцать три [5, с. 63], для немецкой – тридцать две [227, с. 61 – 67], в английском языке различают от четырех основных [415, с. 127 – 197] до двадцати пяти [357], и даже тридцати девяти [268, с. 75 – 92]. Такое разнообразие моделей простого предложения обусловлено имеющейся нечеткостью интерпретации понятия **модель (конструкция, формула)** и отсутствием критериев размежевания основных моделей и производных, а сведение всех предложений к основной, ядровой структуре считают весьма противоречивым, определенной мерой некорректным и схоластическим [5, с. 67]. Вместе с тем констатируют, что количество моделей довольно ограничено, хотя и универсально [195, с. 232].

В самом общем измерении модель – это конструкция, которая чаще всего встречается в одном языке и в разных языках. Современные исследования доказывают, что наиболее общей структурной моделью простого предложения в большинстве языков является модель *NV* (именной + глагольный компоненты) или в другой интерпретации **NP – VP**

(именная группа и глагольная группа, по Н. Хомскому [356, с. 430]). Очевидно, эта модель становится самой регулярной для всех языков номинативного порядка, включая два обязательных компонента. В этом плане особенно актуальным является установление частоты этой модели и всех возможных вариантов с прослеживанием плоскостей модификации. Такую модель абсолютно логично квалифицировать как структурную модель.

5. Собственно семантический синтаксис = ролевой синтаксис. К актуальным направлениям современного синтаксиса принадлежат аспекты ролевой грамматики / ролевого синтаксиса, так как ее / его принципы делают возможным описание глубинной семантико-синтаксической структуры потенциально возможных всех предложений любого языка мира. Концепция глубинных ролей (тех или иных семантико-синтаксических отношений) очерчивает глубинную семантико-синтаксическую структуру разных типов предложений в одном языке и в разноструктурных языках (в сопоставительно-типологическом аспекте), что может быть реализовано вследствие последовательного соблюдения логического принципа воспроизведения глубинного уровня организации предложения. Вместе с тем следует сформулировать правила, которые связывают предложенческие элементы соответствующими эксплицитными / имплицитными отношениями и делают возможным построение поверхностного уровня проявления глубинной ролевой семантики. В этом направлении выполнен ряд штудирований О. Путиловой, что и использовано в выяснении основных категорий и единиц ролевого синтаксиса [270; 271].

В ролевой грамматике акцентируется природа глубинных синтаксических отношений, и в центре внимания оказываются правила объединения одного языкового знака с другим в

определенном предложении (синтактика знака), поскольку эта информация составляет содержание синтаксического уровня значения лексической единицы. Обязательным для этого типа исследований является учет специфики выражения отношений средствами определенного языка, установление особенностей грамматики и законов лексической сочетаемости компонентов предложения. Актуальность такого направления исследований обусловлена и специфическим характером современных исследований семантики предложения, которые подтверждают необходимость применения разных методов и методик в изучении семантических категорий языка с последовательным учетом эксплицитного / имплицитного выражения семантики и закономерностей межуровневых взаимосвязей и взаимообусловленостей.

Ролевой синтаксис ориентирован на трактовку глубинной структуры предложения, где определяющей является не привязанность к валентным характеристикам глагола-предиката, а установление семантических ролей, которые не всегда позиционно заполнены и непосредственно зависят от валентности сказуемого на поверхностном уровне, особенно тогда, когда глубинное значение презентовано не именной группой, а специализированным синтаксическим комплексом или подчиненной частью. Последнее кажется крайне проблематичным, прежде всего в сопоставительных исследованиях разноструктурных языков. Преобладающее применение методологического аппарата, характерно для ролевого синтаксиса, делает возможным определение статуса глубинных ролей в синтаксических структурах разных типов, проследение особенностей межязыковых корреляций / некорреляций реализаторов ролевой семантики с учетом фиксированного / нефиксированного порядка расположения

компонентов поверхностного уровня структурирования предложения вследствие толкования языка как системы, центр которой составляет грамматика, и под. Поэтому актуальность осуществляемых исследований в разрезе ролевого синтаксиса мотивирована открытостью вопроса ролевой дифференциации на глубинном уровне, прежде всего в контрастивной плоскости, а в пределах одного языка – в универсализации семантических ролей с последовательным учетом и наполнения синтаксической позиции, и валентных потенциалов, и реализованных интенций.

Вместе с тем трактовка семантической роли как языковой универсалии (с привлечением методов и принципов лингвистики универсалий) предусматривает и исследование ее интегрального характера в аспектах традиционной (формально-грамматический репрезентативный уровень), генеративной (Стандартная теория Н. Хомского, Теория управления и связывания) и функциональной (Теория структуры клаузы Р. Ван Валина) грамматик с определением дифференциальных признаков глубинных ролей и обоснованием их категориального статуса. Кроме того, перспективным является не только осуществление анализа на классическом, узусном языковом материале, но и в аспекте инновационных процессов, которые не имеют на сегодня лексикографической фиксации, а так, не прошли этапа четкой кодификации в системе определенного языка (прежде всего, английского языка, на лингвистической подпочве которого начался процесс формирования ролевой грамматики, украинской, испанской, русской и др.).

6. Коммуникативный синтаксис: направления исследования. Не менее важной и значащей проблемой выступает теория коммуникативного синтаксиса, в которой особую актуальность имеет теория актуального членения предложения. Прототипы понятий, связанных с актуальным

членением, появились еще в XVIII столетии, когда чрезвычайно активно начали обрабатывать вопрос порядка слов в языке (французские лингвисты Ц. Дюмарсе и Н. Бозе). Ц. Дюмарсе приоритет предоставлял только одному типу конструкций – конструкциям с прямым («природным») порядком слов, делая ударение на том, что конструкции с обратным («фигуральным») словопорядком не передают какое-нибудь новое, дополнительное содержание в сравнении с конструкциями с прямым словопорядком. Устанавливая прямой словопорядок, говорящий следует по естественному ходу событий, откуда и название – «природный» порядок слов. Исследования актуального членения системно начали рассматриваться в исследованиях Пражской школы (ср. исследования В. Матезиуса, позднее Ф. Данеша, Й. Фирбаса, Э. Хайковой). Активно исследует вопрос коммуникативной структуры предложения и высказывания М. Винтонив, некоторые из соображений которого активно использованы в выяснении основных величин и аспектов коммуникативного синтаксиса [70; 71; 72].

В отечественной традиции (И. Распопов, И. Ковтунова, Г. Золотова, О. Падучева, О. Земская, О. Сиротинина, А. Мельничук) внимание было сконцентрировано на разговорной речи через ее сопоставление с литературной нормой (ср. также взгляды М. Всеволодовой, А. Загнитко, Т. Янко и др.).

Актуальное членение предложения можно анализировать путем установления формальных средств его выражения – генеративная и негенеративная традиции. Не менее важным является рассмотрение интонации (О. Бризгунова, И. Ковтунова, Т. Янко и др.). Актуальное членение предложения изучают в разрезе теории дискурса, где особенно значащим становится установление закономерностей интенций адресанта и адресата.

Весомым может стать анализ языкового явления при условии четкого его дефинирования и недвусмысленной терминологии. Актуальное членение предложения на сегодня остается источником терминологических расхождений среди лингвистов: его называют или актуальное членение (В. Матезиус, И. Распопов), или смысловое членение (О. Черняховская), или информационная структура предложения (Т. Гарвин), или функциональная перспектива предложения (Я. Фирбас), или логико-грамматический уровень (В. Панфилов), или коммуникативная нагрузка (К. Крушельницкая), или коммуникативная перспектива предложения (В. Ившин). Такое терминологическое расхождение мотивирует необходимость их обобщения и установление их тождественности / расхождения.

Еще В. Матезиус указывал на то, что актуальное членение основывается на реальных связях, мотивированных реальной ситуацией, противопоставляя актуальное членение формальному (синтаксическому). Такое противопоставление со временем сделало возможным рассмотрение коммуникативной нагрузки членов предложения и многочисленные попытки установления коммуникативного дополнения / наполнения того или иного члена предложения. Коммуникативная нагрузка – это совсем не вторичный продукт, который наслаивается как что-то дополнительное на члены предложения, а выступает их первичной коммуникативной функцией, ради чего и создается, пишется и произносится предложение (В. Ившин). Поэтому можно утверждать, что логико-коммуникативное членение предложения представляет собой первичное членение, которое возникает на более глубинном уровне создания предложения – на уровне порождения высказывания. Отсюда прозрачность его названия *актуальным* (действительным, смысловым), а в

традиционной грамматике основным возникало формальное членение.

С актуальным членением предложения связано семантическое членение (смысловое членение), хотя сам термин и понятие выступает весьма общим. В синтаксисе семантика пронизывает все аспекты предложения, поэтому для рассмотрения семантических ролей оперируют понятием «собственно семантическое измерение предложения», на котором анализируют устанавливаемые семантические роли (глубинные падежи и т.п.) наподобие агенса (обозначает лицо-деятеля, в украинском языке выраженный формой именительного падежа: *Хлопчик написав ноти*); контрагенса (второй агент, который своими действиями противостоит протагонисту-агенту; большей частью в предложении выступает приложением, в отличие от агенса-деятеля: *Брат сперечасться із сестрою*); пациента / пациенс (внутренне дифференцируемый на: 1) объектив (предмет, который существовал к ситуации и подлежал влиянию протагониста – первого участника ситуации: *Координаційно-обчислювальний центр здійснює опрацювання нової інформації* (Голос України. – 2007. – 14 вересня)); 2) креатив / результатив (предмет или ситуация, которая возникает вследствие осуществления определенной ситуации: *Небувалий урожай – три мільйони тюльпанів – вирощено в нашому Ботанічному саду* (Донеччина. – 2004. – 12 травня)); 3) эврикатив (компонент объектного типа при предикатах действия в интеллектуально-творческой сфере, которая обозначает результат открытие в определенной области знаний: *Відкриття, здатне перевернути всі попередні уявлення про клітину, здійснено нещодавно в Англії* (Голос України. – 2000. – 17 грудня)) и т.п. Поэтому актуальное членение, с одной

стороны, коррелирует с семантическим членением предложения, а, из другой, – они являются разными величинами.

Актуальное членение, квалифицированное как функциональная перспектива предложения (*Functional Sentence Perspective*), распространенная в английской лингвистической литературе. Г. Холлидей рассматривает функциональную перспективу предложения (ФПР) как языковой компонент, текстообразующий. Последний является производным рассмотрением исследователем функции создания текста как одной из определяющих функций языка. Текст – это язык в действии, а ФПР входит в текстовый компонент, который устанавливает отношение как внутри предложения, так и между предложениями, в том числе неструктурные отношения пресупозиції.

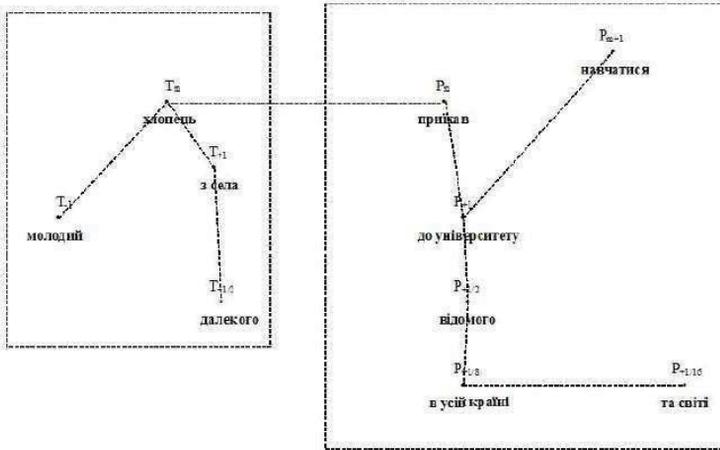
В. Ившин делает ударение на необходимости рассмотрения коммуникативной перспективы предложения (КПР), а не на ФПР, определяя КПР как интонационно-семантическое направление предложения. Предложение как самодовлеющая величина не существует вне коммуникативности, а внешним ее показателем выступает прежде всего интонация (Б. Головин).

В украинской лингвистической традиции упроченным является использование преимущественно термина **актуальное членение предложения** (АЧР) (как уровень организации высказывания и как механизм его формирования), что отчасти иногда заменяемо синонимичным выражением **коммуникативная организация предложения** (как распределение коммуникативно-семантической нагрузки в готовом предложении). Любое предложение в условиях коммуникации реализуется в неограниченном количестве высказываний, являясь относительно последнего инвариантом. Учет семантической нагрузки каждого члена предложения с

использованием методики актуального членения позволяет по-иному квалифицировать не только статус темы и ремы в структуре предложения, но и внутренне дифференцировать нагрузку каждого структурного элемента в пределах самой темы / ремы, а также в пределах предложения. Вместе с тем семантическая нагрузка определенного компонента предложения по обыкновению интонационно выделяется, т.е. фразовым ударением. Фразовое ударение появляется только в предложении и функционирует в таких разновидностях: ударение акцентной группы, синтагматическое ударение, логическое ударение и эмфатическое ударение. С помощью фразового ударения, его размещения и других средств (порядка слов, синтагматического членения) осуществляется смысловое выделение одного из компонентов предложения и установление между частями новых субъектно-объектных отношений. Выделенная часть предложения – это рема, остальное – тема. Так, предложение *Тепер я піду до театру* с помощью фразового ударения можно превратить в четыре фразы, которые имеют одну и ту же позиционную модель предложения, то самое лексическое наполнение, но разное актуальное (смысловое) членение: 1) *Тепер | я піду до театру ||*; 2) *Тепер | я | піду до театру ||*; 3) *Тепер я | піду | до театру ||*; 4) *Тепер я піду | до театру ||*. Применение методики идентификации ремы через реализацию фразового ударения позволяет совершать установление силы центростремительных и центробежных связей, ср.: *Молодий хлопець з далекого гірського села приїхав до відомого в усій країні та світі університету навчатися*. Опираясь на традиционное рассмотрение прямого порядка слов как квалификатора тем-рематических отношений, можно утверждать, что темой выступает лексема *хлопець* (заполняет синтаксическую позицию подлежащего), а ремой является

приїхав (заполняет синтаксическую позицию сказуемого) (*Молодий хлопець з далекого гірського села || приїхав до відомого в усій країні та світі університету навчатися*). Реализованные ситуативные задачи подсказывают, что собственно ремой выступает лексема *навчатися* (заполняет синтаксическую позицию обстоятельства цели и связанную с грамматическим ядром синтаксической формой прилагания, тогда линейное расстояние между тематическим компонентом (*хлопець*) и рематическим компонентом (*навчатися*) составляет девять условных синтаксических позиций (в общей совокупности двадцать шесть интервальностей при учете слов и пропусков между ними). Расстояние между темой и ремой покрывает 69,3 % всего синтаксически-позиционного пространства предложения, которое удостоверяет слабое их взаимодействие (см. Схему 1, в которой T_m – максимальное проявление темы, ее основная точка; R_m – максимальное проявление ремы, ее основная точка; $T-1$ – спад темы, $P-1$ – спад ремы; $T+1$ – усиление темы, $P+1$ – усиление ремы; R_m+1 – усиление максимальной точки ремы).

Схема 1.

$$T_m \in P_m + P_{m1} \quad (1/5)$$

Если же выходит из фразового выделения ремы, которая полностью коррелирует с определением наиболее нагруженного в смысловом плане компонента, то в таком случае тема покрывает 91% внутреннего пространства высказывания. Если условно линейно-позиционную структуру предложения обозначить $L (= 1)$ с ее глубиной емкостью в первичном проявлении семы / восьми линейно-синтаксических позиций (см.: [Вихованець 1992]), то соотношение темы и ремы в таком предложении-высказывании при прямом порядке слов будет представлять соответственно T (тема) ($= 0,5$) и R (рема) ($= 0,5$), где каждый компонент речевой структуры, принадлежа составу T или R , будет иметь соответствующий коэффициент центробежного / центростремительного речевого направления. Так, в предложении типа *Хлопець || віз вантаж машиною через*

ліс з міста до села бабусі коэффициент Т составляет 0,5, коэффициент R также составляет 0,5. Вместе с тем Т является максимально центростремительной, а каждый компонент R – это соответственно месторасположение в реме: *віз* (0,1) *вантаж* (0,9) *машиною* (0,08) *через ліс* (0,07) *з міста до села* (0,06) *бабусі* (0,05). Такой коэффициент может усиливаться или ослабляться, что зависит от: 1) фразового ударения; 2) линейного внутримерного расположения компонентов. Итак, видоизменение порядка слов в высказывании будет удостоверять усиление / послабление Т или R. Усиление R, особенно при ее инициализации, будет увеличивать коэффициент ее центростремительного направления: *Бабусі || хлопець віз вантаж машиною через ліс з міста до села*, де R *Бабусі* имеет коэффициент 0,55 (собственный коэффициент (0,05) плюс коэффициент нагрузки Т (0,5)). Подобное вычисление коэффициента каждой составной части Т или R и вообще Т или R должно учитывать наличие обязательных и факультативных членов предложения, а также «обрастание» предложения разными детерминантными компонентами, которые существенно расширяют пропозиционную макроструктуру предложения, его предикативное «отягощение» (речевые субкомпоненты), и усиливают центробежное направление компонентов высказывания, на что ориентирован каждый факультативный или детерминантный компоненты (информационный субкомпонент коммуникативного компонента). Фразовое ударение отображает особенности интерактивности в пределах ситуативной нагрузки предложения (интерактивный субкомпонент коммуникативного компонента).

В исследовании коммуникативной структуры предложения и его ситуативной нагрузки можно целиком корректно дифференцировать понятие актуального членения речення (=

темо-рематическая организация), функциональной перспективы предложения и самой коммуникативной структуры предложения. В данном случае коммуникативная структура предложения – это способность предложения быть единицей дискурса в его процессуальном (динамика общения и распознавание компонентов смысла) и результативном (входить в структуру текста как его структурный компонент в смысле обозначаемых предложением реалий мира и способа их представления в предложении). Соединительные интенции предложения в тексте как показатели его коммуникативной структуры зависят от лево- и правосторонней направленной силы предложения. Так, в двух предложениях типа (а) *Хлопець мав творчі здібності* и (б) *Творчі здібності хлопця* с точки зрения внеязыковой реальности описывают одну и ту же ситуацию, но в тексте (1) *Наявність у хлопця творчих здібностей має велике значення. Хоча ці творчі здібності ще не реалізовані, але в майбутньому вони принесуть йому успіх* нельзя заменить на другое предложение (б) без потери смыслового наполнения. Замена же подчиненной предикативной части простым предложением видоизменит весь план текста (1) и, определенной мерой, анализируемое «зависание» смысловых отношений между предложениями: *Творчі здібності хлопця vs. Його творчі здібності не мають особливої цінності. Вони не принесуть йому успіху*. По определяющим (супрасегментным) характеристикам предложения, которые способны выступать показателями его коммуникативной организации, по критериям текстовой сочетаемости такими являются три основные его характеристики: а) синтаксическая структура предложения; б) порядок слов в предложении; в) интонационная модель. Поэтому рассмотрение коммуникативной структуры предложения целесообразно реализовать в пределах

предложения, где значащими выступают синонимичные отношения, разнообразные кореферентные корреляции и под.

Актуальное членение предложения (темо-рематическая организация) отображает конкретную речевую ситуацию и всегда соотносено с теми или другими коммуникативными задачами. Приспособление предложения, его грамматической структуры к соответствующей речевой ситуации и задачам коммуникации и мотивирует актуальное членение предложения. Актуальное членение создает коммуникативную структуру предложения, так как актуальное членение предложения существенно с точки зрения ситуации и определенного контекста. Актуальное членение создает коммуникативную структуру предложения. Последняя иерархически высшая и емкая, так как она охватывает и межпредложенческое взаимодействие на уровне целостно-текстовых величин.

Функциональная перспектива предложения большей частью отождествлена в лингвистических исследованиях с актуальным членением предложения (Й. Фирбас, Н. Валгина и др.), хотя, в значительной мере, понятие ***функциональной перспективы предложения*** имеет собственный инвентарь дифференциальных признаков. Для функциональной перспективы предложения существенным является не только темо-рематическое структурирование предложения, но и весь объем прессупозитивных величин, которые находят проявление в правостороннем контексте. Прессупозиция может приобретать эксплицитное и имплицитное проявление, ср.: *У хлопця зламався мотоцикл* – имплицитный смысл *У хлопця с мотоцикл*. Понимание имплицитной информации, хотя бы определенной ее части, выступает необходимой для адекватного восприятия сообщаемого. Поэтому не совсем аргументированным возникает тезис о том, что основным признаком «имплицитной

информации выступает необязательность ее получения во время понимания, несто процентность ее восстановления слушателем» [161, с. 32]. Функциональная перспектива предложения непосредственно взаимодействует с коммуникативной организацией знания, лингвистическим «оформлением» содержания в речевом сообщении. С функциональной перспективой предложения связано также следствие в структуре содержания высказывания и текста. В отличие от прессупозиции, следствие не всегда обязательно, ср.: *Белінський писав про автора “Євгенія Онегіна”, що він любив той клас, у якому майже винятково виявився прогрес російського суспільства* можно установить следствие *Белінський писав про О.С. Пушкіна, що той любив клас, у якому майже винятково виявився прогрес російського суспільства*. Это следствие регулярное и обязательное, так как оно должно рассматриваться как условие правильного понимания текста. Если же такое следствие не устанавливается адресатом, то нельзя говорить о правильном понимании фразы [18, с. 21].

На функциональную перспективу предложения направлен и фокус высказывания, обуславливаемый статусной ролью продуцента речи – создателя действия или наблюдателя действия. В первом случае имеющаяся непосредственная процессуальность, представленная в повторяемости и продолжительности освещенного – актуализированного в разных тонах и интонационных рисунках: *Де я живу, скажіть? Чому проти рожна / Щодня я мушу йти, кому найнявся в кмети, / Для кого я пишу ці кийвські сонети, / Коли надокруги – суцільна чужина?* (Д. Павличко) (определяющий компонент экзистенции как проявление создателя действия) и *Діткнулась ставу осені рука, / Паде на хвилі журавлине: кру, / І поширюється далеч укруг, / Друкує в хмарах зорями друкар* (Б.-І.

Антониц) (доминирует позиция наблюдателя с результативностью изображаемого и сообщаемого).

В пределах высказывания особенно важным является установление компонентного состава содержания. Для этого существенно выделение двух основных компонентов, которые связаны с реализацией высказыванием определяющих функций – мыслительной и коммуникативной. В пределах мыслительного компонента основными выступают два субкомпонента: пропозиционный (то, что сообщается, утверждается определенным предложением в повествовательном способе; выступают основными носителями значения истинности) и предикативного (определение, раскрытие содержания предмета предикатом). Коммуникативный компонент охватывает два субкомпоненты: информационный (интенционный) и интерактивный. Выделенные субкомпоненты целесообразно рассматривать на трех уровнях: когнитивном, семантическом и манифестационном.

Спектр актуальных проблем современного синтаксиса чрезвычайно широк, его освещение требует учета доминирования и/или сосуществования научно-лингвальных парадигм – системно-структурной и функционально-коммуникативной, функционально-когнитивной. Первая мотивирует стремление окончательно описать структуру всех синтаксических единиц с анализом их категориального аппарата, инвентаря синтаксических форм и др. Последняя же ориентированна на функциональную нагрузку синтаксических единиц в речевой коммуникации, их «обращение» разными ситуативно-прагматическими задачами, которые и предопределяют видоизменение наполнения форм и модификацию статуса в коммуникации.

РАЗДЕЛ V. ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА, ДИСКУРСОЛОГИИ, ДИСКУРС-АНАЛИЗА

V.1. Импликация как тип внутритекстовой организации

Импликация состоит в том, что «информация, не представляющая непосредственного значения компонентов текста (слов, граммем и т. п.), зафиксированных в словаре, воспринимается слушателем текста» [161, с. 9]. И в этом ракурсе особенно важным является учёт источников и способов проявления имплицитных значений, направления и характер их взаимодействия, корреляции / некорреляции с эксплицитными значениями, установление функций имплицитного в структуре речи [233, с. 144 – 152]. Если отталкиваться от основных принципов закона языковой экономии, концептуально определённых Е. Д. Поливановым, то легко иногда выявить все пути реализации имплицитности, что в таком случае охватывает: 1) эллипс; 2) аббревиацию; 3) контаминацию; 4) сворачивание; 5) непвоту проявления фразы и т. д. Правда, иногда имплицитность трактуют как «скрытость», «домысливаемость», что позволяет квалифицировать имплицитность как таковую, которая не связана с редуцированностью, а сопряжена с домисливанием или переосмысливанием. Первый и второй подходы не исключают друг друга, поскольку, действительно, имплицитность связана с внутренним скрытым смыслом или таким значением, которое проявляется вследствие зависимости словоформ [320, с. 9], и в то же время со смысловым объёмом, который по действию закона языковой экономии может эллипсироваться, редуцироваться и т. д.

В речевой коммуникации, в которой зримыми являются corteж общения, ситуативно-прагматические ориентиры, значимость импликации трудно переоценить, поскольку

имплицированное значение часто не может быть однозначно восстановлено без разрушения общего смыслового фона. ИмPLICITность непосредственно может быть связана с семантическим объёмом лексемы, её лексико-семантическими вариантами, грамматико-семантической парадигмой в пределах одной лексемы и разных лексем, объединённых единством мотиватора, с внутренне текстовой организацией, спецификой проявления глубинной информации, которая появляется вследствие актуализации межпредложенческих смысловых отношений. Это имеет непосредственное отношение к так называемому приёму умолчания или, согласно устоявшейся лингвистической терминологии, к теории «неоконченных предложений», хотя в этом случае вести речь о «предложении» не совсем корректно, с соответствующим компонентом условности (ср. взгляды П. С. Дудика [341, с. 303]), потому что в данном случае имеется в виду высказывание с необходимыми элементами: *А Гонти нащо? А Залізняка? До Гонти сама ... сама писала: – Коли, каже...* (Т. Шевченко). ИмPLICироваться при этом могут наиболее существенные компоненты речевой коммуникации, в которых раскрывается значимость сообщения. Импликация последнего усиливает внутреннюю глубину текста, насыщает его вертикальное измерение дополнительными смыслами: *Я думаю, що...; Ти не тривожся, тату, що...; Я була певна, що...* (М. Коцюбинський).

Импликация может быть результатом: 1) эмоционального состояния говорящего (*Отут з муштри виглядала. Отут розмовляла, А там... а там ... сину! Сину! – Та й не доказала* (Т. Шевченко)); 2) реализации морально-этических и эстетических устоев (*Ах ти ж ... – вискочив з саней і рвонув гаратника з руки Карпа* (М. Стельмах)); 3) психического состояния говорящего (*Йон заглянув углиб і охолов, побачивши*

*Гашицу. – Та це я ... вона... – белькотав парубок, але батько не дав йому скінчити, потяг його в сіни й причинив двері (М. Коцюбинський)); 4) во избежание прямого ответа и трансформации его в соответ или в глубину текстовой структуры (Чому б це я не зробив, товаришу хворий? – То таке діло... – Дмитре Івановичу, ви хитруєте, з чимось кристесь (М. Стельмах)); 5) во избежании исчерпания перечисления (А що вже професорів, доцентів... (С. Цюриць). Бригада – хто без паспорта, хто втік з рідного села, кілька пенсіонерів... (Ю. Сорока)) и др. Импликацию не следует путать с а) прерывистостью речи, эмоциональным состоянием говорящего, обусловленным внутриспсихологическими или внешними факторами коммуникации, ср.: *А дверцята скригнули, відчинилися і ... аж недобре стало Багацькому, аж сироти повиступали (С. Цариць); б) присоединительными конструкциями, являющимися элементарными носителями дополнительного эмоционально-информативного фона (Але ж могли це зробити і Сашкові друзі. Або Галя чи дід Михайло. Із почуття справедливості. Бо їхні хати давно хтось спалив, а Палажчина й досі стояла (Б. Жолдак)); в) парцеллированными единицами, являющимися следствием членения единого информационно-смыслового цілого на несколько коммуникативных образований (Я тобі кажу: що ні за яких обставин життя неможливо зраджувати рідній державі, що б тобі там на ній потім за це не було. Бо потім через це ще гірше буде (Б. Жолдак)).**

Импликация охватывает многочисленные проявления действия закона языковой экономии, связанные с 1) рядом тенденций конденсации содержания: *Ці турбіни потужністю 2000 мегават, спряжені з системою СКВ («селективно-каталітичного відновлення» – А. З.), встановлені на японській*

електростанції Фуцу. Обидві сторони дійшли згоди про створення спільної україно-швейцарської робочої групи експертів ДПРС та МНС України для розробки проекту зі створення компакт-диску з інформацією про Чорнобильську катастрофу (Голос України. – 2001. – 12.07); 2) принципами установлення додаткової інформації, котра являється результатом додаткових умозаключень: *Колиба притягувала і манила своїм затишком. У цю гарячу літню днину у хатині було затишно* (Голос України. – 2001. – 12 травня). В цьому випадку значення гіпероніма *хатина* обогачається семантичними компонентами, присущими гіпоніму – етнографічному діалектизму *колиба*; 3) видозміненієм системи внутріпредложенчеських смислових відношень і закономірностей проявлення форм синтаксичеської зв'язі: *Я – проти такої педагогіки. За зарплату – на смерть* (Голос України. – 2001. – 12.07)); 4) образівним нових узусно мотивованих моделей словосочетаній: *наступна «Либідська, завтра кафедра*; 5) виробством функціонально ёмкостного діапазона вільних синтаксем (постпредложенчеських структур): *На небі* (Б. Жолдак); *Навпроти снігу* (Ю. Гудзь); *У степу* (Ю. Михайличенко); *З-поміж нас* (С. Сидорченко); *Для добра* (Г. Михайличенко); 6) стійкістю визначених формул як репрезентантів відповідної комунікативної установки і речевого акту: *З Богом! Боронь, Боже! Ні пуха, ні пера! Сто кольок в душу! За Вітчизну!*; 7) розповсюдженням номіналізаційних тенденцій, внаслідок чого стаються достатньо реальними презентантами цих або інших подій, ситуацій власне номінативні і псевдонімаітивні констукції: *Субота. Вечір. Черета остання скотилася з зеленого узгір'я* (Б. Лепкий); *Вечірній сон. І спогади. І дощ колише цвіт розпуклого ямину.*

Бездомний вітер. Сти, маленький сину... (В. Стус); *Довершення. Доходження до краю. Зупинка. Воля. Спокій. Опочин* (В. Стус); *Порожньо. Сумно. Страх і брідота. Там. У душі* (Р. Кухарук); 8) максимальным проявлением аккумулятивной (отображает свойство актанта приобретать в процессе действия нового качественного признака, качественно изменяться под влиянием собственной активности или под влиянием внешних, а также внутренних сил, не зависящих от самого актанта, то есть, произвольных, накапливать признаки, идущие извне (по А. Н. Соколову) (*Навчили студента операціям; Пшениця обмолочується; Руки тремтіли від хвилювання*) и генеративной (актант в составе конкретной фразы выступает как активное начало, то есть посредством глагола выражается его свойство быть источником внешнего процессного признака или источником действия: *Минулого року він наймитував* (М. Коцюбинський); *Жита половіють, сонце золотавить з неба* (Г. Косинка); *Діти наші дорослішають на очах* (В. Шевчук)) функций приглагольных актантов. Аккумулятивная и генеративная функции непосредственно соотносятся с активностью / пассивностью актантов, реверсивностью конструкций. *Такий порядок розгляду справ встановлено парламентом України і він виявився досить зручним для задоволення найнагальніших потреб людей похилого віку* (Голос України. – 2001. – 16.06). Имплицируемость достаточно легко реализуется в экспрессивных речевых актах, где само названное глаголом-сказуемым действие равно его реализации. В данном случае имплицированное содержание является ситуативно мотивированным и его импликация связана с прагматическими факторами – необходимостью не конкретизировать весь объём действия: (Василь:) *Прошу вас... Та прошу...* (О. Слісаренко).

К имплицированным внутрипредложенческим синтаксическим связям следует отнести соотносительную (интродуктивную) синтаксическую связь, благодаря которому обеспечивается соединение вставных компонентов с предложенческой структурой. Такое соединение является слабым, поскольку предложению свойственна собственная, в полной мере проявляющаяся модусная рамка, а вставная единица маркирована собственной модальной рамкой, которая может накладываться на внутрипредложенческую, совпадать с ней, а может значительно расходиться с ней: *Психологічно це була сплата боргу милому для мого серця місту. А також мого боргу Сімовичеві, який прийняв мою тему захоплено. Хоч у розмовах він був дуже критичний супроти «галичанства» і навіть твердив, що він буковинець, а не галичанин, – і то, мабуть, сам вірячи в це (поки говорив. Були в ньому деякі риси Тартарена з Тараскону), і що патріотизм його загальноукраїнський, а ніяк не регіональний, але в суті речі він був великим патріотом Галичини* (Ю. Шевельов). В этом тексте имеется совпадение модальной рамки предложения и вставной конструкции (*поки говорив*), что в этом случае дополняет семантику предыдущего предложения, и в то же время вставная конструкция включает в себе собственную модальную рамку, которая шире внутрипредложенческой (*Були в ньому деякі риси Тартарена з Тараскону*), которая ориентирована на уточнение определённой характеристики явления, события, изображённых в предложении. Соотносительная синтаксическая связь представляет переходное измерение между подчинением и сочинением, поскольку в этом случае изображаемые явления сосуществуют. Констатация в ряде учебных пособий статуса их дополнительности типа «В с т а в л е н н ы е конструкции содержат дполнительные сообщения, сопроводительные

замечания и резко разрывают, размыкают «бесперывность синтаксических связей» [16, с. 171] не раскрывает специфики их статуса во внутрипредложенческой структуре, закономерностей связи с содержательным аспектом последней. Иногда вводные и вставные единицы отождествляются, поскольку, по мнению А. Г. Руднева, вставные компоненты «не имеют отличных от вводных слов смысловых функций и особенного оформления» [278, с. 215]. Последний тезис нуждается в коррекции, потому что вставные конструкции характеризуются значительно более широким диапазоном своего пунктуационного оформления, чем вводные. В новейших стилистических поисках, кроме утрадиционных разделительных знаков запятой и тире или круглых скобок, при оформлении вставных конструкций активно используются различные типы скобок – от косых, фигурных, до разнообразных их модификаций, используют также выделение вставных конструкций видоизменением шрифтов, самого написания и т. д. При этом следует учитывать абсолютную структурную, смысловую и функционально-семантическую разнородность вводных и вставных компонентов, поскольку «В о д н ы й ч л е н п р е д л о ж е н и я к а к о с о б а я с и н т а к с и ч е с к а я к а т е г о р и я , в с т у п а я в с о о т н о с и т е л ь н у ю с в я з ь с д р у г и м и ч л е н а м и п р е д л о ж е н и я , и л и в ы р а ж а е т м о д а л ь н ы е о т н о ш е н и я г о в о р я щ е г о , и л и с о д е р ж и т к а н о е - н и б у д ь п о я с н е н и е к ч л е н а м п р e d л o ж e н и я и л и п р e d л o ж e н и ю в o б щ e м , п р и o б р e т а я в ы д e л e н и е в у с т н о й р e ч и и н т о н а ц и e й , а н а п и с ь м e р а з d e л и т e л ь н ы м и з н а к а м и » [278, с. 219], а вставные единицы содержат отдельную информацию, которая может быть квалифицирована как дополнительная, а отчасти как отдельная информативная плоскость, отображающая соответствующие интенции говорящего и ориентированная (достаточно часто) на собственную самодостаточность и понятность вне предложенческого контекста, ср.: *Зараня /*

зайшло на дощ. І враз – удар, і дощ – зарябтів – об душу – порожню амфору – об дзвін / відлуння (Боже, хто нас душисть?) / і об відлуння – той же (В. Стус); Так пішли такі вистави, як балет «Пан Каньовський» М. Вериківського (квітень 1931. На мотив народної пісні про Бондарівну), «Кармелюк», опера В. Костенка, незмінні, хоч трохи змінювані тепер, «Наталка Полтавка» й «Запорожець за Дунаєм» (Ю. Шевельов) і Не знати, чи Курбас уявляв собі харківського театрального глядача справді «столичним», не тільки в сенсі адміністративної столиці, а і вищому сенсі столиці Духа. Певніше, що він просто був настільки поглинений своїми шуканнями, що забув про цей третій стовп, на якому тримається театральне життя: актор/режисер – письменник – глядач. (До речі, цікаво було б, щоб історики театру встановили, як Курбас прийшов до самого тексту п'єси. Прем'єра «Золотого черева» була зовсім свіжа в Парижі 29 квітня 1925 року. Скільки я міг установити, текст п'єси тоді ще не був друкований навіть у Франції. У Росії текст переклав з рукопису І. Аксьонов, той самий, що переклав і виставленого Мейсрхольдом «Великодушного роконося». Чи Курбас одержав текст від нього? Чи переклад був зроблений з російської?) (Ю. Шевельов). В последнем фрагменте текста вставная единица ((До речі, цікаво було б, щоб історики театру встановили, як Курбас прийшов до самого тексту п'єси. Прем'єра «Золотого черева» була зовсім свіжа в Парижі 29 квітня 1925 року. Скільки я міг установити, текст п'єси тоді ще не був друкований навіть у Франції. У Росії текст переклав з рукопису І. Аксьонов, той самий, що переклав і виставленого Месрхольдом «Великодушного роконося». Чи Курбас одержав текст від нього? Чи переклад був зроблений з російської?)) содержит в своей структуре собственные вводные

компоненты типа *до речі, скільки я міг установити*, репрезентирующие авторские замечания и концентрирующие субъективную модальность, выступая её специальными носителями.

Импликация как категория речевой коммуникации чрезвычайно ёмкостна и её объёмы могут быть исчерпывающе познанными при условии сопоставления с эксплицитностью и элиминацией, которые являются коррелятивными / некоррелятивными в самой внутрипредложенческой, межпредложенческой внутритекстовой структуре и последовательно проявляется в системе внутритекстовых синтаксических связей и межпредложенческих смысловых отношений.

V.2. Актуализационность во внутритекстовой структуре: типологический и уровневый аспекты

Актуализационность принадлежит к тем феноменам внутритекстовой организации, которые постоянно нуждаются в новых ресурсах и средствах реализации. Проблемы актуализационности чаще всего рассматривают сквозь призму порядка слов, поскольку обратный (непрямой) порядок слов всегда направлен на выделение определённого предложенческого компонента, его интонационное и смысловое выделение (см. работы Ш. Балли, В. Виноградова, В. Гака, Н. Гуйванюк, С. Ермоленко, М. Жовтобрюх, Н. Пилинский, А. Сеше, И. Слынько и др.). В то же время актуализацию абсолютно правомерно рассматривать не только на предложенческой уровне, но и на общетекстовом с учётом особенностей её проявления в сложном синтаксическом целом (сверхфразовым единством), отдельном разделе / части, во всём произведении. Не менее значимым является анализ

актуализации с учётом особенностей актуального членения предложения, его функциональной перспективы (ср. Работы Вю Матезиуса, А. Мельничука, О. Селивёрстовой, Н. Шведовой, Я. Фирбаса и др.). Требования жизни, максимализация силового поля средств массовой информации, стремление последних к абсолютной мобилизации и концентрации внимания адресата мотивирует образование новых ресурсов внутритекстовой актуализации.

Определяющим принципом актуализации на текстовом уровне является максимальное усиление определённой текстовой категории, её значимости. Актуализационный потенциал свойственен всем текстовым категориям, в то же время выдвижение элементов одних категорий воспринимается сразу (ср. компоненты категорий информативности, модальности, завершённости, коммуникативной установки, концептуальности заголовка как одного из наиболее репрезентативных начал текста: *Верховний Суд і гречка «Льоні-Космоса»* (Україна молода. – 2007. – 14 грудня); *Дмитро Путінович* (Україна молода. – 2007. – 14 грудня); *Не всі жінки – відьми* (Україна молода. – 2007. – 14 грудня); *«Регіони» перед смертю не надішуться* (Україна молода. – 2007. – 12 грудня); *Остання посадка – на «Совки»* (Україна молода. – 2007. – 11 грудня); *В обіймах Медведєва* (Україна молода. – 2007. – 11 грудня) и т. д.), актуализационное направление других текстовых категорий требует от читателя усиленного внимания.

Внутритекстовая актуализация может быть сильной, полусильной и слабой, что определяется несколькими факторами: 1) позицией в текстовой структуре – начало (инициальный статус), середина, конец (постпозитивно-кумулятивное измерение); 2) статусом самой текстовой единицы; 3) силой межпредложенческих синтаксических связей

(наличием средств усиления / ослабления центробежных / отцентровых тенденций); 4) активизацией / нейтрализацией межпредложенческих семантических отношений; 5) подчинённостью актуализованного элемента раскрытию общей идеи. Сильная актуализация всегда связана с инициализацией, поскольку в этой позиции любой элемент появляется в наиболее напряжённой форме: *Відсьогодні Україна стає сусідкою Шенгенської зони. На кордоні – дорого і менш затишно* (Україна молода. – 2007. – 21 грудня); *Назад, у 2005-й* (Україна молода. – 2007. – 21 грудня) и т. д. Полусильное проявление актуализации обусловлено внутритекстовым проявлением актуализованного элемента: *А потім додав, що сотні тисяч тонн зерна псуються в українських портах, а збитки держави при цьому становлять 200 мільйонів доларів* (Україна молода. – 2006. – 12 вересня); слабое проявление актуализации легко проследить в любом постпозитивном детерминанте, дуплексиве, где они приобретают особенную смысловую окраску: *І знову залишився селянин при дорозі...* (Україна молода. – 2006. – 12 вересня). Разделение сильной, полусильной и слабой актуализации в этом случае прослеживается в пределах внутрипредложенческой структуры. Абсолютная актуализация связана с парцелляцией, охватывающей разнообразные проявления. В силу этого актуализацию следует рассматривать с опорой на соответствующий языковой уровень, поскольку, в первую очередь, актуализация прямо коррелирует с устоявшимся порядком слов и какое-либо отклонение от его нормативных основ является средством актуализации. Самым простым проявлением такой актуализации является, вне всякого сомнения, вынесение в инициальную позицию глагола-сказуемого типа *Гряде день новий* (Україна молода. – 2006. – 12

вересня). Именно в этом разрезе стоит разделять обозначенные виды актуализации.

Актуализация может проявляться в членении единого смыслового фона на несколько текстозначимых компонентов (*На львівській Площі Ринок уперше встановлять камери відео спостереження. Вони потрібні винятково задля охорони та збереження старовинних пам'яток Львова, запевняють міські чиновники. Адже історичні споруди в центрі міста неодноразово піддавалися оскверненню місцевими хуліганами* (Україна молода. – 2007. – 11 грудня)) и максимумом и минимумом преобразования элементов языка в элементы речи (*Частина потрапила в оточення, хлопець опинився в полоні. Та через декілька годин утік. У ліс. Прийшов до партизанів. Під Кисвом, біля Василькова, зустрів третю танкову армію. А потім – Сандомир, Берлін, Прага. До партії не вступав* (Українське слово. – 2004. – Ч. 37. – С. 1); *Випускників зустріли. Кулі у стегу* (Заголовок). *П'яний чоловік ні з того ні з сього розстріляв двох незнайомих* (Україна молода. – 2007. – 8 лютого)); тенденциями индивидуализации понятий (локализация, количественная детерминация, темпоральная дейксисность и т. п.).

Среди имеющихся лексических, фонетических, морфологических, синтаксических, тектонических и графических актуализационных форм особого внимания заслуживают лексические, синтаксические, тектонические и графические, которые могут соединяться и составлять внутритекстовую амальгамность, основным предназначением которой является максимально усиленное выделение ремы из общего состава предложения: **Обережно: Уряд думає!** *Через незбагненну ініціативу Кабміну – обмеження експорту зерна – ми можемо позбутися частини урожаю. Хоча «аграрна*

революція», яка нині почалася у світі, дає змогу всім охочим добре заробити, не відходячи від земельних ділянок.

В останню декаду лютого український уряд зробив крок, якого від нього з нетерпінням чекали аграрії, експерти та навіть частина тверезомислячих державних чиновників, – дозволив вільно продавати за кордон фуражне зерно. Втім зернотрейдери та аналітики в один голос стверджують: пізно! Проблему агропромислового комплексу цим кроком не розв'язали. І, власне кажучи, розв'язувати не намагалися.

*Вантажимо тільки гниле! (Україна молода. – 2006. – 12 вересня). Графічний знак – пряма лінія – підкреслення тут використано для внутрітекстового членення на два смислових потоки, де перше освітлення найбільш значимих – ударних смислових компонентів, які далі будуть розв'язуватися в ёмкі смислові блоки – від складних синтаксических цілих (ср.: *Першим провісником грядущих змін у вітчизняній експортній політиці, як це не дивно, стала поїздка американського посла Уільяма Тейлора на зерновий термінал у порту «Південний» (Одеська область). Вдивляючись у блакитні далі й не зводячи при цьому погляду з переповнених складів, він заявив, що кабмінівські квоти на експорт зерна завдають Україні великої шкоди і наша держава, будучи шостим експортером зерна у світі, нині втратила імідж надійного постачальника. А потім додав що сотні тисяч тонн зерна псуються в українських портах, а збитки держави при цьому становлять 200 мільйонів доларів* (первое предложение – зачин, інтерпозитивное – розв'ертывание-кульминация, последнее – концовка-вывод). Смысловая нагрузка графа является красноречивой при всём прочтении текста, поскольку он вполне*

логично членит на зачиновый фон и панораму развёртывания, где изложенная препозитивная информация разворачивается и детализируется. Каждый из элементов этого зачина-фона выступет опорой для соответствующего внутритекстового заголовка, что является способом членения текста и его связности одновременно, реализуя комплекс модульностей, в первую очередь, субъективной, вне которой текст как кодировочно-декодировочная межличностная величина не может появиться. Достаточно ярко выражают авторские интенционально-модальные установки внутритекстовые заголовки, которые, реализуя рему текста-сложного синтаксического целого, выполняют одновременно функции членения, связности и др., ср.: *«Мамо, а навіщо ми цю яму копали?!»*; *Відкрито російський зернопрвід*; *Вирощуйте банани, панове фермери!*; *Кримінальний блиск «чорного» зерна*; *Ми слабкі... І в цьому наша сила!* (Україна молода. – 2006. – 12 вересня) – сохранён весь объём графически-типологического изображения. В заголовке часто может опускаться постпозитивная (вторая) предикативная часть, чем достигается максимальная актуализация не только самого заголовка, но и текста в целом: *Чим вище злетіш...* (Україна молода. – 2007. – 25 грудня), а вынесенный подзаголовок компонент аннотирует и мотивирует дальнейшее изложение: *Київська прокуратура пред'явила екс-міністру транспорту Рудьковському обвинувачення за «літакове» марнотратство* (Україна молода. – 2007. – 25 грудня). В то же время в заголовке приобретает распространение инициальная сегментация как разновидность актуализации, когда в абсолютное начало выносятся наиболее информационно значимый компонент, который иногда сопровождается атрибутивно-квалификационным элементом. Таким инициальным

компонентом может быть детерминант, связь которого с предложенческой структурой является слабой и его инициализация возникает как естественная. Инициализация, например, локативного детерминанта делает возможной концентрацию внимания на одной из определяющих текстовых категорий – категории места: *У Чигирині – знову зустрілися представники фінансових кіл для вирішення питання щодо реставрації цієї унікальної пам'ятки* (Україна молода. – 2006. – 12 вересня). Особенно значимой является инициализация сильноуправляемого объекта, что в этом случае определяет наиболее приметные его проявления и является средством внутритекстового перемещения внимания с субъекта на объект и присвоение ему особенной значимости: *Найжирніші шматки – опозиції* (Україна молода. – 2006. – 27 грудня). Внутритекстовая модель «инициальный объект ↔ постпозитивный адресат» выступает достаточно продуктивной в силу возвышения этих ролей как наиболее значимых, а субъект имплицированным: *Подарунки – дітям* (Україна молода. – 2006. – 27 грудня); *Увагу – звірятам* (Україна молода. – 2006. – 27 листопада) и под.

В целом актуализация является наиболее регулярной на синтаксическом уровне в форме порядка слов, что является первичным средством реализации парцелляции даже в заголовках: *Ще не вмерла польська віза* (Україна молода. – 2007. – 21 грудня) и др. Такое парцеллирование активно используемым является относительно приречных компонентов: *І збурена злістю собака гавкнула. Люто, з останніх сил. На води, на святковий берег, на білу байту, де стояв її хазяїн* (О. Гончар). Парцелляты *Люто, з останніх сил. На води, на святковий берег, на білу байту, де стояв її хазяїн функційно* не тождественны, поскольку первый акцентирует (*Люто, з останніх сил*) собственно определительную семантику, а

второй (*На води, на святковий берег, на білу байшту, де стояв її хазяїн*) акцентирует объект. Этому объекту репрезентируется через три последовательно уточняющие компонента, присоединяемые опосредованной подчинительной синтаксической связью. Поэтому панорамно объёмный объект внимания главного персонажа произведения О. Гончара «Пальма» сужается и наконец предстаёт в наиболее чётком измерении «*на білу байшту, де стояв її хазяїн*».

Актуализационные ряды парцелированных единиц несут в себе мощный эмоционально-экспрессивный и когнитивно-интерпретационный потенциал, поскольку единый смысловой фон передаётся через призму: 1) вычленения последственных, условных, причинных, целевых отношений как мощных текстообразующих начал, которые в то же время принадлежат к наиболее функционально значимым: Пригадували полум'яні Тарасові рядки й дивулися. *Бо то були справжні відкриття, несподівані, вражаючі* (В. Захарченко. Поет з горніх Шевченкових вершин: Шевченківські мотиви у творчості Василя Симоненка // Літературна Україна. – 2001. – 22 березня); *Як просто сьогодні стати «зіркою» телеекрану! Що раку ногу одірвати! Бо телеоператори буквально за кожним кущем чатують, аби зняти вас прихованою камерою, а потім у якійсь розважальній програмі показати* (М. Прудник. Прихованою камерою // Літературна Україна. – 2002. – 12 серпня); 2) предоставление коммуникативной достаточности парцеллятам, особенно это является показательным при парцелировании главных членов предложения: *Отут він мене здивував. Бо двері млосно рипнули і увійшла. Лісова юнка* (Б. Жолдак); 3) опосредованного соотношения с главной частью каждого последующего компонента актуализационного ряда парцеллятов и другое (где каждый последующий элемент

опосредования замкнут и на предыдущую предикативную часть, и на главную одновременно, но сила его центробежных связей ослаблена, последнее интенсифицируется степенью опосредования), ср.: *Я прийшов сюди з тривогою і надією. Бо мною пройдено уже чимало. Бо почуте і побачене тривожить мою душу. Бо кожен штрих відчутого пройшов крізь мою власну душу. Оскільки я це відчував як пережите не один, не два рази. Незважаючи на те що це відбувалося так давно, так давно... Що вже й забути пора* (А. Яна) и т. д.

Наиболее распространённым средством актуализации, направленной на расчленение единого смыслового фона является парцелляция повторяемого сказуемого как экзистенционального компонента предложенческой структуры, где каждый парцеллят наделён собственным рематическим фоном: *Хлопець активно працював. Працював із завзяттям. Працював із наполегливістю. Працював із готовністю завтра виконувати удвічі й утричі більше* (Україна молода. – 2006. – 26 грудня).

Каждой единице на текстовом уровне присуща функция коммуникативной достаточности и ей свойственны внутритекстовые валентные потенциалы. Рассматривая термины валентной грамматики, Ю. С. Долгов констатирует, что «Одна фонема, которой свойственен сигнал значения, интонация, ударение, может в речи стать предложением, а не просто звуком речи, например, О!, У..., А? Этим ... единицам, конечно, свойственна валентность, а в тексте они соединяются, сочетаются, приобретают значение текста. Как единицам языка и речи и свойственны все признаки предложения, хотя бы в нулевом варианте» [58, с. 30]. В силу этого признаётся внутритекстовая валентность каждого его составляющего. На предложенческом уровне уже достаточно серьёзно

прокомментированы видоизменения при незаполнении определённого валентного гнезда (ср. пары типа *вишивати рушник // вишивати; читати повість // читати*), импликация (*солити* (→ *сіллю*), *перчити* (→ *перцем*), *косити* (→ *косою*)), на текстовом же уровне подобный анализ совсем не выполнялся.

В текстовых структурах значимыми являются даже такие видоизменения предложеских структур, которые в некоторых случаях могут быть квалифицированы как нарушение обычной нормы, ср.: *Чушь. Никому это не нужно. Хотя бы потому, что под всем, что будет сказано ниже, есть хорошая доказательная сила. Документы уголовных дел, протоколы следственных органов, заявления реально существующих людей.*

Которые, будучи сложенными вместе, убедительно доказывают: Константин Титов может и не ходить на будущие выборы. Потому что, кто бы ни стал губернатором Самарской области, хозяином в ней все равно останется Титов и его ближайшее окружение. Богатейший регион России сегодня полностью оказался в руках весьма ограниченной кучки людей. И именно от них зависит: будет ли завтра в области газ, свет, горячая вода. Говоря проще, от них зависит все (Московский комсомолец. – 2000. – 25.05 – 1.06. – С. 9). Абзац текстовой структуры начат союзным словом «*которые*», однозначно сигнализирующим о необязательности и непредсказуемости формы подчинительной присловной связи, при которой наличие зависимой предикативной части мотивировано частеречной семантикой существительных «*документы, протоколы, заявления*». Расчленение единой структурной и смысловой единицы, предусматривающее и коммуникативную целостность, вследствие чего образуется сложное предложение с внутренне при сущими ему связями (*Никому это не нужно. Хотя бы потому, что под всем, что*

будет сказано ниже, есть хорошая доказательная сила. Документы уголовных дел, протоколы следственных органов, заявления реально существующих людей.

Которые, будучи сложенными вместе, убедительно доказывают: Константин Титов может и не ходить на будущие выборы. Потому что, кто бы ни стал губернатором Самарской области, хозяином в ней все равно останется Титов и его ближайшее окружение) обуславливает возникновение новых и текстово значимых компонентов. Структурно и семантически никак не может быть оправданным членение целостности, определённой развёрнутой парой «документы, протоколы, заявления, которые», но выделение является мотивированным при учёте ключевого слова статьи «Тень губернатора», которая написана Юрием Ряжским. Одним из базовых ключевых слов является существительное «губернатор», которое внесено как несогласованный поссессивный атрибут в заголовок статьи. Вторыми по частотности и семантическим нагрузкам являются слова-компоненты пары «документы, протоколы, заявления». Именно на них базируется основная информативная насыщенность текста, поскольку автор доказывает свою мысль документами, выдержками из протоколов или ссылками на них и заявлениями конкретных людей. Инициализация компонента «которые» приводит к его максимальной актуализации и подчёркиванию их значимости. Такой вид парцелляции следует квалифицировать как бифуркацию, при которой образуются два равно важных информационно-смысловых потока. Стилистическая функция абзаца в этом случае состоит в актуализации бифурканта **Которые, будучи сложенными вместе, убедительно доказывают: Константин Титов может и не ходить на будущие выборы. Потому что, кто бы ни стал губернатором**

Самарской области, хозяином в ней все равно останется Титов и его ближайшее окружение. Такую самостоятельность стоит квалифицировать как псевдосамостоятельность, поскольку весь объём информации бифурканта направлен на предыдущую структуру, вне которой содержательная мотивированность союзного слова «*которые*» не может быть истолкована да и понята.

Актуализированными являются во внутритекстовой структуре и конструкции, которым свойственна дополняющая семантика. Основным видом таких образований являются присоединительные конструкции, ср.: *Из двенадцати детей в семье осталось лишь четверо: четверых зарезали еще в Афганистане, еще четверых – в Иране, причем трупы сложили на крыльце дома... Афганцы уверены, что и в Киеве их выслеживают, а потому город придется покинуть. Но ведь детям нужно учиться! Так же, как и другим ребятам из семей беженцев.* Такую возможность дают всем детям педагоги 224-й киевской школы (Факты. – 2000. – 1 червня). Присоединительным конструкциям свойственна спонтанность сообщаемой информации, что становится чем-то вскольз высказанным, дополнительным и в то же время коммуникативно значимым, поскольку оно маркировано не только семантикой замечания, но и значимостью самой содержимой информации, которая об означена признаком уточнения.

Современные исследования актуализации чаще всего ограничиваются анализом репрезентативности парцеллированных (Л. И. Конюхова и др.), сегментированных (В. Я. Мороз и др.), повторяемых конструкций в тех или иных функциональных стилях, когда объектом рассмотрения становится язык современных средств массовой коммуникации, специфика художественной стилистики и т. д. Очевидно, это

обуславливается тем, что такие образования легко обнаруживаются на формальном уровне и их особенности достаточно легко прокомментировать на формально-грамматическом уровне (ср. анализ парцеллятов в плане установления частотности и функциональной загрузки относительно видов сложносочинённых, сложноподчинённых предложений, отдельных компонентов простого предложения и т. п.). В то же время проблема внутритекстовой актуализации намного объёмнее и требует более внимательного её изучения, поскольку связана по своей природе с любой текстовой категорией. С помощью парцелляции и разнообразных средств её реализации выходят в тексте на передний план и являются композиционно значимыми в его структуре компоненты любой внутритекстовой категории, приобретая специфическую функциональную нагрузку. Концентрация внимания на той или иной категории оставляет без внимания общий фон актуализации. Очевидно, в тексте особую роль играет категория авторизации, проявление которой характеризуется широким диапазоном. Авторизация связана с эксрессивной функцией языка и непосредственно взаимодействует с категорией оценки. «Авторизированная оценка – это такой вид оценочного значения, который соединяет указание на автора – субъекта оценки, объект оценки и характер оценки (саму оценку)» [1, с. 6]. Экспликация (*На мою думку, книжка вдалася*) / импликация (*Оце так книжка!*) авторизации свидетельствует о её максимальном / среднем / минимальном проявлении в аспекте актуализации, поскольку соотносится с прямыми (*Я вважав тебе за свого найбільшого ворога* (І. Франко)), непрямыми (*Майже всі вважали своє становище занадто низьким для себе* (П. Загребельний)) спектрами репрезентации. К отдельному виду принадлежит самоавторизация, когда «объект и субъект

авторизации совпадають» [Там же, с. 7], ср.: *Жінка тоді посміхнулася до нас – і одразу стала красивою і симпатичною, а ми – грубіянами й чувалами без совісті* (Ю. Яновський).

Наблюдаються також попытки дифференціювати типи пропозицій згідно ступеню проявлення в них авторизації, виділяючи серед них: 1) пропозиції з кваліфікуючою авторизацією (*А я все-таки не вважаю нашу літературу за жєбракчу* (Леся Українка)); 2) пропозиції з авторизацією сприйняття (*Себе вже бачив першим музикантом* (І. Драч)); 3) пропозиції з авторизацією проявлення (*Мама застала доню гарною проти дзеркала в новій розжев'їй сукенці з червоними плямами на личку* (Ірина Вільде)). Такі підходи повністю прийнятні, оскільки дозволяють прослідкувати співвідношення пропозиції та висловлювання в найбільш напруженому для останнього проявленні – внутрітекстовому.

К постійно актуалізованим компонентам належить заголовок (На «вічні питання» відповідає світогляд (Слово Просвіти. – 2000. – Квітень (спецвипуск)); *Жіноче ім'я як епізод історії; Право нації і права людини; Чи є, чи немає?; «Веселка» живе Україною* (Там же)), котрому присущі визначаючі параметри актуалізації всіх текстових категорій.

К актуалізованим внутрітекстовим величинам належать видо-часові форми глаголів-сказуваних, оскільки «Вибір часових форм та їх комбінацій в тексті визначається не реальним моментом мови, а представленням мовлячого про співвідношенні часу та події та часу та його сприйняття, спостереження. ... точка відліку часу не фіксована моментом породження тексту, вона рухома та може перемішатися за волею мовлячого, як його спостережувальний пункт, в різних напрямках стосовно

оси событий, занимая позицию, синхронную тому, что происходит, там, где говорящий мысленно помещает себя в хронотоп актуализированных картин и событий, возобновляемых памятью или рисуемых воображением, фантазией» [103, с. 92]. Взаимодействие хронологично-календарного текстово-событийного, где значимой является релятивная, таксисная связь всех предикатов текстов, перцептивно-адресатного времени в тексте приводит к образованию и актуализации аористной (*Проміняли свою добру рідну матір – на п'яницю непотребную, а в придаток ще і –в додали* (Т. Шевченко)), перфектной (*Вельможний сон мене здолав, і тут нараз почув я...*(В. Стус)) функций форм совершенного вида глагола и имперфективной (*Запахло сонцем, воском і зелом, в мосянжне колихання переліта лить бджола...* (В. Стус)) функции форм несовершенного вида. Порождение текста обуславливает актуализацию семантики временных форм глаголов-сказуемых и, в то же время, приводит к соответствующей их функциональной нагрузке. Так, в адекватном темпоративном контексте формы будущего времени глаголов совершенного вида могут реализовывать итеративную функцию, которая в общем-то в основном варианте им не свойственна, а при соединении с частицей *як* реализовывают экспрессивную семантику интенсивности и неожиданности событий: *Як закричить вартовий ...; Як заголосить мама...* (В. Стус). В целом видо-временным формам глагола при поддержке их семантики референтными іменами, дейктическими, темпоральными, модальными и другими показателями принадлежит ведущая роль в формировании текстовых фрагментов, соединение которых создаёт структуру речевого произведения, его композицию. Именно видо-временные формы глаголов-сказуемых образуют компактно-

ёмкостные ряды актуализированных величин, поскольку через их призму становятся познаваемыми и правильно воспринятыми репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтаривный и реактивный коммуникативные регистры (по Г. А. Золотовой).

Непосредственными составляющими актуализации выступают метафорические структуры, в которых в полной мере отображаются особенности национально-языкового мировоззрения, отображается образно-ассоциативный мир, подтверждением чего является: 1) антропоцентрическая (*Змис коси рожеві в пахучім любистку зоря* (І. Драч); *До сліз образився, мій білий (сніг)* (І. Драч)); 2) анималистическая (*Чорні птиці нудьги в скажених мартенах років* (І. Драч)); 3) «машинная» (*кермо влади*) метафора. Последняя репрезентирует образный (*Знову цютливо плаче теплою кров'ю серце* (Ю. Тарнавський); *А місяць у білих споднях з батьком у шахи грав* (І. Драч)) макро- и микромир и усугубляет нюансорику слова, репрезентуя чаще всего полное проявление **поэмы**, ср.: *Сад має обличчя упира, ...напух від тиші, як від крові, як губи, посиніло його каміння, простягає до шиї свій тунт, покорчений, як пальці, як очі, вирячені його круглі квіти* (Ю. Тарнавський). В исключительно метфорических образованиях находят проявление новейшие ассоциации, поскольку «Факты авторского словоупотребления такая же неотъемлемая черта живого языка, как и нормативно фиксированная сочетаемость» [146, с. 36]. Существенным моментом является то, что метафора, согласно меткому высказыванию Х. Ортеги-и-Гассети, выполняет функции наименования и средства мышления, ведь «...огромнейшее строение Вселенной, наполненное жизнью, опирается на крохотное и воздушное тельце метафоры» [133, с. 77].

В поэтическом тексте метафоры образуются целостные ряды актуализированных величин, познание и восприятие которых раскрывает авторский ассоциативно-образный мир. Такой мир с соответствующими парадигмами метафор является направленным одновременно в национально-языковую картину мира и в авторские интенции. Целостно ёмкостное восприятие метафорики определённой национальной литературы раскрывает арсенал заангажированных образов и благодаря этому легко проследить её параллелизм / непараллелизм национально-языковой базе. Так, в украинской художественной речи широко употребляемой является метафора, основанная на определённых зоореалиях: *Якась собака винишпорила, що в листі друковане...* (М. Коцюбинський); *Безтурботні телята, думав Петро про свою дочку і зятя* (М. Чабанівський); *А соцький, він свиня пиката, нехай минає мою хату* (М. Кропивницький); *Кудлата голова чорного пуделя підводиться від газети* (В. Винниченко); *Я – України соловей* (В. Соловей); *Хмару розбила ластівка. Вбігла Гафійка, скванно ховаючи щось за пазуху* (М. Коцюбинський) и др. В таких случаях происходит актуализация семантики категорий экспрессивности и эмоциональности, одним из проявлений которых выступает метафорическое значение слова, которое по своему потенциалу, вне всякого сомнения, принадлежит к ядерной плоскости этих категорий.

Ряды актуализированных форм или актуализационные ряды во внутритекстовой структуре могут занимать целостную горизонтальную плоскость или же быть прерванными. Иногда такая прерванность является чрезвычайно насыщенной, поскольку первый компонент актуализационного ряда занимает первую позицию, а последний является завершающим элементом текста. В таком случае стоит говорить об

обрамляющем статусе актуализированных рядов (*Запахло сонцем, воском і зелом... вона зазолотіє щедрим соком сонця* (В. Стус)). Иногда актуализированный ряд может быть трёхкомпонентным, когда его элементы соответственно передний, средний и крайний план текста.

Более сложным является проявление актуализированного ряда в том случае, когда один из компонентов имплицитруется и его статус узнаваем только через синтгматически имеющиеся структуры.

Актуализированным рядам принадлежит ведущая роль у композиционно-сюжетном оформлении текста, его завершённости. Благодаря выделению имеющейся в них информации и реализации эмоционально-экспрессивного фона появляются значимые модальные, информативные, рамочные и другие сущности текста. Рассмотрение актуализационных возможностей не только текстовых категорий, но и каждого элемента текста позволяет построить теорию общей и частичной внутритекстовой актуализации.

V.3. Языково-образное и поэтически-символьное измерения художественного текста

Текстовая структура способствует реализации внутреннего значимого и смыслового потенциала слова и насыщению его внешних интенций. Особый статус в структурировании текста принадлежит языково-образному уровню и его поэтически-символьному измерению. Анализ этих двух определяющих элементов текста с исследованием их взаимодействия и взаимообусловленности.

Исследование текста как явления мысли и языка в последние годы привлекает всё большее количество учёных. Текст – это продукт и средство реализации коммуникативного

задания, которая возникает одновременно перед автором и реципиентом и направлено на когнитивное познание, то есть фиксацию как процесса приобретения знаний и опыта, так и его результата. Перед реципиентом стоит задание обнаружения свойств предмета, взятого в определённой ситуации, прочтение всего – и поверхностного, и глубинного. Наиболее сложным выступает адекватное прочтение языково-образного измерения художественного текста, основными составляющими которого являются образы, реализованные в языковой канве. К нему прилагает символично-поэтическое измерение, потому что установление нагрузки того или иного символа требует от адресанта (чтеца) проникновения в народную память и прослеживания нагрузки символа в национально-языковой картине мира с его актуализационно-интерпретационной нагрузкой в соответствующем художественном тексте. В то же время квалификация нагрузки языково-образного фона художественного произведения требует понимания и осознания принадлежности такого произведения к соответствующему стилистическому течению (ср., например, не всегда корректное толкование тех или иных произведений Николая Хвылевого как проявления постмодернистской стилистики, хотя в этом случае лучше говорить (и корректнее) о сугубо модернистской стилистике. Языково-образный фон произведения – это и сугубо авторское языково-образное наполнение произведения, и соотношение этого фона с соответствующими произведениями того периода, когда появилось художественное полотно, сопоставление со всем предыдущим языково-образным богатством (ср.: образ *кота в сапогах* в украинской народной сказке и в художественной стилистике Николая Хвылевого «Кіт у чоботях», где загрузка этого образа является вторично-

метафорический и адекватно может быть прочитана в модернистском контексте).

Текст – это инструмент коммуникации, причём коммуникативная функция текста является основной (в смысле текста как срединного элемента коммуникации), то есть объекту свойственна собственная структура, и как единица коммуникации он существует во взаимодействии с другими компонентами / элементами системы коммуникации. Для текста особенно значима когнитивная функция как проявление совокупности процессов и свойств внимания, восприятия, усвоения, сохранения и вспоминания знаний, а также формирования понятий и мышления. В этом случае когнитивная функция существенна и для адресанта как продуцента текста, где наиболее важным является кодирование всего задуманного и его последовательная вербализация, и для адресата, который осознаёт и осмысливает всё, отыскивая помещённую в слова не только первичную информацию-значение, но и глубинные смыслы, ср.: *Хто ж потребує слів твоїх? / Чи той, що важить хліб і сіль, / чи той, що відсотки рахує, / чи той, що у безсонну ніч / бунтарські зазиви друкує, / чи той, кого горячка палить / і з голоду запеклий вже, / чи той, що чорні тюрми валить, / чи той, що тюрми береже?* (Б.-І. Антонич). «Узнавание» предикативных номинаций – шести (1) *той, що важить хліб і сіль*; 2) *той, що відсотки рахує*; 3) *той, що у безсонну ніч / бунтарські зазиви друкує*; 4) *той, кого горячка палить / і з голоду запеклий вже*; 5) *той, що чорні тюрми валить*; 6) *той, що тюрми береже*) – требует наличия соответствующих пресуппозиций у адресанта и адресата, вследствие чего формируется общее силовое поле. Благодаря образному насыщению поэтического произведения создаётся динамика (перечисление равнорядных образов и синтаксический повтор

одинаковых словосоединений (*чи той* (пятикратный)) и структурно однотипных предложенческих образований. Такой образный ряд выступает постоянно расширяющим и динамизированным вследствие ассоциативного дополнения и градуирования, конечным проявлением чего выступает оппозиция двух активно противопоставляемых начал, охарактеризованных в предикативно оппозитивных номинациях: *чи той, що чорні тюрми валить, / чи той, що тюрми береже*. Собственно, обозначенная оппозиция является активно насыщаемой во всей текстовой структуре – с самого начала (*Чи той, що важить хліб і сіль, / чи той, що відсотки рахує*) и до конца поэтического высказывания, что вследствие троекратного усиления приобретает целостную, неделимую и ассоциативно ёмкостную плоскость, усиливаемую линейно нанизуемыми социально значимыми образами. Совокупно шесть образов создают ассоциативность симметрической временной панорамности (*потребує, важить, рахує, друкує, палять, валить, береже*), усиливаемую первым риторическим вопросом (*Хто ж потребує слів твоїх?*) и вторым – многокомпонентным сложным предложением, в котором шесть однотипных внутрипредложенческих компонентов объединены бессоюзной синтаксической связью. В каждой из этих частей повторяемое словосоединение (*чи той*) выражает контекстуально не полную главную часть, каждый из шести компонентов по своему строению является нерасчленённым сложноподчинённым предложением местоимённо-корреляционного типа (симметрический субстанционный вид). Все шесть компонентов являются единоструктурными и своим линейным развёртыванием направлены на усиление ассоциативного ряда. Когнитивная функция в этом случае свойственна поэтическому произведению в целом и каждому из его элементов в частности,

особенно каждой из предикативных номинаций, которые в своей множественности отображают картину общественной иерархической значимости в ответ на вопрос о предназначении слов художника и спрос на поэтическое начало в общественной практике. Когнитивная функция в анализируемом поэтическом произведении состоит в том, чтобы репрезентовать все соотношения как единое целое, которому свойственна когерентность и которое приносит эстетическое и эмоциональное удовольствие. И ещё одна особенность: когнитивная функция состоит в том, что в художественно-поэтических формах и структурах имеется информация о мире, поэтому благодаря знанию языка его носители имеют доступ к конвенциональной, наработанной определённой культурной традицией языковой картине мира, к системе концептов, стереотипов. В анализируемой поэзии Богдана-Игоря Антонича «Закінчуючи» через систему поэтических образов, их ассоциативную целостность воссоздаётся систематика общественной экзистенциальности, ценность тех или иных стереотипов (*той, що відсотки рахус; той, що тюрми береже*) и соответствующие концепты в общественном бытии («ростовщичество», «богатство», «свобода» и т. д.).

В то же время текст, в частности художественный, представляет собой не только структуру, систему, но и целостный мир, в котором можно выделить микромиры. Самый главный и наиболее сакраментальный вопрос – это проблема проявления текстового смысла, поиск его в фоне текста. Как свидетельствуют наблюдения, текст способен влиять на собственные составляющие, хотя при всей членимости всегда остаётся семантически и когнитивно целостным: *Багрянородна ніч. Тривожний серця токіт. / Земля і кров. Пливе у вир затоки квіття. / З Провалля Зради шеніт. Ляк, мов птах стокий. /*

Одне на одному шарами сплять (Б.-І. Антонич). Наличие членимости (*З Провалля Зради шеніт. Ляк, мов птах стоокий*) не влияет на когнитивную целостность и ход художественного рисунка, сама же структура инициальной строфы иррадирует подобное насыщение всем последующим.

В целостности художественного произведения особую нагрузку имеет образно-символьная система, которая в любовном измерении является и внутренне мотивирована, и внешне соотносена. Соединение этих двух величин является непростым и часто не воспринимается. Ведь в тексте репрезентируется и актуализируется языковая личность в своих модальных проявлениях (адресант) и декодирующее-воспринимающих и оценочно-характеризующих измерениях (адресат). Поэтому, согласно Р. Барту, текст подлежит наблюдению не как завершённый продукт, а как продцирование, происходящее на наших глазах, которое подключено не к другим текстам, другим кодам (сфера интертекстуальности), связываясь тем самым с обществом, историей, но связывается не отношениями детерминации, а отношениями цитации [20, с. 424]. Процесс формирования значений и смыслов возникает как обусловленный речевым намерением прогрессивный отбор функциональных и деятельных потенций исходных элементов, их значимость универсальна. Его можно интерпретировать и как процесс индивидуализации функций, определённых в системе языка, установленных в общем или относительно определённого класса и обозначены формально. Смысловой каркас текста не остаётся в нём автономным: он поддаётся мутации, растворяется во множественности других единиц, ср., например, развитие темы в структуре поэзии Богдана-Игоря Антонича «Затерті сліди»: *Джмелі – у вухах пальми золотаві кільця, / і місяць, мов король на шиї бога Півдня, / на кучерях атав браслети*

*багрокрильців, / не урна в барв узорах – це високорівня. // Вперед!
Фосфоризують непрохідні багна, / земля видихує люльками
квітів запах / і фарбою цеглистою малює янгол / новий потопу
плян на зорях, мов на мапах. // Я жив тут. В неоліті... може, це
давніше... / Мої малюнки буйволів замазав місяць. / І фосфор
ночі, й оливо землі гнітюче, / що серцеві тяжать, та серця не
помітять.* На мутації смыслового каркаса «работают» все
элементы текста: а) структура предложений (Джемлі – у вухах
пальми золотаві кільця, / і місяць, мов кораль на шії бога
Півдня, / на кучерях атав браслети багрокрильців, / не урна в
барв узорах – це високорівня – большинство биноминативные,
где второй компонент (составное сказуемое) содержит нулевую
форму глагольной связки *бути* и именную часть); б) метафорика
(*Фосфоризують багна, земля видихує люльками квітів запах,
люльки квітів, малюнки буйволів замазав місяць*); в) временная
симметрия предикативных частей сложносочинённых
предложений (*земля видихує люльками квітів запах / і фарбою
цеглистою малює янгол / новий потопу плян на зорях*);
г) парцеллирование как проявление экспрессивности (*Я жив
тут. В неоліті...*) и др.

Языково-образный каркас художественного произведения
следует рассматривать на информативно-структурном и
композиционно-линейном уровнях с учётом особенностей их
эксплицитного и имплицитного проявления. Образно-
символьная система художественного произведения всегда
подчинена его теме, разворачивая её содержательно наполняя.
Тема состоит из микротем, которые выступают её наименьшими
составляющими, описываемыми в микротекстах. Наиболее
полно в зависимости от сферы общения и стилистических
параметров текста тему можно проследить в художественном
тексте: тема – круг жизненных проблем, увиденных и

осмысленных автором и положенных в основу художественного произведения. Одна и та же тема может иметь различное воплощение в зависимости от интенций автора, его творческой индивидуальности. Определённая общность может являться результатом наличия элементов определённой тематической группы, объединяющей слова разных частей речи по их соотношению с определённой темой: *кіляця, кораль, браслети* – название украшений и др. В осмыслении темы чрезвычайно важны тематические ассоциации, которые могут состоять из слов: 1) одной тематической группы; 2) слов из разных лексико-семантических групп, но объединённых по смыслу: *кіляця, місяць, кораль, атави, браслети, багрокільця, багна, земля, квіти* и т. д. Наиболее стойкими остаются тематические группы слов, благодаря чему адресат без ошибок причисляет тот или иной текст к соответствующей теме.

С точки зрения поэтапного восприятия текста темы можно рассматривать как результат анализа, с точки зрения анализа – темы являются исходным моментом изучения текста. В интерпретационной деятельности адресата существенной является ассоциативно-логическая связь (языково-образное измерение) тематического уровня с предметно-логическим и сюжетно-композиционным уровнями текста, ср.: «Затерті сліди» → *Пливем у вир затоки квітів* → *на кучерях атав браслети багрокільців* → *земля видихує люльками квітів запах* → *я жив тут*. Представление о теме («Затерті сліди») формируется в сознании человека на основе актуализированных и формально и содержательно микротем, которые объединяют текстовые фрагменты на основе общности денотата. Общая тема текста связана с одним из денотатов, чаще всего и последовательно актуализированным («Затерті сліди»: *Одне на одному шарами сплять століття* → *не урна в барв узорах – це*

високорівня → *фарбою цеглястою малює янгол новий потопу*
плян на зорях → *Я жив тут + мої малюнки буйволів замазав*
місяць). Тема- это результат систематизации адресатом отдельных микротем, соотносящихся с предметно-логичной основой текста (его денотативной структурой): образно-символьная система трансформирует текст в целостность, амальгамность, в которой каждый компонент насыщен и тематически связан правосторонне и левосторонне.

Образно-символьный каркас текста – это, собственно, его инфраструктура, вне которой он перестаёт существовать как самодостаточность. Создание и восприятие языковых игр связано с фонетическим, словообразовательным, лексическим типами ассоциирования. Совокупность ассоциативных связей слова создаёт его **ассоциативную** и **образную** валентность (наряду с устоявшейся – формальной и семантической → формально-семантической), которая находит отображение на всех уровнях языковой системы и позволяет по-разному интерпретировать формально-содержательную структуру знака, преобразовать потенциальное содержание в актуальное: *Звідки тиха музика – з неба? З танку. / Перед садом з травами. Третя ранку... / Леться щемно-тиха, як пісня. / Жінка в руслі місячної доріжки / в'ється ніжно в танці, як... мне ніжки. / Звідки ця вмираюча тут лебідка – / чи для себе танець той, чи для свідка? / Так вона впивається, як для себе, / як для серця власного. / Для потреби* (С. Бондаренко). Ассоциативное поле *Жінки в руслі місячної доріжки* постоянно расширяется через линейно орагизованные компоненты линейной межпредложенческой связи: **жінка** (в'ється) – **лебідка** (вмираюча) – **вона** (впивається) – **Терпсіхора** (божевільна, п'яна, хвора) – **постава** – **грація** (мистецька) – **Плисецька** (ця) – **танцієниця** (держе) – **вона** – **мільярдерша** – **Медя** – **орхідея**

(вмирає) – голубка (неслась). Последние приобретают особенной ассоциативный рисунка вследствие образования синтагматических моделей (атрибутивных и предикативных), ср.: *З гордістю Медеї ця Терпсіхора – / може божевільна? Чи п'яна, хвора? / Деся поставу бачив ти цю естетську – / цю мистецьку грацію, цю Плисецьку. / Скільки літ тому ти її вже бачив, / та не зауважив і не завдячив... // Танцівниця з викликом стан свій держе... / Це вона?.. Моя – його – мільярдерша? / Склалась орхідеєю ця Медея – / чи вмирає в раї цім орхідея. / Начебто прощасться із луною... / так неслась голубка в ковчег до Ноя / з головою – в дзьобику – машиною... / О, без сил осіла. Її ніби слизько – / тій, що вдень ховалася зовсім близько.* Ассоциативная образность является ёмкостно диапазонной вследствие активизации особой формы синтаксической связи включения, когда зависимый компонент включён в семантическое пространство стержневого, хотя по своему проявлению является автосемантическим: *Склалась орхідеєю ця Медея.*

Для создания нового ассоциативно-образного внутритекстового пространства используют единицы языкового и неязыкового уровней, имеется слияние эмоционально-экспрессивных и мыслительных компонентов. Поэтому ассоциативно-образное пространство целесообразно рассматривать через синтез всех уровней текстовой организации – фонетический, структурный и смысловой.

Чаще всего ассоциативно-образный уровень текста анализируют через прослеживание того или иного слова, которое приобретает внутритекстовое расширение. Подтверждением этого может являться ассоциативное насыщение динамизмом стержневого образа времени в поэзии «Зов» Б.-И. Антонича: *Вже / Час / Нас / Зве // Ще / Раз / Нас /*

Жде // Кров / Біль / Зов / Піль / Це / Я, где каждый структурный элемент выделен в отдельную строку. Такое расположение делает возможным инициализацию каждого компонента и его актуализацию, а отсутствие знаков препинания усиливает внутритекстовую вертикальную пространственную замкнутость. Заключительная часть *Кров / Біль / Зов / Піль / Це / Я* приобретает рематическое наполнение и своим содержанием полностью ориентирована на предыдущие два компонента, потому что **час** уже дважды нас ждёт, что экзистенциально замкнуто в жизненное пространство лирического героя, его **Я**.

В образно-символьной плоскости художественного произведения особый статус принадлежит ключевым словам, которые вследствие повтора получают ядерность и их нагрузка является структурирующее-композиционной: *Василь Прокopcук до всіх своїх літературних талантів володіє ще одним хистом – умінням дружити. Не тільки на Волині, а й у різних куточках України можна зустріти людей, що говорять про нього найкращі слова. Бо ж – друзі. А дружба, як відомо, критичного реалізму не визнає. Дружба – зовсім інший жанр. Дружба – це та духовна субстанція, яка облагороджує людські стосунки і привносить у них те, чого і близько немає, скажімо, в стосунках службових, сусідських чи ще якихось інших. Дружба – це незмінний тест: чи будуть з тобою в хвилину твоєї біди, чи придуть тобі на допомогу друзі?* (С. Короленко // Літературна Україна. – 2012. – 15 листопада). В приведённом публицистическом отрывке ключевое слово **дружба**, которое в различных вариантах повторяется несколько раз (**дружити** → **друзі** → **дружба** → **дружба** → **дружба** → **дружба** → **дружба** → **дружба**), обростаёт однокоренными с ним словами, свободными словосоединениями и фразеологизмами типа *будуть з тобою в хвилину твоєї біди; придуть на допомогу* и

квалификационным / идентификационным признакам типа **тест** (← незмінний); **субстанція** (← духовна); **жанр** (← зовсім інший). Последние не только уточняют и расширяют ключевое слово, но и придают ему структурно-композиционный статус соответствующими активными лево- и правосторонними сочетательными предложениями. Усиливает экспрессивную нагрузку ключевого слова **дружба** парцелляция собственно детерминантной предикативной части сложноподчинённого предложения. *Не тільки на Волині, а й у різних куточках України можна зустріти людей, що говорять про нього найкращі слова. Бо ж – друзі*, которое наряду с причинной семантикой приобретает обобщённо-выводное значение.

Особенно показательным является функциональное расширение темы (тематического понятия), углубление её семантического наполнения, создание её смысловой ёмкости не только в общесистемном (виртуальном) измерении, но и в образно-ассоциативном: *Тріпочуться слова, мов бджоли на дощі, / вривається розмова, ледве розпочата, / спалахують думки й ховаються мерці / і погляд, мов метелик, ясний і крилатий. // Кімната нам заміниться в квітчастий сад / і сплетемось, обнявшись кучерявим листям. / Вросту, мов корінь, в тебе й спалахне роса / на наших ясних снах, омаєних сріблисто* (Б.-І. Антонич), где **сад** – это не только «специально отведённая значительная площадь земли, на которой выращивают плодовые деревья, кусты и т. д.» или «приусадебный участок, засаженный плодовыми деревьями, кустами, цветами и т. д.», или же «деревья, кусты и др., которые растут на этих участках, площадях» (СУМ, IX, с. 9), а *кімната*, которая вдруг *заміниться в квітчастий сад*. Лирический герой в образе собственно авторского (имплицитного) «Я» репрезентирован в языково-образной модели **Нас двос**, что в этом случае аккумулирует двух

действующих персонажей: *Нас двоє – два кошилаті й сплетені куці, і усміх наш – метелик ніжний і крилатий. / Проколені думки, мов бджоли на доці, / тріпочуться, на гостре терня міцно вп'яті. // Пісні, мов ягоди, омалюють щодня / той сад, де ми ростем, обнявшись тісно листям. / Углиб, аж до коріння все отут сповна / рослинний бог кохання первісний і чистий.*

Действие смоделированных персонажей **Нас двоє** → **ми** происходит в комнате – цветущем саду, да и двое – *два кошилаті й сплетені куці* (предикативная метафора), а *усміх – метелик ніжний і крилатий* (предикативная метафора, выраженная субстантивно-адъективной конструкцией). Счастливое бытие персонажей, передаваемое анализируемыми метафорами, выступает воображаемым с двумя измерениями такой воображаемости, потому что *Проколені думки* (метафора двойного измерения (вместе с глаголом-сказуемым в предикативной основе является трёхизмерной)), где абстрактное существительное подано как конкретный (второй уровень), а конкретный метафоризированный (первый уровень), *мов бджоли на доці* (= *думки – мов бджоли на доці – первая степень метафоризации через сравнительную подчинённую предикативную часть ирреального сравнения; пчёлы же всегда дезориентрованы на дожде), *тріпочуться* (думки *тріпочуться* (метафора – третий уровень) + *думки проколені* (метафора – первый уровень + второй уровень), *на гостре терня міцно вп'яті* (полупредикативная статическая конструкция формально связана с инициальным атрибутом и выступает его продолжением, по формальному проявлению полностью коррелирует с ним как обособленное определение, выраженное причастным оборотом; по содержанию же она характеризует *проколені* в причинно-следственном измерении (почему?) – *тому що на гостре терня міцно вп'яті). Комната – это исад, и

пространство, в котором происходят все видоизменения лирических героїв, проявляется весь спектр их чувственности: *Пісні, мов ягоди, омалюють щодня / той сад, де ми ростем, обнявшись тісно листям. / Углиб, аж до коріння все отут сповна / рослинний бог кохання первісний і чистий*, где действительно *пісні омалюють щодня / той сад* (звучание песни наполняет просторы сада и самих лирических героев, но *пісні омалюють* (метафора с окказиональным глаголом-сказуемым), и *омалюють* не просто пространство, а духовный мир единства и целостности –*той сад* (референтный компонент **той** чётко определяет актуализированное пространство). В этом пространстве происходит расширение чувственной гаммы персонажей: *ми ростем, обнявшись тісно листям*. Метафорика фразы познаётся через включение правостороннего финального полупредикативного компонента *обнявшись тісно листям*, легко определяемого как такового, который объединяет в себе семантику характеристики (как?) и причинной обусловленности (почему? – **тому що обнялись тісно листям*). Языково-образная панорама поэзии «Сад» выступает и горизонтальной с основным ключевым словом *думка* и её вербализованными проявлениями слова (*тріпочуться*) → *розмова (вривається)* ↔ *думка* ← *думки (тріпочуться)* ← *пісні*, и вертикальной: *вросту (мов корінь)* → *нас двос* ↔ *ми (ростем) // кімната* → *сад* ← *сад*.

Образно-ассоциативное поле художественной текстоники может структурироваться противопоставлением двух взаимодополняемых и в то же время взаимнопротивопоставляемых образов: *Страшне вино ночей доспілих / по вінця в черепі хлопоче. / Буджуся сонний, неспокійний, / і місяць чавить мої очі. // Та раптом чую: вище, тонше, / стрункіше дзвонить ясна синь. / Драконе місяцю, загинь! / Ось білий бог ісходить – сонце* (Б.-І. Антонич). В

структуре стихотворения «Схід сонця» нагрудка образосимволов *сонце* и *місяць* является определяющим, где сначала луна творит ночное беспокойство и непонятное смятение *доспілих ночей* продуцирует *страшне вино*, где понятное и непонятное переплелись, слились воедино и это вино *в черепі хлопоче*. А луна дополняет общую картину беспокойства: *Буджуся сонний, неспокійний, / і місяць чавить мої очі*. Но прорвана тьма, ряд словообразовательных повторов высшей степени сравнения (компаративов) *вище, тонше, / стрункіше* градуирует появление определяющей величины светлости и пробуждения доброго, исчезновение зла: *дзвонить ясна синь*. Образ *ясна синь* в структуре метафоры *дзвонить ясна синь* перекликается с финальной метафорой *білий бог ісходить*, усиленной указательной инициальной частицей *Ось*, а детализированный в обособленном приложении *сонце*. Внутритекстовое силовое поле иррадировано образами-символами *вино ночей* (метафора качественного типа, образует метафору артефакт *вино* как артефакт виртуальный вместе с компонентом на обозначение хода целостных суток *ночей*, поэтому *вино ночей* обозначает проявление человеческих чувств, их внутренней силы) → *страшне вино ночей* (зависимый компонент *страшне* (усиливает виртуальный артефакт в измерении внутренних чувств) + метафора *по вінця в черепі хлопоче* (с внутренней сложной структурой, усиленной характеризующим компонентом (*по вінця*) и локативным компонентом (*в черепі* как наполненная радостью человеческая сущность) образуют двухуровневую сложную метафору), *місяць чавить* (метафора с образом місяця-инструменталиса) → *місяць чавить очі* (метафора + зависимый сильноуправляемый элемент) → *місяць чавить мої очі* ((метафора с образом місяця-инструменталиса + зависимый компонент + атрибут

принадлежности лирическому герою), поэтому *Страшне вино
ночей доспілих / по вінця в черені хлюпоче. / Буджуся сонний,
неспокійний, / і місяць чавить мої очі* внутренне объединены лексемами – наименование частей тела лирического героя.

Важным и значимым является познание скрытых смыслов в художественном тексте. В рамках лингвистики текста является необходимым анализ не только и даже не столько языковых фактов, сколько способов их организации, их связей и соотносительности. Поэтому важным является рассмотрение образной и символической картины художественного произведения в содержательности собственных связей образов и образование напряжённых ассоциативно-силовых направлений их взаимодействия.

Тело текста, взятое само по себе, без человека-реципиента, не несёт какую-либо внутреннюю энергетику, не может самоорганизовываться структурно. Текст «существует» в культуре, он в неё вмонтирован, вне её он лишён «наращивания» смыслов. Коллективное знание определяет ориентиры, согласно которым продуцент текста придаёт последнему соответствующую структуру, коррелирующую с установленными определённой культурой требованиями относительно языкового оформления содержания высказывания (текст в широком смысле). В то же время доступ реципиента текста к коллективному знанию в купе с его энергией обеспечивает возможность обозначения, без которого тело текста, его образно-символьное наполнение так и остаётся «бессловесным», лишённым энергии мёртвым телом. Влияние текста на концептуальную систему человека реализуется в процессе обозначения текста как сложного языкового знака, когда индивид обращается к своему вербальному и невербальному, перцептивному, когнитивному и аффективному

опыту (собственному, но включённому в социальное взаимодействие) при обязательном соединении понимания с переживанием осознаваемого. Это легко согласовывается с мыслью В. Гумбольдта о том, что язык возбуждает в людях соответствующую энергию, позволяя использовать слова как опору для достижения того, что выходит за их рамки. Исследование и выявление энергетики внутритекстового образного и символического фона является достаточно *перспективным* и важным с точки зрения той роли, которую текст играет во время влияния на адресата.

***V.4. Синтаксические константы художественной речи
Тараса Шевченко: интерпретация в функционально-
когнитивной научной лингвопарадигме***

Исследование каких-либо начал в языке, а особенно тех, которые представляют его основу, принадлежит к актуальным. Синтаксические константы как составляющие общеязыковых констант ещё не рассматривались, хотя в русле современных лингвистических изысканий – в разрезе функционально-когнитивной научной лингвопарадигмы – это вполне мотивировано потому, что делает возможным применение различных процедур категоризации объективного мира с их проявлением в языковой системе. Последнее становится основой установления тех стойких компонентов, которые в силу своей устойчивости и длительности выступают системообразующими.

Рассмотрение синтаксических констант художественной речи требует, хотя и беглого, обзора общей проблемы толкования констант, а соответственно – и языковых, в частности синтаксических как определяющих компонентов художественной речи.

В современных научных поисках, когда релятивизм пронизывает анализ каких-либо утверждений и толкование их природы, особое значение приобретает понимание динамики лингвальных явлений. Э. Гуссерль подчёркивал, что до сих пор нет истинного представления о том, что сделал нового субъект, чем он занимается, да и обо всех импликациях смысла, скрытых процессами окаменения предыдущих традиций и появление новых традиций, поскольку субъект сам не осознаёт стойких предпосылок своих конструкций, понятий, принципов, теорий [107]. Культурные константы не субстанционны, то есть они касаются самих объектов как миропорядка, они операционны. Культурные константы выступают компонентами образных действий человека, потому что мир устроен не как определённая очерченная внешняя величина, а как действительность развития определённого культурного субъекта. Особенно важным является то, что эта действительность находится всередине субъекта. Константы в то же время провоцируют активность субъекта, направляя и ориентируя её. Они выступают величинами рационализации опыта.

В современной лингвистической науке существенным является установление основ языковой реальности через выяснение сущностных, но не проявляющих структур. Раскрытие статуса последних, их специфики, их нагрузки во внутреннем обустройстве языка, благодаря которым сохраняется её протяжённость даже при условии резких / постепенных исторических видоизменений. В то же время актуальным является вопрос проявления природы таких структур, их действия и нагрузки в сохранении основных языковых измерений даже при условии активного влияния других языков, пребывание определённого языка в активном силовом поле другого языка, ср. функционирование верхне- и

нижнелужицкого языков как островных в немецкоязычном силовом поле. При отсутствии полнонациональной и полногенеративной, полносоциальной и полнотерриториальной нагрузки эти языки сохраняют свой статус в самопроявлении личности и развиваются благодаря сохранению соответствующих констант. «Размывание» констант, а то и полное их «разрушение» обеславливают упадок языка, потерю его силового поля. Адекватно же и формирование языка, создание его литературно-нормативного кода замкнуто на формировании целостной системы языковых констант.

В понимании, а скорее – толковании констант вполне реальной является опора на их квалификацию в математике, физике и программном обеспечении. В математике константу дефинируют как неизменную величину, ср., например число $\pi = 3,14$; в математических уравнениях типа $Y = 3 * X + 7$, где числа 3 и 7 являются константами. Такие константы установлены и устанавливаются человеком, в физике: ускорение свободного падения составляет 9,8 м/с². В программировании константа как значение вносится программистом в код на этапе его создания. Константе присуще только своё значение, поэтому термины *константа* и *значение константы* являются полными синонимами. Свойством константы является её способность удерживать значение, заданное программистом, в течение работы всей программы и сообщать это значение программе в запросах программы. Значение константы неизменно. Поэтому вполне аргументированным является толкование языковой константы как стойкой величины, в чём-то подобной в дефинировании на математические, физические, программно-компьютерные. Именно неизменность константы обезопасивает её воспроизводимость и замкнутость на компонентарную структурированность.

Языковые константы не следует отождествлять с языковыми универсалиями, которые обычно истолковываются как то или иное присущее всем или большинству естественных языков свойство, среди которых дифференцированы абсолютные (свойственны всем языкам мира, ср., например: разделение гласных и согласных звуков) и статистические (так, носовые согласные присущи почти всем языкам мира, хотя в языках народов Западной Африки такие звуки являются не отдельными фонемами, а аллофонами оральных прорывных в контексте носовых согласных). К статистическим универсалиям прилегают так называемые фреквенталии – явления, появляющиеся в языках мира достаточно часто (вероятность явления выше чем случайная). Абсолютным универсалиям противопоставляются также имплицативные (сложные), то есть такие, которые констатируют связь между двумя классами явлений: если в языке имеется парное число, то в нём есть и множественное. Частичным проявлением имплицативных универсалий являются иерархии, выступающие как множественное число «двучленных» имплицативных универсалий (иерархия Кинена-Комри [406, с. 63 – 69]) доступности именных групп, которые среди прочего распространены в релятивизации: субъект, прямой объект, непрямой объект, объект сравнения и др. другим примером является иерархия аргументов (иерархия Михаэля Сильверстейна (см. её анализ у [347, с. 35 – 57]), где в этом разрезе прослеживается иерархия аргументов в разрезе рефлексивизации. Михаэль Сильверстейн [416, с. 112 – 171] сформулировал анализируемую иерархию в семидесятые годы прошлого столетия как совокупность имплицативных универсалий. Позже предложенная иерархия была дополнена и детализирована другими исследователями на материале

австралийских языков с прослеживанием в них так называемой распределённой эргативности (split-ergativity): в одних языках личные местоимения имеют аккузативную парадигму, все же другие типы именных групп – эргативную, в то же время в других языках такая дифференциация проявляется между существительными-названиями неодушевлённого и другими именными группами, а в языке дирбал местоимения 1 и 2 лица имеют аккузативную парадигму, все же другие именные группы – эргативную, что в совокупности образует шкалу: местоимение 1 – 2 лица > местоимение 3 лица > собственное имя > личное имя > название одушевлённого > название неодушевлённого. Имеющаяся шкала является интерпретированной так: *Если в языке L существует морфологично эргативная парадигма для местоимений 1 – 2 лица, то она существует также для местоимений 3-го лица; если в языке имеется имя собственное, то в нём существует также личное имя; если в языке имеется категория названия одушевлённого, то в нём имеется также категория неодушевлённого. Аккузативную парадигму легко дефинировать через оппозицию названий одушевлённого ↔ названий неодушевлённого: Если в языке L существует морфологически каузативная парадигма для существительных – названий неодушевлённого, то она имеется и у существительных – названий одушевлённого.*

Языковыми универсалиями являются те свойства, которые присущи человеческому (естественному) языку в общем (не отдельным языкам и ли же языкам отдельных семей или регионов и т. д.), а языковые константы, углублённые в национально-когнитивную и национально-языковую особенность и представляют собой ту матрицу, вне которой эволюция языковой системы без потери её равновесия не является возможной.

Константы в этом случае выбраны не совсем случайно – это величины, которые стойкие и постоянные (ср., например, соотношение в украинском языке конструкций со стержневым компонентом *мати* и конструкций со стержневым компонентом *бути*), то есть выступают константами языка. Имманентно в языке имеется определённого типа каркас, который отвечает за его структуру и компонентарную целостность, комплекс постоянных среди ряда изменяемых, которые следует квалифицировать как **языковые константы**. Среди них особый статус принадлежит **синтаксическим константам**.

Своеобразной является точка зрения К. Тищенко на квалификацию констант [351]. Для него это понятие имеет применение в определении функциональных стилей, для чего используются лексические константы, имеющие основой соответствующие стойкие величины лексической составляющей стиля.

Термин *константы* с соответствующим атрибутом *культурные* достаточно распространён в работах по культурологии, лингвокультурологии (Ю. Степанов, В. Кононенко, Ю. Маслова и др.). Под константами языка следует иметь в виду концепты, существующие постояннолибо достаточно долгое время. Понятие концепта разработано и в философском, и в культурологическом измерениях (Ж. Делёз, А. Вежицкая, С. Воркачов, Ф. Гваттари, Д. Добровольский, Д. Лихачов, М. Лотман, В. Маслова, С. Неретина, Е. Селиванова, И. Стернин и др.). обычно под концептом понимают «пучки представлений, знаний, переживаний, ассоциаций, сопровождающих слова» [329, с. 40], это сгусток языковой памяти в сознании человека, то есть то, как язык входит в ментальный ми человека. В то же время, концепт – это то, через что человек входит в язык, усваивает и осваивает его. В отличие

от понятий концепты не только мыслимы, они переживаются [Там же, с. 41].

Концепты не существуют изолированно, они группируются вокруг основных констант. В этом случае *константа* – это наиболее значимое, системообразующее. Языковые константы не субстанциональны, они являются операционными. Они принадлежат к способу действия человека и в то же время в определённой степени дистанционированы от него в силу темпоральных и пространственных факторов. Принадлежность к способу действия человека мотивирована тем, что языковая реальность существует и как внешняя компонента, и как компонента языкового развития человека. Языковые константы обычно не осознаются личностью, хотя их наличие отчасти обновили В. фон Гумбольдт, В. Вундт, А. Потебня и др. Языковые константы ориентированы на рационализацию. Картина мира, её языковое проявление, сформированное на её основе, может анализироваться, критиковаться, но сами константы не подлежат никакому сомнению и никак не анализированы, потому что их сам индивид не видит. Комплекс языковых констант – это та «призма», через которую человек и воспринимает мир, и обуславливает познание, и самоидентифицируется.

Языковые константы не содержат ни представлений о конкретике, ни оценок, ни экспрессии. В то же время они скоррелированы с прошлым и соотнесены с современным, сориентированы с будущим. В любом обществе и в любую эпоху имеется языковой каркас, система языковых координат, которые делают возможной функциональную целостность языка в её тех или иных разновидностях. Каждая социокультурная система в определённой степени адаптирует более широкую языковую традицию. Сами языково-культурные константы

нейтральны относительно тех или иных ценностных ориентаций социокультурных групп и историко-эволюционных процессов. Языково-культурные константы не отображают и не формируют целостную картину мира, они составляют комплекс взаимосвязанных (они имеют тот же «какрас – систему языково-культурных констант») интенционных миров. Со всей уверенностью можно утверждать, что на основе одних и тех же культурных констант образуется ряд комплексов языковых картин мира, в каждой из которых в соответствующую историческую эпоху такие языково-культурные темы интерпретированы по-разному.

В процессе эволюции языковой системы (она интенсивно развивается) всегда возникают новые уровни организации элементов или же эволюция того или иного языкового яруса. Формирование такого уровня или же его эволюция обуславливает перестройку всей системы, такие процессы влияют на уже сформированные уровни, изменяют композицию их элементов и их функциональные характеристики, из-за чего система, усложняя свою структуру, становится органично целой [333, с. 47].

Эпоха Тараса Шевченко особенна для украинского языка в силу ряда факторов, определяющими среди которых можно считать, с одной стороны, разделение всех украинских земель, а с другой, – постепенное «силовое» языково-культурное освоение всех украинских земель. Именно язык Тараса Шевченко «в истории украинского литературного языка имеет большое значение, потому что собственно его язык стал краеугольным камнем литературного языка» [239, с. 140]. Синтаксический уровень языка Тараса Шевченко особенный – он отображает особенности не только 1) конструирования тех или иных конструкций как следствия реализации и воплощения

авторской модальности в воплощении замысла; 2) соотношения линейного устройства предложенических структур (сверхкоротких ↔ коротких ↔ средних ↔ длинных ↔ сверхдлинных ↔ предложений-текстов); 3) регулярность соответствующих синтаксических конструкций; 4) функциональную нагрузку служебных элементов и т. д., но и выявляет системную языково-синтаксические константы. Последние являются неоднородными. Среди них, в первую очередь, следует выделить те, которые проявляются и во внутренней, и во внешней речи одновременно. К таким принадлежат, прежде всего, константа субъекта, основным проявлением которой является категория субъекта: во внутриречевой системе реализуется через категорию персонализации / имперсонализации, ср.: (1) *Я не нездужаю ніброку, / А щось таке бачить око, / І серце жде чогось* («Я не нездужаю...»); *Не для людей, тієї слави, / Мережані та кучеряві / Оці вірші віршую я. / Для себе, братія моя!* (Не для людей, тієї слави...); (2) *Я в хаті мучився колись, / Мої там сльози пролились, / Найперші сльози* («Якби ви знали, паничі...»); – персонализация; (3) *Мені здається, я не знаю, / А люде справді не вмирають...* («Мені здається...»); (4) *Дивлюся, іноді, дивлюсь, / І чудно, мов перед святою, / Перед тобою помолюсь* («І станом гнучим...»); (5) *Лічу в неволі дні і ночі, / І лік забуваю...* («Лічу в неволі дні і ночі...»); (6) *Мені тринадцятий минало* («Мені тринадцятий минало...»); (7) *У всякого своя доля / І свій шлях широкий...* («Сон»). Языково-синтаксическая константа субъекта как общетипологическая универсалия квалифицируется в терминологии собственно семантического уровня предложения как агенс / агент / агентив (лат. *agens* – деятель). В последнем понимании – это одна из основных семантических ролей в языке. В высказывании

агентом выступает активный участник ситуации, производитель действия. В то же время агент можно рассматривать как денотативную роль субъектного типа, главного участника ситуации, протагониста, который непосредственно исполняет действие и является источником энергии этого действия. Чаще всего выражен формой именительного падежа: ...*Отут, було, на цвинтарі / Я з дітьми гуляю / І з Юрасем-гетьманенком у піжмурки граєм* (Великий льох). Не вдаваясь в закономерности и особенности выражения агенса и соотношения с категориальной семантикой субъекта на другом уровне анализа предложенческой структуры, следует сказать, что проявление субъекта принадлежит к синтаксическим константам, поскольку 1) вне этой семантики невозможно ни возникновение ситуации, ни её развёртывание, ни её пограничное / промежуточное проявление; 2) семантика предиката предусматривает наличие субъекта (в структуре глагольных лексем-предикатов левосторонняя валентность прогнозирует соответствующий тип семантики субъекта); 3) субъект всегда направлен на номинативную плоскость предложенческой структуры, соответственно соотносясь с экзистенциональной и др. Синтаксическая константа субъекта не выступает тождественной категории субъекта на семантико-синтаксическом уровне предложения, что может быть выражено в художественной речи Тараса Шевченко чаще всего формами именительного ((1), (2), (3)), дательного ((6)) падежей, нулевой формой ((4), (5)). Константа субъекта, коррелирующая с соответствующим коцептом, охватывает разнообразные его проявления типа а) субъекта состояния ((1), (3)); б) субъекта процесса ((2)); в) субъекта действия ((4)); г) субъекта бытия ((6)) и др.

Каждая константа проявляется через систему пропозиций, количество которых нельзя считать гранично исчислимым до исчерпывающего изучения синтаксиса произведений Тараса Шевченко. Так, константа субъекта с её проявлением через разнообразные статусные роли субъекта (→действия, процесса, состояния, качества, локативности, количества) как собственно деятеля ((8) *Мені тринадцятий минало, / Я пас ягнята за селом* («Мені тринадцятий минало...»)), наблюдателя ((9) *Вітер з гаєм розмовляє, / Шепче з осокою. / Пливе човен по Дунаю / Один за водою* («Вітер з гаєм розмовляє...»)), *Коло гаю в чистім полі, / На самій могилі, Дві тополі високії / Одна одну хилить. / І без вітру гойдаються, / Мов борються в полі* («Коло гаю в чистім полі...»); повествователя ((10) *Ой високо сонце сходить, / Низенько заходить. / В довгій рясі по келії / Старий чернець ходить* («Чернець»); (11) *Чимало літ перевернулось, / Води чимало утекло; / І в хутір лихо завернуло, / І сліз чимало принесло* («Наймичка»); *Посідали. / Розв'язав торбину, / Вийняв кобзу, разів зо два / Ударив по рваних* («Мар'яна-черниця»)). Все проявления субъекта составляют совокупную целостность, которая только в пределах художественной речи Тараса Шевченко легко распознаётся, а её нагрузка прослеживается в рамках того или иного произведения.

Синтаксическая константа субъекта выступает в художественной речи Тараса Шевченко ядерной. Своим диапазоном охватывает и а) субъекта-деятеля (субъект действия / субъект процесса / субъект состояния / субъект качества / субъект количества), и б) субъекта-повествователя, и в) субъекта-наблюдателя и др. Наиболее последовательно среди них исследован субъект-деятель как изображаемый в авторской модальности (В. Ващенко, И. Огиенко, П. Петрова, П. Плющ, В. Русановский, Н. Синявский, В. Симович, М. Сулима,

П. Тимошенко и др.) потому, что он продуцирует действие. Субъект-деятель вытупает тем «творцом» переживания, через которого и возможно познание всего. Достаточно часто такого субъекта Тарас Шевченко представляет имплицитно – через формы безличных глаголов с элементом-постфиксом *-ся*, а в постпозиции освещены физические составляющие субъекта, которые показывают весь процесс переживания персонажа-субъекта: (12) *Не їється, не п'ється, і **серце** не б'ється, / І **очі** не бачать, не чуть **голови!** / Замість шматка хліба за кухоль береться* («Невольник»). В (12) компоненты *серце*, *очі* соответственно передают внутреннее психологическое состояние (*серце*) и невозможность реагирования на внешний (*очі*), ср. (2), (3). Состояние субъекта-персонажа является понятным не только для адресата внешнего, но и для другого субъекта-персонажа: (13) *Дивиться Ярина та нишком сміється. «Що се йому стало? Ні їсти, ні пити – / Нічого не хоче! Чи не занедужав?»* («Невольник»). Таким образом состояние основного субъекта воспринимается другим (*дивиться*) и совершается его оценка (внутренняя речь).

Одним из сквозных элементов проявления на стилетворческом уровне загрузки субъекта выступают отглагольные компоненты – существительной типа *думи* (14) *Думи мої молодії – / Понурії діти, / І ви мене покинули!.. / Пустку натопити / Нема кому...* («Невольник»), поскольку они выступают одним из направлений мыслеобразующей деятельности субъект, ср. также *думи* 1) как возможный элемент отчуждения вследствие метафоризации: (15) *Думи мої, **думи** мої, / Лихо мені з вами! / Нащо стали на папері / Сумними рядами?..* («Думи мої, думи мої...»); 2) как внутреннюю особенность осмысления и родственности: (16) *Думи мої, **думи** мої, / Ви мої єдині, / Не кидайте хоч ви мене / При лихій годині. /*

Прилітайте, сизокрилі / Мої голуб'ята, / Із-за Дніпра широкого / У степ погуляти... («Думи мої, думи мої...»), где обращение (16) *сизокрилі Мої голуб'ята* усилює бытийність елемента **Думи** в то же время усилює расчленение субъекта как философско-лирической целостности. Сюда же прилягають отглагольні производні – существительні типа *думка*, которые зафіксовані как название поэзии четыре раза (*Думка* («Вітре буйний, вітре буйний!»); *Думка* («Нащо мені чорні брови...»), *Думка* («Тече вода в синє море...»), *Думка* («Тяжко-важко в світі жити...»)), а как стилообразующий компонент – ориентировочно 177 раз. В этом случае не акцентується на думці как особом жанре «небольшой медитативно-элегийной (печальной) поэзии» [202, с. 213 – 214], а как специфическом состоянии субъекта. Не менее важным в проявлении функциональной загрузки субъекта выступает маркер субъективной модальности типа *здавалось, бачилось, уявлялось*, а также *бачиться* (\approx *уявляється*). Такие и подобные компоненты могут быть и интродуктивными с функциональной нагрузкой побочности: (17) *І бачиться, в селі убогім / (Мені так бачиться) нічого / Не вирісло і не згнило, / Таке собі, як і було* («Ми вкупочці колись росли...»).

Не менее значимой в художественной речи Тараса Шевченко является синтаксическая константа адресата: (18) «*Не кидай матері!*» – казали, / *А ти покинула, втекла. / Шукала мати – не знайшла, / Та вже й шукати перестала, / Умерла плачучи* («Не кидай матері!» – казали). В этом случае значимой является концентрация внимания адресата через актуализацию того или юного вокативного компонента (*он*) ((19) *Он глянь, – у тім раї що ти покидаєси, / Латану свитину з каліки знімають, / З шкурою знімають, бо нічим обуть / Княжат недорослих...* («Сон» («У всякого своя доля...»)), *онде*

((20) *Онде злодій итемпований / Кайдани волочить; / Он розбойник катований / Зубами скрегоче, / Недобитка товариша / Зарізати хоче!* («Сон» («У всякого своя доля...»)), там), иногда усиливаемого градационным противопоставлением ((19) *І не в однім отім селі, / А скрізь на славіній Україні / Людей у ярма запрягли / Пани лукаві...* («І виріс я на чужині...»)), ср. также: (20) *А як не бачиш того лиха, / То скрізь здається любо, тихо, / І на Україні добро. / Меж горами старій Дніпро...* («І виріс я на чужині...»). К адресативности принадлежит также весь спектр аппелятивных конструкций: (21) *Вибачайте, люди добрі: Може, не до ладу...* («Гайдамаки»); (22) *Бандуристе, орле сизий! Маєш крила, маєш силу, / С коли літати* («Н. Маркевичу») и т. д.

Внешнеязыковой константой в художественной речи Тараса Шевченко является константа сентенциональности, которая легко прослеживается в ряде экспликаций типа: (23) *Не заревуть в Україні / Вольнії гармати* («Гоголю»); (24) *У всякого своя доля / І свій шлях широкий...* («Сон» («У всякого своя доля...»)).

Не менее знаковой для художественной речи Тараса Шевченко является синтаксическая константа диалогичности, пронизывающая каждую строчку его поэтических произведений. В то же время синтаксическую константу диалогичности ни в коем случае нельзя ограничивать только внешними проявлениями диалогичности, потому что, подобно любой другой синтаксической константе, константа диалогичности выступает внутренним идейным потенциалом. Одним из направлений реализации диалогичности выступают часто упорбляемые вопросительные предложения, которые своей интеррогативной семантикой предусматривают определённый ответ: (25) *І все то те, вся країна, / Повита*

*красою, / Зеленис, вмивається / Дрібною росою, / Споконвіку
вмивається, / Сонце зустрічає... / І нема тому почину, / І краю
немає! / Ніхто його не додбав / І не розруйнує... / І все то те...
Душе моя, / Душе моя убогая, / Чого марне? / Чого тобі
шкода? Хіба ти не бачиш, / Хіба ти не чуєш людського
плачу? / То глянь, подивися; а я полечу («Сон» («У всякого своя
доля...»)).*

Одной из синтаксических констант художественной речи Тараса Шевченко является народноразговорный синтаксис как одно из проявлений народно разговорной речи (ср. точку зрения В. Русановского [281]). Такой народноразговорный синтаксис в большинстве случаев является одним из наиболее действенных путей стилизации: (26) *Я не одинокий, я не сирота, – / Єсть у мене діти, та де їх подіти? / Заховать з собою? – гріх, душа жива!* («Гайдамаки»), где через разговорность появляется унификация тенденции узуального употребления формы, обуславливающей её постепенную кодификацию: (27) *Душе моя, / Чого ти сумуєш? / Душе моя убогая, / Чого марне плачеш, / Чого тобі шкода? хіба ти не бачиш, / Хіба ти не чуєш людського плачу? / То глянь, подивися; а я полечу / Високо, високо за синії хмари; / Немає там власті, немає там кари, / Там сміху людського і плачу не чуть. / Он глянь, – у тім раї, що ти покидаєш, / Латану свитину з каліки знімають, / З шкурою знімають, бо нічим обуть / Княжат недорослих; а он розпинають / Вдову за подушине, а сина кують, / Єдиного сина, єдину дитину, / Єдину надію! в військо отдають!* («Сон» («У всякого своя доля...»)). Автор ведёт постоянный диалог, будто выступая в двух ипостасях – повествователя-наблюдателя и активного участника, который знает цены познанному. Переходы от обращения к душе (*Душе моя, / Чого ти сумуєш? / Душе моя убогая, / Чого марне плачеш, / Чого тобі шкода?*) как

проявления кажущейся душевности, кажущейся потому, что основу основ составляет настоящая реализация духовности как стратегия экзистенциальной мужественности. Направление на осмысление, самоуглубление и осознание рационального начала даже в творческом познании действительности (ср. нагрузку лексем *думи* / *думка*, которые только в заголовках использованы шесть раз) возносит экзистенциальную мужественность как духовность, как высшую форму полёта духа.

К синтаксическим константам языково-художественного пространства Тараса Шевченко принадлежит постоянная внешнетекстовая адресатность, то есть прогнозирование личности читателя-реципиента, который не только будет глубинно воспринимать изображённое, но воображение последнего будет дополнять соответствующие сцены. Фатичность речи поэта про поражает, хотя эта фатичность полна динамики: даже не названный адресат чётка возникает осмысленным ((28) *Як умру, то поховайте...; Поховайте та вставайте, / Кайдани порвіте / І вражою злою кров'ю / Волю окропите. // І мене в сем'ї великій, / В сім'ї вольній, новій, / Не забудьте пом'янути / Незлим тихим словом* («Заповіт» («Як умру, то поховайте...»)). В (28) определённо-личный субъект является тем адресатом и в то же время потенциальным субъектом-деятелем, который будет выполнять действие. Последнее отображено в глагольных формах повелительного наклонения – второе лицо множественного числа: *поховайте* → *поховайте* → *вставайте* → *порвіте* → *окропите* → *не забудьте*. Синкретическая семантика такого субъекта отображена в ирреальности его действия и её замкнутости на интенциях адресанта.

К синтаксическим константам языково-художественного пространства Тараса Шевченко принадлежит эмпатия (англ. *empathy* (от гр. *patho*) – сопереживание), что в общем смысле означает осознание отношений, чувств, психических состояний другого лица и проявление этого в форму сопереживания. Такое переживание направлено всередину и в синтаксисе может обозначаться соответствующими трансформами. С. Куно для характеристики эмпатии применяет логорифмическое правило, по которому местоимение 1-го лица прямой речи подлечит трансформации в местоимение 3-го лица внепрямой речи ((29) *Княжна говорила, що вона й нічого не знала*). С. Куно ввёл в синтаксическое употребление понятие эмпатии как принятие говорящим-адресантом точки зрения участника описываемого события: (30) *Ми в раї пекло розвели, / А в тебе другого благаєм, / З братами тихо живемо, / Лани братами оремо / І їх сльозами поливаєм. / А може, й те ще ... ні, не знаю, / А так здається ... сам еси... (Бо без твоєї, Боже, волі / Ми б не нудились в раї голі). / А може, й сам на небеси / Смісися, батечку, над нами / Та, може, радишся з панами, / Як править миром!* («Якби ви знали, паничі...»). Эмпатия реализуется в синтаксическом строе и закономерностями обозначения референта, и подбором предмета, и порядком слов и т. д. Так, во фразе (31) *Люде знають, / Кого годують, доглядають* («Мені здається, я не знаю...») говорящий-адресант опирается на точку зрения людей, а во фразе (32) *І що ж ви скажете: за славу / Лили вони моря кроваві / Або за себе? Ні, за нас!* (Там же) – собственную с опорой на однодумцев, где я слито и кумулируется с *ми (нас)*.

Инвентарь синтаксических констант в общем и языково-художественного пространства Тараса Шевченко требует углублённого изучения, но даже поверхностный обзор

свидетельствует об их неоднородности и необходимости их основательного рассмотрения с опорой на особенности национально-когнитивного пространства (семантические константы) и выявлением закономерностей национально-языковой организации синтаксического строя (формальные константы). Сюда входят факторы ситуативно-коммуникативного устройства адресатных интенций (функционально-коммуникативные константы) и др. исчерпывающий список синтаксических констант художественной речи Тараса Шевченко можна установить только опираясь на соответствующий перечень концептов и особенностей проявления направлений категоризации объективного мира, его отображения в языково-художественной картине. Поэтому перспективной является разработка синтаксических констант в функционально-когнитивной лингвопарадигме, что сделает возможным осмысление не только функциональной нагрузки тех или иных языково-синтаксических единиц и конструкций, но и установление их внутреннего когнитивного потенциала.

V.5. Типологические функции адресата и адресанта в структуре гипертекста

I. Современные толковые словари (следует сразу же сделать оговорку, что в большинстве специальных лингвистических словарей отсутствует статья о гипертексте, она есть лишь в небольшом количестве исключительно авторских лексикографических работ; последняя лингвистическая энциклопедия «Українська мова» также имеет статью о гипертексте) при толковании гипертекста (hypertext, der Hypertext) исходят из того, что в первичном понимании гипертекстом является информационная (компьютерно-поддерживаемая) технология организации и применения

текстовых материалов, которая сочетает нелинейный, ассоциативно-фрагментарный и цепной принципы репрезентации информационной среды с процедурами свободной навигации какими-либо нелинейными связями, зафиксированными в этой среде [368, с. 65].

II. В лингвистическом аспекте понятие «гипертекст» обозначает именно способ организации текстовой информации в виде сетки, узлы которой соотносятся с определёнными фрагментами текста, а дуги, соединяющие узлы, символизируют разнообразные нелинейные и глубинные связи между этими фрагментами. Путешествуя по таким связям, можно легко просмотреть материал в любой последовательности и начиная с любой точки, принимая её за отправную; формировать новые текстовые структуры, удерживая одновременно их в поле своего зрения и составляя разнообразные информационные фрагменты (по И. Б. Штерн). Связи в таком тексте базируются на гипертекстовых смысловых узлах, которые являются элементами относительно целостной гипертекстовой сетки. Последняя, в первую очередь, корреспондирует с точками X документа, которые составляют жанровые особенности документа. Даже в учебных пособиях актуализируются определённые шаги создания гипертекстового документа, для чего необходимо придерживаться следующего плана создания такого документа: постановка задачи; разработка сценария, подготовка текстов; набор текстов, редактирование; сбор обработанных текстов; тестирование.

3. Языки гипертекстовой разметки и адресант.

Адресант при разработке сценария должен представлять гипертекст как единое целое, что достаточно удобно делать в виде схемы. В таком случае необходимо указывать начало и направление перехода. Текст каждой страницы может быть

относительно автономным, но при этом необходима ссылка на файл, который содержит этот (файл с расширением htm).

Существование языка HTML (HyperText Markup Language) – языка гипертекстовой разметки – делает несложным создание гипертекстовых электронных учебных пособий. Для адресанта достаточно в таком случае стандартной программы Блокнот (NotPad) и программы Explorer для просмотра созданных документов. Знание последней очень важно и для адресата. HTML – это язык описания структуры страниц, позволяющий форматировать обычный текст в абзацы, заголовки, списки, таблицы и другие структуры. Это текстовый язык, в котором инструкции по форматированию, называемые тегами, встраиваются в документ. Эти теги сообщают программам-браузерам, как форматировать и подавать информацию на экране. Программы для просмотра HTML-документов имеют три правила при синтаксическом анализе документа: теги форматирования могут быть написаны как прописными, так и обычными буквами, большинство тегов пишется парами, пробелы и другие невидимые символы игнорируются.

Всё это позволяет констатировать, что гипертекст – формальная модель подачи информации в компьютерной системе. Гипертекст – это текстовая структура в виде сетки, в которой семантические связи между узлами – элементами такой структуры – определяет пользователь (адресант ↔ адресат) компьютера. Фрагментами гипертекста, кроме информации на естественном языке, становятся также формулы, графики, рисунки, аудио- и видеозаписи. Гипертекст – текст, построенный таким образом, что он претворяется в систему, иерархию текстов, одновременно образуя единство и множественность текстов. Наиболее простым примером гипертекста является любой словарь или энциклопедия, где

каждая статья имеет ссылку на другие статьи этого же словаря, что позволяет читать такой текст по-разному: от одной статьи к другой, при необходимости, игнорируя гипертекстовые ссылки; читать статьи подряд, сверяясь со ссылками; либо же отправиться в гипертекстовое плавание, то есть от одной ссылки переходить к другой. Гипертекст – это нелинейный лабиринт, своеобразная картина мира.

4. Квалификационно- и классификационно-дифференциальные признаки гипертекста. Если вспомнить историю, то очевидным является тот факт, что термин «гипертекст» ввёл в научный обиход в 1965 г. Т. Нельсон. В образованной при его участии компьютерной системе Memex гипертекст репрезентировал специальную компьютерную структуру подачи знаний, содержащую оконный интерфейс, манипулятор «мышь» и панель с перечнем заданий для обработки информации. Гипертексту в компьютерной системе свойственны такие признаки, как: 1) нелинейность, из-за которой текст лишён последовательности чтения, свойственной ему в печатной форме; 2) дискретность, реализованная в системе взаимосвязанных фрагментов гипертекста, доступ к которой возможен с любого узла связи; 3) гетерогенность, то есть наличие как языковых, так и других (графических, звуковых, зрительных) типов информации; 4) открытость, обеспечивающая пользователю возможность изменять его согласно собственным нуждам; 5) существование только в компьютерной форме.

Благодаря особой форме существования и способа подачи разнообразных типов информации, гипертекст становится не только новым объектом лингвистического исследования, но и новой (и весьма важной в современных условиях) возможностью получения знаний и обмена ими в компьютерных системах. Это легко увидеть по наличию большого количества тех вставных в

гипертекст команд (определённых слов, рисунков и т. п.), которые позволяют легко осуществлять адресату любую навигацию.

Для работы с гипертекстом в системе Интернет создан специальный интерфейс – протокол http. Укрнет – украиноязычный сектор Интернета – также имеет гипертекстовые структуры, построенные на основе этого протокола. Под гипертекстом в широком значении следует понимать информационную, компьютерно поддерживаемую технологию организации текстовых, графических, видео- и звуковых материалов, а также их применение, которое отличается двумя особенностями: 1) объединение нелинейного, ассоциативно-фрагментарного с мобильным принципом репрезентации информационной среды; 2) формирование / извлечение необходимой информации осуществляется путём свободной навигации по нелинейным связям, которые зафиксированы в гипертекстовой среде. Сегодня реальностью стала информационная гипертекстовая служба планетарного типа (ср. WWW – Word Wide Web). Всё это позволяет говорить о гипертексте как технологии с его интуитивно понятным, приближенным к человеческому способу мышления интерфейсом. Гипертекст как идеология продуцирует типы подачи не только энциклопедических знаний, но и способ организации интерфейса любого программного продукта (для адресата гипертекстом является и конкретный веб-сайт типа <http://www.msnbc.com>, <http://www.forbes.com>, <http://www.dowjones.com>, <http://www.radio.thestreet.com>, <http://www.Siv.com>, <http://www.audio.ukrinform.com> и др., и расширенные веб-сайты, и система интернет в целом, что позволяет, благодаря наличию внутренинтернетовских

команд, осуществлять мобильную навигацию из любой актуализированной точки и в любом вертикальном направлении.

Квалифицирующими и классифицирующими признаками гипертекста является дискретность структуры, нелинейность (читатель сам выбирает пути прочтения, образуя свой текст; гипертекст полностью в принципе прочитать невозможно), разнородность и мультимедийность (использование всех средств влияния на читателя – от сугубо литературных (выбор повествовательной стратегии и стилистики), издательских (шрифты, вёрстка, иллюстрации) и до наиболее сложных компьютерных (звук, анимация, нехудожественные материалы и др.)), где особо значимым является статус адресанта и адресата, их функции, направления взаимодействия, поскольку динамика их ролей настолько в этом случае динамична, что иногда сложно фиксировать статус участника коммуникации.

5. Гипертекст как объект исследования и гипертекст как технология. Гипертекст – это и объект исследования и в то же время технологи я исследования. Гипертекст как объект – это сетка, в которой связи между узлами гипертекста определены самим пользователем. В качестве фрагменты могут быть тексты, формулы, графическая информация, то есть любые модули информации. Доступ к какому-либо контексту гипертекста адресатом осуществляется путём навигации в гипертекстовой базе данных. Гипертекст открыт для заполнения и изменений. Поэтому адресат легко может начать наращивать знания, формировать собственной информационную среду.

Гипертекст-технологии – это формирование, поддержка, наращивание и просмотр в виде сетки текста на компьютерной основе. В гипертекстовых системах база данных организуется в виде открытой, свободно наращиваемой и сменной сетки.

При определении типов гипертекста очень важным является уточнение статуса адресанта и адресата. Термины «коммуникация», «коммуникативность» происходят от лат. Communicatio, что означает «делать общим, связывать, сообщать». Высказывание, сложное синтаксическое целое (сверхфразовое единство), текст – это коммуникативный вербальный акт письменной или устной речи. Ему свойственна внешнее (формальное) и внутреннее (семантическое, прагматическое) обустройство, что проявляется вследствие целостности, логической последовательности и связности его частей. В гипертексте такая связь может быть и не прямой. Кажущаяся фрагментарность всегда относительна, потому что команды, которые находятся всередине текста, позволяют путём навигации компенсировать отсутствующие звенья – содержательные или структурные. В каждом коммуникативном акте учитывается соответствующий тип ситуации, что зависит от установок говорящего, которые должны адекватно восприниматься адресатом. Функция общения в речевом процессе базируется на принципах коммуникативного сотрудничества рассчитана на два активные начала: кодировочно-производящую активность адресанта и декодирующую активность слушателя (любая команда, любой граф может быть адекватно воспринят при условии соответствующих пресуппозиций). Это особенно важно в гипертекстовых технологиях, где адресат потенциально становится адресантом вследствие постоянного продуцирования текста, исходя из постоянного пересмотра или чтения текста и множества проекций текста в разнообразных системах поиска.

Тезис о множественности адресата выглядит вполне мотивированной, как и тезис о «двуликосте» адресата-адресанте: я-адресант ↔ я-адресат – взаимокорреляционные и

взаимодополняющие величины в коммуникативном процессе. Какая-либо наминация предусматривает, что адресат моментально превратится в адресанта и наоборот.

6. Взаимокоррелятивность адресата и адресанта в гипертекстовых структурах.

Позиция адресанта (продюцента) основная в речевом акте. По характеру коммуникативноопределяющих интенций вводятся обращения, извинения, приветствия, оценочные формулы, которые квалифицируются как неинформативные акты речи [85, с. 775]. Основным типом речевых актов является информативный. При этом адресант реализует в тексте ряд функций: 1) отображает собственную позицию; 2) репрезентирует субъективный план «образа автора»; 3) выполняет роль рассказчика, повествователя и др. Поиск информации в системе осуществляется путём интерактивной навигации по связям, где переход от одних элементов к другим осуществляется с учётом их семантической близости, вследствие чего получает условно ещё одно измерение. В таком случае одним из самых важных методов освоения информации является запоминание различных путей перемещения в гипертекст-сетке. Такое проявление путей или виртуальных структур вполне можно рассматривать как альтернативную обработку информации по правилам логического вывода [169, с. 15].

Известно, что Дж. Конклин дифференцировал гипертекстовые системы по функциональным предназначениям, предложив разделять: 1) библиотечные макросистемы (поддерживают связь между большими документами (учитывается спецификация, планы, проекты, программы, отчёты, библиография и т. д.)); 2) системы исследования проблемы (средства поддержки подготовительных этапов творческой работы, стадии неструктурированного мышления

(учёт различных точек зрения, сравнение идей, гипотез и т. п.); 3) системы для просмотра (браузинга) полнотекстовых баз данных (компьютерное обучение, изучение справочно-энциклопедической литературы); 4) экспериментальные системы, исследующие креативные возможности гипертекстовых технологий [386, с. 15]. В каждой из этих систем статус адресата можно квалифицировать как относительно пассивный, но во втором и четвёртом – этот статус трансформируется в статус активного, поскольку сравнение предусматривает и высказывание собственных идей и гипотез или же критику.

Адресат (читатель, реципиент, слушатель, коммуникант) проходит путь от средств выражения – к мысли. Именно он должен максимально учитывать кинесику (систему жестов, мимику, позы, которые сопровождают речь), кинесика – непосредственный фактор влияния на адресата. Позиция адресата для адресанта является в каком-то смысле неопределённой, да и сам образ адресанта может быть существенно размытым, потому что такой адресант может быть или конкретным лицом, или существенно в пространственном отношении отдалённым. Свойственность языка связывать в пространстве и времени лица, объекты, события Ч. Хоккет назвал «смешиваемостью» [386, с. 15].

Адресатом может быть аудитория, состоящая из определённого / неопределённого количества человек. Если аудитория находится перед адресантом, то возникает прямой контакт в процессе устного общения с последовательным учётом интересов и требований такой аудитории.

Сложнее ситуация с адресатом, воспринимающим какую-либо письменную речь, креолизованные тексты, где особую роль имеют не вербальные компоненты. Здесь особо важны

навигация, технология её осуществления. Адресант не всегда может рассчитывать на полностью тождественный тезаурус, необходимый объём знаний, адекватное видение мира автором и его читателем. В своё время М. Гумилёв говорил о двух типах адресата: о «читателе-друге» и о «читателе-враге» [106, с. 421 – 422]. В системе интернет текст иногда содержит элементы автокоммуникации (речь, рассчитанная на самого себя, ср. достаточно интересными в этом отношении являются модусы типа *я сам собі пишу листи, їх одержую, а потім відправляю*). Такого типа речь отличается определённой образностью, сложностью, использованием средств текстовых парадигм, окказиональностью, что должен почувствовать и понять читатель. Адресату свойственен статус пассивного-активного начала. Некоторые исследователи утверждают, что, например, сайт является гипертекстовым образованием электронной коммуникативной деятельности (произведение), которое пребывает в постоянной динамике, и реализовано в совокупности взаимозависимых (тематически, семантически, интенционально, физически) веб-страниц [212, с. 8]. В процессе коммуникации речевому поведению адресанта и адресата свойственны соответствующие функции, существенно различающиеся между собой и квалифицирующиеся как коммуникативные функции адресанта и адресата. Особенностью работы в гипертекст-технологиях является использование адресатом целой системы функций (замещения, примечания, запроса, ссылки и др.) как базисных, позволяющих ему быть активным сопроцентом.

7. Типология функций адресанта и адресата. Со статусом адресата коррелируют функции текста. Среди коммуникативных функций адресанта основной является функция сообщения о субъектах, объектах, действиях,

процессах, фактах и др. Функция сообщения является номинативной (денотативной, референтной). Сопроводительными являются позвательная (когнитивная, гносеологическая) функции (сравните второй и четвёртый тип выделенных Дж. Конклином гипертекстовых систем [386, с. 15]; особенно в четвёртом типе когнитивная функция адресата является доминирующей – сам статус адресата креативен), предназначением которых является передача определённых знаний, системы образов, соответствующего опыта. В речевом акте реализуется апеллятивная функция, основное предназначение которой – обращение к адресату и влияние на него. В гипертекстовых структурах, особенно в моделях современных интернет-технологий, которые активно используются, продуктивным является использование различных символов, которые двигаются (они существенно видоизменяют технологию суггестии). Благодаря этой функции осуществляется переубеждение слушателя, читателя в определённых идеях, концепциях. Апеллятивность в гипертексте требует особого внимания и отдельного изучения (ср. использование различных изображений типа солнышка, луны, человечка, цветочков и т. п.).

7.1. Экспрессивная функция способствует выразительной форме отображения психического состояния адресанта, изображению его субъективного отношения к произнесённому. Последнее выражается различными способами: интонационно, лексико-семантически (*смутно, печаль, радость* и др.), морфологически (частицы *ой, аж* и т. п.), словообразовательно (*малесенький, тоненький, свекрушище* и др.), синтаксически (порядок слов) и т. д. С помощью «экспрессивного» экрана адресат ↔ адресант может отслеживать соотношение изображаемого с текстовым

наполнением документа, а «когнитивный» экран помогает наблюдать процессы порождения различных собственных идей, постоянно сравнивая их с другими и имея в активе несколько версий. С этой целью могут использоваться разные тексты из интернета, что позволяет постоянно сравнивать, просматривать уже осуществлённое и т. д.

7.2. Заданием **эмотивной** функции является создание условий для эмоционального насыщения текста, описания различных чувств говорящего. На это ориентировано использование вводных слов типа *звичайно, мабуть, очевидно*, восклицательных предложений (*Для кожного з нас цей день незвичайний!*), непривычных соединений слов (*океани вогнів, море радості*) [133, с. 15 – 35].

7.3. **Фатическая** функция (контактоустанавливающая / контакторегулирующая) адресанта необходима для подготовки слушателя, читателя к восприятию, соответствующего сосредотачивания его внимания в процессе общения, поддержка внимания слушателя, читателя. На это могут быть направлены специализированные средства типа *пам'ятаєш, згадай*: 1) в диалоге: *А пригадай, про що з тобою я вчора говорив, саме про це...*; 2) в монологе: *А в цьому разі треба згадати це й так...* [133, с. 33].

7.4. **Коммуникативные** функции адресанта (читателя, слушателя, реципиента, коммуниканта) связаны непосредственно с его поведением в процессе общения и с его оценкой речевого содержания сообщения.

7.5. **Основными** функциями адресата является **общение** и **восприятие**. Первая ориентирована на внимание и понимание новой информации читателем с желанием общаться с адресантом. Вторая функция определяется направлениями понимания национально-языковых, речевых, социальных,

когнитивных (ментальных) ассоциаций, ситуаций, связанных с условиями речевого акта, знаниями адресатом определённого языка и уровнем такого знания, мотивирована возможностями декодирования смысловых, лексических, фразеологических, морфологических, синтаксических и других знаков и символов. Сопроводительными являются **фатическая, эстетическая** функции.

7.6. Фатическая функция адресата является контактоустанавливающей и связана с поддержкой слушателем языкового общения, его вниманием к сообщаемому и др., ср.: *Продовжай! Досить! Перестань!* [133, с. 22]. Фатическую функцию выполняет и объявление перерыва на совещании, лекции, закрытие книги.

7.7. Эстетическая функция реализуется только в том случае, если текст удовлетворяет воображение читателя, соответствует его требованиям и вызывает у него адекватное восприятие, побуждает его к продолжению, модификации и т. д. Эти функции достаточно полно описаны относительно художественных, частично публицистических текстов, но в то же время они мало проанализированы относительно гипертекстов [133].

8. Вне всякого сомнения, организация информации в гипертексте по сугубо семантическим критериям делает его абсолютно новым инструментом для поддержки интеллектуальной деятельности человека. К таковым следует отнести: а) предварительное обоснование принятия того или иного решения; б) поиск решения сложной (не совсем формализованной) проблемы; в) проектирование различного рода объектов; г) обработка определённой системы идей; д) построение связного текста и др. Для решения этих и других заданий адресант всегда учитывает так называемый фактор

адресата. Адресат так или иначе учитывает линейность тегов для гипотетического /реального поиска и построения определённого гипертекстового документа. Необходимым является установление дифференционно-квалификационных и дифференционно-классификационных признаков не только жанрово разных гипертекстов, но и квалификация всей системы компьютерных гипертекстов в макро- и микроизмерениях.

У.6. Синтаксический макромир Василия Стуса

Лингвистическая специфика художественного текста обусловлена его принадлежностью как к сфере языка, так и к сфере искусства. Поскольку продуктивный обмен информацией – условие развития общества, каждая культура в ту или иную эпоху имеет набор конвенций (правил, норм), которые указывают адресантам, как создавать тексты, а адресатам – как их понимать. В каждой культуре складывается репертуар жанров – типов текстов, репрезентированных существующими образцами, а также в виде узаконенных грамматиками и стилистикой примеров, норм, правил создания (кодирования) и восприятия (декодирования) текстов определённого типа, которые существуют в сознании людей.

Реальное существование какого-либо текста обязательной предпосылкой имеет наличие у него жанровой «этикетки», которая необязательно равна интерпретации самого автора и её восприятию читателями. Такая жанровая «этикетка» может настраивать читателя, ориентировать его чувственность на соответствующий регистр. Ещё в 1922 году Б. А. Ларин констатировал: «Стихи мы должны читать так, как виртуоз читает музыкальную пьесу. Когда он уже все разделил и вновь настроил, все заметил в деталях и запомнил все пассажи, тогда даст себе отдых, чтобы слились впечатления. Если потом сдует пепел с мерцающей памяти – засветит, оживит художественное

произведение... Но ещё сложнее исследователю. Он должен вслушаться в стихи так придирчиво, что притупляется восприятие, слабеет эстетический эффект поэзии. Тогда даже правильное самонаблюдение может дать неправильный результат – всё равно как поверхностное знакомство» [198, с. 161 – 162].

Тонкость материи стиха и неразрешаемое внутреннее противоречие, заложенное в стремлении исследователя перевести лирическое переживание на логический язык науки, сохранив в то же время непосредственность и эмоциональность, вынуждают филологов с особой осторожностью относиться к лингвистическому анализу поэзии, особенно такой сферы, как синтаксис, который, по меткому выражению Ричарда Омана, определяет стиль. Сама значимость синтаксиса и шире – грамматики – для поэтического текста неоднократно поддавалась сомнению, поскольку именно поэзия максимально ориентирована на аграмматизм, нарушение правил оперирования единицами и их структурную организацию, что часто может быть квалифицировано как ненормативная в грамматическом аспекте. Хотя в этой ненормативности содержится большой силы экспрессия. Даже вполне грамматическая лирика, в отличие от прозы, является искусством слова, а не предложения. В этом, в частности, состоит разница между «саспенсом» в прозе и поэтическим «саспенсом». Если в прозе «саспенс» – это затягивание долгожданного события, то в лирике – это отвлечённое появление слова, неожиданность его возникновения: *Яке блаженство – радісно себе / пуститися, неначе човен берега* («Яке блаженство – радісно себе...»). Конструкция «яке блаженство» выступает конденсатом экспрессии, которая позже полностью разворачивается в заключительных строках

«Блаженна смерте! Рано ще! Не надь. / Та довжитися твоя висока надь / і душу виголублиє пречисту». Стихотворные формы предлагают и выявляют другую форму бытия, в которой случайность временного и неповторимого хода жизни полностью уступает место «вечной» собственно языковой форме, ведь именно стихотворная форма внеязыковую ситуацию переводит в модус языкового существования (по И. И. Ковтуновой). И здесь возникает один из определяющих вопросов поэтического синтаксиса, поскольку в любом случае рассмотрение той или иной конструкции наталкивается на проблему нормы, её коррелятивность / некоррелятивность с последней. Очевидно, для установления эстетической, языково-эстетической значимости синтаксической конструкции, направлений её вариации, модификации и трансформации последнюю следует анализировать на фоне типологически родственных, равнорядных образований. Языковая норма, исчерпывающе реализованная в коммуникативной функции языка, – это внешняя норма, на фоне которой полностью очерчивается и проявляется эстетическая функция языка, которая охватывает: 1) эстетику литературного языка (этим мотивируется её распространение на общенациональной территории, подчинение её принципам большинства языковых текстов); 2) эстетику языка художественной литературы. Синтаксис поэтических произведений Василия Стуса направлен на элиминирование действительной реальности и создание самоценного и самодостаточного мира художественных смыслов: образование модализированной поэтической реальности: *В мені уже народжується Бог / і напівпам'ятний, напівзабутий, / немов і не в мені, а скраю смерти, / куди живому зась – мій внук і прадід – / переживає, заки я помру* («В мені уже народжується Бог...»).

Повторение одноструктурных и равнорядных по своей семантике высказываний способствует образованию обширного градационного ряда, в котором последнее коммуникативное образование содержит умозаключение, которое максимально усиливается наличием трёх, четырёх и более (выявлено семь) глаголов-предикатов как носителей отдельных пропозиций: *Отак і с. Отак і жий. Отак / Творись, таврований, печись, казися* («Убогий смерд – не владарює нині...»). Максимальное развёртывание числа пропозиций в экспозиции, что репрезентируется теми или иными компонентами как формальными усложнителями, сигнализирует о макроизмерении плоскостей хода действий, расширние самого фона следующей драмы, очерченной глаголом-предикатом и зависимыми от него аргументами: *Вервечка заборонених бажань – дружина, мати, син, сестра і батько, побравившия одне за одним, ніби на проході якоїсь божевільні, мій сон веде й сама снується сном* («Вервечка заборонених бажань...»), где обособленное приложение «*вервечка заборонених бажань – дружина, мати, син, сестра і батько*» содержит семь пропозиций как элементарных смыслов. В то же время при нём имеется собственная подчинённая зависимость «*ніби на проході якоїсь божевільні*», что является неполным подчинённым детерминантно-сравнительным предложением, сентенция которого узнаётся во внутреннем «диалоге» с главными частями «*мій сон веде й сама снується сном*». Пребывая в собственно детерминантном измерении относительно главных частей, подчинённая сравнительная коррелирует с целостно смысловым рядом, репрезентированным обособленным приложением, структура которого може побуждать к его истолкованию как отдельных номинативных структур. Такой подход приводит к нивелированию смысловой

зависимости лексем-компонентов высказывания: *вервечка – сон – сама*.

В таких случаях следует максимально учитывать особенности синтаксического конструирования текста Василием Стусом, его стремление передать смысловое богатство не в поверхностной, а в глубинной структуре высказывания, которое в этом случае приобретает статус не только номинативной единицы, но и экзистенциональной, поскольку через неё познаётся бытийное измерение следующих пропозиций.

Особое значение в синтаксическом макромире Василия Стуса приобретают конструкции, в которых позиция предиката заполнена инфинитивом, являющимся по своему проявлению потенциально модальным, и именно это становится основным в его реализации: *Неси́ла – бачи́ти. Неси́ла – перестать. / Бо де поді́тись з зрадними очима? / Ховаються за нашими плечима / пиха і гонор. Стали і мовчать* («Життя симфонія, “Симфонія весни”...»). Инфинитив в этом случае выступает носителем относительной императивности, что перекликается с началом следующей строфы, где императив является максимально проявленным формально и семантически: *Мовчіть і начувайтесь. Бо струну / торкне смичок – і раз, і два, і тричі* («Життя симфонія, “Симфонія весни”...»). императивная семантика усиливается парцеллированием в первом и во втором случае, где парцелляты-детерминанты «*Бо де поді́тись з зрадними очима?*», «*Бо струну / торкне смичок – і раз, і два, і тричі*» выделяются в коммуникативно самостоятельные единицы, содержащие весь потенциал причинной мотивации такого поведения. В то же время эти парцелляты в смысловом и структурном плане ориентированы на структурно главный «*Неси́ла – бачи́ти. Неси́ла – перестать*», пунктуационное

выделение ориентировано на преобразование однородной семантики в самодостаточную и самоисчерпывающую, а во втором – два самостоятельных предиката наставительного смысла «*Мовчіть і начувайтесь*»). В целом императивная установка поэзии «Життя симфонія, “Симфонія весни”...» усиливается постоянным нанизыванием форм повелительного наклонения, используемых в первичной своей функции: *І вже здасться – ледве вхопить зір – / пливе митець, простерши руки-крила... / І темінь у ногах провалля вирила... / Не упади. Дивися вгору й вір // Дивися й вір. Увіруй в торжество бузково-синіх звуків серед тиші. Нехай хоч розпач до дерзнь привініус, тож рвися вгору з вірою удвох.* Обширный смысловой ряд императивной семантики во внутривоэтической структуре образуется глагольными формами повелительного наклонения: *мовчіть, начувайтесь, не упади, дивися, дивися, вір*, которые в своём формальном выражении вторым лицом единственного числа ориентированы на адресата и в то же время содержат в своём проявлении конкретного субъекта действия, который возникает чётко очерченным в последней строфе: *Докіль ти сині руки не розкрилиш, / з душі не вирвеш моторошний крик / чуття, котрого не назве язик, / чуття, котрого у словах не виллш.* Императивная семантика в этом случае не размывается, а наоборот усиливается, поскольку и формы повелительного наклонения, и формы будущего времени являются носителями ирреального значения, что и обуславливает образование единого целостного фона поэзии, где первая строфа является экспозицией. В последней рваными коснструкциями, нарушением нормативного порядка слов образуется эмоционально-экзистенциальный потенциал: *Життя симфонія, «Симфонія весни» і сатанинський, зойками – Малевич... / Єврей – по горло. І по горло – невір, / по горло – маячний і мудрий світ.*

Зачином выступает номинативное предложение, лишённое аспектуально-модально-тепорально-персональных измерений, что максимально использовано в дальнейших образованиях. В то же время следует видеть значимую разницу между обособленным приложением «*Симфонія весни*» и двусоставным биноминативным предложением «*сатанинський – Малевич*», в котором «*зойками*» (по своей формальной маркировке и формально-смысловой нагрузке является непрямым дополнением, но в то же время синкретизирует семантику обстоятельства способа действия благодаря использованию приёма сегментации – выделению отдельного слова и приданию ему особенной значимости благодаря вынесению в несвойственную ему синтаксическую позицию. Дальнейшие высказывания «*Єврей – по горло. І по горло – невір, / по горло – маячний і мудрий світ*» являются двусоставными предложениями, в которых сложное именное сказуемое обеспечивает внутреннюю кажущуюся однотипность и внешнюю псевдоподобность, что роднит их с заринным номинативным предложением. Экзистенциальное измерение номинативной конструкции, замкнутой во временном пространстве на настоящее, усиливается следующими структурами также замкнутыми на настоящее, вне которого невозможно нулевое выражение вспомогательного глагола-связки, который потерял собственное значение и полностью реализует свою структурную функцию.

В целом императивную семантику модно отнести к доминирующим признакам синтаксического макромира Василия Стуса, поскольку именно через ряды форм повелительного наклонения поэт передаёт своё творческое кредо и таким образом включает в него проявление адресата. В этих поэзиях чувствительным является кортеж речевой деятельности,

в которой сам автор предусматривает спопроявление активности адресата. Примером такой поэзии является стих «Оптимістичне»: *Коли ти вірити в добро навик, / то віруй в землю. Віруй в смерть і крики / Тривожні породіть. Нема одвіку / Легкої віри і легких утіх. // Замало й слів, де треба людських рук. / Будинки зводити, мости ладнати, / Чи древні перелogi поорати. // Учися брати віру. Як беруть / Снопина на плечі. Як беруть лопати / Садівники, щоб Землю перерить / І здобрити. Так, як беруть солдати / Гвинтівки в руки – край свій боронить. / Бери у праці втому і печаль, / Глибій у радості, глибій в стражданні, Звіряйся на них, немов на пробнім камені, Загартувавши серце, ніби сталь / В роботі наuczайся, як народ. / До скону свято вірити в добро, в якій форми віруй, віруй, учися, бери, глибій, глибій, звіряйся, наuczайся* выступают ядерными, а вокруг них группируются зависимые в структурном и смысловом плане предикативные части, в которых глагольные лексемы *беруть, беруть, перерить, здобрити, беруть, боронить, вірити* образуют с ядерными целостный смысловый поток, поскольку благодаря им конкретизируется способ действия (*Як беруть / Снопина плечі. Як беруть лопати / Садівники, щоб Землю перерить / І здобрити*), его цель (*Будинки зводити, мости ладнати, / Чи древні перелogi поорати*). Значимым является то, что последние парцеллируются, а в случае выделения цели действия как самодостаточной коммуникативной единицы редуцируется даже специализированное средство структурной зависимости. Наиболее частотным в этой поэзии выступает глагольный предикат *беруть – беруть – бери*, который сначала возникает в инфинитивной нейтрально-модально-темпорально-персональной форме и заполняет синтаксическую позицию объектного распространителя (*учися брати*), хотя такая роль

может быть истолкована как синкретичная, поскольку компонент «*учися*» направлен к потере своей полноты. Чрезвычайно красноречивым для Стусовского поэтического синтаксиса является эффект рваного высказывания, когда одно структурно и коммуникативно целостное высказывание делится на две и более единицы. Сверхважным в этом случае является то, что вычленяемая единица воспринимается информативно как самодостаточная, более того – она перебирает на себя весь объём информации предыдущих частей, ср.: *В роботі намагайся, як народ. / До смерті свято вірити в добро*, где последний компонент *До смерті свято вірити в добро* является в структурном плане составляющей подчинённой присловно-пояснительной части как *народ*, которая вместе с компонентом *До смерті свято вірити в добро* составляет целостную предикативную часть.

В синтаксическом макромире Василия Стуса усиленным является использование субъектно-модусных компонентов, к которым следует, вне всякого сомнения, отнести употребление дейксисного элемента «Я», что является особенно заметным в поэзиях, ориентированных на высокое звучание, определение собственной гражданской позиции. В этом плане весьма показательным является стих «Вереснева земля», в котором уже с самого эпиграфа Франко начинается диалог автора с правечной колыбелью человечества, где последняя возникает в ипостаси ценителя поступков поэта. Реализации этого задания подчинены грамматические формы действительного и повелительного наклонения, ср.: *Я до тебе прийду і змовкну. / І нічого тобі не скажу і Пожурю ти мене. / Пожур – / Вже чи лагідно, чи жорстоко*. Стих полон восклицательных предложений, основным предназначением которых выступает реализации функции обращения – обращения к родной Украине,

являючись колыбелю поета и способна вполне оценить все намерения и реализованные действия. Наряду с ними используются вопросительно-риторические предложения (*Що докину до твого золота?; Чом забракло мені уміння / Звеселити серце твое?; Чом не можу я дати тобі / Своє серце – у добрі руки?*), в которых сконденсированы сгустки энергии. Начиная ряд обращением к Украине (*О, Вкраїно моя осіння!*), что принадлежит к константам украинской культуры (ср. у римлян *Late patet patria mea* (Широко раскинулась отчизна моя)), поэт через отдельную художественно-нагруженную деталь родного края (*голуби́нь*) – важный элемент национально-когнитивного пространства как репрезентант константы бытия украинской культуры (ср. синонимический ряд к лексеме *голубий*: *блакитний, лазуровий, лазурний, небесний, бірюзовий, аквамариновий, барвінковий* (Словник синонімів української мови : У 2-х т. – К. : Наукова думка, 1999. – С. 68); *небесний, ясновисний, блаватний, волошковий, советизми голубий, лазурний, лазуровий* (Караванський С. Практичний словник синонімів української мови. – К. : Кобза, 1993. – С. 29); *агативий, бірюзовий, блаватний, блакитний, блакитнуватий, васильковий, волошковий, голубенький, голубесенький, голубісінський, голубуватий, лазуритів, небесний, світло-голубий, світло-синій* (Вусик О. С. Словник українських синонімів. – Дніпропетровськ : Січ, 2001. – С. 88)), отождествлённую в соответствующим душевным состоянием, углубляет риторику вопроса через выделение *сердца* как самодосточной величины для усиления могущества земли, поскольку *сердце* в этом случае является носителем вершинных морально-духовных ценностей человека: *Земле рідна! Сором мені – / Що докину до твого золота? / Марно зринули юні дні, / Нині ж сушить мене гризота. / Разом з осінню я догорів, / Листям осені опадаю, /*

*між млисто-гірких вечорів / Неприкажаний, сам блукаю. / Осінь
крилами в груді б'є. / О, Вкраїно моя осіння! Чом забракло мені
уміння / Звеселити серце твоє? / Голубінь моя, голубінь! /
Розтривого моя і муко! Чом не можу я дати тобі / Своє серце –
у добрі руки? / О, коли б то, коли б я зміг! / Рідну землю,
тривогами краяну, / Проорав би, як переліг, / В ріллях радості
неокраїх! / Земле рідна! Тобі одній / Я волів служити до скону /
До твоїх до прийдеших днів / Дотягнутися б хоч рукою.
Структура висказывання *Земле рідна! Тобі одній / Я волів
служити до скону. / До твоїх до прийдеших днів / Дотягнутися
б хоч рукою* передбачує актуалізацію концепта земля,
який осмислюється в цьому випадку як комплекс сутностей,
як рідна мати (що прямо перекликається з епіграфом
І. Франко «Земле моя, / всеплодюча мати!»), яка
здатна оцінити дії свого сина. В лексикографічному
історіюванні лексема земля отримала б кваліфікацію як
«край, з яким обличчя не отождествляє себе як єдине ціле і
за яким вважає себе відповідальною» (ні в одному з нині
існуючих словарів української мови це значення не
закріплено, хоча в українській культурі воно активно
використовується).*

В синтаксическому макростворі Василя Стуса особливе
значення має заповнення синтаксическої позиції
неспеціалізованим компонентом, що частіше за все є
реалізатором окремої пропозиції як цілої драми:
Напівзабуте *напливає хвилями; Минулі дні видяться майбутнім*
(«Минулі дні видяться майбутнім...»); *Далеке й призабуте /
Зринає в пам'яті, мов видиво легке...* («Була ти мрійною...»).

Визначаючими ознаками синтаксического макроствору
поетических творів Василя Стуса є:
1) формальне ускладнення простого речення

обособленными членами предложения, среди которых наиболее частотными являются обособленные приложения, которые могут иногда образовывать целостные ряды; 2) формальное осложнение простого и сложного предложения вставными конструкциями: *В такі ночі не можна спати, гріх! (Не бійся: для тебе є денна покута)* («Тиха ніч, і місячно»); *Завжди пробуєм доростати до себе (одвічний егоїзм людського серця!), але ніхто не може подвоїтись* («З гіркою...»); 3) осложнённые сложные предложения с базовой сочинённой связью; 4) сегментирование – вынесение абсолютное начало высказывания актуализированного компонента, что при прямом порядке слов характеризуется размытостью семантики, сопроводительным фактором сегментации выступает использование тире, которое можно квалифицировать как наиболее употребляемый знак препинания в поэзиях Василя Стуса, ср.: *І поблизу – радянський сад...* («І поблизу – радянський сад...»); *старий ясин – оцвіттям весь німус, а віддалі – німус чорний ліс* («Націлений у небо обеліск»). В синтаксисе Василя Стуса сегментация распространяется на абсолютный конец высказывания, когда сегментированный компонент составляет достаточно обширную структуру: *Вона сліпа – свічадом осіннього промерзлого ставка...* («Націлений у небо обеліск»); 5) синтактико-стилистическое видоизменение внутреннего звучания сложноподчинённых предложений вследствие выделения подчинённых частей путём употребления тире и противопоставления содержательной плоскости главной и подчинённой частей: *Тож, чорний вороне, замовч і головоньки не мороч, / бо так накрядеш – що аби уже й добрався б до товариша...* («Гайдамацьке»); 6) использование рядов предикатных слов как экспозиции поэзии на фоне которой происходит творение поэтической действительности:

Гарноброва, пожежностанна, / снами вимріяна і трачена, / зголоднілим поглядом спалена, / непокірна, нічна і лячна. Як твоє розпросторилось тіло! («Гарноброва, пожежностанна...»);

7) активное употребление однородных структур с целью образования целостного градационного ряда, в конце которого есть наиболее логично значимый компонент; 8) нарушение литературно-нормативного внутрипредложенческого порядка слов и предикативных частей в сложном предложении с целью выделения определённого смысла, его акцентирования; 9) использование глагольного предиката-сказуемого в абсолютном конце строки как наиболее значимого и завершающего компонента предложения: *Ти словом і мовчанкою – караси, / байдужістю холодною – караси, / ти спокоєм і кроками – караси, / морозом – теж, і віхолою теж* («Хрещатиком вечірнім під неоновим блідавим світлом...»);

10) внутритекстовая диалогизация, реализующаяся в двух разновидностях: имплицитной (ср.: «Вони сидять за столом...») и эксплицитной («Ця п'еса почалася вже давно...»; «Я знав майже напевно...»); 11) императивизация синтаксических единиц с базовыми формами повелительного наклонения глагола; 12) экспозициональная двусоставность предложения; 13) распространение номинализационных тенденций и отчасти отнесение в ряде поэзий внутренней глагольности второй план; 14) парцеллирование структуры сложноподчинённого предложения с целью выделения причинной и целевой семантики; 15) синкретизация семантики в сравнительных конструкциях.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Современное языковое пространство грамматически структурировано и последовательно упорядочено. Грамматические элементы имеются в каждом языковом компоненте, они осуществляют связь элементов в тех или других структурах, их соответствие нормам. В грамматическом строе любые изменения происходят чрезвычайно медленно, гарантируя тем самым приемлемость и традиционность норм, их системность, постоянную воспроизводимость.

Грамматика составляет наиболее отшлифованный и наиболее устоявшийся компонент национального языка, ядро последней. Морфология и синтаксис являются определяющими величинами грамматики. И морфология, и синтаксис в своей целостности являются категориально упорядоченными, между ними существуют взаимосвязи и взаимоотношения: вторичные синтаксические функции того или другого морфологического элемента обуславливают его смещение и формирование новых множеств связей и отношений. В морфологии определяющей является частеречная классификация, основы которой начали формироваться еще в индийской лингвистике, в античные времена и т.д. Изменялись научно-лингвистические парадигмы (элементно-таксономическая, сравнительно-историческая, системно-структурная, функционально-коммуникативная, синергетическая (когнитивно-синергетическая)), вопросы же классификации слов на каждом этапе становится актуальным. В основаниях толкования частеречных классов слов достаточно прозрачными представляются синтаксический критерий ↔ принцип (синтаксические свойства слова, его статус во внутрипредложенческих синтаксических позициях, отношениях и др.), морфологический (изменяемость ↔ неизменяемость,

типология форм и их количество и т.д.), обобщенно-семантический (абстрагированно семантический: предметность, признаковость, процессуальность и т.п.), аффиксальный (закрепление определенных аффиксов). Вся целостность частеречной системы постоянно находится в движении, ее составляющие активно взаимодействуют между собой, что подтверждается высокой степенью междучастеречной транспозиции. Не менее значимыми являются внутривчастеречные транспозиции, наблюдаемые между компонентами тех или иных морфологических форм соответствующей категории: род, число, падеж имен существительных, глагольные время, вид и проч., межуровневые категории степеней сравнения, лица и др. Транспозиция связана с асистемностью, узуальностью переносного и/или нейтрализованного использования морфологической или синтаксической форм. Такой функциональный статус словоформы мотивированный и определяемый социумноязыковыми задачами и факторами, актуализирующими отклонения от стандарта, нормативного закрепления. Социумноязыковые факторы определяют актуализацию ситуативно-коммуникативных задач, затрагивающие прежде всего видоизменение внутривпредложенческих центростремительных синтаксических связей, придавая им и/или усиливая центробежную силу отдельных словоформ.

В грамматических исследованиях особенную силу в последние сто лет приобрел синтаксис, где актуально значимыми являются проблемы внутривпредложенческих зависимостей, определение статуса локативной, субъектной, объектной и других позиций, диагностирование фокусаторов, спецификаторов, модификаторов и других величин в предложенческой структуре одно- и разносистемных языков. В

свое время актуализировалось, что ведущие и сопровождающие (второстепенные) понятия почти неопределены, нет единства в их понимании (по Л. Булаховскому), поэтому исследователь должен корректно и исчерпывающе определить собственный терминологический и понятийный аппарат. В современных синтаксических исследованиях актуальными становятся учет разных уровней (формального, семантико-синтаксического, логического, аналогового, собственно семантического, коммуникативного и др.) предложенческой организации, статуса синтаксических единиц, определение их исчерпывающего инвентаря и др., анализ стратегий кодирования глагольных актантов с дифференцированием эргативного, аккумулятивного, активного, контрастивного, нейтрального, трехчленного, тематического, рематического и других типов.

Грамматика в своих глубинах содержит много неожиданностей, открытий и калейдоскопов проблем. То, что определено и объяснено на поверхностном уровне как нормативное относительно собственно формальных требований и устоявшихся норм, поддается преобразованию на коммуникативном или собственно семантическом уровнях, где функционально нагруженными являются различные ситуативные факторы, разные стратегии и тактики. Фатическая функция мотивирует видоизменения и самих морфологических форм, и их статуса в предложенческой структуре. Среди имеющихся морфологических и/или синтаксических форм адресант избирает ту, которая, по его мнению, наиболее адекватно реализует содержательные компоненты ситуации и реализует коммуникативные интенции. Главными задачами адресанта является не только конструирование предложенческих единиц, но и наполнение их той информацией, которая надлежащим образом должна структурироваться. Только при

таких условиях предложенческая структура может быть декодируема адресатом, создавая надежный образец взаимопонимания между участниками коммуникации.

Грамматика в языковом пространстве – это и теория предложения, и теория морфологических категорий, и теория функционально-семантических полей, и теория объективной грамматики, и теория конструктивной типологии изменений языковых явлений и много другого. Языковое пространство грамматики раскрывает ряд актуальных вопросов современной морфологии, современного синтаксиса, охватывает анализ сложных и противоречивых проблем развития теории предложения, теории падежа и теории времени, аспектуальности и проч., отталкиваясь от особенностей синтаксического строя национальных языков.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Агафонова А. М. Авторизовані конструкції в сучасній українській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук / А. М. Агафонова. – Івано-Франківськ, 1999. – 19 с.
2. Адінцова Ю. Описові предикати : лексичний, семантичний та синтаксичний аспекти / Ю Адінцова // Україністика : нові імена в науці : Зб. наук. праць. – Горлівка : Вид-во ГДППМ, 2011. – Вип. 3. – С. 87 – 89.
3. Адінцова Ю. Проблема описового предиката в класичній французькій лінгвістиці / Ю. Адінцова // Лінгвістичні студії : Зб. наук. праць. – Вип. 19 / Укл. : Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. – Донецьк : ДонНУ, 2009. – С. 68 – 72.
4. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. – М. : Высшая школа, 1990. – 168 с.
5. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка : Семантическая и грамматическая структура простого предложения / Татьяна Борисовна Алисова. – Изд. 2-е. – М. : Либроком, 2009. – 296 с.
6. Алтицева Л. Ю. Функціонально-семантичні параметри іменників з неповною числовою парадигмою : автореф. ... канд. філол. наук / Л. Ю. Алтицева / Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова. – К., 2003. – 20 с.
7. Аошуан Т. Китайская картина мира : Язык, культура, ментальность / Т. Аошуан. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
8. Арно А. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля) / А. Арно, К. Лансло / Пер. с фран. Ю. С. Маслова, Е. Д. Панфилова, М. В. Гординой. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. – 128 с.
9. Арно А. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля) / Антуан Арно, Клод Лансло / Пер. с фран., коммент.

и послесл. Н. Ю. Бокадоровой; [Общ.ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова]. – М. : Прогресс, 1990. – 271, [1] с. : ил.

10. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

11. Аўласевіч М. А. Пабочныя кампаненты сказа у беларускай літаратурнай мове / М. А. Аўласевіч. – Мн. : Вышэйшая школа, 1970. – 197 с.

12. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / Ольга Сергеевна Ахманова. – Изд. 4-е, стереотип. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.

13. Ачилова В. П. Синтаксис і пунктуація української мови в таблицях та схемах / В. П. Ачилова. – Сімферополь : Доля, 2006. – 172 с.

14. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1968. – 160 с.

15. Бабайцева В. В. Русский язык : Синтаксис и пунктуация / В. В. Бабайцева – М. : Высшая школа, 1979. – 356 с.

16. Бабайцева В. В. Современный русский язык. Синтаксис и пунктуация / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – М. : Высшая школа, 1981. – 272 с.

17. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : Учебное пособие / Анатолий Миколайович Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

18. Баранов А. Форма выражения утверждения в лингвистической экспертизе / А. Баранов // Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології : MegaLing-2011 : зб. наук. пр. / Редкол. : В. А. Широков та ін.. – К. : УМІФ, 2012. – С. 10 – 25.

19. Барт Р. Избранные работы. Мифология : пер. с фр. и коммент. С. Зенкина / Р. Барт. – М. : Издательство имени Сабашниковых, 2004. – 320 с.

20. Барт Р. Избранные работы. Семиотика : Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова / Р. Барт. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.

21. Бацевич Ф. Семантика і прагматика очікуваних і неочікуваних змін : функції та комунікативні смисли частки і (й) у сучасному українському мовленні / Ф. С. Бацевич // Українська мова і література в школі. – 2008. – Ч. 1. – С. 41 – 44.

22. Бацевич Ф. С. Імплицитна інформація у висловленнях і дискурсивні слова / Флорій Сергійович Бацевич // Мовознавство. – 2012. – № 5. – С. 3 – 13.

23. Бацевич Ф. Частки української мови як дискурсивні слова : монографія / Флорій Бацевич. – Львів : ПАІС, 2014. – 288 с.

24. Беларуская граматыка : У 2-х ч. – Ч. 2. – Мн. : Навука і тэхніка, 1986. – 563 с.

25. Беларуская граматыка : У 2 . – Ч. 2. – Сінтаксіс. – Мн. : Навука і тэхніка, 1986. – 542 с.

26. Беларуская мова : Сінтаксіс. Пунктуацыя / Пад рэд. Я. М. Адамовіча. – Мн. : Навука і тэхніка, 1986. – 463 с.

27. Беларуская мова : У 2-х ч. – Ч. 2: Сінтаксіс / Пад агул. рэд. Л. М. Грыгор'евай. – 2-е выд. – Мн. : Навука і тэхніка, 1998. – 571 с.

28. Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке / В. А. Белошапкова. – М. : Просвещение, 1967. – 160 с.

29. Беляев Ю. И. Синтаксис современного русского литературного языка / Ю. И. Беляев. – Crzęstochowa : Wyd-wo Akademii im. Jana Długosza, 2007. – 442 s.
30. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови : когнітивно-гендерний підхід : дис. ... д-ра філол. наук / О. Л. Бессонова. – Донецьк, 2002. – 396 с.
31. Бирюков С. Формообразующие стратегии авангардного искусства в русской культуре XX века (Авангард : модули и векторы) / С. Бирюков. – М. : Вест-Консалдинг, 2006. – 351 с.
32. Бінтенко Л. О. Деякі відомості про номінативні речення / Л. О. Бінтенко // Наукові записки Київського педагогічного інституту. – 1968. – Т. 29. – С. 87 – 104.
33. Бінтенко Л. О. Номінативні речення в сучасній українській літературній мові / Л. О. Бінтенко // Наукові записки Київського педагогічного інституту. – 1967. – Т. 24. – С. 99 – 114.
34. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики : учебник. 3-е изд., испр. / Марк Яковлевич Блох. – М. : Высшая школа, 2002. – 160 с.
35. Бодуэн дэ Куртенэ И. А. Введение в языковедение / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – [6-е изд.]. – М. : УРСС, 2004. – 222 с.
36. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1 – 384 с.; Т. 2 – 391 с.
37. Бондарко А. В. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – М. : Просвещение, 1964. – 201 с.
38. Бройко Н. Корпусні менеджери та конкордансери як засоби керування лінгвістичним корпусом текстів / Надія Бройко // Лінгвокомп'ютерні дослідження : зб. наук. праць / Укл. : А. Загнітко (наук. і відп. ред.) та ін. – Донецьк : ДонНУ, 2014. – Вип. 7. – С. 151 – 156.

39. Буланин Л. Л. Категория залога в современном русском языке / Л. Л. Буланин. – Л. : Изд-во Лен. ун-та. – 1986. – 86 с.
40. Бурак Л. И. Сучасная беларуская мова : Сінтаксіс. Пунктуацыя / Л. И. Бурак. – Мн : Вышэйшая школа, 1987. – 489 с.
41. Бурак Л. И. Далучэнне ў сучаснай беларускай мове / Л. И. Бурак. – Мн. : Навука і тэхніка, 1982. – 263 с.
42. Бусурина Е. В. Взгляд на культуруму дурак как на ключевое слово русской культуры / Е. В. Бусурина // Современные подходы к интерпретации текста : материалы межвуз. конф. (С.-Пб., 13 – 14 мая 2002 г.). – СПб. : Академия гуманитарного образования, 2002. – С. 15 – 17.
43. Вайнрайх У. Языковые контакты : Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – К. : Вища шк., 1979. – 263 с.
44. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : Учебное пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
45. Валгина Н. С. Номинативные конструкции в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М. : Высшая школа, 1972. – 204 с.
46. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1973. – 412 с.
47. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – 3-е изд. – М. : Высшая школа, 1991. – 407 с.
48. Валгина Н. С. Современный русский язык / Н. С. Валгина. – М. : Высшая школа, 1962. – 478 с.
49. Валимова Г. В. К вопросу о коммуникативных единицах / Г. В. Валимова // Вопросы синтаксиса русского языка. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1971. – С. 29 – 37.
50. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : Школа «Языки славянских культур», 2001. – 407 с.

51. Великий тлумачний словник сучасної української мови (ВТСУМ) / Уклад. і гол. ред. В. Т. Бусел. – Київ-Ірпінь : ВТФ «Перун», 2007. – 1736 с.

52. Вербицька О. Трансформація концепту суб'єкта у контексті постмодернізму / Ольга Вербицька // Вісник Львівського національного університету імені Івана Франка. Серія філос. – 2010. – Вип. 13. – С. 45 – 52.

53. Виноградов В. В. Русский язык / В. В. Виноградов // Грамматическое учение о слове. – М. : Уч. пед. изд., 1972. – 614 с.

54. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / Виктор Владимирович Виноградов. – Изд. 3-е, испр. – М. : Высшая школа, 1986. – 640 с.

55. Вихованець І. Р. Головні члени речення [Текст] / І. Р. Вихованець // Сучасна українська літературна мова. Синтаксис / За ред. І. К. Білодіда. – К. : Наук. думка, 1972. – С. 149 – 178.

56. Вихованець І. Р. Граматика української мови / І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська, А. П. Грищенко. – К. : Рад.шк., 1982. – 209 с.

57. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис / І. Р. Вихованець. – К. : Либідь, 1993. – 368 с.

58. Вихованець І. Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови : монографія / Іван Романович Вихованець. – К. : Наукова думка, 1992. – 222 с.

59. Вихованець І. Р. Післямова / І. Р. Вихованець // Загнітко А. П. Основи функціональної морфології української мови. – К. : Вища шк., 1989. – С. 73 – 75.

60. Вихованець І. Р. Прийменникова система української мови / Іван Романович Вихованець. – К. : Наукова думка, 1980. – 286 с.

61. Вихованець І. Р. Родовий чи знахідний відмінок? / І. Р. Вихованець // Культура слова. – 1989. – Вип. 37. – С. 93 – 95.
62. Вихованець І. Р. Семантико-синтаксична структура речення / І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська, В. М. Русанівський. – К. : Наукова думка, 1983. – 220 с.
63. Вихованець І. Р. Синтаксис знахідного відмінка в сучасній українській літературній мові / І. Р. Вихованець. – К. : Наук. думка, 1971. – 120 с.
64. Вихованець І. Р. Система відмінків української мови / І. Р. Вихованець. – К. : Наук. думка, 1987. – 231 с.
65. Вихованець І. Р. Таїна слова / І. Р. Вихованець. – К. : Радянська школа, 1990. – 284 с.
66. Вихованець І. Р. У світі граматики / І. Р. Вихованець. – К. : Радянська школа, 1987. – 192 с.
67. Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті / І. Р. Вихованець. – К. : Наукова думка, 1988. – 255 с.
68. Вихованець І. Р. Частки / Іван Романович Вихованець // Українська мова : енциклопедія / Редкол. : Русанівський В. М., Тараненко О. О. (співголови). – Вид. 3-тє, зі змінами і доп. – К. : Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана, 2007. – С. 821 – 822.
69. Вихованець І. Теоретична морфологія української мови : Академ. граматики укр. мови / І. Вихованець, К. Городенська; За ред. І. Вихованця. – К. : Університетське видавництво «Пульсари», 2004. – 400 с.
70. Вінтонів М. О. Актуальні питання комунікативного синтаксису / Михайло Олексійович Вінтонів // Мовознавчі студії : зб. наук. статей. – Донецьк : ДІСО, 2006. – С. 12 – 23.
71. Вінтонів М. О. Категорії комунікативного синтаксису : основні підходи до аналізу / Михайло Олексійович Вінтонів //

Филология в пространстве культуры : сб. научн. труд. – Донецк : Юго-Восток, 2007. – С. 61 – 69.

72. Вінтонів М. О. Частки в комунікативному аспекті речення / Михайло Олексійович Вінтонів // Філологічний вісник Уманського державного педагогічного університету ім. П. Тичини [гол. ред. М. М. Молюга]. – Умань : ВПЦ «Візаві», 2011. – Вип. 11. – С. 74 – 80.

73. Волохина Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Галина Андреевна Волохина, Зинаида Даниловна Попова. – Воронеж : Истоки, 2003. – 196 с.

74. Воркачѳв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачѳв. – М. : Гнозис, 2004. – 236 с.

75. Ворожбитова А. А. Неполнозначные слова как усилители риторической экспрессии в публицистическом дискурсе / А. А. Ворожбитова // Неполнозначные слова, синтаксические связи и синтаксические отношения : Межвуз. сб. науч. тр. – Старополь : СГУ, 1997. – С. 48 – 55.

76. Воронина Н. Е. Компьютерное моделирование лингвистических объектов / И. Е. Воронина. – Воронеж Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007. – 177 с.

77. Всеволодова М. В. Материалы к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке. Функциональная грамматика реального употребления» [Текст] / Майя Владимировна Всеволодова, Екатерина Николаевна Виноградова, Евгений Васильевич Клобуков, Ольга Владимировна Кукушкина, Анатолий Анатольевич Поликарпов, Валерия Львовна Чекалина. – Вып. 1 / Под. ред. М. В. Всеволодовой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 686 с. (в печати).

78. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / Майя Владимировна Всеволодова. – М. : Изд-во Московского университета, 2000. – 502 с.
79. Всеволодова М. В. Уровни организации предложения в рамках функционально-коммуникативной прикладной модели языка / М. В. Всеволодова // Вестник Московского университета. – Сер. Филология. – 1997. – № 1. – С. 53 – 66.
80. Выхованец И. Р. Функциональная типология предлогов и падежей (на материале современного украинского литературного языка) : автореф. ... докт. филол. наук / И. Р. Выхованец. – К., 1983. – 48 с.
81. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культуры / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок. – М. : Изд-во иностр. лит., 1967. – С. 154 – 165.
82. Гаврилова Г. Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке / Г. Ф. Гаврилова. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 228 с.
83. Гайдеггер М. Дорогою до мови / Мартін Гайдеггер ; [Пер. з нім. В. Кам'янець]. – Львів : Літопис, 2007. – 232 с.
84. Гак В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики – 1972. – М. : Наука, 1973. – С. 28 – 39.
85. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2004. – 862 с.
86. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / Владимир Григорьевич Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
87. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Синтаксис / Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. – М. : Учпедгиз, 1958. – 200 с.

88. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. – М. : Учпедгиз, 1954. – 316 с.
89. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык : В 2-х ч. / А. Н. Гвоздев. – Ч. 2. – Изд- 2-е. – М. : Учпедгиз, 1958. – 209 с.
90. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык : В 2-х ч. / А. Н. Гвоздев. – Ч. 2 : Синтаксис. – 4-е изд. – М. : Просвещение, 1973. – 219 с.
91. Городенська К. Г. Граматичний словник української мови : сполучник / Катерина Григорівна Городенська. – Київ – Херсон : Інститут української мови НАН України; Херсонський державний університет, 2007. – 340 с.
92. Городенська К. Г. Дери́вація синтаксичних одиниць : монографія [Текст] / Катерина Григорівна Городенська. – К. : Наукова думка, 1991. – 192 с.
93. Городенська К. Г. Частка /
Катерина Григорівна Городенська // Безпояско О. К.,
Городенська К. Г., Русанівський В. М. Граматика української мови. Морфологія. – К. : Либідь, 1993. – С. 308 – 318.
94. Городенська К. Слова-речення / Катерина Городенська // Вихованець І., Городенська К. Теоретична морфологія української мови / За ред. І. Вихованця. – К. : Пульсари, 2004. – С. 374 – 390.
95. Горпинич В. О. Морфологія української мови / Володимир Олександрович Горпинич. – К. : ВЦ «Академія», 2004. – 336 с.
96. Граматыка беларускай мовы : у 2-х т. – Т. 2 : Сінтаксіс. – Мн. : Навука і тэхніка, 1966. – 612 с.
97. Грамматика русского языка : В 2-х т. – Т. 2 : Синтаксис. – Ч. 1. – М. : Наука, 1960. – 702 с.

98. Грамматика русского языка : В 2-х т. – Т. 2 : Синтаксис. – Ч. 2. – М. : Наука, 1960. – 440 с.
99. Грамматика русского языка : Синтаксис. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 2. – Ч. 2. – 440 с.
100. Григорьев В. П. Паронимия / В. П. Григорьев // Языковые процессы современной русской художественной литературы : Поэзия. – М. : Наука, 1977. – С. 186 – 239.
101. Грицина В. І. Інфраструктура речень публіцистичного стилю : автореф. ... канд. філол. наук / В. І. Грицина. – Запоріжжя, 2002. – 20 с.
102. Грищенко А. П. Складносурядне речення в сучасній українській літературній мові / А. П. Грищенко. – К. : Наукова думка, 1969. – 155 с.
103. Грушевская Т. М. Политический дискурс в аспектах газетного текста / Т. М. Грушевская. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – 116 с.
104. Гуйванюк Н. В. Складні ускладнені речення / Н. В. Гуйванюк, О. В. Кульбабська. – Чернівці : Рута, 2003. – 144 с.
105. Гуйванюк Н. В. Формально-семантичні співвідношення в системі синтаксичних одиниць [Текст] / Ніна Василівна Гуйванюк. – Чернівці : Рута, 1999. – 336 с.
106. Гумилев Н. Стихи. Письма о русской поэзии / Н. Гумилёв. – М. : Художественная литература, 1990. – 434 с.
107. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Эдмунд Гуссерль // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 162 – 178.
108. Гуссерль Э. Собрание починений. Т. 3 (1) : Логические исследования / Эдмонд Гуссерль. – Т. II (1). – М. : Гнозис; Дом интеллектуальной книги, 2001. – 529 с.

109. Дашченко Н. Л. Паронімічна атракція в українській поезії 60-80 років ХХ століття : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Н. Л. Дашченко. – К., 1996. – 20 с.
110. Делёз Ж. Что такое философия / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – СПб., 1998. – 196 с.
111. Демьянков В. З. Лингвистическая интерпретация текста : универсальные и национальные (идиознтические) стратегии / В. З. Демьянков // Факты и ценности : К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 48 – 61.
112. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35 – 47.
113. Дешериев Ю. Д. Социолингвистические проблемы функционирования системы массовой коммуникации в СССР / Ю. Д. Дешериев // Язык в развитом социалистическом обществе. – М. : Наука, 1983. – 256 с.
114. Дерік І. М. Просодичні особливості дискурсу інформаційних повідомлень ділової тематики в Інтернеті : автореф. ... канд. філол. наук / І. М. Дерік. – Донецьк, 2007. – 20 с.
115. Долгов Ю. С. Термины валентностной грамматики / Ю. С. Долгов // Вестник МСУ. – 1999. – Т. 2. – N 4 : «Vocabulum et vocabularium – 7». – С. 28 – 32.
116. Дорошенко С. І. Складні безсполучникові конструкції в сучасній українській мові / С. І. Дорошенко. – Х : Вища шк. Вид-во при Харк. ун-ті, 1980. – 152 с.
117. Дремов А. Ф. Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного / А. Ф. Дремов // Мир русского слова. – 2001. – № 3. – С. 57 – 65.

118. Дудик П. С. Синтаксис сучасного українського розмовного літературного мовлення : (Просте речення : еквіваленти речення) / П. С. Дудик. – К. : Наукова думка, 1973. – 288 с.
119. Дудик П. С. Явища номінації, сегментації і контамінації в структурі речення / П. С. Дудик // Синтаксис словосполучення і простого речення. – К. : Наукова думка, 1975. – С. 204 – 227.
120. Етимологічний словник української мови. – Т. 1. – К. : Наукова думка, 1982. – 632 с. ; Т. 2. – К. : Наукова думка, 1985. – 571 с.
121. Жебраускас А. Л. Понятие культурных констант и поиски ориентиров постсовременности / Антон Людвикасович Жебраускас // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена : аспирантские тетради. – СПб., 2006. – № 3 (20). – С. 18 – 21.
122. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю. А. Жлуктенко. – К. : Вища шк., 1974. – 176 с.
123. Жовтобрюх М. А. Курс сучасної української літературної мови / М. А. Жовтобрюх, Б. М. Кулик. – К. : Вища школа, 1972. – 402 с.
124. Загнитко А. А. Азбука грамматической концепции : Рец. на кн. : Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті. – К., 1988. – 256 с. / А. А. Загнитко // Советское славяноведение. – 1991. – № 1. – С. 106 – 108.
125. Загнитко А. А. Особенности структурирования базы данных служебности ↔ вспомогательности : на материале украинских частиц / Анатолий Афанасьевич Загнитко, Илья Григорьевич Данилюк, Анна Васильевна Ситарь // Проблемы компьютерной лингвистики : Сборник научных

трудов / Под ред. А. А. Кретьова. – Вып. 5. – Воронеж, 2011. – С. 56 – 67.

126. Загнітко А. А. Предлог в морфологическом пространстве украинского языка (синхронно-контрастивные наблюдения) / А. А. Загнітко // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2003. – № 3. – С. 92 – 106.

127. Загнітко А. Функціонально-семантична типологія частиць : внутривисновковий і контрастивний аспекти / А. Загнітко // Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky. – Brno : Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, 2009. – Т. 3. – С. 146 – 154.

128. Загнітко А. Корпус текстів граматичної службовості [Текст] / Анатолій Загнітко, Ілля Данилюк // Прикладна лінгвістика та лінгвістичні технології : Megaling – 2012 : збірник наук. праць. – К. : Довіра, 2013. – С. 102 – 112.

129. Загнітко А. Лінгвістика тексту / А. Загнітко. – Вид. 2-ге, виправл. і доп. – Донецьк : Видавництво Донецького національного університету, 2007. – 289 с.

130. Загнітко А. П. Глибина вставленості у структурі сучасного українського речення / А. П. Загнітко // Филологические исследования : Зб. наук. праць. – Вип. І. – Донецьк : Юго-Восток, 2000. – С. 232 – 245.

131. Загнітко А. П. Історія українського мовознавства в особах / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – 185 с.

132. Загнітко А. П. Лінгвістика тексту / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – 289 с.

133. Загнітко А. П. Лінгвістика тексту / А. П. Загнітко. – Вид. друге, виправл. і доп. – Донецьк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2007. – 313 с.

134. Загнітко А. П. Нові підходи у граматиці : Рец. на кн. : Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис. – К. :

Наук. думка, 1993. – 368 с. / А. П. Загнітко // Мовознавство. – 1995. – № 1. – С. 73 – 75.

135. Загнітко А. П. Рец. на кн. : Рец. на кн. : Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис. – К. : Наук. думка, 1993. – 368 с. / А. П. Загнітко // Дивослово. – 1996. – № 10. – С. 57 – 58.

136. Загнітко А. П. Словник сучасної лінгвістики : поняття і терміни : У 4-х т. / Анатолій Панасович Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2012.

137. Загнітко А. П. Словник українських применників / Анатолій Панасович Загнітко, Ілля Григорович Данилюк, Ганна Василівна Ситар, Інна Анатоліївна Щукіна. – Донецьк : ТОВ ВКФ «БАО», 2007. – 416 с.

138. Загнітко А. П. Слово у душі – душа у слові / А. П. Загнітко. – Донецьк : Академія, 1997. – 437 с.

139. Загнітко А. П. Сучасні лінгвістичні теорії / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – 338 с.

140. Загнітко А. П. Теоретична граматики сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис / Анатолій Панасович Загнітко. – Донецьк : ТОВ «ВКФ «БАО», 2011. – 992 с.

141. Загнітко А. П. Теоретична граматики української мови / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2001. – 662 с.

142. Загнітко А. П. Теоретична граматики української мови. Морфологія / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонДУ, 1996. – 437 с.

143. Загнітко А. П. Теоретична граматики української мови. Морфологія / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонДУ, 1997. – 437 с.

144. Загнітко А. П. Теоретична граматики української мови. Синтаксис / А. П. Загнітко. – Донецьк : Вид-во Донецьк. ун-ту, 2001. – 663 с.

145. Загнітко А. П. Теорія сучасного синтаксису / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – 378 с.
146. Загнітко А. П. Теорія сучасного синтаксису / А. П. Загнітко. – Вид. друге, виправл. і доп. – Донецьк : ДонНУ, 2007. – 294 с.
147. Загнітко А. П. Український синтаксис : Науково-теоретичний і навчально-практичний комплекс : Навч. Посібник : У 2-х ч. / А. П. Загнітко. – К. : ІЗМН, 1996. – Ч. I. – 202 с.; Ч. II. – 240 с.
148. Загнітко А. Соціолінгвістика : предметно-поняттєвий апарат / А. Загнітко, І. Кудрейко // Донецький вісник Наукового товариства імені Шевченка. – Т. 22. – Донецьк : Український культурологічний центр, Східний видавничий дім, 2008. – С. 139 – 155.
149. Загнітко А. Сучасні лінгвістичні теорії : монографія / А. Загнітко. – Вид. 2-ге, випр. і доп.– Донецьк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2007. – 219 с.
150. Загнітко А. Теоретична граматики української мови. Морфологія. Синтаксис / А. Загнітко. – Донецьк : ВКФ «БАО», 2011. – 992 с.
151. Загнітко А. Шляхами слова : науково-популярне видання / А. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2009. – 339 с.
152. Заза Ю. Я. Регістрові характеристики ситуації початку комунікативного контакту (на матеріалі української, чеської й арабської мов) : автореф. ... канд. філол. наук / Донецький національний університет. – Донецьк, 2010. – 19 с.
153. Залевская А. А. Психолінгвістические исследования. Слово. Текст : Избранные труды / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
154. Залевская А. А. Психолінгвістический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические

проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 36 – 44.

155. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение / Андрей Анатольевич Зализняк. – М. : Русский язык, 1977. – 880 с.

156. Золотова Г. А. Аспектологические проблемы с точки зрения структуры текста / Г. А. Золотова // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – Т. I. – М. : Изд-во Моск.ун-та, 1997. – С. 91 – 102.

157. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова / Под ред. Г. А. Золотовой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, Ин-та русского языка РАН, 1998. – 528 с.

158. Золотова Г. А. Коммуникативный синтаксис русского языка / Галина Александровна Золотова. – Изд. 6-е. – М. : КомКнига, 2010. – 368 с.

159. Зубець Н. О. Українська лексикографія другої половини ХХ – початку ХХІ століття : навчальний посібник / Наталя Олександрівна Зубець. – Запоріжжя : Запорізький національний університет, 2008. – 124 с.

160. Зубова Л. В. Поэзия Марии Цветаевой. Лингвистический аспект / Л. В. Зубова. – М. : ИЛУ, 1989. – 264 с.

161. Имплицитность в языке и речи / Под ред. Е. Г. Борисовой, Ю. С. Мартемьянова. – М. : Языки славянских культур, 1999. – 200 с.

162. Іваницька Н. Л. Двоскладне речення в українській мові / Н. Л. Іваницька. – К. : Вища шк., 1986. – 168 с.

163. Калашникова Г. Ф. Многокомпонентные сложные предложения в русском языке / Г. Ф. Калашникова. – Х. : Вища шк. Вид-во при Харк. ун-ті, 1979. – 159 с.

164. Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. – Ч. 1. Дыяпазон Ф – Л / М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2008. – 492 с.

165. Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : [У 3 ч.] / Марыя Іосіфаўна Канюшкевіч. – Ч. 1 : Дыяпазон А – Л. – Гродна : ГрДУ, 2008. – 492 с. ; Ч. 2 : Дыяпазон М – П. – Гродна : ГрДУ, 2010. – 619 с. ; Ч. 3 : Дыяпазон Р – Я. – Гродна : ГрДУ, 2010. – 535 с.

166. Каранська М. У. Синтаксис сучасної української літературної мови / М. У. Каранська. – К. : Либідь, 1995. – 312 с.

167. Карасик В. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

168. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.

169. Карпіловська Є. А. Вступ до комп'ютерної лінгвістики / Є. А. Карпіловська. – Донецьк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2006. – 188 с.

170. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. – СПб. : Алетейя, 2005. – 720 с.

171. Киклевич А. Притяжение языка. Т. 2 : Функциональная лингвистика / А. Киклевич. – Olsztyn : Instytut Dzienikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2008. – 392 s.

172. Клименко С. В. Диалоговое извлечение знаний из корпуса текстов / С. В. Клименко, В. В. Рыков // Труды международного семинара Диалог – 1999 по компьютерной

лингвистике и ее приложениям. – Москва – Таруса, 1999. – С. 102 – 117 (Режим доступа: <http://rykov-cl.narod.ru/t.html/>).

173. Клименко С. В. Корпус текстов как принцип самоорганизации предметной области / С. В. Клименко, В. В. Рыков // Труды международного семинара Диалог – 2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям (Режим доступа : <http://rykov-cl.narod.ru/t.html/>).

174. Клименко С. В. Логическая индукция и дедукция как принципы отражения предметной области в корпусе текстов / С. В. Клименко, В. В. Рыков // Труды международного семинара Диалог – 2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – Москва – Таруса, 2001 (Режим доступа : <http://rykov-cl.narod.ru/t.html/>).

175. Клобуков Е. В. Проблемы изучения коммуникативной грамматики русского слова / Е. В. Клобуков // Язык, сознание, коммуникация : Сб. статей. – М. : «Филология», 1997. – Вып. 1. – С. 32 – 40.

176. Ковтунова И. И. Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX веке / И. И. Ковтунова // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста. – М. : Наука, 1990. – С. 23 – 46.

177. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина – М. : Логос, 1996. – 497 с.

178. Козицька О. А. Контаміновані складнопідрядні багатоконпонентні речення в сучасній українській мові : автореф. ... канд. філол. наук / О. А. Козицька. – К., 2003. – 20 с.

179. Козицька О. А. Обов'язковість / факультативність, передбачуваність / непередбачуваність синтаксичної позиції в контамінованих складнопідрядних багатоконпонентних

реченнях / О. А. Козицька // Українська мова. – 2004. – № 1. – С. 59 – 67.

180. Колесов В. В. Идеация и русская ментальность / В. В. Колесов // Знак – свідомість – знання : [зб. наук. пр. / голов. ред. В. І. Теркулов]. – Горлівка : Вид-во ГДПШМ, 2011. – Вип. 1. – С. 7 – 13.

181. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.

182. Коломієць Л. І. Частка / Лідія Іванівна Коломієць, Анатолій Васильович Майборода // Сучасна українська літературна мова. Морфологія / За ред. І. К. Білодіда. – К. : Наукова думка, 1969. – С. 501 – 513.

183. Кононенко В. І. Русский язык / В. І. Кононенко, М. А. Брицын, Д. І. Ганич. – К. : Вища шк., 1978. – 431 с.

184. Конторчук Г. Творчість Тараса Шевченка як об'єкт мовознавчих досліджень / Ганна Козачук // Волинь – Житомирщина : історико-філологічний збірник з регіональних проблем. – 2010. – № 21. – С. 244 – 249.

185. Конюхова Л. І. Явище парцеляції в мові сучасних засобів масової комунікації : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Л. І. Конюхова. – Львів, 1999. – 17 с.

186. Конюшкевич М. І. О потенциале предложной системы (на материале параметрических и сравнительных предлогов) / М. І. Конюшкевич // Польский язык среди других славянских языков. – Минск, 2004. – С. 117 – 127.

187. Коряков Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» / Ю. Б. Коряков. – М., 2002. – 129 с.

188. Краснобаєва-Чорна Ж. В. Сучасна концептологія : концепт життя в українській фраземіці / Ж. В. Краснобаєва-Чорна. – Донецьк : ДонНУ, 2009. – 201 с. – (Монографія).
189. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
190. Крищенко А. П. Паронімія в українській мові / А. П. Крищенко // Мовознавство. – 1968. – № 3. – С. 48 – 58.
191. Крысин Л. П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике / Л. П. Крысин // Русистика. – 1992. – № 2. – С. 96 – 106.
192. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / Под общей ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 246 с.
193. Кулик Б. М. Курс сучасної української літературної мови : Синтаксис / Б. М. Кулик. – Ч. 2. – К. : Рад. шк., 1965. – 312 с.
194. Кульчицька Т. Українська лексикографія : бібл. покажч. / Т. Кульчицька. – Львів : Львів. наук. бібл., 1999. – 359 с.
195. Курсанина Е. Е. О семантике моделей предложения / Е. Е. Курсанина, Ю. А. Левицкий // Языковое сознание и текст : сб. научн. труд. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 2004. – С. 232 – 244.
196. Кучеренко І. К. Вокатив як виразник функціонуючого члена речення і так зване звертання / І. К. Кучеренко // Кучеренко І. Актуальні проблеми граматики. – Львів : Світ, 2003. – С. 114 – 128.
197. Кучеренко І. К. Теоретичні питання граматики української мови : Морфологія / І. К. Кучеренко. – Ч. I. – К. : Держуніверситет, 1961. – 344 с.

198. Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи / Б. А. Ларина // Русская словесность. – М., 1997. – С. 152 – 176.
199. Левакіна Т. В. Семантична диференціація та функціонування прийменників соціативності в українській мові : автореф. дис. ...канд. філол. наук / Тетяна Василівна Левакіна. – Запоріжжя, 2011. – 17 с.
200. Левицкий В. В. Звуковой символизм. Основные итоги / В. В. Левицкий. – Черновцы, 1998. – 130 с.
201. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : Антология. – М. : Academia, 1997. – С. 280 – 287.
202. Літературознавчий словник-довідник / За ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва, В. І. Теремка. – К. : ВЦ «Академія», 2006. – 752 с.
203. Ломов А. М. Типология русского предложения / А. М. Ломов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. – 280 с.
204. Лучик А. А. Російсько-український та українсько-російський словник еквівалентів слова / А. А. Лучик. – К. : Довіра, 2003. – 493 с.
205. Лучик А. А. Словник еквівалентів слова української мови / А. А. Лучик. – Katowice : Wyd-wo Uniwersytetu Śląskiego, 2006. – 220 s.
206. Ляпин С. Х. Концептология : к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Вып. 1. – Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 1997. – С. 11 – 35.
207. Ляпин С. Х. Концептологическая формула факта / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Вып. 2. – Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 1997. – С. 5 – 71.

208. Ляшевская О. Н. Семантика русского числа / О. Н. Ляшевская. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 400 с.
209. Ляшкевич А. И. Именные сочетания со значением количества / А. И. Ляшкевич. – Мн. : Вышэйшая школа, 1985.
210. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
211. Масицька Т. Є. Граматична структура дієслівної валентності / Т. Є. Масицька. – Луцьк : Вид-во Волинського ун-ту, 1998. – 204 с.
212. Матвеева С. А. Сайт як жанр Інтернет-комунікації (на матеріалі персональних сайтів учених) : автореф. ... канд. філол. наук / С. А. Матвеева. – Донецьк, 2006. – 20 с.
213. Матурана У. Р. Древо познання. Пер. с англ. / У. Р. Матурана, Р. Х Варела. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
214. Медушевський А. П. Синтаксис / А. П. Медушевський // Сучасна українська літературна мова. – К. : Вища школа, 1975. – С. 284 – 390.
215. Мейзерська І. В. Прийменник в українській тлумачній лексикографії II половини ХХ століття : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Ірина Вікторівна Мейзерська. – К., 2011. – 19 с.
216. Мельничук О. С. Історія вживання давального безприйменникового відмінка в українській мові / О. С. Мельничук // Дослідження з синтаксису української мови. – К. : Вид-во АН УРСР, 1958. – С. 261 – 295.
217. Мельничук О. С. Розвиток структури слов'янського речення / О. С. Мельничук. – К. : Наук. думка, 1966. – 324 с.
218. Мельничук О. С. Словосполучення / О. С. Мельничук // Сучасна українська літературна мова. Синтаксис / За ред. І. К. Білодіда. – К. : Наук. думка, 1972. – С. 51 – 117.

219. Мещлер А. А. Прагматика коммуникативных единиц / Альберт Андреевич Мещлер. – Кишинев : Штиинца, 1990. – 104 с.
220. Мечковская Н. Б. Языковая ситуация в Беларуси : Этические коллизии двуязычия / Н. Б. Мечковский // *Russian Linguistics*. – Vol. 18. – 1994. – Pp. 309 – 321.
221. Микитина С. Е. О семантическом варьировании русских предлогов / С. Е. Микитина // *Семантическое и формальное варьирование*. – М. : Наука, 1979. – С. 134 – 152.
222. Милославский И. Г. Морфологические категории русского языка / И. Г. Милославский. – М. : Просвещение, 1982. – 205 с.
223. Мова і мовознавство в духовному житті суспільства : монографія. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2007. – 352 с.
224. Мовна ситуація в Україні : між конфліктом і консенсусом. – К. : ІПіЕНД імені І. Ф. Кураса НАН України, 2008. – 398 с.
225. Мороз А. А. Концепт блазень у російській, англійській і французькій культурно-мовних традиціях (на матеріалі романів Ф. М. Достоевського «Брати Карамазови», Д. Голсуорсі «Сага про Форсайтів» і О. Дюма «Графиня де Монсоро») : автореф. ... канд. філол. наук / А. А. Мороз. – Донецьк, 2010. – 20 с.
226. Мороз В. Я. Називний уявлення як функціональна і граматична категорія в сучасній українській літературній мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук / В. Я. Мороз. – Дніпропетровськ, 1997. – 23 с.
227. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка) / Ольга Ивановна Москальская. – М. : Высшая школа, 1974. – 156 с.

228. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса : от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.
229. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке / И. П. Мучник. – М. : Наука, 1971. – 297 с.
230. Мыльцева Л. А. Вводные предложения в современном русском языке : автореф. ... канд. филол. наук / Л. А. Мыльцева. – Л., 1966. – 25 с.
231. Невідомська Л. Імплицитність : мовносистемний аспект : монографія / Лілія Мелетіївна Невідомська. – Харків : Ранок-НТ, 2012. – 415 с.
232. Недев И. Синтаксис на съвременния българския книжовен език / Иван Недев. – София : Изд-во Болгарской АН, 1992. – 324 с.
233. Никитин В. М. Основы лингвистической теории значений / В. М. Никитин. – М. : Наука, 1988. – С. 144– 158.
234. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т. М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – Ч. 2. – М. : Наука, 1991.
235. Норман Б. Ю. Переходность, залог, возвратность / Б. Ю. Норман. – Минск, 1972. – 131 с.
236. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон. – Пг., 1915. – 267 с.
237. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка / Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский. – XXV. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1912. – 322 с.
238. Огієнко І. (Митрополит Іларіон). Історія української літературної мови / Іван Огієнко / Упоряд., авт. іст.-біогр. нарису та приміт. М. С. Тимошик. – К. : Наша культура і нація, 2001. –

440 с. (Видавничий проект Фондації імені митрополита імені Іларіона (Огієнка) «Запізніле вороття»).

239. Огієнко І. І. Наука про рідномовні обов'язки : рідномовний катахезис для вчителів, робітників пера, духовенства, адвокатів, учнів і широкого громадянства / І. І. Огієнко. – Факс. вид. – К. : АТ «Обереги», 1994. – 72 с.

240. Ожоган В. М. Займенникові слова у граматичній структурі сучасної української мови / В. М. Ожоган. – К. : Вид-во Інституту української мови, 1997. – 231 с.

241. Ожоган В. М. Займенникові слова у структурі сучасної української мови : автореф. ... канд. філол. наук. / В. М. Ожоган. – К., 1998. – 45 с.

242. Окушева Г. Т. Фонестемы в языке и речи : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Г. Т. Окушева. – М., 1989. – 20 с.

243. Олійник З. П. Вставні і вставлені компоненти у структурі висловлювання і тексту : автореф. ... канд. філол. наук / З. П. Олійник. – Донецьк, 2002. – 19 с.

244. Орлов Л. М. О социальной и стилистической дифференциации территориальных говоров / Л. М. Орлов // Ученые записки Волгоградского педагогического института. – Вып. 2. – Волгоград, 1969. – С. 120 – 135.

245. Орлов Л. М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах : дис. д-ра ... філол. наук. – Волгоград, 1969. – С. 101 – 115.

246. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. 17. – Теория речевых актов. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22 – 130.

247. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985.

248. Падучева Е. В. О структуре многосоставных сложных предложений в русском языке / Е. В. Падучева // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М., 1966. – С. 141 – 165.

249. Палашевская И. В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах : автореф. ... канд. филол. наук / И. В. Палашевская. – Волгоград, 2001. – 24 с.

250. Панков Ф. И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия : на материале категории адвербиальной темпоральности : монография / Федор Иванович Панков. – М. : МАКС Пресс, 2008. – 448 с.

251. Пархоменко О. М. Українська мова / О. М. Пархоменко. – Ч. I. – К. : Рад. шк., 1961. – 315 с.

252. Паскова Н. А. Концепт «женщина» в текстах среднеанглийского периода (опыт семантической реконструкции на основе приведений Дж. Чосера) : автореф. ... канд. филол. наук / Н. А. Паскова. – Иркутск, 2004. – 18 с.

253. Перебийніс В. І. Традиційна та комп'ютерна лексикографія / В. І. Перебийніс, В. М. Сорокін. – К. : ВЦ КНЛУ, 2009. – 218 с.

254. Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении / Н. В. Перцов. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 212 с.

255. Пете И. Семантические типы количественных отношений / И. Пете // Die Welt der Slaven. – Jg. XXVI. – Н. 2. – 1981. – S. 338 – 345.

256. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Изд. 7-е. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.

257. Пивоварова С. В. Лексикализация форм множественного числа имен существительных в современном русском языке : в аспекте анализа их концептных значений : дис. ... канд. филол. наук / С. В. Пивоварова. – Бийск, 2009. – 229 с.
258. Пинкер С. Язык как инстинкт. Пер. с англ.] / С. Пинкер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
259. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с. (Новый лингвистический учебник).
260. Плунгян В. А. Семантические типы предметных имен : грамматика, лексика и когнитивная интерпретация / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина / А. С. Нариньяни (ред.) // Диалог'95 : Труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1995. – С. 252 – 258.
261. Поливанов Е. Д. Избранные работы : Труды по восточному и общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. – М. : Наука, 1991. – 624 с.
262. Попов А. С. Изменения в употреблении номинативных предложений / А. С. Попов // Развитие синтаксиса современного русского языка. – М. : Просвещение, 1966. – С. 80 – 92.
263. Попова И. А. Неполные предложения в современном русском языке / И. А. Попова // Труды Института языкознания. – 1953. – Т. 2. – С. 31 – 39.
264. Попов К. Съвременен български език. Синтаксис / Константин Попов. – Второ изд. – София : Наука и изкуство, 1963. – 345 с.
265. Попок А. Національно-культурні потреби росіян в Україні та українців в Росії / А. Попок, Ю. Лагутов // Розбудова держави. – 1998. – № 9 / 10. – С. 6 – 11.

266. Потебня А. А. Значения множественного числа в русском языке / А. А. Потебня. – Воронеж, 1888. – 167 с.
267. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / Александр Афанасьевич Потебня. – Т. 1 – 2. – М. : Учпедгиз, 1958. – 536 с.
268. Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ предложения / Георгий Георгиевич Почепцов. – К. : Высшая школа, 1971. – 193 с.
269. Проекты законов о языках – экспертный анализ. – Изд. 2-ое, дополненное. – К., 2001. – 312 с.
270. Путіліна О. Л. Категорія відмінка у світлі традиційної, універсальної, генеративної та відмінкової граматики / О. Л. Путіліна // *Studia Germanica and Romanica* : Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання : [науковий журнал / голов. ред. В. Д. Каліущенко]. – Донецьк : ДонНУ, 2010. – Т. 7. – № 3 (21). – С. 121 – 132.
271. Путіліна О. Л. Універсальна і відмінкова граматики : корелятивно-ієрархічні відношення / О. Л. Путіліна // *Лінгвістичні студії* : Зб. наук. праць. – Донецьк : ДонНУ, 2012. – Вип. 24. – С. 15 – 19.
272. Рагаўцоў В. І. Сінтаксіс беларускай і рускай моў : дыскусійныя пытанні / В. І. Рагаўцоў. – Мн. : Універсітэцкае, 2001. – 200 с.
273. Радева П. Записки по синтаксис на съвременния български книжовен език : (словосъчетане и просто изречение) / Пенка Радева. – София : Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2009. – 136 с.
274. Рахилина Е. В. Семантика лексической множественности в русском языке / Е. В. Рахилина, Ли Су-Хён // *Вопросы языкознания*. – 2009. – № 4. – С. 13 – 40.

275. Ревзин И. И. Так называемое «немаркированное множественное число» в современном русском языке / И. И. Ревзин // Вопросы языкознания. – 1969. – № 3. – С. 102 – 109.

276. Ріжко Р. Л. Паронімічна атракція як домінанта українського поетичного дискурсу к. XX – поч. XXI століття / Р. Л. Ріжко // Лінгвістика. – 2011. – № 1. – С. 169 – 182.

277. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка / А. Г. Руднев. – Изд. 2-е. – М. : Просвещение, 1968. – 378 с.

278. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка / А. Г. Руднев. – М. : Высшая школа, 1963. – 364 с.

279. Русанівський В. М. Структура лексичної і граматичної семантики / В. М. Русанівський. – К. : Наукова думка, 1981. – 152 с.

280. Русанівський В. М. Структура українського дієслова / В. М. Русанівський. – К. : Наукова думка, 1971. – 313 с.

281. Русанівський В. М. У слові – вічність (Мова творів Шевченка) / Віталій Макарович Русанівський. – К. : Наукова думка, 2002. – 240 с.

282. Русская грамматика : В 2-х т. – Т. II. – М. : Наука, 1980. – 710 с.

283. Русская грамматика. – Т. 2. – Praha : Academia, 1979. – XIV с., С. 667 – 1093.

284. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. – Т. I : Слова указующие (местоимения). Слова именующие : имена существительные (Всё живое, Земля, Космос). – М. : Азбуковник, 1998. – XXV, 807 с.

285. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – 423 с.

286. Рыков В. В. Корпусная лингвистика (научно-аналитический обзор) / В. В. Рыков // РЖ: Социальные и гуманитарные науки : Зарубежная литература. – М. : ИНИОН, 1996. – N.4. – С. 43 – 51.
287. Рыков В. В. Прагматически ориентированный корпус текстов / В. В. Рыков // Тверской лингвистический меридиан. – 1999 (Режим доступа : <http://rykov-cl.narod.ru/t.html/>).
288. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / Владимир Зиновьевич Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 624 с.
289. Селиверстова О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
290. Сенів М. Г. Прийменник у класичних мовах / М. Г. Сенів. – Донецьк : Юго-Восток, 2005. – 272 с.
291. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Эдвард Сепир / Пер. с англ. А. Е. Кибрика. – М. : Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1993. – 656 с.
292. Сербенська О. Актуальне інтерв'ю з мовознавцем : 140 запитань і відповідей / О. Сербенська, М. Волощак. – К. : Вид. центр «Просвіта», 2001. – 204 с.
293. Серебренников Б. А. Общее языкознание : Формы существования, функции, история языка /Б. А. Серебренников / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. – М. : Наука, 1970. – 597 с.
294. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к языковым явлениям : монография / Борис Александрович Серебренников. – М. : Наука, 1983. – 319 с.
295. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. 17. – Теория речевых актов. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст.

И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170 – 194.

296. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. 17. – Теория речевых актов. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – С. 151 – 169.

297. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста / М. Ю. Сидорова. – М. : Ин-т русского языка, 2000. – 416 с.

298. Симић Р. Мала српска граматика / Радоје Симић, Јелена Јовановић. – Екавско изд. – Београд : Издавачи ЈАСЕН, 2007. – 295 с.

299. Симулик М. В. Полипредикативное сложное предложение и его составные части / М. В. Симулик // Структура сложных полипредикативных предложений. – Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1974. – 80 с.

300. Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка / О. Б. Сиротинина. – М. : Высшая школа, 1980. – 142 с.

301. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. – М. : Высшая школа, 1974. – 256 с.

302. Сімович В. Граматика української мови для самонавчання та в допомогу шкільній науці / В. Сімович. – 2-е вид. З одніями й додатками. – К.; Ляйпціг : Українська накладня, 1921.– 584 с.

303. Скаб М. В. Закономірності концептуалізації та мовної категоризації сакральної сфери / М. В. Скаб. – Чернівці : Рута, 2008. – 360 с. – (Монографія).

304. Скаб М. С. Граматика апеляції в українській мові / М. С. Скаб. – Чернівці : Рута, 2002. – 272 с.

305. Скобликова Е. С. Современный русский язык : Синтаксис простого предложения / Е. С. Скобликова. – М. : Просвещение, 1979. – 326 с.
306. Скрипник Л. Фразеологія української мови / Лариса Григорівна Скрипник. – К. : Наукова думка, 1973. – 280 с.
307. Слинько І. І. Синтаксис сучасної української мови. Проблемні питання / І. І. Слинько, Н. В. Гуйванюк, М. Ф. Кобилянська. – К. : Вища школа, 1994.– 670 с.
308. Словник української мови : В 11-ти томах. – Т.1. – К. : Наукова думка, 1971. – 799 с.
309. Словник української мови (СУМ) [Текст] / Ред. П. Й. Горещкий, А. А. Бурячок та ін. – К. : Наукова думка, 1970. – Т. 1. – 799 с.
310. Словарь української мови / Упор. з додатком власного матеріалу Б. Грінченко. – Т. 1. – К. : Наукова думка, 1996. – 496 с.
311. Словник українських прийменників та їхніх еквівалентів. – Донецьк, 2007. – 364 с. (у друці)
312. Смеречинський С. Нариси з української синтакси (у зв'язку з фразеологією та стилістикою) / С. Смеречинський. – Харків : ДВОУ «Радянська школа», 1932.– 283 с.
313. Сниховская И. Э. Механизмы, средства и приемы языковой игры в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Сниховская Ирина Эдуардовна; Житомирский гос. ун-т им. Ивана Франко. – Житомир, 2004. – 218 с.
314. Современный русский язык [Текст] / Под ред. В. А. Белошапковой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 800 с.

315. Современный русский язык / Под ред. Д. Э. Розенталя. – 3-е изд. – М. : Высшая школа, 1979. – 349 с.
316. Современный русский литературный язык / Под ред. Н. М. Шанского. – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Л. : Высшая школа, 1988. – 298 с.
317. Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. – Изд. 3-е, исправленное и дополненное. – М. : Высшая школа, 1996. – 497 с.
318. Современный русский язык : В 3-х ч. – Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. Стилистика / Под ред. П. П. Шубы. – 2-е изд. – Мн. : Вышэйшая школа, 1998. – 312 с.
319. Современный русский язык. Морфология. Синтаксис / Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1964. – 597 с.
320. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка / О. М. Соколов. – М. : Изд-во Российск. ун-та дружбы народов, 1997. – С. 9
321. Соломоник А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. – М. : Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
322. Солоницкий А. В. Проблемы семантики русских первообразных предлогов / А. В. Солоницкий. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2003. – 125 с.
323. Ставицька Л. Естетика слова в українській поезії 10-30 рр. XX ст. / Л. Ставицька. – К., 2000. – 156 с.
324. Станојчић Ж. Граматика српског језика. Једанаесто, прерађено изд. / Живојин Станојчић, Љубомир Поповић. – Београд : Завод за уџбенике, 2008. – 412 с.
325. Степанова Е. Д. Прагматические особенности коммуникативного акта «кредитный договор» в экономическом дискурсе (на материале английского и русского языков) [Текст] :

автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Д. Степанова. – Иркутск, 2006. – 24 с.

326. Степанов В. Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации / В. Н. Степанов. – СПб. : Роза мира, 2003. – 263 с.

327. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века : сб. статей. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 35 – 73.

328. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

329. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Юрий Сергеевич Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.

330. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

331. Степанов Ю. С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике / Ю. С. Степанов // Концептуальный анализ языка : современные направления исследования : сб. науч. тр. – М. – Калуга : Эйдос, 2007. – С. 19 – 26.

332. Степанов Ю. С. Характеры народов в зеркале их собственных языков (Юбилейные заметки к 70-летию факультета иностранных языков Харьковского национального университета) / Ю. С. Степанов // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – № 471. – 2000. – С. 250 – 254.

333. Степин В. С. Философия антропологии и философия науки / Вячеслав Семенович Степин. – М. : Высшая школа, 1992. – 191 с.

334. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 2001. – 252 с.

335. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 58 – 65.

336. Стернин И. А. Русский речевой этикет / И. А. Стернин. – Воронеж : Воронеж. обл. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1996. – 128 с.

337. Стеценко А. Н. Предложения с предикативными единицами в функции членов предложения / А. Н. Стеценко // Русский язык в школе. – 1970. – № 1. – С. 23 – 28.

338. Стрельская А. М. О становлении полипредикативных сложных предложений мотивировочного характера в русском литературном языке XVIII века / А. М. Стрельская // Структура сложных полипредикативных предложений. – Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1974. – С. 91 – 95.

339. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. 17. – Теория речевых актов. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – С. 131 – 150.

340. Сучасна українська літературна мова : Морфологія. – К. : Наукова думка, 1969. – 583 с.

341. Сучасна українська літературна мова. Синтаксис / За ред. І. К. Білодіда. – К. : Наук. думка, 1972. – 515 с.

342. Сучасна українська мова. Синтаксис / За ред. О. Д. Пономарева. – К. : Либідь, 1997. – 402 с.

343. Тараненко О. О. Колоквіалізація, субстандартизація та вульгаризація як характерні явища стилістики сучасної

української мови / О. О. Тараненко // Мовознавство. – 2002. – № 4 –5. – С. 33 – 39.

344. Телия В. Н. Типы языковых значений : Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 265 с.

345. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 654 с.

346. Теория метафоры : Сборник. – М. : Прогресс, 1990. – 427 с.

347. Тестелец Я. Г. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива / Яков Георгиевич Тестелец, Светлана Юрьевна Толдова // Вопросы языкознания. – 1988. – № 4. – С. 35 – 57.

348. Тимченко Є. Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV – XVIII століть / Євген Тимченко / Підг. В. В. Німчук, Г. І. Лиса. – Київ-Нью-Йорк : НАН України; УВАН у США, 2002. – 512 с.

349. Тихонов М. Ю. Лексико-фразеологическая микросистема 'много' в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Тихонов. – Самарканд, 1971. – 256 с.

350. Тихоша В. І. Сучасна українська мова. Синтаксис / В. І. Тихоша, В. П. Олексенко, Н. В. Гайдученко, Г. О. Нагіна. – Х. : Українське видавництво, 2009. – 287 с.

351. Тищенко К. М. Основи мовознавства : системний підручник / Костянтин Миколайович Тищенко. – К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2007. – 308 с.

352. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис русского и сербского / хорватского языков / Б. Тошович. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 560 с.

353. Урысон Е. В. Составной союз или сочетание слов : даже если под семантическим микроскопом /

Елена Владимировна Урысон // Вопросы языкознания. – 2010. – № 3. – С. 30 – 59.

354. Уханов Г. П. О синтаксическом статусе полипредикативных сложных предложений / Г. П. Уханов // Научн. докл. высш. шк. : Филологические науки. – 1984. – № 3. – С. 38 – 43.

355. Федонюк В. Є. Парцеляція в сучасній чеській мові : автореф. ... канд. філол. наук / В. Є. Федонюк. – К., 2001. – 22 с.

356. Хомский Н. Синтаксические структуры / Ноам Хомский // Новое в лингвистике. – Вып. 2. – М. : Иностранная литература, 1962. – С. 425 – 502.

357. Хорнби А. С. Конструкции и обороты современного английского языка / А. С. Хорнби. – М. : АО «Буклет», 1992. – 336 с.

358. Цой А. А. О так называемых усеченных, или недоговоренных, предложениях / А. А. Цой // Русский язык в школе. – 1971. – № 6. – С. 70 – 79.

359. Чабаненко В. А. Асоціація як універсальний чинник мовного розвитку / В. А. Чабаненко // Мовознавство. – 2005. – № 3. – С. 132 – 137.

360. Частотный словарь русского языка / Ред. Л. К. Засорина. – М. : Русский язык, 1977. – Режим доступа : <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php>. – Название с экрана.

361. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Л. Учпедгиз, 1941. – 620 с.

362. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание) / Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1966. – 287 с.

363. Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке / Н. Ю. Шведова // Русский язык. Грамматические исследования. – М. : Наука, 1967. – С. 5 – 74.

364. Шведова Н. Ю. Русский язык : Избранные работы / Н. Ю. Шведова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.
365. Шведова Н. Ю. Частицы / Наталья Юльевна Шведова // Русская грамматика. – Т. I. – М. : Наука, 1980. – С. 721 – 731.
366. Швейцер А. Д. Современная социолінгвістика : Теория, проблемы, методы / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1976. – 175 с.
367. Шерех Ю. Нарис сучасної української літературної мови. – Мюнхен : Наукове Товариство ім. Шевченка, 1951. – 402 с.
368. Штерн І. Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики / І. Б. Штерн. – К. : «АртЕк», 1998. – 336 с.
369. Шульжук К. Ф. Еквіваленти речення чи речення? / К. Ф. Шульжук // Філологічні студії : Зб. наук. праць / За заг. ред. проф. Л. А. Лисиченко. – Харків : Вид-во Харківського національного педагогічного університету імені Григорія Сковороди, 2009. – С. 173 – 182.
370. Шульжук К. Ф. Мовленнева реалізація моделей складних багатокомпонентних речень / К. Ф. Шульжук // Мовознавство. – 1991. – № 3. – С. 49 – 52.
371. Шульжук К. Ф. Синтаксис складного речення : Навчальний посібник. – Рівне : Рівненський гуманітарний університет, 2000. – 126 с.
372. Шульжук К. Ф. Синтаксис української мови / К. Ф. Шульжук. – К. : ВЦ «Академія», 2004. – 408 с. – (Підручник).
373. Шульжук К. Ф. Синтаксис української мови : Підручник / К. Ф. Шульжук. – Київ : «Академія», 2004. – 410 с.

374. Шульжук К. Ф. Складне речення в українській мові : Посібник для вчителя / К. Ф. Шульжук. – К. : Рад. школа, 1989. – 135 с.

375. Шульжук К. Ф. Складні багатокomпонентні речення в українській мові / К. Ф. Шульжук. – К. : Вища шк., 1986. – 183 с.

376. Шульжук К. Ф. Складні багатокomпонентні речення і текст / К. Ф. Шульжук // Актуальні проблеми граматики : Зб. наук. пр. – Кіровоград : Вид-во Кіровоград. ун-ту, 1997. – Вип. 1. – С. 192 – 196.

377. Шульжук К. Ф. Сложные многокомпонентные предложения в украинском языке : автореф. ... докт. филол. наук / К. Ф. Шульжук. – К., 1989. – 34 с.

378. Шчэрбін В. К. Тэарэтычныя праблемы беларускай лексікаграфіі : манаграфія / Вячаслаў Канстанцінавіч Шчэрбін. – Мн. : Беларускі кнігазбор, 1996 – 142 с.

379. Щукіна І. Прийменники причинової семантики : структура і функції / І. Щукіна // Українські прийменники : Синхронія і діяxронія : пробний зошит / За ред. проф. А. П. Загнітка. – Донецьк : ДонНУ, 2003. – С. 130 – 161.

380. Эйнштейн А. Собрание научных трудов / А. Эйнштейн. – Т. 2. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1966. – 542 с.

381. Юрченко В. С. Простое предложение в современном русском языке : двусоставное именное, односоставное глагольное, односоставное именное / Василий Семенович Юрченко. – Изд. 2-ое, стереотип – М. : КомКнига, 2005. – 208 с.

382. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм : «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 193 – 230.

383. Яўневіч М. С. Сінтаксіс сучаснай беларускай мовы / М. С. Яўневіч, П. У. Сцяцко. – 3-е выд. – Мн. : Навука і тэхніка, 1987. – 439 с.
384. Aarts J. Theory and Practice in Corpus Linguistics (2013) [Electronic resource] / Jan Aarts, Willem Meijjs, ed. (Режим доступу : <http://acl.ldc.upenn.edu/J/J91/J91-1005.pdf> / al ldc.uppen.edu/1/191//).
385. Christ O. The IMS Corpus Workbench Corpus Query Processor (CQP) [Electronic resource – 2011] / Oliver Christ, Bruno M. Schulze, Anja Hofmann, Esther König (Mode of access : <http://www.coli.uni-saarland.de/~schulte/Teaching/ESSLLI-06/Tools/Distributions/christ-et-al-1999.pdf> – Title from the screen).
386. Conclin J. Hypertext : an Introduction and Survey / J. Conclin // Computer – 1987. – September. – № 1. – P. 14 – 21.
387. Die deutsche Sprache : Kleine Enzyklopedie : In zwei Bänden. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1970. – 1174 s.
388. Dixon R. M. W. The Rise and Fall of Languages / R. M. W. Dixon. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – 296 pp.
389. Dukanovič M. Osnovi gramatike slovenačkog jezika : Leksikom / Maja Dukanovič, Želiko Markovič. – Ljubljana : Ljubljana university, 2005. – 151 s.
390. Dvonč L. Niekoľko poznámok o zloženom súvetie / L. Dvonč // Jazykovedné štúdie. – IV. – Bratislava, 1959. – S. 35 – 44.
391. Encyklopedia języka polskiego / [Pod red. Stanisława Urbańczyka i Mariana Kucaly]. – Wyd. 3-e, popr. iuzup. – Wrocław; Warszawa; Kraków : Wyd-wo Zakład Narodowym. Ossolińskich, 1999. – 508 s.

392. Encyklopedia językoznawstwa ogólnego. – Wyd. drugie, poprawione i uzupełnione. – Wrocław; Warszawa; Kraków, 1999. – 752 s.

393. Evert S. The CQP Query Language Tutorial [Electronic resource] / Stefan Everts. – Stuttgart : IMS, 2003. – 30 S. (Mode of access : <https://www.inf.ed.ac.uk/teaching/courses/inf1/da/2012-2013/tutorials/cqp-tutorial.pdf> / – Title from the screen).

394. Gauch S. et al. A Corpus Analysis Approach for Automatic Query Expansion and its Extension to Multiple Databases / Susan Gauch // ACM Transactions on Information Systems. – 1999. – Vol. 17. – N. 3. – P. 250 – 269.

395. Gawelko M. Semantyczne aspekty pluralizacji w języku francuskim i polskim / M. Gawelko // Języki obce w szkole. – 1985. – № 29. – S. 195 – 200.

396. Giry-Schneider J. Les noms construits avec faire : compléments ou prédicats? / J. Giry-Schneider // Langue française. – 1986. – № 69. – Pp. 49 – 63.

397. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia / Red. Zuzanna Topolińska. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 1984. – 678 s.

398. Grochowski M. Koncepcja słownika partykuł polskich / M. Grochowski // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich (7) : Opis, konfrontacja, przekład / Red. M. Sarnowskiego, W. Wysoczańskiego. – Wrocław : Uniwersytet Wrocławski, 2009. – S. 65 – 72.

399. Grochowski M. Wpływzmiany pozycji linearnej partykuły na strukturę semantyczną wypowiedzenia / M. Grochowski // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich (5) : Opis, konfrontacja, przekład / Red. M. Sarnowskiego, W. Wysoczańskiego. – Wrocław : Uniwersytet Wrocławski, 2005. – S. 89 – 94.

400. Gross M. Les bases empiriques de la notion de prédicat sémantique, Formes syntaxiques et prédicats sémantiques / M. Gross // *Langages*. – 1981. – № 63. – Pp. 7 – 52.
401. Gross M. Méthodes en syntaxe / M. Gross. – Paris : Herman, 1975. – 414 pp.
402. Grzegorzczkova R. Wstęp do językoznawstwa / Renata Grzegorzczkova. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. – 256 s.
403. Harris Z. S. Discourse Analysis [Text] / Z. S. Harris // *Language*. – 1952. – № 28. – Pp. 1 – 30.
404. Hedeland H. EXMARaLDA CORPUS-MANAGER (CoMa) Eine Einföhrung inFunktionen und Anwendung Version 0.2 [Electronic resource – 2012] / Hanna Hedeland, Thomas Schmidt und Kai Wörner (Mode of access: <http://www1.uni-hamburg.de/exmaralda/Daten/2D-Download/Corpus-Manager/Version% – Title from the screen>).
405. IMS Corpus Workbench [Electronic resource – 2012] / IMS Corpus Workbench (Mode of access: <http://www.ims.uni-stuttgart.de/projekte/CorpusWorkbench/index.html>). – Title from the screen.
406. Keenan E. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar / Edward Keenan, Bernard Comrie // *Linguistic Inquiry*. – 1977. – Vol. 8. – Pp. 63 – 69.
407. Kilgariff A. Comparing Corpora / A. Kilgariff // *International Journal of Corpus Linguistics*. – Philadelphia : John Benjamins, 1999. – Vol. 4(2) (Режим доступа: www.itri.bton.ac.uk/~Adam.Kilgariff/ijcl.ps.pz).
408. Kuno S. Some properties of non-referential noun phrases / Susumu Kuno // *Studies in General and Oriental Linguistics*. – Tokio, 1970. – Pp. 348 – 373.

409. Mluvnice češtiny (2), Tvarosloví / Věd. red. J. Petr. – Praha : Academia, 1986. – 536 s.
410. Mluvnice češtiny : [3] : skladba / Pod. red. Jan Petr. – Praha : Československá akademie věd, 1987. – 746 s.
411. Mluvnice češtiny : Tvarosloví [2] / Věd. red. J. Petr. – Praha : Academia, 1986. – 536 s.
412. Nagyrko A. Zarys gramatyki polskiej / Alicja Nagyrko. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PAN, 1996. – 235 s.
413. Pisarkowa K. Predykatywność określeń w polskim zdaniu / Krystyna Pisarkowa. – Wrocław : Wyd-wo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1965. – 205 s.
414. Polański K. Partykula Encyklopedia językoznawstwa ogólnego / Polański Kazimierz. – Wyd. drugie, poprawione i uzupełnione. – Wrocław – Warszawa – Kraków : Wyd-wo Zakład Narodowy Ossolińskich, 1999. – S. 423 – 424.
415. Roberts P. Modern grammar] / Paul Roberts. – New York, 1947. – 439 pp.
416. Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity / Michael Silverstein // Grammatical Categories in Australian Languages / Robert M. W. Dixon (ed.): Australian Institute of Aboriginal Studies. – Chicago, 1976. – Pp. 112 – 171.
417. Sokirko A. User Manual for DWDS / Dialing Concordance [Electronic resource – 2005] / Alexey Sokirko (Mode of access : <http://www.ddc-concordance.org/documentation/DDCReadme.pdf>). – Title from the screen.
418. Sokirko A. A technical overview of DWDS / Dialing Concordance (2003) [Electronic resource – 2003] / Artem Sokirko (Mode of access : <http://www.aot.ru/docs/OverviewOfConcordance.htm>). – Title from the screen

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Художественные и публицистические тексты

Авраменко О. Заборонені чари: [роман] / Олег Євгенович Авраменко. – Київ: Дніпро, 2003. – 302 с.

Авраменко О. Первісна. У вирі пророцтв : [роман] / Олег Євгенович Авраменко. – Київ: Дніпро, 2014. – 452 с.

Авраменко О. Реальна загроза : [роман] / Олег Авраменко. – Київ: Зелений Пес, 2006. – 456 с.

Авраменко О. Сутінки Великих : [роман] / Олег Авраменко, Валентин Авраменко. – Київ: Зелений Пес, Джерела, 2003. – 288 с.

Авраменко О., Авраменко В. Зорі в твоїх долонях : [дилогія; космоопера] / Олег Авраменко, Валентин Авраменко. – Київ: Зелений пес, 2007. – 656 с.

Андрієвський С.М. Курс загальної астрономії : навч. посібник / Сергій Михайлович Андрієвський, Іван Антонович Климишин. – Одеса: Астропринт, 2007. – 480 с.

Андріяшик Р. Люди зі страху : [повість] / Роман Васильович Андріяшик. – Київ: Дніпро, 1983. – 534 с.

Андрусяк І. Нечиста сила / Іван Андрусяк // Кур'єр Кривбасу. – 2008. – Ч. 224/225. – С. 4–12.

Андрусяк І. Вургун: твори / Іван Андрусяк. – Київ: Діокор, 2005. – 305 с.

Андрусяк М. Студені милі. Сповідь матері з покутського села : [повість] / Микола Романович Андрусяк. – Івано-Франківськ: Облвидав «Галичина», 1991. – 52 с.

Андрухович С. Старі люди / Софія Андрухович. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2003. – 144 с.

Андрухович С. Жінки їхніх чоловіків / Софія Андрухович. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2005. – 296 с.

Андрухович Ю. Рекреації: роман / Юрій Андрухович. – Київ: Український письменник, 1992. – 287 с.

Андрухович Ю. Таємниця : роман / Юрій Андрухович. – Харків: Фоліо, 2007. – 256 с.

Андрухович Ю. Коханці Юстиції / Юрій Андрухович. – Чернівці: Meridian Czernowitz, 2017. – 304 с.

Антоненко-Давидович Б. Вибране : повісті, оповідання, новели / Борис Антоненко-Давидович. – Київ: Дніпр, 1996. – 587 с.

Антоненко-Давидович Б. Твори: В 2-х т. / Борис Антоненко-Давидович. – Київ: Наукова думка, 1999. – Т. 1. – 744 с.; Т. 2. – 656 с.

Антоненко-Давидович Б. Вибрані твори / Борис Антоненко-Давидович. – Київ: Грамота, 2006. – 336 с.

Антонич Б.-І. Велика гармонія : поезія (Модерністична поезія ХХ ст.) / Упоряд., передм., прим. Д.В. Павличка / Богдан-Ігор Антонич. – Київ: Веселка, 2003. – 689 с.

Афтанділянц Є.Г. Основи матеріалознавства : [навч. посібн.] / Є.Г. Афтанділянц. – Херсон: Олді-плюс, Київ: Видавництво Ліра-К., 2013. – 397 с.

Бабій С. Незборимість : Вибране / С. Бабій. – Острого: Острозька академія, 2004. – 199 с.

Бабула В. Сигнали з Всесвіту: науково-фантастичний роман / Володимир Бабула. – Київ: Державне видавництво художньої літератури, 1969. – 98 с.

Багірова В. Анелі : казка / Віра Михайлівна Багірова. – Івано-Франківськ: Нова зоря, 2006. – 76 с.

Багірова В. Зайчикова книжка : оповідання / Віра Михайлівна Багірова. – Івано-Франківськ: Нова зоря, 2010. – 98 с.

Багмут І. Блакитне плесо : [оповідання] / Іван Олександрович Багмут. – Київ: Веселка, 1973. – 213 с.

Багряний І. Людина біжить над прірвою : [роман; авт. передм. Л.Б. Череватенко] / Іван Багряний. – Київ: Знання, 2016. – 347 с.

Багряний І. Сад гетсиманський : [роман] / Іван Багряний. – Київ: Діпрпро, 1992. – 876 с.

Батурин С. OST : [повість] / Сергій Батурин. – Львів: Кальварія, 2005. – 152 с.

Бедзик 1989: Бедзик Ю. Великий день інків : [пригод. повість; 2-ге вид., допов.] / Юрій Бедзик. – Київ: Веселка, 1989. – 238 с.

Бердник О. Розбиваю громи : [повість] / Олесь Бердник. – Київ: Веселка, 1967. – 244 с.

Бердник О. Вогнесміх : [роман-феєрія] / Олесь Бердник. – Київ: Веселка, 1988. – 160 с.

Бердник О. Коментар Дажбога : [роман] / Олесь Бердник. – Київ: Український письменник, 1996. – 117 с.

Бережний В.П. Лабіринт Мінотавра : [наук.-фантаст. повісті та оповідання] / Василь Павлович Бережний. – Київ: Радянський письменник, 1986. – 263 с.

Бичко В. То не маки цвітуть : [поезії] / Валентин Бичко. – Київ: Дитвидав, 1962. – 192 с.

Біблія: Релігійна література. Переклад Івана Огієнка // Режим доступу: <http://bible-book.org/ua/> (20.03.2018).

Білий Д. Басаврюк ХХ : [роман] / Дмитро Білий. – Київ: Смолоскип, 2001. – 188 с.

Білий Д. Заложна душа : [роман] / Дмитро Білий. – Донецьк: Альфа-прес, 2004. – 406 с.

Білик І. Меч Арея : [історичний роман] / Іван Білик. – Київ: Діпрпро, 1990. – 446 с.

Білик І. Похорон богів : [історичний роман] / Іван Білик. – Київ:Видавничий дім А.С.К., 2005. –480 с.

Білкун М. Багато, багато, багато золота... : [повість] / Микола Білкун. – Київ: Молодь, 1975. – 184 с.

Близнаць В. Земля світлячків : казка / Віктор Близнаць. – Київ: Веселка, 2003. – 341 с.

Бузько Д.І. Чайка : роман; авт. передм. Бойко Л.С. / Дмитро Іванович Бузько. – Київ: Дніпро, 1991. – 296 с.

Бургер Дж. Світ птахів : [енциклопед. вид.] / Дж. Бургер. – Київ: Махаон–Україна, 2010. – 304 с.

Васильченко С. Мужичька арихметика : [оповідання] / Степан Васильченко. – Київ: Веселка, 1991. – 211 с.

Васильченко С. Талант: [Вибрані твори] / Степан Васильченко. – Київ: Знання, 2014. – 298 с.

Винниченко В. Вибрані твори: [повісті та оповідання] / Володимир Винниченко. Київ: Сакцент плюс, 1980. – 256 с.

Винниченко В. Сонячна машина : [повість] / Володимир Винниченко. – Київ: Негоціант, 2000. – 629 с.

Винниченко В. Вибрані твори : [оповідання] / Володимир Винниченко. – Київ: Грамота, 2005. – с.

Винниченко В. Сонячна машина : [роман] / Володимир Винниченко. – Київ: Сакцент Плюс, 2005. – 562 с.

Винничук Ю. Діви ночі : [повість] / Юрій Винничук. – Львів: Каменярь, 1998. – 251 с.

Високий замок : [щоденна суспільно-політична україномовна газета], м. Львів (2000–2018).

Вінграновський М. На срібнім коні : [поезії] / Микола Вінграновський. – Київ: Молодь, 1978. – 92 с.

Вінграновський М. Вибрані твори : [повісті, оповідання] / Микола Вінграновський. – Київ: Дніпро, 1986. – 463 с.

Вінграновський М. Вибрані твори: У 3-х томах / Микола Вінграновський. – Тернопіль: Богдан, 2004.

Вишня О. Твори: В 4-х томах. – Т. 1: Усмішки. Фейлетони. Гуморески (1919 –1925) / Остап Вишня. – Київ: Дніпро, 1988. – 347 с.

Владко В. Сивий капітан : [повість] / Володимир Владко. – Київ: Дніпро, 1959. – 330 с.

Владко В. Двійники Стъопи Лознікова / Володимир Владко // Знання та праця. – 1963. – № 9. – С. 20–24.

Вовчок М. Вибрані твори [повіді, оповідання] / Марко Вовчок. – Київ: Дніпро, 2013. – 352 с.

Вознесенський А.А. Стих ХХІ : [поезія] / Андрей Андреевич Вознесенский. – Москва: Время, 2006. – 248

Возняк М. Тексти та переклади : [монографія] / Тарас Возняк. – Харків: Фоліо, 1998. – 667 с.

Гашек Я. Пригоди бравого солдата Швейка : [роман] / Ярослав Гашек / перекл. С. Масляк. – Київ: Дніпро, 1993. – 669 с.

Глібов Л. Вибране : [байки, поезії] / Леонід Глібов. – Київ: Радянська школа, 1951. – 287 с.

Глібов Л. Цяцькований осел : [вибрані твори] / Леонід Глібов. – Київ: Видавничий центр «Просвіта», 2005. – 288 с.

Гнатюк І. Повнява : [поезії] / Іван Гнатюк. – Київ: Радянський письменник, 1968. – 223 с.

Говда О. Бо прийдуть до тебе / Олег Говда // Кур'єр Кривбасу. – 2001. – Ч. 3. – С. 15–35.

Голос України : [українська газета, офіційний друкований орган Верховної Ради України], м. Київ (1991–2018) (Режим доступу : http://www.golos.com.ua/edition_archive).

Гончар О. Циклон : [роман] / Олесь Гончар. – Київ: Радянський письменник, 1970. – 286 с.

Гончар О. Бригантина : [повість] / Олесь Гончар. – Київ: Веселка, 1977. – 318 с.

Гончар О. Твоя зоря : [роман] / Олесь Гончар. – Київ: Дніпро, 1982. – 218 с.

Гончар О. Тронка : [роман] / Олесь Гончар. – Київ: Дніпро, 1992. – 501 с.

Гончар О. Твоя зоря : [роман] / Олесь Гончар. – Київ: Веселка, 1993. – 257 с.

Гончар О. Спогад про океан : [новели] / Олесь Гончар. – Київ: Веселка, 1995. – 463 с.

Гончар О. Вибрані твори: [У 4-х томах] / Олесь Гончар. – Київ: Сакцент Плюс, 2005.

Гриб К. Хоча лист і не дійшов : [повість] / Кузьма Кіндратович Гриб. – Київ: Веселка, 1990. – 542 с.

Гримайло Я. Кавалер ордена Слави : [роман-дилогія] / Ярослав Гримайло. – Харків:Прапор, 1981. – 378 с.

Грінченко Б. Вибрані твори : [вірші, оповідання, повісті] / Борис Грінченко. – Київ: Вид-во Київського університету ім. Б. Грінченка, 2013. Кн. 1. – 552 с.

Гуменна Д. Мина : [повість] / Докія Кузьмівна Гуменна. – Нью-Йорк: Українсько-американське видавництво, 1952. – 97 с.

Гуцало Є. Дениско : [оповідання] / Євген Гуцало. – Київ: Веселка, 1973. – 142 с.

Гуцало Є. Вибрані твори : [У 2-х т.] / Євген Гуцало. – Т. 2 : [повісті]. – Київ: Радянський письменник, 1987. – 401 с.

Гуцало Є. Запах кропу : оповідання / Євген Гуцало. – Київ: Дніпро, 1996. – 356 с.

Гуцало Є. Княжа гора : повість / Євген Гуцало. – Київ: Дніпро, 1998. – 318 с.

Гуцало Є. Голодомор : повість / Євген Гуцало. – Київ: Український письменник, 2002. – 92 с.

Гуцало Є. Скажений чорнобильський собака: [вибрані твори] / Євген Гуцало. – Київ: Знання, 2014. – 221 с.

Дараган Ю. Срібні сурми : [поезії] / Юрій Дараган. – Кіровоград: Спадщина, 2003. – 96 с.

Дахно І. Ділова кар'єра : [навч. посіб.] / Іван Іванович Дахно. – Київ: Центр учбової літератури, 2011. – 528 с.

Дашвар Люко. Мати все : [роман; передмова О. Герасим'юк] / Люко Дашвар. – Харків: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2011. – 497 с.

Дашвар Люко. Рай. Центр : [роман] / Люко Дашвар. – Київ: Книжковий клуб «Сімейне дозвілля», 2009. – 272 с.

Дашкієв М. Кришталеві дороги : [фантастична повість] / Микола Олександрович Дашкієв. – Київ: Веселка, 1976. – 369 с.

День : [щоденна всеукраїнська газета суспільно-політичної тематики, що виходить чотири рази на тиждень], м. Київ (2001–2018).

Дереш Л. Трохи п'їтьми або На краю світу : [роман] / Любо Дереш. – Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2007 – 288 с.

Дитяча Біблія: У 365 оповіданнях : оповідання / Укл. М. Бетчелор; іл. Дж. Хейсом. – К.: Світло на Сході, 2002. – 285 с..

Дімаров А. Містечкові історії : [роман] / Анатолій Андрійович Дімаров. – Київ: Дніпро, 1987. – 557 с.

Добровольський С. Залізний кінь : [повість] / Спиридон Петрович Добровольський. – Харків: Держлітвидав, 1929. – 326 с.

Довженко О. Зачарована Десна : [повість] / Олександр Довженко. – Київ: Дніпро, 1998. – 487 с.

Довженко О. Зачарована Десна : [щоденник, кіноповісті, оповідання] / Олександр Довженко. – Харків: Фоліо, 2011. – 587 с.

Донченко О. Лісничиха : [повість] / Олесь Донченко. – Київ: Дніпро, 1992. – 356 с.

Дрозд В. Катастрофа : [роман] / Володимир Дрозд. – Київ: Студія «Негоціант», 2000. – 132 с.

Дрозд В. Усе про секс / Володимир Дрозд. Вибране : [романи, повісті]. – Київ: Український письменник, 2007. – 446 с.

Дяченко М. Скрут : [роман] / Марина Дяченко, Сергій Дяченко. – Київ: Зелений пес, 2009. – 327 с.

Етимологічний 1982–2010: Етимологічний словник української мови: В 7-ми т. / [Текст]. – Київ: Наукова думка, 1982–2010. – Т. 1. – 632 с.; Т. 2. – 571 с.

Жупанин С. Смерековий край : [поезії] / Степан Жупанин. – Ужгород: Карпати, 1985. – 68 с.

Загребельний П. Диво : [роман] / Павло Загребельний. – Київ: Дніпро, 2012. – 874 с.

Загребельний П. Роксолана : [роман] / Павло Загребельний. – Київ: Дніпро, 1988. – 603 с.

Заїка Ю.О. Спадкове право: історія і розвиток : [монографія]; 2-е вид. / Юрій Олександрович Заїка. – Київ: КТН, 2007. – 356 с.

Зарудний М. На білому світі : [роман] / Микола Зарудний. – Київ: Радянський письменник, 1967. – 96 с.

Зеров М. Твори: [У 2-х т.] / Микола Зеров – Київ: Дніпро, 1990. – Т. 1. – 511 с.; Т. 2. – 614 с.

Іваненко О. Марія : [повість] / Оксана Іваненко. – Київ: Дніпро, 1988. – 481 с.

Іваничук Р. Вода з каменю. Саксаул в пісках : [роман] / Роман Іваничук. – Київ: Дніпро, 1982. – 576 с.

Ізарський О. Столиця над Ізаром (Мюнхен) : [роман] / Олекса Ізарський. – Київ: Дніпро, 2002. – 312 с.

Історія української літератури. Кінець XIX – початок XX ст. : [підручник] : У 2-х кн. – Кн. 2. – Київ: Либідь, 2006. – 589 с.

Карпа І. Фройд би плакав : [роман] / Ірен Карпа. – Львів: Фоліо, 2004. – 292 с.

Карпенко-Карий І. Хазяїн: [п'єса] / Іван Карпенко-Карий. – Київ: Студія «Негоціант», 2000. – 187 с.

Кашенко А. Зруйноване гніздо : [роман] / Адріан Кашенко. – Київ: Дніпро, 1991. – 328 с.

Кашенко А. Оповідання про славне Військо Запорозьке низове : [роман] / Адріан Кашенко. – Дніпропетровськ: Січ, 1991. – 494 с.

Квітка-Основ'яненко Г. Зібрання творів : В 7-ти т. / Григорій Квітка-Основ'яненко. – Київ: Наукова думка, 1978 – 1981.

Кобилянська О. Повісті. Оповідання. Новели / Ольга Кобилянська. – Київ: Наукова думка, 1988. – 669 с.

Кокотюха А. Нейтральна територія : [роман] / Андрій Кокотюха. – Львів: Кальварія, 2002. – 160 с.

Кониський О. Вибрані твори : [оповідання] / Олександр Кониський. – Київ: Час, 1927. – 223 с.

Кононенко Є. Книгарня «Шок» : [новели, есеї] / Євгенія Кононенко. – Львів: Кальварія, 2009. – 128 с.

Конституційне право України : [підручник] / за ред. В.П. Колісника. – Харків: Право, 2008. – 401 с.

Коритко Р. Передмова / Роман Коритко // Лепкий Б. Вибрані твори : [оповідання, поезії] / Богдан Лепкий. – Київ: Наукова думка, 1997. – С. 3–15.

Косинка Г. Вибрані твори [оповідання, повість] / Григорій Косинка. – Київ: Ранок, 2009. – 305 с.

Костенко Л. Вибране : [роман, поезії] / Ліна Костенко. – Київ: Дніпро, 1989. – 301 с.

Коцюбинський М. Вибрані твори / Михайло Коцюбинський. – Київ: Країна Мрій, 2015. – 512 с.

Кочерга І. Твори: В 3-х т. – Т. II: [драма] / Іван Кочерга. – Київ: Держлітвидав, 1956. – 556 с.

Країна : [тижневий журнал загального зацікавлення], м. Київ (2009–2018).

Куліш П. Дві мови, книжня і народня / П. КУліш // Україна. – 1914. – Кн. 3. – С. 22–34.

Кучер В. Орли води п'ють : [роман] / Василь Кучер. – Київ: Радянський письменник, 1966. – с.

Левін Б. Видно шляхи полтавські : [роман] / Борис Левін. – Київ: Студія «Негоціант», 2000. – 528 с.

Лепкий Б. Крутіж : [роман] / Богдан Лепкий. – Київ: Веселка, 1992. – 397 с.

Лепкий Б. Мотря : [роман] / Богдан Лепкий. – Київ: Дніпро, 1992. – 417 с.

Лепкий Б. Вибрані твори : [поезії, оповідання] / Богдан Лепкий. – Київ: Наукова думка, 1997. – 871 с.

Лепкий Б. Мотря : [роман] / Богдан Лепкий. – Київ: Дніпро, 2001. – 387 с.

Листи 2014: Листи Юрія Шевельова до Олексі Ізарського / автор і упорядник Микола Степаненко. – Полтава: ПП Шевченко Р.В., 2014. – 388 с.

Лисяк О. Відламки «Шибки у вікні» : збір статей, оповідань, нарисів і репортажів / Олег Лисяк. – Торонто: Вісті комбатанта, 1996. – 228 с.

Лікарські рослини : [енциклопедичний довідник]. – Київ: Видавництво «Українська Енциклопедія» ім. М.П. Бажана, 1992. – 587 с. (Режим доступу : <http://www.ex.ua/1300919>).

Літературна Україна : [щотижневик, газета письменників України], м. Київ (1992–2018).

Маланюк Є. Вибрані твори : [поезії] / Євген Маланюк. – Харків: Ранок, 2009. – 524 с.

Малик В. Таємничий посол : [роман] / Володимир Кирилович Малик. – Київ: Студія «Негоціант», 2000. – 489 с.

Малик В. Черлені Щити : [повість] / Володимир Кирилович Малик. – Київ: Студія «Негоціант», 2001. – 250 с.

Малиновська М.Ю. Гримучі озери Полісся : [роман] / Маргарита Юріївна Малиновська. – Київ: Дніпро, 1991. – 474 с.

Марко Вовчок. Вибрані твори / Марко Вовчок. – Київ: Дніпро, 1974. – 527 с.

Матіос М. Чотири пори життя : [повісті] / Марія Матіос. – Київ: піраміда, 2009. – 325 с.

Матіос М. Москалиця; Мама Мариця – дружина Христофора Колумба : [повісті] / Марія Матіос. – Львів: ЛА «Піраміда», 2008. – 202 с.

Минко В. Вибрані твори : [повісті, оповідання, нариси, п'єси] / Василь Минко. – Київ: Держлітвидав УРСР, 1962. – 234 с.

Мирний Панас. Вибрані твори: У 2-х томах / Панас Мирний. – Київ: Державне видавництво художньої літератури, 1949.

Мирний Панас. Вибрані твори : [повісті, оповідання] / Панас Мирний. – Київ: Веселка, 1984. – 301 с.

Мойсієнко А. З чернігівських садів : [нові сонети і верлібри] / Анатолій Мойсієнко. – Уман: Софія, 2008. – 130 с.

Молодь України : [щоденна українська інформаційно-політична газета], м. Київ (1996–2018)).

Мороз М. Літопис життя та творчості Лесі Українки / Мирослав Мороз. – Київ: Наукова думка, 1992. – 342 с.

Мушкетик Ю.М. Твори : В 5-ти т. – Т 4: [романи, повісті]. – Київ: Дніпро, 1989. – 597 с.

Наливайко Д. Літературна компаративістика: вчора і сьогодні / Дмитро Наливайко // Сучасна літературна компаративістика: стратегії і методи : [зб. наук. праць]. – Київ: Національний університет «Києво-Могилянська академія», 2009. – С. 3–26.

Нехода І. Хлоп'ята з нашої вулиці : [поєми та казки]. – Київ: Дитвидав, 1962. – 201 с.

Нечуй-Левицький І. Київські прохачі : [оповідання] / Іван Семенович Нечуй-Левицький. – Київ: Наукова думка, 1966. – 401 с.

Нечуй-Левицький І. Однаковими стежками : повість / Іван Нечуй-Левицький. – Київ: Наукова думка, 1967. – 387 с.

Нечуй-Левицький І. Вибрані твори: У 2-х томах / Іван Нечуй-Левицький. – Київ: Наукова думка, 1985 – 1986. – Т. 1. – 636 с.; Т. 2. – 640 с.

Номис М. Українські приказки, прислів'я і таке інше / Михайло Номис. – Київ: Дніпро, 1993. – с.

Олійник М.Я. Дочка Прометєя : роман. – 2-ге вид., доп. / Микола Якович Олійник. – Київ: Веселка, 1990. – 422 с.

Освіта : [щотижнева газета], м. Київ (2010–2018).

Осьмачка Т. Старший боярин : [повість] / Тодосіє Осьмачка. – Київ: Наукова думка, 2002. – 424 с.

Павленко М. Як дожити до ста : [оповідання] / Марія Павленко. – Умань: АЛМІ, 2012. – 175 с.

Панч П. Син Таращанського полку : [роман] / Петро Панч. – Київ: Веселка, 1980. – 136 с.

Пахомова Т. Таємниця галицького Версалю : [роман] / Тетяна Пахомова. – Київ: КСД, 2017. – 362 с.

Пашковський Є. Осінь для ангела : роман / Євген Пашковський. – Київ: Асоціація «Нова література», 2006. – 348 с.

Пилипенко П. та ін. Право соціального забезпечення : [навч. посіб.] – Київ: Видавничий Дім Ін Юре, 2006. – 496 с.

Підмогильний В. Невеличка драма: [роман, повісті] / Валер'ян Петрович Підмогильний. – Дніпропетровськ: Промін, 1990. – 326 с.

Підмогильний В. Місто : [роман]. – Харків: Веста, 2003. – 396 с.

Пільгук І. Грозвий ранок : [повість] / Ван Пільгук. – Київ: Дніпро, 1976. – 560 с.

Піщак В.П. Медична біологія : [підручник] / за ред. В.П. Піщака, Ю.І. Бажори. Вінниця: Нова книга, 2004. – 457 с.

Post-Поступ : [суспільно-політичний часопис], м. Львів (1991–1995, 2005–2018).

Пшеничний М. Душа : поезії / Микола Іванович Пшеничний. – Рівне: Овід, 2006. – 148 с.

Ранок: [громадсько-політичний і літературно-мистецький місячник]м. Київ (1980–1989).

Рильський М. Вибрані твори : [лірика та поеми] / Максим Рильський. – Київ: Дніпро, 1977. – 348 с.

Роздобудько І. Все, що я хотіла... : повість / Ірен Роздобудько. – Харків: Фоліо, 2008. – 287 с.

Сабатіні Р. Одиссея капітана Блада : [повість] /перекл. П. Мовчан / Рафаель Сабатіні. – Київ: Майдан, 1992. – 488 с.

Самчук У. (2006): OST. Втеча від себе : [роман] / Улас Самчук. Київ: Джура, 2006. – 676 с.

Світогляд (2010–2015): *науково-популярний журнал*. Київ: Національна академія наук України; Головна астрономічна обсерваторія (Режим доступу : <http://old.mao.kiev.ua/svitoglyad.html>):

Семенко М. Вибрані твори : поезії / Упоряд. і передм. А. Біла / Михайль Семенко. – Київ: Смолоскип, 2010. – 208 с.

Симоненко В. Вибрані твори : [поезії, оповідання] / Василь Симоненко. – Київ: Смолоскип, 2012. – 397 с.

Сільські вісті: [всеукраїнська інформаційна газета, що висвітлює різні аспекти життя українського села], м. Київ (1992–2018)).

Слісаренко О. Чорний ангел. Вірші. Новели. Повісті. Роман / Олекса Слісаренко. – Київ: Дніпро, 1990. – 555 с.

Скляренко С. Володимир : [роман] / Семен Склядренко. – Київ: Студія «Негоціант», 2000. – 397 с.

Сняданко Н. Чебрець в молоді : [роман] / Наталя Володимирівна Сняданко. – Харків: Фоліо, 2008. – 163 с.

Старицький М. Останні орли : [історична повість із часів гайдамачини; перекл. Є. Михайлюк, М. Шумило] / Михайло Старицький. – Львів: Каменяр, 1990. – 440 с.

Стельмах М. Щедрий вечір : [повість] / Михайло Стельмах. – Київ: Дніпро, 1987. – 112 с.

Стус В. Палімпсести // В. Стус. Твори: У 4-х т. (з додатковими 5 і 6 томами), 9 кн. / Василь Стус. – Львів: ВС «Просвіта», 1994–1999.

Стус В. Дорогами болю : [поезії] / Василь Стус. – Київ: Радянський письменник, 1990. – 398 с.

Талан С. Оновлений нерв : [роман] / Світлана Талан. – Київ: Книжковий Клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2015. – 544 с.

Тарновський М. Мости над океаном : [поезії]. – Київ: Радянський письменник, 1967. – 256 с.

Тулуб З. Людолови : [історичний роман] / Зінаїда Тулуб. – Київ: Радянський письменник, 1957. – с.

Українка Л. Твори: В 5-ти т. Київ: Держлітвидав, 1951 – 1955 / Леся Українка. – Т. III : Драматичні твори, прозові твори. – 1952. – 498 с.; Т. IV : Історичні драми. – 1953. – 501 с.

Українське слово : [газета], Київ (2010–2018).

Україна молода : [щоденна українська інформаційно-політична газета]. – Київ (2004–2018).

Український тиждень : [щотижневий ілюстрований суспільно-політичний українськомовний часопис]. – Київ (2012 – 2018).

Українські прислів'я і приказки / В. Бобкова, Ф. Лавров, М. Ліждвой, Г. Сухобрус, Ф. Ткаченко. / відп. ред. М. Рильський. – Київ: Вид-во Академії наук Української РСР, 1955. – 458 с.

Українські прислів'я і приказки / Упоряд. С.В. Мишанич, М.М. Пазяк. – Київ: Дніпро, 1984. – 389 с.

Урядовий кур'єр : [щоденне видання центральних органів виконавчої влади України], м. Київ (1990–2018) (Режим доступу : <http://ukurier.gov.ua/uk/>).

Усач Г. Прохідний бал : [повість] / Григорій Давидович Усач. – Київ: Веселка, 1990. – 271 с.

Франко І. Вибрані твори : [поезії, оповідання, повісті] / Іван Франко. – Київ: Грамота, 2014. – 736 с.

Франко І. Додаткові твори до зібрання творів у 50-ти т. – Т. 54 : [збірник статей: літературознавчі, фольклористичні, етнографічні та публіцистичні праці (1896 – 1916)] / Іван Франко. – Київ: Наукова думка, 2010. – 1216 с.

Хвильовий М. Твори: У 2-х т. / Микола Хвильовий. – Київ: Дніпр, 1990. – Т. 1. – 514 с.; Т. 2. – 481 с.

Циба М. Солдатки : [роман] / Михайло Циба. – Київ: Дніпро, 1989. – 397 с.

Чемерис В.Л. Ярлик на князівство : [веселі оповідання і повісті] / В.Л. Чемерис. – Київ: Український письменник, 2009. – 389 с.

Чемерис В.Л. Фортеця на Брисфені : [історичний роман]. – Харків: Фоліо, 2011. – 443 с.

Чернявський Микита. Вибрані твори : [художні твори] / Микита Чернявський. – Київ: Дніпро, 1990. – 589 с.

Шевченко О. Бранці мороку : [роман] / Олександр Шевченко, Наталя Шевченко. – Харків: Фоліо, 2007. – 252 с.

Шевченко Т. Кобзар : [поезії, поеми] / Тарас Шевченко. – Харків: Фоліо, 2006. – 698 с.

Шевчук В. Три листки за вікном : [роман] / Валерій Шевчук. – Київ: Радінський письменни, 1985. – 201 с.

Шевчук В. Вибрані твори: Дім на горі : [роман-балада; оповідання] / Валерій Шевчук. – Київ: Дніпро, 1989. – 526 с.

Яновський Ю. Твори: В 5-ти т. / Ю. Яновський. – Київ: Дніпро, 1958–1959. – Т. 2. – 489 с.

Яновський Ю. Вершники : [роман] / Юрій Яновський. – Київ: Дніпро, 1987. – 201 с.

Berger 1977: Berger K.-H. Getünchte Gräber / K.-H. Berger. – Berlin: N/ Leben, 1977. – 168 S.

Kafka 2018: Kafka F. Amerika [Електр. ресурс] / Franc Kafka. – В.: Suhrkamp, 1997. –

Режим доступу до ресурсу: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/amerika-168/>.

Kellermann 1969: Kellermann B. Der Tunnel / B. Kellermann. – В.: Volk & Welt, 1969. – 401 S.

Konsalik 1986: Konsalik H.G. Begegnung in Tiflis. Roman / H.G. Konsalik. – Bergisch Gladbach: Gustav Lübbe, 1986. – 335 S.

Lenz 1977: Lenz S. Ein Haus aus lauter Liebe / S. Lenz. – Berlin, Weimar: Aufbau, 1977. – 306 S.

Meisterwerke 2000: Meisterwerke deutscher Dichter und Denker [Електроний ресурс] // Digitale Bibliothek. – В.: Directmedia Publishing GmbH, 2000 (www.digitale-bibliothek.de).

Süskind 1997: Süskind P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders / P. Süskind. – Zürich: Diogenes, 1997. – 320 S.

Лексикографические источники

Великий 2001: Великий тлумачний словник сучасної української мови. / Уклад. і голов. ред. В. І. Бусел. Київ; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.

Етимологічний 1982–2018: Етимологічний словник української мови [Текст]. – К.: Наукова думка, 1982–2018.

Новий 2008: Новий словник іншомовних слів: близько 40 000 слів і словосполучень / за ред. Л.І. Шевченко. – Київ: АРІЙ, 2008. – 672 с.

Словарь 1958: Словарь української мови / Упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко: В 4-х томах. – Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1958.

Словник 2003: Словник поетичної мови Василя Стуса. Рідковживані слова та індивідуально-авторські новотвори / [уклад. Л. В. Оліфіренко]. – Київ, 2003. – 90 с.

Словник 1970–1980: Словник української мови : В 11-ти т. – Київ: Наукова думка, 1970–1980.

Словник 2010–2018: Словник української мови : У 20-ти т. – Київ: Наукова думка, Український мовно-інформаційний фонд НАН України, 2010–2018.

Словник фразеологізмів 2003: Словник фразеологізмів української мови / Уклад.: Білоноженко В.М. та ін. Київ: Наукова думка, 2003. – 1104 с.

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.de

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.de

SIA OmniScriptum Publishing
Brivibas gatve 1 97
LV-103 9 Riga, Latvia
Telefax: +371 68620455

info@omniscrptum.com
www.omniscrptum.com

OMNI Scriptum

